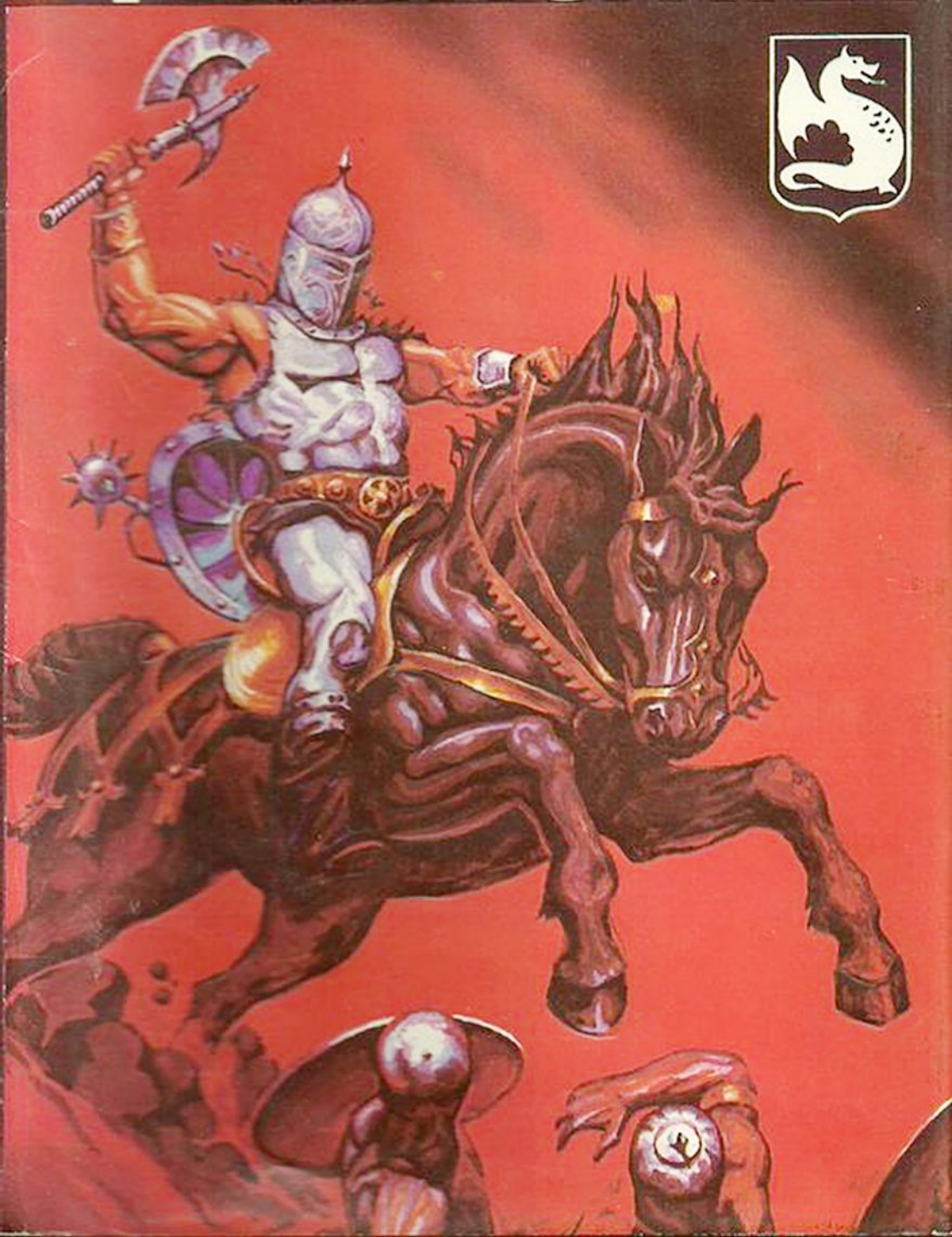
Англо-американская

ФАНТАСТИКА

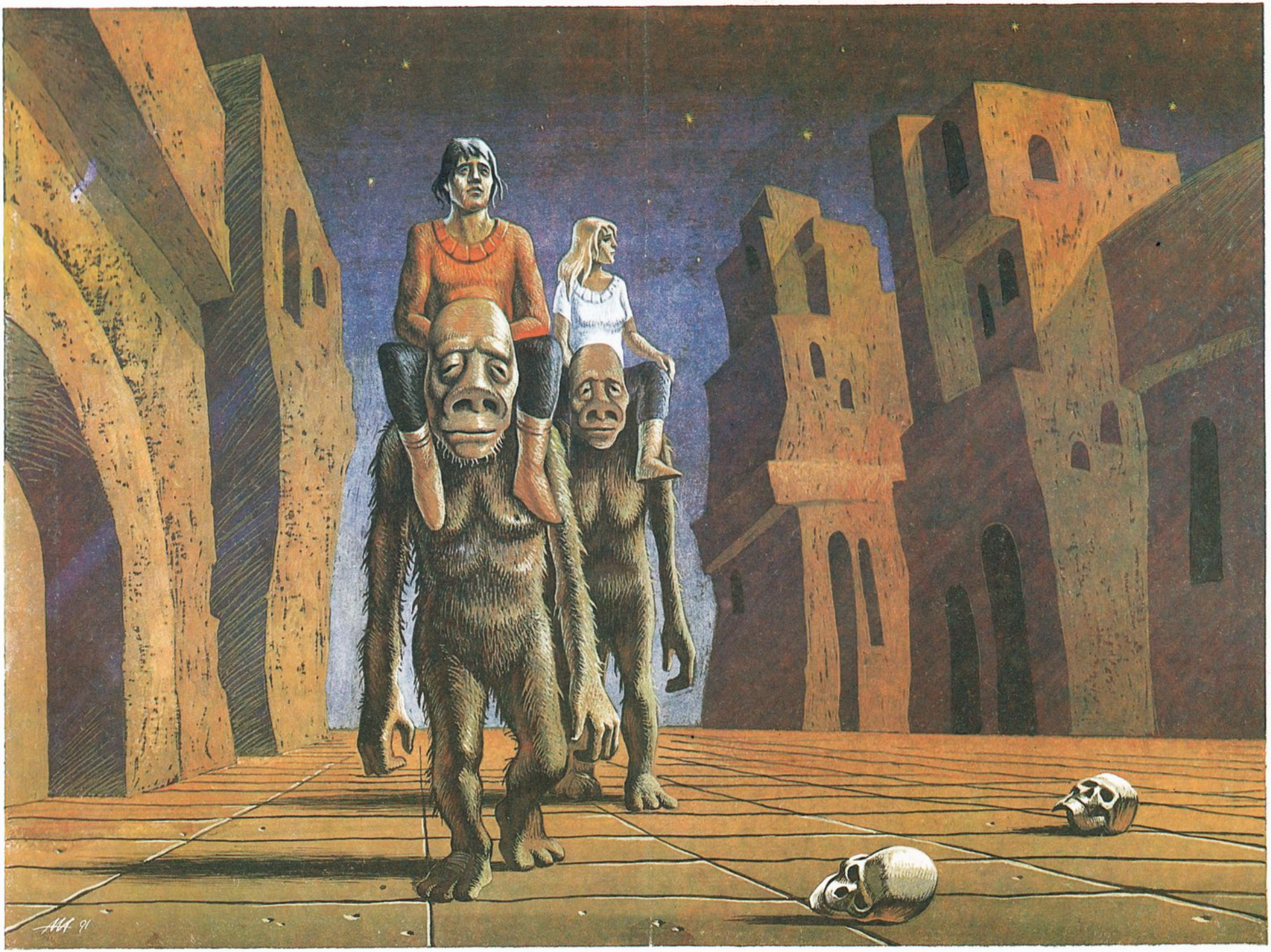

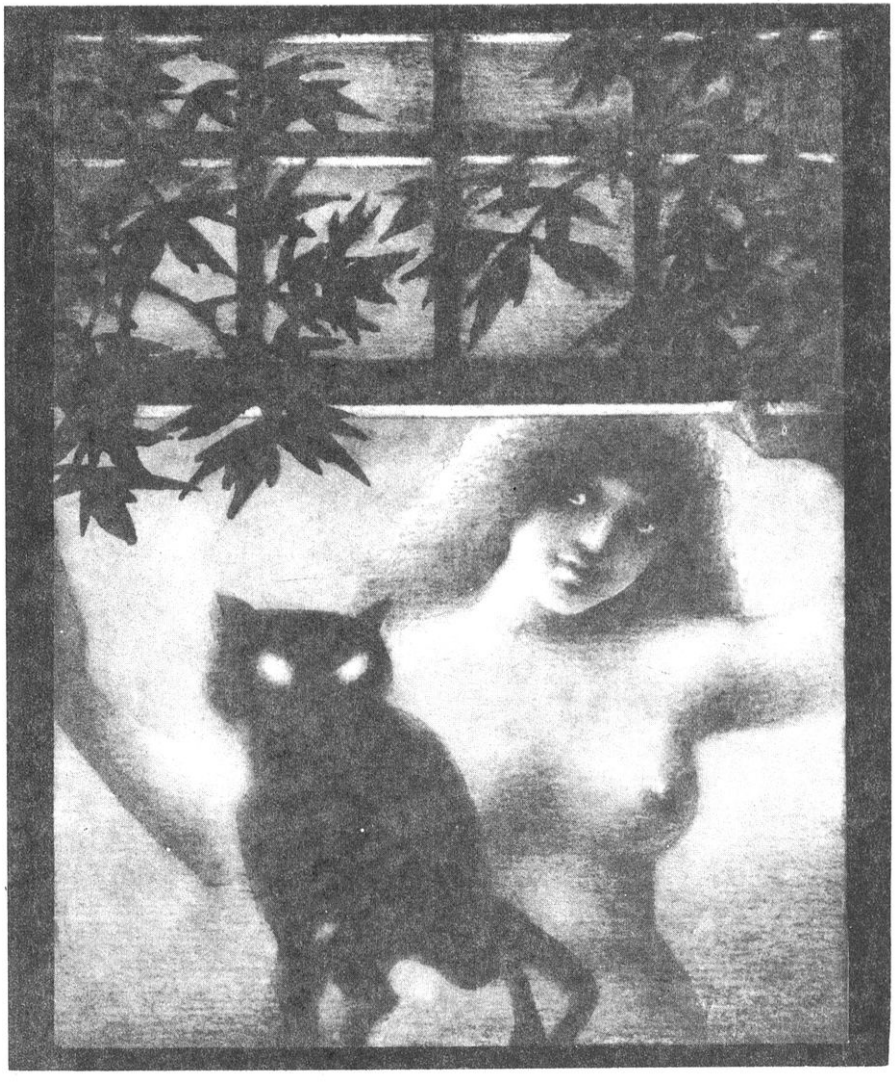
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКАЯ

ФАНТАСТИКА

2

ТОМ 2

МОСКВА
«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»
1991

ББК 84.7 США

Составители *Юрий Никитин, Александр Томберг*
Общая редакция *Любови Антиповой*
Художник *Наталья Ярош*

Англо-американская фантастика. Том II. Пер. с англ. М.; Змей Горыныч, 1991.— 447 с.
ISBN 5-85912-006-0

Во второй том сборника «Англо-американская фантастика» вошли произведения известных писателей-фантастов Роберта Хайнлайна «Хозяева марионеток», Лестера Дель Рея «День гигантов», Майкла Муркока «Приносящий бурю», а также рассказы Говарда Фаста.
Для широкого круга любителей фантастики.

ISBN 5-85912-006-0

Без объявл. ББК 84.7 США

© «Змей Горыныч».
© Коллектив авторов.

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ХОЗЯЕВА МАРИОНЕТОК

© Перевод с англ. *Татьяны Митрофановой*

Редактор *Анатолий Яковлев*

I

Были ли они действительно разумными? Хотя бы с их собственной точки зрения? Не знаю; и не представляю, как мы сможем когда-либо узнать это.

Если же они н е б ы л и действительно разумными, то я надеюсь, что никогда не доживу до того времени, когда мы свяжемся с кем-либо, похожим на них, но кто б у д е т разумным. Я знаю, кто проиграет. Я. Вы. Так называемая человеческая раса.

Для меня все началось рано утром двенадцатого июля, когда телефон затрещал с такой силой, что, казалось, его звон способен расколоть череп. Телефоны, которые используются в нашем Отделе, не стандартны; слуховое реле аудиофона вживлено хирургическим путем под кожу за левым ухом, а принцип действия основан на использовании костной проводимости. Я ощупал себя, а потом вспомнил, что переговорное устройство осталось в пиджаке на другом конце комнаты.

— Алло,— прорычал я.— Я слышу вас. Выключите этот проклятый звук.

— Срочный вызов,— раздался голос в моем ухе.— Вы должны явиться лично.

Я сказал ему, что делать с этой срочностью.

— Вы должны явиться к Старику,— продолжал упорствовать голос.— Немедленно.

Это было другое дело.

— Иду,— сказал я и поднялся с постели резким движением, причинившим боль глазным яблокам. Я пошел в ванную, впрыснул в руку «Гиро» и делал вибромассаж тела до тех пор, пока наркотик не привел меня в порядок. Я вышел из ванной новым человеком, или, по крайней мере, хорошей подделкой под него, и надел пиджак.

Я вошел в Отдел через туалет на станции Мак-Артур. Вы не сможете найти наш Отдел в телефонных справочниках. Фактически его не существует. Все это иллюзия. Есть и другой маршрут — через маленький магазинчик с вывеской «Редкие марки и монеты». Не пытайтесь идти этим маршрутом — вам постараются всучить какую-нибудь дешевку.

© Robert A. Heinlein, The Puppet Masters, 1940.

Не пытайтесь идти никаким маршрутом. Я же сказал вам, что нас не существует, не так ли? ООН никогда не слыхала про нас; ЦРУ, я думаю, тоже. Все, что я сам действительно знаю о нас,— это тренировки и задания, на которые меня посылает Старик. Интересные задания, если вам безразлично, где вы спите, что едите или сколько вам осталось жить. Если я что-то значил в своем деле, то только потому, что был молчалив и брал трудоемкую работу.

Только одна беда может произойти в моей жизни — это то, что я не буду больше работать у Старика. Для меня это очень важно.

Он поднялся, когда я вошел, и захромал ко мне со злобной усмешкой на лице. Большой лысый череп и здоровенный римский нос делали его похожим на нечто среднее между Сатаной и Петрушкой.

— Добро пожаловать, Сэм,— сказал он.— Сожалею, что поднял тебя с постели.

Черта с два он сожалел!

— У меня выходной,— ответил я резко.

— Ах-ах, но ничего, ты еще отдохнешь. Мы как раз собираемся в отпуск.

Я не верил в его «отпуск», поэтому не клюнул на приманку.

— Итак, сейчас меня зовут Сэм,— сказал я.— А как моя фамилия?

— Кэваноу. А я — твой дядюшка Чарли. Чарльз М. Кэваноу, пенсионер. Познакомься со своей сестрой Мэри.

И здесь я заметил в комнате еще одного человека. Я взглянул на свою «сестру», потом посмотрел еще раз. Она заслуживала этого.

Длинное, худое тело. Приятное млекопитающее. Хорошие ноги. Слишком широкие для женщины плечи. Рыжие, почти огненные волнистые волосы. Ее лицо было скорей приятным, чем красивым. Она оглядела меня так, как если бы я был куском говядины.

Моя реакция была соответствующей. Старик заметил это и сказал вежливо:

— Ну что ты, что ты, Сэм. Твоя сестра любит тебя до безумия, и ты обожаешь ее...

— О, хорошо. Привет, сестренка! Рад с тобой познакомиться.

Она сунула мне руку. Рука твердая и казалась такой же сильной, как моя. Голос — глубокое контральто, в котором было все, что нужно. Чертов Старик!

— Я мог бы добавить,— продолжал Старик,— что ты настолько предан своей сестре, что будешь рад умереть, защищая ее. Мне неприятно говорить тебе это, Сэм, но твоя сестра представляет для нашей организации бóльшую ценность, чем ты, в настоящее время, по крайней мере.

— Что ж, спасибо за вежливую аттестацию,— ответил я.

— Теперь, Сэм...

— Она — моя любимая сестра. Я защищаю ее от собак и незнакомых мужчин. О'кей, куда мы направляемся?

— Тебе лучше заглянуть к косметикам: у них есть для тебя новое лицо.

— Можете сделать целиком новую голову. До свидания. Пока, сестренка.

Они этого, конечно, не сделали, но исправили мой персональный телефон под кожей на затылке и закрепили там волосы. Косметики покрасили мне волосы в тот же самый цвет, что и у моей новоприобретенной сестры, отбелили кожу и что-то сделали со скулами и подбородком. В зеркале я увидел себя таким же рыжим, как сестренка. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какой же у них был натуральный цвет. Потом мне стало интересно, останется ли сестренка такой же, какой она была сейчас, на протяжении всей роли. По крайней мере, я надеялся на это.

Я надел снаряжение, которое мне дали, кто-то вручил уже упакованный саквояж. Старик, очевидно, был у косметиков тоже: сейчас его череп покрывали кудрявые локоны розовато-серого оттенка. Они сделали что-то с его лицом — я не могу даже сказать, что именно,— но теперь все мы трое были чистейшими кровными родственниками из этого странного племени рыжих.

— Пошли, Сэм,— сказал он.— Я проинструктирую тебя в машине.

Мы двинулись путем, который был мне неизвестен и который заканчивался на Северной пусковой платформе высоко над Нью-Бруклином. Отсюда можно было обозревать Манхэттэнский Кратер.

Я вел машину, пока Старик говорил. Как только мы вышли из-под местного контроля, он велел мне включить автоматическое управление курсом на Де Мойн, штат Айова. Сделав это, я присоединился к Мэри и «дядюшке Чарли» в салоне машины. Старик выдал нам наши персональные истории на нынешний момент.

— Таким образом, мы,— сказал он в заключение,— веселая семейная компания — туристы, и если нам случится бежать при необычных обстоятельствах, то мы должны себя вести, как шумные и безответственные туристы.

— Но в чем суть дела? — спросил я.— Или мы играем по слуху?

— Ммм... возможно.

— О'кей. Но когда умираешь, приятно знать почему. А, Мэри?

«Мэри» не ответила. У нее было редкое для малюток качество не отвечать, когда нечего сказать. Старик взглянул на меня, затем сказал:

— Сэм, ты слышал о «летающих тарелках»?

— О чем?

— Ты ведь учил историю.

— Вы имеете в виду э т о ? «Летающие тарелки» — бред. Я думал, вы имеете в виду что-то современное и реальное. А это были массовые галлюцинации.

— Действительно?

— Ну, я не изучал много статистических данных патологической психологии, но я, кажется, помню одно уравнение: когда время психопатично, человек зажат духовно со всех сторон!

— Вот как! А сегодняшний день ты считаешь нормальным?

— О, я не взял бы на себя ответственность утверждать это.— Я порылся в своей памяти и нашел ответ, который искал: — Я вспомнил это уравнение. Это интеграл эволюции Дигби — для числовых порядков второй степени и выше. Он дает 93,7 процента вероятности того, что «летающие тарелки» — миф, что, за исключением объяснимых случаев, это галлюцинации. Я вспомнил это потому, что это был первый случай, когда свидетельства такого рода были систематизированы и оценены. Это была даже правительственная программа, бог знает почему.

Старик посмотрел на меня снисходительно.

— Соберись с духом, Сэм. Сегодня мы отправляемся инспектировать «летающую тарелку». Может быть, даже прихватим сувениры, как настоящие туристы.

II

— Семнадцать часов...— Старик взглянул на свои наручные часы,— и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился около Гриннела, штат Айова. Тип неизвестен. Имеет форму диска и предположительно около тысячи пятидесяти футов в диаметре. Оригинальный, неизвестный, но...

— Его траекторию проследили? — прервал я.

— Нет,— ответил он.— Вот его фотография, сделанная после приземления с космической станции «Бета».

Мы с Мэри посмотрели фотографию. Она была расплывчатой, таким обычно бывает телефото, полученное за пять тысяч миль. Деревья выглядели, словно мох, тень от облака лежала так, что закрывала большую часть фотографии. А серый круг, который мог быть дискообразным кораблем, с таким же успехом мог бы быть нефтяной цистерной или водным резервуаром.

— Напоминает лагерную палатку,— сказал я.— Что еще нам известно?

— Ничего.

— Ничего?! Через семнадцать часов! У нас же должны быть там агенты, доставляющие сенсации.

— Они были. Двое — в пределах досягаемости, и четверо были посланы потом. Они не смогли вернуться назад. Я не люблю терять агентов, Сэм, особенно без результатов.

Я вдруг ясно осознал, что положение, должно быть, серьезное, и внезапно почувствовал озноб. Обычно агент обязан оставаться целым и невредимым — для того, чтобы выполнить свою задачу и вернуться. В данном случае агентом, которому надлежало вернуться, был Старик, и после него — Мэри. Меня же использовали, как бумажную скрепку. Мне это не нравилось.

— Один агент сделал неполное донесение,— продолжал Старик.— Он отправился туда как случайный зритель и рапортовал по телефону, что это, должно быть, космический корабль. Затем доложил, что корабль открывается и что он направляется к нему. Послед-

нее, что он сказал, было: «Вот они вышли. Это маленькие существа, вроде...» Затем отключился.

— Маленькие люди?

— Он сказал — существа.

— Периферийные рапорты?

— Множество. Станция стереотрансляции в Де Мойне проводила сбор юношей по спортивному стереотранслированию. Все фотографии, которые они прислали, очень бледные, сделаны с воздуха. На них нет ничего, кроме дискообразного объекта. Затем, в течение двух часов примерно, не было никаких фотографий и никаких новостей. Потом они выдали сообщение, что фотографии и новости оказались ложными.

Старик замолчал. Я сказал:

— То есть?

— Все это просто обман. «Космический корабль» оказался мошенничеством, сделанным из бумаги, металла и пластика двумя фермерскими мальчиками в лесу рядом с их домом. Фальшивые донесения исходили от диктора станции стереотрансляции, который впутал в это дело мальчишек, чтобы сфабриковать сенсационную историю. Диктор устыдился и «вторжение из космоса» обернул шуткой.

Я скривился.

— Итак, это розыгрыш — но мы потеряли шесть человек. Мы отправляемся искать их?

— Нет, нам их не найти. Мы отправляемся для того, чтобы попытаться узнать, почему тригонометрическая съемка на этой фотографии,— он взял телекадр, полученный с космической станции,— не полностью совпадает с газетными сообщениями, и почему станция стереотрансляции в Де Мойне на время отключалась.

Мэри заговорила впервые:

— Хотела бы я поговорить с этими фермерскими мальчиками.

Я увел машину на пять миль в сторону от Гриннела, и мы стали искать ферму Маклайнов. Юных преступников звали Винсент и Джордж Маклайны. Ферму было нетрудно найти. На развилке дороги был поставлен щит с надписью «Дорога к космическому кораблю». Приближаясь к месту, мы обнаружили, что на дороге с обеих сторон припаркованы машины, способные двигаться как по земле и по воздуху, так и в трех сферах — в воздухе, на земле и в воде. У поворота к ферме Маклайнов стояла пара киосков с прохладительными напитками и сувенирами. Полицейский регулировал движение.

— Остановись,— приказал Старик.— Выглядит весело, а?

— Верно, дядя Чарли,— согласился я.

Старик выскочил, размахивая тростью. Я подал руку Мэри, чтобы помочь ей выйти из машины. Она прижалась ко мне, больно схватив за руку, и сказала:

— А ты сильный, братишка.

Мне хотелось влепить ей пощечину, но я лишь улыбнулся улыбкой тигра.

«Дядя Чарли» сновал вокруг, докучая расспросами полицейскому, хватая за пуговицы людей, останавливаясь купить сигареты в киоске. Он производил впечатление добропорядочного старого дурака, выбравшегося на отдых. Старик повернулся к нам и махнул сигаретой в сторону сержанта.

— Инспектор говорит, что это обман, мои дорогие, шалость, придуманная мальчиками. Мы пойдем смотреть?

Мэри выглядела разочарованной.

— Так это не космический корабль?

— Это космический корабль, если вы хотите называть его так следом за молокососами,— ответил полицейский.

Мы пересекли пастбище и прошли мимо нескольких деревьев. Вход через ворота фермы стоил доллар, и многие повернули назад. Тропинка среди деревьев была безлюдной. Я двигался очень осторожно, желая, чтобы вместо телефона у меня на затылке были глаза. «Дядя Чарли» и «сестренка» шли впереди. Мэри щебетала как идиотка и как-то ухитрялась казаться одновременно и меньше и моложе, чем она была, отправляясь в путешествие. Мы вышли на поляну. Здесь и находился «космический корабль».

Он был более тысячи футов в диаметре, сделан из металла и листов пластика, обрызганного из пульверизатора алюминиевой краской, и имел форму двух одинаковых тарелок, сложенных вместе. Ничего особенного внешне это не представляло. Тем не менее Мэри завизжала:

— Ой, как волнующе!

Юноша лет восемнадцати или девятнадцати, с загорелым прыщавым лицом высунул голову из люка в верхней части этой громадины.

— Не желаете ли посмотреть внутри? — спросил он, добавив, что это будет стоить на пятьдесят центов больше, и «дядя Чарли» раскошелился.

Мэри остановилась в нерешительности у люка. К прыщавому лицу присоединилось еще одно, казавшееся его близнецом, и оба они хотели помочь ей спуститься. Но Мэри отступила, и я прошел быстро вперед, собираясь прощупать обстановку сам. Мои соображения на девяносто девять процентов были профессиональными: я умел чувствовать опасность в любом месте.

— Там темно,— сказала Мэри дрожащим голосом.

— Это совершенно безопасно,— заверил ее второй юноша.— Мы ведем здесь наблюдения целый день. Я — Винс Маклайн. Пойдемте, сударыня.

«Дядя Чарли» заглянул в люк, как осторожная курица-наседка.

— Там могут быть змеи,— решил он.— Мэри, я думаю, тебе лучше не ходить.

— Бояться нечего,— сказал первый Маклайн настойчиво.— Это не опасно.

— Держите деньги, джентльмены.— «Дядя Чарли» взглянул на часы.— Мы опаздываем. Пойдемте, мои дорогие.

Я шел за ними по тропинке, злясь всю дорогу.

Мы вернулись к машине. Как только мы тронулись, Старик сказал резко:

—Ну? Что вы видели?

Я парировал:

— У вас есть какие-то сомнения по поводу первого рапорта? Который прервался?

— Нет.

— Эта штука не могла бы одурачить агента даже в темноте. Это не тот корабль, который он видел.

— Конечно, нет. Что еще?

— Что вы скажете, сколько стоит эта подделка — новый листовой металл, свежая краска и — я заглядывал в люк — множество всякого хлама, скрепляющего все это?..

— Ясно. Ты, Мэри?

— Дядя Чарли, вы заметили, как они обращались со мной?

— Кто? — спросил я резко.

— Сержант и двое мальчиков.

— Они были — само внимание,— сказал я.

— Ты не понимаешь, но я знаю. Я всегда знаю. Что-то было неладно с ними. Они были мертвые внутри. Словно гаремные евнухи, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Гипноз? — спросил Старик.

— Возможно. Или наркотик, может быть.— Мэри нахмурилась. Выглядела она озадаченной.

— Гмм...— ответил он.— Сэм, следующий поворот налево. Мы обследуем точку в двух милях к югу отсюда.

— Вы имеете в виду местонахождение корабля, которое дала тригонометрическая съемка на первой фотографии?

— Что же еще?

Но мы не добрались туда. Мост, по которому мы должны были проехать, оказался разведенным, и у меня не хватало достаточного пространства для маневра, чтобы перепрыгнуть его на машине. Мы кружили южнее нужной нам точки, когда нас остановил полицейский. Горит роща, сказал он, и вероятно, мы будем мобилизованы на борьбу в огнем. Прямых указаний нет, но он должен направить меня на тушение пожара.

Мэри похлопала перед ним ресницами, и он смягчился. Она заявила, что ни она, ни дядя Чарли не могут водить машину. Это было двойной ложью.

Когда мы двинулись дальше, я спросил ее:

— А как насчет него?

— Насчет кого?

— Тоже «гаремный евнух»?

— О нет! Очень привлекательный мужчина.

Ее ответ вызвал у меня досаду.

Мы держали курс на Де Мойн. Вместо того, чтобы припарковаться

у таможни, мы заплатили за въезд в город на машине и доехали до студии станции стереотрансляции. «Дядя Чарли» бушевал всю дорогу по пути к генеральному директору так, словно он сам был большой шишкой в Федеральном Управлении Связи.

Затем, в кабинете, он продолжал это Большое Бесстыдство.

— Итак, сэр, что это за чепуха насчет космического корабля? Объясните толком, сэр. Говорите откровенно, сэр, от этого может зависеть ваша лицензия.

Директор был маленьким широкоплечим человеком. Но он не выглядел подавленным. Он был просто раздражен.

— Мы дали полное объяснение по поводу источника сведений,— сказал директор.— Мы сами стали жертвами. Человек, виновный в этом, уволен.

— Вряд ли наказание адекватно его проступку, сэр.

Директор — его фамилия была Барнес — пожал плечами.

— А что вы ожидаете? Чтоб мы вздернули его?

«Дядя Чарли» ткнул сигарой в его сторону.

— Предупреждаю вас, сэр, я не шучу. Я не уверен, что два деревенских увальня и младший диктор могли осуществить эту нелепость. В этом деле были замешаны деньги, сэр. Да, сэр, деньги. Теперь скажите мне, сэр, наконец, что вы...

Мэри уселась поближе к столу Барнеса. Поправляя что-то в костюме, она сделала Старику сигнал, опустив большой палец.

Барнес никак не мог бы перехватить этот сигнал; его внимание, казалось, было приковано к Старику. Однако все-таки перехватил. Барнес повернулся к Мэри, и лицо его помертвело. Он бросился к столу.

— Сэм! Убей его! — крикнул Старик.

Я сжег ноги Барнеса лучевым пистолетом, и его туловище упало на пол. Это был плохой выстрел — я намеревался прожечь ему живот.

Я подошел и вытащил пистолет из его сильно сжатых пальцев.

Старик крикнул:

— Не дотрагивайся до него! Мэри, отойди!

Старик бочком приблизился к телу, как кот, изучающий неизвестный предмет. Барнес издал долгий стон и затих. Старик ткнул его осторожно тростью.

— Босс,— сказал я,— пора убираться отсюда, не так ли?

Не оборачиваясь, он ответил:

— Мы в безопасности здесь, как нигде. Это здание, возможно, кишит ими.

— Кем?

— Откуда мне знать? Кишит такими, каким был он.— Старик указал на тело Барнеса.— Что я и хотел бы выяснить.

Мэри ахнула и вскрикнула от изумления:

— Он еще дышит! Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине шевелился так, как если бы грудная клетка была в движении. Старик посмотрел и тронул Барнеса тростью.

— Сэм, иди сюда.

Я подошел.

— Раздень его,— сказал он.— Пользуйся перчатками. И будь осторожен.

— Считаете, здесь ловушка?

— Помолчи. Будь осторожен.

У него, должно быть, было предчувствие, близкое к истине. Я думаю, мозг Старика имеет встроенный интегратор, который приходит к логическому заключению, исходя из минимума фактов. Таким методом музейный работник восстанавливает животное по одной-единственной кости.

Надев сначала перчатки — перчатки агента, в которых можно размешивать концентрированную кислоту, ощупать в темноте монету и определить, орел или решка,— я стал переворачивать Барнеса, чтобы раздеть его.

Спина все еще вздымалась. Мне было неприятно смотреть — это было неестественно. Я сунул ладонь между лопатками убитого.

Человеческая спина состоит из костей и мускулов. Эта была мягкой и волнообразной. Я отдернул руку.

Без слов Мэри передала мне ножницы из стола Барнеса. Я взял их и разрезал пиджак. Под ним была надета легкая рубашка. Между этой рубашкой и кожей, от шеи до середины спины, находилось нечто такое, что не было человеческой плотью. Толщиной в два дюйма, это н е ч т о создавало видимость широкоплечести или легкой горбатости.

Это пульсировало.

Пока мы наблюдали, оно медленно соскальзывало со спины, прочь от нас. Я потянулся снять рубашку, но моя рука была отбита тростью Старика. Он сунул трость под рубашку и снял ее с тела. Теперь эта тварь была открыта.

Это было нечто сероватое, полупрозрачное, пронизанное какой-то более темной структурой, бесформенное, но, безусловно, живое. Пока мы наблюдали, оно перетекло в пространство между рукой Барнеса и его грудной клеткой, заполнило это пространство и осталось там, не в состоянии двигаться дальше.

— Бедный дьявол,— сказал Старик мягко.

— Кто? Э т о ?

— Нет. Барнес. Напомни мне о нем, когда это кончится. Если это когда-либо кончится.

Старик выпрямился и проковылял по комнате, как если бы он полностью забыл про тварь, угнездившуюся в сгибе руки Барнеса.

Я отступил назад, держа пистолет наготове. Это существо не могло передвигаться быстро. Очевидно, оно не могло и летать. Впрочем, я не знал, что оно могло делать.

Мэри подошла и прижалась ко мне плечом, словно ища человеческой поддержки. Я обнял ее свободной рукой.

На столе Барнеса была куча жестяных коробок, используемых для стереопленок. Старик взял одну, вытряхнул катушку с пленкой и вернулся к нам.

— Эта подойдет, я думаю,— сказал он. Старик положил жестянку на пол и стал подталкивать тварь тростью, пытаясь заставить ее заползти в коробку.

Вместо этого тварь потекла назад, пока почти целиком не оказалась под телом директора. Я схватил Барнеса за свободную руку и оттащил в сторону. Тварь цеплялась за него, но затем плюхнулась на пол. По указанию нашего дорогого «дядюшки Чарли» я и Мэри использовали наши пистолеты, сжигая пол вокруг этой твари. Таким способом мы все-таки загнали ее в жестянку, которую плотно закрыли.

Старик сунул коробку под мышку.

— В путь, мои дорогие.

Выходя, он задержался в дверях, как бы на прощание, а закрыв дверь, остановился у стола секретарши Барнеса.

— Я увижу мистера Барнеса завтра. Нет, договоренности нет. Я позвоню.

Мы выходили очень медленно. Старик шел, держа жестянку с тварью под мышкой. Я следовал за ним, готовый к любой неожиданности. Мэри без умолку трещала, разыгрывая из себя маленькую идиотку. Старик даже задержался в вестибюле, купил сигару, донимая при этом служащих своим брюзжанием.

В машине он дал нам инструкции, потом предостерег меня от быстрой езды. Эти инструкции привели нас в какой-то гараж. Старик послал за управляющим и сказал:

— Мистеру Мэлоуну нужна эта машина — и немедленно.

Это был сигнал. Управляющий оглядел нас и ответил тихо:

— Туда — через эту дверь.

Он отослал двух механиков, и мы нырнули в дверь.

Мы попали в помещение в очень старом здании. Там мы с Мэри стали брюнетами, а Старик получил обратно свою лысую голову. Я обзавелся усами; Мэри выглядела брюнеткой ничуть не хуже, чем когда была рыжей. Комбинация «Кэваноу» уже больше не существовала. Мэри получила халат медсестры, а я был наряжен шофером. Старик стал нашим престарелым инвалидом-хозяином, укомплектованным шалью и плохим настроением.

Машина ждала нас. Путешествие назад не доставило нам хлопот. Я настроил радио на Де Мойн, но даже если полицейские и нашли покойного мистера Барнеса, газетчики еще ничего не знали об этом.

Мы поехали прямо в офис Старика и там открыли жестянку. Старик послал за доктором Грэйвсом, заведующим биолабораторией Отдела, и работа была проведена с помощью высокочувствительного оборудования.

Однако нам нужны были противогазы, а не высокочувствительные приборы. Вонь от разлагающегося органического вещества затопила комнату и вынудила нас захлопнуть жестянку и включить вентилятор. Грэйвс сморщил нос.

— Что, наконец, это было? — спросил он.

Старик тихо выругался.

— Вот вы и узнаете это,— сказал он.— Обработайте на соответствующие тесты в отделении свободных микроорганизмов и не берите на себя ответственность утверждать, что эта тварь мертва.

— Если это — живое, то я — королева Анна.

— Вы — может быть, но не рискуйте. Это паразит, способный прикреплять себя к носителю, такому, например, как человек, и контролировать этого носителя. Его происхождение и метаболизм почти наверняка носят внеземной характер.

Начальник лаборатории скептически фыркнул.

— Внеземной паразит на земном носителе? Глупости! Их тела химически будут просто несовместимы.

Старик проворчал:

— К черту ваши теории. Когда мы захватили его, он жил на человеке. Если это означает, что он земной организм, то скажите мне, откуда он взялся и где искать его сотоварищей? И не надо делать поспешные выводы. Мне нужны факты.

Биолог уперся:

— Вы получите их!

— Давайте. И не упорствуйте в глупом предположении, что эта тварь мертва. Этот запах может быть защитным оружием. Тварь эта, если она жива, фантастически опасна. И если она поселится на комнибудь из вашей лаборатории, я почти наверняка должен буду убить его.

Заведующий лабораторией ушел.

Старик сел в свое кресло, вздохнул и закрыл глаза. Через пять минут или около того открыл их и сказал:

— Сколько горчичников размером с эту тварь может прилететь на космическом корабле, таком же большом, как та подделка, которую мы осматривали?

— Так космический корабль там все-таки был? — спросил я.— Доказательства выглядят хлипкими.

— Хлипкими, но крайне неоспоримыми. Там был корабль. Он все еще там.

— Но мы обследовали место.

— Место было там, откуда пришло последнее донесение нашего агента. Шестеро мальчиков не были дураками. Ответь все-таки на мой вопрос.

— Размеры корабля не говорят мне ничего о количестве груза, если я не знаю принципа его движения, расстояния, которое он проделал, и намерений его пассажиров. Можно ли определить длину веревки по куску этой веревки? Если вас устроит предположение, то я могу сказать: несколько сотен, может быть, несколько тысяч.

— Мм...да. Поэтому несколько тысяч оборотней могут находиться в Айове сегодня вечером. Или «гаремных евнухов», как выражается Мэри.— Он подумал минуту.— Но как мне добраться до гарема? Не можем же мы охотиться за каждым широкоплечим человеком в Айове; пойдут разговоры.— Он слабо улыбнулся.

— Я задам вам другой вопрос,— сказал я.— Если один космический корабль приземлился в Айове вчера, то сколько их приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

— Да.— Старик выглядел очень встревоженным.— Я скажу тебе, какой длины веревка.

— Какой?

— Достаточной, чтобы задушить тебя... Не покидай Отдел.

Я вернулся к косметикам, получил назад свою нормальную наружность, а также принял душ и массаж. Потом пошел в служебную комнату отдыха в поисках выпивки и компании.

Я оглянулся, не зная, кого мне искать — блондинку, брюнетку или рыжую. Она была рыжей. Мэри сидела у стойки, потягивая выпивку и выглядела так же хорошо, как и раньше.

— Привет, сестренка,— сказал я, усаживаясь рядом с ней.

Она улыбнулась и ответила:

— Привет, братишка.

Я заказал виски с содовой и спросил:

— Это твоя н а с т о я щ а я внешность?

Она помотала головой.

— Не совсем. На самом деле я полосатая зебра, и у меня две головы. А ты?

— Моя мама задушила меня подушкой, поэтому у меня никогда не было шанса это узнать.

Она снова посмотрела на меня взглядом, которым оценивают кусок мяса, потом сказала:

— Я могу ее понять. Но я бесчувственнее ее. Увидишь это, братишка.

— Спасибо,— ответил я.— Слушай, давай бросим этих «братишку» и «сестренку». Это затормаживает меня.

— Гм... Думаю, ты в этом нуждаешься.

— Я?! Никто и никогда не сможет удержать меня.

Я мог бы добавить, что если бы я положил руку ей на плечо, а это ей не понравилось бы, то, держу пари, я вернул бы назад лишь кровавый обрубок. Ребята Старика никогда не были неженками.

Она улыбнулась.

— Неужели? Давай выпьем и снова закажем.

Так мы и сделали и продолжали сидеть там. Нам было тепло и хорошо. В нашей профессии бывает не так уж много часов, похожих на эти. Это придает им пикантность.

Пока мы сидели там, я пытался представить себе, как бы она выглядела по другую сторону камина. Моя профессия была такова, что я никогда не думал всерьез о женитьбе. Кроме того, ребенок есть ребенок. Зачем лишние волнения? Но Мэри сама была агентом, и разговор с ней не походил на разговор с эхом в горах. Я осознал вдруг, что я был чертовски одинок долгое время.

— Мэри...

— Да?

— Ты замужем?

— Что?.. Почему ты спрашиваешь об этом? Если фактически — нет. Если для работы — да, я значусь замужней. Разве это имеет значение?

— Да, имеет,— упорствовал я.

Она помотала головой.

— Я серьезно,— продолжал я.— Посмотри на меня. У меня есть две руки и две ноги, я достаточно молод, и я не развожу грязь в доме. Ты можешь найти и похуже.

Она засмеялась, но смех ее был добрым.

— И ты мог бы выработать лучшую линию поведения. Я уверена, что она должна быть импровизацией.

— Так и есть.

— Тогда я не буду использовать ее против тебя. Послушай, волчок, твоя техника исполнения слаба. Даже если женщина подвернулась тебе, нет причин терять голову и предлагать ей контракт. Женщина должна значить достаточно много, чтобы заставить тебя сделать это.

— Это я и имел в виду,— проворчал я.

— Да? Какое жалованье ты мне предложишь?

— Черт побери твои хорошенькие глазки! Если тебе нужен этот тип контракта, то я пойду еще дальше: ты будешь иметь свою зарплату и я буду отдавать тебе половину своей — пока ты не захочешь уйти в отставку.

Она помотала головой.

— Я никогда не настаивала на контракте, во всяком случае с мужчиной, который хочет жениться вот так, по́ходя...

— А я и не думал, что ты будешь настаивать.

— Я только пытаюсь показать тебе, что ты говоришь несерьезно.— Она взглянула на меня и добавила мягким, теплым голосом: — А может быть, ты это серьезно?

— Я серьезно.

Она снова тряхнула головой.

— Агенты не могут жениться. ,

— Агенты не могут жениться ни на ком, кроме агентов.

Она собралась было ответить, но вдруг остановилась. Мой собственный телефон говорил в моем ухе голосом Старика, и я знал, что Мэри слышит то же самое.

— Приходите ко мне в офис,— сказал Старик.

Мы с Мэри без слов поднялись. Она остановила меня в дверях и посмотрела в глаза.

— В о т почему нелепо заводить речь о женитьбе. Мы должны довести эту работу до конца. Все время, пока мы разговаривали, ты думал об этом деле, и я тоже.

— Я не думал.

— Не играй со мной! Сэм, представь, что ты женат, и просыпаешься утром и обнаруживаешь одну из этих тварей на плечах твоей жены, обладающую ею.— В глазах Мэри был ужас, когда она продолжала: — А представь себе, что я нахожу одну из них на т в о и х плечах.

— Рискну. И я никому не позволю дотронуться до тебя.
Она коснулась моей щеки:
— Я не верю, что тебе это удастся.
Мы явились к Старику в офис.
Он посмотрел на нас и сказал:
— Мы уходим.
— Куда? — спросил я.— Или я не должен спрашивать?
— В Белый дом. Навестить Президента. Заткнись!
Я заткнулся.

III

В самом начале лесного пожара или эпидемии бывает такой краткий промежуток времени, когда минимум скоординированных действий способен притормозить или даже полностью свести на нет дальнейшее развитие опасности. То, что нужно было Президенту, Старик уже вычислил: объявить в стране чрезвычайное положение, изолировать район Де Мойна в штате Айова и уничтожить всякого, кто попытается выскользнуть оттуда. Обыскивать всех на предмет наличия паразитов и потом выпускать из этой зоны по одному. Тем временем, используя радары, ракеты и космические станции, запеленговывать и уничтожать любые новые приземлившиеся космические корабли.

Предостеречь все другие нации, обратиться к ним за помощью, и не быть слишком щепетильными насчет соблюдения международных законов, так как борьба велась за выживание всего человечества, против внешнего вторжения. Не имело значения, откуда пришла угроза — с Марса, Венеры, спутников Юпитера или из какой-нибудь внешней системы. Главное — отразить вторжение.

Уникальным даром Старика была способность делать логические выводы, оперируя непривычными, невероятными фактами так же легко, как и банальными. Большинство умов капитулируют перед лицом фактов, противоречащих общепринятым представлениям. «Я не могу в это поверить» — вот единственный довод, который приводят в подобных случаях высокопоставленные мнимые ученые, выспренные интеллектуалы и прочие.

Но это не относилось к Старику — недаром его доклады выслушивал сам Президент.

Охранники службы безопасности задали нам работы. Рентген пропищал «бип», и я выложил пистолет. Мэри вытащила свой прогулочный арсенал; машина издала при этом «бип» четыре раза. Старик сдал трость, не дожидаясь, пока ему скажут.

Аудиокапсулы наших телефонов обнаружили и рентгеновские лучи, и металлоискатели, но у охранников не было инструментов для хирургических операций. Состоялось экстренное совещание, и начальник охраны решил, что предмет, вживленный в плоть, нет необходимости квалифицировать как оружие. Они взяли у нас отпечатки паль-

цев, сфотографировали сетчатку глаз и провели в приемную. Старик шмыгнул в дверь, чтобы увидеть Президента одного.

Спустя некоторое время мы прошли в кабинет. Старик представил нас, я стал заикаться, а Мэри даже поклонилась. Президент сказал, что рад нас видеть, и изобразил улыбку, которую вы видели на стереофотографиях. Он заставил нас почувствовать, что он д е й с т в и т е л ь н о рад нас видеть. Я почувствовал тепло внутри и больше не смущался.

Старик велел мне доложить обо всем, что я делал, видел и слышал на последнем задании. Я пытался поймать его взгляд, когда подошел к убийству Барнеса, но он не глядел на меня. Поэтому я опустил в своем рапорте приказ Старика стрелять и представил дело так, будто я выстрелил, спасая другого агента — Мэри, когда увидел, что Барнес вытащил свой пистолет. Старик прервал меня:

— Докладывай все полностью.

Таким образом, я добавил приказ Старика стрелять. Президент бросил на Старика выразительный взгляд — единственное чувство, которое он выказал. Я продолжил рассказ о паразите вплоть до настоящего момента, поскольку никто меня не останавливал.

Затем была очередь Мэри. Она мямлила, пытаясь объяснить Президенту, какую реакцию она ожидала в ответ от нормальных мужчин — и все получила от мальчиков Маклайнов, сержанта и Барнеса. Президент помог ей, улыбнувшись тепло и сказав:

— Моя дорогая юная леди, я совершенно вам верю.

Мэри покраснела. Президент слушал дальше, не перебивая, пока она не закончила, потом несколько минут сидел неподвижно. Наконец, он сказал Старику:

— Эндрю, твой отдел неоценим. Твои донесения порой имели решающее значение в критические моменты истории.

— Это означает «нет», не так ли?

— Я не сказал этого.

— Почти сказал.

Президент пожал плечами.

— Я только предполагаю, что твои молодые люди ошибаются, Эндрю. Ты гений, но даже гении делают ошибки.

— Видишь ли, Том, я предвидел это. Вот потому и привел свидетелей. Их ни накачивали наркотиками, ни инструктировали. Позови команду своих психиатров. Попытайся потрясти их истории.

Президент покачал головой.

— Я уверен, что ты лучше разбираешься в таких вещах, чем любой из тех, кого я смогу прислать тестировать их. Возьми хотя бы этого молодого человека — он готов рискнуть быть обвиненным в убийстве, выгораживая тебя. Ты вдохновляешь на верность, Эндрю. Что касается этой молодой леди... действительно, Эндрю, я не могу начать то, что будет расценено как война, основываясь на женской интуиции.

Мэри сделала шаг вперед.

— Господин Президент,— сказала она очень убежденно.— Я знаю. Я все время знала. Не могу вам объяснить, почему я это знаю, но это не были нормальные мужчины.

— Это,— ответил он,— не может служить очевидным объяснением — то, что они, действительно... мм... «гаремные евнухи». Извините, мисс. Всегда есть такие горемыки. По случайности вам встретилось их четверо в один день.

Мэри замолчала. Но Старик не хотел молчать.

— Черт побери, Том! — Я вздрогнул: так не разговаривают с Президентом.— Я знаю тебя с тех пор, когда ты вел сенатские расследования, а я был ключевой фигурой в твоих расследованиях. Ты думаешь, что я принес бы тебе эту сказочку, если была бы возможность хоть как-то объяснить ее? Как насчет космического корабля? Что было в нем? Почему я не мог даже получить сообщений с того места, где он приземлился? — Старик вытащил фотографию, сделанную с космической станции «Бета», и помахал ею перед носом Президента.

Президент выглядел невозмутимым.

— Ах да, факты. И ты и я, Эндрю, мы оба имеем страсть к фактам. Однако у меня есть другие источники информации, помимо твоего Отдела. Убери эту фотографию. Ты упоминал о ней, когда звонил. Границы фермы Маклайнов — так, как они зарегистрированы местным окружным управлением — совпадают с тригонометрической съемкой широты и долготы данного объекта на этой фотографии.

— Том...

— Да, Эндрю?

— Ты не выбегал отсюда и не делал эти измерения сам?

— Конечно, нет.

— Слава богу! Не то бы ты принес три фунта пульсирующей тапиоки между плечами. Бог да хранит Соединенные Штаты! Будь уверен: агента, который отправил тебе результаты этих проверок, сейчас каждую минуту мучают кошмары. Да, точно так же, как и шефа полиции Де Мойна, всех редакторов, диспетчеров, полицейских — всех людей, занимающих ключевые посты. Том, я не знаю, что мы сможем сделать против тварей, но они знают, что мы такое. Они прощупывают нервные клетки нашего социального организма прежде, чем мы можем получить правдивые донесения, или же они извращают их, как они сделали это в случае с Барнесом. Господин Президент, вы должны отдать приказ о немедленной и строжайшей изоляции этого района. Никакой другой надежды у нас нет!

— Барнес...— мягко проговорил Президент.— Эндрю, я хотел уберечь тебя от этого, но...— Он щелкнул клавишей на столе.— Дайте мне стереостанцию в Де Мойне, кабинет директора.

На пульте мгновенно загорелась лампочка. Президент нажал другой выключатель, и на стене засветился большой дисплей. Мы осмотрели комнату, где были несколько часов назад.

Осмотрели ее поверх головы человека, который занимал большую часть экрана,— Барнеса.

Или его близнеца. Когда я убил этого человека, я рассчитывал, что оставил его мертвым. Я был потрясен, но все еще верил в себя и в свой бластер.

Человек сказал:

— Вы вызывали меня, господин Президент? — Его голос звучал так, будто он ошеломлен оказанной ему честью.

— Да, мистер Барнес. Вы знаете этих людей?

Тот выглядел удивленным.

— Боюсь, что нет. А я должен был их знать?

Старик прервал:

— Скажи ему, пусть позовет своих подчиненных.

Президент посмотрел на него насмешливо, но все же сделал это. Сотрудники, главным образом девушки, вошли гурьбой, и я сразу узнал секретаршу, которая сидела тогда за дверью. Какая-то девушка воскликнула:

— О-о! Это П р е з и д е н т !

Никто из них не опознал нас. Это было бы неудивительно, если бы речь шла только о нас со Стариком, но внешность Мэри была такой, что, держу пари, ее взгляды должны были гореть в мозгу любой женщины, которая хоть раз видела ее.

Но я заметил у них одну особенность: у всех у них были сутулые плечи.

Президент отпустил нас. На прощание он положил руку на плечо Старика.

— Серьезно, Эндрю, республика не погибнет — мы позаботимся об этом.

Через десять минут мы стояли на ветру на платформе Скалистая Бухта. Старик выглядел взвинченным и постаревшим.

— Что теперь, босс?

— Что? Для вас ничего. Вы оба свободны, пока не позову.

— Я хотел бы еще раз осмотреть офис Барнеса.

— Уезжайте из Айовы. Это приказ.

— Мм... а что вы собираетесь делать, могу я спросить?

— Я еду во Флориду, лягу там на солнышке и буду ждать, пока мир покатится ко всем чертям. Если у вас есть сколько-нибудь здравого смысла, вы сделаете то же самое. У всех у нас осталось чертовски мало времени.

Он распрямил плечи и заковылял прочь. Я обернулся, чтобы поговорить с Мэри, но она исчезла. Я огляделся вокруг, но не смог ее обнаружить. Сорвавшись с места, я догнал Старика.

— Простите, босс. Куда пошла Мэри?

— А? В отпуск, несомненно. Отстань от меня!

Я рассчитывал связаться с ней по аудиотелефону через Отдел, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни кода, ни ее идентификационного номера. Я подумал, что можно попытаться узнать это, описав ее внешность, но понял, что это глупо. Только в документах у косметиков зарегистрирована оригинальная внешность агента, а они не скажут. Все, что я знал, это то, что она дважды была

рыжей и что, по-моему, она из тех женщин, из-за которых мужчины дерутся. Попытайтесь вдолбить это по телефону!

Вместо этого я нашел комнату для ночлега.

IV

Я бродил в сумерках и наблюдал, как столица готовится к ночной жизни. Река неслась широкой лентой мимо Мемориала; ее дополнительно освещали огни всего округа, и поэтому на поворотах она сверкала розовыми, янтарными и изумрудными огнями. Красивые лодки пересекали эту игру огней; в каждой, я не сомневался, были влюбленные пары.

На земле здесь и там среди старых домов светились величественные здания, придававшие городу вид полыхающей сказочной страны. На востоке, там, где упала бомба, старых зданий не было вообще, и все пространство напоминало пасхальную корзину с гигантскими раскрашенными яйцами, светящимися изнутри.

Я наблюдал столицу ночью очень часто, но никогда не думал о ней так много, как сегодня. И не потому, что меня потрясла ее красота. Я знал, что внизу, под этими теплыми огнями, были люди, живые и неповторимые, занимающиеся любовью и ссорящиеся, уверенные в своей безопасности.

Я представил себе всех этих милых, добрых людей — и каждого со своим слизняком, прилипшим к шее, дергающим его ногами и руками, заставляющим говорить то, что слизняк пожелает, идти туда, куда слизняк захочет.

Я дал себе торжественное обещание: если паразиты победят, я умру раньше, чем дам одной из этих тварей оседлать меня. Для агента это просто: достаточно, например, обкусать ногти. Если же рук не будет, есть множество других способов. Старик предусмотрел все случаи профессиональной необходимости. Но Старик не планировал подобные приготовления с этой целью, и я знал это. Его работой — и моей тоже — было обеспечивать безопасность людей и не убегать, когда становилось невмоготу.

Я не вернулся в свою комнату. Я решил, что все, что мне сейчас нужно,— это компания. В комнате были обычные каталоги всевозможных агентств, какие вы найдете в каждом большом отеле. Я полистал их, потом захлопнул. Мне не нужна была сейчас какая-нибудь веселая девушка. Мне нужна была одна, особенная девушка, для которой застрелить — все равно что пожать руку. А я не знал, куда она ушла.

Я всегда носил с собой таблетки «бегства от времени», потому что, давая своим рефлексам изрядную встряску, никогда не знаешь, где настигнут тебя трудные обстоятельства.

Несмотря на пугающую пропаганду, к этим таблеткам не привыкаешь, во всяком случае так, как к гашишу.

Тем не менее пуритане сказали бы, что я наркоман, поскольку принимал их время от времени для того, чтобы мой двадцатичетырехчасовой отдых казался недельным. Я наслаждался легкой эйфорией,

которую вызывали эти таблетки. Главным образом потому, что они удлиняют субъективное время в десять или более раз и режут это время на чудесные отрезки, так что вы живете дольше, чем в действительности проходит времени по часам. Я знал одного человека, который состарился за месяц и умер, употребляя эти таблетки постоянно. Но я их принимал от случая к случаю.

Может быть, у этого человека была верная идея. Он жил долгой и счастливой жизнью — вы можете быть уверены, что он был счастлив — и умер счастливым. Какое имеет значение, что солнце за это время всходило над ним только тридцать раз? Кто вел счет и по каким правилам?

Я сидел, уставившись на коробку с таблетками, и думал о том, что у меня их достаточно, по крайней мере, на два «года». Я мог спрятаться в свою нору и отключиться.

Я взял две таблетки и стакан воды. Потом положил их в коробку, нацепил пистолет и телефон и отправился в Библиотеку Конгресса.

По дороге зашел в бар и посмотрел новости. Из Айовы — никаких новостей, да и когда они будут из Айовы!

В библиотеке я нашел нужный мне каталог и стал внимательно наводить справки. «Летающие тарелки», «Летающие диски», затем «Проект Тарелки», потом «Полеты в небе», «Шаровые молнии», «Теория космической диффузии в происхождении жизни». Дальше шли две дюжины литературных сумасбродов. Можно было подумать, что я искал семантический ключ для классификации их.

Тем не менее через час я имел уже пригоршню селекторных карточек. Я отдал их девственной весталке за столом и стал ждать, когда она опустит мои заказы в машину. Наконец девушка сказала:

— Большинство фильмов, которые вы хотите, находятся в пользовании. Остальные будут доставлены в студию «9-А». Воспользуйтесь лифтом, пожалуйста.

Студия «9-А» была уже оккупирована. «Оккупант» посмотрел на меня и сказал:

— О! Волчонок собственной персоной. Как ты поймал меня? Я могла бы поклясться, что улизнула от тебя.

— Привет, Мэри.

— Привет,— ответила она.— А теперь прощай. Мне нужно работать.

Я взорвался.

— Слушай, ты, самодовольная грубиянка! Как бы странно это ни выглядело, но я пришел сюда вовсе не в поисках твоего несомненно прекрасного тела. Иногда я и сам работаю, представь себе. Когда прибудут мои кассеты, я уберусь отсюда к черту и найду себе другую студию — холостяцкую.

Вместо того чтобы вспыхнуть, она немедленно смягчилась.

— Прости, Сэм. Располагайся.

— Нет,— ответил я,— спасибо, но я уйду. Я действительно хочу поработать.

— Останься,— настаивала она.— Прочитай это объявление. Кассеты с микрофильмами нельзя выносить из студии. Сортировщику

придется их потом разыскивать, и ты задашь главному референту большую нервотрепку.

— Я принесу их назад, когда закончу.

Она взяла меня за руку, и я ощутил в руке теплое покалывание.

— Пожалуйста, Сэм. Прости меня.

Я сел и ухмыльнулся.

— Ничто не сможет заставить меня уйти отсюда. Я не намерен выпустить тебя из виду, пока не узнаю код твоего аудиотелефона, домашний адрес и настоящий цвет волос.

— Волчонок,— сказала она мягко,— ты никогда не узнаешь этого.— С деловым видом она повернулась к машине, игнорируя меня.

Доставленные микрофильмы я сложил на столе у другой машины. Одна катушка покатилась в сторону тех, что приготовила для себя Мэри, и столкнула их на пол. Я поднял тот фильм, который, как я думал, был моим, повертел, прочитал название и положил в свою кучу.

— Эй! — сказала Мэри.— Это мой.

— Ни фига,— ответил я вежливо.

— Но это в самом деле так. Этот фильм я хотела смотреть следующим.

Рано или поздно, но очевидное должно было проясниться. Мэри не изучала в этой студии историю дамских чулок. Я прочитал названия остальных ее фильмов.

— Так вот почему у них почти ничего не оказалось из того, что я заказал,— сказал я.— Однако ты проделала не всю работу.— И я показал ей свой список.

Мэри просмотрела его и сдвинула все микрофильмы в одну кучу.

— Мы поделим их или каждый из нас посмотрит их все?

— Давай разбирать хлам пополам, а остатки рассмотрим вместе. За дело!

Даже после того, как я увидел паразита на спине бедного Барнеса, даже после того, как Старик заверил меня, что «летающая тарелка» действительно приземлилась, я не был готов к тому, чтобы найти кучу свидетельств, похороненных в публичной библиотеке.

Черт бы побрал Дигби и его формулу эволюции! Свидетельства были несомненными: Земля посещалась кораблями из космоса не однажды, а много раз.

Эти свидетельства не совпадали по времени с нашими собственными достижениями в космосе: некоторые относились к семнадцатому веку и даже раньше, а сообщения, относящиеся ко времени, когда «наука» апеллировала к Аристотелю, невозможно было оценить. Первые более-менее систематические данные относились к 1940-50-м годам; следующий шквал был в восьмидесятых. Я сделал кое-какие заметки и перешел к более ранним датам. Странные объекты в небе появлялись периодически с интервалом около тридцати лет. Статистический анализ может из этого кое-что вывести.

«Летающие тарелки» связывали с «таинственными исчезновениями» людей, причем не только в такой категории случаев, где речь шла о морских змеях, кровавых дождях и тому подобных диких фак-

тах, но и в официальных, хорошо документированных донесениях, когда пилоты, гнавшиеся за «летающими тарелками», никогда не возвращались назад. Эти случаи классифицировались как аварии — слишком упрощенное объяснение.

У меня было другое дикое подозрение, и я попытался определить, а не было ли тридцатилетнего цикла в этих таинственных исчезновениях? И если был, то соответствовал ли он периоду появления объектов в небе? Я еще не верил, что найду ответ. Слишком много было фактов и слишком много людей пропадали каждый год по разным причинам. Но документы хранились длительное время и не все были потеряны при бомбежках. Я выписал то, что годилось для профессионального анализа.

За эту ночь, что мы работали в библиотеке, я и Мэри не обменялись и тремя словами. Наконец мы встали, потянулись, я позволил Мэри заплатить за кассеты, которые она выбрала (почему бы и нет?), и вернул мой залог тоже.

— Итак, каков вердикт? — спросил я.

— Сэм, мы должны что-то делать! Ведь в это время о н и и д у т, ч т о б ы о с т а т ь с я.

— Может быть. Думаю, так и есть.

— Ну, а что нам д е л а т ь?

— Милое дитя, ты знаешь, что в стране слепых один-единственный зрячий человек был отправлен к черту грубым шутником.

— Не будь циничным. Сейчас не время.

— Да, не время. Пошли отсюда.

Занимался рассвет, и библиотека была почти пуста. Я сказал:

— Вот что. Давай найдем пива, захватим его в мою комнату в отеле, ударимся в запой и обсудим все это.

Она покачала головой.

— Нет, не к тебе.

— К черту, ведь это работа!

— Давай поедем ко мне. Это всего пара сотен миль отсюда. Я приготовлю завтрак.

— Это лучшее предложение за всю ночь. Но серьезно — почему не отель? Туда всего полчаса езды.

— Ты не хочешь поехать ко мне? Я тебя не укушу.

— Надеюсь, что укусишь. Нет, я удивляюсь — вдруг такие перемены. С чего бы это?

— Ну... может быть, я хочу показать тебе медвежьи следы вокруг моей кровати. Или, может быть, я желаю доказать тебе, что умею готовить.— Мэри улыбнулась, на щеках появились ямочки.

Я поймал такси, и мы поехали к ней. Когда вошли в квартиру, Мэри внимательно все осмотрела, потом вернулась и сказала:

— Повернись. Я хочу пощупать твою спину.

— Зачем?

— Повернись!

Я заткнулся. Она энергично постучала костяшками пальцев мне по спине, потом сказала:

— Теперь ощупай мою.

— С удовольствием.— Я проделал надлежащую работу, так как понял, к чему она клонит. Под ее одеждой ничего не было, кроме девицы да набора смертельно опасных железок.

Она повернулась ко мне и сказала:

— Вот почему я не хотела идти в твой отель. Теперь я з н а ю, что мы в безопасности впервые с тех пор, как я увидела эту т в а р ь на спине директора стереостанции. Это помещение непроницаемо. Я замуровываю его, как склеп, всякий раз, когда ухожу.

— Скажи, а как насчет кондиционеров? — спросил я.

— Я не включаю систему кондиционирования,— ответила Мэри.— Вместо этого у меня есть специальное устройство, используемое во время воздушных налетов. Что будешь есть?

— Любой кусок, только бы подогретый.

Такой кусок нашелся. Во время еды мы слушали по радио известия. Из Айовы новостей все еще не было.

V

Мне не довелось увидеть медвежьи следы: она заперла дверь своей спальни. Через три часа она разбудила меня, и у нас был второй завтрак. Потом мы закурили и стали смотреть новости по стереовидению. Показывали конкурс «Мисс Америка». В обычной обстановке я смотрел бы это с интересом, но поскольку ни одна из малюток не была сутулой, а их костюмы не давали возможности скрывать горбы, все происходящее не впечатляло.

Я сказал:

— Ну?

Мэри ответила:

— Нам нужно привести в порядок факты, и мы утрем ими нос Президенту.

— Как?

— Нам нужно увидеться с ним еще раз.

— У нас есть только один путь — через Старика.

Я сделал вызов, используя оба наших кода, чтобы Мэри могла слышать.

Наконец прозвучало:

— Заместитель начальника Олдфилд. Короче.

— Там должен быть Старик.

На том конце возникла пауза, затем донеслось:

— Это официально или неофициально?

— Ох, если хотите, называйте это неофициальным.

— Хорошо. Я не соединю вас, если это неофициальное. Я имею дело только с официальным.

Я отключился, а потом выругался. Затем набрал код снова. Старик использовал специальный шифр, который гарантировал поднять его из гроба, но упаси бог того агента, кто воспользуется им без крайней необходимости.

Он ответил потоком богохульств.

— Босс,— сказал я,— по поводу того случая в Айове...

Он резко оборвал:

— Да?

— Мэри и я всю ночь выкапывали факты из карточек. Мы хотим обсудить их.

Богохульства возобновились. Он велел мне сдать эти факты на анализ и добавил, что намерен зажарить мои уши для сандвича.

— Босс! — произнес я твердо.

— Да?

— Если вы решили сбежать, то и мы тоже. Мэри и я подаем в отставку прямо сейчас. Это официально.

Мэри подняла брови, но не проронила ни слова. Последовало долгое молчание, потом Старик сказал усталым голосом:

— Отель «Пальмовая поляна» на взморье Северного Майами.

— Мы отправляемся тотчас же...

Старик лежал на пляже и пересыпал песок между пальцев, пока мы докладывали. Вид у него был угрюмый. Он взглянул на нас лишь тогда, когда мы подошли к вопросу о тридцатилетнем цикле. А после того, как я рассказал о возможности совпадения циклов, он вызвал Отдел.

— Дайте мне аналитиков, Питер? Привет! Это шеф. Мне нужна кривая необъяснимых исчезновений начиная с 1800 года. Как? Соотнесите с известными факторами и сделайте поправку на устойчивые множества. Когда? Через два часа! Чего вы ждете?!

Старик вскочил на ноги, велел мне подать ему трость и сказал:

— Ну что ж, вернемся на джутовую мельницу.

— В Белый дом? — спросила Мэри нетерпеливо.

— А? Образумьтесь! Вы оба не добыли ничего, что могло бы изменить мнение Президента!

— О... Что же тогда?

— Не знаю. Помалкивайте, если у вас нет стоящей идеи.

У Старика была машина, я сел за руль, и мы поехали назад. Включив автоматическое управление, я сказал:

— Босс, я могу выкинуть штуку, которая сумеет убедить Президента.

Старик ухмыльнулся.

— Например,— продолжал я,— вы посылаете туда двух агентов — меня и кого-нибудь еще. Второй агент несет аппаратуру для прямой стереотрансляции. Вы дадите посмотреть это Президенту.

— А если ничего не случится?

— Я сделаю так, чтобы случилось. Я отправлюсь туда, где приземлился космический корабль. Мы снимаем крупным планом космического оборотня и передаем снимок в Белый дом. Затем я отправляюсь в офис Барнеса и обследую этих сутулых. Я разорву на них рубашки прямо перед камерой. Не будет никакой фальшивки. Я покажу этих тварей голенькими.

— Ты даешь себе отчет в том, что у тебя будут такие же шансы, как у мыши на собрании кошек?

— Я в этом не уверен. Как я себе представляю, эти твари не обладают сверхчеловеческой силой. Держу пари, что они ограничены

тем же, что могут делать люди, на которых они ездят верхом. Я не собираюсь стать мучеником. В любом случае, я добуду вам оборотня.

— Гм...

— Это вполне осуществимо,— вмешалась в разговор Мэри.— Я буду другим агентом. Я могу...

— Нет,— сказали мы со Стариком в один голос, и краска бросилась мне в лицо.

— Я хочу сказать, что подхожу для этого,— продолжала Мэри,— потому что обладаю... хм!.. талантом засекать человека с паразитом.

— Нет,— повторил Старик.— Там, куда он собирается, все будут иметь на себе всадников. Во всяком случае пока невозможно доказать обратное. Кроме того, я приберегаю тебя для кое-чего другого.

Мэри надо было бы заткнуться, но она все же спросила:

— Для чего? Это важно!

Старик тихо ответил:

— Я планирую сделать тебя президентским телохранителем.

— О...— Она подумала и сказала: — Ах, босс, я не уверена, что смогу обнаружить женщин, которыми завладеют эти твари. Я не... э-э... экипирована для этого.

— В таком случае мы просто удалим от него секретарш. И, Мэри... ты будешь наблюдать за ним тоже.

Она подумала и об этом.

— Предположим, я обнаружу, что они завладели им, несмотря ни на что?

— Ты проведешь необходимую акцию, вице-президент наследует кресло, а ты получишь пулю за государственную измену.— Старик повернулся ко мне.— Теперь об этом деле. Мы пошлем Джарвиса с оборудованием и подключим к нему Дэвидсона. Пока Джарвис будет держать в объективе тебя, Дэвидсон сможет не спускать глаз с Джарвиса, а ты, в свою очередь, можешь попытаться присматривать одним глазом за ним.

— Вы думаете, это сработает?

— Нет... но какой-то план лучше, чем никакого.

В то время как Джарвис, Дэвидсон и я держали курс на Айову, Старик ехал в Вашингтон.

Мэри, когда мы с ней прощались, загнала меня в угол, схватила за уши, крепко поцеловала и сказала:

— Сэм, возвращайся.

Я затрепетал и почувствовал себя как пятнадцатилетний.

Дэвидсон вел машину до того места, где я наткнулся на разведенный мост. Я указывал дорогу, используя карту, на которой было отмечено место посадки настоящего корабля. Разведенный мост вел прямо к этому месту. Мы отъехали по дороге на двадцать миль восточнее нужной точки, а потом поехали к ней прямо через кустарник.

Почти к ней, я хотел сказать. Мы выехали на участок выжженной земли и решили пойти дальше пешком. Место, указанное на фото-

графии с космической станции, находилось в зарослях выгоревшего кустарника. «Летающей тарелки» там не было. Лучше бы послали сюда вместо меня сыщика, чтобы он мог определить, приземлялся ли здесь кто-нибудь. Огонь уничтожил все следы.

Джарвис все тщательно обследовал, но я знал, что слизняки выиграли второй раунд. Отъезжая, мы наткнулись на престарелого фермера, но, следуя инструкции, держались от него на достаточном расстоянии.

— Похоже, был пожар,— заметил я, подходя к нему боком.

— Верно, был,— сказал он скорбно.— Погубил двух моих лучших молочных коров, бедных бессловесных животных. Вы репортеры?

— Да,— согласился я. Хотелось бы мне, чтобы Мэри сейчас была рядом. Вероятно, этот тип сутулился от природы. Но если допустить, что Старик был прав насчет космического корабля,— а он был прав,— то тогда эта наивная деревенщина должна знать о нем, но скрывает это. Следовательно, его оседлали.

Я должен был сделать это. Шансов захватить паразита и транслировать его изображение в Белый дом здесь было больше, чем в толпе. Я взглянул на свою команду — они были настороже.

Как только фермер отвернулся, я сбил его с ног и разорвал на нем рубашку. Джарвис сделал крупный план. Я оголил спину фермера прежде, чем он вывернулся.

Но спина была действительно голая — ни паразита, ни каких-либо признаков его на теле не было.

Я помог фермеру встать, отряхнул с него сажу.

— Я ужасно сожалею,— сказал я.

Он трясся от гнева.

— Вы, молодой...— И не мог подобрать для меня достаточно грубого слова. Затем посмотрел на нас, губы его дрожали.— Я найду на вас управу! Будь я на двадцать лет помоложе, я легко бы расправился с тремя такими, как вы!

— Поверьте мне, старина, это была ошибка!

— «Ошибка»! — Его лицо исказилось, и я подумал, что он сейчас заплачет.— Я возвращаюсь из Омахи и нахожу свой участок сожженным, а половину скота пропавшим. И зятя нигде нет. Я выхожу узнать, почему путешественники снуют вокруг моего дома,— и вот я похож на оборванца. «Ошибка»! Куда идет мир?!

Я подумал, что смог бы ответить на последний вопрос. Я попытался заплатить ему за оскорбление, но он швырнул деньги на землю. Мы поджали хвосты и смылись.

Уже в машине Джарвис спросил меня:

— Ты уверен, что знаешь, чего хочешь?

— Я могу ошибаться,— ответил я грубо,— а ты разве когда-нибудь знал, чего хочет Старик?

— Ммм... нет. Куда дальше?

— На станцию стереотрансляции Де Мойна. Там не должно быть ошибки.

На заставе в Де Мойне страж заколебался, взглянул в свой блокнот, потом на нас.

— Шериф велел задержать эту машину,— сказал он.— Поставьте ее направо.

— Хорошо,— согласился я и, отъехав футов на тридцать, резко рванул машину вперед. Машины Отдела сильные и прыгучие — преодолеть такой барьер не составляет для них труда. Я не сбавил скорость на той стороне.

— Интересно,— произнес Джарвис мечтательно.— Ты все еще знаешь, что делаешь?

— Прекрати болтовню,— огрызнулся я.— Имейте в виду оба: непохоже, что мы выберемся отсюда. Но мы едем, чтобы добыть этих оборотней.

— Как скажете, шеф.

Если и была за нами погоня, то я мчался впереди нее. Я ворвался на стоянку перед стереостанцией, и мы вывалились из машины. Никаких обманных приемов «дядюшки Чарли» разыгрывать не стали. Ринулись в первый же лифт и вломились на этаж Барнеса. Когда мы вошли в приемную, один из сотрудников пытался остановить нас, но мы прорвались. Девушки в испуге смотрели на нас. Я бросился к двери Барнеса и попробовал ее открыть. Она была заперта. Я повернулся к секретарше.

— Где Барнес?

— Кто его спрашивает? — сказала она, вежливая, как рыба.

Я взглянул на ее плечи. Горбунья. Слава богу, подумал я, один есть. Эта девушка была здесь, когда я убил Барнеса.

Я шагнул к ней и задрал свитер.

Я был прав. Это уж точно. В следующее мгновение я пялился на одного из паразитов.

Секретарша боролась, царапалась и пыталась драться. Я рубанул ее по шее приемом дзюдо, чуть не угодив рукой в гадость, и девушка обмякла.

— Джарвис! — завопил я.— Делай крупный план!

Идиот, он попусту терял время со своей аппаратурой.

— Линза вылетела,— сказал он.— Наверно, от удара.

— Поменяй — быстро!

Стенографистка на другом конце комнаты встала из-за стола и выстрелила прямо в камеру Джарвиса. Она попала в цель, но и Дэвидсон сжег ее. Как по сигналу, в приемную влетели шесть девушек. Пистолетов у них, видимо, не было. Они прыгнули на Дэвидсона и буквально облепили его.

Я стрелял по ним. Краем глаза я уловил движение сбоку и повернулся — в дверях стоял «Барнес номер два». Я выстрелил ему в грудь, чтобы достать слизняка, который, я знал, был у него на спине. Потом снова бросился в свалку.

Дэвидсон был на ногах. Девушка ползла к нему; кажется, она была ранена. Он выстрелил ей в лицо, и она остановилась. Другая его пуля чуть не оторвала мне ухо.

— Спасибо,— сказал я.— Давай убираться отсюда. Джарвис, пошли!

Лифт был открыт, и мы бросились к нему. Я тащил на себе секре-

таршу Барнеса. Дверца лифта захлопнулась, и мы стали спускаться вниз. Дэвидсона трясло, а Джарвис был весь белый.

— Встряхнитесь,— сказал я,— вы стреляли не в людей, а в тварей. Как эта.— Я посмотрел на спину девушки и почти остолбенел. Мой экземпляр, единственный, который мне удалось захватить живьем, исчез. Прилип, наверно, к полу или удрал, просочившись сквозь складки одежды.— Джарвис,— сказал я,— ты не подцепил н и ч е г о?

Он затряс головой.

Спина секретарши была покрыта сыпью, словно миллионами булавочных уколов, в том месте, где тварь оседлала ее. Она все еще была без сознания. Я усадил девушку на пол, прислонив ее к стене. Никаких «караул!», «держи!» не было, когда мы выходили через вестибюль на улицу.

Полисмен оперся ногой о нашу машину, выписывая квитанцию.

— Вы не имеете права парковаться на этой территории,— сказал он.

— Извиняюсь.— Я подписал квитанцию. Затем погнал машину так быстро, как только позволяло уличное движение, и поднял ее в воздух прямо с центральной улицы. Интересно, добавил ли полисмен это в сумму штрафа. Набрав высоту, я сменил фото на водительской лицензии и идентификационный код. Старик подумал обо всем.

Но он не думал слишком много обо мне. Я пытался докладывать ему по дороге, однако он оборвал меня и приказал явиться в Отдел. Мэри была там с ним. Он дал мне все доложить, прерывая меня изредка похрюкиванием.

— Много вы увидели? — спросил я, когда закончил докладывать.

— Трансляция прервалась сразу после того, как ты сбил машиной барьер,— проинформировал он меня.— На Президента не произвело большого впечатления то, что он увидел.

— Полагаю.

— Он сказал, чтобы я вышвырнул тебя.

Я одеревенел.

— Но...— начал было я.

— Умерь свой пыл,— набросился на меня Старик.— Я сказал, что он может выгнать меня, но не моих подчиненных. Ты первоклассный болван,— продолжал он спокойно,— но без тебя сейчас не обойтись.

— Спасибо.

Мэри рассеянно бродила по комнате. Я пытался поймать ее взгляд, но она не смотрела на меня. Но вот она остановилась у кресла, в котором сидел Джарвис, и сделала Старику тот же знак, что и в случае с Барнесом.

Я ударил Джарвиса по голове своим лучевым пистолетом, и он сполз с кресла.

— Встать, Дэвидсон! — резко крикнул Старик. Его пистолет был направлен в грудь Дэвидсону.— Мэри, как насчет него?

— С ним все в порядке.

— Теперь этот!

— Сэм чистый.

Глаза Старика сверлили нас, и я никогда не чувствовал себя ближе к смерти, чем в этот момент.

— Задерите рубашки,— сказал он раздраженно.

Я и Дэвидсон сделали это. Мэри оказалась права — мы оба были чисты. Мне стало любопытно: если бы я и м е л паразита на спине, то знал бы я об этом?..

— Теперь он,— приказал Старик.— Перчатки!

Мы стащили Джарвиса с кресла и осторожно сняли рубашку. На нем был наш живой экземпляр.

VI

Я чувствовал, что меня вот-вот стошнит. Мысль о том, что эта т в а р ь находилась позади меня всю дорогу из Айовы, была невыносима для моего желудка. Я не брезглив, но вы не представляете себе, до чего отвратительно подобное зрелище. Это невозможно понять, пока сам не увидишь.

Я сглотнул и сказал:

— Давайте попытаемся снять это. Может быть, мы еще сможем спасти Джарвиса.

В действительности я не верил в это. Глубоко во мне было предчувствие, что каждый, кого когда-либо оседлала одна из этих тварей, окончательно погублен.

Старик велел нам всем отойти назад.

— Забудьте Джарвиса!

— Но...

— Заткнись! Можно ли его спасти — не имеет больше никакого значения. В любом случае...— Старик замолчал. И я тоже. Я знал, что он имеет в виду: агентов можно списать в расход, народ Соединенных Штатов — никогда. Держа пистолет в вытянутой руке, Старик продолжал внимательно рассматривать тварь на спине Джарвиса.

— Мэри, вызывай Президента. Специальный код 0—0—0—7.

Мэри подошла к столу Старика. Я слышал ее разговор, но все мое внимание было поглощено паразитом. Он не делал ни малейшей попытки покинуть своего носителя. Наконец Мэри доложила:

— На связи один из его помощников, мистер Макдоноу.

Старик поморщился. Макдоноу был интеллигентным, приятным человеком, который никогда не менял своих мнений. Президент использовал его в качестве буфера.

Старик зарычал в трубку, не заботясь о глушителе.

Нет, ответили ему, Президент отсутствует. Нет, ему нельзя передать донесение. Нет, мистер Макдоноу не превышает своих полномочий; Старика не было в списке исключений. Да, мистер Макдоноу будет счастлив устроить встречу. Он обещает. Как насчет следующей пятницы? Только сегодня? Не может быть и речи. Завтра? Невозможно.

Старик отключил связь. Он выглядел так, словно его ударили. Затем сделал два глубоких вдоха, черты лица расслабились, и он сказал:

— Дэйв, попроси доктора Грэйвса подняться. Остальным соблюдать дистанцию.

Заведующий биолабораторией пришел быстро.

— Доктор,— сказал Старик,— вот один, живой.

Грэйвс пристально посмотрел на спину Джарвиса.

— Мда... Интересно...— сказал он и опустился на одно колено.

— Встаньте!

— Но я должен воспользоваться случаем...

— Вы мне напоминаете мою полоумную тетушку! Да, я хочу, чтобы вы изучили его, но... Во-первых: вы должны сохранить его живым. Во-вторых: он не должен убежать. В-третьих: вы должны соблюдать осторожность.

Грэйвс улыбнулся.

— Но я не боюсь его. Я...

— Бойтесь его! Это приказ.

— Я только хотел сказать, что мне нужно соорудить инкубатор, чтобы наблюдать за ним после того, как мы снимем его с человека. Очевидно, что это существо нуждается в кислороде, но в том кислороде, который получает через носителя. Возможно, большой собаки будет достаточно.

— Нет,— огрызнулся Старик.— Оставьте его там, где он есть.

— Что?! Этот человек — доброволец?

Старик сказал спокойно:

— Доктор Грэйвс, каждый агент в этом Отделе — доброволец во всем, что я сочту необходимым. Пожалуйста, выполняйте мои распоряжения. Доставьте сюда носилки. Будьте осторожны.

После того как Джарвиса увезли на тележке, я, Мэри и Дэвидсон пошли в комнату отдыха, чтобы выпить. Мы нуждались в этом. Дэвидсон трясся. Когда первая выпивка не ослабила его напряжение, я сказал:

— Видишь ли, Дэйв, я чувствую себя так же скверно из-за этих девчонок, как и ты, но здесь ничего нельзя было поделать. Выбрось это из головы.

— Там было очень плохо? — спросила Мэри.

— Довольно плохо. Я даже не знаю, скольких мы убили. Там не было времени осторожничать. Мы не стреляли в людей. Мы стреляли в паразитов.— Я повернулся к Дэвидсону: — Разве ты не понимаешь?

— Да, это так. Они не были людьми,— сказал Дэвидсон и добавил: — Я думаю, что мог бы выстрелить в своего родного брата, если бы потребовалось. Но эти твари не люди. В них стреляешь, а они продолжают двигаться к тебе. Они не...— Он осекся.

Все, что я чувствовал сейчас, было сожаление. Немного погодя Дэвидсон ушел, а я и Мэри разговаривали, пытаясь найти ответы и не находя их. Потом она заявила, что хочет спать, и ушла в жен-

скую спальню. Старик приказал всем сотрудникам спать в эту ночь в офисе, поэтому я пошел в мужское отделение и залез в спальный мешок.

Меня разбудил сигнал тревоги. Я запутался в одежде. Загудели вентиляторы, потом внутренний динамик заорал голосом Старика: «Противогазовая и противорадиационная защита! Изолировать все! Всем сотрудникам собраться в конференц-зале! Живо!»

Будучи оперативным агентом, я не имел каких-либо местных обязанностей, и потому пошел в зал не торопясь.

Старик был уже там и имел зловещий вид. Я хотел спросить его, что стряслось, но он находился в окружении толпы клерков, агентов, стенографисток. Вскоре Старик послал меня поставить охрану у дверей конференц-зала. Старик выкликал нас по списку, и вскоре все, кто значился в списке, кроме охранника у входа и Джарвиса, оказались внутри зала — от старой мисс Хайнес, секретарши Старика, до официанта из нашей комнаты отдыха.

Меня снова послали к охраннику. Я позвал его, и он последовал за мной. Когда мы вернулись в зал, Джарвис уже был там, сопровождаемый Грэйвсом и лаборантом. Он был укутан в госпитальный халат, по-видимому, в сознании, но казался одурманенным.

Я начал понемногу догадываться, что произошло. Старик был окружен персоналом, но сохранял дистанцию между собой и подчиненными. Сейчас он вытащил пистолет.

— Один из вторгшихся паразитов разгуливает на свободе среди нас,— сказал Старик.— Для кого-то из вас это значит слишком много. Для остальных я должен объяснить, что безопасность всех нас — всей человеческой расы — зависит от нашего полного взаимодействия и абсолютного повиновения.— Он стал кратко, но с безотрадной точностью объяснять, что из себя представляют паразиты и какова ситуация.— Короче говоря,— заключил Старик,— паразит почти наверняка в этом зале. Один из нас выглядит человеком, но он — автомат, двигающийся по желанию нашего смертельного врага.

Послышался ропот. Люди украдкой оглядывали друг друга. Кто-то попытался отпрянуть в сторону. Мгновение назад мы были командой, теперь мы стали толпой, в которой каждый подозревал друг друга. Я сам вдруг обнаружил, что отодвинулся от стоявшего рядом со мной человека — Рональда, нашего официанта, а ведь я знал его не один год.

Грэйвс прочистил горло.

— Шеф,— начал он,— я предпринял все благоразумные...

— Заткнитесь. Выведите Джарвиса вперед. Снимите с него халат.

Грэйвс замолчал и подчинился. Джарвис, казалось, лишь частично осознает обстановку. Грэйвс, должно быть, накачал его наркотиками.

— Поверните его,— приказал Старик.

Джарвис дал себя повернуть; на его плечах и шее было пятно от слизняка — красная сыпь.

— Вы можете видеть,— сказал Старик,— в каком месте эта тварь оседлала его.

Послышался шепот и кто-то смущенно хихикнул, когда Джарвиса раздели. Потом наступила мертвая тишина.

— Теперь,— продолжал Старик,— нам нужно п о й м а т ь э т о г о с л и з н я к а! Более того, нам нужно захватить его живым. Все вы видели, где паразит садится верхом на человека. Я предупреждаю вас: если паразит будет убит, я убью человека, который сделает это. Если вы стреляете, чтобы поймать его, стреляйте понизу. Иди сюда! — Он указал своим оружием на меня.

Старик остановил меня между толпой и собой.

— Грэйвс! Посадите Джарвиса передо мной. Нет, оставьте его без халата.— Старик повернулся ко мне.— Брось пистолет на пол.

Пистолет Старика был направлен в мой живот, и я был очень осторожен, когда вытаскивал свой. Я бросил его в шести футах от себя.

— Снимай одежду!

Что ж, этот затруднительный приказ придется выполнить. Пистолет Старика поборол мою неловкость. Пришлось перенести и несколько девичьих смешков, когда я оказался нагишом. Одна из девушек шепнула: «Не плох!»; другая заметила: «Слишком шишковат, я бы сказала». Я покраснел.

После того как Старик осмотрел меня, он приказал мне подобрать пистолет.

— Встань позади меня,— сказал он,— и не спускай глаз с двери. Ты! Дотти, или как тебя там,— ты следующая.

Дотти была девушка из машинописного бюро. У нее не было, конечно, оружия, и носила она длинный, до полу, халат. Она вышла вперед, остановилась, но ничего больше не делала.

Старик махнул пистолетом.

— Давай раздевайся!

— Вы действительно настаиваете на этом?

— Ж и в о!

Дотти почти подпрыгнула.

— Ну что ж,— сказала она,— я не сумасшедшая, чтобы лишаться головы.— Закусила губу и расстегнула застежку на талии.— Мне бы следовало получить за это премию,— вызывающе сказала она и сняла платье.

— Становись напротив стены,— грубо скомандовал Старик.— Рэнфрэй!

После того, как я прошел через это испытание, люди отнеслись к нему по-деловому, хотя, конечно, некоторые были смущены. Что касается женщин, то некоторые хихикали и краснели, но никто особо не протестовал. За двадцать минут набралось больше квадратных метров гусиной кожи, выставленной напоказ, чем я когда-либо видел. Куча пистолетов на полу выглядела, как арсенал.

Когда подошла очередь Мэри, она сняла одежду быстро и без суеты. К своей наготе она отнеслась со спокойным достоинством. Мэри значительно пополнила гору металлолома. Я решил, что она явно неравнодушна к оружию.

В конце концов все мы были раздеты и, совершенно очевидно, свободны от паразита. Все, кроме Старика и его престарелой секретарши. Я думаю, что Старик испытывал благоговейный страх перед мисс Хайнес. Он посмотрел на нее огорченно и ткнул тростью в кучу одежды.

— Мисс Хайнес... будьте любезны.

Я подумал про себя: эге, братец, сейчас тебе придется применить насилие.

Мисс Хайнес стояла, опустив лицо, как воплощение оскорбленной невинности. Я придвинулся поближе к Старику и сказал уголком рта:

— Босс, а как насчет вас? Раздевайтесь.

Он казался пораженным.

— Я знаю, что говорю,— произнес я.— Это вы или она. А может быть, оба. Снимайте свое тряпье.

Старик умел мириться с неизбежностью. Он сказал:

— Ты разденешь ее.— И стал нащупывать «молнию» на брюках, глядя на меня злющими глазами.

Я попросил Мэри взять пару женщин и обчистить мисс Хайнес. Когда я повернулся к Старику, его брюки уже были спущены наполовину. И в этот момент мисс Хайнес бросилась на него.

Старик находился между нами, и я не мог сделать точный выстрел, а все остальные агенты были безоружны! Я думаю, это не было случайным: Старик не верил, что они не начнут стрелять. Он хотел взять этого слизняка живым.

Мисс Хайнес уже была за дверью и бежала по коридору, когда я пришел в себя от неожиданности. Я мог подстрелить ее в коридоре, но сдержался. Во-первых, трудно сразу переключить эмоции. Она для меня все еще была Старой Леди Хайнес, секретаршей босса, той, которая постоянно ругала меня за плохую грамматику в моих донесениях. Во-вторых, если она несла на себе паразита, я не хотел рисковать им.

Она нырнула в одну из комнат, и снова я замешкался: просто по привычке — это был женский туалет.

Но уже в следующее мгновение я распахнул дверь и оглянулся, держа пистолет наготове.

Что-то ударило меня сзади в правое ухо.

Я затрудняюсь четко описать, что произошло дальше. Я похолодел, по крайней мере, на время. Помню борьбу и крики: «Черт бы ее побрал — она укусила меня!», «Следите за руками!». Затем кто-то тихо сказал: «Осторожно берите ее за руки и за ноги». Другой спросил: «А как насчет его?» И кто-то ответил: «Потом, он не ранен».

Когда голоса смолкли, я все еще какое-то время находился в отключке, но уже начал ощущать поток жизни, который снова вливался в меня. Я приподнялся, чувствуя острую необходимость что-то делать. Потом вскочил и, пошатываясь, пошел к двери. Осторожно выглянул в коридор: там никого не было, и помчался рысью.

У наружной двери я вдруг осознал потрясенно, что я голый, и побежал через вестибюль в мужское крыло. Там схватил первую попавшуюся одежду, которую смог найти, и напялил на себя. Ботинки были слишком малы мне, однако это, казалось, не имело значения.

Я побежал к выходу, набрал код автоматического замка, дверь открылась.

Мне казалось, что совершил ловкий побег, но как раз в тот момент, когда я выскакивал на улицу, кто-то крикнул: «Сэм!» Я бросился вперед. Передо мной было шесть дверей на выбор и еще три — позади. Одной из них я и воспользовался.

В конце концов я попал в лавку, где продавали фрукты и книги. Я кивнул ее владельцу, вышел через противоположную дверь и смешался с толпой.

Я сел в речной реактивный экспресс и сошел на первой станции. Потом покрутился у окошка кассы, пока к ней не приблизился человек. В тот момент, когда он покупал себе билет, я увидел у него довольно много денег. Я отправился вслед за ним и в первом же темном углу пришиб, как кролика. Теперь у меня были деньги, и я был готов действовать. Я не знал, для чего должен был заполучить деньги, но знал, что они нужны мне для того дела, которое мне предстоит совершить.

VII

Я смотрел на вещи, окружавшие меня, необычным двойным зрением, как если бы глядел через покрытую рябью воду — и не чувствовал ни удивления, ни любопытства. Я двигался, как сомнамбула, не сознавая, что делаю, но ясно представляя, кто я, где я, какова была моя работа в Отделе. И хотя я не знал, что должен делать, я всегда понимал, что я делаю в данный момент и был уверен, что каждое мое действие в этот момент было необходимым.

Большую часть времени я не испытывал никаких эмоций, кроме чувства удовлетворения от работы, которую нужно было сделать. Сознание мое представляло собой ровную линию, хотя временами она шли вниз; тогда я чувствовал себя истерзанным, несчастным, сильно испуганным и охваченным комплексом вины, но это ощущение тормозилось и подавлялось; вряд ли я сознавал это или это трогало меня.

Я знал, что мой побег ви дели. Этот крик «Сэм!» относился явно ко мне. Только двое людей знали меня под этим именем. Старик обычно звал меня моим настоящим именем. Итак, мой побег видела Мэри. Хорошо, думал я, что она дала мне возможность узнать, где ее жилище. Необходимо будет использовать его как ловушку для нее. Тем временем я должен преуспеть в работе и не дать себя поймать.

Я двигался через район товарных складов, и все, что от меня сейчас требовалось,— это не привлекать к себе внимания. Вскоре я нашел подходящее здание. На нем было объявление: «Сдается мансарда. Спросить агента по найму на первом этаже». Я огляделся, записал адрес, затем прошел два квартала назад. Там я отправил телеграмму: «Пришлите два ящика малышек. Получатель Джоуль Фримэн». Написал адрес мансарды и послал телеграмму в Де Мойн, штат Айова.

Когда вышел на улицу, огни одного из ресторанов напомнили мне, что я голоден, но рефлекс вдруг отключился, и я больше не думал об этом. Я повернулся к складу, отыскал темный угол на задворках и уселся ждать рассвета и начала работы.

У меня осталось смутное воспоминание о постоянно повторявшихся ночных кошмарах, вызванных боязнью замкнутого пространства.

В девять утра я встретился с агентом по найму. Я арендовал мансарду, заплатив крупную сумму за немедленное владение ею, пошел туда и стал ждать.

Примерно в десять тридцать мои ящики были доставлены. После того как посыльный ушел, я распечатал ящик, взял оттуда одну ячейку, согрел ее и подготовил. Затем снова нашел агента по найму и сказал:

— Мистер Гринберг, вы не могли бы подняться на минутку? Я хочу сменить освещение.

Он поворчал немного, но все же согласился. Когда мы вошли на чердак, я затворил дверь и подвел его к открытому ящику.

— Вот,— сказал я,— если вы наклонитесь, вы увидите, что я имею в виду...

Он нагнулся, я стиснул его и перекрыл дыхание. Потом задрал ему пиджак и рубашку и свободной рукой перенес «хозяина» из ячейки на голую спину агента. Я подержал его так, пока он приходил в себя, затем одернул на нем одежду, а самого встряхнул хорошенько. Когда к нему вернулось дыхание, я сказал:

— Какие новости из Де Мойна?

— Что вас интересует? — спросил он.— Давно вы оттуда?

Я начал объяснять, но он прервал меня:

— Давайте не будем попусту тратить время и проведем «прямое совещание».

Я скинул с себя рубашку, он сделал то же самое. Мы сели на закрытый ящик, спина к спине, так, чтобы наши хозяева могли контактировать. В моем собственном сознании тут пробел: я не знаю, как долго это продолжалось. Я слышал лишь жужжание мух вокруг пыльной паутины.

Нашим следующим рекрутом-новобранцем стал управляющий строительством. Заполучение его было нашим крупным выигрышем, и все мы чувствовали удовлетворение, включая, конечно, и его. Управляющий состоял в Конституционном Клубе, о членах которого писали в изданиях типа «Кто есть кто» в финансовых кругах, правительстве, промышленности.

Была середина дня, мы не должны были терять времени. Управляющий вышел купить саквояж и одежду для меня, а к нам послал своего шофера, чтобы мы рекрутировали его так же, как и его самого. В двенадцать тридцать мы отправились в Конституционный Клуб, имея при себе в саквояже двенадцать «хозяев».

Управляющий предъявил в дверях клуба пропуск. Лакей попытался было взять мой саквояж, но я настоял на том, что нуждаюсь в нем, чтобы сменить рубашку перед обедом. Мы послали слугу (разумеется, рекрутировали его сначала) с запиской к администратору, что гостю стало плохо в ванной.

После того как мы позаботились об администраторе, он добыл белый пиджак, и я стал вторым слугой, помогающим клиентам в ванной. У меня было только десять «хозяев», но ящики с чердака вот-вот должны были доставить в клуб. Постоянный слуга и я пристроили тех «хозяев», которые у меня имелись, еще до того, как наша обеденная атака закончилась. Один гость застал нас врасплох, когда мы были заняты делом, и мне пришлось убить его. Мы запихнули его в шкаф со швабрами. После этого наступило затишье, так как ящики еще не прибыли.

Голодный рефлекс почти сработал во мне; затем он ослабел, но продолжал давать о себе знать. Я сказал администратору, и он приготовил мне ленч в своем кабинете. Ящики прибыли, когда я заканчивал есть.

За время сонного послеобеденного периода мы обеспечили надежность этого места. К четырем часам все в здании — члены клуба, штат и гости — были с нами. Остальных мы обрабатывали в вестибюле, по мере того, как привратник пропускал их по одному в здание. Позднее администратор позвонил в Де Мойн и заказал еще партию ящиков. Наш большой приз пришел этим же вечером — помощник Секретаря Кабинета Министров. Мы уже видели реальную победу: департамент Кабинета Министров обеспечивал безопасность Президента.

VIII

При захвате главных высокопоставленных чиновников я ощущал некое рассеянное удовлетворение; потом я не думал больше об этом. Я осознавал, что мы — я имею в виду, люди-рекруты — едва ли думали вообще. Мы знали, что мы делали, но знали это только в момент совершения акции. Так хорошо обученная лошадь выполняет подаваемые ей команды, а потом ожидает следующего сигнала всадника.

Хорошо обученная лошадь и всадник — подходящее сравнение, но далеко не полное. «Хозяева» не только имеют в своем полном распоряжении наш интеллект, они способны прощупывать непосредственно нашу память и наш опыт. Мы выполняли также роль связных между «хозяевами»; иногда мы знали, о чем они говорят, иногда нет. Слова произносились через слуг, но мы, слуги, не принимали участия в более важных общениях, когда «хозяева» напрямую беседо-

вали друг с другом. В это время мы сидели тихо и ждали, пока наши всадники не закончат «совещание», затем одергивали на себе одежду и выполняли то, что от нас требовалось.

Для слов, произносимых через меня моим «хозяином», я был не более чем телефоном. Я был инструментом коммуникации, и ничем больше. Через несколько дней после того, как я был завербован, мне довелось передавать клубному администратору сведения о грузах «хозяев», хранящихся в ячейках. При этом я мимоходом узнал, что приземлилось не менее трех кораблей, но мое знание ограничилось единственным адресом в Новом Орлеане.

Я ничего не думал об этом; я продолжал выполнять мою работу. Я был новым «специальным помощником» управляющего строительством Поттера и проводил дни в его конторе. И ночи тоже. На самом деле связь могла быть двусторонней: я многократно давал Поттеру устные инструкции. Но, скорее всего, сейчас я так же мало понимаю социальную организацию паразитов, как и тогда.

Я знал, и мой «хозяин» знал это тоже,— что для меня было бы лучше оставаться вне поля зрения. Через меня мой «хозяин» знал столько же, сколько я. Он знал, что я был единственным рекрутированным человеком, которого знал Старик, и, я уверен, мой «хозяин» знал, что Старик не прекратит попыток разыскать меня, чтобы захватить или уничтожить.

Может показаться странным, почему «хозяин» не сменил тело и не убил меня. У нас имелось значительно больше подходящих новобранцев, чем самих «хозяев». Он не мог чувствовать ничего, что было бы сродни человеческой щепетильности. «Хозяева» частенько повреждали своих носителей и находили новых. С другой стороны, станет ли искусный наездник гробить хорошо тренированную рабочую лошадь ради необученной и незнакомой верховой лошади? Может быть, поэтому я и был спасен.

Через некоторое время город был «обеспечен», и мой «хозяин» стал выводить меня на улицу. Я не имею в виду, что каждый житель носил горб, нет; людей было очень много, а «хозяев» все еще очень мало. Но все ключевые посты в городе были заняты нашими рекрутами — от полицейского на углу до мэра и шефа полиции, от административных боссов до церковных служителей, от членов торговой палаты до прессы и службы коммуникаций. Большинство же людей продолжали делать свои обычные дела, не только не замечая нашего маскарада, но даже и не подозревая о нем.

Конечно, если кому-либо случалось оказаться на пути каких-либо намерений «хозяев», от него в любом случае избавлялись.

Одним из неудобств для наших «хозяев» была трудность в общении на больших расстояниях. Их ограничивало то, что они могли лишь произносить человеческую речь обычным способом, а сообщения, посылаемые на большие расстояния, должны были быть надежно зашифрованы. Связь через слуг была почти наверняка неадекватна намерениям «хозяев». Казалось, что они нуждались в частых «прямых совещаниях», чтобы координировать свои действия.

Меня послали в Новый Орлеан на такую конференцию.

Однажды утром я пошел к надземной пусковой платформе и заказал такси. После некоторого ожидания машина была поднята по грузовому лифту, и я собрался уже стартовать, как вдруг впереди меня засуетился пожилой джентльмен.

Я получил приказ избавиться от него; но этот приказ был немедленно заменен другим, предписывавшим мне быть осторожным. Я сказал:

— Простите, сэр, но эта машина уже занята.

— Спокойно,— пробурчал пожилой человек.— Эту машину возьму я.

— Вам придется поискать себе другую,— посоветовал я вежливо.— Давайте проверим номер вашего билета.

Что мы и сделали. На машине был пусковой номер, указанный в моем билете, однако джентльмен не двинулся с места.

— Куда вы направляетесь? — спросил он требовательно.

— В Новый Орлеан,— ответил я. При этом я сам впервые узнал место своего назначения.

— Тогда вы можете подбросить меня до Мемфиса.

Я помотал головой.

— Это не по пути.

— Всего пятнадцать минут! — Казалось, он с трудом владеет собой.— Неразумно использовать общественный транспорт полупустым,— сказал он и отвернулся.— Водитель! Объясните этому человеку правила.

Водитель перестал ковырять в зубах.

— Меня это не касается. Мое дело вести машину. Решайте, наконец, или я попрошу у диспетчера другой заказ.

Я колебался, поскольку никаких инструкций не поступало. Потом я обнаружил себя в машине.

— Новый Орлеан,— сказал я, — с остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и дал контрольный сигнал. Другой пассажир зафыркал, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Уже в воздухе он открыл свой кожаный портфель и развернул газету у себя на коленях. Я равнодушно наблюдал за ним. Потом обнаружил, что меняю позицию, с тем чтобы легко можно было достать пистолет. В это мгновение человек резко выбросил руку и перехватил мое запястье.

— Не так быстро, сынок,— сказал он, и черты его лица превратились в сатанинскую усмешку самого Старика.

Я обладал довольно быстрой реакцией, но в данной ситуации оказался бессильным, так как прежде чем действовать, должен был получить указания от «хозяина» — они запаздывали... Я чувствовал пистолет, упершийся мне в ребра.

— Не бери в голову!

Второй рукой он чем-то ткнул мне в бок, я почувствовал укол и мягкий стук в ушах. Я попытался достать пистолет и провалился в сон.

Я слышал неясные голоса. Кто-то грубо трогал меня, а кто-то говорил: «Следите за этой обезьяной!» Другой отметил: «Все в поряд-

ке, сухожилия перерезаны», на что первый ответил: «Но у него все еще есть з у б ы , не так ли?»

Да, подумал я раздраженно, если вы приблизитесь ко мне, я укушу вас. Замечание насчет перерезанных сухожилий было похоже на правду: я и пальцем не мог шевельнуть. Но не это угнетало меня так сильно, а то, что меня обозвали обезьяной. Позорно, думал я, давать человеку прозвище, когда он не может защитить себя.

Я немного всплакнул, а потом впал в оцепенение.

— Чувствуешь себя лучше, сынок?

Старик склонился над постелью, глядя на меня пристально и задумчиво. Его голая грудь была покрыта седыми волосами.

— Мм,— сказал я,— довольно хорошо.— Я попытался сесть и понял, что не могу.

Старик подошел ко мне с другой стороны кровати.

— Можно снять эти ограничения.— Он отщелкнул какие-то застежки.— Я не хочу, чтобы ты причинил себе боль. Вот так!

Я сел, растирая тело.

— Теперь,— сказал Старик,— доложи, много ли ты помнишь?

— Помню?

— Они захватили тебя. Ты что-нибудь помнишь после того, как паразит овладел тобой?

Я внезапно ощутил дикий ужас и ухватился за кровать.

— Босс! Они знают это место! Я с к а з а л и м !

— Нет, они не знают,— ответил он спокойно.— Это не тот офис, который ты помнишь. Старый офис я эвакуировал. А этой обители они не знают, я думаю. Итак, ты помнишь?..

— Конечно, помню. Я выбрался оттуда... ну, из старого офиса... и пошел...

Мысли у меня поскакали. Я вдруг живо себе представил, как держу голой рукой «хозяина», готовясь поместить его на агента по найму.

Меня вырвало. Старик вытер мне рот и мягко сказал:

— Пошли дальше.

Я сглотнул и с трудом проговорил:

— Босс... они повсюду. Они захватили город.

— Знаю. Так же, как Де Мойн. И Миннеаполис, Сент-Пол, Новый Орлеан, Канзас-Сити. Может быть, еще. Не знаю — я не могу быть повсюду.— Старик нахмурился и добавил: — Это похоже на борьбу со связанными руками. Мы им проигрываем, сильно проигрываем. Мы даже не можем изолировать их в тех городах, о которых нам известно.

— Кошмар! Почему?

— Да потому, что «старейшие и мудрейшие головы» все еще не уверены в существовании этих тварей. Ведь когда слизняки захватывают город, в нем все идет как и раньше.

Я вытаращил глаза.

— Не беда! — мягко сказал Старик.— Ты первая брешь, которую мы сделали. Ты первая жертва, которую нам удалось освободить

живой. И ты помнишь, что случилось с тобой. Это очень важно. И твой паразит — первый, которого нам удалось захватить и сохранить живым. У нас будет шанс...

Мое лицо в этот момент, должно быть, представляло собой маску ужаса: сознание того, что мой «хозяин» все еще жив и может завладеть мною снова, было больше того, что я мог выдержать.

Старик встряхнул меня.

— Не волнуйся,— нежно сказал он.— Ты еще слишком слаб.

— Где он?

— А? Паразит? Не думай о нем. Он живет в номере напротив твоего, на рыжем орангутанге Наполеона. Он в безопасности.

— Убейте его!

— Нет. Он нужен нам живым, для изучения.— Старик похлопал меня по плечу.— Выше голову! — сказал он.— Мне очень не хотелось бы тебя сейчас беспокоить, но я вынужден. Мы должны знать все, что произошло с тобой за время твоей отлучки. Поэтому успокойся и выкладывай.

Я собрался с духом и сделал подробный доклад обо всем, что мог вспомнить. Описал наем мансарды и вербовку своей первой жертвы, и нашу поездку в Конституционный Клуб. Старик кивнул.

— Логично.— И усмехнулся.— Ты хороший агент, даже для них.

— Вы не поняли,— запротестовал я.— Я не делал ничего сознательно. Я только знал, что происходит. Это было как если бы, как если бы...— Я запнулся, подыскивая слова.

— Неважно. Продолжай.

— После того, как мы завербовали, то есть рекрутировали, администратора клуба, остальное уже было легко. Мы брали их, как только они входили, и...

— Имена?

— О, конечно. М. К. Гринберг, Тор Хансен, Джон Хардвик Поттер, его шофер Джим Вейкли, маленькое чучело по кличке «Джон», который был слугой в ванной... Правда, он уничтожен — его «хозяин» не хотел с ним зря тратить время.— Я сделал паузу, напрягая память.— О боже!

— Что такое?

— Помощник Секретаря Кабинета Министров.

— Вы взяли его?!

— Да. В первый же день. Господи, шеф, департамент Кабинета обеспечивает охрану Президента! Это ведь так?

Но уже там, где только что был Старик, осталось пустое место.

Измученный, я лег на кровать. И вдруг принялся рыдать в подушку. Немного погодя уснул.

IX

Я проснулся с горечью во рту, гудящей головой и сознанием надвигающейся беды. Тем не менее я чувствовал себя сравнительно хорошо. Веселый голосок проворковал:

— Чувствуем себя лучше?

Маленькое темноволосое создание наклонилось надо мной — милый, маленький клопик; я чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы осознать этот факт. На ней был необычный костюм: белые шорты, клочок материи, поддерживавший грудь, и металлический панцирь, покрывающий плечи, шею и спину.

— Получше,— признал я, состроив соответствующую рожу.

— Прополощите рот.— Она дала мне немного жидкости в стакане. Это обожгло немного горло и перебило дурной привкус во рту.— Не глотайте это, выплюньте, и я дам вам воды.

Я подчинился.

— Я — Дорис Марсден,— сказала она,— ваша дневная медсестра.

— Рад познакомиться с вами, Дорис,— ответил я и уставился на нее.— Послушайте, что это за наряд? Не то чтобы мне не нравилось. Но вы выглядите так, словно сбежали из книжки комиксов.

Она захихикала.

— Я чувствую себя, как хористка. Но и вы будете пользоваться этим — точно вам говорю.

— Мне нравится. А почему?

— Приказ Старика.

Как только я узнал, почему, мне снова стало хуже. Дорис продолжала:

— А сейчас ужин.— Она поставила поднос.

— Но я не хочу ничего есть.

— Откройте рот,— сказала она твердо,— или я опрокину это вам на голову.

Между жадными глотками, которые я делал исключительно из чувства самозащиты, я ухитрился вставить:

— Сейчас бы небольшую встряску «Гиро» — и я был бы на ногах.

— Никаких стимуляторов,— категорически отрезала Дорис, сгребая пустые тарелки.— Специальная диета, отдых и снотворные пилюли на ночь. Вот что сказал Старик.

— А что у меня не в порядке?

— Перевозбуждение, истощение и начальная стадия цинги. К тому же чесотка и вши. Но вшей мы уже изгнали. Теперь вы все знаете, и если вздумаете рассказать об этом врачу, я в лицо назову вас лгуном. Поворачивайтесь.

Я повернулся, и она стала делать мне перевязку. Мне казалось, что сойду с ума от боли. Я думал о том, что она мне сказала, и пытался вспомнить, как я жил под своим «хозяином».

— Перестаньте дергаться,— сказала Дорис.— Вам больно?

— Все в порядке,— ответил я. Мне вспомнилось, что я ел не чаще, чем раз в два или три дня. Мытье? Постойте-ка... Да я не мылся вообще! Я брился каждый день, надевал чистую рубашку. Это было необходимо для маскировки, и «хозяин» знал об этом.

Кроме того, я ни разу не снимал ботинок с тех пор, как украл их, и до того, как Старик освободил меня. А они с самого начала были тесны...

— В каком состоянии мои ноги? — спросил я.

— Не суйте всюду свой нос,— ответила Дорис.

Я люблю медсестер: они спокойные, обходительные и терпеливые. Мисс Бриггс, моя ночная сиделка, не была такой милой, как Дорис: у нее было лошадиное лицо. Она носила такой же театрально-комический наряд, что и Дорис, но вышагивала в нем как гренадер. А Дорис, благословенно ее доброе сердце, весело танцевала джигу, когда шла.

Мисс Бриггс отказала мне во второй снотворной таблетке, о которой я попросил ее, проснувшись среди ночи от ужасов. Однако она согласилась сыграть со мной в покер и обчистила на половину месячной зарплаты. Я пытался выведать у нее что-нибудь насчет Президента, но она ничего не говорила. Она не подавала и виду, что знает о каких-то там паразитах, «летающих тарелках» и прочей подобной ерунде,— и это несмотря на то, что сама была одета в костюм, который мог иметь только одно назначение!

Я спросил у нее, что нового в стране. Она утверждала, что слишком занята, чтобы смотреть передачи новостей. Тогда я попросил доставить в мою комнату стереобокс. Она сказала, что мне нужно обратиться за разрешением к доктору: у меня был «тихий» режим. В это время зазвучал звонок вызова, и она вышла из комнаты.

Я наказал ее. Пока она ходила, я покрапил карты.

Заснул я поздно и был разбужен мисс Бриггс, шлепавшей меня по лицу мокрой салфеткой. Она подготовила меня к завтраку, а затем Дорис сменила ее и принесла еду. Жуя, я пытался выудить из нее новости. Результат был такой же, как и с мисс Бриггс. Сиделки, работающие в госпитале, ведут себя так, словно ухаживают за умственно отсталыми детьми.

После завтрака меня навестил Дэвидсон.

— Прослышал, что ты здесь,— сказал он. На нем были шорты и ничего больше, кроме повязки на левой руке.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Меня укусила пчела.

Если он не хотел рассказывать мне, как его подстрелили, то и не надо. Я продолжил:

— Старик вчера был здесь и вдруг внезапно ушел. Ты видел его с тех пор?

— Да.

— Ну и?

— А как насчет т е б я? Мальчики-психиатры проверили тебя?

— А что, есть какие-нибудь сомнения?

— Бедняга Джарвис никогда не выйдет отсюда.

— Что? — Я и не подумал о Джарвисе.— Как он сейчас?

— Его нет. Он впал в кому и умер — через день после твоего бегства. Я имею в виду, после того, как тебя захватили.— Дэвидсон посмотрел на меня.— Должно быть, ты выносливый.

Я не чувствовал себя выносливым. Слезы слабости снова выступили на глазах. Дэвидсон сделал вид, что не замечает этого, и продолжал:

— Не представляешь, какая поднялась паника после того, как ты от нас улизнул. Старик бросился за тобой нагишом, не имея ничего, кроме пистолета и свирепой решимости. Он бы наверняка поймал тебя, но полиция его задержала и нам пришлось освобождать его из тюрьмы под залог.— Дэвидсон усмехнулся.

Криво ухмыльнулся и я. Было что-то одновременно трогательное и смешное в том, что Старик бросился спасать мир в чем мать родила.

— Жаль, что я этого не видел. А что еще случилось, позже?

Дэвидсон взглянул на меня, потом сказал:

— Погоди минутку.— Он вышел и вскоре вернулся.— Старик говорит «о'кей». Так что ты хочешь знать?

— Все! Что произошло вчера?

— Как я получил это? — Он помахал передо мной своим раненым крылышком.— Мне еще повезло,— сказал он.— Три агента убиты. Скромная потасовка.

— А как насчет Президента? Был он...

В этот момент торопливо вошла Дорис.

— О, вы здесь! — сказала она Дэвидсону.— Говорила же я вам, чтобы вы оставались в постели. Вы должны ехать в госпиталь прямо сейчас. Машина скорой помощи ждет уже десять минут.

Он встал, улыбнулся и ущипнул ее здоровой рукой.

— Вечеринка не начнется, пока я не приеду.

— Ну-ка, поторапливайтесь!

— Иду.

Я окликнул его:

— Эй! Так как насчет П р е з и д е н т а?

Дэвидсон оглянулся через плечо.

— А, насчет него?.. С ним все в порядке — ни одной царапины.— Он вышел.

Дорис вернулась через несколько минут, сердито пыхтя.

— Пациенты! — Она произнесла это, как ругательство.— Мне нужно было бы держать его двадцать минут, чтобы инъекция начала действовать. А он, как только я ее сделала, сразу же залез в машину...

— Инъекция для чего?

— Он разве не сказал вам?

— Нет.

— Ну... нет смысла скрывать от вас. Ампутация и пересадка, ниже левого плеча.

— О...— произнес я, потрясенный. Я ведь так и не услышал конец истории Дэвидсона.— А что со Стариком? — вцепился я в Дорис.— Он ранен? Или вы приняли на себя священную обязанность ничего не говорить мне?

— Вы разговариваете слишком много,— ответила она.— Сейчас время для приема пищи и сна.— И поставила передо мной стакан молока.

— Говори, девчонка, не то я плесну это тебе в лицо!

— Старик? Вы имеете в виду шефа Отдела?

— Кого же еще?

— Е г о нет в списке больных.— Она сделала гримасу.— Не хотела бы я иметь е г о в качестве пациента.

X

Еще два или три дня меня держали в постели и обращались со мной, как с ребенком. Мне было все равно; это был первый настоящий отдых, который я имел за последние годы. Раны затянулись, и мне, наконец, разрешили двигаться по комнате.

Старик навестил меня.

— Ну,— сказал он,— все еще симулируешь?

Я вспыхнул.

— Черт побери ваше вялое, черствое сердце! Дайте мне штаны, и я покажу вам, кто симулянт!

— Притормози! — Он взял мою медицинскую карту и просмотрел ее.— Сестра,— сказал он,— достаньте этому человеку шорты. Я возвращаю его к своим обязанностям.

Дорис взглянула на него, как задиристая курица.

— Может быть, вы и большой начальник, но здесь вы не имеете права приказывать. Доктор будет...

— Заткнись,— сказал Старик.— И неси штаны.

— Но...

Он схватил Дорис, повернул кругом и наподдал ей сзади.

— Живо!

Она вылетела, брызгая слюной и пронзительно крича, и вернулась с доктором.

— Док,— мягко сказал Старик,— я послал ее за штанами, а не за вами.

Медик ответил холодно:

— Я был бы вам признателен, если бы вы не вмешивались в то, что касается моих пациентов.

— Он не ваш пациент. Я возвращаю его к своим обязанностям.

— Да? Сэр, если вам не нравятся методы работы в моем отделении, вы можете получить мою отставку.

Старик счел нужным переменить тон:

— Прошу прощения, сэр! Иногда я настолько занят, что забываю о правилах приличия. Не будете ли вы любезны обследовать этого пациента? Если он может вернуться к своим обязанностям, мне это очень помогло бы.

Челюсть доктора отвисла, но он сказал:

— Да-да... Конечно, сэр...— Он изучил медкарту, затем проверил мои рефлексы.— Вообще-то больной нуждается в большем восстановительном периоде. Но вы можете взять его. Сестра, принесите одежду.

Одежда состояла из шорт и ботинок. Однако все были одеты подобным образом, и было приятно видеть все эти голые плечи без «хозяев». Я сказал об этом Старику.

— Это лучшая защита, которая у нас есть,— проворчал он.— Если мы не выиграем этот кон до зимних холодов, наша карта бита.

Мы остановились у двери с надписью: «Биологическая лаборатория — вход воспрещен!»

Я заколебался.

— Куда мы идем?

— Поглядеть на твоего близнеца — обезьяну с твоим паразитом.

— Так я и думал. Нет уж, это не для меня! Спасибо! — Я почувствовал, что дрожу.

— Видишь ли, сынок,— сказал Старик терпеливо,— тебе нужно побороть свой страх. Лучший способ — встретиться с ним лицом к лицу. Я знаю, это трудно, противно. Я провел часы, таращась на эту тварь.

— Вы не знаете! Вы не можете знать! — Меня трясло так сильно, что я вынужден был ухватиться за дверной косяк.— Вы не заставите меня войти туда!

— Пожалуй, доктор был прав. Возвращайся назад в палату, сынок, и преодолевай свою слабость.— Старик направился в лабораторию.

Он сделал три или четыре шага, когда я окликнул его:

— Босс!

Он остановился и посмотрел на меня без выражения.

— Подождите,— сказал я.— Я иду.

— Ты не обязан идти.

— Пойду! Иначе это... это всегда будет держать... нервы в напряжении.

Когда я поравнялся с ним, он обхватил меня за плечи, крепко и дружески, и продолжал держать их так, пока мы шли.

Мы вошли в комнату с кондиционированным теплом и влагой. Обезьяна была здесь, в клетке.

Туловище обезьяны удерживалось ременно-металлической конструкцией. Ее руки и ноги висели безвольно, как если бы она ими не могла управлять. Обезьяна подняла глаза и посмотрела на нас недоброжелательным и разумным взглядом; потом ее взор погас и стал просто взглядом бессловесного животного,— животного, которое страдает.

— Обойди ее сзади,— сказал Старик тихо, все еще держа меня за руку.

Обезьяна следила за нашими движениями. Из нового положения я смог увидеть — это.

Мой «хозяин». Тварь, которая оседлала меня на бесконечное время, говорила моим ртом, думала моими мозгами. Мой «хозяин»...

— Крепись,— мягко сказал Старик.— Тебе это будет полезно. Посмотри в сторону. Помогает.

Я последовал его совету, и это действительно помогло мне. Пару раз глубоко вздохнул, и сердце стало биться спокойнее. Я заставил себя посмотреть на него.

Не сам внешний вид паразита вызывал ужас. Это также не был ужас от знания того, что паразиты могли делать. Я ощутил такой же ужас в тот самый раз, когда впервые увидел паразита, еще до того, как узнал, что он из себя представляет. Я попытался объяснить это Старику. Он кивнул, не отрывая глаз от твари.

— То же самое происходит с каждым,— сказал Старик.— Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Может быть, это главное их оружие.

Я впился в паразита взглядом, давясь своим завтраком. Я оглянулся и встретился взглядом со Стариком. Я твердил себе, что это не может принести вреда м н е .

— Ну как? Закаливает? — спросил он.

— Немного,— ответил я и с яростью продолжал: — Все, что я хочу,— это убить его! Я хочу убить их всех! Я мог бы всю свою жизнь убивать их, убивать их! — Меня снова начало трясти.

Старик наблюдал за мной.

— Вот,— сказал он, протягивая мне свой пистолет.

Я был поражен. У меня не было при себе оружия. Я взял пистолет и вопросительно посмотрел на Старика.

— А? Зачем?

— Ты хочешь убить его. Если хочешь — действуй. Убей его. Прямо сейчас.

— Но, босс... вы же сказали, что он нужен вам для изучения.

— Да, я так сказал. Но если ты чувствуешь, что ты должен убить его,— сделай это. Если тебе необходимо убить его, чтобы снова стать полноценным человеком,— действуй.

«Снова стать полноценным человеком...» — пронеслось у меня в голове. Старик знал, какая медицина вылечит меня. Я больше не дрожал. Пистолет спокойно лежал у меня в руке, готовый плюнуть смертью и убить. Мой «хозяин»...

Если я убью э т о г о, я буду свободным, но я никогда не буду свободным, пока будут живы о н и. Я хотел убить каждого из них, отыскать их всех, испепелить, но э т о г о — прежде всего.

Мой «хозяин»... Он останется моим «хозяином» до тех пор, пока я не убью его. У меня возникла мрачная мысль: если бы я остался с ним один на один, я был бы неспособен сделать ничего. Мне казалось, что я стоял бы тогда в оцепенении до тех пор, пока он не вскочил бы на меня и не уселся бы снова на спине между лопатками, и не вступил бы опять во владение моим мозгом и всем моим существом.

Но сейчас я мог убить его!

Не боясь больше, с жестоким торжеством я поднял пистолет.

Старик наблюдал за мной.

Я опустил пистолет и сказал неуверенно:

— Босс, допустим, я сделаю это. У вас есть другие?

— Нет.

— Но ведь он нужен вам.

— Да.

— Тогда скажите, ради бога, зачем вы дали мне пистолет?

— Ты знаешь, зачем. Если ты намерен это делать, то делай. Если ты пасуешь, Отдел использует его.

Я должен был сделать это. Ведь если даже мы убьем всех остальных, но в живых останется этот, я до конца дней своих буду пресмыкаться и трястись в темноте. Что касается других паразитов, мы могли бы захватить дюжину их в Конституционном Клубе. Если этот будет мертв, я сам бы возглавил рейд. Коротко вздохнув, я поднял пистолет снова.

Затем повернулся и швырнул пистолет Старику; тот поймал его в воздухе и спросил:

— В чем дело?

— А? Не знаю. Мне было достаточно удостовериться, что я мог это сделать.

— Я предполагал, что так и будет.

Я почувствовал в теле тепло и расслабленность, как если бы я действительно убил человека или поимел женщину,— как если бы я действительно убил его. Теперь я был способен повернуться к нему спиной. Я даже не злился на Старика за все это.

— Я знаю,— сказал я,— вы все это задумали заранее, черт побери. Ну и как это — чувствовать себя хозяином марионетки?

Он не принял моей шутки и рассудительно ответил:

— Не я — хозяин марионетки. Самое большее из того, что я могу сделать,— это направить человека на путь, которым он сам хочет следовать. Вот кто хозяин марионетки.

Я оглянулся.

— Да,— тихим голосом согласился я,— «хозяин марионетки». Вы думаете, что вы знаете, что это такое, но вы не знаете. И, босс... надеюсь, никогда не узнаете.

— Я тоже надеюсь,— ответил он серьезно.

Я мог сейчас смотреть на паразита без малейшей дрожи. Все еще впиваясь в него взглядом, я сказал:

— Босс, после того как вы его используете, я убью его.

— Обещаю.

Нас прервал торопливо вошедший человек. Он был одет в шорты и лабораторный халат, что придавало ему нелепый вид. Это был не Грэйвс; я больше никогда не видел Грэйвса. Я представил себе, как Старик съел его за завтраком.

— Шеф,— сказал вошедший,— я не знал, что вы здесь. Я...

— Ну, я здесь,— отрезал Старик.— Почему вы носите халат? — Пистолет Старика был направлен на вошедшего.

Человек уставился на пистолет, как если бы это была плохая шутка.

— Потому что я работал. Всегда есть шанс забрызгаться. Некоторые наши растворы...

— Снимайте его!

— А?

Старик погрозил пистолетом. Мне он сказал:

— Будь готов взять его.

Человек снял халат. Голые плечи были чисты — никакой предательской сыпи.

— Заберите свой чертов халат и сожгите его,— сказал ему Старик.— Затем возвращайтесь к работе.

Человек поспешил уйти, лицо его было красным, потом в дверях остановился и спросил:

— Шеф, вы готовы для этой... гм... процедуры?

— Сейчас. Я скажу.

Человек ушел. Старик устало отбросил пистолет.

— Вывесить приказ,— пробормотал он.— Зачитать его вслух. Заставить всех расписаться под ним. Вытатуировать его на их маленькой узкой груди... И все равно какой-то умник посчитает, что его это не касается. Ученые!

Я повернулся к своему бывшему «хозяину». Он все еще вызывал у меня отвращение, а также чувство всепоглощающей опасности.

— Босс,— спросил я,— а что вы собираетесь делать с этой тварью?

— Я планирую проинтервьюировать его.

— Что? Но как? Я хочу сказать — обезьяну?

— Нет, обезьяна говорить не может. У нас должен быть доброволец. Человек-доброволец.

Когда я начал наглядно представлять себе, что он имеет в виду, ужас охватил меня с новой силой.

— Вы не посмеете этого сделать! Вы не сделаете этого — ни с кем!

— Посмею и сделаю. Что необходимо сделать, будет сделано!

— Вы не найдете ни одного добровольца.

— У меня он есть.

— Есть? Кто?

— Однако я не хочу использовать того, который у меня есть. Я все еще подыскиваю более подходящего человека.

Я чувствовал отвращение и не скрывал этого.

— Вам не нужно никого подыскивать, будь то доброволец или нет. Если у вас есть один, вы не найдете другого. Не может быть двух людей, настолько сошедших с ума.

— Возможно,— согласился он.— И все же я пока не хочу использовать того, которого имею. Это интервью н е о б х о д и м о, сынок. Мы воюем при полном отсутствии военной разведки. Мы не знаем нашего врага. Мы не можем вести с ним переговоры. Мы не знаем ни того, откуда он пришел, ни того, что им движет. Мы должны узнать все это. Наше существование зависит от этого. Е д и н с т в е н н ы й способ поговорить с этой мерзостью — через человека. И это будет сделано. Но я все еще ищу добровольца.

— Не рассчитывайте на меня!

— Я р а с с ч и т ы в а ю на тебя.

Его ответ лишил меня дара речи. Мне удалось пробормотать:

— Вы сумасшедший! Я мог бы убить его, когда вы дали мне пистолет. Я бы сделал это, если бы знал, чего вы хотите. Но

дать добровольно посадить на себя эту тварь... Нет! Хватит с меня!

Старик продолжал, как будто не слыша меня:

— Это не может быть абы кто. Это должен быть человек, который может вынести это. Джарвис не был ни достаточно стоек, ни достаточно вынослив. Мы знаем, что ты — такой.

— Я?! Все, что вы знаете,— это то, что один раз я уже пережил это. Я не смогу в ы н е с т и это еще раз.

— Во всяком случае,— невозмутимо ответил Старик,— тебя трудней убить, чем кого-либо другого. Ты — испытанный и прожженный, с кем-нибудь другим у меня больше риска потерять агента.

— С каких это пор вас беспокоит риск потерять агента? — спросил я злобно.

— Всегда, поверь мне. Я даю тебе еще один шанс, сынок. Либо ты решишься сделать это, зная, что это должно быть сделано и что твое участие — лучший шанс из всех, либо ты заставишь рисковать головой другого агента вместо тебя.

Я попытался объяснить ему, что я чувствую. Я не мог вынести мысль о смерти во власти паразита. Каким-то образом я знал, что умирать так — это значит умирать, погружаясь в бесконечный, непереносимый ад. Хуже всего была перспектива не умереть в тот момент, когда слизняк коснется меня. Но я не мог найти слов, чтобы объяснить это.

Я пожал плечами.

— Вы можете меня уволить. Но есть предел тому, на что способен один человек. Я не сделаю это.

Старик повернулся к внутреннему коммутатору на столе.

— Лаборатория,— вызвал он.— Сейчас начинаем. Поторапливайтесь.

Я узнал голос человека, который заходил к нам.

— Какой объект? — спросил он.

— Первый доброволец.

— Оборудование меньшего размера? — с сомнением в голосе спросил он.

— Верно. Доставьте его сюда.

Я направился к двери.

— Куда?! — заорал Старик.

— Вон отсюда,— огрызнулся я.— Не хочу принимать в этом участия.

Он схватил меня и повернул кругом.

— Нет, ты будешь! Ты знаешь этих тварей! Твой совет сможет нам помочь!

— Позвольте мне уйти.

— Ты останешься! — сказал Старик жестко.— Привязанный или свободный. Я принимаю в расчет твою болезнь, но с меня хватит твоих глупостей.

Я был слишком слаб, чтобы сопротивляться.

— Вы — босс.

Сотрудники лаборатории притащили своего рода стул, больше похожий на электрический стул в тюрьме Синг-Синг. Там были зажимы для лодыжек и коленей, а также для запястий и локтей. Кроме того, там были латы, чтобы удерживать спину и грудь, но спинка стула была снята таким образом, чтобы плечи жертвы оставались голыми.

Его поставили рядом с обезьяньей клеткой, а затем саму клетку придвинули поближе к этому «стулу». За всем происходившим обезьяна наблюдала пытливым, сознательным взглядом, но конечности ее по-прежнему безжизненно свисали. Как бы там ни было, меня стало беспокоить то, что клетка была открыта. Лишь угроза Старика удерживала меня здесь. Специалисты стояли сзади, по-видимому, готовые начать эксперимент. Входная дверь распахнулась и вошли несколько человек, среди них Мэри.

Я был выбит из колеи. Я хотел видеть Мэри, пытался, и не один раз, передать ей словечко через моих сиделок. Однако они не могли найти ее, либо имели соответствующие инструкции. Теперь я видел ее при этих обстоятельствах. Я проклинал Старика — это был не тот случай, когда можно привести с собой женщину, пусть даже женщину-агента. Должны же быть какие-то понятия о приличиях.

Мэри посмотрела на меня удивленно и кивнула; я ответил ей тем же; времени для каких-либо разговоров не было. Она хорошо выглядела, хотя была слишком серьезной. Одета в такой же костюм, какой носили мои сиделки, но у нее не было каски и брони на спине. Остальные были мужчины, навьюченные аппаратурой стереозаписи и прочим оборудованием.

— Готовы? — спросил шеф лаборатории.

— Начинаем,— ответил Старик.

Мэри пошла прямо к «стулу» и села на него. Двое техников начали закреплять зажимы. Я смотрел, застыв от изумления. Потом схватил Старика и буквально отбросил его в сторону. И стал расшвыривать техников.

— Мэри! — завопил я.— Убирайся отсюда!

Пистолет Старика был направлен на меня.

— Прочь от нее,— приказал он.— Вы, трое, возьмите его и свяжите.

Я посмотрел на пистолет, потом на Мэри. Она не двигалась с места; ее ноги были уже закреплены. Она просто с жалостью смотрела на меня.

— Встань, Мэри,— сказал я вяло.— Я хочу сесть.

Они отодвинули стул от клетки и заменили его на другой, большего размера. Когда меня закончили закреплять, я был словно хорошо замурован в бетоне. Спина стала невыносимо зудеть, хотя ничего — пока — к ней не прикоснулось.

Мэри не было больше в комнате. Я не видел, как она ушла, но это, казалось, не имело значения. После того как я был подготовлен, Старик положил руку мне на плечо и тихо сказал:

— Спасибо, сынок.

Я не ответил.

Я не видел, как они взяли паразита и поместили его сзади на мою спину. Мне было неинтересно смотреть на это, даже если бы я мог повернуть голову, но я не мог. Один раз обезьяна рявкнула и пронзительно завизжала, и кто-то крикнул:

— Следите за ней!

Потом была тишина, как если бы все разом задержали дыхание, а потом что-то влажное коснулось моей шеи, и я потерял сознание.

Я очнулся, ощущая то же энергичное покалывание, которое я испытывал перед этим. Я знал, что нахожусь в трудном положении, но получил установку тщательно подумать о том, как выбраться отсюда. Мне не было страшно; я был полон презрения и уверенности, что смогу провести их.

Старик сказал отчетливо:

— Ты слышишь меня?

Я ответил:

— Перестаньте кричать.

— Ты помнишь, зачем мы здесь?

— Вы хотели задавать мне вопросы. Чего вы ждете?

— К т о т ы ?

— Глупый вопрос. Я шести футов высотой, во мне больше мускулов, чем мозгов, и я вешу...

— Я не говорю конкретно о тебе. Ты знаешь, о ком я говорю. О в а с .

— Игра в угадывание?

Старик подождал, а потом ответил:

— Не стоит притворяться, что я не знаю, что вы из себя представляете...

— Ах, так вы знаете?

— Вам известно, что я изучал вас все время, пока вы жили на теле этой обезьяны. Я знаю вещи, которые дают мне преимущество. Во-первых,— Старик стал перечислять их,— вас можно убить. Во-вторых, вы можете испытывать боль. Вы не любите электрического шока и не можете выдерживать жары, даже такой, какую может выдержать человек. В-третьих, вы беспомощны без вашего носителя. Если я сниму вас с него, вы погибнете. В-четвертых, у вас нет своей энергии, кроме той, которую вы заимствуете,— а ваш носитель беспомощен. Испытайте свои оковы. Вы должны сотрудничать с нами — или умереть.

Я уже испытал оковы и нашел, что они, как я и предполагал, не оставляют надежды вырваться из плена. Это не беспокоило меня. Я был странно удовлетворен тем, что вернулся к моему «хозяину», был свободен от невзгод и беспокойства. Мое дело было служить; будущее само позаботится о себе. Один зажим на лодыжке казался слабее, чем другой. Возможно, я смогу вытащить ногу из него. Я проверил ручные зажимы. Что ж, если я полностью расслаблюсь...

Инструкция, наконец, пришла — или это я принял решение; слова не имеют значения. Между мной и «хозяином» не было конфлик-

та: мы были одно целое. Инструкция или решение — я знал теперь, что сейчас не время рисковать, пытаясь совершить побег. Я обвел глазами комнату, пытаясь определить, кто вооружен. По моим расчетам — только Старик. Это увеличивало шансы.

Где-то глубоко внутри меня были боль из-за чувства вины и отчаяния, которые могут испытывать только слуги своих «хозяев», но я был слишком занят, чтобы беспокоиться об этом.

— Ну? — продолжал Старик.— Вы будете отвечать на вопросы, или я накажу вас?

— Какие вопросы? — спросил я.— До сих пор все, что вы говорили,— полная чепуха.

Старик повернулся к технику.

— Дайте мне электрический прут,— сказал он.

Я не почувствовал опасности, будучи слишком занят изучением своих оков. Если мне удастся вынудить его держать пистолет в пределах досягаемости... Допустим, мне удастся освободить одну руку, затем я смогу...

Старик коснулся прутом моих плеч. Я испытал ужасную боль, комната померкла. Меня отделили от «хозяина», и на мгновение я оказался без него. Потом боль ушла, оставив только тупое воспоминание. Прежде чем я снова смог ясно мыслить, мое раздвоение кончилось, и я опять был в безопасности под властью моего «хозяина». Но теперь, в первый и единственный раз за время моего служения ему, я сам не был свободен от тревоги; что-то из его собственного дикого страха передалось мне.

— Ну? — спросил Старик.— Как вам это понравилось?

Паника схлынула: я снова был полон безмятежного благополучия, хотя и проявлял осторожность и бдительность. Запястья и лодыжки, которые начали было болеть, теперь перестали беспокоить меня.

— Почему вы сделали это? — спросил я.— Конечно, вы можете причинить мне боль, но зачем?

— Отвечайте на мои вопросы.

— Задавайте их.

— К т о в ы ?

Я ответил не сразу. Старик потянулся за прутом. Я услышал, как я говорю:

— Мы — народ.

— Какой народ?

— Мы только народ. Мы изучаем вас, и мы знаем ваш образ жизни. Мы...— внезапно я остановился.

— Говорите,— сказал Старик мрачно и помахал прутом.

— Мы пришли,— продолжал я,— принести вам...

— Принести нам что?

Я хотел говорить: прут был ужасающе близко. Но со словами вышло какое-то затруднение.

— Принести вам мир,— выпалил я.

— Мир,— продолжал я,— и удовлетворение, даже наслаждение от... от капитуляции...— Я снова запнулся: «капитуляция» была не тем словом. Я испытывал затруднения, какие бывают с иностранным

языком.— Наслаждение,— повторил я,— наслаждение от... н и р в а н ы .— Слово подходило. Я почувствовал себя как собака, которую погладили за то, что она принесла палку; я извивался от удовольствия.

— Поясните мне,— сказал Старик.— Вы обещаете человеческой расе в том случае, если только мы капитулируем, что позаботитесь о нас и сделаете нас счастливыми. Правильно?

— Именно так!

Старик обдумывал это, глядя сзади на мои плечи. Затем плюнул на пол.

— Вы знаете,— проговорил он медленно,— мне и таким, как я,— нам очень часто предлагали подобную сделку. Но игра никогда не стоила свеч.

— Испытайте сами,— предложил я.— Это можно сделать быстро. Тогда вы будете з н а т ь .

Все это время он впивался взглядом в мое лицо.

— Может быть, я и сделаю это. Но сейчас,— продолжал Старик живо,— у нас есть вопросы. Отвечайте быстро и по существу, и вы останетесь здоровы. Если будете медлить, я включу ток.— Он потряс прутом.

Я сжался от ужаса, чувствуя, что планы мои расстроены. Я уже было решил, что мне удастся его уговорить, и планировал возможность побега.

— Итак,— сказал Старик.— Откуда вы?

Ответа не было. Я не горел желанием отвечать.

Прут приблизился.

— Издалека! — выкрикнул я.

— Это не новость. Где ваша база, ваша планета? — Старик подождал, затем продолжил: — Я могу освежить вашу память.— Я тупо смотрел на него, ни о чем не думая. Его прервал помощник.

— Это может быть семантически трудно,— сказал тот.— Разные астрономические понятия.

— Почему? — спросил Старик.— Слизняк знает то, что знает его носитель. Мы убедились в этом.— Однако он изменил тактику.— Смотрите. Вам понятно строение Солнечной системы. Ваша планета внутри ее или вне?

Я поколебался, а затем сказал:

— Все планеты наши.

Губы Старика скривились.

— Я хотел бы знать,— вслух размышлял он,— что вы имеете в виду.— И, сделав паузу, продолжил: — Неважно; вы можете претендовать на всю эту чертову Вселенную. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели ваши корабли?

Я не должен был отвечать ему. Я сидел молча. Внезапно он оказался позади меня и я почувствовал сокрушительный удар.

— Говори же, черт побери! Какая планета? Марс? Венера? Юпитер? Сатурн? Уран? Нептун? Плутон? — Когда он перечислял эти планеты, я видел их. А ведь я никогда не был дальше космической станции... Когда он назвал нужную планету, я сразу узнал ее.

— Говорите! — настаивал Старик.— Или отведаете кнута!

Я услышал, как я сказал:

— Ни одна из них. Наш дом значительно дальше.

Он взглянул на мои плечи, а затем мне в глаза.

— Вы лжете. Нужно немного электричества, чтобы поддержать вашу честность.

— Нет-нет!

— Попытаться не мешает.— Медленно он вонзал прут мне в спину. Теперь я снова знал ответ и был готов дать его, но что-то перехватило мое горло. Потом наступила боль.

Она не кончалась. Я пытался что-то говорить — все равно что, лишь бы прекратить боль, но спазм снова перехватил мне горло.

Сквозь туман боли я видел лицо Старика, мерцающее и расплывающееся.

— Хватит? — спросил он.

Я начал отвечать, но задохнулся и замолк. Я увидел, как он поднимает прут снова.

Я разорвался на куски и умер.

Они склонились надо мной. Кто-то сказал:

— Он приходит в себя.

Я увидел над собой лицо Старика.

— Ты в порядке, сынок? — спросил он озабоченно.

Я отвернулся от него.

— Посторонитесь, пожалуйста,— прозвучал чей-то голос.— Дайте мне сделать ему инъекцию.— Говоривший встал на колени возле меня и сделал мне укол.

Потом встал, посмотрел на свои руки и вытер их об шорты.

«Гиро»,— подумал я отстраненно,— или что-либо в этом роде. Что бы это ни было, это вернет мне силы». Вскоре я самостоятельно сел. Я все еще находился в комнате с клеткой, прямо перед этим чертовым креслом. Я попытался встать на ноги. Старик подал мне руку. Я отбросил ее прочь.

— Не прикасайтесь ко мне!

— Извини,— ответил он, потом гаркнул: — Джонс! И ты! Возьмите носилки. Отнесите его в лазарет. Док, идите с ними!

— Конечно.— Человек, который сделал мне укол, продолжал держать меня за руку.

Я отпрянул назад.

— Прочь руки!

Доктор посмотрел на Старика. Тот пожал плечами, а затем жестом отослал их. Я пошел к двери один, открыл ее и попал в коридор. Там я задержался, поглядел на свои запястья и лодыжки и решил, что мне лучше всего отправиться в лазарет. Дорис позаботится обо мне, а потом, может быть, я смогу уснуть. Я чувствовал себя так, словно дрался пятнадцать раундов и проиграл их все.

— Сэм! Сэм!

Я узнал этот голос. Мэри спешила ко мне. Она остановилась передо мной, глядя на меня огромными скорбными глазами.

— О, Сэм! Что они делали с тобой! — Она так задыхалась от волнения, что я едва смог понять ее.

— Ты знаешь что,— ответил я и у меня хватило еще сил, чтобы влепить ей пощечину.

— Сука,— добавил я.

Моя комната в лазарете была свободна, но я не нашел Дорис. Я закрыл за собой дверь, лег на кровать лицом вниз и попытался ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Наконец, услышал возглас изумления и приоткрыл один глаз. Это была Дорис.

— Боже! Что творится в мире! — воскликнула Дорис. Я ощутил на себе ее легкие руки.— Ну-ну, моя бедная детка! — Потом добавила: — Я приведу доктора.

— Нет! — закричал я.

— Но вам нужен доктор.

— Я не хочу его видеть. Ты мне поможешь.

Она не ответила. Я слышал, как она вышла и вскоре вернулась, по крайней мере, мне показалось, что скоро, и стала промывать раны. Я чуть не заорал, когда она дотронулась до спины. Но она перевязала ее очень быстро и сказала:

— Теперь будет легче.

— Я останусь лежать лицом вниз.

— Нет, я хочу, чтобы вы выпили кое-что. Будьте хорошим мальчиком.

Я повернулся с ее помощью, выпил то, что она дала, и немного погодя уснул.

Мисс Бриггс разбудила меня, а Дорис покормила. Все было так, словно я никогда не покидал больницу. А чувствовал я себя так, будто переправился через Ниагарский водопад в бочке. Руки и ноги были перебинтованы в местах, где крепились зажимы, но кости были целы. Однако больше всего у меня болела душа.

Не поймите меня превратно. Старик мог послать меня на опасное задание — для этого я и был предназначен. Он знал, чем можно забрать меня за живое, и использовал это, чтобы принудить к тому, на что я никогда бы не согласился по своей воле. А заполучив меня, использовал беспощадно. Старик — вот кто действительно сделал мне больно.

Мэри? Да кто она такая после всего происшедшего? Просто баба. Она была мне отвратительна после того, как позволила использовать себя как приманку. Вполне естественно для нее как агента использовать свою женскую привлекательность. Отдел имеет целый штат сотрудниц, молодых и хорошеньких, умевших пускать в ход свое главное оружие — женские чары. Но Мэри не должна была соглашаться применять это оружие против своего товарища-агента — по крайней мере, она не должна была использовать его против м е н я.

Не очень логично, правда? Но это было логично для меня. Они могут продолжать операцию «Паразит» без меня. В моем небольшом домике в горах Адирондак хранился запас замороженных продуктов, по крайней мере, на год. Я возьму с собой множество «таблеток времени» и поеду туда, а мир пусть спасает себя сам или летит в тартарары, но без меня.

И если хоть кто-нибудь покажется в пределах ста ярдов, то пусть предъявит мне свою голую спину или будет уничтожен.

XI

Я должен был кому-то рассказать об этом, и Дорис стала «козлом отпущения». Она была возмущена. Сокрушаясь, она перевязывала мне раны и кудахтала, как курица. Будучи медсестрой, она перевязывала раны и похуже, но эти были нанесены *нашими, своими же людьми*. Сгоряча я сболтнул, что я думаю по поводу участия в этом Мэри.

— И вы собирались на ней *жениться*?!

— Точно. Я дурак, не так ли?

— Ведь она знала, что могла угробить вас. Это непорядочно! — Дорис перестала меня массировать, глаза ее сверкнули.— Я никогда не встречала вашу рыжую, но если встречу — расцарапаю ей физиономию!

Я засмеялся.

— Ты славная детка, Дорис. Я верю, что ты будешь вести честную игру с мужчиной.

Явилась Мэри. Первое, что я услышал, был сердитый голос Дорис:

— Вы не войдете сюда!

Голос Мэри:

— Войду.

Дорис завизжала:

— Уходите прочь — или я вырву ваши крашенные волосы!

Дальше последовали звуки потасовки и — *бац*! — кто-то кому-то влепил пощечину. Я завопил:

— Эй! Что там происходит?

Они появились в дверях вместе. Дорис тяжело дышала, волосы всклокочены. Мэри ухитрялась выглядеть полной достоинства, но на щеке у нее красовалось яркое красное пятно размером с ладонь Дорис.

Дорис перевела дыхание и заявила:

— Уходите. Он не хочет вас видеть.

Мэри ответила:

— Я услышу это от него самого.

Я оглядел их обоих, потом сказал:

— Черт побери! Раз она здесь, я должен кое-что сказать ей. Спасибо за старания, Дорис.

Дорис взорвалась:

— Вы дурак! — И бросилась вон.

Мэри подошла к кровати.

— Сэм...

— Меня зовут не Сэм.

— Но я никогда не знала твоего настоящего имени.

Не было времени объяснять ей, почему мои родители наградили меня именем Элю. Я ответил:

— Что с того? Пусть будет Сэм.

— Сэм! — повторила она.— О, Сэм, дорогой мой...

— Я тебе не «дорогой».

Мэри опустила голову.

— Да, я знаю. Только не знаю почему. Сэм, я пришла узнать, за что ты меня ненавидишь. Я должна выяснить это.

Я фыркнул.

— После всего, что сделала, ты не знаешь? Мэри, ты можешь быть холодна как рыба, но ты не идиотка.

Она помотала головой.

— Наверно, я точно умственно отсталая, Сэм. Я не холодная, но я часто веду себя глупо. Посмотри на меня, пожалуйста. Я знаю, что они сделали с тобой. Я знаю, что ты пошел на это, спасая меня. И я глубоко тебе благодарна. Но я не знаю, почему ты ненавидишь меня. Я не просила тебя делать это и не хотела, чтобы ты делал.

Я не ответил. Тогда она сказала:

— Ты не веришь мне?

Я приподнялся на локтях.

— Я верю, что ты убедила себя, что так нужно, а теперь я скажу т е б е, как это было.

— Скажи, пожалуйста.

— Ты села на этот хитрый стул, зная, что я никогда не дам тебе пройти через это. Ты з н а л а, независимо от того, допускало это твое изобретательное женское сознание или нет. Старик не смог бы принудить меня ни под дулом пистолета, ни даже наркотиками. Ты смогла. Я скорей согласился бы умереть, чем прикоснуться к этой твари. Ты заставила меня сделать это.

Она начала медленно бледнеть, пока лицо не стало почти зеленым на фоне волос. Мэри прерывисто вздохнула и сказала:

— Это было не так, Сэм. Я не знала, что ты будешь там, и была ужасна поражена, увидев тебя. Я сама собиралась пройти через это. Я обещала.

— «Обещала»,— повторил я.— Обещание школьницы...

— Вряд ли это было обещание школьницы.

— Не имеет значения. И не имеет значения, говоришь ли ты правду о том, знала ты или нет, что я буду там. Важно одно: ты была там и я был там — и ты могла рассчитать, что будет, если ты сделаешь то, что сделала.

Она помолчала, потом сказала:

— Так это выглядит в твоем восприятии, а я не могу спорить с фактами.

— Да уж!

Она долго стояла неподвижно. Я не мешал ей. Наконец она сказала:

— Сэм, однажды ты говорил что-то насчет того, что хочешь жениться на мне.

— Тогда был иной день.

— Я не жду, что ты возобновишь свое предложение. Но я хочу, чтобы ты знал, что я согласна... Ты понимаешь меня? Неважно, что ты думаешь обо мне, но я хочу сказать, что я так благодарна тебе за все, что ты сделал для меня.

Я ухмыльнулся.

— Меня изумляет то, как хитрость у женщин легко превращается в искренность. Вы всегда думаете, что можно аннулировать счет и начать игру сначала.— Я продолжал ухмыляться, в то время как она краснела.— Не пройдет. Я не хочу причинять тебе беспокойство, принимая твое великодушное предложение.

Она подошла ко мне и сказала твердым голосом:

— Как бы там ни было, знай: я сделаю для тебя все, что пожелаешь.

Я опустился на постель и лег.

— Уверен, что ты можешь что-то сделать для меня.

Ее лицо загорелось.

— Что?

— Наконец-то оставить меня в покое. Я устал.

Я отвернулся.

В полдень меня навестил Старик. Моей первой реакцией было удовольствие: Старика трудно потрясти чем-либо. Потом я опомнился и стал холоден.

— Я хочу поговорить с тобой,— начал он.

— А я с вами — нет. Уходите.

Он проигнорировал это и сел.

— Могу я сесть?

— Похоже, вы уже сидите.

Он проигнорировал и это.

— Знаешь, сынок, ты один из моих лучших мальчиков, но временами ты бываешь вспыльчив.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил я.— Как только доктора позволят мне встать, я уйду в отставку.

Он умел не слышать то, чего не хотел слышать.

— Ты делаешь слишком поспешные выводы. Взять, например, эту девочку, Мэри...

— Какую еще Мэри?

— Ты знаешь, кого я имею в виду. Ты знаешь ее как Мэри Кэваноу.

— Я не имею к ней никакого отношения.

— Насчет нее ты все перевернул с ног на голову. Ты целиком вывел ее из равновесия. Можешь испортить мне хорошего агента.

— Гм... я весь в слезах.

— Послушай, ты, сопляк, у тебя нет никаких оснований грубить ей. Ты не знаешь фактов.

Я не ответил. Объяснения — плохая защита.

— О, я знаю, что ты думаешь,— продолжал он.— Ты думаешь, что она позволила, чтобы ее использовали в качестве наживки. Хорошо, но ты понял все несколько не так. Да, она была использована. Но ее использовал я. Я спланировал все это.

— Это-то я знаю.

— Тогда зачем же обвинять ее?

— Вы злой, бессердечный ублюдок! Потому что вы не смогли бы ничего сделать, не сговорившись с нею.

Он не слушал моих сквернословий и продолжал:

— Ты все понимаешь, но все же суть дела заключается в том, что д е в у ш к а н е з н а л а.

— Черта с два, она была т а м.

— Да, она была там. Сынок, я когда-нибудь лгал тебе?

— Нет,— согласился я.— Но не думаю, что вы стали бы колебаться хоть мгновение.

Он ответил:

— Возможно, я заслужил это. Да, я солгал бы одному из моих людей, если бы от того зависели интересы страны. Но в данном случае я не солгал. Девушка действительно не знала, что ты будешь в той комнате. Она не знала, зачем ты был там. Она вообще не знала, что не она сядет на этот стул, и что я уже решил, что ты — единственная подходящая для меня кандидатура. Я все равно бы заставил тебя пойти на это, даже если бы мне пришлось связать тебя. Но я прибегнул к хитрости, и ты дал добровольное согласие. Черт побери тебя, сынок, она даже не знала, что ты выписан из госпиталя.

Мне хотелось верить в то, что он говорил. Ведь не просто так затеял он эту игру, рискуя потерять двух своих главных агентов.

— Посмотри на меня! — продолжал он.— И заруби у себя на носу. Во-первых, все, включая меня, высоко ценят то, что ты сделал, несмотря на мотивы. Я отправил бумагу, и, нет сомнений, ты получишь медаль. Это будет независимо от того, останешься ты в Отделе или нет. Но не строй из себя героя...

— А я и не строю.

— ...потому что эта медаль дается не тому человеку. Мэри заслужила ее гораздо больше... Теперь замнем это дело; я не закончил. Да, тебя принудили к этому. Несомненно, ты прошел через тяжелые испытания. Но настоящим, подлинным добровольцем была Мэри. Когда она садилась на этот стул, она не ожидала никаких перемен в последующие минуты. У нее были все основания считать, что если она и выживет, то сознание ее помутится навсегда — это хуже, чем смерть. Однако она сделала это, потому что она — герой, который даст тебе сто очков вперед... Вот что я хочу сказать тебе: она больше мужчина, чем ты, а ты обошелся с ней так несправедливо.

Я был в таком замешательстве, что не мог понять, говорит ли он правду или снова манипулирует мной. Я сказал:

— Может быть, я отхлестал не того, кого надо. Но если вы говорите правду...

— Правду, сынок.

— ...это не делает то, что вы сделали, слаще, а только хуже.

Он принял это без уверток.

— Мне жаль, сынок, если я потерял твое уважение. Но мне не остается ничего другого, как командовать в сражении. Мало того, мне приходится пользоваться самым разным оружием. Я всегда в состоянии пристрелить свою собственную собаку. Может быть, это плохо, но этого требует наша профессия. Если ты когда-нибудь будешь на моем месте, ты станешь поступать точно так же.

— Похоже, что не буду.

— Почему бы тебе не отдохнуть и не подумать обо всем?

— Я уйду в отставку. Это окончательно.

— Очень хорошо.— Он пошел к двери.

Я сказал:

— Подождите.

— Да?

— Вы мне обещали... насчет того паразита... вы сказали, что я смогу убить его, сам.

— Да, но...

Я начал подниматься с постели.

— Никаких «но». Дайте мне пистолет. Я сделаю это сейчас.

— Не сможешь. Он уже мертв.

— Что?! Вы о б е щ а л и мне.

— Я знаю. Но он сдох... Когда мы пытались заставить тебя... то есть заставить е г о — говорить.

Я затрясся от смеха. Я хохотал и не мог остановиться.

Старик встряхнул меня.

— Успокойся. Тебе будет плохо. Здесь не над чем смеяться.

— Нет, есть,— ответил я, всхлипывая и хихикая.— Это самое смешное из всего, что могло произойти. Столько страданий — и ничего в результате. Вы замарали себя. Вы потеряли меня и Мэри. И все без пользы...

— Да? Почему ты так думаешь?

— Я з н а ю. Вы же не получили даже маленький отдачи — от него, от нас. Вы не узнали ничего, чего не знали бы раньше!

— Черт возьми, узнали!

— Черт возьми, нет!

— Успех больше, чем ты даже можешь себе представить. Правда, мы ничего не выжали непосредственно из него, но перед тем как он сдох, мы узнали кое-что от тебя.

— От меня?

— Прошлой ночью. Мы изучали тебя прошлой ночью. Ты был под наркотиком и гипнозом; анализаторы записывали колебания твоих мозговых волн. Паразит открыл тебе кое-что, и это продолжало оставаться в твоей памяти. Так что гипноаналитикам осталось только извлечь это из тебя, когда ты от него освободился.

— Что? Что именно?

— Место, где они живут. Мы знаем теперь, откуда они прибыли и куда могут вернуться. Это Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он это сказал, мне будто сдавило горло — и я понял, что он был прав.

Казалось, он хотел оставаться дружелюбным. Что до меня, то я не хотел с ним бороться. Голова кружилась; было от чего прийти в смятение. Титан — как это далеко отсюда! Пока что Марс оставался самым отдаленным местом, где когда-либо был человек, не считая, правда, экспедиции на спутники Юпитера, но из нее никто не вернулся.

И все же мы могли добраться до Титана, если бы был резон туда лететь. Мы испепелили бы их гнездо!

В конце концов Старик собрался уходить. Он уже похромал к двери, когда я остановил его:

— Папа!

Я не называл его так многие годы. Он повернулся, взволнованный, удивленный и беззащитный.

— Да, сынок?

— Почему вы с мамой назвали меня Элю?

— А? Ну, так звали твоего дедушку по матери.

— О, я думаю, не только поэтому.

— Может быть...— Он повернулся, но я снова остановил его.

— А что за человек была моя мама?

— Твоя мама? Я не знаю, как поточнее объяснить тебе. Ну... она была очень похожа на Мэри. Да, сэр, в значительной степени она была такой, как Мэри.— Он заковылял прочь, не давая мне больше шансов поговорить с ним.

Я повернулся лицом к стене.

XII

Когда доктор выписал меня, я отправился искать Мэри. Я не рассчитывал, что она будет рада видеть меня, но я должен был поговорить с ней.

Вы, наверно, думаете, что высокую, красивую, рыжую найти так же легко, как ровное место в Канзасе? Ничего подобного! Оперативные агенты приходят и уходят, а постоянный штат предпочитает заниматься своими собственными делами. Сотрудники нашего офиса вежливо отмахнулись от меня. Они отправили меня в оперативный отдел, что подразумевало — к Старику. Это меня не устраивало.

Обивая пороги, я столкнулся даже с подозрительностью, отчего стал чувствовать себя будто шпион в собственном Отделе.

Я пошел в биолабораторию и поговорил с ассистентом. Он ничего не знал о девушке, имевшей отношение к операции «Интервью». Тогда я направился в офис Старика. Выбора не было.

За столом вместо мисс Хайнес сидела новая секретарша. Я больше никогда не видел мисс Хайнес и даже не спрашивал, что с ней; я не хотел этого знать. Новая секретарша передала по селектору мой идентификационный код, и, к моему удивлению, Старик оказался на месте и согласился принять меня.

— Чего ты хочешь? — спросил он сварливо.

— Подумал, что у вас есть какая-нибудь работа для меня,— сказал я, хотя это было совсем не то, что я собирался сказать.

— Естественно. Я как раз собирался послать за тобой. Ты бездельничал достаточно долго.— Он рявкнул что-то по телефону, поднялся и сказал: — Пошли!

Внезапно я почувствовал умиротворение.

— К косметикам? — спросил я.

— Сойдет и твое собственное безобразное лицо. Мы направляемся в Вашингтон.

— Надеюсь, этот город чистый?

— Если ты так думаешь, то у тебя ржавые мозги,— ответил Старик.— Разуй глаза!

Для дальнейших вопросов не было возможности. Такое большое количество полностью одетых людей вокруг внушало мне беспокойство. Я почувствовал, что меня тянет прочь с улицы и что я высматриваю сутулых. Подниматься в набитом народом лифте, чтобы попасть на пусковую платформу, казалось мне явным безрассудством. Когда мы наконец оказались в машине, я так и сказал:

— О чем, черт побери, думают власти? Я мог бы поклясться, что полицейский, мимо которого мы только что прошли, имеет горб.

— Возможно. Даже наверняка.

— Господи боже, я-то думал, что вы уже боретесь на всех фронтах.

— Что бы ты предложил?

— Скажите, Президент знает обстановку?

— Знает.

— Так чего же он ждет? Он должен объявить чрезвычайное положение и действовать.

— Сынок, по твоему мнению, Президент управляет страной?

— Но ведь только он может принимать решения.

— Ммм... Президент — пленник Конгресса.

— Вы хотите сказать, что Конгресс все это время б е з д е й с т в о в а л ?

— Последние дни, с тех пор как мы предотвратили покушение на Президента, я пытаюсь помочь ему убедить конгрессменов. Они отказываются действовать даже перед лицом опасностей, гораздо более очевидных, чем эта. А эта не очевидна. Доказательства слабые, и в них трудно поверить.

— А как насчет помощника Секретаря Кабинета Министров? Ведь этот факт они не могут игнорировать.

— Не могут? Мы сорвали тварь с его спины прямо в восточном крыле и убили двух его охранников. Сейчас достопочтенный джентльмен с нервным потрясением находится в психиатрической лечебнице и не может вспомнить, что же с ним случилось. Кабинет Министров преподал это как попытку убить Президента, которая была сорвана. Это правда, но совсем не то, что они имели в виду.

— А какого мнения придерживается сам Президент?

— Советники рекомендуют ему ждать. В обеих палатах Конгресса есть люди, которые хотели бы видеть голову Президента на плахе. Партийная политика — грязная игра.

— Видит бог, приверженность какой-либо партии не имеет значения в таком случае, как этот!

Старик поднял бровь.

— Ты думаешь, не имеет? А?

Наконец мне удалось задать ему вопрос, который я приготовил еще в офисе:

— Где Мэри?

— Странно слышать это от тебя,— ухмыльнулся он. Я начал краснеть. Старик продолжил: — Где ей быть? Охраняет Президента...

Сначала мы пошли на закрытую сессию совместной специальной комиссии. Когда мы явились туда, там крутили фильм о моем друге Наполеоне — он был с *титаном* на спине, затем без него. Все паразиты выглядят одинаково; но я узнал этого и был чрезвычайно рад, что он уже мертв.

Потом от обезьяны эстафета перешла ко мне. Я видел себя прикрепленным к стулу. Мне неприятно это признавать, но я выглядел жалким и отвратительным. В самом деле, трус не бывает симпатичным. Я смотрел, как они пересаживали *титана* с обезьяны на мою собственную спину.

Затем потерял сознание на экране и почти потерял сознание уже здесь, в зале. Не буду описывать этого: это выше моих сил. Но я видел с м е р т ь твари. Ради этого стоило посмотреть все остальное!

Фильм закончился, и председатель сказал:

— Итак, джентльмены?

— Прекрасные трюки! Без операторов из Голливуда тут не обошлось!

Они захихикали, потом кто-то воззвал:

— Тихо! Слушайте!

Шеф нашей биолаборатории давал показания, после него вызвали меня. Я назвал свое имя, адрес и профессию, затем был спрошен, что я испытывал с *титаном* на спине. Вопросы читались с листа. Я понял, что конгрессмены н е х о т е л и слушать мои ответы. Кто зевал, кто уткнулся в газету.

С места было задано лишь два вопроса. Один сенатор сказал мне:

— Мистер Нивенс... Ваше имя д е й с т в и т е л ь н о Нивенс?

Я кивнул.

— Мистер Нивенс,— продолжал он,— вы говорите, что вы следователь...

— Да.

— Вы из ФБР, конечно?

— Нет, мой шеф докладывает непосредственно Президенту.

Сенатор улыбнулся.

— Именно т а к я и думал... Итак, мистер Нивенс, в действительности вы актер. Не правда ли? — Он выглядел таким уверенным, словно справлялся обо мне в отделе кадров. Я хотел сказать, что

один сезон был действительно актером в летней театральной труппе, но тем не менее я на самом деле реальный, живой, несомненный следователь. Однако он не дал мне и рта раскрыть.— Вы отлично сыграли эту роль, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос был задан старейшим сенатором, который желал знать мое мнение насчет использования налоговых денег на вооружение других стран, и сам воспользовался своим вопросом, чтобы выразить собственное мнение. Мое мнение на сей счет было путаным, да и я не собирался высказывать его.

— Садитесь, мистер Нивенс.

— Послушайте,— обратился я к высокому собранию.— Вы явно думаете, что это дело подстроено. Тогда, ради бога, принесите сюда детектор лжи. Или используйте тестирование под гипнозом. Это не шутка.

Председатель стукнул молоточком.

— Садитесь, мистер Нивенс.

Я стоял.

Старик говорил мне, что целью собрания было принять совместную резолюцию, объявляющую тотальное военное положение и дающую Президенту чрезвычайные полномочия. Нас изгнали перед голосованием. Я сказал Старику:

— Скверно все это.

— Забудь,— ответил он.— Президент уже знал, что игра проиграна, как только услышал фамилии членов комиссии.

— Что же тогда нам остается? Ждать, пока слизняки захватят Конгресс?

— Президент будет требовать у Конгресса чрезвычайных полномочий.

— Он получит их?

Совместная сессия была закрытой, но мы на ней присутствовали по прямому указанию Президента. Старик и я сидели на маленьком балкончике позади трибуны спикера. Начали заседание полным вздором, а затем перешли к церемонии представления Президента. Он сразу же вошел в сопровождении целой делегации. Охранники — все наши люди.

Мэри тоже была с ним. Кто-то поставил для нее складной стул прямо возле Президента. Она вертела в руках записную книжку и подавала ему бумаги, играя роль секретарши. Но на этом маскировка кончалась. Мэри выглядела, как Клеопатра знойной ночью, и была здесь так же неуместна, как кровать в церкви. Она привлекала к себе не меньше внимания, чем сам Президент.

Я поймал ее взгляд, и она подарила мне долгую, сладкую улыбку. Я скалил зубы, как щенок, пока Старик не толкнул меня под ребра. Тогда я постарался угомониться и вести себя как подобает.

Президент основательно объяснил ситуацию. Просто изложив факты, он закончил так:

— Положение, в котором мы оказались, является настолько странным и критическим, настолько вообще выходит за рамки чего-либо ранее известного, что я должен просить расширения моих пол-

номочий для борьбы с ним. В некоторых районах страны должно быть объявлено военное положение. Серьезное ограничение гражданских прав будет временной, но необходимой мерой. Право свободного передвижения должно быть поставлено под строгий контроль. Право, не допускающее обыск и арест, должно уступить место праву безопасности для каждого. Поскольку любой гражданин, независимо от его респектабельности и лояльности, может стать невольным слугой наших тайных врагов, то все как один должны быть равны перед лицом некоторой утраты права личной неприкосновенности до тех пор, пока с этим бедствием не будет покончено. С крайней неохотой я вынужден просить вас, чтобы вы санкционировали эти необходимые шаги.

Толпу можно чувствовать. Президент встревожил их, но не убедил. Председатель Сената взглянул на лидера сенатского большинства; было запрограммировано, что именно тот внесет резолюцию.

Не знаю, покачал ли этот лидер головой, или же он подал какой-то знак, но только слова он не взял. Между тем получившаяся задержка создала неловкость, и послышались крики:

— Господин Президент!

— К порядку!

Председатель Сената проигнорировал нескольких желающих высказаться и дал слово члену своей партии — сенатору Готлибу, тягловой лошади, которая будет голосовать за собственное линчевание, если это будет входить в программу его партии. Тот начал с того, что ничто не заставит его отступиться от уважения к Конституции и Билля о правах, скромно указал на свою долгую службу и достаточно длинно говорил о роли Америки в истории. Я думал, что он тянет резину, пока мальчики из его партии вырабатывают новые уловки; и вдруг до меня дошло, куда он клонит; он предлагал объявить импичмент и привлечь к суду Президента Соединенных Штатов.

Я догадался об этом раньше, чем остальные: сенатор так приукрашивал свое предложение ритуальным многословием, что было трудно понять, что такое он говорит. Я взглянул на Старика.

Старик взглянул на Мэри.

Она ответила ему взглядом, выражавшим крайнее беспокойство.

Старик выхватил из кармана блокнот, наспех нацарапал что-то, скомкал записку и перебросил ее Мэри. Она поймала бумажку, прочитала и передала Президенту.

Президент держался расслабленно и безмятежно — так, будто один из старейших его друзей не втаптывал в грязь его имя. Он неспеша прочитал записку и так же неспеша взглянул на Старика. Старик кивнул.

Президент легонько толкнул локтем Председателя Сената, и тот наклонился к нему. Они пошептались.

Готлиб все еще продолжал громыхать. Председатель постучал молоточком.

— Сенатор, заканчивайте.

Готлиб бросил на него испуганный взгляд.

— Я не уступлю!

— Сенатора не просят уступать. Ввиду важности того, о чем вы сейчас говорите, вас просят подняться на трибуну.

Готлиб выглядел озадаченным, но медленно пошел вперед, к трибуне. Стул Мэри был у него на пути. Вместо того, чтобы отодвинуть стул, она начала вертеть его так, что еще больше загородила сенатору дорогу. Готлиб остановился, и она слегка задела его. Он схватил ее за руку, чтобы устоять на ногах. Она сказала ему что-то, он ей что-то ответил, но никто не слышал их слов. В конце концов Готлиб взошел на трибуну.

Старик дрожал, как собака, взявшая след. Мэри посмотрела на него и кивнула. Старик сказал:

— Взять его!

Одним прыжком я перелетел через перила и спланировал на плечи Готлиба. Сверху раздался крик Старика:

— Перчатки, сынок! Перчатки!

Я не остановился, чтобы надеть их. Я содрал с сенатора пиджак голыми руками и увидел, как под рубашкой пульсирует слизняк. Я сорвал рубашку, и каждый мог теперь воочию его увидеть.

Шесть стереокамер снимали то, что случилось в следующие несколько секунд. Ударом кулака я заставил Готлиба перестать трепыхаться. Мэри сидела у него на ногах. Президент стоял сзади меня и громко кричал:

— Вот! Вот! Сейчас вы в с е можете видеть!

Председатель Сената стоял ошеломленный, размахивая своим молоточком. Конгресс превратился в орущую толпу. Женщины визжали. Старик стоял надо мной и выкрикивал приказы охранникам Президента.

С помощью молоточка и пистолетов охраны кое-какой порядок был восстановлен. Президент начал говорить. Он сказал, что судьба предоставила им шанс увидеть врага в натуре и что он предлагает всем собственными глазами увидеть одного из *титанов* с крупнейшего спутника Сатурна. Не дожидаясь согласия, он указал на первый ряд и велел сидевшим там подойти.

Те приблизились.

Мэри стояла возле трибуны. Почти двадцать человек уже проследовали гуськом, с одной женщиной-конгрессменом случилась истерика; и тут я увидел, что Мэри подала сигнал Старику. Мне пришлось бы нелегко, если бы рядом не оказалось двух наших мальчиков: этот оказался бывшим моряком — молодым и сильным. Мы уложили его рядом с Готлибом.

Потом были осмотр и обыск, независимо от того, нравилось это кому-то или нет. Я хлопал женщин по спине, когда они проходили мимо, и таким образом поймал одну. Мне показалось, что я поймал и другую, но тут произошла досадная ошибка. Женщина оказалась просто толстушкой. Мэри обнаружила еще двух, а затем пошла длинная очередь — человек триста — без пиджаков. Было видно, что некоторые явно колебались.

Восьми человек с пистолетами было маловато для этой операции. Вернее, было одиннадцать, если считать Старика, Мэри и меня.

Большинство слизняков могли бы сбежать, не окажи нам помощь парламентский спикер. Всего мы поймали тринадцать паразитов, из них десять — живыми. Только один из «хозяев» был тяжело ранен.

XIII

Итак, Президент получил необходимые полномочия, а Старик стал *де-факто* его начальником штаба; наконец-то мы могли действовать. У Старика на уме была простая программа. Речь уже не шла о карантине, который он предлагал раньше, когда инфекция была ограничена районом Де Мойна. Теперь, прежде чем бороться, мы должны были обнаружить их. Но правительственные агенты не могли обыскать двести миллионов человек. Люди должны были сами сделать это.

Кампания под названием «Голая Спина» являлась первой фазой операции «Паразит». Идея состояла в том, чтобы все — к а ж д ы й ! — разделись до пояса и оставались бы раздетыми до тех пор, пока все *титаны* не будут обнаружены и уничтожены. О, женщины могли иметь лифчики на шнурках; паразит не сумел бы спрятаться под декоративной тесемкой.

Мы спешно готовили запись обращения Президента к нации. Семь паразитов, которых мы поймали в священных залах Конгресса, удалось сохранить, и они жили на носителях-животных. Мы могли показать их, а также наименее страшные части фильма обо мне. Президент сам появился бы на экране в одних шортах, а манекенщицы продемонстрируют, что «прилично раздетые люди будут носить в этом сезоне», включая и металлический панцирь для шеи и спины, предназначенный защищать человека, даже когда он спит.

Мы подготовили все это за одну бессонную ночь. Убедительным финалом должен был быть показ сессии Конгресса, обсуждавшей положение и на которой каждый участник показал бы свою голую спину.

За двадцать восемь минут до передачи Президенту позвонили. Я присутствовал при этом. Старик всю ночь находился рядом с Президентом и на всякий случай держал меня поблизости. Мы все были в шортах: кампания «Голая Спина» в Белом доме уже началась. Президент не счел нужным удалить нас на время своего телефонного разговора.

— Говорите,— сказал он. Потом добавил: — Вы уверены? Очень хорошо, Джон, что вы посоветуете?.. Понимаю. Нет, я не думаю, что это сработает. Я лучше пойду по улице. Скажите им, чтобы были готовы.— Он бросил трубку и повернулся к помощнику.— Распорядитесь, чтобы вели стереосъемку.— Затем обратился к Старику: — Пошли, Эндрю, мы должны идти в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и удалился в комнату, примыкавшую к кабинету, чтобы одеться. Оттуда он вышел в своем традиционном официальном костюме, но не стал нам ничего объяснять.

Что касается нас, мы остались в спецовках из гусиной кожи, так и отправились в Капитолий.

Шла совместная сессия, и я испытал кошмарное ощущение, словно был без штанов в церкви, так как конгрессмены и сенаторы были одеты, как обычно. Потом я увидел, что мальчики-помощники ходят в шортах, без рубашек, и мне стало легче.

По-видимому, некоторые люди скорее согласились бы умереть, чем потерять чувство собственного достоинства. Сенаторы были во главе этого списка. Конгрессмены тоже. Они дали Президенту полномочия, которые он просил. Кампания «Голая Спина» была обсуждена и идобрена, но они не хотели признавать, что это относится и к ним. Кроме того, они были осмотрены и обысканы, но никто из них не хотел быть первым на публичном стриптизе. Они сидели в зале при полном параде, застегнутые на все пуговицы.

Выйдя на трибуну, Президент подождал, пока наступит мертвая тишина. Затем медленно, с улыбкой начал снимать с себя одежду. Он остановился, когда оказался голым по пояс. Потом повернулся кругом, подняв руки.

— Я сделал это,— сказал он,— чтобы вы могли видеть, что глава высшей исполнительной власти не является пленником врага.— Он сделал паузу, затем спросил: — Ну , а как насчет в а с ?

Эти слова он адресовал всему залу, после чего указал на молодежного лидера: — Марк Куминс, вы лояльный гражданин или шпион-оборотень? Снимайте рубашку.

— Господин Президент...— Это подала голос мисс Эванс из штата Мэн, выглядевшая, как хорошенькая учительница. Она встала, и я увидел, что она была в вечернем платье до пола, но вырез его был настолько глубок, насколько это было возможно. Она повернулась словно манекенщица: сзади вырез заканчивался у основания спины.— Этого достаточно, господин Президент?

— Вполне достаточно, мадам.

Побагровевший Куминс вертел в руках свой пиджак. Кто-то встал в центре зала. Это был сенатор Готлиб. Он выглядел так, будто перенес тяжелую болезнь: впалые серые щеки, бескровные, казавшиеся синими губы. Но держался он прямо и с достоинством, под стать Президенту. Раздевшись до пояса, Готлиб также продемонстрировал всем свою спину: на ней алело пятно от паразита.

— Прошлым вечером,— сказал он,— я стоял здесь и говорил такие вещи, что с меня шкуру содрать за них мало! Прошлым вечером я не принадлежал сам себе. Зато сегодня я сам себе хозяин! — Вдруг у него в руках появился пистолет.— А ну, поднимайтесь, предатели, бездельники! Разве можно не видеть, что Рим горит? Всем показать свои спины! Даю две минуты — затем стреляю!

Мужчины, что находились рядом с ним, пытались схватить его за руку, но он размахивал пистолетом, как мухобойкой, крепко съездив одному по физиономии. Я вытащил собственный пистолет, собираясь поддержать его, но необходимость в этом уже отпала. Поняв, что он опасен, как разъяренный бык, они отступили.

Потом начали раздеваться. Один человек бросился к двери; его сбили с ног. Нет, он не носил на себе паразита. Но тем не менее троих мы все-таки поймали. После этого по всем программам была показана десятиминутная передача, и Конгресс начал первую из своих «голых» сессий.

XIV

«ЗАПИРАЙТЕ ДВЕРИ!»
«НИКОГДА НЕ ВХОДИТЕ В ТЕМНОЕ МЕСТО!»
«БУДЬТЕ ОСМОТРИТЕЛЬНЫ В ТОЛПЕ!»
«ЗАКРЫВАЙТЕ ВЬЮШКИ ВАШИХ КАМИНОВ!»
«ЧЕЛОВЕК, НОСЯЩИЙ ПИДЖАК,— ВРАГ! СТРЕЛЯЙ!»

Пропаганда велась регулярно. Страна была разделена на участки, которые прочесывались с воздуха в поисках «летающих тарелок». Радарный щит находился в состоянии постоянного слежения. Словом, система противовоздушной обороны была готова уничтожить все, что могло приземлиться.

В незараженных местностях люди, охотно или неохотно, но снимали рубашки, разглядывали их недоуменно и не находили никаких паразитов. Они смотрели передачи новостей и всё ждали, что правительство объявит им о том, что опасность миновала. Однако ничего не происходило, и обыватели начинали сомневаться в необходимости бегать по улицам в купальных костюмах.

Что касается зараженных районов, то сообщения оттуда существенно не отличались от сообщений из других мест.

В отжившую эпоху радио этого не могло бы случиться. Вашингтонская станция, передававшая новости, вела передачи на всю страну. Но длина волн, используемых для стереотрансляции, настолько коротка, что обычные горизонтальные трансляции просто невозможны. По местным каналам передачи ведут местные станции: это цена, которую мы платим за обилие каналов и высокое качество изображения.

В зараженных районах слизняки контролировали местные станции, и люди там никогда не слышали предупреждений Президента.

Однако в Вашингтоне мы имели все основания считать, что люди слышали эти предупреждения. Сообщения, например, из Айовы, приходили точно такие же, как из Калифорнии. Губернатор Айовы был в числе первых, кто послал Президенту донесение, обещая ему свою полную поддержку. Давалась даже запись стереотрансляции, изображавшая губернатора голым по пояс. Он стоял лицом к камере, и мне все время хотелось попросить его повернуться. Затем камера сменилась, и мы увидели голую спину, но была ли то спина губернатора? Голос за кадром был точно его. Мы смотрели эту передачу в конференц-зале президентской резиденции. Помимо Президента, там был Старик, я и Мэри, а так-

же министр обороны Мартинес и начальник Генерального штаба маршал авиации Рекстон.

Президент, посмотрев передачу, повернулся к Старику.

— Ну, Эндрю? Я думал, Айова — это место, которое мы должны будем огородить.

Старик сердито хрюкнул. Маршал Рекстон сказал:

— Из этого я делаю вывод, что они ушли в подполье. Нам следует прочесать каждый дюйм любой подозрительной местности.

Старик хрюкнул снова.

— Прочесывание Айовы, даже если обшарить копну за копной, не привлекает меня.

— Как же вы еще собираетесь это блокировать, сэр?

— Нужно вычислить врага! Он не ушел в подполье. Слизняк не может жить без носителя.

— Хорошо. Допустим. Как много паразитов, по-вашему, в Айове?

— Черт побери, откуда мне знать?! Они не приглашали меня на свое совещание.

— Ну, а предположительно? Верхняя оценка?

Старик насупился.

— У нас нет для оценки никакого основания. Неужели вы не видите, что *титаны* выиграли и второй раунд?

— А?

— Мы только что смотрели и слушали губернатора. Нам дали взглянуть на его спину... или на чью-то еще. Вы обратили внимание, что он не повернулся перед камерой?

— Нет, он повернулся,— сказал кто-то.— Я видел это.

— У меня определенное впечатление, что я тоже видел,— медленно сказал Президент.— Вы предполагаете, что губернатор Пакер сам захвачен?

— Правильно,— ответил Старик.— Вы видели то, что вам удалось увидеть. Камера сменилась сразу же перед тем, как губернатор повернулся. Едва ли можно было заметить это. Поверьте, господин Президент: каждое сообщение из Айовы — фальшивка.

Президент задумался. Министр Мартинес сказал:

— Это невероятно! Допустим, послание губернатора — подделка. Но у нас есть на выбор дюжина кассет из Айовы. Возьмем хотя бы уличную сцену в Де Мойне. Как можно подделать тысячи людей, которые ходят голыми по пояс? Или ваши паразиты практикуют массовый гипноз?

— Насколько мне известно, они на это не способны,— ответил Старик.— А если способны, то мы можем признать себя побежденными. И что вас заставляет думать, что этот фильм снят в Айове?

— То есть как, сэр? Он же был передан по айовскому каналу.

— Ну и что? Вы прочитали какие-нибудь названия улиц? Это выглядело, как типичная улица в деловой части любого города. И не важно, какой город это был по словам диктора. Важно, какой город это был на самом деле.

Министр даже рот раскрыл от удивления. Я много снимал скрытой камерой, как и положено детективам. И вот теперь я прокрутил в уме картину о якобы Де Мойне, и не только не могу сказать, что это был за город, но не могу даже определить, в какой части страны он находился. Это мог быть и Мемфис, и Сиэттл, и Бостон — и в то же время ни один из них. Деловые части американских городов стандартизованы так же, как парикмахерские.

— Неважно,— продолжал Старик,— поскольку я не мог сказать точно, где это находится, то я высматривал ориентиры. Стереостанция в Де Мойне принимает уличную сцену операции «Голая Спина» в любом городе из незагрязненного района и ретранслирует ее под свой собственный комментарий. Они вырезали все, что прямо или косвенно указало бы на адрес данного района,— и мы проглотили это. Господа, этот враг знает нас, людей. Развернутая им кампания спланирована в деталях, и они готовы провести нас почти во всем, что мы можем предпринять.

— А ты не сгущаешь краски, Эндрю? — спросил Президент.— Может быть, они двинулись в другое место?

— Они все еще в Айове,— ответил Старик категорически.— Но этого никто никогда не докажет с помощью вот этой штуки.— Он кивнул на стереокассету.

Министр Мартинес скривился.

— Это смехотворно! Вы говорите, что мы не можем получить достоверную информацию из Айовы, потому что ее территория оккупирована врагом и находится под его контролем?

— Да, так оно и есть.

— Но я останавливался в Де Мойне два дня назад. Все было нормально. Имейте в виду, я допускаю существование этих паразитов, хотя сам не видел в натуре пока ни одного. Давайте лучше поищем их там, где они есть, и вырвем с корнем, вместо того чтобы предаваться фантазиям.

Старик выглядел усталым. В конце концов он ответил:

— Контроль над средствами связи в стране означает контроль над всей страной. Вам надо поторапливаться, господин министр, иначе у нас не останется средств связи.

— Но я был просто...

— Вы вырвете их с корнем! — сказал Старик грубо.— Я говорю вам — они в Айове. Они в Новом Орлеане и в дюжине других мест. Я свое дело сделал.— Он встал.— Господин Президент, у меня было слишком большое перенапряжение для человека моих лет. А когда я лишаюсь сна, я выхожу из себя. Могу я быть свободен?

— Конечно, Эндрю.

Старик никогда не выходил из себя, и Президент это знал. Старик не выходил из себя — он заставлял выходить из себя других.

Министр Мартинес встрепенулся.

— Погодите минутку! Вы сделали несколько решительных заявлений. Давайте проверим их.— Он повернулся к начальнику Генштаба: — Рекстон!

— Да, сэр?

— Этот новый пост около Де Мойна — форт или что-то в этом роде — как он называется?

— Форт Поттон.

— Вот именно. Что ж, не будем прохлаждаться. Пусть они выйдут на связь.

— Визуальную,— вставил Старик.

— Конечно, визуальную, и, я думаю, мы получим правдивую информацию о ситуации в Айове.

Маршал связался с фортом Поттон.

Экран на стене вскоре показал внутреннее помещение центра связи. В кадре возник молодой офицер. Его звание и номер части были указаны на фуражке, а грудь была голой. Мартинес повернулся к Старику с видом триумфатора.

— Вы видите?

— Вижу.

— Сейчас мы удостоверимся. Лейтенант!

— Да, сэр! — Молодой паренек был охвачен благоговейным страхом перед столь высоким начальством и переводил взгляд с одного известного лица на другое. Двусторонняя связь была одновременной и позволяла людям по обе стороны экрана смотреть глаза в глаза.

— Смирно! Кругом! — приказал офицеру Мартинес.

— А?.. Конечно, сэр...— Паренек выглядел испуганным, но сделал это и мы смогли увидеть его голую спину от талии до лопаток — не выше.

— Отставить! — закричал Мартинес.— Садитесь и повернитесь кругом, спиной к нам.

— Да, сэр...— Юноша был очень взволнован.— Одну минутку, сэр... Я только увеличу угол обзора, сэр...

Изображение растаяло — экран покрылся радужной рябью. Между тем голос молодого офицера продолжал звучать через аудиоканал:

— Так лучше, сэр?

— Черт возьми, мы ничего не видим!

— Не видите? Одну минутку, сэр.

Вдруг экран ожил, и я подумал, что мы снова вернулись в форт Поттон. Но и помещение казалось больше, и в кадре был уже майор. Он доложил:

— Дежурный офицер связи майор Донован.

— Майор,— сказал Мартинес сдержанным тоном.— Я связывался с фортом Поттон. Что случилось?

— Да, сэр. Я вел эту трансляцию. У нас возникли небольшие технические трудности. Мы повторим ваш вызов немедленно.

— Ну, поживей.

— Да, сэр.— Экран покрылся рябью и погас.

Старик поднялся.

— Позовите меня, когда выясните, что это были за «небольшие технические трудности». Я пошел спать.

XV

Если я создал у вас впечатление, что министр Мартинес был идиотом, прошу прощения. Каждый вначале впадал в заблуждение относительно того, что слизняки способны делать. Вы должны увидеть одного — и тогда у вас засосет под ложечкой.

Маршал Рекстон тоже не был идиотом. Они оба работали всю ночь после того, как убедились в наличии еще и других мест, где имелись «небольшие технические трудности». Около четырех часов утра они вызвали Старика, а тот вызвал меня.

В той же комнате, что и накануне, собрались Мартинес, Рекстон, пара старших офицеров при них, Старик и я. Президент вошел, облаченный в домашний халат и сопровождаемый, как я и ожидал, Мэри. Мартинес начал было говорить, но Старик прервал его и обратился к Президенту:

— Давай посмотрим твою спину, Том.

Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик не пожелал видеть ее знаков.

— Я настаиваю,— упорствовал он.

Президент сказал вежливо:

— Ты совершенно прав, Эндрю.— И снял халат; спина была чистой.— Если я не буду подавать пример остальным, то как я могу призывать их к сотрудничеству?

Мартинес и Рекстон втыкали в карту булавки: красные — для зараженных мест, зеленые — для благополучных и янтарные — для неопределенных. Айова выглядела как корь. Новый Орлеан и Техас также были плохи. Не лучше смотрелся и Канзас-Сити. Верхняя часть системы Миссури — Миссисипи, от Миннеаполиса и Сент-Пола до Сент-Луиса, была явно вражеской территорией. Немного красных булавок шло отсюда к Новому Орлеану — и ни одной зеленой. Было одно горячее место вокруг Эль-Пасо и два на восточном побережье.

Президент оглядел все это внимательно и сказал:

— Нам понадобится помощь Канады и Мексики.

— Канада и Мексика,— серьезно сказал Старик,— будут только началом. Вам понадобится помощь всего мира.

Рекстон удивился:

— Всего мира?.. Гм... А как насчет России?

Никто ему не ответил. Россия слишком большая страна, чтобы ее оккупировать, и слишком великая, чтобы ее игнорировать. Третья мировая война не решила русской проблемы, и никакая война ее не решит. Во всяком случае паразиты могут чувствовать себя там как дома.

Президент сказал:

— Мы решим этот вопрос, когда придет его черёд.— Он провел пальцем по карте.— Какие-нибудь трудности с получением сообщений с побережья?

— Полагаю, нет, сэр,— ответил Рекстон.— Похоже, они не собираются вмешиваться в прямую трансляцию. Тем не менее все

военные коммуникации я переключил на связь через космические станции.

— Гм...— произнес Президент.— Эндрю, могут эти твари штурмовать космические станции?

— Откуда мне знать,— сказал Старик раздраженно.— Я не знаю, годятся для этого их корабли или нет. Более вероятно, что они будут делать это, просачиваясь туда с помощью земных ракет.

Возникла дискуссия о том, не оказались ли космические станции уже захваченными. Кампания «Голая Спина» на эти станции еще не распространилась. Хотя построили и оплатили их мы, они фактически были территорией Объединенных Наций.

— Пусть вас это не волнует,— сказал Рекстон.

— Почему? — спросил Президент.

— Я, вероятно, единственный из присутствующих здесь, кто когда-либо дежурил на космической станции. Костюм, который мы с вами сейчас носим, господа, обычен в тех условиях. Человек, полностью одетый, будет там чувствовать себя, как в пальто на пляже. Но все равно мы проверим.

Президент подвел итоги изучения карты:

— Насколько нам известно, единственное место приземления было здесь.— И он ткнул пальцем в Гриннел, штат Айова.

Старик подчеркнул:

— Насколько нам известно...

— О, нет! — сказал я.

Все посмотрели на меня.

— Подойди сюда,— сказал Президент.

— Было по меньшей мере три приземления,— заявил я.— Я з н а ю это. Ведь какое-то время я и слизняк составляли единое целое...

Старик посмотрел на меня ошарашенно.

— Ты уверен, сынок, что три?

— Конечно, уверен. Как минимум три.

— Я никогда не думал об этом раньше.— Я попытался им всем объяснить, что и как чувствует себя человек, захваченный слизняком. Я разволновался. Хотя я и не был слабонервным, быть оседланным «хозяином» что-нибудь да значит.

— Успокойся, сынок,— сказал Старик, а Президент улыбнулся мне ободряюще. Рекстон рассуждал:

— Вопрос в том: где они приземлились? Пока еще можно захватить их корабль.

— Сомневаюсь, что такое возможно,— ответил Старик.— Они спрятали первый корабль в считанные часы.— И добавил задумчиво: — Если вообще он был первый...

И тут меня озарило. Я встал, шагнул к карте и впился в нее глазами.

— Новый Орлеан! — выпалил я.— Я совершенно уверен, что одна посадка была здесь!

— А как насчет восточного побережья? — спросил Рекстон.

— Не знаю, не знаю.

Может, вспомнишь что-нибудь еще? — с раздражением сказал Мартинес.— Думай, парень!

И я стал думать. Думал долго, мучительно, пока башка не заныла, и вдруг указал на Канзас-Сити.

— Я послал несколько донесений сюда. Но вот не помню, касалось ли это кораблей или нет.

Рекстон уткнулся в карту.

— Мы примем во внимание возможную посадку около Канзас-Сити. Это станет предметом логического анализа. Наши парни смогут решить эту задачу. Глядишь, вычислим и другую посадку.

— Или посадки,— уточнил Старик.

XVI

Пустое дело быть умным задним числом. В момент, когда первая «тарелка» приземлилась, опасность можно было ликвидировать одной бомбой. Даже тогда, когда Мэри, Старик и я производили разведку вокруг Гриннела, мы втроем могли бы убить всех слизняков, если бы знали, где они находились. А будь кампания «Голая Спина» задействована в первую же неделю, события не приняли бы сейчас такого угрожающего характера. Теперь уже становилось ясно, что в качестве наступательной меры этого было недостаточно. Как оборонительное средство она была полезной: только с ее помощью можно было спасти незараженные местности. Хотя она приносила успех и в наступлении: некоторые местности, завоеванные слизняками не слишком прочно, удавалось очистить именно благодаря ей, например, Вашингтон, Новую Филадельфию и Новый Бруклин. Все восточное побережье изменило цвет с красного на зеленый.

Но центр страны по-прежнему был красным. Зараженные районы стали до того густо утыканы ярко-алыми булавками, что карту пришлось заменить военной — огромной, электронной, масштабом десять миль в одном дюйме, которая полностью закрывала стену в конференц-зале. Это была копия. Оригинал же находился на своем законном месте в Новом Пентагоне.

Страна была разделена пополам, как если бы красной краской провели линию сверху вниз по центральной долине. Две янтарного цвета дорожки окаймляли полосу, которой владели слизняки. В этих местностях трансляция велась как станциями, где засел враг, так и станциями, что находились в руках нормальных людей. Первая янтарная дорожка начиналась возле Миннеаполиса, проходила западнее Чикаго и восточнее Сент-Луиса, затем извивалась через Теннесси и Алабаму. Вторая пересекала Великие равнины. Эль-Пасо лежал в эпицентре оторванного от основных сил противника.

Президент собрал кабинет и увел Старика с собой. Рекстон и его помощник ушли еще раньше. Я остался один, потому что стеснялся бродить по Белому дому. Мучаясь от безделья, я наблюдал, как янтарные огни мигали красными; а красные, что случалось гораздо реже, загорались янтарным или зеленым цветом.

Я думал о том, каким образом визитер без определенного статуса может здесь позавтракать. Меня подняли в четыре, и с тех пор я выпил только чашку кофе, поданную камердинером Президента. Еще более настоятельно я хотел бы найти туалет. Наконец, отчаявшись, я начал пробовать двери. Первые две были заперты; третья оказалась то, что мне было нужно.

Выйдя оттуда, я увидел Мэри. Я посмотрел на нее как идиот.

— Я думал, ты с Президентом.

Она улыбнулась.

— Меня прогнали. За ним наблюдает Старик.

Я сказал:

— Послушай, Мэри, я все собирался поговорить с тобой, это первый шанс, который у меня есть. Я имею в виду... мне трудно объяснить... в общем, я не хотел сделать то, что я сделал...— Я умолк и сжался, чувствуя себя преотвратно.

Она положила руку мне на плечо.

— Сэм... Сэм, дорогой мой, не тревожься об этом. То, что ты говорил, и то, что ты делал, происходило из того, что ты знал. Для меня имеет значение только то, что ты *сделал для меня*. Остальное все не важно, кроме того, что я снова счастлива знать, что ты не презираешь меня,

— Это хорошо, черт возьми.

Она улыбнулась мне радостной улыбкой, совсем не похожей на ту вежливую, которой приветствовала меня в официальной обстановке.

— Сэм, я думаю, тебе *нравится*, когда твои женщины немного суки. Предупреждаю, что я могу быть такой.— После небольшой паузы она продолжила: — Тебя все еще беспокоит эта пощечина. Ладно, я верну ее назад.— Она шлепнула меня легонько по щеке.— Вот, мы в расчете, и ты можешь забыть об этом.

И вдруг настроение ее резко изменилось. Она замахнулась на меня изо всей силы — и я почувствовал, что голова у меня отваливается.

— А это,— сказала она напряженным шепотом,— плата за то, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня стоял звон, а глаза никак не хотели сфокусироваться. Она взглянула настороженно и вызывающе. Она злилась, если расширенные ноздри что-нибудь значат. Я поднял руку, и Мэри вся напряглась, но я только хотел потрогать свою жгуче ноющую шею.

— Она мне не подружка,— ответил я тихо.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Она положила руки мне на плечи и, продолжая смеяться, в изнеможении опустила голову на мою грудь.

— Сэм,— сказала она,— я так виновата...

— Ни черта ты не виновата,— проворчал я.— Но какого дьявола ты все ходила вокруг до около?

— Она действительно не твоя подружка?

— Увы, нет, но не потому, что я не старался...

— А кто же, Сэм?

— Ты, мегера!

— Да,— сказала она довольным тоном.— Я — если ты получишь меня. Я говорила тебе об этом раньше. Куплено и заплачено.

Она ждала, что я поцелую ее. Вместо этого я ее оттолкнул.

— Черт возьми, женщина, я не желаю твоего «куплено и заплачено».

Я не расстроил ее.

— Я плохо выразилась. Заплачено, но не куплено. Я здесь потому, что хотела этого. Ну, а теперь поцелуй меня, пожалуйста.

Однажды она поцеловала меня; сейчас она ц е л о в а л а меня. Я чувствовал, как погружаюсь в теплый золотой туман, и не хотел выплывать из него. В конце концов я отключился.

— Я, пожалуй, присяду... на минутку,— наконец, тяжело дыша, произнес я.

— Спасибо, Сэм,— ответила она и позволила мне присесть.

— Мэри,— произнес я наконец.— Мэри, моя дорогая, возможно, ты могла бы кое-что сделать для меня.

— Да? — спросила она нетерпеливо.

— Скажи мне, как достать тут завтрак? Я умираю от голода.

Она взглянула на меня удивленно, но ответила:

— Конечно, конечно.

Не знаю, как она это сделала. Может быть, вломилась в кладовую Белого дома. Во всяком случае через несколько минут она вернулась с сандвичами и двумя бутылками пива. Подзакусив, я спросил:

— Мэри, как долго, по-твоему, будет длиться это совещание?

— О, я полагаю, минимум два часа. А что?

— Тогда у нас есть время смыться отсюда, зарегистрировать наш брак и вернуться, прежде чем Старик спохватится.

Она не ответила, уставившись на пузырьки в пиве.

— Ну? — настаивал я.

Она подняла глаза.

— Если ты так желаешь, я согласна. Я не уклоняюсь от уплаты долгов. Но вряд ли мы должны это делать.

— Ты не хочешь выйти за меня замуж?

— Сэм, я не думаю, что ты готов жениться.

— Говори о себе!

— Не сердись, дорогой. Ты можешь мной обладать — с контрактом или без контракта — везде, всегда, в любом случае. Но ты все еще не знаешь меня. Познакомься со мной поближе. Не исключено, что ты изменишь свое решение.

— У меня нет привычки менять свои решения.— Я чувствовал, как у меня начинает гореть лицо. Она посмотрела на меня, потом отвернулась с печальным видом.

— Ведь я не убегаю от тебя,— сказала она.— Я доверяю тебе. Возьми меня с собой на уикэнд. Или, еще лучше, поедем

ко мне. Если я еще хорошо сохранилась, то всегда можно лишить меня того, что прабабушки называли, бог знает почему, «женской честью».

Должно быть, я выглядел мрачным. Она коснулась моей руки и серьезно сказала:

— Посмотри на карту, Сэм.

Я повернул голову. Красных точек стало гораздо больше — опасная зона вокруг Эль-Пасо увеличилась. Мэри сказала:

— Давай займемся сначала этим, дорогой. Потом, если желание у тебя не пропадет, спроси меня снова. К тому времени у тебя, возможно, будут преимущества без какой-либо ответственности.

Когда совещание закончилось, Старик схватил меня за шиворот и потащил на прогулку. Да, на прогулку, хотя мы и не ушли дальше Мемориальной Скамьи. Там он сел и стал возиться со своей трубкой и хмуриться. День был душным, каким он может быть только в Вашингтоне. Парк почти обезлюдел.

— Операция «Контрудар» начинается в полночь,— сказал Старик. Потом добавил: — Мы нападем на все станции стереотрансляции, радиостанции и редакции газет в Красной зоне.

— Задумано неплохо,— заметил я.

— А мне это совсем не нравится.

— Почему?

— Послушай, мальчик. Президент выступает по всем каналам стереотрансляции и говорит, чтобы каждый снял рубашку. Мы обнаруживаем, что это сообщение не достигло зараженной территории. Каким должно быть следущее развитие событий?

Я пожал плечами.

— Операция «Контрудар», полагаю.

— Это еще впереди. Ты подумай вот о чем. После выступления президента прошло больше суток. Что за это время могло случиться и что не могло?

— Откуда ж мне знать?

— А знать тебе необходимо. Попробуй дойти до этого своим умом. Вот.— Он подал мне кодовый ключ от своей машины.

— Срывайся с места и рви когти в Канзас-Сити. Осмотрись там. Держись подальше от всех средств связи и полицейских, и... держись подальше от них. Осмотри все. И не попадайся.— Старик взглянул на часы.— Возвращайся назад за полчаса до полуночи. Ступай.

Я выразил недовольство:

— Не много же времени вы даете, чтобы обследовать целый город. Одна дорога до Канзас-Сити займет три часа.

— Больше чем три часа,— сказал он.— Не вздумай привлекать к себе внимания получением штрафного талона.

— Вы же знаете, я водитель осторожный.

— Двигай!

Итак, я отправился в Канзас-Сити. На стартовой площадке светофор слишком долго не разрешал вылет, и я указал на это диспетчеру.

— Грузовые и коммерческие полеты запрещены,— пояснил он.— Чрезвычайное положение. У вас есть разрешение?

Я мог бы получить любое разрешение, но беспокоить Старика не решился — ему бы это не понравилось. Я сказал диспетчеру:

— Проверьте код.

Он сунул кодовый ключ в электронную систему. Мое предчувствие оправдалось, брови его поднялись.

— Какого вы ранга! — изумился он.— Вы, должно быть, из парней Президента.

Тотчас взлетев, я поставил автоматическое управление курсом на Канзас-Сити, задал допустимый скоростной максимум и попытался думать. На панели все время мигали сигналы, по мере того как луч радара засекал меня всякий раз, когда я переходил от одного блока контроля к другому; но лиц на экране не появлялось. Очевидно, код Старика годился для любого маршрута, независимо от того, было чрезвычайное положение или нет. Мне стало любопытно, что будет, когда я войду в «красную» местность. Какое «последующее развитие событий» Старик имел в виду?

Нужно было думать лишь о каналах связи и ни о чем больше. Однако «связь» означает все движение, включая и то, что тетушка Мэйми едет сейчас в Калифорнию, нафаршированная сплетнями. Слизняки захватили каналы, но передачу новостей нельзя прекратить так легко; их можно только замедлить или извратить. Следовательно, если слизняки осуществляют полный контроль там, где они находятся сейчас, то захват каналов связи был их первым шагом.

Что они сделают затем? Наверняка что-то предпримут, и мое пребывание в качестве «средства связи» следовало бы должным образом замаскировать, если я хочу сберечь свою шкуру. Река Миссисипи и Красная зона появятся с минуту на минуту. Интересно, что произойдет, когда меня засечет первая станция, контролируемая «хозяевами».

Я пришел к выводу, что здесь, в воздухе, я был в безопасности, но для меня было бы лучше не дать им засечь мою посадку. Это элементарно.

«Элементарно», если иметь в виду систему транспортного контроля, которая существовала в нашей стране. Ее организаторы похвалялись тем, что даже бабочка не сможет совершить незапланированную посадку на территории Соединенных Штатов, не подняв по тревоге поисковую и спасательную службы. Может, это и не совсем так; но, во всяком случае, я не бабочка.

На земле я умею пробивать любой защитный экран — механический, автоматический, электронный или смешанный. Но как можно сделать обманное движение на машине, отклоняющейся на запад на целый градус каждые семь минут? Если бы я поехал по земле, Старик получил бы мой рапорт после дождика в четверг, а он хотел иметь его к полуночи.

Однажды, пребывая в редком для него добродушном настроении, Старик сказал мне, что никогда не обременяет своих агентов детальными инструкциями. Он дает человеку задание и предоставляет ему самому право выбора — утонуть или выплыть. Я сказал, что его метод можно использовать в работе со многими агентами.

— С некоторыми,— поправил он меня,— и не так часто, как другие методы. Я верю в индивидуальность человека и стараюсь подбирать индивидуальности, относящиеся к выживающему типу.

— А как, черт возьми,— спросил я,— вы определяете этот «выживающий тип»?

Он припечатал со своей злой усмешкой:

— «Выживающий тип» — это тот, кто возвращается назад!

— «Элю,— сказал я себе,— ты близок к тому, чтобы узнать, к какому типу ты относишься. Черт его побери, это Ледяное Сердце!»

Мой курс лежал на Сент-Луис, в обход его городского кольца, и далее — на Канзас-Сити. Карта показывала Чикаго как Зеленую зону. Янтарная линия шла зигзагом на запад где-то за Ганнибалом, штат Миссури, и мне хотелось пересечь Миссисипи, пока я еще был в Зеленой зоне. Машина, пересекающая эту реку шириной в милю, будет давать на экранах радаров такое же отчетливое изображение, как одинокая звезда.

Я просигналил, запрашивая разрешения спуститься на уровень, используемый местным воздушным транспортом, затем, не дожидаясь разрешения, начал спуск при помощи ручного управления.

Я направлялся на север. Вскоре у городского кольца Спрингфилда я повернул на запад, держась низко над землей. Достигнув реки, я пересек ее очень медленно, почти над самой водой, с выключенными сигналами. Уверен, другим машинам не удастся выключить в воздухе свои опознавательные сигналы, но машины Отдела нестандартны. У меня была надежда, что если местная служба контроля за движением засекла меня, когда я пересекал реку, то мой радарный сигнал, возможно, ошибочно принят за лодку на реке.

Я не знал, конечно, будет ли следующая станция контроля за движением на другой стороне реки располагаться в Красной или Зеленой зоне. Впереди я вдруг увидел, что береговая линия изменилась. Карта не показывала в этом месте никакой воды. Я решил, что это была бухта или новый канал, не обозначенные на карте. Опустившись почти до самой поверхности воды, я направился туда. Протока оказалась узкой, извилистой. Над ней нависли деревья, и полет по ней на машине был похож на полет пчелы в тромбоне. Но это давало возможность избежать радарного слежения: здесь я мог затеряться.

И вскоре я на самом деле п о т е р я л с я — я потерял свой курс относительно карты. Канал менял направление, петлял и возвращался назад, а я был настолько занят ручным управлением взбрыкивающей машины, что потерял навигационный курс. Я ругался и желал, чтобы моя машина была амфибией и чтобы я мог сесть на воду. Деревья вдруг расступились. Я увидел равнину и пошел на посадку, сбавив скорость так резко, что меня почти перерезало надвое ремнем безопас-

ности. Я неуклюже приземлился и несколько минут сидел без движений.

Теперь нужно было решить, что делать дальше. Наверняка где-то рядом проходило шоссе. Я решил, что было бы лучше найти его и передвигаться по суше.

Но это было глупо—сейчас не время для путешествия на колесах. Я д о л ж е н вернуться в воздух. Однако я не могу отважиться на это, пока не выясню определенно, контролировалось здесь движение людьми или слизняками.

Я не смотрел стерео с тех пор, как покинул Вашингтон. Сейчас я попытался поймать новости, но не нашел их. Зато передавали: 1) лекцию мистера Дулитла, доктора философии, на тему: «Почему надоедают мужья?»; 2) трио девушек, поющих: «Если ты имеешь в виду то, что я имею в виду, то чего же мы ждем?»; 3) отрывок из Лукреция «О жизни».

Дорогой доктор Дулитл был полностью одетым. Трио было одето так, как и следовало ожидать, но они не поворачивали своих спин к камере. Полураздетая женщина, читавшая Лукреция, тоже упорно не хотела показать спину.

Но все это ничего не значило. Программы могли быть сделаны задолго до объявления Президентом кампании «Голая Спина». Я переключился на другой канал и увидел елейную улыбку диктора. Он был одет полностью. Шла одна из глупейших шоу-викторин. Диктор-ведущий говорил: «...и вот какая-то удачливая маленькая женщина сидит сейчас перед экраном, имея шанс получить универсального автоматического дворецкого. Кто же будет его счастливым обладателем? Вы? Вы? Или удача улыбнется вам?» Он повернулся вполоборота всего на какой-то миг, но я успел отчетливо заметить его сутулую, почти горбатую спину. Я был в Красной зоне!

Выключив стерео, я скорее почувствовал, чем увидел, что меня кто-то рассматривает. Это был мужичок лет девяти, одетый только в шорты,—но в его возрасте это ничего не значит. Я выглянул в окно и сказал:

— Эй, парень, где шоссе?

— Вон там,—ответил он и неопределенно махнул рукой.

— Где вон там?

— Покатайте меня, а?

— Нет времени. Очень спешу.

— Возьмите меня с собой, и я покажу дорогу.

Я уступил. Пока он залезал в машину, открыл багажник и достал оттуда рубашку, брюки и пиджак. Я спросил мальчугана:

— Может быть, мне не нужно это надевать? Рубашки здесь люди носят?

Он нахмурился.

— Конечно, носят. Вы думаете, вы где, мистер, в деревне?

Я опять задал ему вопрос о дороге. Он сказал:

— А можно я нажму кнопку, тогда мы взлетим?

Я объяснил своему провожатому, что машина дальше пойдет по земле. Он был разочарован, но согласился промчаться и по земле.

Однако я вел машину очень медленно, так как она была тяжела для пересеченной местности. Указав мне сначала одно направление, паренек затем велел повернуть назад. Чуть позже я остановился и сердито сказал:

— Ты покажешь мне дорогу?! Или мне задать тебе трепку?!

Он открыл дверцу и выскользнул наружу.

— Эй!—завопил я. —А где же дорога?

Он оглянулся.

— А вон там.

Я повел машину в ту сторону, уже не ожидая найти шоссе, и, как ни странно, обнаружил его через пятьдесят ярдов. Этот шельмец водил меня за нос и заставлял кружить в двух шагах от цели.

Впрочем, это и нельзя было назвать шоссе. Ни грамма покрытия не было на его поверхности. И тем не менее это была дорога. Я направился по ней на запад, потеряв попусту битый час.

Город Мэйкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, чтобы внушать спокойствие. О кампании «Голая Спина», несомненно, здесь и не слышали. Я всерьез вознамерился проверить этот город, но Старик ясно сказал: «Канзас-Сити». Я объехал Мэйкон по окружной дороге и, не рискуя подняться в воздух, дабы меня не засекла система контроля, двинулся дальше на запад.

XVII

Канзас-Сити не пострадал от бомбежек. Поэтому он никогда не перестраивался. С юго-востока вы могли ехать к нему до тех пор, пока надо было выбирать между парковкой и платой за въезд в сам город. Можно было также лететь и сделать другой выбор: приземлиться на посадочной площадке на северном берегу реки и воспользоваться до города тоннелем либо приземлиться в пригороде южнее Мемориального Холма.

Я решил не лететь: не хотелось выводить машину на систему контроля. Я не люблю тоннели—так же, как и лифты пусковых платформ. В них человеку легко попасть в западню. Честно говоря, я совсем не хотел въезжать в этот город.

Я вел машину по сороковому маршруту и въехал на таможенную заставу. Очередь была довольно приличной. Другая машина приткнулась позади моей, и я начал чувствовать себя так, как будто меня окружают. Но служащий таможни взял мои водительские права, даже не взглянув на меня. Зато я сам зорко оглядел его: вроде все в порядке... Тем не менее я не могу точно сказать, был ли он оседлан паразитом или нет.

Я проехал сквозь ворота с чувством облегчения,— и тут же был остановлен на той стороне. Шлагбаум резко опустился впереди меня, и едва мне удалось остановить машину, как полицейский всунул в нее голову.

— Вылезайте,— сказал он.

Я запротестовал.

— В городе проходит проверка безопасности движения,— объяснил полицейский. —Сейчас ваш автомобиль будет осмотрен. Поставьте его здесь, а сами выйдите и пройдите в ту дверь.

— Зачем?

— Проверка остроты зрения и рефлексов. Посторонитесь: вы задерживаете очередь.

Перед глазами в моей памяти возникла карта Канзас-Сити, пылающая красным. То, что этот город был «хорошо охраняем» слизняками, в этом я не сомневался; к тому же полисмен с мягкими манерами, почти наверняка был оседлан. Но не хватало только стрелять в него и сделать положение свое безвыходным. Не оставалось ничего другого, как согласиться. Я вышел, недовольно ворча, и медленно направился к зданию. Это было временное сооружение с непрочной дверью. Я открыл ее носком ботинка и, прежде чем войти, глянул по сторонам, а потом внутрь. Там была пустая передняя с еще одной дверью. Кто-то внутри позвал: «Входите». Все еще оглядываясь, я осторожно вошел. В комнате находились два человека в белых халатах, один из них с докторским зеркальцем, прикрепленным на лбу. Он бодро сказал:

— Это не займет и минуты. Пройдите сюда. —И закрыл дверь, в которую я вошел. Послышалось щелканье замка.

Это был тот самый излюбленный прием, который мы использовали в Конституционном Клубе. На столе стояли транзитные ячейки с «хозяевами»: они были уже открыты и согреты. Одну из них второй человек держал наготове—для меня, я это знал; он держал ее открытой, но повернутой к себе, так что я не мог видеть слизняка. Транзитные ячейки не станут вызывать тревоги у жертв: медики всегда имеют под рукой необычные предметы.

Для моего успокоения мне предложили заглянуть в обыкновенный прибор для проверки остроты зрения. «Доктор» будет держать меня с завязанными глазами, пока его «ассистент» приспособит мне «хозяина». Никакого насилия, никаких промахов, никакой возможности побега, никаких протестов...

Не было необходимости, насколько я узнал за время моей «службы», обнажать спину жертвы. Лишь только «хозяин» коснется голой шеи, новобранец потом сам приведет в порядок свою одежду, прикрывая «хозяина».

— Сюда,—повторил «доктор». —Смотрите через эти очки.

Я быстро пошел к скамейке, на которой был водружен прибор для проверки остроты зрения. Затем внезапно обернулся.

Ассистент приблизился ко мне с готовой ячейкой в руках. Как только я повернулся, он отвел ее от меня.

— Доктор,—сказал я. —Я ношу контактные линзы. Мне снять их?

— Нет-нет,— резко ответил он.— Давайте не будем терять времени.

— Но, доктор,—запротестовал я,—я хотел бы знать, насколько они мне подходят. Меня немного беспокоит левый глаз... —Я поднял обе руки и оттянул веки левого глаза. —Видите?

Он сказал сердито:

— Здесь не клиника. Теперь, если вы позволите...

«Доктор» и «ассистент» были от меня в пределах досягаемости. Опуская руки, я стиснул обоих в медвежьих объятиях — и схватил за места между лопатками. Каждой рукой я раздавил что-то мягкое под халатами, и дрожь отвращения сотрясла меня.

Однажды я видел кота, попавшего под машину. Бедное животное высоко прыгало, спина его была изогнута кошмарным образом, а конечности судорожно бились. Двое этих несчастных являли собой такое же зрелище: их тела искривились в страшных судорогах. Я не мог удержать их, и они упали на пол. После первой конвульсии оба обмякли и, возможно, были уже мертвы.

На столе зазвонил телефон. Я отозвался:

— Позвоните попозже. Доктор занят. —И положил трубку.

Я удостоверился, что дверь заперта, затем склонился над «доктором», оголил его спину, чтобы посмотреть, что я сделал с «хозяином».

Тварь превратилась в рваное месиво; такая же была на другом человеке. Это меня обрадовало, так как я решил во что бы то ни стало сжечь слизняков, если они еще не были мертвы. Я не был уверен, что это можно сделать, не убив их носителей. Я оставил людей лежать там, где они лежали — жить или умереть... или снова быть захваченными *титанами*. Я ничем не мог помочь им.

«Хозяева», ожидавшие в ячейках,—другой разговор. Я направил луч своего пистолета на слизняков и выпустил веером максимальный заряд. Я сжег их всех. Там были еще два ящика у стены; я сжег и этих.

Снова зазвучал телефон. Я торопливо огляделся, подыскивая, куда бы спрятать двух человек. Спрятать их было некуда, поэтому я решил бежать отсюда. Как только я направился к выходу, то почувствовал, что что-то упустил из виду. Я снова огляделся.

Казалось бы, тут не было ничего подходящего для моей цели. Я, конечно, мог бы использовать одежду «доктора» или его помощника, но не хотел этого делать. Потом я заметил чехол от пыли, которым прикрывали прибор, проверяющий остроту зрения. Я взял чехол, свернул его и засунул себе под рубашку между лопатками. Под застегнутым пиджаком это давало горб соответствующего размера. Затем вышел... Короче говоря, я чувствовал себя довольно уверенно.

Мою машину проверял другой полицейский. Он коротко взглянул на меня и жестом предложил занять свое место в машине.

— Поезжайте в полицейское управление, Сити-Холл,—сказал он.

— Полицейское управление, Сити-Холл,—повторил я и рванул машину вперед. Я поехал в центр, а затем свернул в укромное местечко и нажал кнопку смены номерных знаков. Вполне возможно, что уже разыскивается номер, который я показал на пропускном пункте. Хотелось бы мне так же изменить и цвет машины, и черты своего лица.

Через четыре с половиной часа я должен был явиться в Вашингтон.

XVIII

Город выглядел ненормально. Все, что в нем происходило, напоминало довольно странную игру. Я пытался вести счет несоотвествиям, которые замечал.

В Канзас-Сити много пригородов, образованных из зданий семейной застройки. Имелись тут и фамильные особняки столетней давности и даже старше. Сейчас дети играли на лужайках, а взрослые сидели на скамейках точно так же, как когда-то и их предки, и всем им казалось что они находятся в полной безопасности. Я курсировал вдоль этих улиц, увертываясь от собак, резиновых мячей и гуляющих прохожих, и пытался прочувствовать это место. Было предвечернее затишье: время для выпивки, полива лужаек, для болтовни с соседями. Я увидел женщину, склонившуюся над цветочной клумбой. На ней был сарафан, и ее спина была полностью открыта. Ясно, что она не носила «хозяина», как и двое детей, что паслись при ней. Что же здесь могло быть неправильным?

Был очень жаркий день. Я начал высматривать других женщин в открытых летних платьях и мужчин в шортах. Люди в Канзас-Сити придерживаются традиционных взглядов на одежду. Они не раздеваются в знойную пору с таким единодушием, как, например, в Палм-Бич, и полностью одетые взрослые здесь никому не бросаются в глаза. Однако я видел голые спины только у пяти женщин и двух мужчин.

А всего я просмотрел их более пятисот.

Попробуем подсчитать. Даже если некоторые пиджаки и не скрывают «хозяев», то все равно *девяносто процентов населения* должны были быть захвачены слизняками.

Город буквально кишел паразитами. «Хозяева» не просто удерживали здесь ключевые пункты и ключевые должности: они сами *были городом*.

Я почувствовал острую необходимость вырваться отсюда и молнией вылететь из Красной зоны. Они уже знали, что я ускользнул из западни на таможне. Они будут разыскивать меня. Я, возможно, единственный свободный человек в этом городе, а все вокруг меня — *они*.

Я поборол в себе минутную слабость. Агент, который вымотался, бесполезен, и нет вероятности, что он выберется из переплета. Но я еще не пришел в себя полностью после того, как был захвачен слизняком, и спокойствие давалось мне нелегко.

Я сосчитал до десяти и попытался подвести итоги. Все говорило о том, что я должен был ошибиться: враг просто не мог иметь достаточно «хозяев», чтобы насытить ими город с миллионным населением. Я вспомнил свой собственный опыт, вспомнил, как мы вербовали наших новобранцев и вычисляли каждого нового носителя. Конечно, мы находились в зависимости от доставляемых грузов, в то время как в Канзас-Сити почти наверняка где-то поблизости была приземлившаяся «тарелка». Но это не объясняло дела: нужна была дюжина «тарелок» или даже больше, чтобы доставить такое коли-

чество «хозяев», которое могло бы насытить Канзас-Сити. Если их было так много, космические станции непременно засекли бы радарами хотя бы некоторых из них.

А может быть, их траектории просто не оставляют следов? Мы ведь не знаем, на что способны «хозяева» в инженерной области, и оценивать пределы их возможностей с нашей собственной точки зрения просто неосмотрительно.

Тем не менее цифра, которую я получил, приводила к заключению, противоречащему обычной логике. Следовательно, прежде чем докладывать, я обязан это проверить. Одно казалось бесспорным: если «хозяева» действительно почти насытили собой этот город, они в любом случае продолжают поддерживать маскарад, придавая своим носителям вид нормальных, свободных людей.

Я проехал еще милю или около того и оказался в торговом районе у рыночной площади. Я поспешил оттуда прочь: где толпы людей, там и полицейские. Удирая из центра, я проехал мимо общественного плавательного бассейна. Я оглядел его и зарегистрировал в памяти то, что увидел. На нем было объявление: «Временно закрыт».

Плавательный бассейн закрыли в самое жаркое время года? Впрочем, это ничего еще не значило: бассейны открываются и закрываются, если того требует бизнес. Но закрывать его в разгар сезона, отказываясь от наибольшей прибыли, противоречит экономической логике. Если исключить, конечно, абсолютную необходимость. Странностей и помимо этого в городе хватало. Но бассейн был одним из тех мест, где поддерживать маскарад никак невозможно. Надо заметить, что бассейн закрытый бросается в глаза меньше, чем бассейн открытый и не посещаемый в жаркую погоду. «Хозяева» это понимают и в своих маневрах следуют человеческой логике.

Итак, что же мы имеем? Западня у городской таможни. Слишком мало летних одежд. Бассейн, закрытый среди лета.

Вывод: слизняки гораздо более многочисленны, чем можно было себе вообразить.

Заключение: операция «Контрудар» базируется на ошибочной оценке. Она даст такой же результат, как охота на носорогов с рогаткой.

Контраргумент: в то, что я видел, поверить невозможно. Мне представилось, как министр Мартинес, сдерживая сарказм, рвет мой рапорт в клочки. Мне нужны доказательства значительно более сильные, чем благоразумные доводы советников Президента, и я должен был добыть их с е й ч а с. Даже пренебрегая всеми правилами дорожного движения, я не мог затратить меньше чем два с половиной часа на возвращение в Вашингтон.

Что же делать? Отправиться в деловую часть города, смешаться там с толпой, а потом сказать Мартинесу, что почти каждый прохожий захвачен слизняком? Как я докажу это? В таком случае, как я сам могу быть в этом уверен? До тех пор пока *титаны* разыгрывают фарс «дела идут, как обычно», все мои сигналы будут

пустой болтовней: сутулых спин сверхмного, а голых сверхмало — вот и все, что я знаю.

У меня было некоторое представление о том, как город мог быть насыщен, если бы имелись достаточно большие запасы слизняков. Я не сомневался, что встречу такую же таможню на выезде из города, как и на въезде в него, и что такие же заставы будут на стартовых платформах и на каждом входе и выходе за черту города. Каждый уезжающий будет новым агентом; каждый приезжающий станет новым рабом.

Я обратил внимание на городскую газету «Стар» и приобрел ее на последнем углу, мимо которого проезжал. «Стар» имела свою обычную тусклую респектабельность: ничего возбуждающего, никаких упоминаний о чрезвычайном положении, никаких ссылок на кампанию «Голая Спина». Передовая статья называлась «Телефонная служба повреждена вспышками на Солнце», а подзаголовок гласил: «Город наполовину изолирован из-за солнечной активности». Этому посвящались три колонки текста и цветное изображение Солнца, обезображенного космическими угрями. Это было убедительное и успокаивающее объяснение того, почему матушка Шульц не может дозвониться до бабушки в Питсбург.

Я сунул газету под мышку, чтобы изучить ее позже как следует, и пошел к своему «кадиллаку». Именно в этот момент полицейская машина бесшумно спланировала сверху и заблокировала мне дорогу перед самым носом. Кажется, что полицейские машины умеют собирать толпу, еще находясь в воздухе. За мгновение перед этим улица была безлюдной. Сейчас кругом было полно людей, а полицейский направлялся ко мне.

— Позвольте взглянуть на ваши водительские права,— сказал он вежливо.

— Конечно, офицер,— согласился я.— Они крепятся к приборной панели в моей машине.— Я следовал за ним, стараясь держаться непринужденно, чувствуя, что он колеблется. Мы прошли между его машиной и моей. Это позволило мне увидеть, что в его машине не было напарника. Еще важнее было то, что моя машина стояла между мной и слишком любопытными свидетелями.

— Вот,— сказал я, садясь на свое водительское место.— Это крепится здесь.

Он снова заколебался, потом заглянул в машину — этого мне хватило, чтобы применить прием, к которому я прибегал в случае необходимости. Моя левая рука ударила его по плечам, и я сжал то, что там было, изо всей силы.

Казалось, его тело взорвется — таким мощным был спазм. Я был уже в машине и рванул с места раньше, чем он стукнулся о мостовую.

Не спешить! Маскарад окончился так же, как в конторе Барнеса. Толпа кинулась ко мне. Одна женщина уцепилась за машину и футов пятьдесят пробежала рядом с ней. Я увеличил скорость, и она отстала. Я выбрался из потока машин, готовясь взлететь, но для этого мне не хватало пространства.

Улица поворачивала налево. Я устремился в нее; и это была ошибка: деревья склонялись над дорогой слишком низко, и я не мог взлететь. За следующим поворотом было еще хуже. Я замедлил ход и теперь курсировал с ограниченной городской скоростью, ища бульвар, достаточно широкий для незаконного взлета. Мысли начали успокаиваться, и я осознал, что признаков погони нет.

Мое знание «хозяев» пришло мне на помощь. Исключая «прямые совещания», *титан* существовал с помощью носителя. Он видел то, что видел человек, которым он управлял, воспринимал и передавал информацию через органы и теми средствами, которые имел в своем распоряжении его носитель. Казалось невероятным, чтобы кто-нибудь из слизняков мог искать мою машину иным способом, чем это делал слизняк, оседлавший полицейского. Сейчас, конечно, за мной уже охотятся другие паразиты, но ведь и они имеют только телесные способности и возможности своих носителей. Я решил, что мне не нужно придавать слизнякам большего значения, чем я придаю обычной толпе свидетелей, то есть попросту игнорировать их, сменить район и забыть об этом.

Поскольку у меня оставалось едва ли полчаса времени, я решил, что мне нужно в качестве доказательства,— пленник, человек, которого захватили паразиты, и который мог бы рассказать о том, что происходило в городе. Я должен был спасти носителя. Я должен был захватить его, не повредив, не убив и не снимая с его спины наездника, и доставить Его в Вашингтон. У меня не было времени строить планы: я должен был действовать немедленно.

Как только я это решил, я увидел прохожего с подозрительно вздернутыми плечами. Он шагал как человек, который уже видит свой дом и ужин. Я догнал его, окликнул:

— Эй!

Он остановился.

— А?

Я сказал:

— Я только что из Сити-Холл. Залезайте ко мне в машину. У нас будет «прямое совещание».

Он недоуменно спросил:

— Сити-Холл? О чем вы говорите?

Я ответил:

— Изменение в планах. Не теряйте времени. Залезайте.

Он поспешил от меня прочь. Я прыгнул и схватил его за плечи.

Но ничего не случилось — кроме того, что рука сжала костлявое человеческое тело, и сутулый от природы прохожий начал вопить.

Я прыгнул в машину и убрался оттуда поскорее. Отъехав за квартал, я замедлил ход и обдумал происшедшее. Был ли я настолько переутомлен, что мне повсюду мерещились *титаны*, даже там, где их не было?

Нет! Через мгновение я уже мог с упрямством Старика смотреть фактам в лицо. Последний факт означал только то, что я поймал человека — одного из десяти, который почему-либо не был еще завербован. Я увеличил скорость и стал подыскивать новую жертву.

Ею оказался мужчина средних лет, который поливал лужайку перед домом. Он выглядел вполне нормально, и я поначалу хотел миновать его. Но у меня уже совсем не оставалось времени, а свитер, который носил в жару мужчина, подозрительно выпячивался. Если бы я видел его жену на веранде, я проехал бы дальше, так как на ней был пляжный костюм, и потому она не могла быть захвачена слизняком.

Он взглянул на меня, как только я притормозил.

— Я только что из Сити-Холл,— повторил я свою фразу.— Мы оба нуждаемся в «прямом совещании», и немедленно. Садитесь!

Он сказал тихо:

— Пойдемте в дом. Машина — не то место.

Я хотел было отказаться, но он уже направлялся к дому. Когда я поднялся за ним на крыльцо, он прошептал:

— Осторожно. Женщина не наша.

— Ваша жена?

— Да.

Мы остановились возле женщины, и он сказал ей:

— Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно кое-что обсудить с ним. Мы будем в кабинете.

Она улыбнулась и ответила:

— Конечно, любовь моя. Добрый вечер, мистер О'Киф. Душно сегодня, не так ли?

Я согласился, и она вернулась к своему вязанию. Мы вошли в дом, и мужчина повел меня в кабинет. Поскольку мы продолжали разыгрывать маскарад, я переступил порог первым, как и приличествует посетителю. Мне не нравилось, что моя спина была повернута к нему, и поэтому я почти ожидал того, что произошло в следующий момент: он ударил меня наотмашь в основание шеи. Я увернулся и упал почти невредимым. Продолжая увертываться, перекатился на спину.

На тренировках нас дубасили мешками с песком, когда мы пытались подняться из лежачего положения. Поэтому я оставался лежать, угрожая ему нанести удар каблуками, что вскоре и сделал. Он отлетел на несколько ярдов. Вероятно, у него не было под рукой пистолета, а я никак не мог вытащить свой. Он рванулся к камину, укомплектованному кочергой, совком и ухватом. Я схватил за ножку маленький столик и швырнул. Он угодил ему в лицо, когда мужчина уже взялся за кочергу. Теперь я уже сидел на нем.

Его «хозяин» умирал под моими пальцами, а сам человек корчился в конвульсиях, получив от своего шефа последнюю ужасную команду. Вдруг я осознал, что жена моей жертвы стоит в дверном проеме и кричит истошным голосом. Я отскочил от ее мужа и позволил ей увидеть слизняка. Она упала в обморок, прервав свои вопли на полуслове, а я вернулся к ее мужу.

Даже легкого человека поднять не так-то просто, а этот был тяжелый. К счастью, я здоровяк. Я ухитрился неуклюжей собачьей рысью перетащить его к своей машине. Хорошо, что я оставил ее дверцу открытой.

Потом я, правда, пожалел, об этом: пострел, такой же, как и тот, что доставил мне неприятности раньше, был внутри и баловался с панелью управления. Чертыхаясь, я свалил своего пленника на сиденье и сграбастал ребенка. Тот сопротивлялся, но я справился с ним и выкинул из машины — прямо на руки моим преследователям. Не заботясь о ремнях безопасности, я резко взял с места и выехал на широкий бульвар. Там я повернул взлетный ключ. Возможно, я вызвал несколько аварий, но у меня не было времени побеспокоиться об этом.

Набрав высоту, я направил машину на восток. Над Миссисипи я пользовался исключительно ручным управлением и, поднимаясь все выше, увеличивал скорость. Это безрассудство, возможно, спасло мне шкуру. Где-то за Колумбией, когда я израсходовал последнюю возможность для увеличения высоты и скорости, я почувствовал, что машину тряхнуло. Кто-то запустил ракету-перехватчик, и эта штука взорвалась в том месте, где я только что пролетел.

Больше обстрелов не было, но правый двигатель начал барахлить, что, возможно, явилось следствием близкого взрыва или просто моего злоупотребления им. Я молился в душе, чтобы полет не прервался хотя бы в ближайшие десять минут. Затем, когда Миссисипи осталась позади, а индикатор покачивался у опасной отметки, я бросил возиться с правым двигателем и вел машину на одном левом. Три сотни миль в час — это максимум того, что он может дать. Но я был уже вне Красной зоны.

Я находился в таком напряжении, что не мог позволить себе даже мельком взглянуть на моего пассажира. Он лежал, растянувшись на полу, без сознания, а, может быть, уже мертвый. Теперь, когда я опять находился среди людей, надобность в незаконных маневрах отпала, и я перевел управление на автоматику. Потом перегнулся через сиденье и посмотрел на мужчину. Он все еще дышал. На лице зиял шрам, но кости, кажется, были целы. Мертвый слизняк начал вонять, но не было возможности избавиться от него.

Я взглянул на часы — в Вашингтоне сейчас двадцать один тридцать семь, а мне еще в лучшем случае лететь шесть сотен миль. Пока я доберусь, будет заполночь. И это не считая времени на посадку, на путь до Белого дома и на поиски Старика. Итак, я уже опоздал. Не зря Старик говорил, что меня подсунул ему сам дьявол.

Я попытался снова завести правый двигатель, но безуспешно. Я решил вызвать Старика по телефону.

Телефон не работал. Вероятно, в какой-то момент борьбы я повредил его. Было ясно, что сегодняшний день — не из тех, ради которых стоит вылезать из постели. Я повернулся к коммутатору и нажал аварийную кнопку.

— Контроль! — запросил я. — Контроль!

Экран засветился, на меня глядел молодой человек. С облегчением я увидел, что он был голый по пояс.

— Контроль слушает. Блок «Фокс-11». Что вы там делаете, в воздухе?

— Неважно — огрызнулся я.— Соедините меня с ближайшим военным округом. Приоритет аварийной ситуации!

Он заколебался, потом экран замерцал и возникла другая картина. Это был центр военных донесений, и — что приятно отметить — все в нем были раздеты до пояса. На переднем плане сидел молодой офицер; я едва не расцеловал его, но вместо этого сказал:

— Военная необходимость. Соедините меня с Пентагоном и с Белым домом.

— Кто вы?

— Нет времени! Я — гражданский агент, и мой идентификационный номер вам ничего не скажет. Быстрей!

Дежурный отвернулся от экрана и подозвал подполковника.

— Немедленно приземляйтесь! — только и сказал мне тот.

— Послушайте,— возразил я,— это военная необходимость. Вы обязаны соединить меня...

— То, что я вам говорю, и есть военная необходимость. Последние три часа все гражданские воздушные суда находятся на земле. Садитесь немедленно.

— Но я должен...

— Садитесь или мы собьем вас. Мы контролируем траекторию вашего движения. Я пошлю перехватчик...

— Вы слушаете меня? Я сяду, но я должен...

Он отключился, предоставив мне возможность попросту сотрясать воздух.

Первый выстрел убедил меня в том, что с подполковником шутки плохи. Я сел.

Приземляясь, я вдребезги разбил машину, но не покалечил ни себя, ни своего пассажира. Мне не пришлось долго ждать. Военные заметили мои сигнальные огни и спустились с высоты раньше, чем я с удовлетворением убедился, что моя машина больше не будет двигаться. Они увезли нас с пассажиром, и вскоре я предстал перед подполковником. Он даже взял мое донесение, но после того, как целый наряд психиатров проверил меня под гипнозом на вменяемость.

К тому времени часы показывали час тридцать ночи. Операция «Контрудар» уже длилась один час и тридцать минут.

Старик выслушал мое краткое донесение, покряхтел и приказал найти его утром.

XIX

«Контрудар» был самым нелепым фейерверком в военной истории. Бомбардировка началась в полночь. Бомбы обрушились на девяносто тысяч шестьсот коммуникационных точек — редакции газет, блоки контроля движения, станции стереотрансляции и т. п. Планировалось, что после бомбежки рейдовые отряды проведут облавы, а потом будет делом техники вернуть каждую из этих точек в наше ведение. Вслед за этим по каждой местной станции будет передана речь Пре-

зидента кампания «Голая Спина» даст свой эффект на всех бывших зараженных территориях, и война будет прекращена, а неприятель уничтожен.

Через двадцать пять минут после начала операции стали поступать рапорты о том, что такие-то и такие-то точки уже отвоеваны. А затем, из других точек, пошли призывы о помощи. К часу ночи в действие было введено большинство резервов, и, казалось, операция развивалась успешно. Во всяком случае об этом докладывали командиры воинских подразделений.

Однако больше про эти подразделения никто никогда не слышал. Красная зона поглотила их, словно они и не существовали никогда. Я не критикую ни Мартинеса, ни Рекстона, ни Генеральный штаб, ни тех бедных парней, кто сбрасывал бомбы. Программа основывалась на том, что казалось правдивой картиной, а ситуация требовала немедленных действий с применением всех имевшихся в нашем распоряжении средств.

Около полудня, как я понимаю, до Рекстона и Мартинеса наконец дошло, что донесения об у с п е х а х, которые они получали, являлись самой настоящей дезинформацией. Эти фальшивки посылались через их собственных людей — н а ш и х собственных людей, которые уже были оседланы паразитами и подключены к участию в маскараде.

После моего доклада, через полтора часа после начала операции, Старик пытался убедить советников Президента, что не следует больше посылать людей в сомнительные рейды, но те не послушались. Их воодушевил успех, и они стремились его развить.

Старик советовал Президенту проводить з р и т е л ь н у ю проверку рапортов, на что Рекстон сказал: «Перестаньте беспокоиться. Как только местные станции снова окажутся в наших руках, наши парни приступят к работе, и вы получите всю зрительную информацию, которую пожелаете».

Старик настаивал, что тогда может быть слишком поздно. Рекстон взорвался: «Послушайте, вы! Вы что, хотите, чтобы погибли тысячи человек, чтобы успокоить ваши нервы?!»

Президент поддержал последнего.

Утром они получили зрительные доказательства. Станции в центральном районе выдавали ту же самую старую кашу: «Восходить и светить вместе с Мэри — Солнечный Свет», «Завтрак с Браунами» и тому подобную муру. Ни одна станция не передала стереозапись президентской речи; ни в одной передаче и намека не было на то, что что-то произошло. Официальные военные донесения перестали поступать в Белый дом около четырех утра, и на неистовые запросы Рекстона ответа не последовало.

Мне не удалось увидеть Старика раньше одиннадцати часов. Он выслушал мой доклад с самым серьезным видом, без комментариев и вечных придирок, что было хуже всего. В самом конце я спросил:

— А как насчет моего пленника? Не подтвердил он мои выводы?

— Ах, этот?..— Старик махнул рукой.— Он еще не пришел в сознание. И нет надежды, что выживет.

— Я хотел бы повидать его.

— Тебя тянет лишь к тому, что тебе понятно... Беги-ка лучше в зоопарк. Там ты увидишь нечто такое, что представит в ином свете то, что ты откопал в Канзас-Сити.

— Вот как?

— Найди доктора Хораса, помощника директора. Скажи ему, что это я послал тебя.

Хорас был симпатичным маленьким парнем, похожим на одного из своих бабуинов. Он передал меня доктору Варгасу, специалисту по экзотической биологии. Это тот самый доктор Варгас, который участвовал во Второй экспедиции на Венеру. Он-то и объяснил мне, что случилось.

Если бы Старик и я ходили в Национальный зоопарк, а не рассиживались на скамеечке возле него, мне не было бы нужды ехать в Канзас-Сити. Десять *титанов,* которых мы поймали в Конгрессе, теперь находились в зоопарке, где их посадили на антропоидов, главным образом шимпанзе и орангутангов. Но не на горилл.

Директор держал обезьян взаперти в лечебнице зоопарка. Двух шимпанзе, Абеляра и Элоизу, посадили вместе в одну клетку. Они были супругами, и, казалось, не было причин разлучать их. Это явилось следствием наших психологических трудностей в обращении с *титанами.* Даже люди, которые трансплантировали слизняков, считали, что имеют дело с обезьянами, и думали о них, в конечном счете, как об обезьянах, а не как о *титанах.* В соседней клетке находились семь туберкулезных гиббонов. Они не использовались в качестве носителей, поскольку были больны. Обе клетки не имели между собой сообщения. Их разделяли передвижные панели. На следующее утро одна панель оказалась сдвинута, а гиббоны и шимпанзе были вместе. Абеляр и Элоиза нашли способ открыть замок. Этот замок считался неприступным для обезьян, но с ним справились *обезьяны-вместе-с-титанами.*

Пять гиббонов плюс два шимпанзе и плюс два *титана...* Но на следующее утро там уже оказалось семь обезьян, оседланных с е м ь ю *титанами*!

Это обнаружилось за два часа до того, как я отправился в Канзас-Сити, но Старика об этом не известили. Если бы он узнал о случившемся, он знал бы, что Канзас-Сити до предела насыщен паразитами, и операция «Контрудар» не состоялась бы.

— Я видел стереозапись с речью Президента,— сказал мне Варгас.— Вы не тот человек, который... я имею в виду, не тот ли вы человек...

— Да, я именно «тот человек, который...» — согласился я быстро.

— Тогда вы можете рассказать нам очень много об этом феномене.

— Возможно, и мог бы,— допустил я.— Но не могу.

— Насколько я вас понимаю, вы не помните случаев размножения делением, когда вы были... хм... их пленником?

— Так.— Я, кстати, думал об этом.— По крайней мере, думаю, что это так.

— Однако я думал, что жертвы... хм... имеют память о своем опыте.

— Да, они ее имеют и в то же время не имеют.— Я попытался объяснить ему странное раздвоение сознания, которое бывает у слуг «хозяев».

— Полагаю,— заметил Варгас,— это могло происходить, когда вы спали.

— Может быть,— сказал я.— Но, кроме сна, бывали состояния, которые трудно вспомнить. Во время «прямых совещаний».

— Совещаний?

Я объяснил. Он поднял брови.

— Вы имеете в виду совокупление?

— Нет, я имею в виду совещание.

— Мы с вами имеем в виду одно и то же, разве вы не видите? Совокупление и деление. Они размножаются всякий раз, как только снабжение носителями им это позволяет. Вероятно, необходим один контакт для каждого деления. Потом, когда появляется возможность, происходит деление... Два взрослых дочерних паразита появляются в течение нескольких часов... может быть, быстрее...

Если это было действительно так,— а, глядя на гиббонов, я не мог в этом сомневаться,— то почему же тогда мы зависели от снабжения в Конституционном Клубе?.. Или не зависели?.. Я этого не знал. Я делал только то, что хотел делать мой «хозяин», и видел только то, что попадало мне на глаза. Но теперь становилось ясно, каким образом насыщался Канзас-Сити. При изобилии «живого фонда» под рукой и имея космический корабль, нагруженный транзитными ячейками, *титаны* размножались значительно быстрее человеческой популяции.

Допустим, тысяча слизняков была на том космическом корабле, который, как мы предполагаем, приземлился около Канзас-Сити. Допустим, они могут размножаться при благоприятных обстоятельствах каждые двадцать четыре часа.

Первый день — тысяча слизняков.

Второй день — две тысячи.

Третий день — четыре тысячи...

В конце первой недели, на восьмой день, это будет сто двадцать восемь тысяч слизняков.

Через две недели — больше шести миллионов слизняков.

Мы не знали, были ли они ограничены возможностью плодиться один раз в сутки. Так же мы не знали и того, могла ли эта «летающая тарелка» поднять тысячу транзитных ячеек. Она могла поднять их и десять тысяч — или больше, или меньше... Допустим, десять тысяч на разведение породы, с периодом деления каждые двадцать четыре часа. Через две недели результат будет такой: более чем два с половиной триллиона!!!

Эта цифра ничего не значила: она была космической. Так много людей никогда не найдется на всем земном шаре, считая даже и обезьян.

Мы будем по колено в слизняках — и весьма скоро. Я почувствовал себя хуже, чем в Канзас-Сити.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну. Тот занимался сравнительной психологией и был, как сообщил мне Варгас, автором книги «Марс, Венера и Земля: исследование побудительных мотивов». Варгасу казалось, что это произведет на меня впечатление, но я этой книги не читал. В самом деле, как можно изучать побудительные мотивы поступков марсиан, если все они вымерли раньше, чем мы спрыгнули с деревьев?

Оба доктора начали вести профессиональный разговор. Я же продолжал рассматривать гиббонов. Наконец Макилвейн спросил меня:

— Мистер Нивенс, как долго обычно длится их «совещание»?

— Совокупление,— поправил его Варгас.

— Совещание,— повторил Макилвейн.— Это более важный аспект.

— Но, доктор,— запротестовал Варгас,— совокупление есть способ генного обмена, в то время как мутация распространяется через...

— Антропоцентризм, доктор! Вы не знаете, имеет ли эта форма жизни гены.

Варгас побагровел.

— Вы допускаете эквивалент генам? — задыхаясь, спросил он.

— Почему я? Я только говорю, сэр, что вы проводите сомнительную аналогию. Есть только одна характеристика, общая для всех форм жизни. Это — стремление выжить.

— И размножиться,— настаивал Варгас.

— Предположим, что организм бессмертен и не нуждается в размножении?

— Но...— Варгас пожал плечами.— Ведь они размножаются.— Он указал на обезъян.

— А я полагаю,— стоял на своем Макилвейн,— что это не размножение, а просто расширение жизненного пространства одним-единственным организмом.

Варгас начал:

— Но повсюду входящие в систему...

Макилвейн резко оборвал его:

— Антропоцентризм, геоцентризм, гелиоцентризм — это все провинциальный подход. Данные существа, возможно, вообще прибыли из-за пределов Солнечной системы.

— О нет! — вскричал я. В моем сознании внезапно пронеслась картина планеты Титан, и я стал задыхаться от волнения.

Но на меня не обратили внимания. Макилвейн продолжал:

— Возьмите амебу — более общая и намного более удачная форма жизни, чем наша. Мотивационная психология амебы...

Я отключил слух. Свобода слова дает человеку право высказываться о «психологии» амебы, но я не обязан был о ней слушать.

Тут они поставили несколько прямых экспериментов, которые несколько повысили мое мнение об этих ученых. Варгас решил посадить одного из своих бабуинов, носящего на себе слизняка, в клетку с гиббонами и шимпанзе. Как только новичок оказался там, обезьяны собрались в круг, затылком друг к другу, и начали «прямое совещание», слизняк к слизняку.

Макилвейн ткнул в их сторону пальцем.

— Видите? «Совещание» — это не размножение, а обмен памятью, информацией. Организм, временно разъединенный, теперь восстанавливает себя.

Я мог бы сказать им то же самое: «хозяин» всегда стремится провести «прямое совещание» как можно скорее.

— Это всего лишь гипотеза! — фыркнул Варгас.— У них просто нет подходящей возможности размножиться прямо сейчас. Джордж! — Он приказал шефу подчиненной ему команды привести другую обезьяну.

— Маленького Эйба? — спросил помощник.

— Нет, мне нужен без паразита. Слушай-ка, давай сюда Старого Рыжика.

Помощник сказал:

— Этого калеку? Босс, не берите Старого Рыжика.

— Это не причинит ему вреда, Джордж.

— А как насчет Сатаны? Он все равно ублюдок.

— Хорошо. Давай его, но побыстрее.

Привели Сатану, угольно-черного шимпанзе. Он мог бы быть агрессивным где угодно, но не здесь. Когда его впихнули в клетку, он сразу отпрянул к двери и начал скулить. Я чувствовал себя так, словно присутствую при казни. Я должен был держать свои нервы под контролем — человек может ко всему привыкнуть,— но истерия обезьяны была заразительной. Мне хотелось убежать.

Вначале оседланные слизняками обезьяны просто уставились на него, как присяжные в суде. Это длилось довольно долго. Визги Сатаны сменились тихими стонами, и он закрыл морду. Наконец Варгас сказал:

— Доктор! Смотрите!

— Куда?

— Люси — старая самка. Вот,— указал он.

Это была жрица туберкулезных гиббонов. Мы видели ее повернутую к нам спину. Слизняк на ней начал выгибаться. Радужная линия пробежала по центру его.

Потом он начал делиться, как делится клетка. Всего за несколько минут деление закончилось. Один из вновь возникших слизняков остался на спине Люси, а второй пополз вниз по спине. Обезьяна сидела на корточках, почти касаясь задом пола. Слизняк соскользнул с нее и мягко шлепнулся на бетон. Потом медленно пополз к Сатане. Тот отчаянно завопил и полез на верх клетки.

Господи боже, они послали целый наряд арестовать его — двух гиббонов, бабуина и шимпанзе. Обезьяны легко оторвали Сатану от клетки и стащили вниз. Затем повалили его и прижали лицом к полу.

Слизняк подполз ближе.

Было добрых два фута до Сатаны, когда на паразите выросло что-то похожее на стебель, который извивался, как кобра. Потом стебель распрямился и хлестнул Сатану по ноге. После чего обезьяна уже не двигалась.

Титан, казалось, сам подтянул себя за вырост, который он образовал, и прикрепился к ноге Сатаны. Оттуда пополз вверх. Когда он достиг основания позвоночника, Сатана сел, встряхнулся и присоединился к другим обезьянам.

Варгас и Макилвейн начали взволнованно говорить, но, по-видимому, совершенно отвлеченно. Мне хотелось разбить что-нибудь... Хотелось отомстить за себя, за Сатану, за всех...

Макилвейн утверждал, что мы наблюдаем нечто новое для нашего мировоззрения — разумное существо, настолько организованное, что может быть бессмертным и непрерывным в своей личной — или же групповой — идентичности. Аргументация была запутанной. Он теоретизировал, что это существо должно иметь непрерывную память, простирающуюся к началу его рода. Он определил слизняков как форму, существующую в четырех пространственно-временных измерениях, переплетенную как единый организм. Разговор становился настолько заумным, что казался просто глупым.

Что касается меня, то я ничего не знал и мне было наплевать. Единственное, что меня волновало в отношении слизняков — как убить их.

XX

На удивление, вернувшись, я застал Старика на месте. Президент уехал, чтобы выступить на закрытой сессии Объединенных Наций. Я рассказал Старику о том, что я видел в зоопарке, дополнив своим мнением про Варгаса и Макилвейна.

— Бойскауты, сравнивающие коллекции своих марок,— усмехнулся я.— Они не понимают, насколько все это серьезно.

Старик помотал головой.

— Не списывай их так быстро со счетов, сынок,— посоветовал он.— Скорее всего, они, а не ты или я, найдут ответ.

— Хм! — произнес я, или кое-что порезче.— Они скорей дадут этим слизнякам удрать.

— Они рассказали тебе про слона?

— Какого слона? Они, проклятые, ни о чем мне не рассказывали; они интересовались только друг другом, а меня игнорировали.

— Так вот, о слоне,— заговорил Старик.— Бог весть как, но сбежала обезьяна с наездником на спине. Тело ее потом нашли затоптанным насмерть там, где содержатся слоны. А один из слонов исчез.

— Вы думаете, слон разгуливает сейчас со слизняком на спине? — Я представил себе жуткую картину: что-то похожее на танк, управляемый кибернетическим мозгом.

— Не слон, а слониха,— уточнил Старик.— Ее обнаружили за Мэрилендом. Она мирно паслась в капусте. Паразита на ней не было.

— Куда же он делся? — невольно я оглянулся вокруг.

— А кто его знает. Наверно, прокрался в близлежащую деревню. Это где-то западнее Миссисипи.

— Кто-нибудь пропал?

Старик пожал плечами и продолжил:

— Чтобы заставить людей смириться с приказом обнажать хотя бы плечи, потребовались решительные действия. Президенту уже заявлялись протесты по поводу морали. Даже приходила делегация, называвшая себя «Матери Республики», или какая-то чепуха вроде этого.

— И Президент в такое время тратит время на это?

— Макдоноу встречал их. Однако он впутал меня в это дело.— Старик выглядел несчастным.— Мы сказали им, что они не смогут увидеть Президента, пока не разденутся догола. Это остановило их.

Я усмехнулся, но затем вспомнил зоопарк, бедного Сатану, и мне стало не до шуток.

— Вы должны были заставить их.

— Что заставить?

— Заставить их раздеться.

Старик пожевал губами.

— Что привело тебя к такому заключению?

Я рассказал ему более подробно о том, что видел, когда Варгас подставил слизняку беззащитного Сатану.

— Эта обезьяна начала двигаться сразу же, как только тварь коснулась основания позвоночника. Я уверен, что слизняки предпочитают седлать своего носителя поблизости от мозга. Но вполне вероятно, они могут оседлывать человека и снизу, через штаны, и таким образом добираться до спинальной хорды.

— Гм... А ты вспомни, сынок: первый раз, когда я обыскивал толпу, я заставлял каждого раздеваться догола. Это не было случайным.

— Думаю, вас можно оправдать. Люди могли утаить слизняка где-нибудь на теле. Возьмем теперь, к примеру, эти унылые штанишки, что на вас. Паразит мог залезть в них, и это сделало бы вас похожим на любителя носить ранец на заднице.

— Ты хочешь, чтобы я снял их?

— Я могу сделать кое-что получше. Я сделаю вам захват «Канзас-Сити».

Мои слова звучали шуткой, но я не шутил. Я сграбастал его за штаны и убедился, что он чист. Он подчинился с милой улыбочкой, а затем проделал со мной то же самое.

— Но не можем же мы,— пожаловался он, садясь,— ходить всюду и шлепать женщин по задницам. Этого не будет!

— Вы должны это делать,— сказал я.— Или должны заставлять каждого раздеваться.

— Мы проведем кое-какие эксперименты.

— Какие?

— Ты знаешь, что такое броня для шеи и головы? Ничего, кроме того, что внушает человеку чувство безопасности. Я велю доктору Хорасу надеть на обезьяну такую броню, чтобы слизняк не смог добраться ни до чего, кроме ног. И посмотрим, что получится.

— О да. Но не используйте обезьян, босс.

— Почему?

— Ну... они слишком похожи на людей.

— Черт возьми, малыш! Нельзя же сделать омлет...

— ... Не разбив яиц? О'кей, но не нравится мне все это.

XXI

Следующие несколько дней я проповедовал бесстыдство и попутно отвечал на дурацкие вопросы о том, что *титаны* едят на завтрак, и объяснял, как обезвредить человека, который захвачен. Я считался «экспертом», но мои ученики, казалось, были уверены в том, что знают о слизняках больше, чем я.

Титаны продолжали удерживать Красную зону, но, как мы надеялись, они не могли выйти из нее незамеченными. Мы имели это в виду и не делали попыток прорваться к ним снова, потому что буквально каждого нашего человека слизняк обязательно захватывал в качестве заложника. От Объединенных Наций помощи не было. Президент настаивал на том, чтобы проводить кампанию «Голая Спина» в глобальном масштабе, однако этот вопрос заволынили, направив его для расследования в комитет. Все дело заключалось в том, что нам не верили. Это давало нашему врагу огромное преимущество — только тот, у кого пожар, верит в огонь.

Некоторые нации оказались в безопасности благодаря своим обычаям. Например, финны ежедневно ходили в сауну в компании друзей. Японцы считали для себя необходимым время от времени раздеваться. Жители жаркого пояса также находились в относительной защищенности в силу климатических условий. Французы слыли энтузиастами-нудистами и любили раздеваться, на уикэндах по крайней мере. Но в странах, где скромность что-нибудь да значила, слизняк мог оставаться незамеченным до тех пор, пока от его носителя не начинало вонять. Это были Соединенные Штаты, Канада и Англия, особенно Англия.

В Лондон отправили трех слизняков (на обезьянах, конечно). Я понял так, что Король хотел подать такой же пример своим подданным, как и наш Президент своим. Но премьер-министр, подстрекаемый Архиепископом Кентерберийским, не дал ему это сделать. А Архиепископ не удосужился даже взглянуть на паразитов. Мораль казалась им делом более важным, чем мирская опасность. Ничего об этом не появилось и в новостях, и английская кожа

ни разу не выставлялась напоказ холодным пристальным взглядам соседей.

Советская система пропаганды начала проклинать нас сразу же, как только мы выработали новую линию поведения. Все это было названо «американской империалистической фантазией». Я удивлялся, почему *титаны* не атаковали Россию первой. Она, казалось, была создана для них как по заказу. Второй моей мыслью было: а может, они уже атаковали ее? И третья мысль: а не все ли равно?

В течение этих нескольких дней я не видел Старика ни разу. Я получал задания от Олдфилда, его заместителя. Поэтому и не знал, когда Мэри сменилась на посту особого дежурного при Президенте. Я столкнулся с ней в комнате отдыха для служащих Отдела. «Мэри!» — завопил я и бросился к ней, не чуя под собой ног.

Она одарила меня своей медленной, сладкой улыбкой и подвинулась.

— Привет, дорогой,— прошептала она. Не спросила, что я делал, не ругала за то, что не встречался с ней, даже как будто не заметила, как длительна была наша разлука. По принципу: пусть все идет своим чередом.

Я вел себя не так. Я залепетал:

— Прелестно! Я думал, ты все еще подтыкаешь одеяло Президенту в его спаленке. Ты давно здесь? Когда вернулась? Скажи, можно я закажу тебе выпивку? Хотя нет, у тебя уже есть...— Тут я с удивлением увидел второй заказ, который был сделан для меня.— А? Откуда это взялось?

— Я заказала, когда ты появился в дверях.

— Мэри, я говорил тебе, что ты прелесть?

— Нет.

— Очень хорошо, тогда я скажу: ты прелесть, Мэри.

— Спасибо.

Я продолжал:

— Сколько времени ты будешь свободна? Не смогла бы ты получить хотя бы небольшой отпуск? Они что, рассчитывают, что ты будешь дежурить двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, без выходных? Я собираюсь припереть Старика к стенке и сказать ему...

— Я в отпуске, Сэм.

— ...Только вот еще не знаю как...

— Я сейчас в отпуске.

— Ты в о т п у с к е?! И надолго?

— Могут вызвать в любой момент. Сам понимаешь...

— Но как долго ты уже находишься в отпуске?

— Со вчерашнего дня. Сижу здесь, ожидая тебя.

— Со вчерашнего дня! — Вчерашний день я провел в детских садах, читая лекции. Я поднялся.— Не двигайся. Я сейчас вернусь.

И помчался в оперативный отдел. Олдфилд взглянул на меня, когда я вошел, и сказал грубым тоном:

— А т ы чего хочешь?

— Шеф, эта серия сказок на сон грядущий, которые я должен рассказывать... лучше отменить их.

— Почему?

— Я больной человек. Мне положен отпуск по болезни за длительный период. Сейчас я желаю получить его.

— Ты болен головой.

— Верно: у меня болит голова. Я слышу голоса. Люди преследуют меня повсюду. Мне все время кажется, что меня преследуют *титаны.*— Последнее мое замечание было правдой.

Олдфилд молчал и ждал, чтобы я привел аргументы посерьезнее. Он повертел в руках бумаги, выбрал одну из них и порвал.

— О'кей. Держи телефон под рукой. Вызов — в любой момент. Ступай.

Я вышел. Мэри взглянула на меня, когда я вошел, и снова одарила нежностью и теплотой.

— Собирай свои шмотки, мы уезжаем.

Она не спросила, куда. Она просто встала. Я схватил свою выпивку, залпом проглотил половину, остальное выплеснул. Мы были на улице, когда я, наконец, нарушил молчание:

— Итак: где ты хочешь вступить в брак?

— Сэм, мы ведь это уже обсуждали...

— Обсуждали, а теперь осуществим. Где?

— Сэм, дорогой мой, я сделаю все, что ты скажешь. Но я пока против этого.

— Почему?

— Сэм, давай поедем ко мне. Мне хотелось бы приготовить тебе обед.

— О'кей, ты сможешь приготовить обед, но только не там. Сначала мы поженимся.

— Пожалуйста, Сэм...

Я схватил ее за руку и, ни слова не говоря, впихнул в такси.

— Хорошо,— сказал я ей грубо.— Почему нет? Выкладывай свои причины.

— Зачем жениться, Сэм? Я твоя; не нужно никаких контрактов.

— Зачем? Потому что я люблю тебя, черт побери!

Она не отвечала довольно долго, и я подумал, что обидел ее. Потом еле слышно проговорила:

— Ты не упоминал об этом раньше, Сэм.

— Да? Неужели?

— Нет, я абсолютно уверена, что нет. Почему?

— Ну, не знаю. Полагаю, это мое упущение. Я еще не знаю точно, что означает слово «любовь».

— Я тоже,— нежно сказала она,— но я люблю, когда ты произносишь его. Скажи его еще раз, пожалуйста.

— А? О'кей. Я люблю тебя. Я люблю тебя, Мэри.

— О, Сэм!

Она прильнула ко мне и задрожала. Я встряхнул ее немножко.

— А как насчет т е б я?

— Меня? О, я люблю тебя, Сэм. Я люблю тебя с того самого момента...

— С какого момента?

Я ожидал, что она скажет, что любит меня с того самого момента, как я занял ее место в операции «Интервью». Но вот что она сказала:

— Я полюбила тебя с того самого момента, как ты дал мне пощечину.

Где логика?!

Водитель такси медленно ехал вдоль побережья Коннектикута. Я попросил его приземлиться в Уэстпорте, откуда мы пешком отправились в муниципалитет. Там я подошел к одному из окошек, где выдавались разрешения и лицензии, и обратился к клерку:

— Это здесь мы можем пожениться?

— Если хотите,— ответил он, разглядывая меня и Мэри.— Охотничьи лицензии налево, собачьи — направо. Здесь, полагаю, золотая середина.

— Хорошо,— сказал я придушенно.— Не будете ли вы так любезны оформить наш брачный контракт?

— Конечно. Каждому человеку следует вступить в брак — по крайней мере один раз. Это я всегда говорю своей старушке.— Он достал бланк.— Давайте ваши документы.

Мы подали их ему.

— Итак: не женаты ли вы в каком-нибудь другом штате?

Мы сказали, что нет. Он продолжал:

— Вы уверены? Если вы это от меня скроете, я все равно узнаю, и данный контракт не будет иметь силы.

Мы снова сказали ему, что женаты нигде не были. Он продолжал:

— Временный контракт, возобновляемый или пожизненный? Если его оформить на десять лет, то плата будет такой же, как за пожизненный. Если до шести месяцев, то вам не нужно его оформлять здесь: вы можете получить готовый бланк в торговом автомате. Вон там.

Мэри сказала тоненьким голоском:

— Пожизненный.

Клерк взглянул на нее удивленно.

— Сударыня, вы уверены в том, что поступаете правильно? Возобновляемый контракт с автоматическим правом выбора статьи договора действует точно так же, как пожизненный, и вам не придется проходить через суд, если вы измените свое решение...

Я оборвал его:

— Вы слышали, что сказала дама!

— Хорошо, хорошо... Частичный, по обоюдному уговору или обязательный?

— Обязательный,— ответил я, и Мэри кивнула.

— Пусть будет обязательный,— согласился клерк и застучал по клавишам пишущей машинки. Потом стал излагать текст контракта: — Вы — оба — торжественно — клянетесь — что — приведенные выше — факты — есть — правда. Вы — пришли — к этому соглашению — без посредства — наркотика — либо другого — незакон-

ного — стимулятора. Поэтому — не существует — каких-либо — легальных — препятствий — к исполнению — и регистрации — вышеизложенного — контракта.

Мы оба сказали, что клянемся и тому подобное. Он отпечатал это на машинке.

— Теперь давайте отпечатки ваших пальцев. О'кей. Это будет стоить десять долларов, включая федеральную таксу.

Я заплатил, и он сунул бланк в копировальную машину.

— Копии вы получите почтой по адресам, указанным в ваших документах. Теперь — какой вид церемонии вы предпочитаете? Может быть, я сумею помочь.

— Мы не хотим религиозной церемонии,— ответила Мэри.

— Тогда я знаю, что вам надо. Старый доктор Чамлей. Никаких религиозных обрядов — и самый лучший стереоаккомпанемент в городе. Полный оркестр. Он даст вам отеческое благословение и слово совета. Он даст вам почувствовать, что вы ж е н а т ы.

— Нет,— сказал на этот раз я.

— Но послушайте,— принялся убеждать меня клерк.— Подумайте о маленькой леди. Если она будет придерживаться того, в чем она поклялась только что, у нее никогда не будет другого шанса. Каждая девушка имеет право на венчание. Честно, я не беру слишком больших комиссионных.

Я вспылил:

— Вы можете поженить нас в конце концов или нет?

Он взглянул на меня с удивлением.

— Вы уже женаты! С тех самых пор, как поставили отпечатки пальцев на контракте.

— О! — только и сказал я. Мэри не сказала ничего. Мы ушли.

На стартовой площадке в северной части города я взял напрокат машину. Этой куче металлолома было не менее десяти лет, но она имела полную автоматику, а это именно то, что требовалось. Я сделал круг над городом, пересек Манхэттенский Кратер и включил автоматическое управление. Я был счастлив, но ужасно нервничал, и тогда Мэри обняла меня. Спустя долгое время я услышал: «Би-ип-бип-бип...» Эти сигналы шли от моей хижины, и я стал приземляться. Мэри спросила сонно:

— Где мы?

— Возле моей хижины, в горах,— сказал я.

— Я и не знала, что у тебя есть хижина в горах. Я думала, мы направляемся ко мне домой.

— Ты что! Там вокруг твоей кровати медвежьи следы... Нет, это не по мне. Наш дом здесь.

Она снова поцеловала меня, и я пошел на посадку. Мэри выскользнула из машины первой и с изумлением уставилась на мою хибару.

— Милый, это прекрасно! — воскликнула она.

— Ничто не может быть лучше гор Адирондак,— согласился я.

Был легкий туман, и солнце, садившееся на западе, создавало удивительный, глубокий-преглубокий стереопейзаж.

Она посмотрела вокруг и сказала:

— Да-да... Но я имела в виду не это. Я имела в виду твою... нашу хижину. Пойдем туда, прямо сейчас.

— Не возражаю,— ответил я,— но учти: это действительно всего лишь простая лачуга.

Такой она и была — даже без бассейна. Я держал ее в таком состоянии специально. Приезжая сюда, я опасался ощущения, будто привожу с собой город. Облицовка была общепринятой — сталь и стекловолокно. Но я покрыл все это фанерой и прочными дюралевыми плитками, которые выглядели, как настоящие бревна. Внутри все тоже было очень просто — большая жилая комната с камином, толстые ковры и множество низких кресел. Технические службы сервиса располагались под фундаментом — кондиционер, энергоузел, очистительная система, звуковое оборудование, водопровод, система радиационной защиты, холодильник с сильнозамороженными продуктами. Все это находилось вне поля зрения, и даже стереоэкраны не попадались на глаза, пока в них не было необходимости.

Я набрал код, дверь открылась, и Мэри сразу же очутилась внутри.

— Эй, вернись! — закричал я.

Она вернулась.

— Что случилось, Сэм? Я сделала что-нибудь не так?

— Разумеется! — Я подхватил ее на руки, перенес через порог и, поцеловав, отпустил.— Вот. Теперь ты действительно в своем собственном доме.

Освещение зажглось само, как только мы вошли. Мэри огляделась, потом повернулась ко мне и обвила руками.

— О, милый! Милый!

Время остановилось. Потом она с любопытством стала все разглядывать, дотрагиваясь до вещей.

— Ты знаешь, Сэм, если бы я планировала тут все сама, я бы сделала все точно так же.

— Но здесь только одна ванная комната,— сказал я извиняющимся тоном.— Придется обходиться без удобств.

— Не возражаю. Наоборот, я рада: теперь я знаю, что ты не приводил сюда женщин.

— Каких женщин?

— Ты прекрасно знаешь, каких. Если бы ты планировал свить здесь гнездышко, обязательно устроил бы будуар.

— Ты слишком много знаешь!

Она не ответила и отправилась смотреть кухню. Вдруг я услышал ее громкий возглас. Я кинулся туда.

— Что случилось?

— Я никогда не ожидала найти такую идеальную кухню в холостяцкой сторожке!

— Я неплохой повар. Я хотел иметь кухню и купил ее.

— Я так рада! А теперь я буду готовить тебе обед.

— Это твоя кухня. Располагайся. Если желаешь, можешь сначала поплескаться под душем. Завтра мы достанем каталог,

и ты закажешь себе собственную ванну. Нам забросят ее по воздуху.

— Принимай душ первым,— сказала она.— Я пока займусь обедом.

Мы с Мэри погрузились в домашнюю жизнь, как будто были женаты уже много лет. О, не потому, что наш медовый месяц был скучным, а потому, что, казалось, мы уже давно знаем друг друга, знаем все, что необходимо знать друг о друге и что делает людей женатыми. Особенно это касалось Мэри.

Я не помню эти дни слишком отчетливо. Я был счастлив: я забыл, что это такое, и не знал, что был несчастлив. Существовал — и все. Забавлялся, развлекался, но счастлив не был.

Мы не включали стерео, не читали книг. Мы не видели никого и ни с кем не общались. Лишь однажды, на второй день, мы прогулялись вниз, в деревню: я хотел показать Мэри окрестности. По дороге назад мы прошли мимо хижины Джона Гоута, местного отшельника; Джон обычно немного помогал мне по хозяйству. Увидев его, я помахал ему рукой.

Он помахал мне в ответ. Одет он был, как всегда: в пастушью шляпу, старую блузу ручной работы, шорты и сандалии. Я подумал, что следует предупредить его насчет приказа раздеваться до пояса, но потом отбросил эту мысль. Вместо этого я сложил ладони рупором и прокричал:

— Пришли Пирата!

— Кто этот Пират, милый? — спросила Мэри.

— Увидишь.

Она его увидела. Вскоре после того, как мы вернулись, явился Пират. Для него я имел специальный дверной код, реагирующий на его «мяу». Пират был большим щеголеватым котом. Он гордо выступил вперед, показывая мне своим видом, что он думает о людях, которые отсутствуют слишком долго. Потом потерся головой о мою лодыжку в знак прощения. Я взъерошил ему шерсть, а затем он стал изучать Мэри. Она наклонилась к нему и произнесла те звуки, которые обычно издают люди, знающие толк в кошачьем этикете. Но Пират оглядывал ее с подозрением. Внезапно он прыгнул к ней на руки и начал мурлыкать, уткнувшись головой ей в подбородок.

— Слава богу,— заявил я.— В какой-то момент я уже готовился прийти тебе на помощь.

Мэри посмотрела на меня и улыбнулась.

— Тебе не стоило волноваться. Я сама на две трети кошка.

— А остальная треть?

— Увидишь...

С этого времени кот был с нами — вернее, с Мэри — почти все время, за исключением того, когда я захлопывал перед ним дверь в нашу спальню. В этом я твердо стоял на своем, хотя Мэри и Пират считали, что это не делает мне чести.

Мэри никогда чрезмерно не волновалась. Она не любила копаться в прошлом. О, она позволяла мне говорить о себе самом сколько угодно, но только не о ней. Однажды, когда я начал прощупывать ее, она переменила тему и сказала:

— Пойдем лучше посмотрим на закат.

— На закат? — удивился я. — Этого не может быть: мы только что кончили завтракать.— Путаница во времени вернула меня к реальности.— Мэри, сколько мы уже здесь?

— Разве это имеет значение?

— И еще какое! Я уверен, прошло больше недели. В один прекрасный день наши телефоны обязательно затрезвонят, и мы вернемся к будничному труду.

— В таком случае, какая разница, когда это произойдет?

Но я все равно желал знать, какой же теперь был день. Я мог бы узнать это, включив стерео, но была возможность наткнуться на новости, а мне не хотелось их слушать. Я все еще предпочитал оставаться с Мэри в другом мире, где *титаны* не существовали.

— Мэри,— сказал я раздраженно,— сколько у тебя есть «таблеток времени?»

— Ни одной.

— Ну ладно, у меня достаточно для нас обоих. Давай растянем наше время. Предположим, что у нас есть еще только двадцать четыре часа. Мы сможем растянуть их на месяц нашего субъективного времени.

— Нет.

— Почему нет?

Она положила руку мне на плечо и поглядела в глаза.

— Нет, милый, это не для меня. Я должна жить каждую настоящую минуту и не хочу ее отравлять, беспокоясь о минуте последующей.— Я упрямо смотрел на нее. Она продолжала: — Если ты хочешь принять эти таблетки, я не буду возражать. Только, пожалуйста, не проси меня об этом.

— Черт возьми, я не собираюсь отправляться в увеселительную прогулку один.

Она не ответила, и это был самый дьявольский способ одержать победу, который я знал.

Мы не стали ссориться. Если бы я начал принимать таблетки один, как разрешила мне Мэри, это не дало бы результатов. Несколько раз я пытался узнать побольше о ней самой. Мне казалось, что я обязан хоть ч т о - т о знать о женщине, на которой женился. Отвечая на один из моих вопросов, она задумалась и сказала:

— Я иногда думаю: а было ли у меня детство или это было нечто такое, что приснилось мне прошлой ночью?

Я спросил напрямик, как ее настоящее имя.

— Мэри,— ответила она спокойно.

— Это действительно твое имя? — Я уже давно сказал ей свое настоящее имя, но она продолжала называть меня Сэм.

— Конечно, это мое имя, милый. Я Мэри с тех пор, как ты впервые назвал меня так.

— Хорошо. Ты моя любимая Мэри. Но как было твое имя раньше?

Ее глаза приобрели странное, болезненное выражение, но она невозмутимо сказала:

— Когда-то меня звали Алюкьер.

— Алюкьер...— повторил я, смакуя это слово.— Алюкьер... Какое странное и прекрасное имя. Звучит по-королевски. Моя дорогая Алюкьер...

— Сейчас меня зовут Мэри.

Когда-то где-то, я был уверен, Мэри обидели, больно обидели. Но казалось невероятным, что я когда-нибудь узнаю об этом, и в конце концов я выбросил эти мысли из головы. Мэри была тем, чем она была, сейчас и навсегда, и я довольствовался теплым светом ее присутствия.

Я продолжал называть ее «Мэри», но имя, которое она однажды произнесла, засело у меня в голове и изредка мелькало в сознании. Алюкьер... Кто мог придумать такое имя?

И вдруг я вспомнил. Моя въедливая, предательски набитая всякой ерундой память неожиданно откопала на одной из своих укромных полок именно то, от чего я так беспомощно пытался избавиться. Существовала некогда такая община, целая колония, которая использовала искусственный язык, даже давала искусственные имена.

Это была анархистско-пацифистская секта, ее члены называли себя «витманитами». Обосновавшись первоначально в Канаде, «витманиты» не смогли там прижиться, как затем и в Малой Америке. Однажды я даже бегло прочел книгу, написанную их пророком,— «Энтропия наслаждения». В ней приводилась масса псевдоматематических формул достижения счастья.

Каждый создан для счастья, говорили «витманиты»; и в то же время они были против «греха». У них было любопытное и очень древнее решение своих сексуальных проблем, решение, давшее разрушительные результаты, когда культура «витманитов» соприкоснулась с другой моделью поведения. Я где-то слышал, что остатки этой секты эмигрировали на Венеру — в любом случае все они, должно быть, мертвы к настоящему времени.

Я выбросил все это из головы. Если Мэри и была как-то связана с «витманитами», то это касалось только ее одной. И, конечно, я не собирался позволить культовой философии стать причиной конфликта — сейчас или когда-нибудь. Женитьба — не приобретение собственности, а жена — не имущество.

XXII

В следующий раз, когда я заикнулся про «таблетки времени», она не стала спорить, однако настояла на том, чтобы мы, принимая их, ограничились минимальной дозой.

Я приготовил это в виде инъекций, так оно действует сильнее. Обычно после приема таблеток я смотрел на часы. Когда секундная

стрелка останавливалась, я знал, что уже нагрузился. Но в моей лачуге не было часов, и никто из нас двоих не следил за течением времени.

Был восход солнца, а перед этим мы бодрствовали всю ночь, сжимая друг друга в объятьях на низком ложе у камина. Мы продолжали так лежать, чувствуя себя хорошо в полусонной дреме, а я думал, подействовали таблетки или нет. Потом до меня дошло, что солнце перестало подниматься. Я наблюдал за птицей, порхавшей за окном. Если долго и пристально смотреть на нее, можно разглядеть движения ее крыльев.

Я оторвал глаза от окна и оглянулся на свою жену. Пират свернулся клубком у нее на животе, сложив лапы, словно в муфте. Оба они, казалось, спали.

— Как насчет завтрака? — спросил я.— Я умираю от голода.

— Приготовь его сам,— ответила Мэри.— Если я пошевелюсь, я побеспокою Пирата.

— Ты обещала, что будешь меня любить, уважать и готовить мне завтрак,— сказал я и стал щекотать ей пятки. Она завизжала и подобрала под себя ноги. Кот пронзительно завопил и спрыгнул на пол.

— О, дорогой! — с сожалением проговорила Мэри.— Ты заставил меня сделать слишком резкие движения. Я обидела его.

— При чем здесь кот, женщина? Ты вышла замуж за меня! — Но я знал, что допустил ошибку. Человек, находящийся под действием наркотика, должен поступать с величайшей осмотрительностью. Я просто не подумал о коте. Несомненно, он решил, что мы вели себя, как пьяные лоботрясы. Я медленно наклонился, пытаясь погладить его. Бесполезно. Он молнией кинулся к двери. Я мог остановить его, потому что для меня его движения были тягучими как патока; но если бы я сделал это, то испугал бы кота еще больше. Я дал ему убежать, а сам пошел на кухню.

Вы знаете, Мэри оказалась права. «Таблетки времени» не подходят для медовых месяцев. Исступленное счастье, которое я испытывал перед этим, теперь сменилось эйфорией от наркотика. Наркотическая эйфория — искусственное, а потеря была реальной. Я заменил волшебную действительность химической фальшивкой. Как бы там ни было, все равно это был хороший день — или месяц. И все же я желал вернуться к реальности.

Поздно вечером мы вышли из этого состояния. Я почувствовал легкое раздражение, которое всегда вызывается прекращением действия наркотика. Когда рефлексы пришли в норму, я проверил, как обстояло дело у Мэри. Она сообщила мне, что вышла из наркотического состояния примерно двадцать минут назад — точь-в-точь в соответствии с дозировкой.

— Ты хочешь испытать это снова? — спросила она.

Я поцеловал ее.

— Нет. Откровенно говоря, я рад, что вернулся к действительности.

— Я так рада!

У меня появился волчий аппетит, который, я заметил, обычно всегда приходит после того, как наркотик перестает действовать. Я сказал об этом Мэри.

— Подожди минутку,— ответила она.— Я хочу позвать Пирата.

Я не скучал без него в течение этого дня — или «месяца». Таково свойство эйфории.

— Не волнуйся,— сказал я.— Он часто остается на улице целыми днями.

— Но раньше он не оставался.

— При мне оставался,— ответил я.

— Мне кажется, я обидела его,— переживала Мэри.— Уверена, что это так.

— Да он наверняка у старины Джона. Это его обычный способ наказать меня. С ним все будет в порядке.

— Но ведь ночь уже! Как бы лиса не схватила. Может такое случиться? А? Я только выйду и позову его.— Она направилась к двери.

— Накинь что-нибудь,— приказал я.— Сейчас прохладно.

Она вернулась и набросила домашний халат, который я купил ей в тот день, когда мы ходили в деревню. Потом вышла, а я подбросил дров в огонь и пошел на кухню. Пока я ломал голову насчет меню, послышался голос Мэри: «Плохой, гадкий кот! Ты заставил мамочку волноваться...» Она произносила это тем воркующим голосом, каким разговаривают с детьми и с кошками.

Я крикнул:

— Неси его сюда и закрой дверь — иначе мы превратимся в пингвинов.

Она не ответила, и я не услышал щелчка дверного замка, поэтому вернулся в комнату. Она только что вошла, но кота с ней не было. Я начал говорить, а потом вдруг увидел выражение ее глаз. Они глядели пристально и были полны непередаваемого ужаса. «Мэри!» — сказал я и шагнул ей навстречу. Казалось, она только сейчас увидела меня и метнулась назад к двери. Движения были резкими, судорожными. Как только она повернулась, я увидел ее плечи.

Под халатом был горб.

Не знаю, как долго я стоял. Может быть, долю секунды, но мне это показалось вечностью. Я прыгнул и схватил ее за руки. Она посмотрела на меня, и глаза у нее уже не были полны ужаса. Они были просто мертвыми.

Она сделала мне подножку, но я устоял.

Трудно обезвредить опасного противника, лишь хватая его за руки. Но я не мог применить к Мэри прием, необходимый в данный момент. Я боялся убить ее. Ведь это была моя ж е н а.

Однако у слизняка не могло быть угрызений совести в отношении меня. Мэри — или о н — делала все, чтобы убить меня, а я делал все, чтобы не убить ее. Я должен был не дать ей убить меня — я должен был убить слизняка — и я должен был не дать слизняку возможности захватить меня, иначе я не смогу спасти ее.

Я освободил одну руку и резко ударил ее в подбородок. Но она даже не упала от этого удара. Тогда я попытался обеими руками и ногами сковать ее медвежьей хваткой, чтобы сделать неподвижной и в то же время не нанести ей повреждений. Мы упали; Мэри оказалась сверху. Я ударил головой ей в лицо, чтобы она перестала избивать меня. Затем попытался парализовать ее движения с помощью нервной прессуры, но Мэри знала ключевые точки на человеческом теле так же хорошо, как и я. Мне просто повезло, что я сам не оказался парализован.

Оставалась только одна вещь, которую я мог сделать,— раздавить слизняка. Но я сам видел, какое сокрушительное воздействие это оказывает на носителя. Это могло убить Мэри и в любом случае причинило бы ей ужасный вред. Я хотел, чтобы она потеряла сознание, потом снять слизняка, а затем уж убить... сгоню его огнем или осторожными ударами заставлю уползти...

Согнать его огнем...

У меня не было времени развивать эту идею. Мэри вцепилась зубами в мое ухо. Я освободил правую руку и схватил слизняка.

Ничего не случилось! Вместо того, чтобы погрузить в него пальцы, я почувствовал, что слизняк имеет кожаное покрытие. Было такое ощущение, будто я схватил футбольный мяч. Мэри дернулась, когда я коснулся его, и откусила кусочек моего уха, но никаких сокрушительных конвульсий не последовало. Слизняк был все еще жив и контролировал ее.

Я попытался просунуть пальцы под слизняка. Однако он присосался к спине Мэри, как медицинская банка.

Между тем я испытывал сильную боль от повреждений на моем теле. Я перевернулся и встал на колени, продолжая держать Мэри в объятиях. Я позволил ей освободить ноги, и это было для меня опасно, но я перегнул ее через колено и, отбиваясь ногами, потащил к камину.

Это было похоже на схватку с горным львом, но я упорно тянул ее туда, схватив за копну волос, и медленно, но верно заставлял повернуть плечи к огню.

Я хотел только опалить слизняка, заставить его покинуть тело Мэри. Но она боролась так отчаянно, что я поскользнулся, ударившись головой о каминную доску, и уронил ее плечами прямо на угли.

Она закричала и отпрыгнула от огня, таща меня за собой. Я вскочил на ноги, все еще ошеломленный ударом, и увидел ее распростертой на полу у огня. Ее волосы, ее прекрасные волосы горели. То же самое было с халатом. Я стал хлопать по ним руками. Слизняка на ней больше не было. Продолжая тушить пламя, я оглянулся и увидел паразита лежащим на полу возле камина. Пират обнюхивал его.

— Прочь отсюда! — завопил я.— Пират! Прекрати!

Я тушил пламя до тех пор, пока с огнем не было покончено. Убедившись в этом, я оставил Мэри в покое. У меня даже не было времени проверить, жива ли она. Я бросился за кочергой: брать слизняка голыми руками я не отважился.

Но слизняка уже не было на полу; он оседлал Пирата. Кот застыл на месте, широко расставив ноги, а слизняк сидел на нем. Я спикировал на Пирата и поймал его за задние ноги в тот самый момент, когда он сделал свое первое контролируемое паразитом движение.

Брать руками взбесившегося кота — безрассудство. Справиться с котом, которым управляет *титан*,— невозможно. Мое тело было исполосовано когтями и зубами. Я снова поспешил к камину. Несмотря на вопли Пирата и его отчаянное сопротивление, я держал слизняка над горящими углями до тех пор, пока он не отвалился прямо в огонь. Шерсть кота и мои руки горели. Потом я достал Пирата из камина и положил его на пол. Он больше не сопротивлялся. Убедившись, что шерсть на нем уже нигде не горит, я вернулся к Мэри.

Она все еще была без сознания. Я опустился рядом с ней на колени и зарыдал.

Через час я сделал для Мэри все, что мог. На левой стороне головы не было волос, на плечах и шее сильные ожоги. Но пульс был хорошим, дыхание ровным, и я пришел к заключению, что у нее не произошло большого обезвоживания организма. Я перевязал ожоги — у меня был целый склад всякой всячины — и сделал ей укол, чтобы она заснула. Потом нашел время для Пирата.

Он был все еще там, где я оставил его, и выглядел плохо. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и, возможно, у него были обожжены легкие. Я думал, что он мертв, но он поднял голову, когда я дотронулся до него.

— Прости меня, дружище,— прошептал я. Мне показалось, что я услышал его «мяу».

Я сделал для него то же, что и для Мэри, только побоялся дать снотворное. После этого пошел в ванную и осмотрел самого себя.

Ухо уже перестало кровоточить. Я решил не обращать на него внимания. Руки — вот что беспокоило меня. Я сунул их под горячую воду, вопя от боли, потом высушил их под воздушной струей, что тоже было очень болезненно. Я не мог никак придумать, как бы мне перевязать их, ведь, кроме всего, мне необходимо было ими пользоваться.

В конце концов я влил унцию мази от ожогов в эластичные перчатки и надел их. Это лекарство давало местную анестезию. Благодаря этому я имел теперь возможность пользоваться руками. Я пошел к стереофону и вызвал деревенского медика. Я объяснил ему, что произошло, рассказал, что уже предпринял, и попросил прибыть немедленно.

— Н о ч ь ю ? — спросил он.— Вы, должно быть, шутите.

Я сказал ему, что решительно не шучу.

Он ответил:

— Не просите о невозможном, сэр. Ваш случай — четвертый в этом округе. Никто ночью не поедет. Я загляну к вам и первым делом осмотрю вашу жену.

Я сказал ему, чтобы первым делом утром он отправился ко всем чертям и отключился.

Пират умер после полуночи. Я похоронил его сразу же, чтобы Мэри не увидела его. Рытье могилы причиняло сильную боль рукам, но Пирату не требовалась слишком большая яма. Я сказал ему последнее «прости» и вернулся. Мэри лежала тихо. Я принес кресло к ее постели и наблюдал за ней. Вероятно, время от времени я дремал, но не могу с уверенностью сказать об этом.

XXIII

Перед рассветом Мэри начала метаться и стонать. Я взял ее за руку.

— Ну-ну, детка, все в порядке. Сэм здесь.

Ее глаза открылись и какое-то мгновение выражали тот же самый ужас. Потом она узнала меня и расслабилась.

— Сэм! О, дорогой! Я видела жуткий сон.

— Все в порядке,— повторил я.

— Но почему ты в перчатках? — Она стала замечать собственные повязки. Потом посмотрела на меня встревоженно и сказала: — Это был не сон!

— Да, дорогая. Это был не сон. Но все в порядке. Я убил его.

— Ты убил его? Ты уверен, что он мертв?

— Совершенно уверен.

— О! Иди сюда, Сэм! Обними меня крепко!

— Но твоим плечам будет больно.

— Обними! — Я сделал это, стараясь быть осторожным. Она перестала дрожать.— Прости меня, милый. Я просто слабая женщина...

— Теперь ты знаешь, что было со мной, когда они захватили меня.

— Да, теперь знаю. Расскажи мне, что произошло. Последнее, что я помню,— это как ты пытался засунуть меня в огонь.

— Послушай, Мэри, я не мог поступить по-другому. Я старался, но никак не получалось снять его!

— Я знаю, дорогой, я знаю — и спасибо тебе за то, что ты сделал это! Спасибо от всего сердца. Снова я твоя должница.

Мы оба заплакали, потом я засопел и стал рассказывать:

— Ты не ответила мне, когда я позвал тебя...

— Я помню. О, дорогой! Я пыталась бороться с ним!

Я уставился на нее удивленно.

— Но как?! Если слизняк оседлает тебя — это все! С ним нет способов бороться!

— Да, конечно, я проиграла. Но я пыталась! — Каким-то образом Мэри напрягала свою волю в борьбе с паразитом. Но это невозможно было сделать. Я-то з н а ю.

— Я должна была бы зажечь свет, когда открывала дверь. Но мне не пришло в голову опасаться их з д е с ь... Пират, наконец, явился,— продолжала Мэри.— Я не видела тварь, пока не коснулась кота.

Потом уже было слишком поздно.— Она села.— Где он, Сэм? С ним все в порядке? Позови его.

Пришлось рассказать ей о Пирате. Она выслушала безо всякого выражения, кивнула и никогда больше о нем не упоминала. Я переменил тему:

— Сейчас ты очнулась, и мне, пожалуй, следует приготовить тебе завтрак.

— Н е х о д и! — Я остановился.— Не исчезай никуда вообще, что бы там ни было. Я сама приготовлю завтрак.

— Ни черта ты не приготовишь. Ты останешься в постели, как хорошая девочка.

— Подойди сюда и сними эти перчатки. Я хочу взглянуть на твои руки.— Я не снял перчаток: невыносима была даже мысль об этом — анестезия уже прекратила свое действие. Мэри сказала мрачно: — Так я и думала. У тебя ожоги хуже, чем у меня.

Поэтому все-таки она приготовила завтрак. Мэри поела; мне же не хотелось ничего, только кофе. Я настоял на том, чтобы она выпила много жидкости: обширные ожоги не шутка. Отставив свою тарелку, она заявила:

— Дорогой, я не жалею о случившемся. Теперь я знаю, что это такое. Мы оба были там... — Я молча кивнул. Она встала и сказала: — А теперь мы должны уходить.

— Да,— согласился я.— Я должен показать тебя доктору как можно скорее.

— Я не это имела в виду.

— Я знаю, что ты имела в виду не это.— Не было нужды обсуждать этот вопрос. Мы оба понимали, что бал окончен, и наступило время возвращаться к работе. Развалюха, на которой мы сюда прилетели, по-прежнему стояла возле хижины, увеличивая свою прокатную стоимость. Убрать посуду, отключить все приборы и собраться заняло у нас не более трех минут.

Мэри управляла машиной. Уже в воздухе она сказала:

— Давай полетим сразу в Отдел. Получим там врачебную помощь и узнаем, что делается. Или твои руки повреждены слишком сильно?

— Летим в Отдел,— ответил я. Мне хотелось изучить ситуацию и вернуться к работе. Я попросил Мэри включить стерео, чтобы послушать новости. Но коммуникационное оборудование машины было таким же хламом, как и все остальное, мы не смогли включить даже аудио. К счастью, система управления двигателями была в порядке, иначе Мэри пришлось бы вести машину вручную.

Одна мысль беспокоила меня, и я поделился ею с Мэри:

— Слизняк не стал бы забираться на кота, если бы черт не подсунул его ему, не так ли?

— Думаю, что нет.

— Но п о ч е м у? Это д о л ж н о иметь какой-то смысл. Все, что они делают, имеет смысл, страшный смысл.

— А это имело смысл. Они могут захватить и человека таким способом.

— Да, я знаю. Но как он мог спланировать это заранее? Им же невыгодно сажать себя на котов в расчете на то, что кот сумеет захватить человека. У них есть более простые пути.— Я вспомнил Канзас-Сити, насыщенный паразитами, и невольно передернулся.

— Дорогой, почему ты спрашиваешь меня? У меня не аналитический ум.

— Перестань изображать из себя современную маленькую девочку и попытайся решить такую задачу: откуда появился слизняк? Наверняка до Пирата он жил на спине другого носителя. Какого? Вероятно, это был Старина Джон — Джон Гоут. Пират не позволил бы никому другому приблизиться к себе.

— Старина Джон? — Мэри закрыла глаза, потом открыла.— Я не могла бы почувствовать это, ведь я никогда не приближалась к нему близко.

— Если использовать метод исключений, то это может быть правдой. Старина Джон носил рубашку, когда уже каждый был ознакомлен с приказом оголять спину. Следовательно, он был оседлан раньше, чем началась кампания «Голая Спина». Но для чего слизняк отправился в хижину отшельника в горах?

— Чтобы захватить тебя.

— Меня?

— Снова захватить тебя.

В этом был какой-то смысл. У них имелись все основания искать именно меня. Что я представлял собой особенного? Я был секретным агентом. Что еще более важно — я имел доступ к Старику. Слизняк, который оседлал меня, знал об этом. У меня была подсознательная уверенность, что они считают Старика своим принципиальным врагом.

Этот слизняк даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Однако постойте. Этот слизняк мертв. Моя теория рушилась.

И выстроилась снова, наконец.

— Мэри,— сказал я.— Ты пользовалась своей квартирой с того утра, когда мы завтракали там?

— Нет. А что?

— Не возвращайся туда ни в коем случае. Я вспомнил, что, когда я был с ними, я засветил твою квартиру.

— Разве ты приходил туда с ними?

— Нет, но с тех пор там могут поджидать Старика или меня. — Я объяснил ей теорию «групповой памяти» Макилвейна.— В то время я считал, что он занимается пустым фантазированием. Но сейчас это единственная гипотеза, которая, я думаю, проясняет все. Нам хотелось верить, что *титаны* настолько глупы, что будут ловить рыбку в ванной так же, как и в ручье. Но они не такие.

— Секунду, дорогой. По теории Макилвейна каждый слизняк — это в действительности каждый другой слизняк, не правда ли? Другими словами, та тварь, которая захватила меня прошлой ночью, была в чем-то абсолютно такая же, как тот слизняк, который захватил тебя, когда ты был с ними... а тот, который... О, дорогой, я запуталась. Я имею в виду...

— Это гениальная идея. Когда они порознь — они индивидуальны. Во время своих «прямых совещаний» они сливают свои памяти воедино и становятся едиными, как сиамские близнецы. Если это действительно так, то тот, который был у нас прошлой ночью, помнит все, что им известно от меня. Возможно, он провел «прямое совещание» со слизняком, который оседлал меня, либо со слизняком, который сам был связующим звеном между другими слизняками, вступившими в «прямое совещание». Например, возьмем трех слизняков: Джэя, Мэя и, ну скажем, Герберта. Герберт — это тот, кто был прошлой ночью. Мэй — тот, который...

— Почему ты даешь им имена, если они не индивидуальны?

— Считать так нет оснований. Допустим, Макилвейн прав. Значит, есть сотни, а может быть, тысячи слизняков, которые знают точно, кто мы,— по именам, внешности и так далее. Они знают, где находится твоя квартира, где моя и где наша хижина в горах. У них есть на нас полное досье.

— Но...— Она нахмурилась.— Это ужасная мысль, Сэм. Каким образом они могли узнать, что мы будем в хижине? Ведь, отправляясь туда, мы никому об этом не говорили. Могли они просто засесть там и ждать?

— Могли. Нам неизвестно, что означает для слизняка ожидание. Может быть, время значит для них нечто совсем другое.

— Возможно.

— В любом случае,— продолжал я,— я должен доложить об этом, включая наши догадки, чтобы парни из аналитической группы занялись этим.

Я хотел еще добавить, что самому Старику следует быть особенно осторожным, так как он был именно тот, за кем охотились. Но тут зазвучал мой телефон, впервые с тех пор, как мы уехали. Я ответил, и Старик сказал:

— Доложишь лично.

— Уже в пути,— подтвердил я.— Буду через тридцать минут.

— Постарайся быстрее. Твой код будет «5». Скажи Мэри, что она пользуется кодом «Л-1».— Он отключился раньше, чем я успел спросить его, как он узнал, что Мэри со мной.

— Ты поняла? — спросил я Мэри.

— Да, я была на связи.

— Звучит так, будто игра начинается.

Только когда мы приземлились, я начал осознавать, как резко изменилась ситуация. Мы с Мэри следовали приказам, издаваемым в соответствии с кампанией «Голая Спина». И мы ничего не слыхали об операции «Солнечный Загар». Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

— Стоять смирно! — приказал один.— Не двигаться!

Я бы никогда не догадался, что передо мной полицейские, если бы не их манеры и пистолеты. Вся их одежда состояла из портупеи, ботинок и скудных лоскутков материи на бедрах — немногим боль-

ших, чем набедренные повязки. Второй бегло взглянул на свои пистолеты.

— Теперь,— продолжил первый, обращаясь ко мне,— снимай эти штаны, приятель.

Я шевелился недостаточно быстро. Он рявкнул:

— Живо! Сегодня двоих застрелили при попытке к бегству. Ты можешь стать третьим.

— Сэм, сделай это,— сказала Мэри тихо. Я подчинился. Теперь из одежды на мне оставались только ботинки и перчатки. Я чувствовал себя как дурак. Снимая шорты, я все же ухитрился спрятать в них пистолет и переговорное устройство телефона.

Полицейский заставил меня повернуться кругом. Его товарищ сказал:

— Этот чистый. Теперь следующий.

Я стал надевать шорты, но первый полицейский остановил меня:

— Эй! Ищешь неприятности? Оставь их.

Я ответил рассудительно:

— Я не хочу быть арестованным за то, что проповедую непристойность.

Он удивленно взглянул на меня, потом захохотал и обратился к своему напарнику:

— Ты слышал, Скай?

Второй терпеливо разъяснил мне:

— Вы обязаны повиноваться. Вам же известны правила. Никто не задержит вас за пропаганду непристойностей. «Бдительные» стреляют быстрее, чем мы.— Он повернулся к Мэри.— А теперь, сударыня, пожалуйста,— вы.

Не споря, Мэри стала снимать шорты. Второй заметил вежливо:

— Это не обязательно, сударыня. Им здесь негде устроиться. Только медленно повернитесь кругом.

— Спасибо,— сказала Мэри и улыбнулась. Полицейский осмотр был проведен на уровне. Ее короткие шорты были тщательно прощупаны и лифчик тоже.

— А как насчет этих бинтов? — спросил первый.

Я ответил:

— Она получила тяжелые ожоги. Разве не видите?

Он с сомнением посмотрел на неуклюжую работу, которую я проделал, забинтовывая ее плечи.

— Ммм...— произнес он.— Е с л и она получила ожоги...

— Конечно, она их получила! — Я чувствовал, что не убеждаю ни того, ни другого. Я был просто скучным мужем, неразумным во всем, что касается его жены.— Черт побери, взгляните на ее волосы! Станет она так портить волосы только для того, чтобы дурачить вас?

Первый полисмен сказал мрачно:

— Любой из н и х станет.

Более вежливый заметил:

— Карл прав. Простите, сударыня, мы потревожим эти бинты.

Я заговорил возбужденно:

— Вы не сделаете этого! Мы идем к доктору. Вы...

Мэри сказала:

— Помоги мне, Сэм.

Я заткнулся и трясущимися от злости руками стал разматывать один конец повязки. Наконец старший присвистнул и сказал:

— Я удовлетворен. Как ты, Карл?

— Я тоже, Скай. Бедняжка, что случилось?

— Расскажи им, Сэм.

Так я и сделал. Скай в заключение произнес задумчиво:

— Вы еще легко отделались, мадам. Не обижайтесь на нас. Значит, сейчас коты, да? О собаках я знал. Лошади — тоже. Но трудно представить себе, чтобы обыкновенный кот мог нести такого.— Его лицо совсем помрачнело.— Мы дома держим кота и теперь должны будем избавиться от него. Моим детям это не понравится.

— Мне очень жаль,— сказала ему Мэри.

— Сейчас плохое время для всех. О'кей, молодые люди. Вы можете идти.

— Минутку,— вмешался другой полицейский.— Скай, если она пойдет по улицам с этой вещью на спине, кто-нибудь наверняка подстрелит ее.

Старший поскреб подбородок.

— Верно. Мы сейчас найдем для вас патрульную машину.

Так они и сделали. Я заплатил за арендованную развалюху, а потом мы ехали на патрульной машине до того места, где Мэри нужно было выходить. Ее путь пролегал через секретный лифт в отеле. Я тоже вошел в отель и, когда она поднялась на нужный ей этаж, вернулся назад. Меня подмывало пойти вместе с ней, но Старик приказал мне пользоваться кодом «5». Это был другой вход.

Меня также подмывало снова надеть шорты. В патрульной машине и во время быстрого марш-броска через боковую дверь отеля, среди полицейских, окруживших нас, чтобы Мэри не подстрелили, я не чувствовал особенной неловкости. Но показаться на людях без штанов стоило мне нервов.

Однако беспокоился я напрасно. Короткое расстояние, которое я прошел, оказалось достаточным, чтобы убедиться в одной истине: фундаментальный костюм испарился вместе с прошлогодним снегом. Большинство мужчин были одеты в такие же набедренные повязки, как и полисмены. Тем не менее я не был единственным человеком, который ходил нагишом и в ботинках. Одного я в особенности помню: он стоял, прислонившись к стене, и разглядывал каждого проходящего холодными глазами. На нем не имелось ничего, кроме комнатных туфель и нарукавной повязки с надписью «Бдительный». Он помахивал пистолетом, приготовленным для самосуда. Я видел еще троих, похожих на него, и был рад, что нес свои шорты в руке.

Несколько женщин были полностью обнажены. На остальных встречались бюстгальтеры, шорты либо юбки, через которые просвечивало тело. Большинство этих женщин гораздо лучше выглядели бы в тогах. Это первое впечатление вскоре прошло. Безобразные тела были не более заметны, чем безобразные налоги; глаз игнорировал

их. Люди относились к своей наготе с абсолютным равнодушием. Кожа есть кожа, ну и что?

Меня впустили, и я сразу же увидел Старика. Он взглянул на меня и проворчал:

— Опаздываешь.

— Где Мэри? — спросил я.

— В лазарете, получает медицинскую помощь и диктует свой рапорт. Покажи-ка свои руки.

— Я покажу их доктору, спасибо,— ответил я.— Что дальше?

— Если бы ты потрудился слушать новости,— забрюзжал он,— ты бы знал, что дальше.

XXIV

Я был рад, что не слушал и не смотрел новостей: в противном случае наш медовый месяц никогда бы не начался. Пока мы проводили время, воркуя и восхищаясь друг другом, война оказалась почти проигранной. Мое подозрение, что слизняки могли прятаться на любых частях тела, и контролировать оттуда своих носителей, было правильным. Эксперимент доказал это еще до того, как мы с Мэри уединились в горах. Подозреваю, что Старик знал это; конечно, Президент был в курсе дела и другие важные персоны тоже.

Поэтому на смену кампании «Голая Спина» пришла кампания «Солнечный Загар», и все раздевались догола.

Черта с два они раздевались! Дело все еще оставалось «сверхсекретным». Не спрашивайте меня, почему. Наше правительство имеет привычку классифицировать как секретное все то, о чем премудрые государственные деятели и бюрократы решат, что мы еще не доросли, чтобы знать, по принципу: «Мамочке это лучше знать, дорогой». Хотя по логике вещей следовало бы убеждать каждого, что слизняки свободно гуляют в Зеленой зоне. Но и этого не обеспечила кампания «Солнечный Загар».

Ложная воздушная тревога на восточном побережье имела место, по моим подсчетам, на третий день нашего медового месяца. Впоследствии ушло немало времени, чтобы расследовать происшедшее, хотя с самого начала было очевидно, что свет не мог случайно погаснуть сразу в таком большом количестве бомбоубежищ. Я приходил в ужас, думая обо всех этих людях, притаившихся в темноте, в то время как выродки сновали среди них и налепляли слизняков на их спины. По-видимому, в некоторых бункерах во время воздушной тревоги вербовка была стопроцентной.

Поэтому много беспорядков случилось и на следующий день, и мы оказались перед лицом Террора и Страха. Фактически начало «бдительности» было положено тогда, когда некий отчаянный гражданин направил дуло своего ..истолета на полицейского. Гражданина звали Морис Кауфман, а полицейским был сержант Малькольм Макдональд. Кауфман пал замертво спустя полсекунды, а Макдональд последовал за ним, разорванный толпой в клочья вместе со своим хозяином-*титаном*. Но по-настоящему «бдительные» начали действо-

вать после того, как дежурившие при воздушной тревоге часовые привнесли организацию в это движение.

Часовые, посты которых были на поверхности земли, по большей части уцелели, но они чувствовали свою ответственность за случившееся. Не то чтобы все «бдительные» были часовыми, но совершенно голый вооруженный человек с повязкой «бдительный», которого вы встречали на улице, скорее всего был часовым. В любом случае вы могли узнать его по тому, что он стреляет по каждой непонятной шишке на человеческом теле, стреляет, а уж потом разбирается.

Пока руки были забинтованы, я входил в курс дела. Доктор дал мне небольшую дозу «таблеток времени», и я проводил время (субъективно — около трех дней, а объективно — меньше часа), изучая стереозаписи через сверхскоростной экран. Это приспособление никогда не выдается широкой публике, хотя применяется контрабандой в некоторых колледжах в период экзаменационной сессии. Вы регулируете скорость в соответствии с вашей субъективной нормой и употребляете частоту, позволяющую вам слышать и понимать, что происходит. Это тяжело для глаз, конечно, но это большое подспорье в моей профессии.

Было даже трудно поверить, что так много могло случиться. Возьмите собак. «Бдительный» убьет собаку сразу, даже если она и не носит слизняка, потому что был такой предрассудок: если хоть одна собака будет носить слизняка перед закатом, тот нападет ночью на человека, и *титан* заменит наездника в темноте.

Дьявольский мир, где нельзя положиться даже на собак!

По всей вероятности, кошек было труднее использовать. Бедный Пират был исключением. Однако собаки в Зеленой зоне уже редко встречались днем. Они просачивались из Красной зоны ночью, путешествовали во тьме и прятались к рассвету. Их обнаруживали даже на побережьях. В памяти всплывали легенды об оборотнях.

Я просмотрел дюжину кассет с записями передач, перехваченных из Красной зоны. Они распадались на три временные группы: 1) маскарадный период, когда слизняки продолжали вести «нормальное» стереовещание; 2) короткий период контрпропаганды, в течение которого слизняки пытались убедить граждан Зеленой зоны, что правительство сошло с ума; 3) текущий период, когда маска была сброшена.

Согласно гипотезе доктора Макилвейна, *титаны* не имели собственной настоящей культуры. Они паразитировали даже на этом и попросту адаптировались к той культуре, которую находили. Может быть, он преувеличивает, но слизняки должны были поддерживать основную экономическую активность своих жертв, поскольку слизняки будут умирать от голода, если умирать от голода будут их носители. Они сохраняли экономику в прежнем виде, но с некоторыми вариациями, например, использовали лишних и ущербных людей для удобрения почвы. И все-таки фермеры оставались фермерами, техни-

ки продолжали быть техниками, а банкиры все еще оставались банкирами. Последнее выглядит глупо, но эксперты утверждают, что некое подобие принципа разделения труда было выработано у них в соответствующую систему.

Но почему они продолжали развлекаться чисто по-человечески? Является ли желание развлечься универсальной потребностью? То, что они выбрали веселого и смешного из человеческих развлечений, и то, как они это «совершенствовали», не характеризует нас с лучшей стороны. Чего стоит одна из их вариаций, ну, хотя бы, например, тот трюк в Мехико, когда они дают быку разорвать матадора...

Но большинство из их «художеств» вызывает одну лишь тошноту, и я не хочу вдаваться в подробности. Я один среди немногих, кто видел подобные вещи; я смотрел их как профессионал. И я надеюсь, что Мэри не придется смотреть такое. Но если она и увидит эти кассеты, то никогда не скажет мне, смотрела она их или нет.

В этих записях была одна вещь, настолько возмутительная, настолько чертовски отвратительная, что не знаю даже, упоминать ли о ней. Но чувствую, я должен это сделать. Среди рабов, тут и там, были мужчины и женщины, люди (если вы можете назвать их людьми) без слизняков — опекуны паразитов — ренегаты...

Я ненавижу слизняков, но из них двоих — паразита и ренегата — я убью ренегата.

Мы отступали по всем фронтам. Наши методы были эффективными только в предотвращении их распространения, да и то не полностью. Чтобы вести со слизняками прямую борьбу, нам придется бомбить собственные города без всякой уверенности, что при этом мы убиваем горбы на спинах людей. Мы нуждались в оружии, которое убивало бы слизняков, но не людей. Это позволило бы нам спасти наших соотечественников. Но таким оружием мы не располагали, хотя многие ученые вплотную занимались его разработкой. «Усыпляющий» газ был бы совершенным средством, но нам просто очень повезло, что такого газа не было накануне вторжения, иначе слизняки могли бы использовать его против нас! Что касается военного потенциала Соединенных Штатов, то слизняки имели его сейчас в таком же количестве, как и свободные люди, если не больше.

Итак, тупик, безвыходная ситуация, причем время на их стороне. Были дураки, которые хотели сбросить водородные бомбы на города в долине Миссисипи, уничтожив там все существующее. Но это все равно, что вылечить рак губы, отрубив голову. Эти «смельчаки» как бы уравновешивали своих близнецов, которые в упор не видели слизняков, не верили в них и были уверены, что все дело в тиранническом заговоре Вашингтона. Этой второй категории становилось меньше с каждым днем, но не потому, что они изменили свое мнение, а потому, что «бдительные» проявили очень большое рвение.

Была и третья группа. В нее входили люди с гибким умом, склонные к компромиссам. Эти «благоразумные» стояли за переговоры.

Они полагали, что мы можем «иметь дело» с *титанами*. Один такой комитет, делегация от оппозиционной партии в Конгрессе, действительно пытался осуществить это на практике. Минуя госдепартамент, они вошли в контакт с губернатором штата Миссури через коммуникации Янтарной зоны, не сомневаясь в своей безопасности и в своем дипломатическом иммунитете. Это им, естественно, «гарантировали» *титаны*. Они отправились в Сент-Луис, и больше их никто никогда не видел. Обратно они посылали сообщения; я видел одно такое: «Приезжайте! Вода чудесная!»

Подписывают ли бычки соглашения с мясниками?

Северная Америка оставалась пока единственным известным в мире очагом инфекции. Со стороны Объединенных Наций, помимо предоставления космических станций в наше распоряжение, была предпринята единственная акция. Голосованием (двадцать три страны воздержались) определили ситуацию у нас как «гражданские беспорядки» и призвали каждого члена ООН оказать помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Это была ползучая война, безмолвная война, с битвами, проигранными нами раньше, чем мы узнавали, что они произошли. Обычное оружие было почти бесполезно, кроме разве поддержания порядка в Янтарной зоне,— и сейчас от канадских лесов до мексиканских пустынь было в два раза меньше территории, контролируемой людьми, чем слизняками. В дневное время повсюду было безлюдно, если не считать наших патрулей. Ночью из Красной зоны возвращались разведчики. Прибегали оттуда и собаки — и, естественно, другие твари.

За всю войну только раз использовали атомную бомбу — против «летающей тарелки», приземлившейся около Сан-Франциско, южнее Берлингема. Уничтожение ее соответствовало официальной доктрине ведения военных действий, но сама эта доктрина подверглась критике. Существовало мнение, что «тарелку» следовало бы захватить для изучения. Что касается лично меня, то мои симпатии склонялись к тем, кто предпочитал сначала стрелять, а потом изучать.

К тому времени, когда доза отпущенных врачом таблеток перестала на меня действовать, передо мной предстала картина Соединенных Штатов. И то, что я видел, я не мог бы вообразить даже там, в Канзас-Сити,— Страну Ужаса и Террора. Друг мог убить друга; жена разоблачала мужа. Слух о появившемся где-либо *титане* собирал толпу с Судьей Линчем в авангарде. Легкий стук в дверь среди ночи вызывал в ответ выстрел в дверь. После наступления темноты честной народ оставался дома; по улицам бродили только собаки.

Тот факт, что большинство разоблачений людей, якобы несущих на себе слизняков, оказывались безосновательными, не делал их менее опасными. Отнюдь не блажь заставляла многих людей предпочитать абсолютную наготу привычной одежде; и даже скудный лоскуток, разрешенный кампанией «Солнечный Загар», вызывал недоверчивый взгляд. Броня для головы и спины никогда уже больше не приме-

нялась. В конце концов слизняки могли фальсифицировать этот наряд и использовать его против нас же. Любопытный случай произошел с девушкой из Сиэттла. На ней ничего не было, кроме сандалий, а в руке она держала большой кошелек. Однако «бдительный», который имел, по-видимому, хороший нюх на врага, обратил внимание на то, что девушка ни разу не изменила положение кошелька на руке, даже когда открывала его, чтобы расплатиться.

Она осталась жива: «бдительный» только сжег ей руку до запястья. Я уверен, что девушке уже пересадили новую. Сейчас таких запасных частей было больше, чем требовалось. Слизняк тоже был жив, когда «бдительный» открыл кошелек,— но недолго.

Наркотик перестал действовать в тот момент, когда я прокручивал этот инцидент, и я рассказал об увиденном медсестре.

— Вы не должны волноваться,— сказала она.— Это вредно. А сейчас согните, пожалуйста, пальцы правой руки.

Я сгибал их, пока она помогала доктору набрызгивать искусственную кожу.

— Во время грубой работы пользуйтесь перчатками,— предупредил меня доктор.— И приходите на следующей неделе.

Я поблагодарил его и пошел в оперативный отдел. В первую очередь я искал Мэри, но она была занята у косметиков.

XXV

— Руки в порядке? — спросил Старик.

— Будут в порядке. Пока искусственная кожа на неделю. А завтра мне сделают пересадку на ухе.

Он взглянул на меня с досадой.

— Сейчас не время заниматься ухом. Косметики замаскируют его.

— На ухо наплевать,— сказал я,— но почему необходимо его маскировать? Мне что, придется перевоплощаться?

— Не совсем... Теперь, когда ты введен в курс дела, что ты думаешь о ситуации?

Интересно, какой ответ он хотел выудить из меня?

— Плохо,— сказал я.— Все охотятся один за другим. С таким же успехом это могло произойти и в России.

— Гм... Говоря о России, ты, наверное, хочешь сказать, что легче проникнуть и выжить там, чем в Красной зоне? Что бы ты предпочел?

Я с подозрением посмотрел на него.

— Что это еще за уловка? Вы ведь не даете подчиненному выбирать себе задание...

— Я спрашивал твое профессиональное мнение.

— Ммм... у меня нет достаточной информации. А что, слизняки кишат в России?

— Это,— ответил он,— то, что я должен узнать.

Я вдруг осознал, что Мэри была права. Агентам не следует жениться.

— В это время года,— сказал я,— мне было бы приятнее всего проследовать через Шанхай.

— Почему ты думаешь, что я хочу отправить тебя туда? — спросил он.— Мы можем быстрей и легче узнать его в Красной зоне.

— Как?

— Если инфекция есть за пределами нашего континента, то *титаны* в Красной зоне должны знать об этом. Зачем объезжать половину земного шара...

Мне пришлось отбросить планы, которые я уже рисовал в голове, представляя себя индийским торговцем, путешествующим вместе с женой, и задуматься над тем, что сказал Старик.

— Но как, черт побери, проникнуть в Красную зону? — спросил я.— Носить пластикового слизняка на плечах? Они разоблачат меня сразу же, как только вызовут на «прямое совещание».

— Не будь пораженцем. Четыре агента уже отправлены.

— И вернулись?

— Ну... нет... не совсем.

— Ясно. Вы считаете, что у меня есть шанс вернуться?

— Я думаю... другие использовали неверную тактику...

— Ну разумеется!

— Весь трюк состоит в том, чтобы убедить слизняков, что ты ренегат. Других соображений нет?

Идея, предложенная Стариком, была настолько ошеломляющей, что я не сразу ему ответил. Наконец я взорвался:

— А почему бы не начать с чего-нибудь полегче? Может быть, мне потренироваться с топором на роль убийцы? По-моему, это лучше...

— Более легкий способ,— сказал он,— чаще всего оказывается безрезультатным.

— Гм!

— Но ты вправе отбросить мой вариант. Во всяком случае, опыта общения с ними у тебя больше, чем у других агентов, которые у меня есть. Я думаю, ты уже отдохнул и поправился, если не считать этого маленького ожога на пальцах. Может быть, мы еще отправим тебя в Москву и ты все увидишь своими глазами. Обдумай это. Ты свободен до завтрашнего дня.

— Спасибо. Огромное спасибо.— Я переменил тему: — А что вы планируете для Мэри?

— Почему ты суешь нос не в свое дело?

— Я женат на ней.

— Ну и что?

— Господи боже! И вы даже не хотите пожелать мне счастья?

— Что поражает меня больше всего,— сказал он медленно,— это то, что у тебя есть счастье, о котором человек только и может мечтать. Я даю тебе мое благословение, если оно чего-либо стоит.

— О... Ну, спасибо.— Вплоть до этого момента мне и в голову не приходило, что Старик, вероятно, причастен к тому, что наши с Мэри отпуска так удобно совпали.— Послушай, папа...— сказал

я. Уже второй раз за один месяц я назвал его так. Подобное обращение заставляло Старика переходить к обороне.

— Что? — отозвался он растерянно.

— Ты все время знал, что я и Мэри поженимся. Ты планировал это.

— А? Не будь смешным. Я верю в свободу воли, сынок. И в свободу выбора. Вы оба имели право на отпуск; остальное было делом случая.

— Гм... Случайностей вокруг нас не бывает. Но это неважно; я доволен разультатом. Теперь о деле. Дайте мне чуть больше времени рассчитать свои возможности. А пока я навещу косметиков насчет резинового уха.

XXVI

В конце концов мы отказались от попытки проникнуть в Красную зону. Оценочная группа пришла к выводу, что у меня не было шансов перевоплотиться в ренегата. Вопрос стоял так: «Как человек становится ренегатом? Почему *титаны* верят ему?» Ответ напрашивался сам: слизняк з н а е т сознание своего н о с и т е л я. Он з н а е т, что тот прирожденный ренегат и годится для этой роли. Но сначала слизняк должен изучить всю глубину подлости этого человека.

Мы сделали такое заключение, следуя логической необходимости. Это была человеческая логика, но она могла быть и логикой слизняков тоже, поскольку исходила из того, что могут слизняки и чего не могут. Что касается меня самого, то я не сумел бы даже под глубоким гипнотическим внушением представить себя кандидатом в ренегаты. Так парни-психологи решили этот вопрос, и на это я ответил им: «Аминь!»

Может показаться нелогичным, что *титаны* «освобождают» человека, вместо того чтобы использовать его в качестве носителя. Эти твари черпали в ренегатах запас «доверенных благонадежных» для своей «пятой колонны». Несомненно, ренегаты проникали в Зеленую зону. Их невозможно было отличить от нормальных людей и потому так трудно было ловить.

Подготовка к выполнению задания шла своим ходом. Я освежил под гипнозом знания в тех языках, в которых нуждался. Мне выработали «личность» и дали много денег. Удобный в обращении ультрамикроволновый передатчик новой модели был размером не более булки хлеба. Его хорошо изолированная сконцентрированная энергия не заставляла счетчик Гейгера даже волноваться.

Меня планировали забросить сквозь радарный щит русских через антирадарное «окно». Оказавшись на месте, я должен буду сделать заключение: инфицирована русская территория слизняками или нет. Затем должен буду передать свой рапорт на космическую станцию — ту, которая окажется в поле зрения, то есть на линии связи. Сделав доклад, я волен вернуться назад пешком, верхом, стилем

«кроль», или, если смогу, воровством или подкупом организовать свое возвращение оттуда.

Но мне так никогда и не представился шанс использовать все эти возможности. «Летающая тарелка» приземлилась в Пас-Кристиан.

Эта третья «тарелка» была единственной, которую видели после посадки. Первую слизняки спрятали, а от берлингеймской осталась лишь радиоактивная память. Но пас-кристианскую все-таки засекли на земле.

Ее обнаружила космическая станция «Альфа» и зарегистрировала как «чрезвычайно большой метеорит». Эта ошибка объяснялась огромной скоростью, с которой «тарелка» шла на посадку. Примитивный радар шестидесятилетней давности засекал такие «тарелки» много раз, особенно когда они кружились в атмосфере, разведывая нашу планету. Но наш современный радар ловил «тарелки» там, где их не было видно. Нынешнее оборудование слишком специализировано. Есть и другие селекторные устройства, но ни одно из них не видит объект, движущийся со скоростью более десяти миль в секунду. Единственным исключением являются радары, установленные на космических станциях, регистрирующих метеориты.

И тем не менее пас-кристианскую «тарелку» видели приземляющейся. Крейсер Совета Безопасности ООН «Роберт Фултон», патрулировавший вдоль Красной зоны у Мобила, был в десяти милях от Галфпорта, когда его приемники засекли место, где «тарелка» совершила посадку. На экранах крейсера космический корабль неожиданно появился как раз в момент перехода от своей собственно космической скорости (около пятидесяти трех миль в секунду), превосходящей скорость космических станций, к той скорости, которую радары крейсера могли установить.

Изображение появилось из ниоткуда, замедлило скорость до нуля и исчезло в нескольких милях от берега Миссисипи. Однако оператор зафиксировал его последнюю вспышку на экране радара. Капитан крейсера был в замешательстве. Все говорило о том, что след не мог принадлежать космическому кораблю: ни один корабль не вынес бы силы тяжести, возникающей при переходе от такой невероятной скорости до нуля. Ему и в голову не приходило, что ускорение может не иметь никакого значения для слизняков. Он не решился подвести свой крейсер слишком близко к месту посадки и выслал разведку.

Его первая депеша гласила: «Космический корабль приземлился на берегу Миссисипи западнее Пас-Кристиан». Вторая была: «Форсирую захват приземлившихся на побережье».

Если бы я в этот момент не находился в Отделе, готовясь к своему забрасыванию, я бы мог оказаться вне игры. Когда все это случилось, телефон пронзительно зазвенел. Старик сказал: «Приходи немедленно».

Была та же партия, которую мы составили так много недель — или лет? — назад: Старик, Мэри и я. Мы рванули на юг на скорости,

используемой в экстремальных ситуациях, прежде чем Старик объяснил нам, в чем дело. Я спросил:

— А почему семейная группа? Вам нужна полномасштабная операция форсированного захвата.

Старик ухмыльнулся своей сатанинской усмешкой.

— А что тебя беспокоит? Семейство Кэваноу прогуливается опять. А, Мэри?

Я фыркнул.

— Если вы хотите использовать этот шаблон «брат и сестра», то лучше поищите другого мальчика.

— У тебя та же роль, где ты охраняешь ее от собак и странных людей,— ответил он спокойно.— А когда я имею в виду собак, я имею в виду очень странных людей. Здесь может наступить развязка, сынок.

Он пошел в операторский отсек и приготовился выйти на связь. Я повернулся к Мэри. Она прильнула ко мне и сказала:

— Привет, братишка.

— Не смей называть меня этим мерзким «братишкой»,— огрызнулся я, крепко ее обнимая,— или же кое-кто получит оплеуху.

XXVII

Сначала нас едва не подстрелили с земли, а потом военные летчики под конвоем доставили всех троих на командное воздушное судно, на котором маршал авиации Рекстон руководил операцией.

Рекстону очень не понравилось, что мы сунулись в район боевых действий. Он хотел отправить нас домой, но спорить со Стариком — бесполезный и каторжный труд, поэтому маршал решил предоставить нам полную свободу.

Я повел машину низко над землей по приморскому шоссе западнее Пас-Кристиан. И нас вновь обстреляли противовоздушные силы, когда мы шли на посадку. Взрывы раздавались повсюду, но странная тишина царила возле самой тарелки.

Приземлившийся корабль зловеще вырисовывался перед нами не далее чем в пятидесяти ярдах. При виде его не оставалось сомнений в том, что обшитая пластиком конструкция в Айове была фальшивкой. Корабль представлял собой диск огромного размера, накренившийся в нашу сторону. Частично он держался на обломках одного из старых особняков, а частично опирался на толстый ствол дерева, росшего рядом с разрушенным домом.

Наклонное положение корабля давало нам возможность видеть его верхнюю часть. Несомненно, это был его воздушный шлюз — металлическая полусфера, расположенная в центре диска и имевшая дюжину футов в поперечнике. Эта полусфера приподнималась над кораблем на шесть-восемь футов. Я не мог видеть, что удерживало ее в таком положении, но допускаю, что это, вероятно, была центральная ось. Я хорошо видел, почему «тарелка» не могла закрыться снова и взлететь: воздушный шлюз был поврежден и оставался открытым

благодаря «грязной черепахе» — одному из маленьких танков-амфибий, составлявших десант «Фултона».

Позвольте мне увековечить их имена: танком командовал прапорщик Гилберт Калхоун из Ноксвилла; с ним находились моторист Флоренс Берзовский и стрелок Букер Т. В. Джонсон. Они уже были мертвы, когда мы прибыли туда.

Нашу машину обстрелял атаковавший «тарелку» наряд военных, которым командовал розовощекий паренек. Он выглядел так, словно очень хотел стрелять в кого-нибудь или во что-нибудь. Его стремление поубавилось, когда он увидел Мэри; однако он все еще отказывался позволить нам приблизиться к «тарелке» до тех пор, пока не проконсультируется со своим начальником. Тот, в свою очередь, стал консультироваться с капитаном «Фултона». Мы получили ответ за сравнительно «короткое» время, учитывая, что капитан крейсера, по-видимому, запросил Вашингтон.

Пока мы ждали, я наблюдал сражение, радуясь тому, что не принимал в нем участия. Уже было много раненых и убитых. Прямо перед машиной лежало тело мальчика не старше четырнадцати лет. Он все еще сжимал в руке пистолет, а между плечами у него алела метка твари. Интересно, где слизняк: уполз прочь, сдох или пересел на человека, который заколол штыком мальчика.

Пока я изучал труп, Мэри прогуливалась по горной дороге с молодым морским офицером. Мысль о том, что слизняк, возможно, еще жив и находится где-то рядом, заставила меня поспешить к ней.

— Возвращайся в машину,— сказал я.

Она продолжала смотреть вдоль дороги на запад.

— Мне кажется, я могла бы подстрелить одного или двух,— ответила она, и глаза ее сияли.

— Она тут в безопасности,— заверил меня офицер.— Мы хорошо удерживаем их внизу дороги.

Я проигнорировал его.

— Послушай, ты, кровожадная маленькая озорница,— набросился я на нее,— возвращайся в машину, а не то я переломаю тебе все кости!

— Да, Сэм! — Она повернулась и сделала то, о чем я ее просил.

Я оглядел молодого вояку.

— Чего вы уставились? — спросил я. Это место кишело слизняками, и ожидание стоило мне нервов.

— Ничего себе,— сказал он, оглядывая меня с ног до головы. В местности, откуда я родом, мы не разговариваем с дамами подобным образом.

— Тогда почему бы вам не убраться к чертям туда, откуда вы родом? — ответил я и пошел прочь. Старик куда-то запропастился; мне это не нравилось.

Машина скорой помощи, идущая с запада, притормозила возле меня.

— Дорога на Паскагулу открыта? — спросил водитель.

Река Паскагула находилась в тридцати милях к востоку от места приземления «тарелки». Там была Янтарная зона. Город с таким же

названием — Паскагула — располагался в Зеленой зоне, а в шестидесяти или семидесяти милях к западу по этой же самой дороге был Новый Орлеан с мощнейшей концентрацией *титанов*. Наши противники прибыли из Нового Орлеана, в то время как наша ближайшая база размещалась в Мобиле.

— Не слыхал,— ответил я водителю.

— Что ж, попытаюсь прорваться,— сказал он.

Хотя сражение на земле отодвигалось отсюда все дальше и дальше, воздушная борьба велась вокруг нас. Я наблюдал тающие в небе следы и пробовал угадать, кто есть кто, и удивлялся, как они могли различать друг друга. В это время молнией пролетел большой транспортник. Он взорвался при торможении, но успел выбросить взвод «небесных мальчиков». Мне снова стало интересно: носили они слизняков или нет. Но они были от меня слишком далеко, чтобы я мог что-нибудь разглядеть. Во всяком случае транспортник появился с востока.

Я нашел Старика беседующим с командиром атакующей группы. Подойдя к ним, я сказал:

— Босс, нам следует убираться отсюда. Это место наверняка будет подвергнуто атомной бомбардировке минут через десять.

Командир ответил мне с иронией:

— Успокойтесь. Ситуация не заслуживает даже маленькой бомбы!

Я собирался резко спросить его, откуда он узнал, что слизняки тоже так считают, но Старик сказал:

— Он прав, сынок...— Взял меня за руку и повел к машине.— Он прав, но совсем не по тем причинам, по которым думает.

— То есть как?

— Почему м ы не бомбили города, которые о н и удерживали? Они не хотят повредить э т о т корабль. Они хотят вернуть его. Возвращайся к Мэри. Собаки и странные люди — не забыл?

Я заткнулся, хотя его доводы не казались мне убедительными. Все, что ожидало нас впереди, по моему мнению,— это в любую секунду щелканье счетчика Гейгера. Слизняки сражались с безрассудством бойцовских петухов — возможно, потому, что они действительно не были личностями. Но почему они так озабочены одним из своих кораблей? И даже, может быть, больше озабочены тем, чтобы вырвать его у нас, чем спасти.

Мы уже подошли к машине, когда этот розовощекий сопляк рысью подбежал к нам. Он отдал честь Старику и доложил:

— Командир сказал, что вы можете делать все, что хотите. Вообще все!

По его манерам я заключил, что ответная депеша из Вашингтона была написана огненными буквами под аккомпанемент пушек и фанфар.

— Спасибо, сэр. Мы просто хотим проинспектировать захваченный корабль.

— Да, сэр. Пойдемте, я провожу вас, сэр.

Он пошел с нами, решая трудную задачу: эскортировать ему Старика или Мэри. Мэри победила. Я следовал за ними, настроив

себя на наблюдение за всем тем, что происходило вокруг, игнорируя юнца. Эта часть страны представляла собой сплошные джунгли. «Тарелка» была окружена зарослями, и Старик держал пистолет наготове, когда мы шли через них. Юнец сказал:

— Будьте осторожны, сэр, смотрите туда, куда ступаете.

— Слизняки? — спросил я.

Он помотал головой.

— Коралловые змеи.

В этой заварушке ядовитая змея казалась такой же милой, как золотистая пчелка, но я решил отдать должное его предупреждению. Поэтому и смотрел вниз, когда произошло следующее.

Сначала я услышал громкий крик. Затем — господи, помилуй! — на нас напал бенгальский тигр.

Наверное, первый выстрел сделала Мэри. Второй был мой или офицера. Старик выстрелил последним. Между нами говоря, мы продырявили зверя так, что из него никогда не выйдет хороший ковер. Слизняк, сидевший на нем, был невредим, и я сжег его своим вторым залпом. Паренек взглянул на него без интереса.

— Ну,— сказал он,— я думал, что мы вычистили этот груз.

— Какой груз? — спросил я.

— Один из первых транспортных танкеров, которые они выслали. Настоящий Ноев ковчег. Мы перестреляли всех — от горилл до белых медведей. Скажите, на вас когда-нибудь шел дикий буйвол?

— Нет, и не хотел бы этого.

Мы быстро вышли из зарослей и оказались рядом с кораблем *титанов*, вид которого отнюдь не успокоил мои нервы, скорее наоборот. Не то чтобы в нем было что-то устрашающее. Нет. Но он весь был какой-то н е п р а в и л ь н ы й. Несмотря на его искусственное происхождение, каждый без слов понял бы, что он сделан не людьми. Почему? Не знаю. Его поверхность отливала тусклым зеркалом, и никаких отметок на нем — следов стыковки частей или чего-нибудь в этом роде. Без них невозможно было сказать, как он был собран. Поверхность была гладкой, как лысина Джо.

Я смотрел и думал: из какого же материала он сделан? Металл? Конечно, это д о л ж е н быть металл. Но так ли это? Но если это металл, то он непременно нагрелся бы в результате посадки. Я потрогал его — не горячий и не холодный, вообще никакой. Я заметил еще вот что: корабль такого размера, садящийся на большой скорости, неизбежно испортил бы пару акров земной поверхности. Здесь же — ни клочка пострадавшей площади. Заросли вокруг оставались зелеными и буйными.

Мы поднялись к зонтичному устройству — воздушному шлюзу или чем он там являлся. Его край слегка покорежила маленькая «грязная черепаха». Броня же самого танка смялась при столкновении как картонная коробка. А между тем «грязные черепахи» считаются очень прочными; недаром они выдерживают погружение в воду на глубину шестисот футов.

Как бы там ни было, после встречи корабля с танком шлюз уже не мог закрываться.

Старик повернулся ко мне.

— Ждите с Мэри здесь.

— Уж не хотите ли вы сами войти туда?

— Да. В нашем распоряжении может оказаться очень мало времени.

Юнец заговорил:

— Я останусь при вас, сэр. Так приказал командир.

— Очень хорошо, сэр,— согласился Старик.— Пойдемте вместе.— Он заглянул через край, затем встал на колени и с помощью рук стал спускаться вовнутрь. Офицер последовал за ним. Я почувствовал, что меня будто обожгло, но желания обсуждать приказы у меня не возникло.

Они исчезли в люке. Мэри сказала:

— Сэм, не нравится мне все это. Я боюсь.

Я боялся сам, но не ожидал, что будет бояться она.

— Я позабочусь о тебе,— ответил я и обнял ее.

— Мы должны оставаться здесь? Он не сказал ничего определенного.

Я принял во внимание этот довод.

— Если хочешь вернуться в машину, я провожу.

— Ну... нет, Сэм! Я полагаю, мы должны остаться. Подойди ко мне ближе.— Она дрожала.

Я не знаю, сколько прошло времени до того момента, когда они наконец высунули свои головы. Офицер выбрался наверх. Старик велел ему стоять на страже, а нам скомандовал:

— Пошли! Я думаю, опасности нет.

— Черта с два! — сказал я, но все же пошел, поскольку Мэри уже направилась к люку.

— Имейте в виду,— предупредил Старик,— здесь всюду низкий потолок. Не ушибитесь.

Мысль о том, что негуманоидные расы должны производить негуманоидные работы, очевидна до банальности. Однако очень мало людей были когда-либо внутри венерианского лабиринта и еще меньше видели марсианские руины — и среди этих немногих меня, увы, не было. Не знаю, чего я ожидал. На первый взгляд внутренняя часть «тарелки» выглядела не слишком пугающей, но именно это и казалось странным. Все, что здесь находилось, было создано не человеческими мозгами; здесь в своем творчестве не пользовались такими привычными для нас понятиями, как прямой угол или прямая линия, а возможно, и вообще считали их ненужными или необязательными. Мы очутились в маленьком сплющенном помещении, откуда дальше пробирались через трубу около четырех футов шириной, казавшуюся ввинченной в корабль. Ее поверхность пылала красноватым светом.

Какой-то странный запах, напоминавший запах болотного газа, смешивался с вонью мертвых слизняков. Это вызывало у меня неприятное ощущение, будто я пробирался по кишке какого-то неземного бегемота, а не исследовал неизвестную машину.

Труба разветвлялась, как артерия; и вот мы увидели первое существо с Титана. Он — позвольте мне называть его «он» — лежал, растянувшись на спине, словно спящий ребенок, и его голова покоилась на слизняке. Казалось, что на губах, похожих на бутон розы, застыла улыбка. Я не осознал сразу, что он мертв.

На первый взгляд сходство между людьми Титана и нами более заметно, чем различие. Мы, люди, часто видим не то, что есть в действительности, а то, что хотим видеть. Взять хотя бы этот хорошенький маленький «ротик». Откуда мне знать, что этот орган предназначен исключительно для дыхания?

Но несмотря на кажущуюся схожесть — наличие четырех конечностей и головы,— мы меньше похожи на них, чем буйволовая лягушка на детеныша буйвола. Тем не менее общее впечатление было приятным. Они похожи на эльфов, подумал я, про себя назвав его «эльфином».

Когда я его увидел, я вытащил свой пистолет. Старик повернулся ко мне и сказал:

— Не волнуйся. Он мертв. Они тут все задохнулись кислородом, когда танк нарушил герметичность корабля.

Я продолжал держать пистолет наготове.

— Я хочу сжечь слизняка,— настаивал я.— Он, возможно, еще жив.

Слизняк не был покрыт скорлупой, которую мы раньше не раз обнаруживали. Он был голым и мерзким.

Старик пожал плечами.

— Как хочешь. Этот слизняк не может повредить тебе. Он не живет на кислородном дыхании.— И он перешагнул через маленькое тело, давая мне возможность выстрелить, если я решу сделать это. Рядом я слышал резкое, прерывистое дыхание Мэри. Ей здесь явно не хватало воздуха.

— Давайте вернемся! — с трудом проговорила она.— Давайте уйдем отсюда!

Я сказал:

— Она права. Тут работа не для трех человек. Тут нужна целая исследовательская команда и надлежащее оборудование.

Старик не обратил на меня внимания.

— Это нужно сделать, Мэри,— произнес он твердо.— Ты знаешь это. И ты должна быть тем, кто сделает это!

— Что должна она делать? — рассвирепел я.— И почему?!

Он опять проигнорировал меня.

— Ну, Мэри...

Откуда-то она нашла в себе силы. Дыхание стало ровным, лицо расслабилось, а сама она перешагнула через тело эльфина, оседланного слизняком, со спокойствием королевы, идущей на эшафот. Я протискивался за ней следом, мешая себе своим пистолетом и стараясь не дотронуться до тела эльфина.

Мы достигли наконец большого помещения, которое могло быть командным отсеком. Здесь валялось много маленьких мертвых эльфинов. Внутренняя поверхность помещения была вогнутой и уты-

канной огнями более яркими, чем та красноватая иллюминация. Стены и потолок, увешанные гирляндами таких огней, образовывали картину, напоминавшую извилины мозга. Меня снова потрясла мысль совершенно неправдоподобная — что сам корабль — живой организм.

Старик не проявил к этому интереса и направился в другую пылающую багрянцем комнату. Мы проследовали за ним, туда, где труба расширялась до десяти футов или более и где «потолок» позволял нам стоять почти прямо. Но наши взгляды устремились прежде всего на стены: они не были больше непрозрачными.

Вокруг нас, за прозрачными мембранами, находились тысячи и тысячи слизняков, которые плавали, сновали, корчились в какой-то жидкости: она, видимо, поддерживала их жизнедеятельность. Каждый резервуар имел собственное внутреннее освещение, и я мог видеть заднюю стенку через пульсирующую массу слизняков. Мне хотелось закричать.

Я все еще держал пистолет наготове. Старик закрыл его дуло рукой.

— Не делай этого,— предостерег он меня.— Ты же не хочешь выпустить их с ю д а. Эти предназначены для нас.

Мэри глядела на вампиров в аквариуме, и лицо ее было слишком спокойным. Я не выдержал и сказал:

— Давайте уйдем отсюда, если это еще возможно, а потом разбомбим корабль со всем его содержимым!

— Нет,— спокойно сказал Старик.— Тут есть кое-что посущественнее. Пошли.

И мы пошли. Труба стала опять сужаться, затем снова расширилась, и мы оказались еще в одном помещении. Стены здесь тоже были прозрачными и за ними тоже корчились твари.

Я должен был взглянуть дважды, прежде чем смог поверить тому, что увидел.

За стеной, лицом вниз, плавало тело человека — мужчины, рожденного на Земле, примерно сорока лет. Его руки были скрещены на груди, а ноги поджаты, как будто он спал.

Я глядел на него, и в голову мне приходили ужасные мысли. Он был не один: за этим человеком плавали другие люди, мужчины и женщины, молодые и старые, но именно он привлек мое внимание. Я был уверен, что он мертв; мне и в голову не приходило думать иначе. Потом я увидел, что рот у него шевелится, и пожелал: лучше бы он умер...

Мэри, словно пьяная, рассеянно бродила возле стен, всматриваясь в тела. Старик не сводил с нее глаз.

— Ну, Мэри? — сказал он мягко.

— Я не могу найти их! — произнесла она жалобным голосом, совсем как маленькая девочка, и побежала назад.

Старик схватил ее за руку.

— Ты не искала их в нужном месте,— твердо сказал он.— Возвращайся туда, к ним. Ты помнишь, где они?

Она ответила плаксиво:

— Н е т ! Я н е м о г у в с п о м н и т ь !

— Ты должна, должна вспомнить. Это все, что ты можешь сделать для них. Ты должна вернуться туда, где они, и найти их.

Ее глаза закрылись, и слезы потекли по щекам. Я втиснулся между Стариком и Мэри.

— Прекратите! Что вы вытворяете с ней?

Старик оттолкнул меня.

— Нет, сынок,— прошипел он свирепо,— не вмешивайся в это. Ты д о л ж е н оставаться в стороне.

— Но...

— Нет! — Он отвел меня в сторону и запретил подходить к Мэри.— Стой здесь. И если ты любишь свою жену так же сильно, как ненавидишь *титанов*, не вмешивайся. Я не причиню ей вреда — обещаю.

— Что вы собираетесь делать?

Но он уже отошел к Мэри. Она опустилась на пол и сидела на корточках, как ребенок, закрыв лицо руками. Старик тронул ее за плечо.

— Возвращайся назад! Слышишь? Туда, где это началось!

Я едва смог расслышать ее ответ:

— Нет... нет...

— Сколько тебе было лет? Ты выглядела на семь или восемь, когда тебя нашли. Что случилось перед этим?

— Да! Да! Это случилось перед тем...— Она зарыдала и упала, обессилев, на пол.— Мама! Мама!

— Что говорит твоя мама? — спросил он ласково.

— Она ничего не говорит. Она смотрит на меня так странно... У нее что-то есть на спине. Я боюсь, я боюсь!

Я бросился к ним, пригибая голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Не отрывая от Мэри глаз, Старик сделал мне знак, чтобы я убирался прочь. Я остановился в растерянности.

— Назад! — приказал он.— Стой там!

Слова были предназначены мне, и я подчинился им — но то же сделала и Мэри.

— Был корабль,— невнятно пробормотала она,— большой сверкающий корабль...

Несмотря на захлестнувшие меня чувства, я сознавал, что происходило что-то важное, что-то достаточно значительное, чтобы поглотить все внимание Старика даже здесь, в присутствии врага.

Он продолжал разговаривать с ней ласковым, но настойчивым тоном. Мэри успокоилась и выглядела впавшей в летаргию, но я мог слышать, как она что-то отвечала ему. Только время от времени он подсказывал ей.

Здесь я услышал, как кто-то движется ко мне сзади. Я выхватил пистолет и обернулся с диким чувством, что мы угодили в западню. Я едва не выстрелил прежде, чем узнал молодого офицера, которого мы оставили снаружи.

— Выходите,— настойчиво сказал он.

Старик взглянул на него раздраженно.

— Заткнитесь и не мешайте мне.

— Вы должны выйти отсюда, сэр,— настаивал юнец.— Командир говорит, что вы должны выйти, наконец. Мы убираемся прочь. В любую минуту «тарелка» может быть уничтожена.

— Очень хорошо,— согласился Старик спокойно,— ступайте и скажите вашему командиру, что они должны продержаться, пока мы не выйдем. У меня есть жизненно важная информация!

— Есть, сэр! — ответил офицер.— Но поторопитесь! — Он стал карабкаться обратно.

— Сынок, помоги мне с Мэри,— попросил Старик.

Я поднял Мэри и понес ее туда, где комната, сужаясь, превращалась в трубу. Возле самой «кишки» я замешкался.

— Придется нести,— сказал Старик.— Она почти без сознания и может не скоро выйти из этого состояния. Давай-ка я положу ее тебе на спину; поползешь с ней.

Я не обращал внимания на его слова. Опустив Мэри, я стал трясти ее и кричать:

— Мэри! Мэри! Ты слышишь меня?

Она приоткрыла глаза.

— Да, Сэм...

— Дорогая, мы уходим отсюда — немедленно! Ты можешь идти?

— Да, Сэм...— ее глаза снова закрылись.

Я потряс ее.

— Мэри!

— Да, милый? В чем дело? Я так устала...

— Послушай, Мэри, если ты не хочешь, чтобы слизняки схватили нас, сейчас же поднимайся. Нужно уходить отсюда. Ты понимаешь меня?

— Хорошо, милый...— Окинув нас обоих отсутствующим взглядом, она поднялась наконец.

Я подтолкнул ее по направлению к трубе и двинулся за ней следом. Временами, когда она выбивалась из сил, я подхватывал ее и тащил.

После этих бесконечных кошмарных лабиринтов мы, к счастью, достигли выхода. Молодой офицер помог нам поднять Мэри наверх. Он вытянул за руки и Старика, которого я подсадил. Затем я вылез сам и взял Мэри из-под опеки заботливого офицера. Было уже довольно темно.

Мы возвращались мимо разрушенного кораблем особняка, избегая заходить в заросли, и оттуда пошли вниз к дороге. Нашей машины на месте не оказалось. Мы сели в ожидавшую нас «грязную черепаху», и поскольку сражение вдоль дороги еще продолжалось, танк неуклюже пополз в воду. Пятнадцать минут спустя мы уже были на борту крейсера «Фултон».

А еще через час высадились на базе в Мобиле. Старик и я ели сэндвичи и пили кофе в лазарете «Фултона», в то время как несколько молодых морских офицеров ухаживали за Мэри. Она присоединилась к нам, когда мы уже уходили, и выглядела вполне нормально.

— Мэри, ты хорошо себя чувствуешь? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Конечно, милый. Почему я не должна хорошо себя чувствовать?

Флагманский корабль забрал нас оттуда. Я предполагал, что мы направляемся в Отдел или Белый дом. Однако пилот посадил машину возле ангара на склоне горы.

— Где мы? — спросил я.

Старик не ответил и пошел на выход; Мэри и я с трудом поспевали за ним. Ангар был маленьким, всего для дюжины машин. Тут же имелись стопорная площадка и обычная пусковая установка. Охранники препроводили нас к двери, ведущей в жилое отделение. Едва мы оказались в прихожей, громкоговоритель приказал нам раздеться. Я терпеть не мог расставаться с пистолетом и телефонным устройством.

Мы вошли, и нас встретил паренек, вся одежда которого состояла из нарукавной повязки с тремя шевронами и скрещенными ретортами. От него мы попали к девушке, на которой одежды было еще меньше — только два шеврона. Оба они обратили внимание на Мэри, каждый со своей характерной реакцией. Я думаю, капрал была рада передать нас женщине-капитану.

— Мы получили ваше донесение,— сказала капитан.— Доктор Стилтон ждет вас.

— Спасибо, мадам,— ответил Старик.— Где?

— Одну минутку...— Капитан подошла к Мэри и прощупала ее волосы.— Извините, мы должны быть уверены.— Если она и заметила, что волосы Мэри крашеные, то не подала виду.— Все в порядке,— решила она.— Пойдемте! — Ее собственные волосы были подстрижены по-мужски коротко.

— Хорошо,— согласился Старик.— Нет, сынок, ты уже пришел, останься здесь,— сказал он мне.

— Но почему? — спросил я.

— Потому что ты, черт бы тебя побрал, чуть было не испортил первую попытку,— объяснил он.— А теперь сбавь тон!

Капитан услужливо мне сообщила:

— Офицерская кают-компания внизу на первом этаже налево. Почему бы вам не подождать там?

Я воспользовался ее советом. Спускаясь на первый этаж, я увидел дверь, ярко украшенную красными костями с черепом и трафаретом: «Осторожно — живые паразиты. Только для служебного пользования. Применение процедуры «А». Я обошел эту дверь стороной.

В офицерской кают-компании находились трое или четверо мужчин и две женщины. Я нашел свободное кресло и поинтересовался, можно ли получить выпивку в этом месте. Немного погодя ко мне присоединился крупный мужчина, с виду похожий на человека, лишенного духовных интересов. На шейной цепочке были знаки отличия полковника.

— Новичок? — спросил он.

Я кивнул.

— Гражданский эксперт? — снова полюбопытствовал он.

— Не знаю, как насчет эксперта,— ответил я.— Я оперативник.

— Имя? — не отставал полковник.— Извините за официальность,— сказал он,— но я здешний офицер безопасности. Меня зовут Келли.

Я назвал ему свое имя. Он кивнул.

— Собственно говоря, я видел, как вы прибыли. Теперь, мистер Нивенс, как насчет выпивки?

Я встал.

— Кого я должен убить, чтобы получить ее?

—...Хотя, на мой взгляд,— продолжал позже Келли,— это место нуждается в офицере безопасности так же, как лошадь нуждается в роликовых коньках. Мы публикуем результаты сразу же, как только получаем их.

Я заметил, что высокие чины думают по-другому. Он засмеялся.

— Поверь, сынок, не все высокие чины таковы, какими они выглядят на фотографиях.

Я сказал ему, что маршал авиации Рекстон произвел на меня впечатление стопроцентного гражданина.

— Ты знаешь его? — спросил полковник.

— Не особенно, но моя работа время от времени приводит меня в его компанию. Последний раз я видел его сегодня рано утром.

— Гм...— произнес полковник.— Я никогда не встречался с этим джентльменом. Вы вращаетесь в более избранных кругах, чем я.

Я объяснил, что утром произошла явная случайность, но все равно полковник стал выказывать мне гораздо больше уважения. Он начал рассказывать о работе, которую делала лаборатория:

— Сейчас мы знаем уже очень много об этих вонючих созданиях. Но знаем ли мы, как убить их, не убивая носителей? Нет!

— Конечно,— продолжал он,— если бы мы могли завлекать их по одному на какое-то время в комнату и давать им анастезию, мы могли бы спасать их носителей. Но это все равно что следовать старой шутке: для того чтобы поймать птичку, надо подкрасться к ней достаточно близко и насыпать ей соли на хвост. Я не ученый — я просто полицейский, хотя и с другим ярлыком,— но я разговаривал со здешними учеными. Это биологическая война. Нам нужно средство, которое будет уничтожать слизняков, но не их носителей. Казалось бы, задача не очень трудная. Однако так ли это? Мы знаем сотни вещей, которые будут убивать слизняков: оспа, тиф, сифилис, вирус Обермайера, желтая лихорадка и тому подобное. И все они убивают носителя.

— А нельзя ли использовать что-то, к чему каждый имеет иммунитет? — спросил я.— Ведь каждый имеет прививки от тифа. И почти каждый имеет прививки от оспы.

— Не подходит. Если носитель имеет иммунитет, он передается слизняку. Человек является средой обитания для слизняка. Нет, нам нужно что-то такое, что убьет слизняка, но причинит носителю не больше вреда, чем легкая лихорадка.

Я начал было отвечать, когда увидел в дверях Старика. Я извинился и пошел к нему.

— О чем это Келли допрашивал тебя? — спросил он.

— Он не допрашивал меня,— ответил я.

— Это ты так думаешь. Ты знаешь, кто этот Келли?

— А я должен был знать?

— Должен. А может, и нет. Это В. Дж. Келли, величайший ученый-криминалист нашего времени.

— Так это Келли?! Но ведь он не военный.

— В резерве, возможно. Во всяком случае ты можешь догадываться, как важна эта лаборатория. Пошли!

— Где Мэри?

— Тебе нельзя ее видеть сейчас. Она восстанавливает силы.

— Ей плохо?

— Нет, но... Мы зашли слишком далеко вглубь сознания, преодолевая величайшее сопротивление. Это всегда отражается очень тяжело на субъекте. Надеюсь, Стилтон поможет ей; он лучший по этой части.

— Вы добились того, что хотели?

— И да и нет. Мы не закончили.

— А чего вы хотите?

Мы прогуливались с ним по одному из бесконечных подземных коридоров. Наконец вошли в маленький офис и сели. Старик дотронулся до настольного коммутатора и сказал:

— Закрытое совещание.

— Да, сэр,— отозвался голос.— Мы не будем регистрировать.

На потолке загорелся зеленый свет.

— Не то, чтобы я им не доверяю,— пояснил Старик,— но можно хранить секреты от кого угодно, только не от Келли. Теперь, сынок, о том, что ты хочешь знать. Я не уверен, что ты имеешь на это право. Женившись на девушке, ты не получил права собственности на ее душу. К тому же эти вещи выходят из такой глубины, что она сама даже не подозревает о них.

Я молчал. Он продолжал тревожным тоном.

— Я решил рассказать тебе для того, чтобы ты смог понять. В противном случае ты будешь постоянно беспокоить ее, пытаясь узнать сам. А я этого вовсе не желаю. Находясь в сознании, она не помнит ничего из того, что нас интересует. Эти воспоминания могут тяжело ранить ее психику. Я ручаюсь за Стилтона — он очень аккуратный оператор. Но ты своими расспросами можешь нанести ей душевную травму.

Я сделал глубокий вдох.

— Вы будете иметь возможность составить мнение о моей порядочности.

— Итак, я расскажу тебе немного и отвечу на твои вопросы — некоторые из них — в обмен на торжественное обещание не беспокоить свою жену по этому поводу. У тебя нет опыта на этот счет.

— Очень хорошо, сэр. Я обещаю.

— Так вот, была группа людей, своего рода секта, ты мог слышать о них. У них дурная слава.

— Да, я знаю — «витманиты».

— А? Откуда ты знаешь? От Мэри? Нет, она не могла тебе сказать: она сама не знает.

— Нет, не от Мэри. Я сам вычислил это.

Он взглянул на меня со странным уважением.

— Может быть, я недооценивал тебя, сынок. Да, именно так, как ты говоришь — «витманиты». Мэри была одной из них. В Антарктику она попала ребенком.

— Погодите,— сказал я,— они покинули Антарктику в...— колесики загудели в моей голове, и цифра появилась —... в 1974-м.

— Точно.

— Но это означает, что Мэри должно быть около сорока лет!

— Тебя это волнует?

— Нет... но... ей не может быть столько...

— Ей и столько и не столько. Хронологически ее возраст около сорока. Биологически ей приблизительно двадцать. Субъективно она даже моложе, потому что сознательно она не помнит ничего, что произошло до 1990 года.

— Что вы имеете в виду? То, что она не помнит, я могу понять — но она *не хочет* помнить. Но что вы имеете в виду под остальным?

— То, что я сказал. Она не старше, чем она есть, потому что... Помнишь ту комнату, где она начала вспоминать? Она провела десять лет или даже больше в состоянии временно приостановленной жизнедеятельности точно в таком же резервуаре, как тот.

XXVIII

Становясь старше, я не становлюсь жестче. Я становлюсь мягче. Мысль о том, что моя любимая Мэри плавала в этом искусственном чреве, не живая и не мертвая, а законсервированная, как маринованный огурчик, была слишком невыносимой для меня.

Я услышал, как Старик сказал:

— Не принимай это близко к сердцу, сынок. С ней все в порядке.

Я ответил:

— Давайте дальше.

Известная часть биографии Мэри была простой, хотя и озадачивала своей мистичностью. Ее нашли в болотах около Кайзервилля, у северного полюса Венеры. Эта маленькая девочка не могла сообщить о себе никаких сведений и знала только свое имя — Алюкьер. Никто не придал значения этому имени, а ребенок в ее возрасте никак не ассоциировался с «витманитами», панически бежавшими куда-то по какой-то причине. В 1980 году грузовой корабль, везший им снабжение, не нашел никого в живых из их колонии «Новый Сион». Десять лет и больше чем двести миль джунглей отделяли маленького беспризорного ребенка из Кайзервилля от забытых богом колонистов «Нового Сиона».

В 1990 году обнаружение на Венере беспризорного земного ребенка было невероятным событием. Однако никто вокруг не проявил интеллектуального любопытства, чтобы докопаться до истины. Кайзервилль населяли шахтеры, бродяги, проститутки, представители «Корпорации Двух Планет» — и больше никто. Рытье лопатами радиоактивной грязи в болотах не оставляло энергии для любопытства.

Она росла, игрушками ей служили обломки кочерги, а каждую женщину в Кайзервилле маленькая Мэри называла «мамой» или «тетей». Они же прозвали девочку «Счастливая», имея в виду ее спасение. Старик не сказал, кто оплатил возвращение Мэри на Землю, да это и не столь важно.

Главный вопрос заключался в том, где она находилась с того момента, как «Новый Сион» был проглочен джунглями, и что случилось с колонией.

Только одно впечатление отложилось в памяти Мэри, и оно было тесно связано с ужасом и отчаянием.

Немногим ранее 1980 года — примерно в то время, когда из русской Сибири пришли сообщения о «летающих тарелках» — *титаны* обнаружили колонию «Новый Сион». Если вы вычтете один год Сатурна (двадцать пять земных лет) от теперешнего вторжения слизняков на Землю, то все сходится. Титаны, вполне возможно, и не искали людей на Венере. Более вероятно, что они вели разведку Венеры так же, как и, уже давно, Земли.

Мэри видела, как колония была захвачена, видела, как ее родителей превратили в оборотней, которые о ней больше уже не заботились. Очевидно, сама она не была оседлана слизняком, а может быть, и была, но потом паразит оставил ее, найдя в слабой маленькой девочке неподходящего раба. В любом случае (а для ее детской памяти это время казалось бесконечным) она держалась где-то неподалеку ото всех, никому ненужная, неухоженная, подбирающая объедки, как мышка.

Вероятно, слизняки искали венериан. Колонисты оказались для них лишь эпизодом.

Достоверно то, что Мэри видела своих родителей помещенными в резервуар в состоянии прерванной жизнедеятельности. Может быть, их собирались использовать в дальнейшем при вторжении на Землю? Возможно...

В свое время и сама она была помещена в такой же резервуар. Но где? Внутри корабля *титанов*? На их базе на Венере? Последнее, пожалуй, ближе к истине, потому что когда она проснулась, то все еще была на Венере.

Как только Мэри извлекли из резервуара, один из паразитов немедленно оседлал ее. Однако она пережила своего хозяина.

В этой истории есть много белых пятен. Например, почему слизняки умирали? Почему вторжение на Венеру провалилось? Здесь был ключ к тем вопросам, которые Старик и доктор Стилтон выуживали из памяти Мэри.

Я спросил:

— Это все?

Старик ответил:

— А тебе этого недостаточно?

— Вопросов больше, чем ответов,— пожаловался я.

— Гораздо больше. Но ты не эксперт по Венере и не психолог. Я поведал тебе то, что считал нужным, чтобы ты знал, почему мы работаем с Мэри, и не спрашивал ее об этом. Будь с ней хорошим, мальчик. Она вынесла больше, чем выпадает любому человеку в жизни.

Я проигнорировал его совет. Благодарю вас, я сам могу решить, как мне обращаться со своей женой, без вашей помощи.

— Чего я не понимал,— сказал я,— так это то, почему вы связали Мэри с первой «летающей тарелкой», которую мы ездили искать? А теперь вижу, что вы взяли ее на ту прогулку специально. Вы оказались правы — но все же, почему?

Старик взглянул на меня озадаченно.

— Сынок, у тебя когда-нибудь бывают предчувствия?

— Господи, ну конечно.

— А что такое «предчувствие»?

— А? Ну, это вера в то, что что-то произойдет так или не так, но без доказательств.

— Я бы назвал предчувствием результат подсознательного рассуждения на основе таких данных, о которых ты сам не знаешь, что обладаешь ими.

— Звучит как «черный кот в темной комнате в полночь». Но ведь у вас нет каких-либо данных. Не говорите мне, что ваше подсознание работает над данными, которые вы собираетесь получить на следующей неделе.

— Ах, да имел я данные!

— Что?!

— Какая последняя вещь случается с кандидатом, прежде чем его утверждают в качестве агента?

— Личное интервью с вами!

— Нет!

— О... психоанализ под гипнозом.— Я забыл про эти гипноанализы по той простой причине, что субъект никогда не помнит их содержания.— Вы имеете в виду, что получили эти данные от Мэри именно таким образом? Тогда это вовсе не предчувствие.

— Опять не то. Я имел очень мало этих данных — защита подсознания у Мэри очень сильная. И я со временем забыл то немногое, что узнал. Но я чувствовал, что именно Мэри годится в качестве агента для этой работы... Позже я просматривал снова ее гипноинтервью. Тогда я уже з н а л , что здесь заложено больше информации, чем вышло наружу. Мы пытались получить ее — и не смогли.

Я обдумал все это.

— Значит, вы намеренно подставляли ее под удары, чтобы получить информацию?

— Я должен был, к сожалению.

— О'кей, о'кей.— Я помолчал немного, потом спросил: — Послушайте, а что было на м о е й гипнозаписи?

— Вопрос не по существу!

— Почему же? Очень даже по существу!

— Я не мог бы сказать тебе этого, если бы и хотел. Я никогда не просматривал твоих психоанализов, сынок.

— Неужели?

— Я предоставил это моему заместителю. Он сказал, что там нет ничего, что мне нужно было бы знать. Поэтому я никогда и не смотрел их.

— Вот, значит, как? Ну, спасибо!

Он только хмыкнул. Папа и я всегда ухитряемся смутить друг друга.

XXIX

Слизняки на Венере от чего-то умерли. Вполне возможно, от какой-то болезни, которую они там подхватили. Это все, что мы могли предположить. По всей вероятности, у нас не будет больше возможности получить о них прямую информацию: пока мы со Стариком разговаривали, пришла депеша о том, что «тарелка», которую мы осматривали, уже уничтожена, чтобы не допустить ее повторного захвата слизняками. А Старик-то надеялся освободить людей из резервуаров на этом корабле, оживить их и расспросить.

Итак, этот шанс был упущен. Теперь то, что Старик и Стилтон выкопают из сознания Мэри, может быть единственным ответом. Если какая-то специфическая венерианская инфекция оказалась смертельной для слизняков, но не для людей — Мэри ведь выжила! — то нужно испытать все инфекции и найти нужную. Великолепно! Это все равно что изучить каждую песчинку на пляже. Список местных венерианских болезней, которые не смертельны для людей, а просто очень неприятны, невероятно длинен.

Проблема осложнялась тем, что живых культур этих венерианских болезней на Земле очень мало. Такое упущение можно было бы исправить, но на это потребовалось бы по меньшей мере столетие тщательных научных поисков и исследований на этой странной планете.

Между тем в воздухе уже повеяло холодом; кампания «Солнечный Загар» не могла длиться бесконечно.

Старик и Стилтон должны были вернуться туда, где, как они надеялись, был ответ,— в мозг Мэри. Мне это не нравилось, но я ничего не мог поделать. Мэри не подавала виду, что знает, ради чего ее подвергают гипнозу снова и снова. Она выглядела спокойной, но напряженной. У нее появились круги под глазами и другие признаки утомления. В конце концов я сказал Старику, что это нужно прекратить.

— Тебе хорошо известно, для чего это делается,— ответил он мягко.

— Ни черта мне не известно! Если вы до сих пор не получили то, что ищете, вы не получите это никогда!

— Но ты же знаешь, сколько требуется времени, чтобы исследовать всю человеческую память, даже если ограничиться каким-то одним периодом. Ровно столько же, сколько длится сам этот период. А то, в чем мы нуждаемся, может оказаться трудноуловимым. Да и есть ли оно там вообще?

— Вот именно, есть ли оно там вообще,— повторил я.— Послушайте, если у Мэри в результате всего этого будет выкидыш, я лично сверну вам шею.

— В случае нашего неуспеха с опытом,— заметил он вежливо,— моли бога, чтобы был выкидыш. Или ты хочешь, чтобы твои дети стали рабами *титанов*?

Я прикусил язык.

— Почему бы вам не послать меня в Россию?

— Ты нужен здесь.

— Кому?

— Мэри. Ты должен ее поддерживать морально. К тому же посылать тебя в Россию нет нужды.

— А в чем дело? Вам шлет оттуда донесения другой агент?

— Если бы ты побольше интересовался новостями, ты бы знал, в чем дело.

Ему пришлось снова просвещать меня. Каким-то чудом я умудрился пропустить сообщение об азиатской эпидемии чумы. Эта эпидемия «черной смерти» охватила целый континент. Мир не знал ничего подобного начиная с семнадцатого столетия.

Я не понимал, как это могло случиться. Русские — сумасшедшие, это само собой. Но их меры общественного здравоохранения великолепны. Для того, чтобы чума распространилась, страна вся должна быть буквально вшивой. Вши, блохи и крысы являются классическими переносчиками этой заразы. Но ведь русские бюрократы в свое время очистили от этой заразы даже Китай, где бубонная чума и тиф были скорее даже эндемическими, чем эпидемическими.

Теперь оба вида чумы распространялись на всю китайско-русско-сибирскую ось. Кстати, правительства там были свергнуты, и просьбы о помощи непрерывно шли в ООН. Так что же случилось?

Я снова подошел к Старику.

— Босс,— сказал я,— слизняки б ы л и в России.

— Да,— ответил он.

— Вы знаете это? В таком случае нам следует действовать быстрее, иначе вся долина Миссисипи окажется в том же положении, что и Азия. Достаточно одной маленькой крысы...

Титаны не заботились о гигиене людей. Я очень сомневался, принимал ли кто-нибудь ванну на всем пространстве от канадской границы до Нового Орлеана с тех пор, как слизняки отбросили маскарад. Вши... Блохи...

— Может быть, нам следует разбомбить их, если это лучшее, что мы можем предложить. Это более гигиеничный способ умереть.

— Да, это так.— Старик вздохнул.— Может быть, это наилучшее решение. Может быть, это единственное решение. Но ты знаешь,

что мы не сделаем этого. И не пойдем на это до тех пор, пока у нас есть тот шанс, который мы пытаемся использовать.

Я обдумал это обстоятельство. Мы были разными расами, живущими словно в разное время. В основе своей слизняки, должно быть, слишком глупы, чтобы держать рабов, вот почему, вероятно, они передвигались с планеты на планету: они отравляли все, к чему прикасались. Их носители очень скоро погибали, и *титаны* нуждались в новых.

Теория, только теория! Но одно не вызывало сомнений: пока мы ищем способ убить слизняков, Красная зона будет заражена чумой, и это будет скоро! Напрягая свое сознание, я решил, что должен кое-что сделать. Я обдумал это еще раньше; мне необходимо быть на тех заседаниях, где исследуется память Мэри. Если в ее скрытых воспоминаниях есть хоть что-то, что может помочь убить слизняков, то я, надеюсь, сумею разглядеть то, чего не видят другие. В любом случае я решил идти туда — независимо от того, понравится это Старику и Стилтону или нет. Мне надоело, что со мной обращались то как с супругом королевы, то как с нежеланным ребенком.

XXX

Мы с Мэри жили в номере, предназначенном для одного офицера. Было тесно, но нас это не заботило. На следующее утро я проснулся первым и проверил, как обычно, что слизняк не захватил ее. Она открыла глаза и сонно улыбнулась.

— Спи-спи,— сказал я.

— Я уже проснулась.

— Мэри, ты знаешь, какой инкубационный период у бубонной чумы?

Она ответила:

— Я должна это знать? У тебя один глаз темнее, чем другой!

Я встряхнул ее.

— Слушай, что говорят, женщина! Я был в лабораторной библиотеке прошлой ночью, делал кое-какие вычисления. По моим подсчетам, слизняки должны были напасть на Россию по крайней мере на три месяца раньше, чем они наводнили нас.

— Да, конечно.

— Ты знала об этом? Почему же ты не сказала?

— Меня никто не спрашивал.

— О, силы небесные! Вставай-ка: я голоден!

Перед тем как уйти, я сказал:

— Игра в угадывание в обычное время?

— Да.

— Мэри, ты никогда не говоришь о том, о чем они спрашивают тебя.

Она взглянула на меня удивленно.

— Но я сама никогда не знаю о чем.

— Так я и предполагал. Глубокий транс с приказом «забыть», да?

— Полагаю, что так.

— Гм... ну, придется сделать некоторые изменения. Сегодня я пойду вместе с тобой.

Все, что она сказала, было:

— Да, милый.

В урочный час они собрались в офисе доктора Стилтона — Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси, какой-то подполковник и множество лиц технического и обслуживающего персонала. В армии, как правило, требуется не менее восьми человек, чтобы помочь начальнику вытереть нос.

Брови Старика поднялись, когда он увидел меня, но он ничего не сказал. Сержант попытался преградить мне дорогу.

— Доброе утро, миссис Нивенс,— с поклоном обратился он к Мэри, а меня остановил.— Вас нет в моем списке!

— Я вношу себя в список сам,— объявил я и прошествовал мимо сержанта.

Полковник Гибси посмотрел на меня свирепо и повернулся к Старику.

— Это что такое?

Остальные глядели в мою сторону с каменными лицами — кроме одной девушки, сержанта женской вспомогательной службы. Она не удержалась и хихикнула.

Старик ответил Гибси:

— Минутку, полковник.— И захромал ко мне. Голосом, который мог слышать только я, он сказал: — Сынок, ты обещал мне...

— Я беру свое обещание назад. Вы не имеете права требовать от человека обещаний, когда дело касается его жены!

— Тебе тут нечего делать, сынок. Ты не разбираешься в этом. Уходи! Ради Мэри...

До этого момента мне не приходило в голову, а имеет ли право сам Старик быть тут. Сейчас я заявил решительно:

— Вы — единственный, кому здесь нечего делать. Вот вы и уходите.

Старик взглянул на Мэри. Ее лицо ничего не выражало. Он сказал медленно:

— Ты наелся сырого мяса, сынок?

Я ответил:

— Эксперименты проводятся над моей женой. Поэтому отныне правила диктую я!

Полковник Гибси вмешался:

— Молодой человек, вы в своем уме?

Я спросил его:

— Каков ваш статус? Судя по нарукавной повязке, военная разведка, не так ли? Или, может быть, у вас есть другая специальность? Вы служите в военно-санитарном отделе? Или вы психолог?

Он разъярился.

— Похоже, вы забыли, что здесь военная база!

— А вы забыли, что это моя жена и что я не военный. Пошли, Мэри. Мы уходим.

— Да, Сэм.

Я сказал Старику:

— Я сообщу в офис, куда присылать нашу почту.— И направился к двери, а Мэри последовала за мной.

Старик бросил мне вдогонку:

— Подожди минутку, если ты уважаешь меня! — Я остановился. Он подошел к Гибси.— Полковник, выйдемте. Я бы хотел поговорить с вами с глазу на глаз.

Полковник Гибси окинул меня взглядом прокурора военного трибунала, но все-таки вышел. Мы ждали. Младшие военнослужащие продолжали стоять с каменными лицами, подполковник выглядел взволнованным, а маленький сержант готова была разразиться смехом. Стилтон оставался, пожалуй, единственным, кто не проявлял к происходящему никакого интереса. Он взял бумаги из своей «входящей» папки и стал невозмутимо работать.

Через десять или пятнадцать минут вошел сержант.

— Мистер Стилтон, командир говорит, чтобы вы начинали.

— Очень хорошо, сержант,— ответил доктор и взглянул на меня.— Пойдемте в рабочую комнату.

Я сказал:

— Не так быстро! Кто эти остальные? Кто он? — Я указал на подполковника.

— А? Это доктор Хэйзилхерст — два года на Венере.

— О'кей, он остается.— Я поймал взгляд усмехающейся девушки-сержанта.— Ваша профессия, сестра?

— Моя? О, я вроде компаньонки.

— Я беру на себя обязанности компаньонки. Теперь, доктор, я думаю, вы отберете людей, в которых действительно нуждаетесь.

— Конечно, сэр.

Как потом выяснилось, ему никто и не был нужен, кроме подполковника. Мы вошли в рабочую комнату: Мэри, я и эти два специалиста.

В рабочей комнате была психиатрическая кушетка, окруженная стульями. Двойное рыло камеры трехмерного изображения торчало в изголовье. Мэри подошла к кушетке и легла на нее. Доктор Стилтон приготовил инъекцию.

— Мы вернемся к тому, на чем остановились, миссис Нивенс.

Я сказал:

— Минутку. У вас есть записи предыдущих сеансов?

— Конечно.

— Давайте просмотрим их сначала. Я хочу войти в курс дела.

Он поколебался, потом сказал:

— Если желаете. Миссис Нивенс, я думаю, вы подождете в моем офисе? Или мне прислать за вами позже?

Мое упрямство дало себя знать. Стычка со Стариком подняла мою цену в собственных глазах.

— Узнайте сначала, х о ч е т ли она уйти.

Стилтон взглянул на меня удивленно:

— Вы не знаете, на чем настаиваете. Эти записи могут вызвать эмоциональное расстройство у вашей жены. Они могут даже повредить ей.

Хэйзилхерст вставил:

— Очень сомнительная терапия, молодой человек.

Я сказал:

— Это не терапия, и вы знаете это! Если бы вашим предметом была терапия, вы бы использовали соответствующую технику вспоминания вместо наркотиков.

Стилтон встревожился:

— У нас нет времени! Мы вынуждены использовать грубый метод для получения быстрых результатов. Я не уверен, что я вправе показывать эти записи.

Хэйзилхерст вставил:

— Я согласен с вами, доктор.

Я взорвался.

— Черт возьми, никто и не спрашивает у вас разрешения смотреть эти записи, вы вообще не имеете никаких прав на них. Эти записи были украдены из головы моей жены, и они принадлежат е й. Меня тошнит от того, как ваши люди пытаются разыгрывать из себя господа бога. Мне не нравится это в слизняках и ничуть не больше нравится в людях. Она посмотрит свои собственные воспоминания. А теперь с п р о с и т е ее!

Стилтон сказал:

— Миссис Нивенс, вы желаете видеть эти записи?

Мэри ответила:

— Да, доктор, я бы очень хотела.

Он оторопел.

— Да, конечно. Вы желаете смотреть их одна?

— Мой муж и я будем смотреть их вместе. Вас и доктора Хэйзилхерста мы приглашаем остаться.

Что они и сделали. Перед нами появилась куча записей. На каждой катушке с лентой была наклеена этикетка, где стояла дата. Чтобы просмотреть все это, потребовалось бы много часов, и я отбросил те записи, которые относились к жизни Мэри после 1991 года. Вряд ли они могли затронуть проблему...

Мы начали с самых ранних лет ее жизни. Каждая запись открывалась изображением субъекта: Мэри — задыхающаяся, стонущая... Люди всегда сопротивляются таким образом, когда их насильно заставляют возвращаться в глубины памяти. Потом шло восстановление ее голоса и голосов других людей. Что удивило меня больше всего — это лицо Мэри. В резервуаре, я имею в виду. У нас был великолепный увеличитель, так что стереоизображение находилось практически перед самыми глазами. Мы могли улавливать любое изменение выражения ее лица.

Сначала ее лицо было как у маленькой девочки. О, ее черты были теми же самыми, как и у взрослой; но я знал, что вижу любимую такой, какой она была маленькой. Я надеюсь, что у нас с Мэри будет такая же девочка.

Потом выражение ее лица менялось в соответствии с тем, как другие участники событий появлялись в памяти. Это было похоже на выступление невероятно способного исполнителя монолога, играющего множество ролей.

Мэри воспринимала эти записи внешне спокойно, но ее рука прокралась в мою. Когда мы подошли к той ужасной части, в которой ее родители изменились, перестав быть ее родителями и сделавшись рабами слизняков, она сильно сжала мои пальцы. Однако сдержала себя.

Я перескочил через записи, где отмечен период ее «приостановленной жизнедеятельности», и занялся промежутком от ее воскрешения до спасения.

Одно не вызывало сомнений: она была захвачена слизняком сразу же, как только ее оживили. Слизняк не поддерживал маскарад. Бесплодность ее памяти за этот период подтверждает это.

И вдруг... слизняка на ней больше не оказалось, а сама она снова стала обыкновенной маленькой девочкой, только очень больной и очень напуганной. Ее воспоминания напоминали бред, но вот возник новый голос — громкий и чистый: «Ну, чтоб с меня кожу содрали! Гляди, Пит, это же маленькая девочка!» Второй голос спросил: «Живая?» — и первый ответил: «Не знаю».

Эта запись перенесла нас в Кайзервилль. Девочку приводили в себя. Возникло много новых голосов. Потом все кончилось.

— Я полагаю,— сказал доктор Стилтон, доставая ленту из аппарата,— что нам следует просмотреть и другие записи за этот же период. Они все между собой незначительно разнятся, но ведь этот период содержит в себе ключ к решению всей проблемы.

— Почему вы так считаете, доктор? — спросила Мэри.

— А? Конечно, вам не стоит их смотреть, если не хотите. Но это тот самый период, который мы исследуем. Мы должны выстроить картину того, что случилось с паразитами, почему они умерли. Узнав, что именно убило *титана*, который овладел вами перед тем, как вас нашли,— что убило его и оставило в живых вас,— мы бы узнали и средство против этих паразитов.

— А разве вы н е з н а е т е? — удивилась Мэри.

— А? Нет еще, но мы узнаем. Человеческая память — изумительно полная летопись событий.

— Но я думала, вы знаете! Это была «девятидневная лихорадка»!

— Ч т о?! — Хэйзилхерст так и подпрыгнул на стуле.

— Разве вы не могли определить это по моему лицу? По маске, я имею в виду. Она абсолютно характерна для этой болезни. Я уже болела ею однажды раньше, и у меня выработался к ней иммунитет.

Стилтон обратился к Хэйзилхерсту:

— Ваше мнение, доктор? Вы лично когда-нибудь наблюдали случай подобной лихорадки?

— Нет, не приходилось. Со времен Второй экспедиции у них уже была вакцина. Что касается клинических характеристик, то они мне, конечно, знакомы.

— Вы могли бы определить болезнь по этой записи?

— Ну...— осторожничал Хэйзилхерст,— то, что мы видели, не противоречит клиническим характеристикам данной болезни, но и не убеждает.

— Что вас не убеждает? — резко произнесла Мэри.— Я говорю вам: это была «девятидневная лихорадка»!

— Мы должны быть уверены,— сказал ей Стилтон извиняющимся голосом.

— Какая вам нужна еще уверенность? Вопроса тут быть не может. Врачи мне говорили, что я болела именно этим. И я болела именно в то время, когда Пит и Фриско нашли меня. Позже я ухаживала за другими больными, но сама уже больше никогда не заражалась. Я помню лица больных, готовых умереть,— они были точно такие же, как и мое на этой записи. Кто когда-либо видел такого больного, тот не ошибется на сей счет и впредь. Так что вам еще надо? Огненные письмена на небесах?

Я никогда не видел Мэри так близко к потере самообладания. Правда, однажды она сорвалась. «Будьте осторожны, джентльмены! — сказал я про себя.— Сейчас будет пощечина. Лучше пригнитесь».

Стилтон сказал:

— Я думаю, вы доказали свою точку зрения, милая леди. Но объясните мне вот какую вещь: до сегодняшнего дня вы утверждали, что не имеете сознательных воспоминаний за этот период, и я сам, работая с вами, убедился в этом. Сейчас же вы говорите так, будто они у вас есть.

Мэри выглядела озадаченной.

— Я вспомнила это сейчас — совершенно отчетливо. Я не думала об этом много лет.

— Мне кажется, я вас понимаю.— Стилтон повернулся к Хэйзилхерсту.— Ну что, доктор? Есть у нас культура этой болезни? Ваши мальчики когда-нибудь работали с ней?

Хэйзилхерст казался ошеломленным.

— С «девятидневной лихорадкой?» Конечно, нет! Нам и в голову не приходило. Мы могли бы с таким же успехом использовать полиомиелит или тиф. Ведь это все равно что оперировать заусеницу топором!

Я взял Мэри за руку.

— Пойдем, дорогая. Я думаю, мы сделали все, что могли.

Она дрожала, и глаза ее были полны слез. Я повел ее в кают-компанию, чтобы принять обычное лекарство — выпивку.

Позже я уложил Мэри в постель и сидел рядом с ней, пока она не заснула. Потом нашел своего отца в офисе, который ему предназначили.

— Привет,— сказал я.

Он взглянул на меня задумчиво.

— Ну, Элю, я слышал, ты сорвал банк.

— Предпочитаю, чтобы меня звали Сэм,— ответил я.

— Очень хорошо, Сэм. Успех извиняет тебя, тем не менее этот банк выглядит удручающе малым. «Девятидневная лихорадка» угробила на Венере не только слизняков, но и колонистов. Я не вижу, как мы могли бы ее использовать. Не у всех же такое упорство в борьбе за выживание, как у Мэри.

Я понимал его. Эта лихорадка уносит девяносто восемь процентов жизней. Нам же нужен был вирус, который сделает человека только больным, но убьет слизняка.

— Это ничего не значит,— сказал я.— Есть все шансы, что вы будете иметь тиф или бубонную чуму — или то и другое — по всей долине Миссисипи в последующие шесть недель.

— А если слизняки усвоят урок, полученный ими в Азии, и примут решительные санитарные меры? — спросил он. В это время у меня появилась идея, и я почти пропустил мимо ушей его слова.— Нет, Сэм, тебе придется изобрести лучший план.

— М н е ? Я всего лишь работаю у вас.

— Ты работал у меня когда-то, а теперь ты возьмешь ответственность за это дело на себя.

— То есть как? О чем вы толкуете, черт побери?! Я не отвечаю ни за что! Вы — босс!

Он помотал головой.

— Босс — это человек, который руководит. Титулы и знаки отличия приходят потом. Скажи мне, как ты считаешь, Олдфилд мог бы когда-нибудь занять мое место?

Я пожал плечами. Папин заместитель был человеком исполнительного типа, «делающим», но не «думающим».

— Я никогда не протежировал тебе,— продолжал он,— потому что я знал, что ты добьешься этого сам. И вот ты добился. Ты отверг мое мнение в важном деле, силой заставил меня принять твое собственное мнение — и в результате победил.

— О, пропадите вы пропадом! Я всего лишь форсировал получение результата. Вы имели у себя под рукой единственного стоящего эксперта по Венере, и в ваш большой ум не приходило с ним проконсультироваться. Я имею в виду Мэри. Но я не надеялся ни на что! Это просто была удача!

Он покрутил головой.

— Я не верю в удачу, Сэм! Удача — это ярлычок, который придумывает посредственность, чтобы объяснить достижения гениев.

Я положил руки на стол и оперся на них.

— О'кей, пусть я гений, но вы не станете задерживать мое увольнение. Мы с Мэри отправимся в горы и будем воспитывать котят и детей. Я не собираюсь быть боссом сумасбродных агентов.

Он мягко улыбнулся. Я продолжал:

— Я н е х о ч у вашей работы. Понимаете вы меня?

— Это то, что дьявол сказал богу после того, как тот изгнал его из рая... Ладно, Сэм, я пока сохраню свой пост. А тем временем, сэр, каковы ваши планы?

XXXI

Совещание на высоком уровне состоялось в полдень. Я был уведомлен, но не пошел. Однако младший офицер женской вспомогательной службы явилась за мной и сказала, что командир ждет и не буду ли я любезен тотчас прийти.

Короче, я пришел туда и старался оставаться в стороне от дискуссии. Но мой отец умеет руководить собранием, даже не находясь в президиуме. Он просто смотрит ожидающе на того, от кого хочет что-то услышать. Это тонкий прием, ибо собравшиеся никогда не догадываются, что ими управляют.

Но я это знал. Когда все глаза в зале смотрят на тебя, то легче выразить свое мнение, чем сохранить спокойствие. Именно так я обнаруживал, что у меня есть собственное мнение.

Там звучало много «ахов» и «охов» насчет абсолютной невозможности использования «девятидневной лихорадки». Допускали, что она будет убивать слизняков, но и людей тоже — почти каждого человека. Семь-десять дней после появления клинических признаков — и крышка!

— Мистер Нивенс? — Это обратился ко мне генерал — шеф лаборатории.

Я не собирался ничего говорить, но глаза отца выжидающе смотрели на меня.

— Я думаю, что на этом совещании мы слышали много мнений людей просто отчаявшихся,— сказал я,— и много мнений, основанных только на предположениях. Предположения могут быть неверными.

— Да?

У меня не было примера. Я немного растерялся, однако продолжил:

— Я слышу постоянное упоминание о «девятидневной лихорадке», как если бы часть этой формулировки «девять дней» была абсолютным фактом. Это не так!

Генерал раздраженно передернул плечами.

— Тут не о чем спорить — ведь это в среднем девять дней.

— Да, но откуда вы знаете, что это длится девять дней для слизняка?

По реакции зала я понял, что опять сорвал банк.

Меня попросили объяснить, почему я считаю, что лихорадка может продолжаться разное время для слизняков и для людей, и какое это имеет значение. Я повысил ставки.

— Во-первых,— сказал я,— в том единственном случае, когда нам наверняка известно, что слизняк умер, он умер раньше, чем прошло девять дней, значительно раньше. Те из вас, кто видел гипнозаписи моей жены,— а я уверен, что большинство из вас видели

их,— должны были обратить внимание на то, что паразит покинул ее,— очевидно, умерев и отвалившись,— намного раньше, чем наступил восьмидневный кризис. Если эксперименты подтвердят это, тогда проблема будет в другом. Допустим, человек, инфицированный этой лихорадкой, мог бы избавиться от своего паразита за — ну, скажем, за четыре дня. Это даст пять дней для того, чтобы вылечить этого человека.

Генерал присвистнул.

— Это вполне героическое решение, мистер Нивенс. Как вы предлагаете лечить его? Его же сначала надо хотя бы поймать. Я хочу сказать: предположим, мы насаждаем эту эпидемию в Красной зоне, но ведь потребуется невероятно быстрая работа ног — перед лицом упорного сопротивления, не забывайте. Придется бегать за каждым, чтобы собрать и лечить более пятидесяти миллионов человек!

Я удивляюсь, как много «экспертов» любят сваливать свою ответственность на других.

— Второй вопрос,— сказал я генералу,— является логической и тактической проблемой. Это в а ш а проблема. Что касается вопроса первого, то здесь присутствует ваш эксперт.— И я указал на доктора Хэйзилхерста.

Тот встал и начал что-то мямлить... Недостаточность прежнего опыта... нуждается в значительных исследованиях... потребуются эксперименты... Хэйзилхерст напомнил, что велась плодотворная работа по получению антитоксина, но он не знает, была ли она завершена, так как вакцина оказалась очень успешной... Закончил он свою речь неубедительным заявлением о том, что изучение экзотических болезней Венеры находится еще в зачаточном состоянии...

Генерал спросил его:

— Производство антитоксина — как скоро вы можете узнать о нем?

Хэйзилхерст сказал, что в Сорбонне есть человек, которому он хотел бы позвонить.

— Сделайте это немедленно,— приказал генерал.— Все свободны.

Хэйзилхерст позвонил в нашу дверь на следующее утро, перед завтраком.

— Простите, что разбудил вас,— сказал он.— Вы были правы насчет значения антитоксина.

— Да?

— Мне сообщили из Парижа: его доставят с минуты на минуту. Я надеюсь, что он достаточно эффективен.

— А если нет?

— Ну, у нас есть возможность повысить его эффективность. В случае необходимости мы можем иметь миллионы единиц этого антитоксина.

— Спасибо, что рассказали мне.— Я начал было поворачиваться, чтобы уйти.

Он остановил меня.

— Мистер Нивенс... По поводу векторов...

— Каких еще векторов?

— Ну, векторы — это переносчики болезней... Мы не сумеем использовать крыс, мышей или что-нибудь в этом роде. Вы знаете, как эта лихорадка распространяется на Венере? Маленьким летающим жучком, венерианским эквивалентом наших насекомых. Но у нас нет ничего подобного, а это — е д и н с т в е н н ы й способ переноса данной болезни.

— То есть вы хотите сказать, что вы не сможете заразить меня этой болезнью?

— О нет, я смогу сделать вам инъекцию. Но я не представляю себе, как можно сбросить миллион парашютистов в Красную зону и попросить оседланное паразитами население вести себя спокойно, пока им делают уколы.— Он безнадежно развел руками.

Что-то медленно начало поворачиваться у меня в мозгу. Миллион человек, одним забросом...

— Почему вы спрашиваете меня насчет векторов? — сказал я.— Это медицинская проблема.

— О да, конечно! Я просто подумал... Ну, вы производите такое впечатление, что все схватываете на лету...— Он запнулся.

— Спасибо...— Мое сознание боролось с двумя проблемами одновременно. Сколько же людей в Красной зоне? — Я сказал: — Объясните мне вот что. Допустим, вы больны лихорадкой. Я могу подхватить ее от вас? — В этот момент я подумал: медиков забрасывать невозможно — их не так много...

Хэйзилхерст ответил:

— Это не так просто. Если я возьму мазок и помещу его в ваше горло, вы можете заразиться. Если я сделаю небольшое переливание крови из моих вен в ваши, вы можете быть абсолютно уверены, что будете инфицированы.

— Прямой контакт, да? — спросил я, а сам подумал: как много людей мог обслужить один парашютист? Двадцать? Тридцать? Или больше? — Если дело только в этом, доктор, то у вас нет никаких проблем.

— То есть?

— Что слизняк делает первым делом, когда встречает другого слизняка, которого он раньше не видел?

— С о в о к у п л е н и е!

— «Прямое совещание» — я всегда называю это так. Правда, я тут использую небрежный язык слизняков. Так вы думаете, это будет передавать болезнь?

— Думаю ли я?! Да я уверен в этом! Мы установили в лаборатории опытным путем, что во время совокупления происходит обмен живыми протеинами. Стало быть, им не избежать трансмиссии. Мы можем инфицировать целую колонию, как если бы это был единый организм. Почему мне раньше не пришла в голову такая мысль?!

— Надеюсь, это сработает,— сказал я.

— Сработает, сработает! — Уже на пороге он вдруг остановился.— О, мистер Нивенс, можно обратиться к вам с просьбой? Я и так вас очень беспокою...

— Да-да, говорите.— В этот момент я был озабочен решением другой проблемы.

— Разрешите мне сообщить об этом методе инфицирования. Генерал ожидает от меня так много, а это именно то, что мне нужно, чтобы сделать свой доклад полностью завершенным. Я дам вашему методу наилучшую аттестацию.

Он смотрел на меня так умоляюще, что я чуть не рассмеялся.

— Разумеется,— сказал я.— Это ваша епархия.

— Это очень благородно с вашей стороны.

Он ушел счастливый, и я тоже был счастлив; я уже начал привыкать к тому, что я — гений.

Я стоял, обдумывая детали своей идеи большого заброса. Потом вошел в комнату. Мэри открыла глаза и одарила меня небесной улыбкой. Я наклонился к ней и погладил по волосам.

— Привет, рыжий волчонок. Ты знаешь, что твой муж гений?

— Да.

— Знаешь? Ты никогда не говорила мне об этом!

— А ты никогда меня об этом не спрашивал!

Хэйзилхерст представил мой метод как «вектор Нивенса». Затем меня попросили прокомментировать этот метод.

— Я согласен с доктором Хэйзилхерстом,— начал я.— Предмет обсуждения экспериментально подтвержден. Тем не менее он оставляет для дискуссии некоторые аспекты, которые носят скорее тактический, нежели медицинский характер. Важно принять во внимание согласованность действий. Это имеет, на мой взгляд, решающее значение...— Свою речь я прорабатывал за завтраком. Мэри — слава богу! — не ворковала этим утром, чтобы не мешать мне подготовиться.— Осуществляться векторизация должна одновременно из множества точек сосредоточения. Спасательные отряды могут вступить в действие только п о с л е того, как слизняки больше не будут опасны, и п е р е д тем, как носитель минует рубеж, когда антитоксин уже не сможет спасти его. Проблема подлежит математическому анализу...— «Сэм, мальчик,— сказал я себе, ты старый жулик, ты бы не решил этой проблемы ни с каким электронным интегратором и за двадцать лет...»— Она должна быть отправлена в ваш аналитический отдел. Тем не менее можно уже сейчас указать на основные факторы. Назовем количество векторов-источников X, назовем количество спасательных рабочих Y. Здесь будет неопределенно большое число одновременных решений с оптимальным вариантом, зависящим от логических факторов. Предваряя заранее точные математические разработки...— я вычислил эту чертовщину с помощью карандаша, но не сказал им об этом,— ... и основывая мои заключения на собственном слишком близком знании повадок паразитов, я бы оценил...

Вы могли бы услышать падение булавки в этом зале, если бы у кого-нибудь из этой раздетой догола компании была булавка. Генерал прервал меня лишь однажды, когда я занизил цифровое значение X.

— Мистер Нивенс,— сказал он,— я думаю, мы можем обеспечить вас достаточным числом добровольцев для векторизации.

Я помотал головой:

— Вы н е д о л ж н ы использовать людей-добровольцев, сэр. Слизняк будет знать все, что знает его носитель, и он просто не пойдет на «прямое совещание». Он предупредит остальных слизняков устами вашего добровольца. Нет, сэр, мы будем использовать животных — обезьян, собак... Нам подойдут все, кто сможет нести на себе слизняка, но кто не станет произносить речей и кого мы сможем иметь в количествах, достаточных, чтобы заразить целые группы до того, как какой-либо слизняк узнает, что он болен.

Свой беглый очерк я закончил словами:

— Я бы назвал эту операцию «Милосердие». Первый заброс — назовем эту часть программы «Лихорадка» — может быть начат сразу, как только у нас будет достаточно антитоксина для второго заброса. Меньше чем за неделю после этого на всем континенте не должно остаться в живых ни одного слизняка.

Мне не аплодировали, но я почувствовал, что все готовы были это сделать. Генерал быстро вышел, чтобы связаться с маршалом авиации Рекстоном. Потом он прислал своего адъютанта пригласить меня на ленч. В ответном слове я сказал, что охотно принимаю приглашение и буду вместе со своей женой.

Старик ждал меня в фойе возле конференц-зала.

— Ну и как? — спросил я его более взволнованно, чем хотел бы.

Он только развел руками.

— Сэм, ты ошеломил их.

Я старался не подавать виду, как приятно мне это было. Я сыграл целое представление без единой запинки. Я чувствовал себя совсем другим человеком.

XXXII

Отец вызвался добровольцем, чтобы проверить «теорию Нивенса — Хэйзилхерста» на практике, но я топнул ногой и для эксперимента выбрал Сатану, обезьяну, которая терзала мое сердце в Национальном зоопарке. Я бы не сказал, что родственные чувства или их неофрейдистская антитеза заставили меня воспрепятствовать ему. Да, я боялся комбинации «папа плюс слизняк». Но я не хотел видеть Старика на их стороне даже в лабораторных условиях. Тем более — с его пронзительным, изворотливым умом! Люди, которые никогда не были захвачены слизняками, не отдают себе отчета в том, что носитель становится абсолютно п р о т и в нас — со всеми его способностями.

Поэтому мы использовали для экспериментов обезьян.

Сатане сделали инъекцию «девятидневной лихорадки» в среду, двенадцатого числа. В пятницу лихорадка привилась. Другую обезьяну, тоже со слизняком на спине, посадили в клетку к Сатане. Слизняки немедленно вступили в «прямое совещание», после чего вторую обезьяну убрали.

В воскресенье, шестнадцатого, «хозяин» Сатаны съежился и отвалился. Сатане тут же сделали инъекцию антитоксина. Позже, в понедельник, сдох и второй слизняк, а его носитель также получил дозу лекарства.

К среде, девятнадцатого, Сатана уже выздоровел, хотя и похудел; шло выздоровление и второй обезьяны. Чтобы отпраздновать это, я дал Сатане банан, и он куснул его вместе с моим левым пальцем. Это не было случайностью: просто у Сатаны был скверный характер.

Незначительная травма не могла испортить мне настроения. Перебинтовав палец, я пошел искать Мэри, но не нашел ее и отправился в кают-компанию, чтобы с кем-нибудь выпить на радостях.

Там оказалось безлюдно: все были заняты разработкой операций «Милосердие» и «Лихорадка». Лаборатория готовила культуру вируса и антитоксин. По приказу Президента сюда, в горы, было доставлено все необходимое, и среди прочего лошади для получения сыворотки, коих разместили в помещении подземной гандбольной площадки, а также две сотни подопытных обезьян-«векторов».

Ни один из миллиона человек, которых предполагалось привлечь к участию в операции «Милосердие», не имел права здесь находиться. Этим людям не следовало ничего знать вплоть до самого заброса их в Красную зону. Каждому перед стартом дадут пистолет и патронташ индивидуальных инъекций. Тех, кто никогда не прыгал с парашютом, будут при необходимости выталкивать сержанты с крепкими ногами. То есть все было построено так, чтобы держать дело в глубокой тайне. Лишь в одном случае мы могли проиграть — если *титаны* вдруг узнают про наши планы через ренегата или каким-то другим путем. Слишком много планов провалилось только потому, что какой-то дурак рассказал о них своей жене.

Если же сохранить секрет не удастся, то все наши обезьяны-«векторы» будут застрелены.

Так или иначе, после выпивки я расслабился, счастливый и уверенный в том, что утечки информации не будет. Движение транспорта до тех пор, пока минует День Заброса, было только «входящим», а полковник Келли, неусыпный цензор, вел перехват всех внешних связей.

Поэтому шансы на утечку информации практически равнялись нулю. Генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме неделю назад. Там отец продемонстрировал свою воинственность и раздражительность, и это дало нам то, чего мы хотели; под конец помалкивал даже Мартинес. Ну, а если Президент и Мартинес сумеют воздержаться от болтовни в своих спальнях до следующей недели, то я не видел, каким образом мы смогли бы потерпеть поражение.

Существовал, правда, риск, что неделя окажется слишком длинным сроком: Красная зона разрасталась. После сражения в Пас-Кристиан слизняки продвинулись вперед и сейчас удерживали берег залива за Пенсаколой. Была вероятность того, что слизнякам надоест наше сопротивление и они просто решат уничтожить необработанный человеческий материал путем атомной бомбардировки городов, которые мы еще удерживали. Что ж, это нас не пугает: наши радары находятся

в состоянии полной готовности. Это не остановит нашу решающую атаку.

Я перестал тревожиться. Еще одна неделя...

Вошел полковник Келли и сел рядом со мной.

— Как насчет того, чтобы выпить? — спросил я.

Он посмотрел на свое выпяченное брюхо и сказал:

— Ну, я думаю, кружка пива мне не повредит.

— Выпейте две кружки пива. Выпейте дюжину! — Я поведал ему об успехе экспериментов с обезьянами.

Он кивнул.

— Да, я слышал. Звучит хорошо.

— «Хорошо», вы говорите? Полковник, да мы уже на передовой линии и нацелены идти на врага. Через неделю мы победим!

— Неужели?

— Послушайте,— ответил я раздраженно,— через неделю вы будете иметь возможность снова надеть одежду и вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, что наш план не сработает?

— Нет, я думаю, он сработает.

— Тогда почему вы вывешиваете белые флаги?

Он сказал:

— Мистер Нивенс, не думаете ли вы, что человек с таким пузом, как у меня, получает удовольствие, бегая нагишом?

— Нет, не думаю. Но лично мне приятнее ходить голым, тем более что это удобно и экономит время.

— Я рад, что хоть кому-то это по душе. Вам придется ходить голым еще очень долго.

— То есть как? Я не понимаю вас. Вы говорите, что наш план сработает, и в то же время предрекаете, что кампания «Солнечный Загар» будет продолжаться чуть ли не вечно...

— В видоизмененном виде она будет продолжаться.

Я сказал:

— Простите... Я что-то глуп сегодня...

Он потянулся ко второй кружке пива.

— Дорогой мистер Нивенс, я никогда не ожидал увидеть военную базу в виде чертова нудистского лагеря. Но я увидел ее таковой, а теперь не надеюсь, что когда-нибудь мы вернем ее в прежнее состояние. Мы н е с у м е е м этого сделать. Ящик Пандоры можно только открыть! «Вся королевская конница и вся королевская рать...»

— Допустим,— ответил я.— Ничто не возвращается назад точно таким же, как было раньше. Но вы преувеличиваете. День, когда Президент заменит кампанию «Солнечный Загар» на пуританские законы, рано или поздно наступит, и человек без штанов будет подлежать аресту.

— Я на это не надеюсь.

— Почему? Поясните вашу мысль.

— До тех пор, пока существует вероятность, что хоть один слизняк жив, человек должен быть готов оголить свое тело по первому требова-

нию. Если он этого не выполнит, его могут застрелить. И так будет продолжаться не только эту неделю и следующую, но и двадцать лет спустя, а может быть, и сто. Нет-нет! Я не склонен недооценивать ваш план. Но вы были слишком заняты, чтобы обратить внимание на то, что этот план — локальный и временный. Например, есть ли у вас какие-нибудь планы, как прочесать амазонские джунгли, дерево за деревом?.. Конечно, вопрос, который я вам задал,— риторический. Наш земной шар имеет площадь около шестидесяти миллионов квадратных миль. Мы не можем обыскать его весь в поисках слизняков. Черт возьми, парень, мы не смогли уничтожить даже крыс, а уж этим-то занимаемся давно.

— Вы хотите сказать, что положение безнадежно? — спросил я.

— Безнадежно? Вовсе нет. Выпейте еще. Я просто пытаюсь вам показать, что мы должны быть готовыми учиться ж и т ь с этим ужасом точно так же, как мы научились жить с атомной бомбой.

XXXIII

Мы собрались в той самой комнате в Белом доме, что и в первый раз. Тогда, много недель назад, мы провели здесь ночь после выступления Президента по стереовидению. Теперь тут находились отец, Мэри, Рекстон, Мартинес, а также наш лабораторный генерал, доктор Хэйзилхерст, полковник Гибси и я. Наши глаза были прикованы к большой карте, по-прежнему громоздившейся на стене. Прошло четыре с половиной дня со времени первого заброса, означавшего начало операции «Лихорадка», но долина Миссисипи все еще пылала рубиновыми огнями.

Я нервничал, хотя заброс был явно успешным. Мы потеряли только три самолета. По расчетам, около восьмидесяти процентов слизняков должны будут контактировать между собой в первые двенадцать часов, главным образом в городах. Таким образом, компьютер с учетом поправок подсчитал, что каждый слизняк должен был быть инфицирован три дня назад.

Е с л и это соответствовало действительности, то слизняки должны уже начать умирать.

Я пытался сидеть спокойно и думал: что означают эти рубиновые огни — несколько миллионов очень больных слизняков или, по крайней мере, две сотни мертвых обезьян? Не мог ли кто-нибудь ошибиться на одну запятую в десятичной дроби при вычислениях? Или проболтаться? Или в наших доводах имелись колоссальные ошибки?

Вдруг среди красных огней мигнул зеленый. Все встали. Из стереоаппарата начал доноситься голос, хотя изображения не было. «Это станция Дикси, Литл-Рок,— сказал очень усталый голос южанина.— Мы очень нуждаемся в помощи. Если кто-нибудь нас слушает, пожалуйста, передайте это сообщение: Литл-Рок, Арканзас, в тисках страшной эпидемии. Известите Красный Крест. Мы были в руках...» Голос пропал — от слабости или от неполадок в трансляции.

Я затаил дыхание. Мэри похлопала меня по руке, и я сел на свое место, стараясь расслабиться. Радость была слишком большой. Те-

перь я различил, что зеленый огонек указывал не на Литл-Рок, а был значительно западнее, в Оклахоме. Вскоре мигнули еще два зеленых огня — один в Небраске и один севернее канадской границы. Другие голоса стали приходить извне; среди них был гнусавый голос уроженца Новой Англии. Я удивился, как он попал в Красную зону.

— Немного похоже на предвыборную ночь, а, шеф?— задушевно сказал Мартинес.

— Да,— согласился Президент.— Но обычно у нас не бывает избирателей из Старого Мехико.— Он указал на карту: зеленые огни виднелись в Чихуахуа.

Чуть помолчав, Президент заговорил снова. Казалось, он разговаривал сам с собой. Потом заметил меня, улыбнулся и громко продекламировал:

Блоха сидела на стене.
Блоху держала на спине.
Вторая на своем боку
Имела меньшую блоху...

Я улыбнулся из вежливости, хотя подумал, что это обращение ко мне при данных обстоятельствах по крайней мере бестактно.

Президент спросил:

— Кто-нибудь будет ужинать? Я почувствовал, что голоден, впервые за эти дни.

На следующий день на карте было больше зеленого, чем красного. Рекстон приказал установить два компьютера, связанных с командным центром в Новом Пентагоне. Один из компьютеров показывал процентное соотношение полученных на текущий момент результатов с предполагаемыми расчетами. Другой показывал проектируемое время второго — большого — заброса. Цифры на нем менялись время от времени. Однако последние два часа они держались устойчиво около 17.43 по времени восточного побережья.

Рекстон встал.

— Мы заморозим это на 17.45,— объявил он.— Господин Президент, мне можно идти?

— Конечно, сэр.

Рекстон повернулся к отцу и ко мне.

— Если вы решили быть донкихотами и намерены отправляться, то сейчас самое время.

Я сказал:

— Мэри, ты подождешь меня.

Она спросила:

— Где?

Уже было решено — и не мирным путем! — что она не пойдет с нами.

В наш разговор вмешался Президент:

— Я уверен, миссис Нивенс останется здесь. После всего, что произошло, она член моей семьи.

Я сказал:

— Спасибо, сэр.

Полковник Гибси взглянул на нас очень удивленно.

Спустя два часа мы уже двигались к цели, и дверь для прыжка была открыта. Папа и я прыгали последними. Руки у меня вспотели, я был перепуган до чертиков — я страшно не любил прыгать с парашютом.

XXXIV

Пистолет — в левой руке, подготовленная инъекция антитоксина — в правой. Я иду от двери к двери, прочесывая заданный мне район. Это старая часть Джефферсон-Сити, почти трущобы, состоящие из домов, построенных пятьдесят лет назад. Я сделал уже две дюжины инъекций, и мне осталось сделать еще три дюжины, прежде чем наступит время для рандеву в Белом доме.

Я знал, почему я пошел — не из-за любопытства. Я хотел видеть слизняков м е р т в ы м и, хотел видеть их смерть. Но сейчас я уже видел их мертвыми, и этого мне было достаточно. Я хотел вернуться домой, принять ванну и забыть все это.

Работа моя в данные минуты была не столько тяжелой, сколько однообразной и тошнотворной. За все время я не встретил ни одного живого слизняка, хотя мертвых мне попадалось множество. Я пристрелил собаку с горбом на спине, которая пряталась за углом. Впрочем, я не был до конца уверен, что выстрел достиг цели. Мы отправились на задание незадолго до заката, и теперь стало почти темно.

Я закончил проверку жилого дома, убедился в том, что все осмотрел в нем тщательно, и вышел на улицу. Она была почти пустынной. Население болело лихорадкой, и прохожие встречались чрезвычайно редко. Таким исключением оказался человек, который медленно плелся по направлению ко мне, глядя перед собой пустыми глазами.

Я крикнул:

— Эй!

Он остановился, и я сказал:

— У меня есть то, в чем вы нуждаетесь, чтобы поправиться. Дайте мне вашу руку.

Он слабо ударил меня. Я осторожно толкнул его, и прохожий упал лицом вниз. Через всю спину шла красная сыпь от слизняка. Я выбрал относительно чистое и здоровое место у него на спине и сделал укол. Ничего больше и не требовалось.

На первом этаже следующего дома обитало семь человек. У большинства из них болезнь зашла так далеко, что я не разговаривал с ними, а просто делал уколы и быстро уходил. Никаких особых проблем пока не возникало. Второй этаж оказался примерно таким же, как и первый.

На верхнем этаже я нашел три пустых комнаты. Чтобы войти в одну из них, мне пришлось выжечь замок. В кухне на полу четвертой квартиры лежала мертвая женщина; ее убили выстрелом в голову. Слиз-

няк все еще находился у нее на плечах, но тоже был мертв. Я ушел из кухни и стал осматривать квартиру.

В ванной комнате в ванне очень старого образца сидел мужчина средних лет. Его голова упала на грудь, вены на запястьях были вскрыты. Я подумал, что он мертв, но он взглянул на меня, когда я склонился над ним.

— Вы пришли слишком поздно,— проговорил он тупо.— Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Я смотрел на него и мучительно решал: должен я или нет вводить ему инъекцию.

Он заговорил снова:

— Моя маленькая девочка...

— У вас есть дочь? — спросил я громко.— Где она?

Его глаза вспыхнули на мгновение, но он не ответил. Голова снова упала на грудь. Я кричал ему, но безуспешно; затем ощупал сжатые челюсти, надавил ему на шею большим пальцем, но не смог найти пульс.

Ребенок в постели в одной из комнат. Это была девочка лет восьми или около того. Она очнулась и плакала, называя меня папочкой.

— Да-да,— сказал я, успокаивая ее.— Папа будет ухаживать за тобой.

Я сделал ей укол в ногу. Думаю, она даже не заметила этого.

Я собрался уходить, но она снова позвала меня.

— Я хочу пить. Я хочу воды.

Мне пришлось вернуться в ванную.

Когда я давал ей пить, мой телефон резко зазвенел, и я пролил немного воды.

— Сынок! Ты слышишь меня?

Я дотянулся до пояса и включил разговорное устройство.

— Да. Что случилось?

— Я нахожусь в этом маленьком парке, на север от тебя. Со мной беда!

— Иду! — Я поставил стакан и пошел к выходу. Затем, подумав, вернулся назад. Я не мог оставить моего маленького друга проснувшимся в квартире с мертвыми родителями. Я поднял девочку и, спотыкаясь, перенес ее на второй этаж. Войдя в первую попавшуюся дверь, я положил ребенка на диван. Люди, жившие в этой квартире, были сами слишком больны, чтобы ухаживать за ней, но это было все, что я смог сделать.

— Скорей, сынок!

— Уже в пути!

Я бросился наружу, задыхаясь от бега. Район, который обрабатывал отец, находился прямо к северу от моего района и начинался одним из крохотных парков, какие обычно бывают в деловой части города. Вбегая в парк, я сначала не увидел отца и проскочил мимо него.

— Сюда, сынок, сюда — в машину!

На этот раз я мог слышать его одновременно по телефону и просто на слух. Я огляделся кругом и увидел машину — большой «кадиллак»,

точно такой же, какой часто используется в нашем Отделе. Кто-то находился внутри машины, но было слишком темно, чтобы можно было разглядеть. Я приближался очень осторожно, пока не услышал:

— Ну, слава богу! Я думал, ты никогда не придешь.— Это был голос отца.

Я пригнулся, чтобы забраться в машину. В этот самый момент он ударил меня.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что руки мои связаны, ноги тоже. Я находился в машине на втором водительском сиденье. Рядом за пультом управления сидел Старик. Руль с моей стороны был убран, и я понял, что мы летим. Сознание этого полностью вернуло меня к действительности.

Старик обернулся ко мне и сказал весело:

— Чувствуешь себя лучше?

Я мог видеть слизняка, сидевшего у него на плечах.

— Немного лучше,— признался я.

— Прости, что я ударил тебя,— продолжал он,— но у меня не было другого выхода.

— Полагаю, что нет.

— Я оставлю тебя связанным пока. Потом мы сделаем устройство поудобнее.— Он ухмыльнулся своей злой старческой усмешкой. Самым поразительным было то, что его собственная личность проступала сквозь каждое слово, сказанное слизняком.

Я не стал выяснять, что это за устройство. Я не хотел этого знать. В данный мемент я сконцентрировался на проверке своих оков, и, оказалось, что Старик уделил им особое внимание. Они были безупречными.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

— На юг.— Он начал что-то переключать на панели управления,— Наш путь лежит на юг. Дай мне положить эту громадину на прямой курс, и я расскажу тебе, какие у нас виды на будущее.— Несколько секунд он был занят, потом сказал: — Вот так. Теперь она будет подниматься, пока не достигнем тридцати тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня снова взглянуть на панель управления. Машина не просто была похожа на «кадиллак» из нашего Отдела; она действительно б ы л а одной из наших машин с увеличенной мощностью двигателя.

— Где вы взяли этот «кадиллак»? — спросил я.

— Отдел держит его в секретном гараже в Джефферсон-Сити. Я нашел его, и могу поклясться, никто не заметил, как я его взял. Удачно, не правда ли?

Здесь может быть другое мнение, подумал я, но не стал возражать. Я все еще изучал свои возможности — нечто среднее между слабыми и нулевыми.

Старик держался от меня в стороне. Но даже если бы я смог сделать какое-либо движение, он все равно оказался бы вне пределов досягаемости.

— Но это не самое лучшее из того, что случилось,— продолжал он.— Мне просто повезло, что я был захвачен единственным здоровым «хозяином» во всем Джефферсон-Сити. Теперь мы победим! — Он захихикал.— Это все равно что играть за двоих в очень трудной шахматной игре.

— Вы мне так и не сказали, куда мы направляемся,— настаивал я.

— Прочь из Соединенных Штатов, конечно. Мой «хозяин» может оказаться и на целом континенте единственным здоровым, свободным от «девятидневной лихорадки»; поэтому я не имею права рисковать его жизнью. Я думаю, что полуостров Юкатан нам подойдет. Там мы сделаем посадку, отсидимся, увеличим свое число и поработаем на юге. Когда мы вернемся назад — а мы обязательно вернемся! — мы постараемся не делать прежних ошибок.

Я сказал:

— Папа, ты бы мог снять эти веревки с меня? Нарушается кровообращение. Ты знаешь, что мне можно верить.

— Сейчас-сейчас — потерпи немного. Всему свое время. Подожди, пока мы не перейдем на автоматику.

Машина все еще поднималась вверх.

Я сказал:

— Похоже, ты забыл, что я долгое время был связан с «хозяевами». Мне известен счет в этой игре, даю тебе честное слово.

Он ухмыльнулся.

— Не учи, яйцо, курицу. Если я освобожу тебя сейчас, ты убьешь меня или я убью тебя. А ты мне нужен живым. Мы займем в этой жизни свои места, сынок,— ты и я.

Я не ответил. Он продолжал:

— Теперь насчет твоего знания счета в игре. Почему ты не рассказал мне, сынок, всей правды? Почему скрыл от меня?

— Что?

— Ты не рассказал мне, *что* ты при этом чувствовал. Я и не предполагал, что человек может испытывать чувство такого удовлетворения, благополучия и душевного покоя. Я не чувствовал себя таким счастливым ни разу за эти годы, с тех пор...— Он взглянул на меня озадаченно, словно удивляясь своей мысли, затем продолжил: — ...с тех пор, как умерла твоя мать. Но это не имеет значения. Сейчас мне даже лучше, чем тогда. Ты должен был мне рассказать про это...

Чувство глубочайшего отвращения вдруг охватило меня. Я забыл про осторожность в той игре, которую я затеял.

— Может быть, я не ощущал этого. И вряд ли ощутил бы, старый дурак, если бы не имел на себе слизняка, говорящего твоим ртом, думающего твоим мозгом!

— Не бери в голову, сынок,— сказал он ласково, как бы утешая, и его голос *действительно* утешал меня.— Вскоре ты поймешь это лучше. Поверь мне, это — именно то, к чему мы стремились всегда. Это наше предназначение. Человечество всегда было разъединенным, воюющим само с собой. «Хозяева» сделают его единым.

Я думал о том, что были, вероятно, такие набитые соломой головы, чокнутые настолько, чтобы опуститься до такой степени — согласиться на капитуляцию своей души в обмен на обещания безопасности и мира. Но я не сказал этого.

Старик включил автоматическое управление.

— Следующая остановка — Юкатан. Теперь за работу.— Он поднялся со своего сиденья и встал на колени впереди меня, едва умещаясь в тесном пространстве.— Позаботимся о своей безопасности, сынок,— сказал он, туго стягивая ремень безопасности у меня на животе.

Я ударил коленями ему в лицо.

Он встал и взглянул на меня без гнева.

— Ах, какой непослушный! Я мог бы обидеться на это, но «хозяева» не обижаются. Сейчас будешь паинькой.— Он проверил крепления на моих руках и ногах. Из носа у него текла кровь, но он и не собирался ее вытирать.— Не волнуйся,— сказал он,— это недолго.

Старик вернулся назад, к своему водительскому сиденью и сел, низко наклонившись вперед и оперевшись руками на колени. Слизняк оказался прямо у меня перед глазами.

Несколько минут ничего не происходило. Я отчаянно пытался растянуть на себе путы, не думая больше ни о чем. По внешнему виду Старика можно было подумать, что он спит, но я не верил этому.

Вдруг на теле слизняка посредине рогового коричневого покрытия появилась линия.

Я следил за ней; она превратилась в трещину, которая расширялась и углублялась. Высасывая жизнь и разум из моего отца, тварь делилась, чтобы сделать из себя двоих.

Меня охватил дикий ужас. Мне оставалось не более пяти минут индивидуальной жизни. Мой «хозяин» рождался... уже родился... и скоро он овладеет мною...

Если бы существовала хоть какая-то возможность разорвать путы, я бы разорвал их. Но все мои усилия по-прежнему оставались тщетными. Старик, казалось, не обращал на меня никакого внимания. Я сомневался, в сознании ли он. Вероятно, слизняки отказываются от некоторых мер контроля, когда занимаются делением. А может быть, они просто делают своих рабов неподвижными. Это походило на правду — Старик не двигался.

К тому времени, когда я перестал бороться, истощив свои силы и убедившись, что не смогу освободиться, я уже не мог видеть серебристую линию через центр слизняка, которая означала, что деление почти завершилось. Это в корне изменило ход моих рассуждений, если у меня еще оставались хоть какие-то рассуждения в воспаленной от ужаса голове.

Руки у меня были связаны впереди, были связаны также лодыжки, а сам я был намертво пришпилен к сиденью ремнем безопасности. Но ноги, несмотря на то, что были связаны, ни к чему не крепились. Резким движением я высоко поднял ноги и, опустив их,

вдребезги разбил приборную панель управления. Эти узлы контролируют множество функций машины, реакция которой не замедлила сказаться.

Нас обоих резко швырнуло в сторону, особенно отца, поскольку я был пристегнут. Он полетел кувырком вместе со своим слизняком, раскрытым и беспомощным, раздавленным нашими столкнувшимися телами.

Отец бился в тех ужасающих конвульсиях, которые сжимают спазмами каждый мускул,— конвульсиями, которые я наблюдал уже трижды. С искаженным лицом, со скрюченными пальцами, он искал точку опоры, но вместо того, чтобы обрести равновесие, рухнул на руль.

Машина стала пикировать.

Я сидел, если это можно назвать сидением, когда тебя удерживает на месте только ремень, и следил за падением. Еще не поздно было что-то поправить, вернуть машину в стабильное положение снова — хотя бы с помощью связанных ног. Я пытался это сделать — и не смог.

Между тем высотомер деловито щелкал. Мы снизились до одиннадцати тысяч футов, прежде чем я успел взглянуть на него. Затем было девять... семь... шесть... и вот мы разменяли нашу последнюю милю...

На пятнадцати сотнях вмешался радар блокирования, и лампочки носовых приборов стали мигать. Я уже подумал, что мы спасены, что сейчас машина начнет выравниваться, но тело отца продолжало заклинивать руль, как и раньше.

Я все еще надеялся на наше спасение — вплоть до того самого момента, пока мы не грохнулись.

Я постепенно приходил в себя от медленного покачивания. Это покачивание раздражало; хотелось его прекратить. Я ухитрился открыть один глаз — другой не открывался вообще — и тупо посмотрел вокруг, отыскивая источник раздражения.

Надо мной был пол машины, и я долго на него таращился, прежде чем определил, что это такое. Потом мало-помалу стал осознавать, где я и что произошло. Я вспомнил падение и понял, что мы, должно быть, рухнули не на землю, а в воду. Мексиканский залив?.. Впрочем, мне было все равно.

С внезапной вспышкой горя я вспомнил об отце.

Разорванный ремень безопасности валялся рядом, но руки и ноги были по-прежнему связаны. Одно предплечье, похоже, было разбито. Я увидел руль и не увидел на нем отца. Это меня обеспокоило. С болезненным ощущением я повернул головой, чтобы единственным здоровым глазом осмотреть то, что осталось от машины.

Отец лежал неподалеку от меня. Его голова находилась на расстоянии трех футов от моей. Он был окровавлен и неподвижен, и я не сомневался, что он мертв. Мне кажется, потребовалось почти полчаса, чтобы пересечь эти разделявшие нас три фута.

Теперь я лежал совсем рядом с ним — лицом к лицу. Мне не удавалось обнаружить у него никаких признаков жизни. Однако та стран-

ная, напряженная поза, в которой он находился, наводила на мысль, что какая-то надежда остается.

— Папа...— сказал я хрипло.— Папа...— Затем закричал: — Папа!

Его веки дрогнули, но глаза не открылись.

— Привет, сынок...— прошептал он.— Спасибо, мальчик... спасибо...— И голос пропал.

Мне хотелось потрясти его, но все, что я мог делать, это кричать:

— Папа! Очнись! Ты в порядке?

Он заговорил снова, и было видно, что каждое слова причиняет ему мучительную боль:

— Твоя мать... просила... сказать тебе... что она... гордилась тобой...— Голос пропал снова, и затрудненное дыхание приобрело зловещий характер.

— Папа!..— Я зарыдал.— Папа! Не умирай! Я не смогу продолжить наше дело без тебя!

Его глаза широко открылись.

— Нет, ты сможешь... сможешь, мальчик...— Он сделал паузу, потом вздохнул с усилием и добавил: — Сможешь, сынок! — И вновь закрыл глаза.

Больше я ничего не смог от него добиться, хотя кричал и вопил. Потом прижался своей щекой к его щеке — мои слезы смешались с грязью и кровью.

XXXV

А теперь мы идем чистить Титан!

Мы все — те, кто летит,— пишем эти отчеты. Если не вернемся, это будет нашим завещанием свободным людям на свободной Земле. Мы описываем все, что мы знаем о том, как действуют паразиты-титаны и какие необходимо принимать меры предосторожности. Келли оказался прав: нельзя собрать этих шалтай-болтаев вместе опять. Несмотря на успех программы «Милосердие», невозможно до конца быть уверенным, что все слизняки погибли. Только на прошлой неделе в верховьях Юкона был застрелен медведь, которые нес на себе горб.

Человечество будет вынуждено все время быть на страже, особенно в ближайшие двадцать пять лет, если мы не вернемся, а прилетят «летающие тарелки». Мы не знаем, почему монстры с Титана следуют двадцатипятилетнему циклу сатурнового года, но то, что они ему следуют, это факт. Причина может оказаться простой; мы сами имеем много циклов, которые способствуют земному году. Мы надеемся, что они проявляют активность только в один период их «года». Если это окажется верным, операция «Месть» может быть осуществлена без труда.

Я отправляюсь, с божьей помощью, как специалист по прикладной психологии (экзотической). В то же время я буду боевым десантником, как каждый из нас, от капеллана до повара. Мы намерены показать этим слизнякам, что они сделали непоправимую ошибку, связавшись

с выносливейшей, упорнейшей, безжалостнейшей и беспощаднейшей — и способнейшей! — формой жизни в этом секторе космического пространства, формой жизни, которую можно уничтожить, но нельзя поработить.

У меня есть тайная надежда, что мы найдем какой-нибудь способ освободить маленьких эльфоподобных существ. Мне кажется, мы сможем существовать рядом с эльфинами.

Сделаем мы это или нет, человеческая раса должна поддерживать вполне заслуженную репутацию жестокой. Потому что цена свободы — это готовность к внезапной битве где бы то ни было, в любое время и с отчаянной смелостью. Если слизняки не научили нас этому, тогда — «Динозавры, подвиньтесь! Мы готовы стать вымершими!»

Кто знает, какие подлые шутки могут таиться вокруг нас в космосе? Слизняки могут оказаться простыми, открытыми и дружелюбными — по сравнению, скажем, с уроженцами планет Сириуса. Мы думали, что космос пуст, и автоматически чувствовали себя повелителями мироздания. Даже после того, как мы «завоевали» ближний космос, мы думали именно так, хотя Марс был уже мертв, а Венера еще, по сути, была в самом начале развития. Поэтому, если человек хочет быть кем-то большим, чем просто послушной собакой — или даже хочет быть уважаемым соседом — он должен будет бороться за это. Ему придется перековать орала снова на мечи; другой взгляд на это — фантазия незамужних кумушек.

Каждый из нас, кто летит, был захвачен слизняками по крайней мере, однажды. Только те, кого мучили эти ужасные кошмары, могут знать, как хитры эти твари, и как важно для человека постоянно быть начеку — и как глубоко он должен их ненавидеть. Путешествие, сказали мне, займет около двенадцати лет, и у нас с Мэри будет возможность завершить наш медовый месяц. Да, да, Мэри тоже летит. Большинство из нас — женатые пары, а нескольких одиноких мужчин уравновешивают одинокие женщины. Двенадцать лет — это не путешествие; это целая жизнь.

Когда я сказал Мэри, что мы собираемся лететь на спутники Сатурна, ее единственный комментарий был: «Да, дорогой».

У нас будет время обзавестись двумя или тремя детьми. Как говорит папа: «Человеческий род должен продолжаться, даже если ты не знаешь, где это случится».

Этот отчет составлен в свободной форме; он должен быть использован перед тем, как будет переписан набело. Я записал в нем все, что видел и что чувствовал. Война с другой расой — это психологическая война, а не война механизмов, и то, что я думал и чувствовал, может совпасть с тем, что я делал.

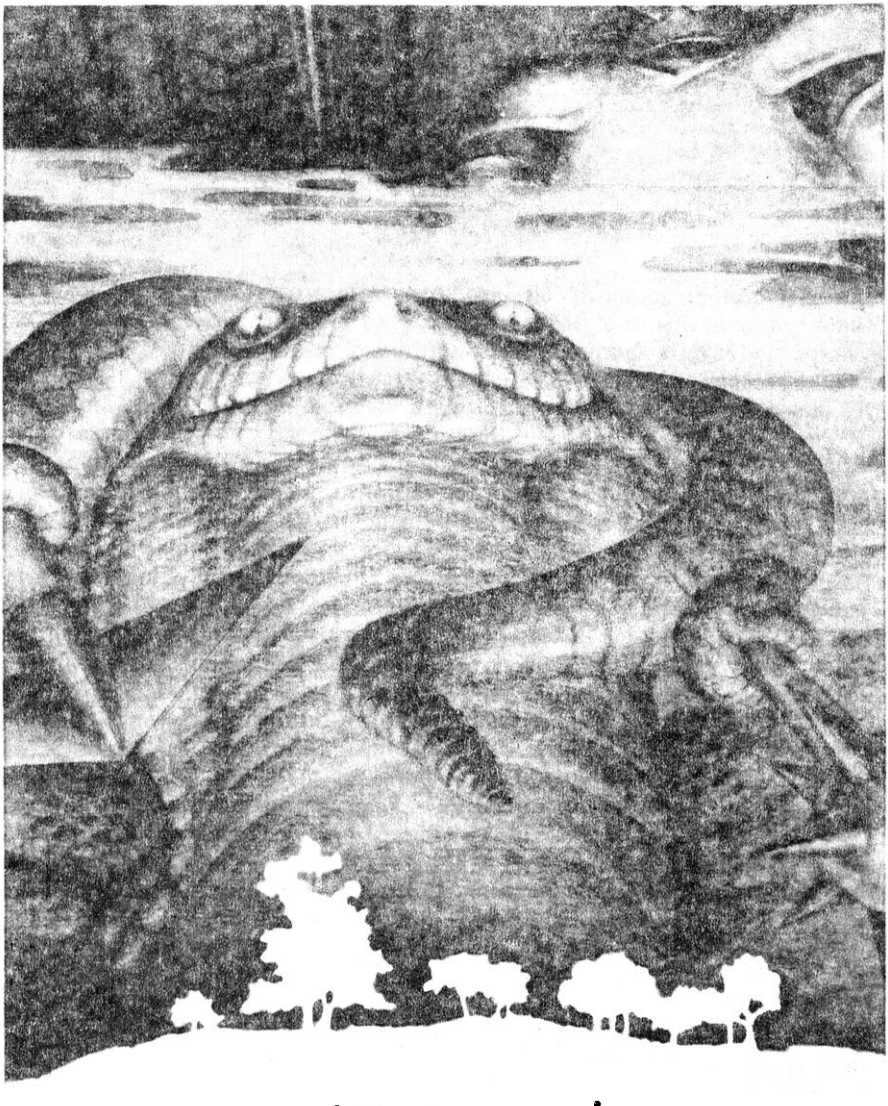
Я заканчиваю этот отчет на космической станции «Бета», с которой мы будем отправлены на корабле Совета Безопасности ООН «Мститель». У меня не будет времени внести какие-либо исправления, и отчет останется таким, как он есть. Пусть историки повеселятся над

ним. Прошлой ночью мы сказали отцу последнее «прощай». Он поправил меня: «До свидания, ты имеешь в виду. Ты вернешься назад, а я намерен продержаться до твоего возвращения, становясь с каждым годом все занудней и придурковатей».

Я сказал, что надеюсь на это. Он кивнул. «Вы вернетесь с победой, я уверен. Вы слишком упрямые и упорные. Я получил множество подтверждений этому в тебе и в таких, как ты, сынок».

Сейчас мы идем к кораблю. Я чувствую сильное возбуждение. Хозяева марионеток, свободный человек идет убивать вас!

Смерть и разрушение!

ЛЕСТЕР ДЕЛЬ РЕЙ

ДЕНЬ ГИГАНТОВ

Век мечей и секир, треснут щиты,
Век бурь и волков до гибели мира...

Из скандинавского эпоса
«Старшая Эдда».

ГЛАВА I

Короткое лето промелькнуло, как не бывало, и первый иней засеребрился уже в начале августа. В сентябре зима свирепствовала на когда-то благодатных равнинах Соединенных Штатов. Урожай погиб, так и не созрев, «жатва» шла только в лесах — заготавливали дрова на зиму. Плиты и печи в домах топились без перерыва. Это было единственное спасение от холода.

Лейф Свенсен подтолкнул последнее бревно на пилораму, и пила снова завыла. Крупный, худощавый человек со спокойными движениями, он казался даже медлительнее, чем был на самом деле. Синестальные глаза, светлые волосы, резкие, но не раздражающие черты лица выдавали в нем потомка викингов. Но ярость и жадность к жизни, присущие морским разбойникам и рыцарям древности, не читались в его лице. Весь его облик был отмечен какой-то невыносимой мрачностью и собачьей усталостью.

Он отключил мотор. Сложил дрова. Похлопал ладонью о ладонь, чтобы согреться. В тишине завывал ветер, и снежная крупа постукивала по металлической крыше сарая. Хмуро, без улыбки он повернулся к гостю, который безмолвно ждал, когда он кончит работу.

— Что скажешь, Саммерс? — спросил он без любопытства. Просто чтобы что-то сказать.

— Слушал радио. Дела все хуже. Буран идет из Дакоты в Кентукки. Похоже, зацепило и нас. Ад да и только. Старик Эриксон считает, что наступил конец света.

Саммерс куснул плитку жевательного табака. Он по привычке улыбался, но сквозь улыбку пробивался страх. Не дождавшись ответа, с сожалением вздохнул.

— Да, Лейф, я зашел к тебе из-за собаки. Ты не передумал?

— Нет,— сказал Лейф как отрезал.— То, что я говорил шерифу, остается в силе. Мой Рекс ни в чем не виноват. Он две недели сидит на цепи. Почему он должен отвечать за проделки какого-то неизвестного зверя?

Саммерс смущенно кашлянул.

— Подожди, я же не говорю, что ты должен что-то делать. Я просто хочу тебя предупредить, что сегодня в пять соседи соберутся в школе. Эл Шторм заявил — двух его свиней прошлой ночью загрызла собака или волк. Но ведь в округе сроду не бывало волков. Он взбешен, Лейф. Ты сам понимаешь, в такие времена остаться без мяса —

не шутка. Вот я и решил тебя предупредить. Может быть, ты заглянешь к ним, объяснишься, пока они ничего не успели натворить? А то они здорово завелись.

Саммерс, конечно, был прав, и Лейф помрачнел. В мире разразился продовольственный кризис, урожай погиб, не хватало кормов для скота. Снова появились так называемые Комитеты бдительных — эти ура-патриоты требовали наведения порядка любой ценой. Комитеты уже действовали во многих штатах, и кое-где даже случались суды Линча. И не за потерю свиньи, а за любую мелочь.

— Спасибо, Саммерс,— кивнул Лейф.— Я, пожалуй, загляну к ним. Но что еще скажешь? Я же чувствую, что у тебя полно новостей!

Лицо Саммерса просияло от ощущения собственной значимости, и все-таки страх не исчез из его глаз. Почти шепотом он произнес:

— Я видел ангела нынешней ночью. В небесах. Белокурая женщина на белом коне летела на восток примерно в тридцати метрах над землей. Она пела так пронзительно, что могла бы разбудить и мертвых. Ты знаешь, о чем-то подобном сообщали солдаты. Мы были на охоте вчетвером в час заката, хоть солнца-то и не было, и мы все видели ее... А на прошлой неделе то же самое видел один парень из Двойных Развилок...

Лейф не придал значения его бормотанию, даже не удивился, но все же сделал вид, что ему интересно. Каждая война рождает свои психозы и массовые галлюцинации. А ведь даже непрочное перемирие, заключенное в Европе, не смогло остановить истерии из-за ледяной погоды и страха перед наступающим голодом.

Хорошо еще, что никто не решился пустить в ход атомные бомбы. Но напряжение и страхи не проходили. Не удивительно, что мир переполнился слухами об ангелах, витающих в небе над полями сражений. Когда-то бессмысленные легенды о «летающих тарелках» утихли после первых полетов на Луну, где не оказалось никаких пришельцев. Теперь измученным чудакам стали мерещиться ангелы. Саммерс, вероятно, увидел случайный луч солнца, отраженный облаками... Лейф не стал отнимать у своего собеседника иллюзию. Пожалел, промолчал.

Ему помог телефон. Из дома сквозь порывы ветра прорвался звонок. Лейф побежал к дому. На ходу он извинился перед Саммерсом. Долго ли звонил телефон? Он боялся, что гудок прервется.

Но телефон не унимался, и когда Лейф схватил трубку, он услышал голос своего брата. Они были близнецами — он и Ли.

— Наконец-то Лейф! Вот ты и попался... Ты сможешь заехать за мной?

— А где твой мотоцикл?

— Ты понимаешь, он пошел юзом и врезался в телеграфный столб у Пяти Углов. От него, конечно, мало что осталось, но я вовремя соскочил. Отделался парой царапин и синяками. Могло быть куда хуже...

В трубке раздался смех: Ли что-то сказал в сторону, явно не Лейфу.

— Я же просил тебя не трогать этот чертов мотоцикл... Разве можно ездить по нашим дорогам на таком драндулете?— начал Лейф, но Ли оборвал его, продолжая смеяться.

— Это верно, мой мальчик, ты просил, а я не послушался. Зато сейчас я у Фолкнеров, мне делают перевязку... Знаешь, где их ферма? О'кей, тогда приезжай и забери своего блудного брата. Только смотри, не очень торопись! Ты увидишь, какую я тут нашел медсестру...

Телефон умолк, и Лейф чертыхнулся. Он даже скривился, когда представил, как Ли валяет дурака во время перевязки. Братья были такие разные! Ли вел себя как глупец, в пятнадцать лет он умудрился попасть на Вторую мировую войну, после этого — Корея, затем участие в южно-американских заварушках, потом — еще половина мира. Время от времени он отправлял домой письма, полные новостей, событий, женских имен, случайных цитат. Иногда от него приходили деньги, которые Лейф принимал неохотно, но тратил не без пользы для их общего дома и фермы.

И вот Ли Свенсен вернулся. Вернулся залечивать рану в груди, полученную пару месяцев назад во время боев в составе нового французского иностранного легиона. Ему быстро наскучила жизнь фермера — рассудочная, спокойная, полная трудов. Рана еще не зажила, а он, как помешанный, носился на мотоцикле. Поведение, типичное для бешеного братца. Только он способен, попав в аварию, рассматривать несчастный случай как забавное развлечение и повод для легкомысленного знакомства.

Пока Лейф разговаривал по телефону, Саммерс ушел. Увидев хозяина, Рекс взвился на цепи. Он был надежно прикован к своему месту. Лейф направился в гараж. Проверил мотор, долго возился, обматывая колеса цепями: он не хотел случайной аварии на заледенелых дорогах. Конечно, Ли никогда бы не стал этого делать, но этим-то он как раз и отличался от Лейфа. Привычка к аккуратности и осмотрительности укоренилась глубоко в душе Лейфа и чуть ли не вошла в поговорку среди местных фермеров. В отличие от Ли, он никогда не рвался из дома — наоборот, занимался хозяйством, строил теплицы, пристроил к дому оранжерею. Он медленно двигался в жизни, планируя каждый шаг и как бы приговаривая: «Тише едешь — дальше будешь...»

Конечно, его неторопливую жизнь оправдывали полный амбар, корм для скота, погреб, где вкусно пахло копченостями. Но изредка, когда приходили письма от Ли или сам неукротимый братец врывался на порог отчего дома, Лейф печально раздумывал о своей неприметной судьбе. Наверное, самое яркое в ней — это волнующие приключения телевизионных героев. Нет, он не был романтиком, и даже телевизор увлекал его только во время передачи.

Что же, может, оно и к лучшему, что жизнь его прошла без каких бы то ни было авантюр.

И все-таки он любил своего брата. Правда, иногда Лейфа охватывала обида, что ему пришлось бросить колледж, когда Ли умчался на поиски приключений.

Он снова вернулся мыслями к сегодняшнему дню и снова испытал тревогу. Теперь-то он определенно не попадет на соседскую сходку, а там нет никого, кто бы встал на его сторону. Саммерс никогда не решится возразить этим патриотам, даже если они примут решение убить Рекса. Ли как будто специально выбрал время, чтобы влипнуть в свои неприятности.

А ветер усилился, с мрачного неба посыпался густой снег. Снежинки, острые и твердые, подскакивали на заледенелой дороге, секли ветровое стекло, но хорошо хоть не прилипали к нему. Лейф сгорбился над баранкой, весь устремленный вперед. Он повернул регулятор автопечки до упора, но ветер уносил тепло быстрее, чем оно согревало. Обратный путь будет еще тяжелее.

На пути встречались машины, и почти все они не были приспособлены для езды по зимней грейдерной дороге. Судя по всему, во всех встречных машинах сидели горожане. Они искали по деревням продукты, а сейчас, испуганные бураном, торопились домой. Купить что-нибудь в городах было невозможно, цены росли, как безумные. А здесь еще находились фермеры, которые продавали то, что очень скоро понадобится им самим. Бог весть, что двигало ими — глупость или жадность?

Дальше начинался самый трудный участок, где дорога сужалась до ширины автомобиля, и он резко тормознул, когда из-за поворота его внезапно ослепил свет встречных фар. Машину занесло, но он сумел удержаться на краю кювета. Мимо пронесся большой кадиллак, доверху загруженный продуктами. Увы, эти продукты все равно нельзя будет сохранить в неприспособленном городском доме... Кадиллак скользил по неровной дороге, подскакивал, но не сбавлял хода.

Лейф выругался и рванул рычаг коробки передач. Он начал газовать, выруливая на дорогу с обочины, как вдруг его приостановил стук в правое стекло. До встречи со слепящим кадиллаком на дороге точно никого не было. Пока он раздумывал, стук повторился.

Он повернул голову, предполагая, что это стучит сломанная ветка дерева... Но за стеклом увидел рыжебородое лицо. На него смотрела пара темных глаз, посаженных слишком глубоко и близко к переносице. Часть лица, не закрытая бородой, была скорее красива, но что-то в нем заставило Лейфа отшатнуться от стекла. Все же он взял себя в руки и открыл дверь. Когда незнакомец забирался в машину, тревожное чувство усилилось, а затем внезапно исчезло.

— Благодарю,— молвил незнакомец с прохладцей.— Меня зовут Лайфейсон.

Насмешка прозвучала в его голосе, губы раздвинулись в улыбке, не очень выразительной, но и не без ехидства.

— Я поеду с тобой, Лейф Свенсен, раз уж нам по пути. Иначе бы пришлось идти пешком, а ведь Фимбул-зима уже наступила.

Это слово — Фимбул — показалось почему-то знакомым, и Лейф задумался, откуда он его знает. Он даже не удивился, что Лайфейсону откуда-то известно его имя, и словно забыл о неожиданном появлении попутчика. Вскоре странное слово закрутилось в его сознании,

оно как бы вынырнуло из старинных историй, из древних скандинавских саг, которые он не раз слышал в детстве от бабушки. Фимбулветтер, Фимбул-зима — это страшная, самая последняя в мире зима. Она должна прийти перед Закатом Богов или чем-то вроде этого.

— Закат или Ночь? — глубоко посаженные глаза Лайфейсона смотрели холодно. Затем морщинки вокруг глаз стянулись в нарочитой усмешке. Незнакомец явно изучал Лейфа.— Сильна в тебе древняя кровь, Лейф Свенсен, если ты помнишь, что Фимбул приходит перед Рагнарёком... Да и внешность твоя выдает это.— Незнакомец повернулся к окну.— Да, темнеет нынче рано. Хорошо хоть, что в твоей машине светло...

Лейф кивнул, глядя во мрак. Фимбул-зима! Да, подходящее имечко тому, что происходит в мире. Обрывки старинных нордических легенд снова возвращались к нему из бабушкиных историй. Это зима, после которой Боги должны были схватиться насмерть в безнадежной гибельной битве с Гигантами. Мрачные картины бабушкиных рассказов когда-то немного угнетали его, а теперь внешний мир соответствовал их мраку. Чтобы отвлечься, он включил радио и настроил его на местную станцию, которая сообщала погоду и новости. Незнакомец вздрогнул, когда неожиданно захрипел динамик, его рыжая борода ощетинилась. Но вот он усмехнулся и откинулся на сиденье, вслушиваясь...

Новости же оказались почти такими же мрачными, как старые истории о Рагнарёке. Даже Южное полушарие стыло в объятиях жестоких ураганов. Даже по сути невозможная война между Австралией и Новой Зеландией, и та говорила о варварстве и неспособности к диалогу. Радио вещало, что на востоке вспыхивают хлебные бунты, повсюду увеличивается рост преступности, группы фанатиков объединяются в Калифорнии, в Южной Америке начинается уже третья по счету безысходная война, Индия и Китай объяты хаосом. Мусульманская вера расползается по когда-то православной России, и уже ходят неясные слухи о новом джихаде — кровавой религиозной войне. Только Соединенные Штаты еще держатся в стороне от этих войн и беспорядков, но безумие грозит захлестнуть и Северную Америку.

В соседнем Бруквилле поссорились братья Ольсен, так и не решив, чья очередь отправляться в лес за дровами. Братья зарезали друг друга кухонными ножами. Группы новоявленных человеконенавистников вкупе с «бдительными» бодрствовали постоянно, а городские хулиганы сбивались в бандитские шайки и грабили окружающие деревни. По радио легально рекламировалось оружие. В небесах зарегистрировано три новых явления ангелов, которые почему-то стороной облетали церкви. В конце репортажа диктор заговорил о погоде. Фальшивый оптимизм звучал в его хорошо поставленном голосе. В его устах даже сообщение о конце света и всеобщей гибели показалось бы райской музыкой.

— Норны в твоей коробке вещают бессмыслицу,— вдруг взорвался Лайфейсон.— Как можно сообщать о направлении ветра,

когда любой глупец скажет вам, что Фимбул-зимой ветры дуют сразу во все стороны! А кому интересно слушать рассуждения о том, что еще только должно произойти? Я, например, и так чую, что метель продлится трое суток и навалит снегу выше человеческого роста...

Лейф недовольно хмыкнул в ответ и выключил радиоприемник. Возможно, предсказания рыжебородого ничуть не хуже, чем прогноз погоды по радио. Он притормозил машину у обочины.

— Здесь я поворачиваю...

— Я буду с тобой, Лейф, до тех пор, пока ты не встретишься с братом... У меня самого назначена встреча — я ищу волка, правда, еще не одноглазого, другого, и ферма Фолкнеров вполне подходящее место...

Лейф глянул на него, но что-то в выражении лица попутчика погасило его любопытство. Он пожал плечами, чувствуя, как по спине побежали мурашки, и сосредоточил свое внимание на изрытой дороге. Впереди показался маленький, обшарпанный ветрами дом Фолкнеров. Сильно покореженный мотоцикл, уже занесенный снегом, стоял перед домом. Воистину счастье достается глупцам и храбрецам, и это уберегло Ли от серьезных неприятностей.

Лейф развернулся и остановился неподалеку от дома.

— Зайдем вместе?

— Я посижу в машине, здесь не продувает так, как на дороге. А когда согреюсь, двинусь дальше...

По скрипящим заснеженным ступенькам Лейф поднялся на крыльцо. Он постучал, подождал и снова постучал в дверь, но уже сильнее. Два года назад он и сам попытался приударить за Джойл Фолкнер, но безуспешно. Сейчас он даже не удивился, что на его стук никто не откликается. Но вот Джойл отворила дверь, ее лицо разрумянилось, она не ответила на прямой взгляд Лейфа, отвела глаза. За ее спиной стоял довольный Ли Свенсен в разодранных на коленях брюках и с перевязанной рукой.

— Заходи, мой мальчик, и закрывай дверь поплотнее,— посоветовал Ли.— Горячий кофе на плите. Милая, налей, пожалуйста, гостю. Наверное, Лейф приехал читать мне нотации.

Лейф невольно заулыбался, несмотря на раздражение. Да и никому не удавалось долго сердиться на Ли, и Лейф по-прежнему испытывал нежность к своему брату-близнецу. Выражение лица — единственное различие в их внешности, и именно оно говорило о полной противоположности близнецов. Когда Лейф опустился в кресло, подсознательная зависть к галантным успехам брата без следа растворилась в его душе. Он сидел рядом с радиатором и благодарно впитывал тепло.

— Вот что, выйди и пригласи Лайфейсона — он сидит в моей машине — заглянуть к нам и выпить чашечку кофе, тогда не будет проповедей и моралей. Вообще-то я уже привык, что ты ломаешь мои планы.

Ли застонал от боли, когда поднимался. Но к выходу двинулся гибким и уверенным шагом. Он вернулся мгновенье спустя.

— Там нет никого. Только огромный сокол как раз взлетел в небо над твоей машиной. Это что, шутка?

Лейф с сожалением оставил кресло и сам вышел наружу. Лайфейсона не было видно, он не оставил даже следов на снегу. Лейф разглядел отпечатки собственных сапог, ведущие к дому, и больше ничего. Он нагнулся, чтобы повнимательнее рассмотреть снежный покров, но в этот момент резкий звук пронзил воздух. Ли задрал голову вверх, и Лейф проследил за его взглядом. Что-то неслось над ними, еле видимое сквозь мрак и мелкий снегопад... О да, это мог быть огромный сокол, но в темноте нельзя было утверждать это с полной определенностью. О встрече с подобной птицей недавно рассказывали охотники. Вскрик прозвучал вновь, а птица скользнула в сторону отдаленной деревни и скрылась из глаз. Лейф внимательно осмотрел снег вокруг машины и забыл о соколе.

— Следы Лайфейсона, видимо, замело,— решил он.— В конце концов, это не важно, но все-таки...

— Видно, он просто отрастил крылья и улетел, как сокол,— подсказал Ли.— Но даже если он сумел это сделать, так что с того?! Идем домой и выпьем горячего кофейку, пока не превратились в снеговиков.

Лейф задумчиво вошел в дом, вспоминая о странном впечатлении, которое произвел на него Лайфейсон. Черт возьми, если так пойдет и дальше, ему через месячишко начнут мерещиться целые эскадроны реющих в небе ангелов. А все это не стоит и ломаного гроша.

Прошел час, а тревога не оставляла его, хотя Ли и Джойл весело смеялись в другом углу комнаты. Затем на улице раздался звук мотора, и смех Джойл прервался. Она вскочила с места и бросилась на кухню. В эту минуту дверь с грохотом распахнулась. Зазвучали голоса. Из общего гула выделился возбужденный голос старшего Фолкнера:

— ...Раньше я никогда его не видел... Какой-то незнакомый парень... Мы так ничего и не решили и уже хотели расходиться, когда он вошел. Тебе тоже надо бы его послушать. Он здорово раскочегарил наших слабаков вроде Саммерса. После его слов мы все проголосовали за решительные действия. Свенсену придется избавиться от своего пса-убийцы, иначе мы сделаем это сами. Мы наведем порядок в округе...

Джойл попыталась остановить его, но он продолжал говорить. В комнате он заметил Лейфа и Ли. На миг смутился, это стало ясно по его лицу. В чертах Джойл тоже проступило смущение: ей было стыдно за отца. Но тут же он воинственно расправил сутулые плечи.

— Эй вы, убирайтесь вон из моего дома! Оба! Пока я не выбросил вас сам... Я не потерплю, чтобы Свенсены что-то вынюхивали здесь...

Ли поднялся первым, неторопливо запахнул куртку. Когда он повернулся к Фолкнеру, на его губах играла презрительная улыбка, и гнев старика сразу куда-то улетучился.

— Мы уходим, Фолкнер! Но если ты всерьез собираешься сделать, что говоришь, давай выйдем вместе и разберемся. Нет? О'кей, Лейф, пошли. Джойл, увидимся потом, милая... Спасибо за кофе.

Джойл глянула на отца и прошла вперед, чтобы открыть дверь. Фолкнер что-то промычал и попытался остановить ее. Джойл увернулась. Он смотрел на свою руку, которую отпихнула дочь, словно бы не понимая, в чем дело, скорее обиженный, чем разозленный. Потом, как и в те времена, когда его жена была еще жива, глубоко вздохнул, ссутулился и — побежденный — стал подниматься по ступенькам наверх.

Джойл вышла на крыльцо, чтобы извиниться перед гостями. Ли прервал эти неловкие извинения и притянул ее к себе. Она с готовностью потянулась к нему, но вдруг отпрянула и вскрикнула.

Братья повернулись, следя за ее завороженным взглядом. Небо совсем почернело, только густой снег мелькал в свете, падающем из окон и распахнутой двери. Но что-то белое неслось в небесах и приближалось к дому. Сочное сильное сопрано донеслось сверху, и из темноты возникла юная белокурая женщина, сложенная, как амазонка, на огромном белом коне. Казалось, она скачет прямо на свет, приближаясь к близнецам Свенсенам. Всадница снижалась до тех пор, пока копыта не ударили по воздуху в нескольких футах от земли. Голос наездницы не умолкал, он усиливался, а лошадь, встав на дыбы, взвилась вверх, перескочив через крыльцо. Удары копыт и пение удалялись.

Когда они обежали дом, видение исчезло.

ГЛАВА 2

Лейф Свенсен прогревал мотор машины, пока Ли прощался с Джойл Фолкнер. Он безуспешно пытался осознать увиденное. Хотя в ту минуту от ужаса волосы у него встали дыбом, в самой всаднице не было ничего страшного.

Еще ему вспомнилось, что Ли изумился даже больше, чем он сам. Более того, при виде всадницы брат сразу же скрылся за дверью и прятался в доме, пока она не исчезла.

Лейф подумал, что белокурая женщина ничем не отличалась от женщин Земли, да и лошадь производила совершенно нормальное впечатление, разве что ее размеры были искажены резким светом во мраке. Все это явно не походило на галлюцинацию. Да и Лейф не сомневался в своем зрении. Кто знает, вдруг появились лошади, умеющие летать без крыльев, или научные открытия, позволяющие проецировать подобные изображения в пространстве. Может быть, изыскания Эйнштейна в области гравитации дали свои результаты или кто-то открыл тайну телепередачи в трех измерениях, со звуком и цветом, но без всякого телеэкрана? Только вот какой смысл использовать подобные открытия здесь, так далеко от крупных центров? Этого он не понимал.

— Валькирии! — ворвался голос Ли в его раздумья, когда брат уселся в машину рядом с ним.— Или то, что наши предки назвали этим именем. Интересно, кто бы мог навести ее на нас?

Лейф внимательно посмотрел на брата. Он припомнил, что валькириями назывались воинственные небесные девы, подчиненные богу Одину. Они участвовали в распределении побед и смертей в битвах да и само имя — валькирия — в переводе означало «выбирающая мертвых». Бабушка рассказывала, что они спасают убитых героев и переносят их в Валгаллу. Валгалла в переводе с древнеисландского — «жилище павших в бою героев». Валькирии заботятся об оживших воинах, которые пируют, упражняются на ратном поле и радуются новой жизни. Эти ожившие храбрецы зовутся эйнхериями. Здесь Лейфу еще раз пришло в голову, что это все же почти забытые предания. Он газанул. Машина затряслась по неровной дороге. Ли был серьезен, как никогда.

— Ты-то не веришь в эти старые легенды? — спросил Лейф.

— Не знаю. Я встречал таких всадниц раньше, а одну из них — совсем рядом. Слишком близко для того, чтобы сохранить душевное спокойствие.— Ли Свенсен сделал гримасу. Он собирался закурить и разминал в пальцах сигарету.— Во Франции.

— Ты не рассказывал об этом, когда вернулся.

— Я знал, что ты мне все равно не поверишь. На войне сталкиваешься с вещами, о которых лучше помалкивать.— Ли неожиданно сломал и смял сигарету. Поежился.— Это случилось в последний день — в тот день, когда меня ранили. Мы вышли в передовой дозор. В моем подразделении оказалось слишком много зеленых новичков, и нас отрезали. Штабные и на этот раз все перепутали. Патроны кончались. Из разведки вернулись де Нэл и Ёрдссон — странная парочка, направленная к нам с последней группой подкрепления. Они обнаружили полевой склад военного снаряжения. Я взял еще ребят, и мы все вместе отправились к складу на грузовике, хотели внезапно захватить его.

К сожалению, это не удалось. Как только мы остановились, противник открыл по нашему грузовику огонь из миномета. Они попали в нас с первого раза, но я вовремя выпрыгнул из кабины. И тогда я услышал над головой высокий женский голос. Это могла быть и сегодняшняя всадница. Она неслась, что-то распевая, и явно готовилась схватить меня. В эту минуту взорвалась вторая мина.

Ли вздрогнул при этом воспоминании.

— Я почувствовал, как меня ударила взрывная волна, и тотчас же эта дама схватила меня за волосы. Но тут что-то отвлекло ее. События путаются в памяти, все-таки я был контужен. Во всяком случае, или взрыв отбросил меня в сторону, или де Нэл отпихнул, но я оказался на ступеньках церкви, которую даже не заметил раньше. Всадница закричала — на этот раз торопливо — и замерла в десяти футах над землей. А я отключился...

— И ты не веришь, что тебя спасло крыльцо божьего храма? — спросил Лейф. Эта история была из того же ряда, что и про-

чие россказни и слухи, над которыми он всегда посмеивался. Правда, на этот раз рассказ исходил от брата, и он отнесся к нему серьезнее.

А Ли покачал головой.

—Я просто не знаю, что тебе ответить. Священник, который втащил меня в церковь и там прятал до прихода наших частей, поверил этой истории. Он считает, что упадок веры раскрепостил древних демонов. Этот священник был убежден, что нам явилась валькирия. Я предпочитаю вообще не вспоминать об этом. Черт возьми, Лейф, я просто не желаю, чтобы она и здесь преследовала меня и смотрела такими глазами!

Они молчали. Каждый углубился в свои мысли. Но вот машина дотряслась до Пяти Углов. Лейф смотрел на дорогу, но боковым зрением отметил, что кто-то стоит на обочине и машет рукой. Он услышал удивленный возглас брата, и это заставило его резко нажать на тормоза. Он не успел вырулить, и машина пошла юзом по скользкой дороге. Когда же справился с рулем и тормозами, машина остановилась, проскользив полсотни метров.

Ли оглянулся на фигуру путника. Тот приближался.

— Де Нэл! Слушай, Лейф, это тот парень, о котором я тебе рассказывал! Мы вместе воевали во Франции!..

Теперь и Лейф смог разглядеть лицо этого человека.

— Лайфейсон!

Человек протиснулся на сиденье рядом с Ли, ухмыльнулся, захлопывая дверь.

— Каким именем ни назовись, лучше не ходить пешком во время Фимбул-зимы, Лейф. Я побуду с вами. Приветствую тебя, Ли Свенсен. Я прошел долгий путь, чтобы встретиться с тобой вновь.

— Как тебе удалось разыскать меня? — удивился Ли.— А главное, зачем? Уж не вербуешь ли ты в легион?

Лайфейсон рассмеялся так, как будто узрел в этой шутке какой-то тайный смысл.

— Нет, не в легион, Ли Свенсен. Ёрдссон и я — мы прикинулись мертвецами после обстрела — и быстрехонько дезертировали. И вот я здесь. А Ёрдссон, хоть и задерживается, присоединится к нам попозже. Или ты не рад встрече?

Лейфа переполняли вопросы. Вся эта история с Лайфейсоном и де Нэлом не втискивалась ни в какие рамки. Но все его внимание было приковано к дороге. Хлопья снега стали крупнее, они размокали на ветровом стекле и «дворники» проигрывали сражение со снегом, не успевая расчищать полукруг перед глазами водителя. Лейф старался ехать медленнее, чтобы хоть немного ослабить атаку снежных хлопьев на ветровое стекло. Метель явно набирала силу. Порывами налетал ветер, наметая сугробы. Ледяная дорога под мокрым снегом становилась все опаснее. Даже противотуманные фары не очень-то помогали. Машина двигалась медленно, насколько позволяли обмотанные цепями колеса.

Ли вопросительно кивнул на руль, но Лейф отказался от помощи. Ли за рулем был опасен даже на прекрасном шоссе. Он продолжал

медленно вести машину, стараясь, чтобы колеса не сходили с накатанной колеи.

И все равно он прозевал бы свой поворот, если бы не услышал глубокий басовитый лай Рекса. Он развернулся, отыскивая дорогу, и вырулил на нее, когда навстречу машине бросилась собака, освещенная светом фар.

Ли не сдержался и выругался.

— Ты же сказал, что Рекс на цепи!

— Он и был на цепи. Эй, малыш, сюда! — Лейф потянулся открыть дверь, но собака зарычала, попятилась назад, шерсть дыбом встала у нее на загривке. Но Лайфейсон что-то шепнул, и собака, задрав вверх морду, тоскливо завыла.

— Твой Рекс не любит меня,— прокомментировал Лайфейсон.— Временами собаки что-то чуют во мне, он и сейчас не выветрился, этот запах. Давай-ка я пересяду назад, а ты возьми его к себе, пока мы все не замерзли.

Собака неохотно забралась в машину рядом с Ли, и они снова затряслись по дороге.

— Проверь ошейник,— подсказал Лейф брату.

— А я как раз и смотрю. Цепь разбита, как будто молотом. Хотя не совсем... звенья не только расплющены, но и оплавлены. Можно подумать, в цепь ударила молния...

Лайфейсон перегнулся через сиденье. Собака зарычала, но ее опять успокоила какая-то странная фраза, определенно произнесенная на иностранном языке. Лайфейсон взял конец цепи и повернул его так, чтобы Лейф смог рассмотреть. Ли оказался прав. Цепь выглядела странно. После всех сплетен, которые соседи распускали о Рексе, не избежать беды, если кто-нибудь заметил его на свободе. И ведь не дознаешься, когда собака сорвалась с привязи... Он прикинул, кто бы мог это сделать. Нет, этого уже никто не узнает.

Автоматическая дверь гаража замерзла, и Ли пришлось выскочить и открывать ее вручную. Затем их встретило тепло и яркий свет дома. Лейф вел Рекса за обрывок цепи, а Лайфейсон замыкал шествие. Он с любопытством оглядывался вокруг, и морщинки по краям глаз углубились.

— Лучше, чем веками торчать привязанным к трем скалам,— таинственно заметил он, опускаясь в кресло. Гость был похож на огромного кота, самодовольно развалившегося в полном комфорте.

Ли принес виски, разлил по стаканам. Лайфейсон, казалось, встревожился, а потом проглотил спиртное с видимым удовольствием. Когда Лейф вернулся с кофе, гость посмотрел на кофейник с отвращением и вновь плеснул в стакан виски.

Бессознательно Лейф протянул руку к Рексу. Собака нервничала. Лейф погладил большую, как у волка, голову.

Во всяком случае, если буран не утихнет, у этих безумцев будет время поостыть. Как жаль, что я не смог попасть на встречу, подумалось ему.

— Буран закончится примерно через час,— заявил Лайфейсон.

Пять минут спустя ветер утих, воздух на улице стал еще холоднее, снегопад прошел. Лейф недоверчиво покосился на рыжебородого, но промолчал. События этого дня следовало переварить. Кроме того, что-то в незнакомце не позволяло задавать лишние вопросы.

Лейф наливал себе вторую чашку кофе, когда зазвонил телефон, заставив вздрогнуть уютно развалившегося Лайфейсона. Он встрепенулся, но опять развалился в кресле, уставясь на Лейфа с телефонной трубкой в руке.

Человек на другом конце провода пытался изменить тембр голоса, но это наверняка был Саммерс.

— Свенсен? Прислушайся к дружескому предупреждению... Люди уже собираются в условленном месте...

— Ты хочешь сказать, что они приговорили Рекса, Саммерс?..

Маскировка отброшена.

— Увы, это так, Лейф. Вот что еще — я не хочу, чтобы ты разболтал кому-нибудь о моем звонке, слышишь? Но я не хочу и того, чтобы что-нибудь случилось с тобой. Я взываю к разуму. Тут произошло еще одно убийство — у Энгельсов. И тоже обнаружены следы большой собаки. Я думаю, тебе лучше принять меры заранее...

Лейф с проклятием бросил трубку. Но не успел он вернуться к креслу, как снова зазвонил телефон. Он зарычал в трубку, предполагая, что это опять Саммерс. Но нет, в трубке зазвучал женский голос. Он прислушался и позвал Ли.

— Это Джойл. Она хочет поговорить с тобой.

Передавая трубку, он заметил, как с лица Ли сбежала улыбка.

— Да, милая,— Ли отвел трубку подальше от уха, словно ожидая, пока Джойл успокоится.— Да... Угу... О'кей, мы позаботимся об этом. Не волнуйся. Да, я понимаю, ты ничего не могла сделать. Молодец, что позвонила. Спасибо. Скоро увидимся, милая...

С нахмуренным лицом повернулся к Лейфу:

— Дрянные дела, мой мальчик. Джойл говорит, что местные «бдительные» собрались у них и жаждут крови — Рекса или нашей, скорее всего и той и другой. Проклятье! Рекс не мог добежать до Энгельсов и обратно, но только у нас нет никаких доказательств. Идиоты! Немного страха, голода — и они сходят с ума. Я думаю, они явятся через полчаса.

Лейф, посмотрев на часы, только сейчас осознал, что уже очень поздно. Он даже не покормил скотину.

Привычная работа заняла минут пятнадцать. Настроение поднялось. Он заготовил сена и прочих кормов года на два, его свиньи и вся остальная живность были отлично обеспечены впрок. Может быть, в этом и крылись причины его неприятностей. Немногие из фермеров в округе могли не опасаться за будущее. Вот они и завидовали ему, а зависть легко превратилась в ненависть.

Он вернулся домой. Ли тоже нашел себе работу — он задвигал шкафами окна и двери.

— Где у тебя патроны? — спросил он, показывая на охотничье ружье.

— Ты же истратил все до последнего патрона на охоте. Я заказал новые, но Сирс их пока не привез.

Ли с досадой отбросил ружье и взбежал на второй этаж. Он вернулся с автоматическим пистолетом и парой обойм. Бросил пистолет Лейфу.

— Возьми. По крайней мере, он пристрелян по твоей руке. Мне хватит топора. А ты, де Нэл? Ты с нами? Тогда, быть может, нам удастся отбиться.

У Лейфа и Ли даже не возникало вопроса, как быть с собакой. Рекс, привезенный Ли с Аляски еще щенком, давно стал членом семьи. Никто не имел права покушаться на его жизнь.

Лайфейсон легко поднялся. Он выглядел крупнее, чем это показалось раньше.

— Топор не для меня. Нет ли у тебя молота, Ли?

Спустя минуту в тесноте дровяного сарая он раскручивал над головой здоровенную кувалду, как бы выверяя ее баланс.

С небес донесся приглушенный грохот копыт и волшебное пение. Ли вздрогнул, а рыжебородый, заметив это, усмехнулся, посмотрел в небо и еще раз не без грациозности взмахнул молотом.

— Они собираются на празднество. И оно грядет!

Это празднество началось почти сразу после его слов. Снаружи раздался глубокий рев, за которым последовал ответный рык Лайфейсона. Дверь сарая внезапно распахнулась, срываясь с петель, и в сарай ввалился огромный, как медведь, человек. Такого серьезного, сильного лица с крупными чертами Лейфу, пожалуй, раньше не доводилось видеть. Темные глаза, казалось, вспыхивали, отражая свет лампы под потолком, а черная борода веером расходилась на подбородке. Ощущение огромной мощи излучал этот человек. Черный, с короткой рукоятью молот, который наверняка весил фунтов пятнадцать, казался игрушкой в обтянутом кожаной перчаткой кулаке.

— Ёрдссон,— сообщил Лайфейсон Лейфу.— Он незаменим в бою, но вынести его рассказы о ратных подвигах невозможно.

В ответ на это блеснул молот, взвиваясь под потолок. Предупреждение! Однако незнакомец явно привык к подкалываньям Лайфейсона, хотя и не видел в них юмора. Он вещал глубоким и мощным голосом:

— Соседи собираются. Никарр уже выпустил оруженосец. Мастер Ворон становится все нетерпеливее... — Он тоже говорил загадками.

— А ты становишься болтлив, чего я и боялся,— как отрезал Лайфейсон.— Еще немного — и ты все разболтаешь раньше времени...

Лейф уловил вопрос во взгляде брата. Что-то шевельнулось в его душе. Наверное, стоит во всем разобраться как следует...

Но времени для этого уже не оставалось. Послышался шум машин. Скрежетали передачи, выли моторы, кто-то застрял в снегу и газовал. Донесся стук хлопающих дверей и крики людей. Показались огни ламп и фонарей. С топотом и криками толпа приближалась к дому.

ГЛАВА 3

Лейф вышел вместе с бойцами на площадку перед домом. Он ощущал, как растет в нем напряжение. Запотели ладони, заныло в желудке. Одно дело знать, что толпа собралась на охоту, совсем другое — осознавать, что она охотится за тобой.

Ли включил рефлектор над крыльцом.

— Так мы увидим каждого в лицо, а сами останемся в тени. Прямой свет ослепит их... — сказал он.— Конечно, это не остановит опытного солдата с винтовкой, но эти люди, думаю, не захотят показывать свои лица. Ну, мой мальчик, как самочувствие?

Хотя на сердце было неспокойно, Лейф Свенсен все-таки нашел в себе силы усмехнуться. Может быть, этим трем профессиональным бойцам и плевать, но самому Лейфу отнюдь не нравилась идея, что соседи могут его линчевать. Неделю назад он посмеялся бы над подобной возможностью, но сейчас боялся, что так оно и будет. Он почувствовал, как взмокли подмышки, и ощутил слабость в ногах.

Но Ли похлопал его по плечу. Он понял состояние брата.

— Успокойся. Не происходит ничего особенного. Тебе просто не хватает опыта в таких делах. Держись позади, пока не разберешься, что к чему. Черт возьми, да эта толпа даже стрелять не умеет! Несколько ударов могут решить все дело.

Лейф заворчал в ответ. Он чувствовал себя несчастным. Конечно, он будет держаться позади, пока два незнакомца и еще не вполне оправившийся от ран Ли будут драться за него. Да, он позволит им взять всю тяжесть боя на себя, хотя толпа пришла за ним, Лейфом, и за Рексом. Но только вот как он сможет жить после этого в мире с самим собой? Эти противоречивые мысли и чувства терзали его душу, и он уже не испытывал страха. Конечно, он немного завидовал брату, его готовности к любым передрягам. Настало время понять, готов ли он сам к житейским испытаниям. Он боялся признаться себе, что не готов...

А толпа была рядом. Основная ее часть образовала как бы подкову по краям высвеченного рефлектором пространства, но самые агрессивные целеустремленно двигались к дому. Лейф заметил, как Лайфейсон скользнул в тень. Но тут послышался громкий вопль из основной группы. Похоже, это вопил Фолкнер. Вообще только голоса и можно было распознать в этой толпе, так как нападающие замотали лица платками или спрятали головы в наволочки от подушек с прорезями для глаз. Из дома донесся дикий лай Рекса. Он словно подтолкнул нападающих, и они с топотом и гиканьем рванулись вперед.

Ли демонстративно играл бесполезной винтовкой. Когда он шагнул вперед, в его голосе неожиданно зазвучала командирская непреклонность, приобретенная в дюжине наемных армий.

— Стой! Остановитесь или будем стрелять!

Толпа загудела, видимо, пытаясь подстегнуть самое себя. Один из вожаков шагнул на свет.

— Отдай нам эту проклятую собаку и возмести убытки, Лейф Свенсен. Мы даем тебе последний шанс.

— Иди сюда и возьми ее сам,— предложил Ли.— Иди-иди и захвати с собой всю кодлу. Вас там человек тридцать жмется в тени. Идите все! Может, мы отпустим десяток из вас к женам живьем — если вы достаточно выпили, чтобы не бояться снайперской пули.

Он двигался вперед, ступая шаг за шагом, медленно и уверенно. Когда Ли открыто шагнул навстречу толпе, вожак дрогнул. Два его сподвижника в масках отступили на несколько шагов. Но и предводитель тоже выдал свое смятение. В этот самый момент и возник Лайфейсон.

Он появился из тени, придерживая за ошейник Рекса. Должно быть, он обошел дом, чтобы вывести собаку. Вся толпа уставилась на Рекса.

Лейфа охватила тоска. Лайфейсон появился не вовремя. Лейф направился к Рексу, а толпа, казалось, уже позабыла о собаке и полностью сконцентрировала внимание на фигуре рыжебородого незнакомца.

Тишину разорвали возмущенные крики.

— Эй! — Это же он!... — Новичок! — Подлый предатель! — Он переметнулся к ним...

Ли оглянулся. Удивление и гнев отразились на его лице. Кого предал Лайфейсон? В чем суть его поступка? А тот неотступно смотрел на толпу, а потом двинулся вперед и начал выкликать имена — Саммерса, Фолкнера, шерифа Коллинса и всех остальных. Даже Лейф сообразил, что ничем другим нельзя было взбесить толпу более, чем подобным образом — сорвать маску с каждого лица. Раздались крики, и толпа бросилась вперед.

— Ха! — варварская ярость прозвучала в реве Ёрдссона. — Ха!!!

Он опередил Ли, прикрыл его, а тот, отбросив бесполезную винтовку, кинулся за топором.

Ёрдссон заревел опять громовым голосом, и молот вылетел из его руки, свистя в воздухе. Темные брызги окропили снег. Молот, казалось, отскочил от своей жертвы, повинуясь некой пружине, и вернулся назад в протянутую руку Ёрдссона. Лейф наблюдал за всем этим как во сне, потому что не мог оторвать глаз от безголовой человеческой фигуры, опрокинутой на снег. Он выронил пистолет. Подступила тошнота, но его не вырвало из-за спазм, сжавших горло.

Нападающие заколебались, дрогнули, кто-то отбежал подальше, но толпа уже подчинялась общему напору. Теперь, когда пролилась кровь, люди стали подобны акулам, объединенные запахом смерти. С нечеловеческими воплями, полными беспредельной ярости, они рванулись к своим жертвам. В руках появились пистолеты, выхваченные из карманов, сумок, из-за поясов. Ли, Ёрдссон, Лайфейсон шли навстречу опасности, не обращая внимания на оружие. Рядом с ними бежал Рекс. Вот он вцепился в прыжке в незащищенное горло одного из нападающих.

Что-то просвистело над ухом Лейфа, когда он нагнулся за своим пистолетом. Он даже не сразу понял, что это пуля. Стоял, бессмыс-

ленно протирая пистолет, потом зачем-то сунул его в карман. Но инстинкт самосохранения уже заговорил в нем, и Лейф ринулся вслед за отчаянной троицей, которая врезалась в толпу. На таком расстоянии стрелять было бесполезно.

Приклад винтовки взлетел над самой головой Лайфейсона. Но Ли вскинул топор, и Лейф подхватил эту винтовку раньше, чем она выпала из отрубленной руки неприятеля.

Толпа тоже ощетинилась ножами и топорами. Лейф бросил чужую винтовку, которая так и не пригодилась ему, и в отчаянии ухватился за рукоятку топора, занесенного на этот раз над его головой. С усилием он отвел топорище в сторону, но лезвие все же задело руку, распоров рукав кожаной куртки. Лейф вдруг оказался на снегу. Он схватился со своим противником врукопашную. Толпа топтала их сапогами.

Но тут блеснуло лезвие, и рука на горле Лейфа ослабла, а из другой руки противника выпал топор. Лайфейсон ухватил Лейфа за плечи и поднял с земли. Все стало ясно. Чем бы ни занимался рыжебородый раньше, в этой схватке он сражается вместе с ними.

Лейф как бы раздвоился: часть его существа панически боялась происходящего, а другая часть боролась со страхом. Но впавшая в истерику толпа, ярость его бывших друзей и соседей разбудили в нем ранее незнакомые чувства. Он замахнулся топором снизу, от земли, и почувствовал, как металл располосовал чью-то ногу. Он поспешил на помощь Лайфейсону, который оказался в окружении разъяренной толпы.

Лейф по-прежнему не мог убить человека, но оказался способен наносить беспощадные удары. Это действовало безотказно. Через несколько минут все, что он видел перед собой, словно окуталось красным туманом. Когда туман рассеялся, Лейф понял, что уцелевшие противники беспорядочно отступают, попросту спасаются бегством. Да, они рассчитывали линчевать его и расправиться с Рексом, но были сметены неистовым сопротивлением, которого не ожидали. Перед лицом реальной опасности «благие» намерения улетучились.

С небес до Лейфа донеслось пение. Краем глаза он приметил размытые силуэты нескольких женщин на сумрачно-белых конях. Всадницы неслись на фоне черного неба.

Ёрдссон ушел далеко вперед. Он возглавлял побоище и собирал последнюю кровавую дань с беспорядочно отступающей толпы. А по снегу полз, цепляясь передними лапами за хрупкий наст, Рекс, безусловно, тяжелораненный. Лейф хотел ему помочь, но замер, когда увидел брата. Ли пытался привстать, обеими руками поддерживая низ живота. Лейф метнулся к нему, и Ли приподнялся на локте. Похоже, он о чем-то хотел предупредить брата и предостеречь его. Но было поздно.

За спиной послышались звуки, что-то ударило Лейфа сзади и сбило с ног. Это поднялся один из поверженных противников. Только что он лежал без сознания, но очнулся, вскочил на ноги и ринулся в атаку. Лейф не успел поднять топора, а враг уже замахнулся здо-

ровенным ножом, чтобы нанести второй удар. Лезвие сверкнуло в воздухе.

Лейф подался в сторону, чтобы уклониться от удара. Лезвие просвистело возле самого уха, ударило по куртке и прорубило ее. Боль опрокинула Лейфа навзничь — треснула ключица, начали расходиться грудные мышцы. Он падал, пытаясь выхватить свой большой, подобный мачете, нож. Крик застрял в глотке, он потерял голос и ощутил во рту соленый вкус крови.

Падая, он все же успел обернуться к нападавшему и в это время увидел, как топор Лайфейсона расколол череп атакующего врага. Рыжебородый пинком ноги оттолкнул падающий труп в сторону и опустился на колено, одной рукой поддерживая голову Лейфа. Бессознательно пытаясь отодвинуться, Лейф посмотрел на небо и закричал. Он ощущал под затылком теплую ладонь Лайфейсона. Губы бойца победно улыбались, когда он рассматривал Лейфа Свенсена!

Страстное пение рвалось с небес. Ему вторил подобный приглушенным ударам барабана грохот копыт. Какой-то силуэт метнулся вниз. Боль из перебитой ключицы Лейфа начала расползаться по телу, становясь все острей и непереносимей. Силуэт приближался к нему, пока не принял очертания рослой женщины на огромном белом жеребце. Она падала вниз из ниоткуда. Все вокруг заволокло серым туманом, но сознание еще не вполне покинуло Лейфа. Он еще ощутил тепло женских рук, которые вцепились в его волосы, успел почувствовать себя поднятым в воздух и брошенным поперек лошадиной холки одним мощным движением.

Ветер засвистел вокруг, и земля устремилась прочь от Лейфа. Над ним взвилась странная мелодия песни, безумное сочетание звуков и полутонов. Радужные пятна перед глазами сливались в гигантские цветные радуги и словно пронизывали все тело раненого Лейфа, заглушая боль.

На первый план выступила лошадь. Ее короткое дыхание, топот ее крупных копыт. Всадница понукала это летящее существо, а вокруг дрожали радуги, рассыпаясь и стягиваясь вновь. Рану Лейфа ожгло лошадиным потом, и боль снова стала непереносимой.

Опять напряглись мышцы лошади. Казалось, она с большим трудом преодолевает какую-то невидимую субстанцию. Радуги слились воедино, ослепляя почти физически ощутимой пульсацией. Лошадь преодолевала неведомый подъем, ритмично выстукивая копытами, а понукания всадницы снова перешли в мелодию небесного песнопения.

В песне повторялись слова и имена, которые почему-то казались знакомыми. Даже на языке он ощущал этот вкус имен и слов, которые когда-то слышал и повторял вслед за бабушкой. Воинственные женщины-оруженосицы, что несутся в небесах, пересекая некий магический мост, именуемый Бифростом, а точнее — по древнеисландски — Би́льрёстом... Неужели это и был он — мост-радуга, соединяющий небо и землю, та «трясущаяся дорога» скандинавских мифов, которая должна разрушиться во время Рагнарёка? О, Биф-

рост — тайная дорога между землей и небом, а на самом деле между различными измерениями пространства и времени! Еще в сознании Лейфа промелькнул образ мужественного сверхчеловека с боевым молотом в руке, который мог вызывать приливы, отпивая из чаши океана, еще привиделся Лейфу вероломный бог, прикованный к скалам, чтобы на него стекал яд из пасти грандиозной змеи, померещились гиганты и чудища, чудеса и сумрачный рок, который предшествовал уничтожению всего на свете, включая и саму Землю.

В нем заговорили мифы и ожил язык, умерший тысячи лет назад! Но это было невозможно!..

В это время Лейфа охватило чувство, что его пытаются разорвать на части и расчленить на самые малые атомы, и радуги Бифроста расплескались вокруг него в последней вспышке.

И стало спокойно. Мрак милосердно сомкнулся над Лейфом Свенсеном.

ГЛАВА 4

Издалека доносились удары по металлу и крики толпы. Лейф очнулся, понимая, что он провел без сознания несколько часов. Он шевельнулся и сразу вспомнил о нанесенных ему ранах. Но не почувствовал боли. Или прошло много времени или все, связанное с завершением кровавой схватки, померещилось ему после контузии. А сейчас он явно лежал в постели и не ощущал обычных запахов больницы. Чутье подсказало ему, что он не дома, а в совершенно незнакомом месте. Лейф приоткрыл и снова закрыл глаза. Темнота. Оба раза он ничего не увидел. Не ощущал он и бинтов на лице, которые могли бы заслонять свет.

Что-то возникло неподалеку, и прозвучали шаги. Лейф лежал спокойно, боясь пошевельнуться. А вдруг он не видит света, потому что совершенно искалечен?

— Он все еще без памяти? — спросил мягкий женский голос. Ласковая ладонь легла на лоб Лейфа и отвела волосы от лица. На миг пальцы замерли, и он почувствовал приятную прохладу и странное покалывание от прикосновения женской руки.— Он статен и неплохо сложен. Чем-то похож на Балдера... Только в его лице я не вижу ничего воинственного. Он скорее выглядит мирным крестьянином...

В ответном слове прозвучала насмешка.

— Будь осторожней, Фулла! Странно слышать такие речи от девственницы Аснира. Вспомни о богине Фрейе и ее смертном муже.

— Не преувеличивай, Регнилейф,— ответила незнакомка по имени Фулла. В голосе прозвучало смущение.— Много воды утекло с тех пор, когда смертный появлялся у нас. Айзир пустеет, как и эйнхерьяр. Не забивай себе голову чепухой.

Собеседница Фуллы снова засмеялась.

— С этим героем нам пришлось повозиться. Переправить его через Бифрост оказалось почти не под силу даже Летящему Копы-

ту. А ведь это лучший конь Джны. Летящее Копыто на целую неделю выбыл из строя. Да и я по-прежнему не могу прийти в себя после того, как вытащила твоего подопечного. Надеюсь, этот человек окажется настоящим берсеркером и обладателем знания, о котором вероломный Локи поведал Эльфадуру Одину... Мы все нуждаемся в его знании. Горячее дыхание Сартра веет все ближе...

Шаги удалились, голоса растворились в отдалении. Лейф Свенсен лежал неподвижно и пытался разобраться в происходящем. Безумие продолжалось наяву. Балдер, Айзир, Один, вероломный Локи — древние боги Севера. Неужели его бреду не будет конца? Но ведь валькирия на самом деле вынесла его из боя на своем Летящем Копыте!.. А разве молот не возвращался в ладонь Ёрдссона, подобно легендарному молоту Тора? Смех и грех...

А где же Ли? Он попытался приподняться.

— Ли...

В ответ он не услышал ни звука, но к его плечу прикоснулась рука и подтолкнула его назад на ложе. В руке чувствовалась мужская сила.

— Не волнуйся, Лейф Свенсен. О твоем брате позаботятся. Да это сейчас не самое главное. Бифрост ослепил тебя. Вот моя рука. Сожми ее и попробуй следовать за ней глазами.— Это голос Лайфейсона. В нем не звучало привычной насмешки, скорее скрытая тревога.— Тебе понадобятся все твои чувства. Я владею кое-какими магическими тайнами... Если ты наконец-то понял, кто я, не забывай этого. А теперь...

Его руки выводили любопытные пассы перед лицом Лейфа, и вслед им звучали слова заклинания:

Железного леса матерью
да выправится это все.
Торопись, Время, чтобы смертному
вновь зрение обрести!

То ли помогло заклинание, то ли сработали пассы — только комната неожиданно высветилась. Лейф, моргая, обвел взглядом старые балки потолка. Он лежал в огромной комнате, вдоль стен которой тянулись деревянные скамьи, покрытые медвежьими шкурами. Старинное немудреное оружие украшало стены, свет проникал внутрь сквозь маленькие оконца, затянутые промасленным пергаментом. Комната, как уже отметил Лейф, и не пахла больницей, но чем-то напоминала декорации второсортной постановки вагнеровских опер. Лейф покосился на собственное плечо. Он не увидел ни бинтов, ни открытой раны, только свежий красный шов на том месте, которое было разрублено.

Он повернулся к своему целителю, известному ему под именем Лайфейсона. Тот был одет в плотную кольчугу, и его голову венчал остроконечный шлем с крыльями. Догадка пронзила Лейфа:

— Локи! И это...

Локи кивнул.

— Я — Локи Лайфейсон, сын Нэла. А вокруг нас — Асгард, жилище богов твоих предков. Ты жив, Лейф, хотя и должен был испытать прикосновение к смерти перед тем, как порвать связи с Землей. Переход через Бифрост — мост между измерениями времени и пространства — наполняет тело такой энергией, что оно оказывается в силах за день затянуть свои раны. Что я еще хочу сказать? Перед тобой пройдут мифы, но эти мифы живы и у них острые зубы, Лейф Свенсен. Язык, на котором я с тобой говорю, одно из доказательств. Ты узнаешь этот язык?

В сказанном Лейф точно узнал английские слова *миф* и *измерение*, но все остальные... Он не находил их в своем словаре, хотя вполне понимал. Это было похоже на язык бабушки, но невероятно изменившийся, а скорее всего совершенно архаичный.

— Мы не умеем читать мысли,— пояснил Локи.— Но смысл любых произнесенных здесь слов доступен каждому. Такова природа Асгарда. Впрочем, любой из известных нам миров имеет свои особенности. Ты веришь мне?

Лейф кивнул в ответ, но не слишком уверенно. Что-то было во всем этом не так, и он еще не мог отбросить свое земное знание мира и немедленно принять слова Локи на веру. Но он не мог и отрицать их полностью, особенно после всего, что произошло.

А Локи нахмурился.

— Ну, неважно, тебе все равно придется поверить. Фулла уже возвращается. Поэтому слушай и запоминай! Притворяйся, сколько сможешь, что ты в бессознательном состоянии. А потом сделаешь все, что скажу. Имей в виду: Один упрям, а временами бестолков. Это я убедил его, что нам нужен человек современного мира. Он избрал Ли. Мы с Тором отправились за твоим братом, но я все подстроил так, чтобы забрать тебя. За этот обман могут наказать нас обоих. Все должны видеть в тебе берсеркера, то есть твоего брата, способного остановить двадцать воинов, чтобы спасти друга. Именно это увидел Один, восседая на своем троне. Не забывай этого — играй роль! Только смотри, играй ее хорошо. Гнев Одина ужасен!

Послышались шаги за дверью, и Локи неожиданно исчез. Там, где он только что стоял, покачивался листочек какого-то дерева. Лейф уставился на этот листок. Голова его шла кругом от избытка впечатлений и от недостатка информации. Бред ли все это или нет, только Лейф понимал, что ему придется следовать указаниям Локи. По крайней мере, высказанная ему тревога была искренней.

Он быстро опустился на ложе, закрыл глаза, расслабился.

— Он по-прежнему не приходит в себя,— услышал Лейф уже знакомый низкий голос Регнилейф.

— А ведь ему уже пора очнуться.— Ладонь Фуллы опять мягко легла ему на лоб.— Но все меняется вокруг, все не так, как положено... даже с яблоками творится что-то неладное. Наверное, меня напрасно назначили на место Айдуни. Я делаю все, что только можно, а дерево никак не отзывается. Ну, ладно, Регнилейф, пора оживить героя.

Регнилейф хрипло хохотнула.

— Я много раз делала это, Фулла. Сегодня мне не хватит энергии после нашего последнего полета. Кроме того, я должна позаботиться о Летящем Копыте. Оживи его сама — раз уж ты хочешь этого.

Лейф чуть приоткрыл глаза и сквозь ресницы разглядел уходящую миловидную женщину. А Фулла робко направилась к нему через всю комнату, проводив подругу. Стройная и изящная. Золотые волосы скреплены на затылке необычной короной из светлого металла. Прелестное лицо дышало свежестью. Завистницы сказали бы, что это здоровое лицо, иными словами, кровь с молоком. Румянец смущения, выступив на щеках, только подчеркивал эту свежесть. Когда она подошла, Лейф быстро сомкнул глаза.

На этот раз в ее прикосновении не чувствовалось уверенности. Одной рукой она прикасалась в его груди, ладонь другой скользнула под голову и обхватила затылок. Вдруг нежные и теплые губы припали к его губам. Поцелуй становился все сильнее! Между ними пробежала трепетная волна, подобная покалываниям электротока. Она была полна какой-то горячей силой.

Лейф непроизвольно протянул руку и привлек девушку к себе.

— Нет, Июмир, нет! — задохнулась она.— Этого нельзя делать под чарами, иначе твое оживление плохо кончится для нас обоих...

Но его рука преодолела сопротивление Фуллы, и опять их губы встретились. На этот раз горячая струя неведомой энергии как будто расходилась в обе стороны. Девушка на мгновение поддалась ласке и даже протянула руку к его плечу. Ее губы робко отозвались на поцелуй Лейфа. Но поток энергии начал ослабевать, и она вырвалась из объятий Лейфа, запрокинула смертельно бледное лицо.

С широко открытыми глазами она выглядела еще привлекательнее, и Лейф усмехнулся. Под его взглядом на побледневшем лице Фуллы проступил резкий румянец.

— Это же только обычай — пробуждение зачарованного героя...— сказала она, чуть заметно запинаясь. Она внимательно всматривалась в Лейфа, и ее пухлые губы вытянулись в тонкую линию:

— Ты ожил раньше срока! Ты обманул меня.

Возникала хоть какая-то ясность в бредовой обстановке. Ирреальность ситуации помогла Лейфу преодолеть неловкость. Кроме того, он должен был вести себя, как Ли. Локи не зря предупредил его.

— Конечно, я обманул тебя,— жизнерадостно воскликнул он и задержал руку Фуллы в своей ладони.— Но какой бы мужчина не сделал этого!

Она пожала плечами — то ли с недоумением, то ли соглашаясь... Лейф привлек ее к себе. Девушка пылко обняла героя. Он удивился своему поступку. На этот раз между ними не появилось энергетического поля, но его душу охватил неведомый ранее порыв. В мире не осталось никого и ничего, кроме Фуллы и желания чувствовать ее рядом с собой. Он хотел только одного — покрепче обнять эту почти незнакомую девушку.

Но объятие было разорвано хриплым дребезжащим голосом. Казалось, это каркала ворона:

— Óдин призывает к себе!

Фулла отпрянула от Лейфа и покраснела до корней волос. Взгляд Лейфа уперся в черную птицу. Эта птица сидела на спине косматого серого волка.

Птица в упор смотрела на Лейфа.

— Óдин призывает Лейфа, сына Свена. Фулла должна указать ему дорогу.

Фулла опустила глаза и сняла со стены шлем и кольчугу.

— Быстрее переодевайся. Последнее время Эльфадур не терпит промедления. Обо всем, что было, мы должны забыть навсегда.

Ее не смущал вид обнаженного мужчины. Он натягивал на себя непривычный наряд, а она не только смотрела на него, но и помогала побыстрее облачиться в воинские доспехи. Он принял помощь как нечто вполне естественное и не удивился этой вольности. Очевидно, попав в Асгард, он воспринял законы поведения, принятые здесь. Но нордические легенды, как он припомнил, ни о чем подобном не говорили.

Он не мог забыть, как Фулла откликнулась на его ласку, и был уверен, что и она думает об этом. Он вышел вслед за Фуллой, не сказав ни слова, как будто ничего и не было между ними. За спиной остался низкий массивный дом. Он занимал большой кусок земли, вдоль фасада тянулся целый ряд дверей. Вокруг стояли другие дома. Самые высокие поднимались только на четыре этажа. Крыши, стены, наличники этих домов когда-то сверкали позолотой, но сейчас позолота облупилась. Под солнцем вспыхивали остатки прежней роскоши. Асгард явно нуждался в ремонте.

Однако природа Асгарда явно свидетельствовала о величии этих мест. Лейф вдыхал хрустально чистый воздух, по небу плыли плотные белые облака. Казалось, они окутывали этот мир бездонной пеленой, но сквозь пелену струился свет. Цепь холмов уходила к горизонту. С одной стороны Асгарда стояла высокая стена, окруженная густым лесом. Там, где стена не заслоняла взора, раскинулись холмистые равнины, покрытые зеленой травой. В мягкой и упругой траве утопала нога. Весь ландшафт выглядел хорошо ухоженной садовой лужайкой.

Они направились к лесу. За спиной остались огромные дома из потемневших бревен с осыпавшейся позолотой. Они вышли на зеленую равнину. Ее центр был безжалостно вытоптан сапогами. Здесь рубили и кололи друг друга люди в боевых доспехах. Лейф понял, что именно этот шум разбудил его. Он осмотрелся. Одни из воинов держали секиры с двойным лезвием, другие ощетинились копьями. Большинство из них орудовали неудобными мечами, прикрываясь щитами от противника.

Он увидел, как какой-то воин недалеко от него одним ударом отсек головы двух бойцов. После этого он с удовольствием утер пот со лба и вразвалочку двинулся по равнине в поисках новых приключений. Тут засвистело копье и пропороло ему бок. Он споткнулся на ровном месте, осел на землю, но даже не попытался извлечь копье из раны.

При виде этого душераздирающего зрелища Лейф припомнил кое-какие обрывки из древних мифов. Несомненно, здесь находился эйнхеръяр — войско героев, которых валькирии доставляли в Валгаллу, вдыхая в них новую жизнь. На этом поле они практиковались в ратном мастерстве. Это мастерство должно было понадобиться после наступления Рагнарёка. Над эйнхеръяром властвовал Один. Каждый вечер по его повелению герои снова становились живыми и здоровыми. Подумаешь, пара отрубленных голов! Они вскорости прирастут к шеям своих владельцев. Лейф вздрогнул — он заметил, что из ран не сочится кровь.

— Что-то твои герои неповоротливы,— сказал он Фулле.

А Фулла озабоченно кивнула.

— К сожалению, это так, хотя здесь собраны великие воины. Искусственная плоть, созданная белыми эльфами, все же упускает жизненную силу, хотя мы, валькирии, успеваем сохранить ее, когда герой на грани смерти.

— Искусственная плоть?

— Так мы называем их тела, хотя сам мир эльфов для нас закрыт.— Неведенье Лейфа немного озадачило Фуллу. Она разъяснила, что происходит с героями.— Мы, валькирии, храним гены этой плоти, созданной эльфами. Когда мы вдыхаем эти гены в грудь умирающего героя, жизнь и тело его сохраняются навсегда. В Асгарде восстанавливаются израненные тела. Герои получают вторую жизнь. Но земные силы из этих вечных тел постепенно улетучиваются. Мы не умеем наделять их новыми силами.

Они используют генетическую матрицу человека, сообразил Лейф, и выращивают его тело из протоплазмы при переходе через радужный мост. Каким-то образом герои частично сохраняют разум и память. Он по привычке начал искать логику во всем этом абсурде и даже поморщился.

— Почему бы не приглашать в Асгард живых героев, вместо того чтобы воссоздавать недоразвитые копии? — спросил он.

Фулла вздохнула.

— Даже Бифрост не поможет оживить мертвого. А плоть белых эльфов не умирает — она всегда восстанавливает свою первоначальную форму. Ты на своем опыте должен был понять, как трудно выхватить раненого героя из лап смерти в ту минуту, когда он испускает последний вздох. Нам и так не хватает золотых яблок с нашей Священной Яблони. Даже Летящее Копыто не поднял бы тебя без посторонней помощи... Ой, мы заговорились, а нас ждут. Идем!

Лейф ощутил свое тело. Оно, без сомнений, принадлежало ему и раньше. Как говорится, здесь и не пахло протоплазмой! И его чувства отнюдь не казались эфемерными, когда он разглядывал идущую перед ним девушку. Она так нравилась ему...

По камешкам они перешли ручей. Хорошо утоптанная тропинка вела в лес. Здесь он догнал Фуллу и властно притянул к себе. На миг она прильнула к его груди — и сразу отпрянула.

— Мы опаздываем,— с мягким укором молвила Фулла.— Айзир собирается в Йюггдразиле.

Йюггдразил оказался старинной ясеневой рощей. Ветви старых деревьев переплелись и образовали шуршащий шатер над огромной поляной. Здесь на жестком троне сидел бог Один. По левую и правую руку от него насторожились два волка. Вóроны замерли на плечах бога. Его можно было узнать еще и по единственному глазу на царственном мрачном лице. Этот глаз проницательно оглядывал собравшихся. Бог был почему-то подавлен, его согбенные плечи выражали обреченность. При виде этого Лейф испытал непонятную жалость.

А Локи был уже здесь. Он улыбнулся Лейфу и пошел навстречу.

Фулла насторожилась, щелкнула пальцами и попыталась встать между Локи и Лейфом.

— Это злой гений Асгарда,— шепнула она.— Айзир сошел с ума, если разрешил ему вернуться. Остерегайся его, Лейф.

Лейф Свенсен нахмурился. Он вспомнил о вероломстве рыжебородого бога, о несчастьях, в которые тот вовлек десятки своих земляков. В предупреждении Фуллы был смысл. Да и древние истории говорили о том же. Но у Лейфа не оставалось выбора. Он мог рассчитывать только на Локи. Это было ясно.

— Я думал, что именно он — мой покровитель в мире богов,— ответил он Фулле.

Его спутница после этого признания напряглась, ее глаза потускнели и на опустошенном лице появилось такое выражение, как будто он только что отвесил ей пощечину. Она отпустила руку Лейфа и прижала свою ладонь тыльной стороной к губам. Отвернулась и бросилась прочь.

А Локи уже стоял рядом с ним и посмеивался.

— Она не любит меня,— сказал он беззаботно.— Однажды, когда Асгарду угрожала опасность, я договорился о мире с Маспелхеймом. Правда, при условии, что Фулла выйдет замуж за вождя гигантов. У него была кабанья голова и в придачу четыре руки, но все же он выглядел лучше других. Она умолила Фрейю не выдавать ее замуж, но с тех пор возненавидела меня. Теперь она, наверное, подумала, что ты ее предал. Но — хватит воспоминаний...

Он подвел Лейфа поближе к собравшимся.

— Запоминай эти лица. Я вижу, что Одина ты узнал сам. Рядом с ним Видарр и Вэли, его сыновья. Будь осторожен с ними. Считается, они уцелеют после Рагнарёка. Я полагаю, им выгодно ускорить его приближение, вот они и сговариваются... Дальше стоит Хеймдаллр. Он всегда против моих предложений...

Локи называл имена богов, но Лейф быстро запутался в их лицах и взаимоотношениях. Голова шла кругом от обилия впечатлений, когда он вслед за Локи подошел к трону Одина.

Бог сердито смотрел на гостя с высоты своего трона. Жена Одина — Фригг — холодно взирала в сторону, намеренно не замечая Лейфа.

Один подозвал Фуллу. Она приблизилась к нему с маленьким кованым сундучком. Один извлек из сундучка маленькое золотое яблоко, надкусил его и пустил по кругу соратникам. В голосе Одина звучала такая горечь, что Лейфу на миг пришла мысль о язвенной болезни бога.

— Пф-ф... Наша юность и наша сила зависят от такой малости...— и он с неприязнью отрыгнул.— Но и этой малости уже не хватает. Локи, где наш сын Тор?

— Оки-Тор еще не вернулся. Очевидно, он ищет новых героев,— в смиренном голосе Локи прозвучало извинение. Но Лейфу он шепнул с облегчением: — Нам повезло. Я боялся, что Тор опередит нас. Он один способен понять, что ты — только близнец героя, и потребовать нашей смерти в Нифлхейме. За обман.

— Так это и есть герой? — снова вопросил Один.

Толпа изучала Лейфа, рассматривала его сапоги, бросала взгляды на часы, которые блестели на запястье. А вкрадчивый голос Локи начал рассказ о том, как они вместе с Тором вступили в битву, чтобы выхватить из нее нужного им человека. Как они потерпели поражение, ибо герой оказался на освященной церковью земле. Локи поведал собранию, как он проследовал в другую страну по следам героя. Он поведал, как вызвал недовольство соседей Свенсена, и красочно описал дальнейшее побоище. Лейф оценил, с каким мастерством привирал Локи в своем рассказе. Получалось, что главную роль в схватке играл не Ли, а он сам, Лейф Свенсен. Было неприятно вспоминать, как Локи двурушничал, натравливая соседей на Свенсена, чтобы почти немедленно перейти на сторону братьев. И все это для того, чтобы Лейф попал в гибельную переделку. Для того, чтобы его серьезно ранили, настолько серьезно, чтобы появилась возможность перенести умирающего бойца через Бифрост. Видимо, это было одним из магических условий воскрешения. В глубине души Лейф соглашался с мнением Фуллы о Локи. Но он уже включился в игру, которая не оставляла выбора.

Один с нетерпением ожидал, когда Локи доведет свою историю до конца.

— Ты не порадовал меня, но что поделать... Мир болен. Мужчины ведут себя, как женщины. У героев не хватает сил как следует замахнуться топором. Может быть, он силен в науках и ремеслах и это восполнит недостаток храбрости? Что же, попробуем использовать его во славу Асгарда. Локи, ты Рагнарёком ручаешься за сына Свена?

Локи поднял руку. Стоящие рядом с Одином тонколицый Вэли и толстый Видарр что-то нашептывали отцу. Один отмахнулся и еще больше сгорбился на своем троне.

— Мы ни на что не способны,— с горечью бросил он своим соратникам.— Безумные времена. Безумие поразило всех нас. Мы вынуждены даже слова Локи принимать на веру. Безумный век созвучен его речам. Но, если этот новоявленный герой нас подведет, хуже все равно не будет, а вы сделаете с ними обоими все, что вам заблагорассудится. Сын Свена, выйди вперед, покажись богам.

Локи незаметно склонился к плечу Лейфа.

— Нам повезло. Сейчас многие настроены против Одина, и он вынужден защищать нас...

Фразу прервал внезапный рев.

— Стойте! — разнесся над толпой крик, и Локи с чувством выговорил бранное слово. Огромная фигура Ёрдссона, а иначе — Тора, расталкивала ряды собравшихся, прорываясь в центр собрания. За ним бежал усталый, тяжело дышащий пес. Лейф сразу узнал Рекса. В протянутых руках Тор нес бездыханное тело Ли.

— Стойте! — снова заревел Тор. Как пушинку он опустил тело на траву и обернулся к присутствующим. Локи схватил Лейфа за руку и потянул в плотную толпу. Они спрятались за спинами Айзира. А хмурый Тор обратился к Одину.

— Отец Один,— истинный герой — вот этот сын Свена. Я объявляю другого самозванцем и таким же пройдохой, как сам Локи. Меня обманули. Я требую справедливого суда!

Он повернулся к щегольски одетому Хеймдаллру. Тот полировал ноготь суконным рукавом. Хеймдаллр на мгновение отвлекся от своего занятия и протянул палец с глянцевым ногтем, указывая, где затерялись среди толпы Лейф и Локи. Тор молниеносно обернулся к ним. Его рука лежала на рукояти молота, висящего на поясе.

ГЛАВА 5

Повелительный голос Одина прогремел над толпой:

— Ты сказал достаточно, Тор! Мы решим вопросы, с которыми ты обратился к правосудию. Как этот человек смог попасть в Асгард без помощи валькирий?

Тор еще хмурился, но его рука на рукояти молота разжалась. Он опустил руку. Его гнев еще не прошел, но он взял себя в руки. Локи с облегчением вздохнул и подтолкнул Лейфа вперед.

— Локи задурил голову валькириям, и они улетели с ним,— он презрительно ткнул пальцем в сторону Лейфа. Регнилейф с подругами умчалась и оставила меня с умирающим на снегу героем. Я пронес его через Бифрост на собственном горбу. А что, по-вашему, я должен был делать?

— А собака, Тор? С каких это пор в Асгард возносится земное зверье?

— С тех пор, как сюда допущены во́роны и волки,— парировал Тор.

Как ни странно, Один даже улыбнулся в ответ на дерзкую реплику, но Тор не заметил этого: он не ждал одобрения. Он отвечал:

— Собаке досталось не меньше, чем герою. Ее добивали два озверевших фермера, когда мой молот Мъёльнир настиг их. Полумертвый, с переломанной спиной верный пес полз за нами. Он не мог оставить хозяина. И что, я должен был бросить его в то время, когда валькирии спасали самозванца на Летящем Копыте? Мы добрались сюда втроем, обнимая друг друга, и потому каждый из нас имеет право на дружескую встречу под старинными ветвями.

Гул одобрения пронесся над толпой, и даже на лице Локи отразилось искреннее восхищение подвигом Тора.

— Даже Летящее Копыто в лучшие времена не смог бы вынести двоих,— услышал Лейф его замечание.— Но Тор в ярости может перенести через Бифрост хоть роту! Это может склонить Айзир на его сторону.

Лейф подумал, что ему не разобраться в этом хаосе событий и отношений. Он тяжело положил руку на плечо своего наставника.

— Я выхожу из игры, Локи. Все, что угодно, но соперничать с братом я отказываюсь.

— Благородный жест! — съязвил Локи.— Не бойся, Тор не сделает Ли ничего плохого. Не для того он перенес его сюда. Он, может быть, не очень умен, наш Тор, но по-своему весьма справедлив. Ли Свенсен не пропадет под его защитой. Но если мы сейчас не отыграем у Тора свои очки, мы-то точно не выкрутимся. Тебя прикончат на месте, прямо здесь, тем более что ты пребываешь в собственном теле, а не в искусственной плоти эльфов. И это еще будет лучшим выходом из положения. У Одина в запасе немало роковых сюрпризов.

Они пробились сквозь толпу и теперь стояли в переднем ряду. Локи церемонно вскинул руку, чтобы привлечь внимание. Тор опять помрачнел, но Один кивком головы разрешил говорить.

— Мы восхищаемся твоей силой, Тор,— вкрадчиво начал Локи. Он говорил очень тихо. Окружающим пришлось напрячься и примолкнуть, чтобы услышать его. Толпа утихомирилась.— Летописец Брэги посвятит новую поэму твоему переходу через Бифрост. Жаль только, что все-таки истинного героя доставил сюда я. Эльфадур Один, во время схватки трудно было уследить за каждым из них, тем более что они поразительно похожи друг на друга. Но главный удар в этом бою принял на себя Тор. Это позволило мне держаться в стороне и разобраться, кто есть кто.

Раздирающим уши ревом Тор выразил свой протест. Лейф снова был потрясен его могучим голосом.

— Ты заявил, что я ошибся в выборе героя! Клянусь Июмиром, мы разберемся, кто есть кто!

Локи пожал плечами.

— Увы, не тот, кто лежал без сознания, Оки-Тор. Вообще все умирающие похожи. Я не хочу тебя обидеть, я просто утверждаю, что ты в пылу битвы не мог увидеть все то, что в твоей тени разглядел я. Фулла присутствовала при нашем появлении. Ответь, Фулла, разве мой избранник выглядел трусом?

От Фуллы зависела сейчас судьба Лейфа. Но ее лицо было безжизненно, а голос звучал холодно и безучастно.

— Как я могла понять это, Отец Зла? Он был сильно изувечен, судя по ранам. Даже в Асгарде его шрамы не исчезли, хотя и затянулись. Но можно ли доверять смертному, который встал на твою тропу? Сейчас я не уверена даже в том, что эти раны были настоящими, а не наведенными твоим магическим искусством.

— Ответь, Фулла,— продолжил Локи,— испугался ли он встречи с богиней? Я имею в виду тебя, чьи достоинства, как известно, не снисходят к заботам Асгарда. Или он все же попытал счастья там, где отступали даже вожди и боги? Я не сомневаюсь, ты честно ответишь на мой вопрос.

Фулла залилась краской стыда под испытующим взглядом толпы. Она с тихим укором взглянула на Лейфа и высокомерно вскинула голову.

— Он вел себя довольно вызывающе. Его можно было принять за твоего двойника, Локи.

Она бросила вызов и прошла мимо Лейфа, едва повернув лицо в его сторону. Затем приблизилась к Тору.

— Ока-Тор, твой избранник достоин воскрешения. Пусть валькирии не вовремя покинули поле боя, я исправляю их ошибку.

Она повела в воздухе рукой, сопровождая свои плавные и точные жесты невнятной скороговоркой. Потом опустилась на колени и обхватила ладонями голову лежащего на траве Ли.

Это не понравилось Лейфу — зачем устраивать спектакль из этого в сущности интимного таинства. Но тут же ему стало стыдно за свой эгоизм, проявленный в ту минуту, когда Ли нуждался в помощи. И все же что-то снова кольнуло его, когда Ли приоткрыл глаза и потянулся к Фулле. Чопорное покашливание Фригг остановило Фуллу, и она выпрямилась, растягивая губы в тонкой язвительной улыбке.

А Ли Свенсен как ни в чем не бывало тряхнул головой и поднялся. Он посмотрел на галдящую толпу, на мгновение о чем-то задумался и вдруг от души расхохотался.

— Разрази меня гром! Да это же бабушкин Асгард! Один, Тор и Локи де Нэл! — Неожиданно лицо его прояснилось, он забыл о толпе и воскликнул: — И Лейф сюда затесался! Черт возьми, мой мальчик, я так рад, что они прихватили тебя. Ты же знаешь, я — эгоист, без тебя мне было бы скучно.

Фулла неодобрительно отошла в сторону, когда братья обнялись. Вокруг них, рыча от радости, метался из стороны в сторону Рекс. Он подпрыгивал и облизывал лица своих вновь обретенных хозяев. Они стояли рядом, и теперь стало ясно, что они абсолютно одинаковые. Поначалу это даже Тора ошеломило, но в его глазах мелькнуло сомнение, когда к братьям подошел Локи.

Лейф не реагировал на удивленные крики вокруг. Он восхищался тем, как быстро Ли воспринял все происходящее и вписался в этот новый и странный мир. Братец и Фуллу способен увлечь в мгновение ока, поймал он себя на тоскливой мысли. Может быть, поэтому он сглотнул горький комок, когда ощутил надежное рукопожатие брата.

— Ты выглядишь куда лучше, чем перед схваткой, Ли...

А Локи вошел в роль и победно комментировал:

— Два героя! Оба похожи! Оба ранены в бою...

Тор косился на Локи. Он, конечно, не верил известному хитрецу, но не мог не испытать почтительной зависти к тому, как Локи проворачивает свои авантюры.

— Имена имеют власть над судьбами людей,— продолжал вещать Локи.— Возможно ли, чтобы древняя кровь человека по имени Лейф Свенсен была слабее иных кровей?

Недовольство Тора обратилось на Лейфа. Аргумент Локи оказался весомым ударом. Дело в том, что боги предпочитали традиции, а не логику. В этих традициях власть имени занимала почетное место среди ценностей Асгарда. Тор попытался объяснить Ли суть происходящего, но собрание снова привлекло его внимание.

Хеймдаллр на этот раз протирал рукавом звенья кольчуги. Полированный металл отбрасывал блики. Самодовольный бог вонзил свои острые глазки прямо в Лейфа.

— Ты говоришь — два героя, Локи? Но мои глаза, способные за тысячу миль подглядеть рост травы, подсказывают мне, что твоему герою нанесена всего одна рана — в плечо и ключицу — да и то занесенным за спиною тесаком. И это единственная боевая рана...

С лица Локи сбежала ухмылка. Ладони Лейфа вспотели от напряжения. Конечно, Локи блефует, а его улыбка — маска, скрывающая тревогу. Только сейчас он сообразил, насколько серьезно все происходящее. Лейф вытер вспотевшие ладони о свои непривычные доспехи. Его пальцы наткнулись на кожаную сумку, пристегнутую Фуллой к поясу, и машинально нащупали вложенный туда пистолет. Очевидно, валькирии перенесли в Асгард вместе с ним и его оружие. Лейф стиснул рукоять пистолета. А Локи опомнился и взял себя в руки.

— На этот раз твои глаза, Хеймдаллр, увидели больше, чем обычно. Конечно, его ударили сзади. Никто не решался встать с ним лицом к лицу в открытом бою, ибо страшна боевая ярость героя.

Но все же первоначальное смятение Локи не осталось незамеченным, и Один принял решение. Это было видно по его лицу. Тор же выглядел неуверенно, он опять что-то пробормотал. Но в целом сомнения толпы развеялись.

Лейф понял, что Локи, конечно, не всесилен и способен только отчасти оградить его от гнева богов. Сам он не принимал участия в собственной защите, но пришло время вмешаться и спасти ситуацию. Он выхватил пистолет и нацелился в самодовольное лицо Хеймдаллра. Лейф представил, как повел бы себя в эту минуту Ли, и возвысил голос:

— Если это ты должен протрубить в рог и предупредить Асгард о надвигающемся Рагнарёке, сделай это немедленно, пока я не продырявил твою башку! Вы нуждаетесь в этом трубном сигнале? Так присмотрите за трубачом, чтобы он не наделал глупостей! Или вы не знаете, на что способна эта вещь?

И тут Лейф перевел прицел футом выше головы Хеймдаллра и спустил курок. Боги вздрогнули при звуке выстрела, как связанные одной ниточкой куклы театра марионеток. Пуля точно угодила в древесный нарост на развилке ясеня и разнесла его в щепки. Целый обвал щепы и трухи посыпался вниз на голову Хеймдаллра. Самодовольство исчезло с лица бога. Не напрасно Лейф тренировался в тире почти ежедневно, даже когда Ли не бывало дома.

— Следующую пулю я пошлю в Хеймдаллра! — предупредил он.

— О нет! — вскрикнул Тор и метнул свой молот. Тот помчался по кругу, едва не зацепив пистолет. Но металл молота скорее всего был пронизан магнитными токами неведомого чародейства. Пистолет вырвался из руки Лейфа и прилип к металлу. Молот вернулся к Тору. Тор подбросил пистолет на ладони.

— Опасная штука, Лейф Свенсен, ничего не скажешь, но Джэллар-Рог не вострубит без Хеймдаллра.

Ли был готов к нападению, но Тор повесил молот на пояс и спокойно взирал на Лейфа. Несомненно, бог придерживался каких-то своих понятий о чести и не отступал от них. А вот Хеймдаллр осознал, что был на волосок от смерти, и громко закричал. Однако после нескольких слов, брошенных Одином, успокоился и о чем-то зашептался с Вэли и Видарром.

Локи снова вступил в игру.

— Вы хотели доказательств? Они красноречивы! Разве Один не разглядел со своего трона новое оружие героев? Именно такое необходимо и нам, чтобы сокрушить орду Сартра! Кто, как не герой, способен иметь такое оружие и так великолепно обращаться с ним? Пусть избранник Тора покажет нам свое искусство.

— Ты же прекрасно знаешь, что я безоружен,— спокойно ответил Ли.— Тем не менее я готов.

Он шагнул к Тору и ребром ладони нанес богу резкий удар по запястью. Пистолет, крутясь, взлетел вверх, и Ли легко перехватил его на лету. Тор расхохотался. Ему понравилась дерзость земного человека. Но одобрение исчезло с лица, когда Ли кинул пистолет Лейфу, а сам неожиданно сорвал боевой топор с пояса Тора. С этим топором он встал поближе к брату и прикрыл того со спины.

— Он воистину герой! Это могли увидеть все,— закричал Тор, обращаясь к Одину.

Локи съязвил:

— Особенно когда Тор роняет оружие в руку своего избранника. Это еще не доказательство. А вот способен ли твой герой изготовить подобное оружие для Айзир? Вот что важно! У нас хватает героев для похвальбы в Валгалле. Но сегодня герои должны владеть тайным мастерством...

— Вот к чему он клонит,— шепнул брату Ли.— Неужели эти могикане хотят, чтобы мы сделали для них современное оружие?

Лейф нагнул голову, чтобы Хеймдаллр не смог прочитать его ответ по губам. Этот самодовольный бог, может быть, немногого стоил, но обладал невероятной силой зрения.

— Судя по всему, ты прав. Но ведь мы многое сможем сделать, если найдутся подходящие материалы. Я помню кое-что из школьной химии да и на ферме все делал своими руками. Боюсь, правда, что здесь в лучшем случае можно изготовить кремневое ружье.

Тор и Один безмолвно взирали друг на друга. Наконец одноглазый бог поерзал на троне и обратился к Ли:

— Ты можешь сотворить нечто подобное?

— Конечно, нет.— Ли не стал врать.— Одно дело — пользоваться оружием, совсем другое — заниматься его изготовлением. У нас на Земле это делают разные люди. Кроме того, у меня под рукой нет ничего необходимого для такой работы. И вообще — мой брат лучше меня разбирается в подобных штуковинах. Поговори с ним!

У Лейфа опять вспотели ладони. Он оглянулся на Локи, но бог определенно не хотел вмешиваться в беседу. Его потупленный взор говорил только о том, что помощи от него не дождешься. В эту минуту Лейф держал в руках собственную жизнь. И не только ее одну. За ним стояли Ли, Локи... Он, конечно, мог бы наладить производство несложного оружия, но это требовало немало времени. Кроме того, надо познакомиться с техническими возможностями Асгарда. Наверняка здесь было далеко до земной техники. Еще ему показалось, что Один не примет никаких заверений на будущее. Бог ждал немедленной помощи. Не зря несколько раз за такое короткое время боги вспоминали о Рагнарёке. Они остро нуждались в оружии.

Лейф сосредоточился. Ответ Одину требовал точности и определенности. Локи помешал ему сформулировать этот ответ. Он встал перед Лейфом и обратился к Одину. Одна его рука лежала на поясе, другую он заложил за спину и покачивал ею, как будто хотел подать Лейфу какой-то сигнал.

— Ли верно сказал, что это трудное дело. Оно требует необходимой подготовки и материалов. К счастью, мне удалось кое-что добыть для изготовления оружия. Это стоило мне немалых трудов, а запаса хватит всего на один пистолет, да и то без боевых зарядов. Сын Свена сейчас сотворит чудо — он сделает пистолет, и вы все его увидите.

ГЛАВА 6

Рука, заложенная Локи за спину, опять шевельнулась. Лейф заметил на ладони Локи вороненый пистолет! Локи ловко сунул его под латы и обернулся к Лейфу так, чтобы зорковидящий Хеймдаллр не смог по губам понять его слова.

— Никто не должен заметить обмана,— сказал Локи. Это был приказ.— Все должны оценить, как труден процесс создания оружия. Для начала брось свой пистолет брату, чтобы все заметили это.

Локи подхватил со скамьи грубо сплетенную корзинку и начал перебрасывать в нее из своей поясной сумки какой-то металлический мусор. Боги насторожились.

— Ап! — по знаку Локи Лейф перебросил пистолет Ли и взял корзину. Он устроился на дальней скамье под деревьями и увидел, что Локи умудрился вместе с горсткой железок переложить в корзину второй пистолет.

Лейф опустил руки в корзинку и начал сосредоточенно перебирать металлический хлам. Он ощупал пистолет и хотел разобрать его на части, чтобы затем собрать вновь. Но не тут-то было: пистолет оказался подделкой, игрушкой. Единственное, что удалось Лейфу,

так это занозить палец. В конце концов, он просто сделал вид, что собирает части пистолета воедино. Он заметил, как Локи приблизился к Ли — и лицо брата просветлело. Очевидно, Локи сообщил что-то важное. После этого бог снова, как и все, сосредоточил внимание на работе Лейфа. Он довольно покачивал головой. Цирк да и только!

— Ап! — подбросил Лейф на ладони второй пистолет. Готово! И тут же он умудрился локтем опрокинуть корзинку со всем ее содержимым на траву. Локи одобрил этот трюк, от души хмыкнув. Но опасность все еще исходила от Тора, который внимательно разглядывал оружие. Наконец и чернобородый неохотным кивком выразил согласие.

Гул пошел по толпе. Óдин откинулся на спинку трона, очевидно, не вполне убежденный содеянным чудом. Хеймдаллр искал его внимания, но за шумом толпы его ужимки не дошли до Одина. Хеймдаллр обернулся, чтобы привлечь внимание Вэли и Видарра резкой жестикуляцией. Но в эту минуту Один поднял руку, призывая к молчанию.

Сквозь шум пробился голосок Вэли:

— Отец Один, мне кажется, Локи первый раз в жизни сказал правду. Лейф поможет нам встретить Рагнарёк.

Видарр что-то быстро шептал, склонясь к уху отца. Толпа зашумела снова. Хеймдаллр вскочил со скамьи и что-то закричал, обращаясь к Вэли, но его никто не услышал из-за всеобщего гомона. Вэли все-таки успокоил его, усадил на место. Снова наступила тишина. И тогда Один сказал Лейфу:

— Мы приняли решение, Лейф, сын Свена. Мы, как и раньше, с подозрением относимся к твоему покровителю Локи. Мы также не доверяем военным хитростям земного племени, которое пытается подменить силу воина и доблесть закаленного клинка лукавым чародейством. Такое чародейство порождено слабостью. Но сегодня у нас нет выбора. Близится грядущий День, за которым настанет Ночь. Мы поручаем тебе изготовить оружие для встречи Рагнарёка. В знак благодарности ты получишь все, чего захочет твоя душа. Однако если ты предашь нас или мы усомнимся в тебе, Нифлхейм заполучит в жертву обоих — и тебя, и вероломного покровителя. Клянусь Ююмиром! А что касается второго...

— Что касается второго,— перебил Тор,— я доставил Ли Свенсена в Асгард под свою ответственность и беру его под защиту. Кто-нибудь может поставить под сомнение честь Тора?

Нет, в чести Тора не усомнился никто. Он обвел взглядом собрание богов.

— Вместе со мной Ли Свенсен поведет эйнхеръяр в битву,— так завершил Тор свою речь.

Он пошел прочь от толпы, позвав за собою Ли. И вот что удивительно — Рекс встрепенулся и быстрыми прыжками бросился за ним.

— До скорой встречи, мой мальчик,— попрощался Ли с братом. Он отправился в путь, легкомысленно насвистывая мелодию из

«Полета валькирий». Проходя мимо Фуллы, он подмигнул, и девушка смутилась.

— Локи разливался теперь слаще меда:

— Милая Фулла, как видишь, я не зря участвовал в Совете. Будь добра, укажи нашему герою дорогу к мастерским горных гномов. Отныне он будет работать с ними. И еще передай им, чтобы они слушались Лейфа и повиновались ему.

Внутренний протест Фуллы был смягчен повелительным кивком Одина. Только тогда она подошла к Лейфу и указала ему следовать за ней. Они шли через лес по той же самой тропинке. Фулла торопилась. Гордо подняв голову, она не обращала никакого внимания на своего спутника.

Лейфа задело высокомерие гордячки. Он догнал ее и, взяв за плечи, повернул к себе.

— Чем ты недовольна? Тем, что за меня поручился Локи, или тем, что мой брат понравился тебе? Из-за этого вовсе не обязательно смотреть на меня, как на пустое место.

Он хотел обнять ее, но Фулла влепила ему звонкую пощечину. Наверное, Ли не смутился бы в такую минуту, и Лейф тоже решил продолжить объяснение. Но выражение глаз Фуллы заставило его отступить.

— Если бы ты был пустым местом! — сказала она.— Но ты стал инструментом хитреца. Твой злой наставник — на самом деле лжегерой, а ты, хоть и похож на Балдера... Я не могу простить себе, что именно с этим типом...

Лейф обиделся.

— Что же ты не продолжаешь? — спросил он.— Но ведь наши поцелуи были прекрасны. Я не могу о них забыть. Может быть, тебе это удалось?

— Нет, я помню твои поцелуи — и ненавижу тебя за них еще сильнее. Но не думай, что ты обвел всех вокруг пальца, Лейф Свенсен. Хеймдаллр разгадал все твои уловки.

Она указала на пистолет, который Лейф все еще сжимал в руке. Это и в самом деле была плохо обточенная деревянная игрушка — свидетельство обмана и коварства рыжебородого бога. Локи каким-то образом внушил всему собранию, что это боевое оружие. Да, Хеймдаллр углядел обман, но Вэли уговорил его промолчать. Может быть, он сделал это потому, что ему, Вэли, и его брату Видарру суждено пережить Рагнарёк. Вот они и поддержали хитрого Локи, надеясь, что изготовленное Лейфом оружие подарит им дополнительную власть в Асгарде.

Лейф с неприязнью отбросил деревяшку в заросли.

Проклятый Локи! По его вине Лейф впутался в эту малоприятную историю. Ему припомнились легенды. Первоначально они говорили, что Локи должен встать на сторону гигантов — против богов. Теперь, по всей видимости, он занял сторону Асгарда. Но вдруг он только прикидывается из-за своей врожденной склонности ко лжи. Если это так, значит, Лейф Свенсен оказался между двумя жерновами. На этой мельнице мелется не мука́, а му́ка. Ситуацию осложняет

еще и то, что единственная девушка в его жизни, к которой он ощутил такую нежную привязанность, оказалась одной из богинь Асгарда. Богиня, которая ненавидит все, что связано с именем и делами Локи.

— Хорошо,— согласился он с горечью.— Вернись к Айзиру и расскажи Одину о моем обмане. Может быть, он наградит тебя за это.

— Один уже принял решение. Когда придет время, ты сам получишь все, что заслужил,— сказала она печально.

Они давно свернули на другую тропинку, вышли из леса и шли между небольшими холмами неподалеку от могучей стены, ограничивающей одну из границ Асгарда. Они остановились у входа в огромный закопченный дом с потеками сажи, который сливался с подпирающим его холмом. Фулла протянула руку.

— Здесь живут гномы. Эй, Модсогнир!..

Создание, которое появилось на пороге, даже с натяжкой нельзя было назвать красивым. Уродливый человечек примерно четырех футов ростом выскочил на порог. Огромный для его размеров торс с необычайно широкой грудной клеткой на коротеньких ножках. Его тело, измазанное копотью, казалось даже грязнее лохмотьев, которые его прикрывали, а лицо густо заросло бородавками. Словом, не красавец! Он неуклюже склонился в поклоне:

— Главный оружейник Асгарда приветствует вас!

— Перед тобой,— сказала ему Фулла,— Лейф, сын Свена. Это ваш новый повелитель. Эльфадур приказал повиноваться ему.

Она ушла не попрощавшись, и только тонкая улыбка на ее красивом лице подсказала Лейфу, что она подвела его к полосе неприятностей и весьма довольна этим.

Это было слишком даже для терпеливого Лейфа. Он схватил ее за плечи и остановил. Она не смогла вырваться из его объятий, царапалась, отбивалась. Лейф на этот раз наслаждался собственной силой. Фулла уткнулась в его плечо, но он схватил девушку за волосы и повернул к себе. Ее губы окаменели. Она не желала отвечать на его поцелуй, но затем расслабилась. Тогда Лейф отпустил ее волосы и обнял девушку еще крепче.

И тут Фулла укусила его.

От неожиданности он отпустил свою добычу, и Фулла рванулась в лес, шипя от злости. Гном захихикал ей вслед. И это, наверное, только усилило ее обиду. Лейф стер кровь с укушенной губы. Он не жалел о своем поступке. Ничего, по крайней мере она долго будет его вспоминать. Даже когда встретится с Ли...

— Ты растешь на глазах,— раздался сзади голос Локи. Бог каким-то образом возник рядом с гномом за спиной Лейфа.— Фуллу давно пора приструнить, как и любую девственницу с пятидесятитысячелетним стажем.

Это замечание покоробило Лейфа. Он все время упускал из виду бессмертие Фуллы, как и бессмертие большинства обитателей здешних мест. На вид она была юной девушкой, и он воспринимал ее именно так. Наверное, такой она была и тогда, когда предки Лейфа едва научились обтесывать кремневые топоры. Но разве это имело

для него хоть какое-то значение? В конце концов, в подобной ситуации возраст не в счет! Как оказалось, он придает этому меньше значения, чем раньше мог ожидать от самого себя. Его ум занимали более серьезные вещи. Особенно сейчас.

— Меня знобит от ваших проблем,— признался он Локи.— С какой стати я должен лезть из кожи вон ради ваших проклятых небес? Черт побери, совершенно не понять, что на самом деле существует, а что придумано за долгие века!

На губах Локи появилась улыбка, но ни одна черточка на лице не дрогнула.

— Может быть, мы переусердствовали. К сожалению, ты абсолютно не приспособлен к нашей жизни. А ведь для твоих предков она была абсолютной реальностью. Извини, я специально торопил события, чтобы не проиграть в споре с Айзиром. Теперь ты никуда не денешься, Лейф. Уверяю тебя, Нифлхейм — это не шутка.

— Хотелось бы узнать, что это за Нифлхейм? — проворчал Лейф. Он знал, что этим словом именуется Ледяной Ад древних. И не более того. Мимоходом он заметил, что здесь речь Локи звучала не так архаично, как на Совете богов. Или он привык к этому языку и уже воспринимал его как вполне родной английский. Но возможно, сам Один придерживался консервативных взглядов и предпочитал, чтобы на Айзире звучала древняя торжественная речь.

В руках Локи блеснуло небольшое зеркальце, в рамке, с удобной ручкой. Локи извлек его из своей поясной сумки.

— Я позаимствовал эту вещицу у Одина. Естественно, без разрешения... Ты заметил огромное зеркало за его троном. Так вот — это маленькая копия. Она тоже сработана эльфами. Я не знаю, в чем тайна этого магического зеркала — в колдовстве или в науке, секрет потерян навсегда, но действует оно весьма любопытно. У нас в языке нет определений для этого... Гм... Ты бы назвал это окном в иные измерения. Взгляни, и ты увидишь Нифлхейм.

Лейф взял зеркальце за рукоятку — и вперил взгляд в зеркальное оконце. То, что он увидел, было неописуемо. Лейф отшатнулся. Он бы отбросил зеркало в сторону, но руки не подчинялись ему. Зеркальце приковало его взгляд, и все отчетливее в зеркальной глубине начали проявляться люди... люди...

В следующую минуту его затошнило. Локи поддержал Лейфа и отобрал зерцало. Но чувство, которое охватило Лейфа при виде зазеркального зрелища, не проходило. В конце концов, спазмы в горле прекратились, и он, обессиленный, сел на траву.

— Ты увидел только преддверие Нифлхейма, его самую безобидную часть,— пояснил Локи. В его голосе послышался отзвук того, что пережил за одну минуту Лейф.— Нифлхейм — это место, где все не так, все неправильно, все искажено. Это перевернутый мир. Там даже с ума сойти нельзя, потому что в Нифлхейме сосуществуют два времени сразу. Разве можно вообразить большее безумие? Одно из них — мертвое время... Чем дольше ты смотришь — тем больше видишь, но даже миллиона лет не хватит, чтобы обозреть

все картины мира в этом зеркальном окне. Некоторые из этих картин исключительно интересны. Впрочем, возьми зеркало и пользуйся им. Оно избирательно показывает то, что тебе необходимо увидеть. Например, понадобится высмотреть, как в твоем мире производят оружие... Ведь я знаю, что ты не оружейник, хотя и умелец.

— Зачем же ты призвал в Асгард меня, а не какого-нибудь специалиста или заводского рабочего? Почему выбор пал именно на меня?

Локи вздохнул.

— Я бы доставил сюда мастеров-оружейников, но Один и Тор были против. Им по старинке нужны герои... или никто. Я с трудом уговорил Тора взять в герои Ли. Я сделал это из-за тебя, его брата. Еще труднее оказалось вовлечь вас в схватку, чтобы вы были ранены одновременно. Я постарался устроить все как можно лучше, а это не так-то просто. Мы скованы предрассудками веков.

— «Как можно лучше»...— с упреком повторил Лейф.— Ты подстроил все так, что я даже домой вернуться не могу. Даже если боги меня отпустят. Там, на Земле, осталось по меньшей мере шестнадцать убитых. Я еще не знаю, что они сделали с фермой в отместку за развязанную тобой бойню.

Локи промычал в ответ что-то невнятное.

— М-м... Тор взял под свое покровительство Ли, но и я несу ответственность за тебя. Посмотрим, придет время — и я изменю кое-что и здесь, и в Мидгарде. Все будет в порядке, не волнуйся. А сейчас давай взглянем на твои мастерские.

Они вошли в закопченное здание. Лейф ступал нетвердо, он еще не оправился от шока, вызванного картинами Нифлхейма в магическом зеркальце. Чего бы это ему ни стоило, он сделает все, лишь бы не попасть туда! Все, что зависит от его сил и воли!

Он обошел плавильную печь с примитивными ручными мехами, приблизился к глыбе железа. Эта глыба служила наковальней, и в эту минуту один из гномов щипцами придерживал кусок раскаленного металла, а другой что-то отковывал грубым молотом. Несколько десятков этих созданий были увлечены работой. Правда, по большей части они пользовались как рабочим инструментом своими голыми руками и еще зубами. Здесь ощущался явный недостаток слесарного инструмента. Один гном держал в руке грубо обработанный наконечник копья и надкусывал неровности на металле, придавая ему нужную форму. Для такой работы требовались крепкие челюсти и стальные зубы!

Лейф присел на вымазанный сажей камень. Огляделся. Мастерские привели его в уныние. Но он уже точно знал, что если не справится с изготовлением оружия, скорее всего хлебнет Нифлхейма. Наверное, это наказание коснется не только его и Локи, но и брата. О, Фулла сможет удовлетворить свою ненависть, наблюдая за ним в магическое зерцало Одина. Уж она посмеется — по крайней мере до тех пор, пока Рагнарёк не сметет Асгард с карты Вселенной.

— А если моя работа принесет Айзиру победу в вашем проклятом Рагнарёке? — осторожно поинтересовался он.

Локи видел его насквозь!

— Тогда, быть может, ты удостоишься звания бога, ну и заполучишь свою девчонку, раз она так втемяшилась тебе в башку. Но ведь тогда и твой мир будет уничтожен, ибо Рагнарёк означает не только Гибель Богов, но и конец всего остального мира. Правда, если победит Айзир, он захватит и твою Землю и начнет верховодить в мире людей так, как сочтет нужным.

Лейф представил себе все возможные последствия этих слов. Конечно, люди на Земле ведут себя не очень разумно, но власть Айзира над землей — тоже не подарок. Да, ему была предоставлена прекрасная альтернатива: даже выигрышный выбор означал проигрыш...

Он вскочил, объятый сомнениями, но Локи уже был далеко. Он тихо выскользнул из дверей, оставив Лейфа наедине с тревожными вопросами и неразрешимыми проблемами.

ГЛАВА 7

Спустя три недели Лейф Свенсен почувствовал себя в Асгарде старожилом. Даже ежедневные убийства эйнхериев не волновали его. Отрубленные руки и головы необъяснимым образом возвращались на положенные им места, и тело убитого бойца срасталось и оживало при первом появлении ночной росы. Другое дело — участие в бесконечных поединках, тогда как ему совершенно не хватало времени для технических разработок. Здесь в Лейфе проснулся прирожденный изобретатель, инженер, техник, ученый одновременно. Но по здешним меркам он все же числился в «героях», а герои проводили время в схватках и перебранках. Такова традиция Асгарда: готовность к битве. Один изредка наведывался на поле эйнхериев. Он сильно удивился бы, не застав там и Лейфа.

Обычно Лейф ошивался на том участке боевого поля, где собирались слабаки. Он отбивался щитом от мечей двух вполне медлительных героев, ожидая, когда Один досмотрит поединок между отрядами Тора и Ли. Там, где Лейф присмотрел себе местечко, особой опасности не было, но сама тренировка становилась тяжелой работой. Он сильно потел в боевых доспехах. Приемы с боевым топором требовали куда больших усилий, чем труд дровосека. В конце схватки щит, казалось, весил как минимум тонну.

Но вот Один отбывал с поля в свои покои. Лейф вздыхал, и, взмахнув на прощанье боевым топором, отсекал голову одного из своих противников, затем второго... Головы бескровно катились по траве, а Лейф, закинув оружие за спину, осторожно огибал встречающихся на пути героев, чтобы не нарваться на вызов. Пора возвращаться в мастерские!

Путь лежал через рощу.

Однако, подходя к роще, он замедлил шаги. Это было то место, где стояла Священная Яблоня. Яблоня считалась центром Вселенной, и на ее ветвях зрели золотые молодильные яблоки. В этих ябло-

ках таилась сила Богов. Одной из обязанностей Фуллы была забота об этом древнем дереве. Несколько раз Лейф встречал ее поблизости, но Фулла не обращала на него никакого внимания. Все равно он чего-то ждал и надеялся поймать хотя бы ее взгляд. Увы, все напрасно... Сейчас он подходил к центру рощи, где росло дерево. Вокруг не было ни души.

Лейф в который раз взглядом опытного фермера оглядывал Яблоню, и от одного ее вида щемило его крестьянское сердце.

Конечно, это было очень старое дерево. Но его плачевное состояние зависело не от возраста, а скорее всего от неумелого ухода. Омертвевшие сучья мешали росту молодых ветвей, отнимали жизненные соки. Листья пожухли, среди них было много пожелтевших раньше времени, с ветвей свисали мелкие и чахлые яблочки. Дерево росло на потрескавшейся глинистой земле. Если судьба Асгарда будет и дальше зависеть от плодов этой истощенной яблони, Рагнарёк не понадобится. Боги не смогут сражаться — чахлые плоды не вольют в их жилы могучую силу Вселенной.

Он вздохнул и направился к мастерским. За несколько дней его работы здесь все преобразилось. Оружейники перебрались в соседний дом. Под руководством Лейфа гномы выложили новую плавильную печь, изготовили плоскую наковальню вместо старой закопченной глыбы, успели сделать кое-какие немудреные слесарные инструменты. Все это облегчило работу, освободило немало времени. Примитивное точило помогало в шлифовке лат, наконечников пик, стрел. Они имели теперь вполне цивилизованный вид.

Основное здание мастерских переходило в пещеры внутри холма. Трудно поверить, но Лейф умудрился в течение нескольких дней оборудовать цех для перегонки и получения серы. Собственно, оборудование для этого понадобилось элементарное: всего-навсего сильно увеличенный школьный прибор для возгонки химреактивов — пара котлов, соединенных трубами, очаг под одним из котлов, змеевик, система охлаждения. Земля Асгарда была богата полезными ископаемыми. Запасы сырья для производства серы оказались неисчерпаемыми. Бесконечно много других возможностей скрывалось в недрах Асгарда.

Рядом с механической конвейерной дорожкой стоял смышленый гном Садри. Лейф назначил его главным производителем работ. Гном наблюдал, как два его помощника загружали руду в один из котлов. В итоге руда превращалась в железо и серу, столь необходимые сегодня даже в Асгарде. Садри отрывисто крякнул, выхватил из котла кусок еще горячей серы, принюхался, попробовал на зуб, пожевал, сплюнул. Он проделал над котлами какие-то пассы, сопровождая их заклинаниями, и снова взял пробу. На этот раз остался доволен.

— В этой сере нет примесей,— сообщил он Лейфу.

Садри нравился Лейфу за сообразительность и ловкость. Он гордился таким отношением и воспринял назначение как большую честь, оказанную ему человеком. Маленький, искалеченный лягушонок, с выпирающими под подбородком гландами, с носом, который

терялся среди бородавок на его лице, а огромный рот занимал чуть ли не пол-лица. Так он выглядел. Но его портрет не соответствовал его уму, понятливости и старательности.

Сера, селитра, клетчатка — и они получили порох! Конечно, грубый, дымный, но великолепно вспыхивающий, стоило только кинуть щепотку-другую в костер во дворе!

Магическое зеркальце, позаимствованное Локи у Одина, было незаменимо. Лейф постоянно вызывал в нем картины Земли, он отыскал в химических кабинетах таблицу Менделеева и срисовал ее для гномов. Его очень удивило, что гномы имеют абсолютно правильное представление об устройстве атома, кристаллической решетке минералов и о многом другом, что требует на Земле специальных знаний. Казалось, они способны заглядывать внутрь камней, вещей и прочих физических тел. Гномы оказались прирожденными химиками. Он высказывал идею — они воплощали ее в хитросплетениях котлов и труб. То, что эта примитивная перегонная аппаратура работала, являлось для Лейфа загадкой, но гномы получали практически любые химические элементы или сплавы металлов. Достаточно было объяснить Садри суть искомого. Лейф подозревал, что успехи гномов связаны с невысказанными тайнами магии и чародейства.

Он направился в комнату, отведенную ему под покои. Эта комната была обшита свинцовыми листами. Он предположил, что свинец, не пропускающий рентгеновские лучи, окажется непрозрачным для взгляда зорковидящего бога Хеймдаллра.

Лейф повернул к себе магическое зеркало. Оно действительно связывало владельца с иными измерениями времени и пространства. Обращаться с ним было нетрудно. Главное — точно представить себе то место, которое ты хочешь увидеть. После этого зеркальце отыскивало задуманное... К сожалению, возможности зеркального ока были в чем-то ограничены. Например, Лейф мог вызвать в нем картину нужной ему библиотеки, просмотреть корешки книг, но заглянуть в нужную книгу мог при условии, что какой-нибудь случайный посетитель библиотеки раскроет эту книгу там, где это Лейфу необходимо. Однако случалось и такое, и тогда Лейф жадно впитывал необходимую информацию.

Садри вошел в комнату вслед за Лейфом.

— Какие будут указания, мастер Лейф?

— Нам понадобится уран-235,— сказал Лейф.— Не меньше полутонны. Кроме того, пора наладить производство взрывателей.

Садри уже знал, что такое уран. О взрывателях он услышал впервые.

Лейф набросал на листке схему взрывателя, растолковал Садри возможные сложности. Механика давалась гномам хуже, чем химия. Но они были способные ребята! В помещении, которое стало называться цехом, вовсю кипела работа. Здесь отливались корпуса гранат. Лейф выбрал гранату как самое простое в изготовлении современное оружие. Гномы легко справились с отливкой корпуса гранаты типа «лимонка». В самом деле, граненый корпус, не требующий тщательной обработки, пороховая начинка, детонатор... Даже самый мед-

лительный из эйнхериев в силах поразить врага подобной штуковиной. Самое сложное в этой конструкции было, конечно, устройство детонатора. Даже для кропотливых гномов это была весьма сложная задача. Садри не был уверен, что гномы справятся с этим заданием Лейфа. Тот пожал плечами.

— Я понимаю, что это непросто. Но все равно попытаемся. Отливайте корпуса и делайте запасы пороха. Я буду думать, как упростить детонаторы.

Садри исчез успокоенный. Лейф обратился к зеркалу. Где он может освежить свои знания, связанные с оружейным делом? Вест-Пойнт давно закрыт из-за непогоды и всеобщей мобилизации. Библиотека конгресса? В нужном ему зале не было ни души. Черт возьми, даже магические штучки и те не всесильны! Вообще-то необходимое пособие стояло в его собственной комнате, там, на Земле, но кто бы перелистал его страницы...

Он пробежался взором по разным регионам Земли, не преследуя никакой определенной цели. На Земле стало еще хуже, чем раньше, когда он заглядывал в зеркальце. Страницы газет, открытые в метро и кафе, крупными заголовками сообщали о повсеместном военном положении. Военные пытались удержать в своих руках продовольственные склады для справедливого распределения припасов. Но в городах тысячи людей уже умирали от голода. Многие были убиты только за то, что хотели припрятать немного еды. Наверное, запасы продуктов могли помочь стране продержаться хотя бы год, но это было невозможно из-за нечестной дележки продовольствия. Только время могло что-то решить, если вообще земные проблемы поддавались решению. Морозы усиливались, ветры крепчали, жизнь становилась невыносимее. Бунтовали и дезертировали многие новобранцы. Частично они прибивались к шайкам отчаянных и готовых на все головорезов, которые врывались в города и деревни, грабили и разоряли все, что еще чудом сохранилось. С Севера к Югу устремились стаи голодных волков, которые не смогли выдержать суровых морозов.

Родным местам Лейфа повезло несколько больше, чем многим другим. Они были далеки от больших городов, и потому грабители до них не добирались, а военный комендант этих мест принимал участие в подготовке военного переворота. У него не хватало времени на такие мелочи, как изъятие продуктов у вольных фермеров. Но даже здесь те, кто был менее предусмотрителен, умирали от слабости или их тоже убивали ни за грош.

С печалью всмотрелся Лейф в очертания своей фермы. Он боялся увидеть пришедшее в упадок хозяйство. Дул сильный ветер, снег заметал дороги, росли огромные сугробы. Лейф ничего не видел сквозь хлопья метели, пока не сфокусировал внимание на внутренности дома.

В полном смысле этого слова он был изумлен. Все радовало глаз: дом сохранялся в полном порядке, прибранные комнаты, полные подвалы и кладовые. В хлеву жевали сено довольные своей участью коровы. В одном окне был установлен пулемет, на подоконнике дру-

гого изготовлено к бою тяжелое ружье. Все это указывало на то, что ферма подвергалась какой-то опасности. Но сейчас эта опасность определенно миновала.

В большой спальне носом в подушку уткнулся какой-то мужчина. Лейф никак не мог сообразить, кто это. Он хотел было проклясть незнакомца, но передумал. Уж лучше незваный гость, который позаботился о доме и хозяйстве, чем бессмысленное разорение.

И все же он не удержался от крепкого словца, когда в зеркальце возникла его маленькая библиотека. В любимом кресле Лейфа нагло развалился Локи с раскрытой книгой на коленях. Облик бога говорил о том, что приятно сидеть вот так, с книгой, изредка затягиваясь сигаретой. Из-за спины Локи протянулась женская рука, взяла пепельницу и выбросила в камин гору окурков.

Зеркальце дрогнуло в руке Лейфа, и эту сценку затянуло дымком. Он опять сосредоточил свое внимание на ферме, но чтобы совладать с раздражением, намеренно увел свой взгляд за тысячу миль в сторону от родных мест. Неужели Локи перебросил его в Асгард с целью завладеть фермой и пересидеть в уютном гнездышке все ужасы Рагнарёка? Впрочем, Лейф не мог уверенно ответить на этот вопрос, равно как и изменить что-либо в сложившейся ситуации. Он находился в центре неразрешимых проблем.

Да и вообще — что могло решить их полностью? Учеба, занятия наукой, метеорология здесь были почти забыты. Лейф находился в Асгарде уже три недели, но по шапкам земных газет выходило, что на Земле прошло гораздо больше времени. На разницу в движении времени намекал и Локи, припомнилось Лейфу. Однако эта разница между земным временем и временем Асгарда не была постоянной. Иные события протекали здесь быстрее, чем могли бы на Земле, а иногда и замедляли свой бег по отношению к тому, что творилось там. Время двигалось скачками, но все же сутки Асгарда, которые длились здесь классические двадцать четыре часа, равнялись событиям, проистекшим на Земле в течение чуть ли не месяца. Такие странные и необъяснимые выводы сделал Лейф, сопоставляя течение времени с помощью магического зерцала.

В своих зазеркальных странствиях он натолкнулся на заброшенный музей старых картин и оружия. Музей был основательно разграблен. Здесь тоже не нашлось ничего, что могло бы помочь Лейфу в его работе.

В дверь застенчиво просунул голову гном Садри.

— Мастер Лейф, ты забываешь даже поесть. Уже время ужина. Позволь, я принесу тебе молока...

Лейф опомнился, посмотрел на часы. Он с удивлением отметил, что просидел над зеркальным миром семь часов подряд. Он размялся и кивнул гному.

— Спасибо, Садри. Тащи сюда молоко, да побыстрее!

Болели воспаленные глаза, ныла спина. Лейф ощутил голод. Непривычная еда Асгарда не доставляла ему радости, но здешнее молоко он полюбил.

Он выяснил, что легендарная Хейдран — коза, дающая богам мед,— на самом деле оказалась целым стадом коз. Эти козы давали прекрасное, но все же самое настоящее молоко. Когда молоко скисало, его смешивали с медом. В результате боги получали медовуху — не очень вкусный, хотя и калорийный напиток. Подобную трансформацию, как понял Лейф, претерпело большинство древних легенд. Простые вещи выдавались в пересказах за нечто таинственное и магическое. Например, мифический кабан, которого убивали и съедали ежевечерне, чтобы поутру вернуть его к жизни магией Одина, тоже оказался огромным стадом полудиких свиней. Они искали корм в лесах за Йюггдразилом, и боги отлавливали их во время частых охот.

Вареная или жареная свинина да еще запиваемая медом! Не удивительно, что от такой варварской и однообразной пищи Одина мучила язва. Лейф хотел бы дополнить свое меню овощами, но не нашел их в округе. Зато ему удалось отбить от стада несколько коз. Гномы содержали их в специальном загончике и ежедневно доили. А в ручье, что журчал за холмом, это молоко охлаждали и хранили «для мастера Лейфа».

За дверью звякнули воинские доспехи, и в комнату вошел Ли. Он положил на скамью тарелку и котелок, отбросил шит, который загремел по полу.

— Я встретил Регнилейф и взялся принести твою еду. А то она все еще сердится на тебя за то, что стала твоей стряпухой, а взамен не получает от тебя мужской ласки,— объяснил Ли свой визит.— Если бы ты знал, как я устал среди эйнхериев! Размахивать топором целый день — нелегкая работенка!

— Ты можешь отдыхать ночами,— отозвался Лейф.

Легче сказать, чем сделать. Ли страдал без женского общества. Многие из здешних валькирий отличались богатырским сложением больше, чем приятной внешностью. Фулла входила в число исключений, но Ли не подкатывался к ней с нескромными предложениями. На слова брата он ответил ухмылочкой, но быстро посерьезнел.

— Честно говоря, во сне меня мучают кошмары. Только от тебя, мой мальчик, зависит — переживем мы Рагнарёк или нет. Этот ленивый эйнхеръяр ни на что не способен. Он даже леденцов не сделает, если ты за него не расплавишь сахар. Расскажи мне, как идут дела в твоих мастерских?

Лейф поведал ему о своих заботах, о попытке сделать огнестрельное оружие, о грубо отлитых корпусах гранат, об извлеченном гномами запасе еще не очищенного урана.

— Никак не удается отлить ружейный ствол... Изнутри наши отливки напоминают червоточину в яблоке. Дюжина гномов несколько суток билась над этим — и все впустую. Здесь не хватает пары токарных станков. Но сделать что-то подобное без инструментов... Даже нарезать элементарную винтовую резьбу — и то проблема, Ли. Ты извини меня за мой производственный словарь, но у меня все мысли крутятся только вокруг этих железок.

— Иными словами, ты считаешь гранаты лучшим вариантом? — Ли извлек из-за пояса пистолет, бросил на скамью: без патронов оружие было бесполезно.— Но я не очень верю, что ими можно хотя бы испугать гигантов. Во всяком случае, судя по тому, что мне рассказали о гигантах Тор и Тайр. Кстати, сын Тора — Уллр, нет, подожди, я запутался в родственных связях богов, не сын, а внук Тора — отличный парень и чертовски хороший лучник — хочет встретиться с тобой...

Лейф подмигнул брату.

— Ты совсем запутался в сложносочиненных предложениях. Лучше отхлебни молочка, а потом доскажешь, что хочешь сказать.

— Благодарствую, мой мальчик.— Ли залпом осушил кружку и с удовольствием наполнил ее снова.— Уллр сказал мне по секрету, что Один недоволен тобой. Ему не нравится, что ты уклоняешься от пиров с героями. Он уже гневается, что за три недели ты еще ничего толком не сделал...

Его речь прервал Садри. За ним в комнату вошел старый, седой, согбенный гном. Его серая кожа говорила, что он принадлежит к особому роду каменных гномов.

— Его зовут Андвари,— важно произнес Садри.— Андвари умеет расщеплять камни. Он делает прекрасные детонаторы. Мастер Лейф будет доволен.

Андвари принялся перетирать зубами кусок кремня. Его губы запорошило красноватой пылью. Он прожевал осколки камня и на миг сосредоточенно замер. Вскоре он откашлял на ладонь несколько десятков острых кристаллов. Садри выбрал один из них, вставил в запальную часть набитой порохом гранаты, сжал в кулаке ее шероховатый корпус и большим пальцем наглухо заплющил кристалл в металлическом гнезде.

Для Ли все это было в диковинку. Он уставился на гнома во все глаза. Лейф уже привык к подобным метаморфозам. Когда-нибудь он разберется, из чего созданы сами удивительные обитатели пещер Асгарда. Скорее всего не из протоплазмы! А зубы каменного гнома — уж точно из легированной стали!

— Как она действует? — Ли указал на гранату.

— Ты бросаешь ее в цель. При столкновении с целью она взрывается. Но здесь есть один секрет. Я сам не понимаю, как это происходит. Если ты почему-то не хочешь этого, граната не взорвется. Каким-то образом взрыватель зависит от твоей мысли. Это хитрость из арсенала белых эльфов. Гномы воспроизвели эту хитрость, но не в силах объяснить, как они добиваются такого эффекта.

Ли взял гранату и двинулся к двери. Он размахнулся и бросил ее на каменистый склон соседнего холма. Граната не взорвалась.

Она отскочила от какого-то камня и покатилась вниз. Садри бросился к тропинке и принес ее обратно.

— Я не хотел, чтобы она тут грохнула,— объяснил свой опыт Ли.— Но сейчас, если Садри не нахимичил чего-нибудь не так, я взорву ее...

Он метнул гранату изо всех сил гораздо дальше, чем в первый раз. Раздался взрыв, в воздух взлетели обломки скалы... Да, это было оружие!

— Лейф! Ты же справился с таким делом! Боги будут счастливы! Надо срочно отправить Тору корзинку с гранатами. Я устрою богам маленький праздник бомбометания! Немедленно бегу к Тору...

Он подобрал с пола щит и без лишних слов направился во дворец Тора, известный под именем Билскирнир. Садри и Андвари пошли в мастерские. На пороге Садри остановился и указал Лейфу на большой кожаный мешок.

— Здесь все то, о чем ты просил, мастер Лейф.

ГЛАВА 8

Лейф не без удовольствия хлопнул по мешку ладонью. Надо заглянуть в мастерские! Он облачился в латы и вышел из комнаты, устроенной в одной из просторных пещер холма.

Гномы без устали набивали порохом корпуса гранат. Андвари, окутанный красной пылью, отправлял в рот очередной кусок кремня. Поистине живая лаборатория! Садри надзирал за работой. Лейф машинально поглаживал сунутый в карман пистолет, который возвратил ему брат. Несколько полных обойм от пистолета у Лейфа сохранилось. Убедившись, что работа кипит вовсю, Лейф вышел во двор. Вдали на западе рассеянно светились облака. Это уходило на отдых маленькое солнце Асгарда. Лейф вдохнул прохладный воздух. Ему было приятно отдышаться после замкнутости своей пещеры, пусть и благоустроенной. Уже выпала вечерняя роса.

Вдалеке на краю боевого поля он мог различить очертания неизвестных валькирий и несколько наиболее энергичных героев эйнхерьяра, занятых разминкой. Сбоку был построен Билскирнир Тора — самое изысканное строение в Асгарде после дворца самого Одина. Кто-то шел к дому. Догадка сдавила грудь Лейфа. Это могла быть Фулла!

В лесном сумраке раздался неожиданный лай. Он увидел Рекса! Собака тоже заметила его и помчалась навстречу. Она лаяла, чтобы привлечь внимание хозяина. В считанные секунды она поровнялась с Лейфом, передними лапами уперлась в его латы, задрала морду, и вот уже ее шершавый язык коснулся щеки Лейфа. Что-то здесь было не так. Лейф отшатнулся и отвел собачьи лапы от своей груди.

— Локи, прекрати свои шутки!

Странным образом собака перед Лейфом растаяла в воздухе. Одновременно на ее месте возник Локи с узелком в руке. На его лице было написано, что он озадачен сообразительностью Лейфа.

— Или ты научился разбираться в видениях, или я теряю свое магическое мастерство? А ведь мне не было равных!

Секрет проницательности Лейфа был прост: Рекс лаял иначе. Но Лейф не сказал этого Локи. Пусть думает, что хочет.

— Кстати, Локи,— спросил Лейф,— я давно не видел Рекса. Что с ним?

— Он схватился с волками Одина, и как раз сейчас Тор штопает его шкуру.— Локи скривился.— Тора больше волнует жизнь собаки, чем гранаты, которые ты делаешь.

Это был косвенный вопрос. Лейф рассказал Локи, как сделаны и как действуют изготовленные гномами «лимонки». Он замер, когда Локи вытащил пачку сигарет, вытряс оттуда одну, взял ее губами и потянулся за спичками. Лейф схватил Локи за руку.

— Здесь курить нельзя! Ты что, хочешь, чтобы мы все взлетели в небеса?! В мастерских большой запас пороха. Порох не любит глупостей.

Он говорил с Локи более резко, чем обычно. Честно говоря, при виде сигареты у него слюнки потекли, так захотелось затянуться ароматным дымком вирджинского табака. Локи не возражал, позволил отвести себя подальше от мастерских к краю леса. Там он насмешливо глянул на Лейфа.

— Я думаю, это ты скорее взлетишь на воздух, чем взорвется твой порох,— сказал он.— Этот узелок твой. Я захватил для тебя и для Ли немного отличных сигарет. Без курева ты не способен нормально реагировать на мои шутки. Прими мой подарок.

У Лейфа даже уши покраснели от негодования на язвительность Локи, хотя подзабытый вкус табака успокоил его.

Лейфу по-прежнему не давало покоя виде́ние в зеркале. Неожиданно он решился действовать напрямую и спросил Локи о виденном.

Бог спокойно отнесся к вопросу.

— Загляни в зеркальце еще раз. Я пообещал сохранить твою ферму. Обычно я держу слово, что бы обо мне ни привирали. Так вот — я убедил твоих соседей, что потравами занимался не Рекс, а настоящий волк. Что касается схватки, в ней участвовал Ли, на которого они, к своему несчастью, напали, а не ты, мирный фермер. Ты пожертвуешь им несколько свиней за понесенный ущерб, и они готовы забыть все, что было. О твоей ферме теперь заботятся Фолкнер с дочкой. Они оголодали у себя, так что пусть немного подкормятся.

— По-моему, он старается,— согласился Лейф.— На ферме полный порядок.

Лейф произнес эти слова и с удивлением понял, что ферма волнует его меньше, чем новые заботы в мире богов. Что толку беспокоиться о собственном хозяйстве, когда может погибнуть целый мир, если боги потерпят поражение в Рагнарёке!.. Лейф на самом деле осознал реальность этой опасности. Пусть лучше Айзир верховодит на Земле, чем полная гибель всего мира.

Вдруг Лейф сообразил, чем ему может помочь Локи.

— Локи,— сказал он,— я благодарен тебе за сигареты, но лучше бы ты доставил мне кое-какие инструменты. Если валькирия на своем коне смогла вынести меня в Асгард, почему бы не захватить сотню фунтов всякой всячины?

— Металл,— коротко ответил Локи.— Он непроницаем для энергетических полей Бифроста. Регнилейф выдохлась, когда переносила тебя, потому что не сообразила снять твои часы и выбросить вместе с пистолетом. Летящее Копыто спокойно поднимает двух человек, но еще две валькирии на лошадях вытягивали тебя с твоими безделушками. Даже часы — это почти непреодолимое препятствие.

— Но вы все переходите Бифрост в латах,— засомневался Лейф.

— Это работа эльфов, а не железо,— объяснил Локи.— В глубокой древности Один провел через Бифрост весь Айзир — и это было легче, чем сегодня. Тогда Асгард существовал по отношению к твоей Земле внизу, а теперь — наоборот. Многое изменилось. Когда-то Бифрост связывал воедино девять миров. Сегодня только три из них, а именно Йотанхейм, Маспелхейм и Нифлхейм, свободно сообщаются с нами. Твой мир все более закрывается для нас, и только во время магнитных бурь, подобных нынешним, возможен переход туда и обратно. А вот миры Ванахейма и дом белых эльфов — Эльфхейм — отрезаны от нас навсегда.

Лейф не стал расспрашивать дальше. Он убедился, что логика Локи непогрешима. Если уж бог сказал, что нельзя, значит, так оно и есть. И нечего приставать к нему. Он подумал, как сильно отличаются мифы о жизни богов от реальной жизни этих мифических существ. Конечно, всему можно найти разумные объяснения, сделать вид, что магия здесь ни при чем. Но вот, например, подкованные лошади валькирий. Эти подковы когда-то отковали эльфы, и воздух для небесных наездниц стал подобен хорошо утоптанной тропе. Никто не ведал тайны этих подков, даже немногие оставшиеся в Асгарде старые эльфы.

Была еще одна великая мифологическая загадка, которая не давала ему покоя.

— Почему именно Фулла заботится о Яблоне? Я думал, это...

— ...обязанность Айданн,— закончил за него Локи.— Это долгая история. Сначала она увлеклась гигантом по имени Тхжази и растеряла часть яблок. Она обвиняла меня в том, что якобы я это подстроил. Напоследок ей подвернулся священник — фанатик какой-то новой бесовской религии. У вас на Земле развелось много сектантов. Валькирии подобрали его как героя. Умирая, он все же отказался переоблачиться в искусственную плоть эльфов, и валькирии перенесли его через Бифрост в собственном теле. Он оказался не только героем, но и поэтом. А Брэги — муж Айданн — сам виршеплет. Вот он и приютил этого священника из-за своей необъяснимой привязанности к стихам. К сожалению, Айданн проявила чрезмерную доброту к гостю своего муженька. А священник покинул ее постель, пока она спала, отобрал лучшие яблоки — и был таков. Он сам устремился в Нифлхейм безо всякого приговора — мы даже не успели заподозрить его в краже...

Лейф недоверчиво покосился на Локи. Невозможно. Его до сих пор мутило при воспоминании об этом веселеньком местечке, явленном зеркалом Одина.

— Я же сказал, что он был фанатом своей веры,— подтвердил

Локи.— Тайр попытался догнать его, а он не слабак, но даже ему это оказалось не по силам. Таким образом, лишенные магической силы яблок, мы все проспали чуть ли не тысячу лет. Через тысячу лет наша Яблоня зацвела вновь. Нас разбудил аромат ее цветов. Но перед тем, как уснуть, Один распахнул врата мира — и Тор кинул Айданн в Нифлхейм, поближе к ее священнику. Когда Айзир проснулся, великая забота была возложена на Фуллу.

Не очень-то она справляется с этим делом, подумал Лейф. Он прикинул, так ли уж необходимы эти яблоки богам? Может быть, это всего лишь витаминная подпитка, которая возведена традицией в ранг незаменимой церемонии? Так или иначе нормальная жизнь без этой мифологической процедуры вкушения яблок казалась невозможной в Асгарде.

— Почему бы не вырастить целый яблоневый сад из ее семян?

Локи развел руками.

— Мы пытались, но из яблочных семечек вырастают совсем другие деревья. Их плоды не имеют магической силы. Просмотрев твои книги, я понял, что у нас вырастали обычные лесные дички. Это нормально. Мы и не догадывались о прививках и прочей садовой инженерии. Теперь заниматься садоводством некогда. Поговаривают, что время гигантов близится. Они приближаются. Некоторые из Айзира уже видели в окрестностях Асгарда гигантского орла. Я сам способен на различные превращения, но мои возможности ограничены иллюзорными рамками, а есть гиганты, на самом деле способные перевоплощаться. Правда, они не всегда способны возвращаться к прежней сущности. Возможно, этот орел — разведчик. Но пока что он кружил слишком далеко, так что даже Хеймдаллр не смог постичь его истинную сущность.

— А у меня есть подарок для Хеймдаллра,— сказал Лейф. Он вытащил из кармана мощную подзорную трубу, практически — настоящий телескоп. Садри изготовил линзы этой трубы из горного кварца при помощи своих необыкновенных способностей. Ее окуляр приближал самые отдаленные предметы и давал необыкновенно четкое изображение.— Может быть, когда Хеймдаллр убедится, что мой подарок только усилит его чудесное зрение, он перестанет шпионить за мной.

Локи заглянул в подзорную трубу. Заинтересованно обвел взглядом дальние границы Асгарда.

— Потрясающе! Этот подарок приведет Хеймдаллра в восторг. Он станет твоим другом на всю жизнь. Насколько, конечно, способен к дружбе. Я передам ему от твоего имени эту штуковину. И желаю удачи, если ты задумал чем-то помочь нашей Священной Яблоне...

Бог стремительно отдалился от Лейфа, и в вечерних сумерках мелькнули и исчезли очертания Рекса.

А Лейф перекинул через плечо туго набитый кожаный мешок, доставленный Садри, и двинулся под быстро темнеющим небосводом туда, где в роще стояло Священное Дерево. Локи верно угадал замысел Лейфа, хотя Лейф и надеялся осуществить его в тайне от посторонних. Он уже понял, что боги вспыльчивы, и сначала могут приши-

бить тебя из-за любого подозрения, а потом разобраться в твоих замыслах и оправдать...

Стемнело настолько, насколько это возможно в Асгарде. Небеса отсвечивали неясным светом. В отблеске его виднелись усталые старые ветви, оплетенные диким виноградом. Лейф быстро вскопал землю вокруг Яблони, отбросил старые листья и сорную траву, внес в землю известь и те удобрения, которые смогли раздобыть гномы по его просьбе. Лейфа наполнило приятное ощущение работы с землей. Это было особенно приятно после недель, проведенных в закопченных стенах мастерских.

В том же кожаном мешке он принялся носить воду, чувствуя, как жадно корни Яблони потянулись навстречу его заботам. По дороге сюда он с тревогой думал о приближающейся битве. Временами Лейфу казалось, что боги, конечно, победят. В его душе зрело одно заветное желание. Может быть, оно осуществится. Лейф не был так уж уверен, что боги действительно завладеют Землей, если даже попытаются это сделать. На самом деле могущество богов весьма ограничено, как он смог убедиться. Смертные люди Земли всегда преувеличивали возможности небес. А садоводы из богов уже точно никуда не годились.

Он взял пилу, забрался на дерево и начал отпиливать сухие сучья, подрезать, где надо, концы здоровых ветвей, чтобы они быстрей окрепли. Священная Яблоня оказалась не очень большим деревом, и он управился быстрее и легче, чем предполагал. Одна из ветвей была кем-то недавно надрезана. Не Локи ли пытался провести подрезку? Если это так, он ошибся и вместо мертвой поранил живую ветвь. Но это уже было не страшно. Лейф забрался в самую середину кроны. От царапин его уберегали латы, которые наконец-то сослужили добрую службу. Лейф промазал все трещины, ссадины, свежие надрезы клейкой смолой. Сделав все это, он оттащил подальше от Яблони срезанные сучья и побеги дикой лозы. Потом глянул на дерево со стороны. Теперь Яблонька выглядела стройной и аккуратной. Сейчас завязи начнут получать больше соков, а корням станет легче высасывать энергию из почвы.

Он спрятал лопатку и пилу все в тот же кожаный мешок и вышел на тропинку. Ему сопутствовала удача. Никто не подловил его за работой, а Хеймдаллр, вероятно, уже зыркал в подзорную трубу на пограничные подступы к Асгарду.

Лейф свернул и на повороте столкнулся с какой-то женщиной. Он пробормотал извинение и вдруг, еще не узнав ее, почувствовал, что это Фулла.

ГЛАВА 9

Фулла вскрикнула, так сильно Лейф Свенсен схватил ее, чтобы она не упала. Когда богиня выпрямилась, он отпустил ее. Может быть, она не узнает его, мелькнула мысль. Тогда и не заподозрит в том, что он ухаживал за Яблоней, или хотя бы не сможет ничего доказать.

Фулла же повернулась к нему и снова вскрикнула, на этот раз споткнувшись о корневище. Только мгновение он пребывал в нерешительности, а затем ловко поднял ее на руки и понес в сторону от тропинки, туда, где пару дней назад случайно заметил красивую, заросшую мхом поляну. Фулла отбивалась и, конечно, глядя снизу вверх на его лицо, давно уже узнала Лейфа. Его силуэт ясно вырисовывался на фоне сероватого неба.

Он опустил ее на ноги, и она снова вздрогнула и ухватилась за его латы.

— Что с тобой? — спросил Лейф, мягко опуская ее на мох.

— Я подвернула лодыжку. Через минуту все пройдет,— жалобно сказала Фулла. Она поморщилась от боли, когда он расстегивал ее сандалию и стал массировать ногу. Лейф отдернул руки. Ее рука вернула его ладонь обратно.— Нет-нет, это больно только сначала, теперь уже легче, Ли...

Ли! Конечно, ведь Лейф ничем не отличался от брата — ни лицом, ни голосом, только несхожие характеры братьев придавали лицу каждого свое выражение. Почему она приняла его за Ли? — мучительно раздумывал Лейф. Он повернулся — и звякнули латы. Это все объяснило. Вот в чем дело! Лейф старался не носить своего снаряжения, в то время как Ли из него буквально не выбирался, сросся с этим панцирем. Не исключено, что ее обращение к Ли значило больше, чем простое желание увидеть именно Ли, а не его, Лейфа.

— Так лучше? — спросил он.

— Конечно, Ли. Присядь ко мне. Я думала, ты сегодня проводишь время с Джефъюн. Она будет ревновать, если узнает, что ты ушел в лес без нее. Или — еще того хуже — увидит нас вдвоем.

Лейф улыбнулся. Он вспомнил Джефъюн — одну из девственных богинь. Да, Ли умел устраиваться. У него все было в порядке, и он не нуждался во встречах с Фуллой. Лейф напрасно переживал. Он собрался с силами и попробовал повторить непринужденные манеры братца.

— Пусть ревнует, Фулла. Чей поцелуй вырвал меня из забвения — твой или Джефъюн? Ты, наверное, забыла об этом...

— Нет,— она скользнула ближе к нему. В отличие от многих богинь Асгарда Фулла очень следила за собой и ее пышные волосы приятно пахли травами.— Это я начала думать, что ты забыл о моем поцелуе.

— Я не забываю хорошего, Фулла,— начал Лейф. Конечно, не самое приятное дело, когда тебя принимают за другого, но еще хуже было бы оказаться незамеченным вовсе. Вдруг его охватил жар. Латы показались ему раскаленными. Лейф начал расстегивать панцирь.

Фулла помогла ему. Прикосновения ее рук показались неземной лаской. Наконец, он сбросил тяжелую кольчугу, и Фулла прижалась к нему. Он услышал ее шепот:

— Я тоже ничего не забыла, Ли. Но даже богиня не может жить единственным поцелуем...

Он рассмеялся так, как это сделал бы брат. Этот смех показался ему самому неуместным, учащенный пульс бился в ушах и разрывал грудную клетку. Он не услышал собственного смеха, а Фулла, казалось, не обращала внимания на его возбужденное состояние.

— У нас на Земле такие минуты должна освящать Луна своим сиянием,— попытался Лейф изящной фразой скрыть свое смущение. Он склонился над Фуллой. Даже Асгард при свете Луны показался бы истинным раем.

— Я попрошу для тебя Луну у Эльфадура,— шутя, ответила Фулла.— А захочешь — так две или три. Ты будешь ждать, когда они появятся?

Как выяснилось, Луна бы только помешала. И без Луны эта встреча обернулась счастьем — только счастьем странным, горьким. Пускай она думала, что встретилась с Ли, какое это имело значение сейчас, когда даже горечь от того, что тебя принимают за другого, не могла омрачить неожиданного блаженства, подаренного Лейфу.

Она вздохнула, когда он оторвал свои губы от ее лица, не в силах более длить поцелуй. Теперь уже Фулла обняла Лейфа, и он почувствовал, что ее губы требуют ласки. Все ее тело напряглось, и его руки скользнули к бедрам девушки.

— О Лейф, Лейф,— простонала богиня.

В это мгновение он слышал только ее голос, тонкий и хриплый в темноте. Только затем он осознал смысл сказанного и приподнялся.

— Значит, ты узнала меня?

Фулла вздрогнула. Она села на траве, стала руками прибирать волосы. Лейф закурил и при свете спички увидел ее побледневшее от напряжения лицо. Ее глаза расширились от удивления, когда он затянулся сигаретой и выпустил несколько колец дыма. Сейчас все это не имело значения. При свете догоравшей спички он разглядел опущенные веки, нервный излом пальцев. Фулла потерянно сказала в сумраке окружающего леса:

— Конечно, узнала, Лейф. Я ведь предупреждала тебя, что поцелуи при воскрешении могут плохо кончиться... Я слишком далеко зашла в чародействе, когда мы поцеловались. После таких глубоких чар друг друга перепутать невозможно. Ведь ты опознал меня, а не просто увидел в темноте...

Это правда, мелькнуло в сознании. Он не видел, что это Фулла, он почувствовал ее на тропинке. Она подождала, когда он опомнится от потрясающего признания. В ее молчании звучала просьба о помощи, но Лейф не отозвался, и тогда Фулла сказала:

— Я подсмотрела, как ты сюда шел. Два чувства разрывали душу — я стремилась к тебе и одновременно ненавидела. Я не решалась заговорить первой и боялась, что между нами все кончено. В конце концов я сама пошла за тобой и не случайно вышла на эту тропинку. Да и нога у меня не подвернута...

— Но к чему такое притворство, зачем ты называла меня другим именем?

— Я так решила. Но и ты принял мою игру. Все остальное уже не имеет значения.— Ее голос звучал все глуше, и он затаил дыхание.

— Я знаю, что ты чувствовал, или думала, что знаю. Но мне хотелось, чтобы и ты страдал. Мне не хотелось интриговать вместе с Локи, но если бы ты решил, что я влюблена в Ли, я была бы рада. Женщина, Лейф, даже если она и богиня, все равно весьма мстительное существо. Я хотела увидеть тебя униженным. Но не сейчас, Лейф...

Она заплакала и прильнула к нему.

— Но я не смогла притворяться до конца. Ты не презираешь меня, Лейф?

Он отбросил сигарету и всмотрелся в темноту.

— Нет. Во мне нет плохого чувства к тебе.

Она вздохнула, откинулась на мягкий мох поляны.

— Я долго ждала. Поверь мне, пятьдесят тысяч лет — это немало.— Фулла отвела от лица пушистые пряди, ее изящные пальцы вздрагивали.— Но я ни о чем не жалею. Я рада, что встретила тебя. Ты был прав, когда не испугался магии и помог нашим душам породниться, мой любимый...

Он собрался поведать ей о собственных чувствах, но уже светало.

— Нам лучше вернуться,— сказал он. Я должен был гораздо раньше проводить тебя домой, пока нас не заметили.

Она согласилась, но не могла расстаться с Лейфом, прижалась лицом к его груди. Он обхватил ее плечи, одну руку положил на нежную шею и прикоснулся пальцами к мочке уха. Неожиданно тело Фуллы напряглось, она отодвинулась от Лейфа и схватилась за сердце.

— Мое дерево!..

Он позабыл об этом треклятом дереве, но теперь явственно увидел его в свете раннего утра. Очищенное от сухих ветвей и дикого винограда, оно являло печальное зрелище. Каждый срез и каждый шрам, замазанные смолой и известкой, резко выделялись на фоне серой коры. Теперь был виден и возраст дерева, и его недостаточное развитие. Удручали и мелкие плоды на редких ветвях, уже не скрытые от глаз лозой и старыми сучьями.

Когда Фулла заметила кожаный мешок, из которого торчали лопата и зубья пилы, она замерла от ужаса.

Она неуверенно, словно в беспамятстве, произнесла:

— Ты... Ты уничтожил это дерево — жизнь Асгарда!.. Ты поломал мою судьбу... а я, я...

Он схватил ее за плечи и повернул к себе.

— Это сделал я, Фулла. Но я спас Священную Яблоню. Она умирала, задушенная виноградными лозами и мертвыми ветками. Она росла на истощенной земле. Я помог дереву вздохнуть. И сделал это только для того, чтобы спасти Асгард и дать богам больше шан-

сов окрепнуть перед Рагнарёком. Еще я сделал это потому, что больше не мог видеть твою беспомощность в уходе за деревом. А я, в конце концов, крестьянин и умею обращаться с деревьями. Черт возьми, я сделал это потому, что люблю тебя!

— Мое дерево...— она сникла в его руках, выскользнула и упала на колени. Она не отрывала взгляд от дерева, на глазах появились слезы. Рыдания сотрясали изящное тело Фуллы.

— О, я верила тебе, я любила тебя... О, выученик Локи, ты можешь ни о чем не беспокоиться... Разве я выдам тебя Одину после нашей любовной ночи?! Ты надежно подстраховался! Но я ненавижу тебя, ненавижу...

— Фулла,— он с мольбой наклонился к ней, но она закричала:

— Не смей до меня дотрагиваться!..

— Фулла, ты же любишь меня... Неужели ты веришь, что я хоть в чем-нибудь виноват перед тобой? У тебя нет никаких доказательств. Выслушай меня... Давай, я растолкую тебе, что я сделал с Яблоней и во имя чего я это сделал. Ты пытаешься уличить меня в подлости и веришь собственному страху. Пойдем, я все объясню...

Он вновь приблизился к Фулле. На этот раз она не кричала, не отбивалась. Вместо этого взмахнула камнем, зажатым в руке. Лейф отступил. Он не ощутил удара, только стер кровь с разбитых губ и выплюнул выбитый зуб. Что-то онемело в его душе. Нахлынула пустота.

— Ладно, Фулла. Донеси на меня своим проклятым богам, если уж тебе так этого хочется. Скажи им все, что найдешь нужным. Оправдывайся перед ними, я не стану оспаривать твои слова. Я навсегда забуду ночь нашей любви. Отправь меня в Нифлхейм, если это принесет тебе хоть немного счастья. Может быть, тогда ты поймешь, что сделала глупость. Вспомни тогда, что я говорил тебе только правду о своей любви. Я надеялся, что на тебя можно положиться, что я могу довериться тебе. Я верил и в другие несбыточные чудеса. Мне следовало раньше понять, что ты только богиня, воспринявшая все уроки Фригг, а кроме этого ничего из себя не представляешь. Ты способна быть прекрасной только стоя на ледяном пьедестале. Так что можешь идти и карабкаться на этот пьедестал опять. Если ты когда-нибудь вспомнишь обо мне, свистни! Тебе придется долго свистеть... Я больше не буду грезить о красотке, которая не нашла себе мужа за пятьдесят тысяч лет!

Лейф закинул мешок за спину и даже не оглянулся. Фулла всхлипнула вслед, когда он свернул с тропинки. Его душа ныла и болела, раненная плачем Фуллы. Лейф заставил себя идти дальше. Одновременно с желанием успокоить любимую в нем вскипал гнев и копилась обида. Может быть, такая любовь, в которой нет доверия и уважения, хороша для богов, но он, земной человек Лейф Свенсен, ждал большего от этого чувства.

Там, где тропа выбегала из леса, стояли рядышком Хеймдаллр и Локи. Произошло невозможное: они стояли спокойно и ни о чем не спорили. Лейф не без тщеславия отметил, что самодовольный

и дальнозоркий сын девяти матерей деловито полировал о рукав подзорную трубу. Сегодня бог впервые улыбнулся Лейфу. Свенсен поприветствовал богов и мрачно прошел мимо них по направлению к мастерским. После всех переживаний сегодняшней ночи ему будет приятно увидеть простодушного Садри.

— Лейф! — догнал его Локи.— Арро! Похоже, ты сразился с Тором!

— Не издевайся, Локи,— попросил Лейф.— Иначе ты поймешь, что в эту минуту тебе самому лучше схватиться с ним.

Локи поморгал от неожиданной дерзости, глянул на Лейфа хитрым оценивающим взглядом и привычно усмехнулся. Пожалуй, чуть холоднее, чем обычно.

— Ого! Наш фермер становится истинным героем-берсеркером... Вот будет радость Одину...

Он посерьезнел, когда Лейф шагнул к нему. На месте, где стоял Локи, качнулся туман и к ногам Лейфа скользнула гремучая змея, изготовив ядовитое жало. Лейф не дрогнул. Он выхватил пистолет, вглядываясь в неясные очертания тумана, клубящегося вокруг змеи, чтобы опознать истинные границы видения. Он прицелился в голову змеи.

Но змеи уже не было на земле. В туманной дымке перед ним опять возник Локи. На этот раз он не ухмылялся.

— Прости, Лейф. Иногда я веду себя глупо. Позволь забрать назад мои обидные слова.

Гнев неожиданно покинул Лейфа. На душе стало теплее, хотя боль осталась. Но Локи помог Лейфу преодолеть скованность и отчуждение, которые с такой силой захватили его.

В глазах Локи теплилось сочувствие, когда он дружески похлопал Лейфа по спине.

— У меня тоже когда-то была девушка,— сказал Локи и поднял руку до подбородка.— Примерно такого росточка...

Что-то щемящее прозвучало в его голосе и насторожило Лейфа. А Локи продолжал:

— Вот только она выросла. Моя девушка была из рода гигантов. Сначала гиганты подобны богам и людям. К сожалению, подобно змеям древности, они не перестают расти. Сигун вытянулась втрое выше, чем был я, когда мы встретились в последний раз. Мы не смогли жить вместе. Она обозвала меня уродливым карликом и выбросила вон из дома. Но, знаешь, вот что странно — я по-прежнему вспоминаю ее такой, какой она была в лучшие наши годы, когда заботилась обо мне и спасала от магического яда наших врагов. Теперь она в упор не видит меня, мы не встречаемся и не разговариваем. Наверное, мы тоже сблизились под чарами... Вот такие дела, Лейф.

В это время раздался удар, подобный раскату грома и треску ломающихся деревьев. Воздушная волна пронеслась над ними, срывая листья с деревьев. Лейф резко обернулся к мастерским. Тревожное предчувствие не обмануло его.

Над входом в пещеры поднимался столб дыма. В воздух взвились обломки, полетели камни. Неужели взорвался порох?!

ГЛАВА 10

В воображении Лейфа вдруг возник Садри, изуродованный взрывом. Лейф побежал. Локи догнал его, и они вместе понеслись большими прыжками. С возвышенности они сбежали к невысоким холмам и, огибая валуны, оказались на тропинке около мастерских. Здесь веял сладковато-кислый запах пороховой гари.

Лейф с отчаянием осмотрел покосившиеся балки мастерской и бросился внутрь. Его окликнул Садри. Гном стоял над распростертым телом Андвари. Он выкрикивал гортанные звуки скорби на подобном щелканью диалекте каменных гномов. Даже волшебная атмосфера Асгарда не позволяла понимать этот язык никому, кроме самих гномов. Старый гном, лежа на полу, едва шевелил губами в ответ на щелканье своего товарища.

Как ни странно, нанесенный ущерб был не так велик, как сначала показалось Лейфу. Прочная каменная стена, разделяющая мастерские на две части, устояла, и взрыв разнес только вход в здание и внешнюю деревянную пристройку. Судя по всему, Андвари был единственной жертвой взрыва.

Садри поспешил к Лейфу.

— Кто-то ворвался в мастерскую и метнул гранату. Я поднял тревогу. Андвари замедлил взрыв гранаты. Ведь кристаллы взрывателей частично подчиняются ему. Но Андвари слишком стар, чтобы справиться со взрывчаткой или силой магии перенести ее в другое место. Раздался взрыв. Сундучок с порохом детонировал и тоже разлетелся в пух и прах!.. Хорошо, что мы успели начинить все гранаты и перенести их в кладовые. Все остальное ты видишь своими глазами.

Лейф печально кивнул в ответ и опустился на колено перед старым гномом. Андвари смотрел на него страдающими глазами.

— Кто это был?— спросил Лейф.

Садри не знал. А старый Андвари дал понять Лейфу, чтобы тот склонился к его лицу. Гном тяжело дышал и с трудом подбирал звуки, чуждые его языку. Наконец он смог произнести имя, и до слуха Лейфа донеслось еле слышное:

— Вэли Одинссон!..

— Я не забуду этого, Андвари,— пообещал Лейф. Глаза старого гнома, полные страдания, смотрели на Лейфа, а рука умирающего протянулась к нему в жесте, означающем, возможно, благословение. После этого рука бессильно упала, а гном откинулся назад. Он умер еще до того, как его большая голова коснулась земли.

Садри сочувственно дотронулся до рукава.

— Ни о чем не беспокойся, мастер Лейф. Андвари передал мне магический секрет, как делать кристаллы взрывателей. Самому мне эта магия неподвластна, но любой каменный гном справится с этим делом. Да и запасов у нас хватит надолго.

Садри громко окликнул своих помощников, которые начали выходить из внутренних пещер. Они ахали, глядя на тело Андвари и развороченную часть мастерской.

— Бифар, Нари, Мадсогнир, Онарр, Мъедвитнир, Виндалф, Фандинн, Тироин,— пропел гном,— давайте-ка возьмемся за работу и наведем порядок. Скоро мы приступим к делу, мастер Лейф.

— Молодец,— похвалил Лейф гнома. Он не мог отвести глаз от старого Андвари. Он нечасто встречался с ним, но смерть этого внешне мрачного согбенного существа потрясла его. Интересно, что бы сделал сам Лейф, оставшись наедине со смертоносной гранатой, чей взрыв он смог бы отсрочить, но не предотвратить? Сумел бы он перед смертью, израненный, передать тайное знание, необходимое его соратникам? Смог бы на чужом языке выговорить в предсмертный миг имя злодея? Лейф не знал. Но было ясно, что под безобразной внешностью этих созданий таится смелый и благородный дух.

— Проклятый Вэли! — в сердцах воскликнул Лейф.

За спиной послышались шаги и голоса. Лейф повернулся на каблуках и встал лицом к лицу с целой группой богов и героев, которые примчались сюда, услышав взрыв.

— Ли и Тор могут остаться здесь. А все остальные — выметайтесь вон, да поскорее! Иначе мне придется метнуть в вас пару гранат... Мне все равно, кто вы — боги, герои или дьяволы, вон отсюда! Начиная с этой минуты, любой, кто приблизится слишком близко к этим пещерам, будь то даже сам Один, получит в брюхо хороший пороховой заряд...

Тор посуровел и надвинулся на Лейфа.

— Это опасные слова, сын Свена. Не слишком ли много ты себе позволяешь?

Локи отделился от толпы и что-то быстро зашептал на ухо чернобородому богу.

— Если это действительно так, тогда Лейф Свенсен прав. Он обязан заботиться о безопасности своих мастеровых, даже если они всего-навсего гномы,— раздался рев Тора.— Все назад, пока мой молот не поздоровался с самыми любопытными!

В толпе Лейф заметил и Фуллу. Он сжал губы и отвернулся к гномам, которые расчищали завалы. А через минуту уже смотрел ей вслед. Фулла заторопилась и шла по тропинке, ведущей к Священной Яблоне. Толпа же, хоть и с недовольством, отошла от мастерских на почтительное расстояние.

Вэли!.. Оди́н из сыновей О́дина. Лейф не мог выступить против него, так как не имел доказательств виновности бога. Кто поверит в последние слова умирающего гнома, кроме самого Лейфа, да еще, пожалуй, Локи? И только ли Вэли участвовал в коварном нападении? Правда, Лейф предупреждал и Локи о том, что даже искра там, где хранится порох, может стать смертельно опасной. Но Лейф уже поверил Локи во всем и не мог подозревать его, хотя иногда припоминал легенды о коварстве своего поручителя.

— Смотри! — Локи дотронулся до локтя Лейфа и указал ввысь. Там, высоко в небе, скользила еле видимая точка. Еще немного — и Лейф разглядел очертания могучей хищной птицы. До него донесся резкий насмешливый клекот.— Орел!.. И таких размеров, что непо-

нятно, как он парит на таких высотах. Скорее всего, это один из гигантов шпионит за нами...

— Ну и хорошо,— отозвался Лейф.— По крайней мере, он должен понять, что мы владеем мощным оружием. Но взрыв устроил не он, это уж точно.

Локи и Ли внимательно слушали Лейфа. Он обратился к Садри.

— Садри, надо похоронить Андвари так, как это делают каменные гномы. Ты знаешь, Ли, иногда мне хочется стать одним из обуянных яростью берсеркеров. Вы с Локи идите, если у вас есть какие-нибудь дела. Здесь уже ничем не помочь...

— Мне пора показывать богам, как взрываются гранаты,— сказал Ли. Он посерьезнел и, проходя мимо убитого гнома, по-воински отдал честь.— Сообщи мне, когда что-нибудь понадобится. И еще — я готов принять участие в похоронах, если гномы не будут против.

Лейф прошел в помещение, где хранились гранаты. Он порадовался ровному их штабелю. Это был идеальный пример того, что можно создать практически без необходимых инструментов, благодаря смекалке да волшебному мастерству гномов. Грубая обработка корпусов только увеличивала взрывную силу гранат.

Лейф подтолкнул носком сапога туго набитый узелок на полу. Он ощутил, как плотно и тяжело набит этот узел. Когда Лейф хотел вытрясти содержимое, его остановил Садри.

— Не трогай! — гном возбужденно жестикулировал коротенькими ручками.— Этот мешок очень опасен, мастер Лейф. Здесь часть урана, который ты заказал. В тепле этого металла приятно отдыхать гномам, но для людей он смертелен. Лучше хранить его вот такими маленькими свертками.

— Ты прав, Садри. Спасибо. Мне надо вести себя благоразумней,— согласился мастер Лейф и отошел от узелка на полу.

Он запросил уран просто так, еще не веря в чудесные отношения гномов с камнями и металлами. Он упомянул устойчивый изотоп урана — и вот он здесь. Полтонны химически чистого смертоносного вещества в небольших свертках, не способных образовать критическую массу. Он был уверен, что гномы учли и это. Но если боги пользуются знаниями гномов, зачем им понадобилось военное мастерство людей для победы в Рагнарёке? Неужели боги настолько высокомерны, что гнушаются посоветоваться со своими гномами? А может быть, гномы способны хорошо подчиняться, но не способны что-либо делать самостоятельно? Например, при добыче этого урана. Они, конечно, расфасовали металл по сверткам, но все же не предусмотрели защиты от излучения. Не исключено, правда, что гномам неизвестно такое понятие, как «критическая масса», и они действуют интуитивно, иначе полутонна урана уже испепелила бы Асгард. Человек же полагается не только на интуицию. Он умеет анализировать факты, отыскивать закономерности. Одним словом, Лейф уже ни в чем не был уверен. Ясно только одно: уран не приносит гномам вреда, но они знают, что он опасен для людей.

Лейф наблюдал, как гномы переносят уран из открытых помещений в глубинные пещеры своего жилища. Краем уха он слышал разрывы гранат, которые доносились с ратного поля эйнхерьяр. Ему было любопытно, как Ли проведет демонстрацию нового оружия. Раздался еще один взрыв, и до Лейфа донесся долгий, почти несмолкаемый крик одобрения.

Ремонт мастерских заканчивался, когда у входа появилась Регнилейф. Она замерла у дверей и воскликнула:

— Один срочно призывает Лейфа Свенсена.— На лице богини была написана неприязнь.

Лейф проверил, как закреплены на нем латы, и вышел наружу. За его плечом возник Локи. Что будет теперь? Боги, видимо, прослышали что-то о его опытах со Священной Яблоней. Вызов к Одину не предвещал ничего хорошего.

— Если я не вернусь, Садри,— попрощался он с гномом,— возьми у меня в комнате зерцало и высмотри меня в Нифлхейме.

Черный юмор! К сожалению, эта не слишком смешная шутка была очень похожа на правду.

ГЛАВА 11

Вокруг судного места в центре Йюггдразила собралась плотная толпа. Лейф Свенсен оценил настроение собравшихся. Ему предъявляли серьезные обвинения, и судилище обещало быть суровым. Локи и тот присвистнул при виде собранного Айзира, подтверждая опасения Лейфа.

Фригг взывала к Одину. Даже издали было заметно, как она требовательна и уверена в своих словах. Вэли и Видарр, стоя рядом с отцом, всем своим видом подчеркивали ее правоту. Один сидел на троне, еще более согбенный, чем обычно, но когда увидел Лейфа, плечи его расправились. Он приосанился и жестом оборвал разговоры вокруг. Хеймдаллр с безразличным выражением старательно полировал линзы своей подзорной игрушки.

Внизу, у подножья помоста, с которого вещала Фригг, как в воду опущенная сидела Фулла. Она подняла глаза, когда услышала оживление в толпе, и устремила пристальный взор на Лейфа. Что-то шевельнулось в ее лице, какая-то неопределенная улыбка. Лейф не отозвался на этот тайный зов, и улыбка исчезла.

Ли Свенсен начал протискиваться сквозь толпу к брату. Тор поднялся и тоже присоединился к ним, придерживая одной рукой хрипящего Рекса, а в другой сжимая молот. Рослый и сильный юноша, в котором Лейф узнал приемного сына Тора по имени Тор Уллр, с сомнением почесал в затылке и присоединился к ним. Они образовали небольшую группу, в центре которой стояли Лейф и Локи.

— Скажи им всем,— прошептал брату Ли,— пусть отправляются в ад...

Похоже, все будет наоборот, подумал Лейф. Конечно, боги увидели, какая у него мощная поддержка, особенно в лице Тора. Но

ведь эта поддержка означала и то, что он отчаянно нуждается в защите.

Прозвучал голос Одина. Лейф понял, что он уже не успеет ни о чем посоветоваться со своими друзьями.

— Лейф, сын Свена,— говорил Один,— пришло время правого суда. Я пообещал моему сыну Тору выслушать тебя. Правосудие будет соблюдено по справедливости. Но как мы можем поверить тому, за кого поручился Локи? Он объявил тебя героем, но этого героя не видно на ратном поле, где герои оттачивают свое мастерство. Тем не менее, оправдывайся, если сможешь. Говори и защищай себя перед лицом правосудия.

Тор издал возмущенный рев. Ли тоже счел, что Один несправедлив. Лейфу даже не предъявлены обвинения. Так в чем же он должен оправдываться?

Но Лейф уже опередил Тора. Он болезненно перенес события последнего дня — недоверие Фуллы, смерть Андвари, в которой виноват Вэли, и обида охватила его. Почему он должен склониться перед волей здешних богов?

— Если то, к чему ты призываешь меня, и есть твое правосудие, Один, какой смысл мне обращаться к твоему разуму? Но это не удивляет меня. Сегодня утром я уже получил урок правосудия в Асгарде. Я должен был ожидать подвоха и здесь. Объясните мне, в чем состоит моя вина? Если Айзир имеет в виду взрыв в мастерских, то это не моя вина. То свершилась измена, и взрыв был направлен против меня и моих помощников — гномов. Вы сами должны вычистить грязь из своих конюшен, прежде чем искать работу на стороне.

Ресницы Фуллы дрогнули при упоминании об утреннем уроке правосудия. Но Лейф снова обратился к Одину, чей единственный глаз, казалось, светился на разгневанном лице, предвещая грозу. Нет, не так следовало вести себя с владыкой богов. Один, по всей видимости не воспринимал речей, произнесенных без хитростей и уверток.

Вэли явно нервничал. Он вскочил со скамьи, обернул к Лейфу напряженное лицо с глазками хорька. Лейф сплюнул на землю и растер плевок сапогом. Но сын Одина сделал вид, что это оскорбление к нему отношения не имеет.

— Мы, Видарр и я, обвиняем тебя в том, что ты задумал уничтожить эйнхеръяр. Нет слов, оружие, которым ты снабдил своего брата, разит наповал. Более того, мысль воина способна остановить взрыв брошенной им гранаты. Но мы с Видарром решили испытать твое оружие сами. Все новое нуждается в проверке, не так ли? И что же? Когда мы бросили гранаты в группу героев, не имея намерения уничтожить их, твое оружие не послушалось. Тебя радуют такие результаты?

Вэли указал пальцем — и Лейф увидел полотнище грубой ткани, на которой были собраны кровавые клочья и обрывки.

Вэли сел на скамью. Один подхватил обвинение:

— Не меньше полусотни моих бойцов уложили навсегда только

два из твоих адских снарядов для метания. Мое чародейство не в силах вернуть к жизни эйнхериев, тела которых разорваны на мелкие части. Не значит ли все это, что когда мы соберемся на Вигридре, ратном поле Рагнарёка, твое оружие уничтожит наших героев и оставит нас всех беззащитными перед сыновьями Волка? Можем ли мы позволить тебе и дальше заниматься изготовлением этих убийственных для наших героев снарядов? Но этого мало! Судя по всему, список твоих преступлений не окончен... Но говори же, говори! Мы терпеливы, и да свершится правосудие.

Сомнений не было: гранаты взорвались, ибо того пожелали Вэли и Видарр. Они хотели опорочить Лейфа. Но Один никогда не поверит, что его кровь и его плоть — его сыновья! — способны на измену рядом с троном. Лейф оглянулся на Локи, но бог не ответил на его взгляд. Он равнодушно смотрел назад, на тропинку, ведущую к мастерским.

Нифлхейм приближался к Лейфу! Лейф снова ощутил неприятное чувство тошноты, подобное тому, что возникло у него, когда он впервые заглянул в магическое зеркальце. Он обернулся к Ли. Брат, как будто нехотя, небрежно взвешивал на ладони гранату. Опытный воин прикидывал их шансы! Это не пройдет, подумал Лейф. Тор присоединился к ним, но и он не позволит метать гранаты в самом центре Йюггдразила. Лейф даже удивился, что Тор еще не переметнулся обратно, на сторону Одина.

Он еще раз взглянул на гранату. Это был неплохой выход. Если он завладеет гранатой и успеет отступить назад, граната разорвет его, но не затронет маленькую группку друзей. Тогда никто на свете не сможет отправить его в Нифлхейм. Честно говоря, смерть представлялась Лейфу приятным исходом по сравнению с местечком в преисподней.

Он подошел к Ли и снова повернулся к Одину.

— Зачем я буду оправдываться, если ты все равно не поверишь моим словам? Что это даст? Ладно, гранаты уничтожили один из твоих отрядов, но ведь их метнули твои сыновья. Почему бы не заподозрить их самих в обмане? Что касается Священного Дерева, я впутался в историю с ним...

Неожиданно вскочила Фулла, она выпрямилась и что-то крикнула ему. Но боги зашумели и заглушили ее слова. Тем временем Лейф уже вплотную придвинулся к брату и перехватил «лимонку» в свою руку. Теперь надо побыстрее отскочить в «мертвую зону».

— Еще гранату, мастер Лейф? — участливо раздался за спиной грубый голосок Садри.

Он увидел, что за ним выстроился маленький отряд гномов. У каждого гнома в ручонке была сжата граната. Локи тоже схватился за оружие. Но еще прежде, чем Лейф осознал, как изменилась расстановка сил, голос Локи поднялся над шумом толпы.

— Теперь мы можем поставить вопрос так, отец Один,— обратился он к Эльфадуру,— не опасно ли отправлять Лейфа Свенсена в Нифлхейм? — Он отдышался и продолжил: — Не все согласны с твоим приговором. Многие считают, что правосудие еще не свер-

шилось. Даже Тор не согласен с тобой. Ты видел собственными глазами, что наделали два снаряда. У каждого из нас за поясом гранаты, и мы умеем ими пользоваться в отличие от Вэли и Видарра. Разве я не прав, Тор?

Все это не очень нравилось Тору, но решение он уже принял. Он согласно кивнул:

— Это оружие действовало безотказно, когда я его испытывал. Сам Мъёллнир остался бы доволен такой мощью! До тех пор, пока мы не разберемся во всем и не примем справедливого решения, я беру под свою защиту этого человека, отец Один. Я тоже требую справедливости!

Удивительно, но к ним приближался Хеймдаллр, выхватывая на ходу из ножен огромный меч. Сейчас в нем не было ничего щегольского, самодовольство исчезло с лица. Острый меч казался живым в его руке. Он встал весьма далеко от места, где замер с гранатой Локи, но было ясно, что он заодно с ним.

И Фулла сделала несколько шагов в сторону отважных воинов, но так и не присоединилась к ним. Она тихо села на свое привычное место у ног Фригг.

— Но Священное Дерево, — воззвал Один к богам. Он не привык видеть свой двор разобщенным и понимал, насколько серьезен этот выпад против его авторитета. Такого не случалось в Асгарде никогда. Поневоле задумаешься о прочности традиций. Один почувствовал, как гнев переходит в обиду. Боги вокруг тоже имели несчастный вид. Они неуверенно переминались, не зная, как вести себя в непривычной ситуации.

— Послушай, Тор,— попытался спасти положение Один,— он же сам признался, что осквернил Яблоню...

— Я предлагаю для начала определить нанесенный дереву ущерб! — взревел Тор. Пошлем гонцов к дереву, а потом вернемся к разбирательству.

Хеймдаллр со свистом рассек воздух своим мечом, привлекая внимание.

— В гонцах нет нужды. Я хорошо разглядел дерево при помощи чудодейственного инструмента, подаренного мне земным мастером. Он правильно понял, что только я смогу оценить по достоинству эту вещь.

Он раскрыл подзорную трубу, приложил окуляр к глазу и принял горделивую позу. Айзир устремил на него свои взоры. Лейф, честно говоря, не понимал, что может увидеть Хеймдаллр сквозь стену густого леса и чем могут помочь ему увеличительные свойства трубы. Наверное, Хеймдаллр прибегал к магии, а подзорная труба попросту приносила ему радость как игрушка. Но выглядел Хеймдаллр в данную минуту весьма самодовольно.

— На дереве появились новые побеги. Яблоки наконец-то созрели,— возгласил он.— Кажется, Лейф, сын Свена, умеет обращаться со священными деревьями.

Óдин хрипло отдал приказ — и вóроны неожиданно слетели с его плеч. Они взмахнули крыльями по направлению к роще. Лицо Фуллы

прояснилось, она определенно возвращалась к жизни из своего полуобморочного состояния. Фулла рванулась к Лейфу.

Он усмехнулся про себя, удивляясь женскому коварству и непостоянству. Теперь, когда грозовые облака над его головой рассеялись, рядом с ним можно было обогреться на солнышке. Он сделал вид, что не заметил ее порыва, и повернулся к могучей фигуре Тора.

Его не очень поразило возвращение во́ронов. Каждый из них нес в клюве за черенок крупное желтое яблоко. Они не походили на недозревшие дички сегодняшней ночи и казались совершенно созревшими плодами зимних сортов — крупные, плотные, сладкие, хотя бы на вид. Лейф уже убедился, что время в Асгарде способно на странные вещи. Оно могло ускорять процессы, длящиеся месяцами, до нескольких часов. Но и, наоборот, могло замедлять естественный ход вещей. Право, здесь было все для того, чтобы созревали прекрасные яблоки! Он дал Яблоне шанс окрепнуть — и вот плоды уже радуют глаз!

О́дин взял одно из яблок, принюхался, откусил, куснул еще разок — и просиял. Казалось, он сбросил со своих плеч не один десяток лет. Под его руку к трону направились рядом стоящие боги, но он жестом остановил их.

— Лейф, сын Свена, я разрешаю тебе пройти вперед и встать рядом со мной.

Недовольно вскрикнул Вэли. Но разгоряченный Один повелел ему замолчать. Лейф замер в нерешительности. Но рука Локи подтолкнула его вперед. Лейф подошел к трону и поднялся на помост. На раскрытой ладони бог Один поднес ему одно яблоко. Лицо бога выражало полное расположение. Только сейчас Лейф понял, что опасность миновала. События прошедших суток вдруг вызвали у него дрожь в коленках. Эту дрожь он ощущал и в руках, но преодолел себя. Как только откусил от ароматного яблока, его пронизал могучий поток животворной энергии. От неожиданности он чуть не поперхнулся откушенной долькой и проглотил ее. Горячая сила расходилась по жилам. Раньше он сомневался в реальной мощи Яблони, считая ее архаическим реликтом, но сейчас отбросил все сомнения. Чем бы ни была Священная Яблоня, плоды ее на самом деле оказались могучим стимулятором жизненных сил.

— Ты совершил чудо, Лейф Свенсен,— произнес Один,— и я с радостью отвожу от тебя все обвинения и прощаю гибель моих воинов. Предатель никогда бы не сделал этого, скорее наоборот. Возвращение дереву его изначальной мощи не пахнет изменой. Я принимаю объяснение Локи, что метательные снаряды взорвались из-за неловкости моих сыновей, которые не смогли силой мысли остановить разрушение. Может быть, на них повлияло колдовство крылатого разведчика — орла, которого высмотрел в небесах Хеймдаллр.

Он сделал паузу, внимательно наблюдая за Айзиром, и заставил их всех выстроиться в очередь за чудотворным яблоком. Наконец он вздохнул.

— Что касается тех, кто усомнился в моей правоте, они совершили серьезный проступок. Однако истина оказалась на их стороне.

Сейчас мы все устали, и я не хочу принимать необдуманных решений. Конечно, и Тор, и Локи были вправе обидеться на меня за мое недоверие. Да... Пусть Лейф Свенсен вернется к своим трудам, а мы еще раз обратимся к событиям этого дня и подведем итоги.

Лейф сходил с помоста и думал о черном предательстве Вэли. Но затевать разговор с богом Одином об измене его сына и убийстве Андвари было несвоевременно. Лейф вернулся к своим единомышленникам, мельком взглянул на Фуллу и встал рядом с Локи. Бог в это время говорил гномам, что им тоже пора возвращаться домой. Лейф почувствовал, что не надо задерживаться, напоминая своим присутствием Айзиру о своих защитниках, которые оставались на Совете богов. Он догнал гномов, и они все вместе весело зашагали к пещерам. А боги столпились вокруг Одина, который протянул им поднос с разрезанными на аккуратные дольки яблоками. Один был преувеличенно любезен с каждым, подчеркивая справедливость завершенного Совета. Он показал, что его отношение к Локи, Тору и Хеймдаллру совершенно не изменилось, и протянул каждому из них равную долю золотого молодильного яблока.

ГЛАВА 12

Локи догнал Лейфа на пути к мастерским. За ним спешил Уллр.

— У этого юноши хорошая идея! — объявил Локи.— Это не часто бывает в Айзире. Я думаю, Лейф, ты тоже догадался, какая это редкость. Поэтому мне не жалко времени, которое я трачу на общение с тобой. А теперь давай, Уллр, поделись с нами своей идеей.

Юный бог провел ладонью по луку и наморщил лоб.

— Гранаты, которые ты делаешь, бесспорно, хороши. Но еще лучше начинить порохом древко стрелы. Такая стрела будет взрываться, попав в цель.

Он протянул Лейфу стрелу, и тот осмотрел ее. Идея Уллра была неплоха, и он уже сделал пустотелую стрелу. Эта стрела была толще обычной, она была срезана из тростника и покрыта позолотой для тяжести и крепости.

— Ты испытал стрелу в полете?

— Она попадает в цель! Но у меня нет начинки...

Лейф одобрил идею. Гномы могли срочно изготовить железные листы и свернуть их в тонкие трубки. Каким-то таинственным путем они умели сваривать швы. Внутренняя поверхность стрелы не нуждалась в обработке, главное — идеально выпрямить стрелу и не перетяжелить ее. Лейф подозвал Садри и все объяснил. Понятливый гном закивал большой головой, раскрыл огромный рот, выражая тем самым одобрение хорошей выдумке. Гномы, распевая свои бесконечные непонятные песенки, взялись за работу.

Немного погодя Уллр и Локи отправились подальше от мастерских испытать первые стрелы. И здесь тоже взрыв зависел от мысленного приказа стрелка. Те же самые стрелы можно было использо-

вать и для стрельбы по мишени. Все трое были довольны. Теперь боги во всеоружии могли встретить Рагнарёк.

Лейф вернулся в свою перестроенную комнату. К нему заглянул Садри. Лейф испытал неожиданный порыв благодарности к маленькому существу, снял часы и подарил их гному.

— Спасибо Садри, что ты пришел ко мне на помощь со своим народом.

Гном смутился, что-то пробормотал и пристегнул ремешок часов на свое широкое запястье. Он был давно очарован этим хитроумным механизмом, показывающим земное время. Гном приложил часы к уху и стал слушать, как они тикают. Лейф сам был растроган.

Проводив Садри, он взял магическое зеркало и заглянул в него. Но увиденный даже мельком Нифлхейм снова оказался для Лейфа зрелищем почти невыносимым. Он содрогнулся и отложил в сторону колдовское око. Как хорошо, что угроза Нифлхейма миновала и от него не отступились его новые друзья.

Бесспорно, он мог довериться в трудную минуту рыжебородому Локи, но уязвимым местом этого бога были, как ни странно, ум и чувство юмора. Он предпочитал силу мысли мускулам, и потому ему приходилось хитрить. Не случайно легенды винили его в чрезмерном хитроумии. Тор отличался от Локи простодушием. Это был бог твердых принципов и убеждений. Ему можно было доверять, но его простодушием могли воспользоваться недоброжелатели. Уллр сразу принял сторону Лейфа, хотя бы потому, что тот оценил его изобретение и без раздумий передал в работу гномам. Даже Хеймдаллр явно поддерживал Лейфа, но его позицию можно было объяснить тем, что он сумел провидеть победу Лейфа в борьбе за жизнь Священной Яблони.

К сожалению, все это может настроить Айзир против Лейфа Свенсена. Ведь именно он расколол мир богов на две неравные части. Разве они простят простому человеку, что он бросил им вызов и остался безнаказанным? Конечно, Один в полной мере оценил, что к дереву вернулась былая сила. Но все же единственным светлым обстоятельством во всех перипетиях прошедшего дня было то, что Лейф вырвал у судьбы передышку. Нельзя было забывать о коварном триумвирате Вэли, Видарра и Фригг, которые ополчились против него. Чем большего он добьется, тем большее ожесточение вызовет у этой троицы.

А в будущем не предвидится ничего такого, вроде сегодняшнего обновления Яблони, что сможет повлиять на решение Айзира в его пользу.

Его окликнули из-за дверей, Лейф встал и вышел за своим ужином. Однако сегодня еду принесла не Регнилейф, а Фулла. Боги произвели замену. Что ж, почему бы и нет? В конце концов, это он спас ее бесценное дерево и этим упрочил положение самой Фуллы. Но в глубине души он проклинал все на свете за то, что у него дрогнули руки, когда он принял от нее котелок и тарелку.

— А я собрала все яблоки. Теперь они хранятся в моем сундучке,— сказала Фулла и прикоснулась к маленькой корзинке на поясе.

Этот кованый сундучок в виде корзинки казался слишком маленьким, чтобы вместить в себя весь урожай; в лучшем случае, он был рассчитан на два или три ялока. Тоже загадка Асгарда. Когда Фулла заговорила снова, он понял, что она волнуется не меньше его самого.

— И еще я занялась стряпней. Ли подсказал мне, что приготовить для тебя. Я приготовила овощник. Раньше я не делала ничего подобного.

Он заглянул в котелок. Похоже, аппетитное варево состояло из тушеной капусты, морковки и мяса. Сверх того в овощник была добавлена какая-то крупа. Вкусно... Надо бы отказаться от этой подачки — пусть Фулла чувствует себя в долгу перед ним. Но вкусный запах и чувство голода победили. Он хотел есть, как любой нормальный человек.

— Давай поделим пополам,— сказал он и переложил часть содержимого в тарелку.— Это будет полезнее для твоей фигуры, чем одно мясо.

Она подхватила котелок с таким выражением, как будто хотела выплеснуть содержимое ему в лицо. Но что-то ее остановило. Фулла беспомощно посмотрела на Лейфа. Она дотронулась до щеки, как будто ее мучил какой-то вопрос, а потом рука ее бессильно упала. Не сказав ни слова, она повернулась и ушла.

Вот чертовка, кто бы она ни была — богиня или просто женщина!

Лейф взялся за еду. Было вкусно, особенно когда он подсолил пищу щепоткой соли, припасенной для него гномами. Несмотря на аппетит, ел он неохотно, с трудом. Наконец, просто отодвинул тарелку в сторону и снова взялся за зеркальце. Ему повезло — он нашел то, что так настойчиво выискивал на Земле. Лейф наблюдал за процессом, в который были посвящены считанные единицы. На Земле продолжали делать атомные бомбы, видимо, на случай очередных революций и войн. Производство ядерного оружия упростилось по сравнению с тем, что рассказывал преподаватель колледжа. Пожалуй, гномы справятся и с этим. А кристаллический взрыватель гномов, секрет которого до сих пор неясен, очевидно, сможет запустить и механизм взрыва двух критических масс урана...

Но есть ли необходимость в таком мощном оружии? Ведь сделав атомную бомбу, придется использовать ее... Ему не понравились собственные рассуждения. Он вспомнил, как многие другие люди, работая на войну, рассуждали так же, и сколько это развязало войн и принесло несчастий. Справедливо ли применить страшное оружие в Рагнарёке?

Лейф напоследок съел еще пару ложек, а потом начал натягивать латы. Он был недоволен своей жизнью. Он нуждался в подруге. Вот в чем была на сегодня его самая больная проблема. Регнилейф намекала ему, что будет счастлива скрасить его досуг, но сейчас ему не хотелось общаться с другими женщинами, кроме одной-единственной... Но все равно с кем-то надо было посоветоваться, поделиться мыслями. Он часто виделся с Локи, но не знал, как найти его в случае необходимости. Тор слишком много времени отдавал занятиям на ратном поле. Он возглавлял целый отряд богов и эйнхериев, которые

вместе с ним занимались ссорами и поединками. С Ли тоже не всегда удавалось посоветоваться.

Лейф торопился. Он шел по лесной тропинке и хотел было свернуть к Яблоне, но заставил себя идти дальше, к Билскирниру. На этот раз еду ему снова принесла Регнилейф, но не она готовила пищу. Лейф был уверен, что этим занималась Фулла. Она явно становилась хорошей поварихой и стряпала все лучше и разнообразнее. Все время придумывала что-то новое. По Асгарду уже ползли слухи, что Лейф ест земную пищу. Героям это возбранялось, и потому Лейф сначала отводил глаза, когда Локи врывался в его комнату во время обеда. Но оказалось, что и сам Локи не прочь отведать земной еды.

Мастерские работали на славу. Склад заполнялся гранатами и стрелами. Лейф в поисках новых идей и решений частенько заглядывал в магическое зерцало. Он еще не решил, как быть с атомными зарядами. Но вот в один прекрасный день он созвал гномов и объяснил им новую задачу. Она была по плечу гномам, хотя, конечно, об испытаниях атомного оружия речи и быть не могло. Сомнения в необходимости такой работы еще терзали Лейфа, но отступать было поздно.

Мастерские работали вовсю, и боги были довольны. В любом случае он не прогадывает: в страшной битве, какой обещал быть Рагнарёк, пригодятся любые заранее приготовленные сюрпризы.

Бойцы и герои, которых опекал Тор, все-таки были скучноватые ребята. Ли Свенсен обучал героев максимальной эффективности боя и мало внимания уделял брату. У Тора был серьезный недостаток: ему не хватало чувства юмора, и временами это давало о себе знать.

Лейф по старинке интересовался земными новостями. Он заглядывал в открытые газеты, но вести становились все более однообразными. Погода окончательно испортилась и еще хуже стать, пожалуй, не могла. Метеорологи уже и не пробовали объяснить это с помощью доводов разума. По всей планете возникали диктатуры, но суровые холода не позволяли им развернуться, заметая снегами следы новоявленных тиранов. Города становились источниками ужаса. Только в немногих сельских регионах было чуточку спокойнее. Сильные снегопады пронеслись даже над Экваториальной Африкой, но со временем количество влаги в морозной атмосфере уменьшилось и снега стало меньше.

Последние новости не порадовали ничем, кроме комментария Локи, что, если верить преданиям древности, все должно быть еще хуже. Очевидно, когда-то, в глубокой древности, те, кто создавал эти предания, переживали худшие времена. Но современному человеку психологически труднее смириться с падением цивилизации и вернуться к разбойным обычаям первобытного общества.

Однажды Регнилейф принесла на обед весьма аппетитный мясной рулет с овощами. Это доконало Лейфа. Он сдался. Он признался себе, что любое напоминание о Фулле терзает и ранит его сердце. Пора предпринять какие-нибудь шаги к примирению. Да, он первый направится к Фулле и на этот раз не промахнется. В любом случае

путь к его сердцу не связан с желудком, хоть она научилась хорошо готовить. Они просто должны увидеться.

Приняв решение, он почувствовал себя уверенней, пристегнул латы и хлопнул дверью.

Это было чудо! В наступающих сумерках навстречу ему торопилась Фулла. Ее улыбка была наполнена тихим счастьем. Рядом с ней почему-то шагал Вэли и указывал на мастерские. Они были уже в сотне шагов. Лейф решил вернуться домой, когда увидел, что Вэли схватил Фуллу за руку. Лейфа задело, что они появились вместе.

Внезапный крик заставил его поднять голову к небу. Огромный орел закрыл крыльями вечереющее небо и устремился вниз. Он несся прямо на Вэли и Фуллу. Лейф выхватил пистолет и громко закричал, чтобы предостеречь богиню, но Фулла и сама уже заметила опасность. Она побежала по тропинке. Орел распластал крылья, на миг замер в воздухе и с небес метнулся к Фулле. Его крылья заслонили от Лейфа девушку, и он не мог выстрелить. А птица стремительно взмыла ввысь. Фулла билась в когтях птицы, на ее поясе качался сундучок, который странным образом вместил огромный запас волшебных яблок.

Лейф выстрелил вверх, понимая, что расстояние слишком велико для удачного выстрела, а затем выпустил пулю в убегающего Вэли. Напрасный выстрел. Орел заклекотал и быстро удалился в сторону крепостной стены Асгарда. Эхо его крика заметалось над стеной. Орла и его пленницу охватили радужные огни, и вот они словно растворились в воздухе. Исчезли в никуда.

Орел пересек Бифрост и устремился в Йотанхейм, прихватив с собой Фуллу и все чудесные яблоки Асгарда.

ГЛАВА 13

Время как будто остановилось. Лейф Свенсен проклинал себя. Он уже не сомневался, что Вэли заманил Фуллу в ловушку под предлогом встречи с ним, Лейфом. Этого бы не случилось, не окажись он раньше таким глупцом. Почему он медлил? Почему не бросился к Фулле по первому зову сердца? Теперь, лишившись яблок, боги станут сонными слабаками. Путь через Бифрост открыт нараспашку, и гиганты смогут вторгнуться на Землю. Он долго наблюдал в магическом зеркале жизнь и повадки гигантов и понимал, каково придется родной Земле...

Он никогда не думал, что его работа поможет богам победить, но сделал все возможное для этой победы. Что же вышло в итоге?

Он бросился к мастерским, дал срочное задание Садри и впился глазами в послушное его мыслям зеркальце. Лейф разглядел Фуллу в когтях орла над Йотанхеймом и спрятал зеркало в нагрудный карман. Он вышел из мастерских и увидел, что вдалеке бежит Садри, направляясь к Билскирниру. Лейф рванул следом за ним. Он бежал через поле, проклиная тяжелые латы. Снимать их было некогда.

Так он и добежал до замка. В ноздри ударил запах конюшни. Он вошел. Регнилейф терла скребком одну из лошадей. Богиня Джна наблюдала за ее работой. Лейф схватил Джну за плечо и грубо повернул кругом.

— Где Летящее Копыто?

Она начала темнить, но ее выдали глаза. Лейф оттолкнул богиню и направился к великолепному белому жеребцу. Он был больше любого першерона из тех, что когда-либо видел Лейф, но сложенный с изяществом арабского скакуна. Джна бросилась к нему и попыталась остановить. Времени для препирательств не было. Он ударил ее кулаком в челюсть, и она упала. Лейф повернулся к Регнилейф. Валькирия съежилась под дулом пистолета, а потом собралась с духом и подошла к коню.

— Оседлай его!

Она подчинилась. Лейф сжал в руке узду. Летящее Копыто вел себя беспокойно, но Лейф хорошо знал лошадей. Он нежно похлопал коня по морде и что-то зашептал на ухо чуткому животному. Тот успокоился. Лейф вскочил в седло, поднял Летящее Копыто на дыбы, развернулся и выехал из конюшни.

Он помчался к стене, еще не зная, как поднять жеребца в воздух. Он даже не был уверен, что конь вообще пожелает взлететь. Да, он летал на Земле, но делал это в соответствии с мифами. А здесь? Казалось, Летящее Копыто понял его мысли и, когда Лейф потянул на себя поводья, взвился вверх. Миг спустя они были в воздухе. Лейф Свенсен понятия не имел, как они пересекут Бифрост, не помешает ли переходу его воинское облачение, но беспокоиться обо всем этом было поздно.

— Летящее Копыто, мы летим в Йотанхейм,— приказал он.

Конь тихо заржал, откинул голову назад, и раздался его грохочущий рев. Лейф попробовал повторить этот зов и понял, что именно так кричала Регнилейф, когда они покидали Землю. Вероятно, такое сочетание звуков приводит в действие мост между вселенскими измерениями. Воздух наполнился радужным сиянием. Радуги пульсировали вокруг, латы стали теплее, а пистолет в кармане раскалился. Он чувствовал, как пространство, прогибаясь перед ним, сопротивляется проникновению чужих тел, но могучий конь не сбился с шага и на этот раз. Значит, Локи не обманул: переход в другие миры легче, чем путь на Землю.

Под ними в пустоте пропали очертания Асгарда, но и радуги тоже погасли. Лейф посмотрел вниз. Там расстилался холодный серый ландшафт из огромных каменных глыб. Они выглядели реликтами, оставшимися от ледникового периода. Лейф заглянул в зеркало с надеждой рассмотреть мир гигантов. Но колдовское око не подчинялось мысленным приказам Лейфа. Естественно! Ведь оно показывало только другие измерения... Наверное, он мог бы издалека увидеть Асгард! Но времени на это не было...

Впереди перед ними в небесах Йотанхейма раздался победный трубный клич, похожий на крик птицы, и Лейф направил туда коня. Но впереди ничего не было видно, хотя Летящее Копыто неумолимо

пожирал расстояния. Зов раздался совсем рядом, и Лейф резко повернул голову.

Сначала он подумал, что сбоку летит тот самый орел, но затем разглядел оперение огромного сокола. Тихо заржал Летящее Копыто, и сокол приблизился.

— Ты правильно летишь, Лейф,— произнес в небесах голос Локи.

Сокол завис над шеей коня и забил крылами. С него, казалось, сползала тонкая оболочка, из-под которой появился Локи — собственной персоной. Он сжал в ладони невесомый комок перьев и пуха и засунул оперение в сумку.

— Соколиная оболочка Фрейи — лучшая работа эльфов,— пояснил он. Ты, кстати, понимаешь, куда попал?

Лейф не знал, что ответить.

— Здесь я не смогу помочь тебе,— сказал Локи.— По крайней мере, внутри их замков. Они учуют дух Асгарда. Я же весь пропитан этим духом. Тебе, может быть, удастся пройти. Ты и в самом деле отправился за Фуллой и яблоками? Садри передал мне твои слова. Надеюсь, он ничего не перепутал. Но он не сказал мне, кто все это подстроил?..

Лейф поведал ему историю похищения Фуллы. Бог на грубом языке каменных гномов проклял Вэли и его поступок. Чтобы не тратить времени зря, он начал объяснять Лейфу обычаи и наиболее характерные приметы жизни ледяных гигантов. Эти сведения не могли порадовать или ободрить. Вдруг Локи указал вниз, и Лейф увидел очертания грозного замка, вырубленного в скале. Перед замком раскинулся освещенный двор.

Локи перехватил поводья и направил Летящее Копыто вниз.

— Мы приземлимся подальше от замка, и ты пойдешь пешком. Так будет лучше. Я укрою коня в надежном месте и попробую пробраться к тебе на помощь. Когда ты освободишь девушку, свистни три раза — вот так! — и лошадь примчится на зов. За меня не тревожься, я-то всегда найду дорогу обратно. Самое главное — это вернуть Фуллу с ее сундучком в Асгард. Это важнее всего, Лейф!

Лейф спрыгнул с коня. Локи протянул ему меч, но Лейф от него отказался. Он наловчился обращаться с мечом на ристалищах Асгарда, но с пистолетом в кармане чувствовал себя уверенней. Если ему повезет, может быть, обойдется без оружия. Здесь, на границе Бифроста, жили гиганты, внешне похожие на богов. Похожесть позволяла шпионить. Он, Лейф, смешается с молодняком и станет практически неотличим. Как подсказал Локи, не достигшие зрелости гиганты почти не отличались от людей. Он сойдет за юного великана.

Лейф пробрался в замок без особых трудностей — по дождевому желобу. Во двор падал свет из распахнутой двери. Вокруг никого не было, но из самого замка до Лейфа долетали возбужденные голоса. Лейф внутренне подобрался и вошел в дом гигантов, как если бы шел по какому-то обычному делу. Его никто не заметил.

Вход в коридор преграждал взрослый гигант. Лейф не увидел его туловища, он оказался перед двумя огромными волосатыми ногами. Ноги переступили с места на место и приоткрыли Лейфу помеще-

ние необъятных размеров. Лейф по частям складывал в одно целое открывшуюся ему картину: ножки кресел, необъятный стол, сапоги, блеск доспехов, где-то высоко — головы гигантов. В дальнем углу стоял прозрачный шкаф выше человеческого роста. В этом шкафу к одной из стенок был прислонен большой меч. Неожиданно колоссальная рука откинула крышку шкафа и поставила рядом с мечом сундучок Фуллы. Раздался громогласный смех, и сквозь этот смех до Лейфа донесся пронзительный крик Фуллы. Лейф переступил через сапог охранника и вошел в необозримых размеров комнату. Он увидел гигантов!

Это было сборище чем-то похожих на людей исполинских чудовищ. У многих из них изо рта торчали зубы, подобные бивням или клыкам, некоторые отличались чуть ли не благообразной внешностью, но всех объединяло нечто звериное в облике. В отличие от гномов, тела которых были деформированы, гиганты отличались пропорциональным сложением. Лейф смотрел на черты, отмеченные грубостью и жестокостью, обратил внимание на жесткие волосы, напоминающие проволоку, остановился на беспощадном выражении губ вылепленных лиц. Лейф уже знал, что некоторые из гигантов весьма сообразительны, но интеллект никак не отражался на этих лицах.

Внимание собравшихся было приковано к гиганту чуть ли не десятиметрового роста, который сидел во главе стола. Он небрежно держал в огромной руке Фуллу... Перед лицом Фуллы возникла другая рука и ткнула ее в лицо густыми волосами, что росли на костяшках пальцев. Фулла непроизвольно откинула голову и вдруг заметила Лейфа.

Она придала лицу безразличное выражение, чтобы не выдать своих чувств, и тем самым привлекла внимание к Лейфу. Гигант, за сапогом которого он нашел прикрытие, посмотрел вниз и завопил:

— Балдер!

Костистая рука обхватила Лейфа и метнула вперед. Он пронесся полсотни футов в воздухе...

— Хей, Скайрнир!

Гигант, не выпуская Фуллу, протянул свободную руку и поймал Лейфа на лету. Тому показалось, что у него даже ребра захрустели, но все же рука смягчила удар. Гигант перевернул его и прищурился.

— Хмм... Нет, это не Балдер, хотя чем-то и напоминает красавчика. Скорее всего, новенький. Он не пахнет геройской плотью эльфов — он в собственной шкуре! Я думал, что запомнил каждого в те дни, когда был помоложе и летал над Асгардом как посланник Фрейи.— Он нагнулся к своему пленнику, и Лейфу стало дурно от исходящего изо рта великана зловония.— Интересно, у Балдера были сыновья?

Громыхнул хохот.

— Балдер!— повторил один из гигантов.— Сыновья...— И они загромыхали снова.

В углу зала раздался клекот, и Лейф увидел странное существо, похожее на орла. Оно медленно становилось одним из гигантов.

Клекот повторился, и на месте птичьей головы с острым хищным клювом возникла не менее хищная голова гиганта.

— Это колдун по имени Лейф,— сообщил летающий исполин.— Вэли так и думал, что он последует за девицей.

— Да, это так! — заорал Лейф. Его била дрожь, но когда он возвысил голос, страх исчез.— Мог ли я, колдун, родня Витольфа, добровольно работать на Айзир?! Как только у меня появилась возможность, я пересек Бифрост просить у вас убежища...

Скайрнир от души расхохотался. В веселье он хлопнул по бедру рукой. Несмотря на гигантские размеры, он неплохо выглядел, а когда улыбался, в его лице даже появлялось что-то приятное. Но все равно это «что-то» не могло скрыть его истинной сути. Нечто подобное Лейф однажды наблюдал в глазах человека, который до смерти забивал собаку. Тот человек тоже приятно улыбался до тех пор, пока Лейф первый раз в жизни не сдержался. Он ударил садиста с такой силой, что тот потерял сознание. Именно так улыбался и Скайрнир.

— Ты не обманешь нас, хоть и зовешься колдуном. Мы все знаем от деток вашего Эльфадура. Видарр и Вэли давно помогают нам. Ну, а раз ты любишь девчонку, присоединяйся к ней. Мы вас не станем разлучать. После того, как ты расскажешь нам обо всем, чем занимался в Асгарде, мы зажарим вас на одном вертеле. Я лично съем вас обоих. Это объединит ваши души сильнее, чем поцелуй под властью магии. Как ты думаешь, хороша моя идея?!

Гиганты оценили юмор. Даже стены сотрясались от хохота. А Фулла побрела к Лейфу. Она едва держалась на ногах, да и Лейф чувствовал себя ненамного лучше. Он предполагал, что гиганты все же не людоеды — по крайней мере, ледяные великаны, но кто знает, на что способен садист с чувством юмора... В глазах Фуллы отразилось беспредельное отчаяние. Она споткнулась и упала на столе — неподалеку от него, рядом с какой-то великанской утварью.

— Прости меня, Лейф, это я виновата во всей этой истории...

Вдруг она вскрикнула, Лейф обернулся. Скайрнир выхватил щипцами из камина здоровенный кусок горящего угля. Он ткнул углем в сторону пленников. Лейф вырвал из кармана пистолет и спустил курок. Но пистолет не выстрелил. Лейф забыл зарядить оружие. Гигант, оказывается, знал, что это такое. Он отшатнулся и выронил уголь, который упал на сидящего рядом гиганта. Тот издал чудовищный вопль. Но главарь гигантов уже взял себя в руки. Усмехаясь, он пальцем выбил пистолет и сумку с обоймами из рук Лейфа.

Пистолет и патроны отправились в стеклянный шкаф вслед за сундучком Фуллы. Скайрнир, очевидно, был любопытен, потому что вскоре снова извлек пистолет и осмотрел его. Пистолет был слишком мал для его пальцев, но, видимо, позабавил гиганта. Он отбросил пистолет Лейфу, а сам потянулся к камину за новым куском угля.

Из происходящего Скайрнир извлекал какую-то злобную радость, но ее нарушил крик, раздавшийся в дверях. Один из младших гигантов протиснулся к столу и бросил на него шлем. Это был шлем Локи.

— Айзир! От него разит Асгардом...

Скайрнир нахмурился.

— Черт побери! Видарр поклялся, что Айзир по его приказу направятся в Маспелхейм за племенем Сартра... Ну, ладно! Все равно их здесь немного, иначе бы они уже напали на нас. Эй, Храймр, закинь мелюзгу в карцер и выводи лошадей. Надо осмотреть окрестности и разобраться, что происходит...

Храймр схватил Лейфа и Фуллу ручищами, которые скорее напоминали ковши экскаваторов, и потащил их прочь из зала. На лице Храймра странным образом разместились три уродливых рта. С кривых губ стекала слюна. Окрик Скайрнира отвлек его от каких-то планов, и он спешил. Он прошел мимо прозрачного шкафа, двинулся по огромным коридорам замка и сошел куда-то вниз по каменным ступеням. Он бросил Лейфа, а за ним Фуллу вниз, в какое-то подобие каменного мешка, прикрытого темной дубовой дверью. У Лейфа и так уже болели ребра, а падение усилило боль. На него с глухим стоном упала Фулла.

Дубовая дверь плотно захлопнулась, и до пленников донеслось щелканье замка́. Они остались в полной темноте. Шаги гиганта постепенно смолкли в каменных коридорах за дверью.

Лейф кашлянул, и Фулла соскользнула с него. Она не торопилась отползти от Лейфа, наоборот, положила ладонь на его грудь и зашептала:

— Лейф, я боюсь...

Лейф сухо усмехнулся и приподнялся на локте.

— Ты знаешь, мы чувствуем себя одинаково. Признаюсь, я не создан для приключений.

Он встал на ноги и помог подняться Фулле. Ощупал себя. Сломанных ребер не было. Он удивился, что слабость в коленках прошла бесследно. Определенно, он начал привыкать к неожиданностям. Однако смеяться в лицо опасности, как это делал Ли, он по-прежнему не умел... И вдруг Лейф понял, что это не так, что он уже давно ничего не боится и смеется над собственными страхами. Интересно, подумал он, смеются ли настоящие герои, когда преодолевают это унизительное чувство?

Рядом, прижав лицо к груди Лейфа, ровно дышала Фулла. Душистый запах ее волос наполнял пещеру, пропахшую плесенью. Лейф еще сильнее прижал девушку к себе. Он напряженно думал, изогнув губы в улыбке.

Когда гиганты вернутся, они наверняка станут его пытать, но это не значит, что он должен страдать заранее. Мрачная перспектива не должна омрачать радость настоящей минуты. Только дурак довольствуется меньшим, чем может, пока жизнь еще теплится в нем. В темноте он взял Фуллу за подбородок и потянулся к ее губам. На мгновение они забыли обо всем, но виде́ние Скайрнира, который тычет в лицо раскаленным углем, снова вернулось в сознание. Лейф и Фулла со вздохом отпрянули друг от друга. Нет, сейчас не время предаваться нежности. Тем более, что ничего не известно о судьбе Локи.

— Пора выбираться отсюда,— сказал он.— Нужен свет, чтобы разобраться в обстановке...

Фулла протянула к нему руку и перестала дрожать. Она забрала у Лейфа коробок спичек, которыми он безуспешно чиркал в темноте, и спрятала спички в карман.

— Здесь, в Йотанхейме, спички не горят. В воздухе нет кислорода. Нам только кажется, что мы слышим ушами и дышим воздухом. Это все иллюзия. Просто Бифрост перестроил нас для жизни в Йотанхейме. Даже огонь, которым гиганты освещают свои дома,— это ледяной магический огонь. Но я не против темноты и не боюсь того, что здесь могут с нами сделать, если ты больше не сердишься на меня. Ведь теперь ты меня любишь?

— Конечно, милая,— отозвался Лейф. Нет, что ни говори, сердце Фуллы было сердцем юной девушки, хоть и прожила она на свете пятьдесят тысяч лет.

Он похлопал по карманам. Что же делать? Трудно поверить, что здесь нет воздуха. Если бы его здесь не было на самом деле, не было бы и всего того, что связано с ним. А раз так, спички должны хотя бы вспыхивать в темноте! Нет, здесь что-то не так. А вдруг это всего лишь выдумка гигантов, чтобы отрезать другим дорогу в Йотанхейм? Нет воздуха, а значит — нельзя дышать, следовательно, и жизни быть не может. Но кто-то проверил все эти домыслы, и оказалось, что на самом деле все обстоит иначе. Скорее всего гигантов уличил Локи. Тогда им пришлось создать целую идеологию лжи, чтобы хоть уши не торчали наружу. А так как и гиганты, и Айзир с готовностью верили в магию и прочее колдовство, они с охотой признали отсутствие воздуха и ледяной огонь.

Он подумал о пришествии Рагнарёка. Может быть, и это зловещая выдумка гигантов? Они придумали это с единственной целью осуществить смертельное пророчество. Подобное предположение тоже не выходит из рамок возможного, хотя сейчас это не имеет никакого значения. Айзир и гиганты одинаково были пленниками традиций, так что все предсказанное неминуемо происходит, даже если вовремя устранить причины. Впрочем, к чертям все эти философские вопросы. Спички-то на самом деле не горят!

Фулла шевельнулась рядом с ним. Он услышал потрясающее признание.

— Если бы ты на самом деле погубил Дерево и Айзир, я все равно любила бы тебя. Во мне не было ненависти, когда я ударила тебя. Мою руку подняли на тебя предрассудки. Ты же знаешь, старые традиции и предрассудки умирают долго и с трудом. Когда ты ушел с поляны, я поняла, что любовь сильнее всех традиций. Ну почему ты был так холоден и так далек от меня в Асгарде? Лейф, ну почему ты решил спасти меня? Я и так принесла тебе много страданий.

— Тсс...

Ему всегда казались сомнительными герои старых сказок, готовые броситься в преисподнюю, чтобы спасти даму сердца или вырвать какую-нибудь девушку из лап негодяев. Сейчас подобное геройство казалось ему вполне нормальным делом. Очевидно, такова была вечная традиция героев. Очевидно, таковыми были традиции богов и гигантов, которым те подчинялись. Эти традиции могли отсрочить

даже Рагнарёк до появления предсказанных знамений. Боги поэтому и ждали знака, хотя в любую минуту гиганты могли захватить Асгард врасплох, полностью беззащитный...

Что случилось с ним, Лейфом Свенсеном? Почему он вдруг почувствовал свою ответственность за все происходящее? Может быть, чувство ответственности он воспитал в себе тогда, когда долгие годы в одиночестве вкалывал на своей ферме?

— Тсс...— повторил он шепотом.— Я не жалею ни о чем. У нас все в полном порядке!

Это был достойный ответ, и Фулла успокоенно прижалась к нему. Она была счастлива, насколько женщина может быть счастливой в подобной ситуации.

— Наверное, я плохо выгляжу. И надо было всему случиться, когда я начала заботиться о цвете лица. Если бы у меня были свет и зеркало...

Он ахнул, услышав ее слова. Это же надо так переволноваться, чтобы забыть о магическом зеркале, проникающем в иные измерения! Где-нибудь на Земле, в большом городе или деревне, наверняка горит фонарь, который он сможет заприметить. Он представил себе места своих поисков, и вот уже луч света забился в зазеркалье и ударил из зеркальца по стенам каменного мешка. Мрачная камера осветилась.

Лейф провел лучом, бьющим из зеркальца, по стенам, но нигде не нашел ни одного шва или просвета. Грубо обтесанный камень. Дубовая дверь тоже казалась монолитной, а засов закрыт с другой стороны. Неужели отсюда нет выхода? Сердце на миг оборвалось, а после Лейф даже хмыкнул от удовольствия. Дверь держалась на четырех бронзовых петлях, каждая из которых была пригнана тремя бронзовыми винтами. Сначала он подумал, что это заклепки. Оказывается, гиганты умели делать больше, чем он предполагал.

— Не отводи свет от двери,— Лейф передал Фулле зеркало, а сам встал в луче света и вытащил пистолет. Гиганты и не подозревали, что такое армейский пистолет! В него были вмонтированы такие вещи, как, например, набор инструментов для собственного ремонта. Даже без патронов он оказался полезен.

Лейф быстро разобрал пистолет, извлек стержень, который на самом деле был отверткой. Это была не лучшая отвертка, но, главное, из прочного металла, а бронзовые винты выкручивались легче, чем железные! Лейф подсунул под дверь несколько мелких камней, чтобы чуточку приподнять ее и снять нагрузку с петель.

Он начал отворачивать первый шуруп. Рука болела от напряжения. Но дело двигалось! И вот уже последний винт упал в ладонь. Фулла восхитилась его работой и потянулась к двери.

Он помассировал пальцы и собрал пистолет. Они должны вернуться и завладеть сундучком с яблоками. А заодно и сумкой с патронами. Полная обойма — лучший шанс на спасение!

Дверь закачалась, когда он потянул ее на себя, и начала заваливаться внутрь камеры. Лейф подставил под дверь спину и кое-как опустил ее на пол. Может быть, здесь и нет воздуха, в котором распространяется звук, но если раньше ему показалось, что он слышит

удаляющиеся шаги Храймра, гигантам может показаться, что они услышали громкий стук падающей двери...

Лейф Свенсен стер пот со лба и выглянул в коридор. Ни души. Лейф протянул руку назад и вытянул из темноты Фуллу. Они осторожно пробирались вперед, прижимаясь к стенам грандиозных коридоров, но никого не встретили. Тогда Лейф рванулся, увлекая за собой Фуллу, по длинному переходу, и как раз в эту минуту кто-то шагнул к ним навстречу из бокового коридора.

Лейф, не раздумывая, выхватил пистолет — для острастки, но тут до него донесся быстрый шепот:

— Лейф! Подожди...

— Локи! — Фулла быстро шагнула к богу и несколько раз взмахнула перед ним руками.— Да, это ты, собственной персоной, а не видение. Мы думали, они схватили тебя.

— Жалко, что не сумели, а, Фулла? — пошутил Локи. Затем он приложил палец к губам — знак молчания.— Ну так что? У меня такое впечатление, что ты мне даже обрадовалась. Эй, Лейф, тебе придется повозиться с этой девчонкой. Приручить ее будет непросто.— Он перестал шутить и заговорил серьезно:— Нет, они не поймали меня. Я нарочно подкинул им шлем, когда Скайрнир хотел прижечь вас раскаленным углем, чтобы отвлечь их. Я послал гигантам моего фантома в шлеме, но здесь трудно сохранять устойчивые формы иллюзии, так что перед вами я предстал в своем обличье! Пошли!

Он первым двинулся вперед. Все было сказано. Лейф положил ему руку на плечо и молча сжал. Локи правильно воспринял этот жест как изъявление благодарности и расстроганно закашлялся, как будто что-то запершило в горле. Он вел своих друзей каким-то сложным путем, кружил по переходам совершенно не там, где проходил Храймр, но несколько минут спустя они уже подбирались к стеклянному шкафу, в котором хранились бесценные вещи.

— Нам повезло,— отметил Локи.— Гигантов в зале нет. Открывай дверцу.

Лейф приподнял дверцу шкафа, и тотчас зал огласился сигналами тревоги. Большой молот бил по бронзовому гонгу, и удары разносились по всему Йотанхейму. У гигантов оказалась неплохая система оповещения об опасности. Снаружи уже слышался топот и крики. Огромные чудища появятся здесь через считанные секунды, гораздо раньше, чем храбрецы смогут добежать до дверей зала!

ГЛАВА 14

Локи выхватил вещи из стеклянного шкафа. Он перебросил Фулле сундучок с яблоками, аккуратно и почтительно передал ей меч, вернул патронташ Лейфу. Лейф на бегу вогнал обойму в пистолет, а Фулла несколько раз взмахнула мечом, проверяя оружие. Длиной в половину ее роста, меч казался легким и тонким, как лист

бумаги, и в то же время исключительно прочным. Как нитку, он безо всякого усилия рассек ножку здоровенного кресла.

— Вот он — Меч Фрейи! — объявила Фулла. Она с почтением обращалась к мечу. Великий клинок отныне наш!

Когда Фулла назвала меч по имени, Лейфу припомнились кое-какие легенды, связанные с ним. Когда-то эльфы сделали и вручили богам несколько непревзойденных мечей, выкованных с ювелирным мастерством при помощи магии. По сравнению с ними даже легендарный Эскалибур был подобен кухонному ножу.

А гиганты уже ввалились внутрь зала, встревоженные ударами гонга. Они проталкивались в дверь, обнажая мечи и выставляя копья, и вот уже целая стена нависла над тремя беглецами в центре огромного зала. Лейф сжимал пистолет, понимая, что это не защитит от целого отряда ужасных врагов.

Храймр захлопнул два из своих ртов, когда пуля ужалила его в грудь, подобно укусу пчелы, но копье, изготовленное для броска, не дрогнуло и нацелилось на Лейфа.

Что-то мелькнуло в воздухе, и Локи резко пригнул одной рукой Лейфа, а другой Фуллу к полу. Стены зала содрогнулись от взрыва, и Локи первым вскочил на ноги. Храймр уже не целился копьем в Лейфа. Его тело, разорванное взрывом на безобразные куски, валялось на полу. Граната разорвала еще нескольких гигантов. Остальные попятились к стене. Никто не хотел умирать...

— У меня есть еще две гранаты,— мрачно сказал Локи.— Надо срочно выбираться наружу. В Йотанхейме уже стемнело, мы сможем спрятаться. Потом решим, как быть дальше. А сейчас бежим, нам нужно найти укрытие, пока гиганты не опомнились.

Покуда гиганты приходили в себя, Локи и Лейф из громадных трупов на бескрайнем полу выложили некое подобие баррикады. Фулла с ужасом подумала, что и ей придется прикоснуться к разорванным останкам. Но она мужественно помогала своим соратникам. И вот гиганты снова двинулись на них. Они отличались грубостью, но не глупостью — усвоили преподанный урок. По команде Скайрнира они подходили к осажденным беглецам поодиночке, боясь, что новый взрыв уничтожит сразу нескольких из них. Они метали копья в страшную баррикаду. Когда копья вонзались в пол, все вокруг сотрясалось. Другие копья застревали в мертвых. Стало ясно, что баррикада отлично защищает пленников. По крайней мере, пока нападающие не зайдут с тыла или не догадаются изменить угол прицела при метании копья.

Лейф отбивался от врагов неторопливой стрельбой из пистолета. Он, не торопясь, целился в горло очередному гиганту и спускал курок. Массивные тела и головы великанов были неуязвимы для пуль сорок пятого калибра. Он поменял обойму и удостоверился, что в запасе еще три. Локи выжидал. Когда несколько нападающих сбились в группу, Локи метнул вторую гранату.

Вскрикнул Скайрнир. Но его предупреждение опоздало: осколки разметали строй нападающих. Гиганты сделали новый рывок, и Локи

едва успел бросить последний снаряд, чтобы остановить самых смелых гигантов.

Чудища замерли в нерешительности. Локи шепнул:

— В следующий раз они метнут все копья и пойдут на нас. Посмотри на того, с мечом, с ним ты управишься. Старайся подрезать сухожилия на икрах или лодыжках. Упавшего бей в горло! Фулла, пора вызывать Летящее Копыто. Если конь пробьется к нам, немедленно скачи в Асгард...

Она воздела невесомый меч Фрейи и отрицательно покачала головой.

— Я тоже могу сражаться с гигантами!

— Ты должна спастись сама и спасти яблоки! — приказал Лейф. Пронзительно свистнул Локи, предупреждая, что гиганты нацелили копья.

В эту минуту вломился в двери Летящее Копыто. Он промчался над головами гигантов, разбив пару черепов.

Его появление на несколько секунд отвлекло нападающих. Конь спланировал к осажденным. Лейф схватил Фуллу и закинул ее в седло. Локи издал вопль, открывающий дорогу между мирами, и Летящее Копыто взвился вверх, направляясь к Бифросту. Конечно, это был не просто летающий конь, а разумный и осведомленный в делах своих хозяев помощник.

А копья врезались в пол. Одно из них вонзилось в штанину Лейфа и пригвоздило его к месту. Он разодрал материю и освободился. Вместе с Локи они перемахнули через баррикаду, когда гиганты набросились на них. Они вовремя нырнули в самую гущу нападающих, петляя между гигантскими ногами. Лейф вступил в неравный бой, пытаясь угнаться за Локи и ускользнуть от огромных сапог, каждый из которых мог запросто его растоптать. Локи избрал верную стратегию. В этой неразберихе гигантам было трудно рассредоточиться, чтобы без труда изловить смельчаков поодиночке. Лейф рубанул мечом по гигантской коленке, тут же пропорол живот падающего гиганта и выпустил его внутренности. Локи не отставал от него. Даже легенды, которые обвиняли бога в хитрости и безудержном вранье, никогда не выставляли его трусом или слабаком. Не зря Тор в конце концов тоже принял сторону коварного Локи. Лейф оглянулся на звук за спиной. Это металл скрежетал по кости, когда Локи мечом распарывал горло еще одного упавшего гиганта.

Отчаянное сопротивление пленников только расчистило место. Между гигантами образовались просветы, и Лейф с Локи предстали взору врагов. Лейф заметил, как к нему протянулась огромная рука. Он отпрыгнул в сторону и оказался в другой стиснувшей его ладони. Локи тоже попал в ловушку. Так закончился этот бой в ту самую минуту, когда только и разгорелся по-настоящему. Вдруг пальцы, пленившие Лейфа, разжались, и гигант с грохотом повалился навзничь. Во время падения его голова соскочила с плеч и с грохотом покатилась по залу. Это Фулла вернулась на место схватки верхом на Летящем Копыте, и меч Фрейи уже был поднят для нового удара. В дверях возник оглушающий грохот, от которого содрогнулись

стены. Гиганты развернулись к дверям — и страх пробежал по огромным лицам.

— Тор! — завопил Локи.— Прячемся, пока эти громадины с перепугу не затоптали нас... Когда Тор в ярости, от него лучше держаться подальше!

Летящее Копыто пронесся под потолком и приземлился рядом с Локи. Опять разнесся боевой рев Тора, и все услышали свист несущегося молота, а вслед за этим глухой удар. Это означало, что еще один гигант упал с размозженным черепом. Вслед за ударом взорвалась граната, за ней — другая... Один из гигантов перепрыгнул через заграждение, защищающее Лейфа и Локи.

Меч Лейфа взметнулся вверх, и гигант неуклюже споткнулся в прыжке и шлепнулся вниз лицом. Он попытался отползти в сторону на локтях и коленях: рассеченные мышцы на ногах гиганта истекали кровью.

— Молодец! — одобрил Локи хороший удар и сам взмахнул мечом.

Появление Тора гиганты восприняли как катастрофу. Они даже не пытались отбиться от меча Фрейи и молота Тора. Огромные тела как будто переламывались в падении. Раненые в отчаянии пытались отползти в дальний угол необозримого помещения.

Бой близился к концу. Тор помог Лейфу и Локи подняться с пола и передал им мешок с гранатами. Бросок Лейфа догнал одного из гигантов, который пытался улизнуть в окно. Через минуту вокруг бойцов разметались разорванные на куски тела великанов.

В зал вбежал Ли. Он не унывал.

— Привет, мой мальчик, я надеюсь, что у тебя все в порядке! Ты заставил нас поволноваться. Но когда мы разглядели тебя в бою, мы поняли, что нет причин для волнений. Фулла,— он повернулся к богине,— слезай с коня и угости нас яблочком!

Она уже спрыгнула с Летящего Копыта и протянула воинам крупное яблоко, которое Ли ножом развалил на дольки. Лейф с радостью вкусил свою долю. Теперь, когда схватка закончилась, он с трудом держался на ногах и меч дрожал у него в руке. Но яблоко наполнило все его существо могучим потоком пьянящей силы. Он нежно улыбнулся Фулле, когда она положила остаток яблока в свой сундучок. Этот сундучок в который раз привлек внимание Лейфа. Это явно была одна из таинственных вещей, сработанных эльфами: сундучок без труда вмещал в себя немалый урожай, яблоки в нем не портились, а размером он был с подсумок для патронов. Фулла пристегивала на пояс сундучок, покрытый странными письменами. Возможно, при его помощи яблоки хранились в каких-то недоступных пониманию, иных измерениях.

Тор отирал пот со лба. Энергия яблока смыла усталость, и Тор оценил результаты схватки.

— Хорошо, что мы захватили гранаты. Гигантов оказалось куда больше, чем должно быть в таком замке.— Он расхохотался.— А ты нам подходишь, Лейф Свенсен! Для тебя, если ты захочешь, всегда

найдется место в отрядах Асгарда, когда сыновья Волка выйдут на Рагнарёк...

Лейф понял, что Тор воздает ему величайшую честь своей похвалой и этим приносит извинения за свои подозрения во время той встречи у трона Одина. Он почувствовал себя так, как крестьянин, которого король пожаловал в рыцарский сан. А что? Ведь он и был простым крестьянином, который находил в традициях древних все больше привлекательных черт.

Но Тор прервал свое благодарственное слово и снял Фуллу с Летящего Копыта. Лейф принял девушку на руки. А Тор легко приподнял обоих и понес к стоявшей в углу чаше, наполненной какой-то жидкостью.

— Девушка достойна берсеркера! — прогрохотал могучий бог, хорошее настроение которого граничило с новоявленным чувством юмора.— Но моим козлам не понравится, что вы пропахли кровью гигантов!

Он окунул Фуллу и Лейфа в чашу и вытащил их оттуда. Бог просто лучился неожиданным весельем. Он схватил Локи и тоже искупал его в чаше. Затем и Ли причастился омовению.

После этого странного купания все они почувствовали себя восхитительно чистыми и практически мгновенно высохшими на воздухе.

— Как вы очутились здесь? — спросил Лейф брата.

Тот улыбнулся:

— Садри рассказал нам обо всем, но Видарр запутал всем мозги историей о гигантах из Маспелхейма. Туда устремился целый отряд, но Тор согласился со мной, что резоннее поверить гному.

Во дворе замка стояла повозка, в которую были впряжены два здоровенных козла, каждый размером поболее Холстейнского быка. Тор занял переднюю скамью повозки, оглянувшись, удостоверился, что все его спутники на месте, и гаркнул на козлов. Они рванули вперед со всех ног, а сбоку несся Летящее Копыто. Локи и Ли стояли за спиной Тора и смотрели вперед. Лейф с Фуллой остались одни в задней части повозки. Лейф так устал, что не мог сказать ни слова. Он тихо замер рядом с Фуллой, обняв ее за плечи. Она почувствовала его состояние и тоже прижалась к нему.

Час спустя небесное путешествие закончилось. После того как раздался рев Тора, они пересекли радужный Бифрост в обратном направлении и промчались над Асгардом напрямик к Йюггдразилу.

Над ясеневой рощей опять прозвучал крик Тора, и боги расступились, чтобы дать им дорогу. Лейф перегнулся через край повозки, схватил поводья Летящего Копыта и перепрыгнул в седло. Необходимость завершить еще одно важное дело влила новые силы в его тело. Он окинул взглядом толпу. Одина и еще кое-кого из богов не было здесь, но он искал Вэли и Видарра.

Они стояли в стороне — между троном Одина и пирамидкой гранат, которые Один намеревался испробовать лично. Поначалу их лица выразили смятение: они не ждали Лейфа и Фуллу обратно. Но затем, очевидно, приняв решение бороться до конца, потянулись к гранатам. Пистолет Лейфа, как назло, застрял в кармане.

Но в это время заревел Тор. Молот со свистом прорезал воздух и, оставляя за собой завихрения, сбил Видарра с ног и буквально расплющил его о рядом стоящее дерево. Но Вэли успел схватить гранату раньше, чем Лейф извлек пистолет из складок одежды. Молот Тора тоже еще не успел вернуться в руку бога.

Вэли на миг ощутил себя победителем и оскалил в ухмылке свое крысиное личико.

— Ну-ка, дайте мне пройти! Тор, я уповаю на твою честь, иначе прелестная Фулла со своим сундучком отправится на ужин к Балдеру... Сейчас вы взяли верх, но смотрите...

Лейф ответил пистолетным выстрелом. Лицо Вэли смертельно побледнело — граната выпала из простреленной правой руки. В воздух взметнулся было молот Тора, но Лейф вспомнил смерть Андвари и свою клятву не забыть старого гнома. Вспомнил он и о коварном похищении Фуллы.

— Оставь его мне, Тор!

Тор опустил молот.

— Он твой, Лейф Свенсен.

Летящее Копыто взвился в воздух, догоняя убегающего Вэли. Лейф направил коня вниз и ногой ударил по голове изменника. На лету он подхватил и бросил поперек седла поникшее тело бога. Летящее Копыто поднимался все выше. Удар оглушил Вэли, и он открыл глаза в ту минуту, когда Лейф издал призывный клич перед вхождением в Бифрост.

— Мы летим в Нифлхейм,— сказал он коню.

Летящее Копыто протестующе заржал, но все же, хотя и неохотно, повиновался Лейфу. Он пересек радужный мост без особого напряжения. Лейф повторил свой приказ, и конь поник головой.

А затем все муки ада обрушились на сознание Лейфа. Летящее Копыто заржал с чувством едва переносимого ужаса. Вэли завопил благим матом и начал вырываться. Скрюченный в судорогах страха и отчаяния, он обмяк в руках Лейфа. А Лейф закрыл глаза. Но ад все равно изливался на него со всех сторон. Он сжал зубы, чтобы не отдать постыдный приказ возвращаться обратно. Для этого понадобилось напряжение всех его душевных сил. Летящее Копыто закричал так, как ни одна лошадь в мире никогда не кричала, но продолжал скакать вперед. Сила тяжести ослабла, и Лейф без особого усилия поднял скрюченного Вэли над головой и с отвращением бросил бывшего бога вниз, в хаос его нового местопребывания.

После этого Лейф понял, что он лишился дара речи и не может приказать Летящему Копыту лететь домой. Но это было умное животное, оно развернулось и помчалось вспять по собственной воле и разумению.

Ледяные пальцы Нифлхейма неохотно отпускали своих пленников. Глаза Лейфа были закрыты, веки обморожены, полуобморочное состояние, полное невнятицей и кошмарами, не прояснилось, даже когда голоса богов вновь послышались вокруг него. Теряя сознание, Лейф почувствовал, что его подхватили заботливые руки.

Фулла обнимала его, на губах мешался вкус яблок и чего-то странно-горького — первое, что осознал Лейф, когда к нему вернулось сознание. Мозг отказывался вспоминать недавно увиденное и пережитое. Нифлхейм навсегда останется рубцом в его памяти. Ужас навсегда отсек несколько страшных часов от его сознательной жизни. Он слабо улыбнулся Фулле. Лежа на траве, увидел Одина, восседающего на троне. Бог что-то выговаривал своей жене Фригг. Глаза богини, как ледяные молнии Нифлхейма, ожгли Лейфа.

Эльфадур выглядел более старым и дряхлым, чем обычно, но держался и ничем не выдавал горечи, связанной со смертью двух сыновей. Бог не гневался, и это больше всего поразило Лейфа. Один подождал, когда Лейф поднимется на ноги, и устало приветствовал его.

— Ты избавил меня от необходимости судить того, кого я называл сыном. Я вытравил ожог Нифлхейма с твоего лица. Прими это как малую долю моей благодарности. За великую заслугу перед Асгардом, во имя всего, что свершилось на наших глазах, нарекаю тебя отныне Лейфом Одинссоном!

По собранию пробежал недоверчивый шепоток. Фригг завопила и протянула к Одину сжатые, как когти, руки.

Лейф еще не совсем пришел в себя и недостаточно ясно воспринимал окружающее. Он обернулся к Локи за разъяснением, что все это значит.

Локи отвечал недоуменно и саркастичнее, чем обычно.

— Это значит, что Один усыновил тебя, и ты вошел в ранг богов. Но не обольщайся. Не исключено, что Один решил таким образом наказать Фригг за ее сговор с Видарром и Вэли. Опять же это не значит, что ты стал свободнее. Сейчас ты просто обязан принести победу в Рагнарёке своими усилиями, иначе тебя объявят предателем и отправят на встречу с Вэли. А помимо всего этого, должно пройти несколько тысяч лет, чтобы ты смог развить в себе те тайные возможности, которые сегодня дремлют, невостребованные никем. Так что пока ты только называешься богом, но еще не стал им.

Под таким углом зрения оказанная Лейфу честь значительно поблекла. Надо признаться, Лейфа гораздо больше тронули добрые слова Тора, чем это официальное усыновление. Но в это время Один, который уже поставил Фригг на место, снова заговорил:

— Пусть Локи считает мои слова насмешкой. Но чем еще я могу одарить тебя в этот час? Знай, если мы победим в Рагнарёке, звание бога остается за тобой. Я клянусь тебе в этом. Как мой сын ты займешь подобающее тебе место и достигнешь такого могущества, о котором многие и мечтать не смеют...

Он медленно сошел с трона и приблизился к своему названному сыну. Усталой была рука бога, возложенная на плечо Лейфа. Чувство взаимной симпатии, которое возникло между этими двумя, такими непохожими друг на друга личностями, усилилось. Один продолжал негромко говорить, и Лейф оценил достоинство его речи.

— Я должен признаться моему сыну, который, к счастью, заменил мне двух выродков, что победа в Рагнарёке почти невозможна.

Гиганты уже в курсе наших новых боевых секретов. Волк с Зияющей Пастью уже кружит вокруг пса Гарма, а я чую нутром, что орды Сартра собираются в Маспелхейме. Мы имеем оружие, которое стоит всего эйнхеръяра, и вернули меч Фрейи, который должен разить врага в последней битве. Но отныне с нами нет Видарра, каким бы он ни был. А кто в таком случае убьет Волка, когда я исчезну в его зеве? Тор и Лейф! Я очень устал. Поделитесь со мной вашей силой, когда я пойду к колодцу Мимира, дабы прочитать в нем начертания будущего.

Лейф Свенсен не знал, что ему ответить. Он думал о невероятных событиях этого парадоксального мира. Ему в глаза бросилось зловещее лицо Фригг. Он смотрел на бога, который отдал один глаз для того, чтобы узнать свою судьбу. А судьба эта заключалась в том, что он стал владыкой и правил своим миром, уверенный в своем грядущем поражении. Быть проглоченным Волком было еще наименьшим злом среди предсказанных ему ужасов.

Неожиданно Лейф решил, что хватит отмалчиваться.

— Отец Один,— спросил он,— как Лейф Одинссон я имею право голоса в собрании богов?

Один величественно подтвердил это право.

— Не меньшее, чем Тор.

Лейф окинул взглядом богов. Хеймдаллр, как обычно, полировал рукавом зеркало своих раззолоченных доспехов. Фрейя с нескрываемым восторгом сжимала возвращенный ей меч. Лицо Фуллы лучилось, а Ли победно воздел над головой сжатые кулаки. Даже Тор поглядывал на Лейфа почти по-братски. Когда же Лейф перевел глаза на Фригг, ему снова почудилось, что вся честная компания лишилась своей жизнерадостности и полна теперь абсолютной безнадежности.

— Раз так, я требую, чтобы меня выслушали,— сказал Лейф.

Эльфадур не возражал. Он занял свое место на троне.

— Говори, сын мой.

Лейф почувствовал неловкость оттого, что общее внимание сосредоточилось на его скромной особе. Он вообще не любил говорить речи, хотя иногда и выступал на фермерских собраниях. Вот Локи — тот был прирожденным оратором, но, что делать, Лейф решил высказать все, что наболело за последнее время.

— Когда-то мои предки создали религию,— начал он отрывисто, подбирая слова.— Это была никудышная религия, самая мрачная, самая бесполезная из всех, придуманных людьми. Каждому богу в ней был уготован злой удел. Чем лучше бог, тем хуже его судьба. Более того, боги заранее знали, как рок разделается с каждым из них. Но мои предки были необразованными варварами. Они полагали, что Змея обязательно убьет Тора, Сартр — Фрейю, Гарм разделается с Тайром, Волк проглотит Одина, а после того, как зло победит, Сартр подожжет всю Вселенную!

Но здесь, в Асгарде, я понял, что на самом деле это вы сами внушили моим предкам все эти идеи. Неужели, прожив тысячи лет, вы так ничему и не научились? Вы по-прежнему готовы верить любой

чепухе даже после того, как убедились, что бóльшая часть ваших же предсказаний не сбылась и оказалась ложью. Вы по-прежнему думаете, что норны непогрешимы в своих прорицаниях, хотя они не способны толковать даже сновидения. Вы считаете, что они правы. Но, веря в каждое слово прорицательниц, вы уверовали в вымыслы. Вымыслы стали вашей правдой.

Возьмем, к примеру, Фригг. Когда-то она погубила своего маленького сына — Балдера, хотя всего-навсего пыталась доказать, какая она прекрасная воспитательница и защитница своего ребенка. А теперь сидит возле трона и всех ненавидит. Она и пальцем не шевельнет, чтобы помочь кому-нибудь, кроме себя. Но ей все сходит с рук: она убедила вас, что знает ваше будущее, вот только не имеет права рассказывать о нем... Так ведут себя маленькие дети, которые не выучили урока: мол, я все знаю, но ничего не скажу... А на самом деле, разве она может поведать, как Тор, например, спасется от яда предсказанной ему Змеи?

Один посмотрел на жену с сомнением, которое сверкнуло в его единственном глазу, в голосе его прозвучал металл:

— Говори, Фригг!

Она огрызнулась:

— Никто не ведает этого, так как Тору суждено умереть от яда. Так говорят предания и мое предсказание.

— И то и другое — ложь,— решительно сказал Лейф.— Гномы создали особую ткань, которую не разъест даже фторная кислота. Когда Тор наденет под латы комбинезон из этой ткани, он сможет плавать в озерах змеиного яда и смеяться над пророчеством, что он и сделает. А как быть с прорицанием о том, что Вэли и Видарр переживут Рагнарёк и будут властвовать в новом мире? Выходит, что я могущественнее, чем весь ваш мир, ибо я уже изменил неизбежное будущее?

После этого заявления некоторые из богов начали переговариваться между собой. Лейф отметил это краем глаза и продолжал:

— Когда меня подняли в Асгард, я мог считаться трусом, в чем меня и обвинили. Но я бы не стал трястись со старухами вокруг ведьминого котла, запуганный старыми сказками. Вы сами избрали меня, и я стал одним из вас. Теперь меня никто не назовет трусом, следовательно, и мое будущее изменилось. Вот и скажите мне, вы действительно хотите победить в неизбежной войне? Вы можете это сделать.

Один что-то сказал Фригг и проследил, как она с опустошенным лицом и ненавидящими глазами спустилась с помоста и заплетающимся шагом поплелась прочь. Затем спросил у Лейфа:

— Каким образом, сын мой?

— Отбросьте все предрассудки. Не дожидайтесь, пока гиганты нападут на вас. Пусть каждый из нас соберется с духом, возьмет сделанное гномами оружие и ударит по гигантам прежде, чем они спохватятся. Разделайтесь с их вожаками, покуда они сами пребывают в плену своих традиций.

В реве Тора прозвучало согласие. Это было чудо, что именно Тор оценил все сказанное и первым согласился нарушить предначертания древних сказаний. На мгновение в душе Лейфа затеплилась надежда. Локи и Фрейя тоже были «за». Один неторопливо кивнул с трона.

— Это слишком ответственное решение, чтобы я мог принять его в одиночку. Все те, кто согласен с Лейфом, встаньте справа от моего трона. Те, кто намерен ожидать, когда прозвучит Джеллар-Рог, встаньте слева.

Лейф смотрел и не верил своим глазам. На его сторону встали только Локи, Тор, Фрейя, Фулла, Один и Уллр. Но все остальные боги, даже Хеймдаллр, остались верны прорицаниям и двинулись налево.

Безумцы! Они решили ждать, подобно подсадным уткам, когда гиганты выберут подходящее время и обрушатся на Асгард!

ГЛАВА 15

Горячий порыв Лейфа не нашел отклика и заглох. А Лейф вернулся к трону Одина.

— На нет и суда нет,— сказал он.— Мы с Тором готовы сопровождать тебя к колодцу Мимира. Хотя бы это мы сможем сделать для тебя.

Один сочувственно улыбнулся.

— Сын мой, традиции не подчиняются разуму. Да и ваши, земные, тоже, судя по тому, что мне довелось наблюдать. Пусть ты считаешь, что они логичнее наших, от которых советуешь избавиться. Но именно за твой порыв и за твои мысли я и люблю тебя, как всегда любил Локи, несмотря на все традиции, которые он нарушал. Пусть победил не ты, но знай, ты заставил меня задуматься. А колодец Мимира подождет. Гиганты все равно уже предупреждены, и они нападут раньше, чем предполагалось. А сейчас ты нужен Фулле больше, чем кому-либо, поэтому иди к своей невесте и к той работе, которая тоже ждет тебя.

Он сошел с трона и устремился прочь, оставив Лейфа в некотором смятении. Над ним, стоя в сторонке, хихикал Локи. Фулла медленно, опустив очи долу, уходила с поляны, когда Лейф догнал ее. Она избегала его взгляда.

— В чем дело? — поинтересовался он в конце концов.

— Это не связано с Эльфадуром... Возможно, когда ты потерял сознание, вернувшись из Нифлхейма, я сказала что-то лишнее. Да, я говорила, что люблю тебя и нужна тебе.— Фулла оттолкнула руку Лейфа.— Но, я знаю, твое сердце далеко отсюда. Я чувствую, что ты хочешь вернуться на Землю, а обещание Одина открыло тебе дорогу назад. Ты еще не успел привыкнуть к яблокам и навряд ли дорожишь званием бога, так что ты бросишь меня. Только первое время тебе будет трудно одному, а потом привыкнешь... Я думала, у нас есть немного времени для счастья... до Рагнарёка. Мы ждем

этого дня так долго, что, казалось, не дождемся никогда. Вот я и забыла, что время битвы близится, а твои слова сказаны только для того, чтобы успокоить меня там, в плену у гигантов.

Лейф все-таки остановил ее и притянул к себе.

— Я сказал только то, что было у меня на душе, моя маленькая дурочка,— сказал он невесело.— Я люблю тебя, пусть ты и была против меня, и я пошел за тобой, когда тебя украл крылатый гигант. Да, я хочу вернуться на Землю, но я хочу видеть тебя рядом с собой, если ты способна стать женой простого фермера. Тебе придется отказаться от всего этого и хотя бы притвориться женщиной, просто женщиной, а не богиней...

— Мне не придется притворяться, Лейф, потому что на Земле мои способности развеются, и я смогу быть только женщиной, не более того. Один, его родные сыновья, Локи и Тор — единственные, кто способен свободно передвигаться между мирами, не теряя своей магической силы.

— Фулла! — воскликнул он и обнял ее за талию.

Она высвободилась.

— Ты думаешь, магия имеет для меня какое-нибудь значение? Единственный раз я обратилась к сверхъестественным силам, когда оживила тебя и наши души сблизились навеки... Я пошла бы с тобой куда угодно, будь я даже великаншей! К сожалению, все обречено. Я слишком долго прибегала к волшебной силе яблок. Без них я быстро постарею на Земле и стану отвратительной старухой. А ты еще долго будешь молодым и сильным.

— Мы сможем взять яблок на Землю и там хранить их в холоде...

— Несколько яблок дарят тысячу твоих лет жизни всему Асгарду, Лейф... Но Священная Яблоня никогда не приносит больше плодов, чем необходимо богам. А на Земле даже всего урожая хватит только на несколько лет. Нам остается только одно...

Она прервала начатую фразу, отбросила мрачные мысли и обхватила шею Лейфа.

— У нас есть еще несколько дней до Рагнарёка, милый!

Он посмотрел на ее лицо, сравнив с теми девушками, которых знал, когда был молод и наивен, вспомнил о своих юношеских мечтах. Он представил усмешки на лицах Джефъюн и других богинь и понял, что должен отказаться от этой любви ради самой Фуллы. Но вместо этого он улыбнулся:

— Несколько дней? Да это же целая вечность, любимая!

И по тому, как просияло счастьем ее лицо, он понял, что все сделано правильно.

Но он понял и то, что эти считанные часы счастья сократятся из-за необходимости готовиться к Рагнарёку. Отряд богов не так уж велик, а эйнхерьяр почти бесполезен в грядущей битве. У гигантов же есть целый ряд преимуществ. Согласно пророчествам, они первыми начнут бой. Затем Асгард заранее ослаблен верой в неминуемое поражение. Увы, Айзир готов к разгрому. Вот и получается, что у Фуллы и Лейфа остается так мало времени для любви в эти отчаянные дни, когда надо думать о спасении мира.

Но зато, если свершится чудо и боги одержат победу, это сулит самому Лейфу бессмертие и жизнь в обществе богов под пятой незыблемых установлений и традиций. Главной заботой этого общества станет покорение Земли и превращение ее в мир крепостного права. Этот закрепощенный мир станет полигоном, на котором боги будут осуществлять все свои капризы. Но, если боги проиграют, то и Лейф вместе с ними. Скорее всего, они даже не успеют осознать этого.

Тогда Землей завладеют гиганты и выжгут все живое огнем и мечом. Таковы альтернативы. Какая из них выпадет, покажет время. Как будто о ком-то другом, он подумал о том, какой срок отпущен ему судьбой.

А, будь что будет, и Лейф отогнал от себя печальные мысли. Забыв обо всем на свете, он крепко-крепко обнял Фуллу.

Однажды утром, спустя месяц, когда Лейф и Фулла наслаждались обществом друг друга, воздух над Асгардом наполнился невыносимым ревом. Фулла побледнела, в глазах ее отразился ужас:

— Хеймдаллр протрубил в свой Джеллар-Рог! Гиганты на Вигриде!..

Лейф понял — это начался Рагнарёк.

Сам Лейф оказался в сложном положении. Будучи Лейфом Свенсеном, он должен быть в своих мастерских и обеспечивать богов снаряжением. Но как Лейф Одинссон он обязан был быть в первых рядах схватки. Он взялся за латы. Фулла помогла ему, как когда-то, облачиться в кольчугу. Уже одетый, он даже заморгал от удивления, когда любимая появилась перед ним с кольчугой и попросила помочь надеть боевое снаряжение.

Она твердо встретила его взгляд:

— Я буду сражаться рядом с тобой. Ты думаешь, меня беспокоит будущее, в котором я останусь одна?

Он понимал, что, по земным понятиям, как рыцарь он должен воспротивиться этому, но не стал протестовать. Если Фулла хочет участвовать в битве, она имеет на это полное право. Он спокойно помог ей надеть доспехи и вышел из комнаты в мастерскую. Здесь встревоженные гномы громко взывали к небесам в надежде обрести уверенность. Но это не мешало работе. Лейф поспешил к конюшням. Богов поблизости не было. Он думал обо всем, что связано с приходом рокового дня, но не испытывал страха. Только чувство облегчения, что закончено томительное ожидание.

Его догнал Ли, внимательно оглядел с ног до головы и одобрительно усмехнулся:

— А в тебе это есть, мой мальчик. Все это...— он замялся, подыскивая точные слова.— Я и раньше догадывался, что в тебе дремлет истинный герой. И я был прав. Куда мне до тебя, клянусь Имиром! Ты останешься цел и невредим, чтобы ни случилось. Нельзя убить человека, в котором так много внутренней силы.

— Я не боюсь, Ли, это так. Но я, как и раньше, не чувствую себя бойцом. Я не рвусь в бой, чтобы испытать упоение битвой и посмеяться над судьбой.

— Нет, конечно, нет! — подхватил и почему-то нахмурился Ли.— Ты и не должен делать этого. Ты вступаешь в бой подобно Тору или Тайру — холодным и смертельно серьезным. А знаешь, ли, мой божественный брат-близнец, что случится, если мы с Локи перестанем все происходящее воспринимать с насмешкой? Мы попросту струсим! Мы не в силах отнестись к битве всерьез. Ощущение игры придает нам силы. Черт побери, если я не выберусь из этой переделки, я и впрямь перетрушу. Пожелай мне удачи!

Ли столкнулся с Фуллой, потрепал ее по подбородку и побежал к группе эйнхериев, которую возглавлял Тор. В его голосе зазвучали командирские нотки еще до того, как он поравнялся с ними.

В конюшне валькирии седлали лошадей. Лейф обратился к ним:

— Я вижу, вы не получали никаких распоряжений и толком даже не знаете, чем заняться. Что вы намерены делать?

Регнилейф посмотрела на него недоверчиво. Она все еще не могла свыкнуться с тем, что он удостоился божественного сана.

— Как всегда во время битвы — будем спасать героев...

Она смутилась, потому что Лейф усмехнулся.

— Сила традиций, не так ли? Спасать новых героев? Но не на этот раз! Вот что, берите коней и отправляйтесь в мастерские. Садри и его ребята готовы к войне. Они нагрузят вас гранатами и скажут, куда доставить оружие.

— Я не подчинюсь приказу гномов,— заявила Регнилейф.

Лейф Одинссон одернул ее.

— Ты хочешь сказать, что не привыкла к этому. Но тебе придется выполнить мое распоряжение. Иначе я отдам гномам ваших лошадей, а вас заставлю жить с гномами. Так что пошевеливайтесь! Джна останется здесь на всякий случай. Фулла, ты и Летящее Копыто привыкли друг к другу. Возьми с собой несколько валькирий. Они помогут перенести атомные заряды к Бифросту. Оттуда ты доставишь их к границам Вигридра, Маспелхейма и Йотанхейма. Тебе все ясно?

Она повторила задачу. К сожалению, Лейф не мог заранее принять меры предосторожности, так как боги отказались ускорить события. Единственное, что можно было сделать сейчас, это приготовиться к наступлению гигантов и, если понадобится, остановить отряды подкреплений на путях из миров гигантов в Вигридр. Каменные гномы поработали над устройством взрывателей: атомные заряды тоже подчинялись мысленному приказу.

Фулла четко запомнила все детали плана. Лейф одобрил ее сообразительность.

— Очень хорошо. Летящее Копыто — единственный конь, который возносится к небесам в любом из миров. Наверное, только он и сможет перенести бомбы к тайным тропам Вигридра. Будь осторожна и не опускайся слишком низко.

Фулла явно подражала Лейфу. Она выслушала его сдержанно, без лишних эмоций. Когда она заговорила с валькириями, он ушел. Локи и Тор ждали его. Лейф отметил, что под латами могучего чернобородого бога уже надет противоядный комбинезон.

— Как дела?

Локи указал на карман, где Лейф хранил магическое зеркало. Они втроем нагнулись над ожившим колдовским оком, в котором оглядели границы Асгарда и обследовали подступы к Вигридру. Было трудно представить, что ратное поле Рагнарёка на самом деле находилось на другом конце Бифроста, на совершенно ином повороте измерений времени и пространства, и одновременно так близко, что частенько приходилось изгонять оттуда заблудившихся свиней и даже самые старые герои проникали туда без особых усилий.

Один и Фрейя уже выстроили войска на той стороне поля, что смыкалась с границами Асгарда. Тайр подводил туда же воинов. Сотни миль в длину и ширину занимало поле Вигридра, почти всю территорию маленького запредельного мира. Ли Свенсен пересек радужный мост вместе с левым крылом армии Тора. Здесь собрались самые сильные и опытные бойцы. А в это время валькирии уже занялись доставкой боеприпасов. Они везли маленькие сани, заполненные гранатами и стрелами, в дополнение к тем, что покачивались на поясах и в колчанах героев.

ГЛАВА 16

Над Вигридром клубился туман, и потому Лейф не разглядел гигантов сразу. Когда туман начал рассеиваться, Лейф стиснул зубы при виде открывшегося зрелища. Силы Айзира казались затерянными на самом краю ратного поля по сравнению с мощным фронтом гигантов, вставших бесконечной стеной. Здесь были только избранные из избранных — чудовища не менее тридцати футов ростом, которые ощетинились мечами, пиками, боевыми дубинами с шипами. Похоже, эти дубины были опаснее всего остального. За передовой линией гигантов стоял еще один отряд совершенно уж умопомрачительных размеров, вдвое выше других.

— Они выглядят страшнее, чем есть на самом деле,— сказал Локи.— На Вигридре сила тяжести очень мала, всего четверть от земной, а мы более подвижны, чем гиганты. Но как ты мог заметить, в Йотанхейме она еще меньше. Здесь ледяные гиганты тяжеловеснее, чем дома. Что же касается огненных гигантов, они привыкли к утроенной силе тяжести. На Вигридре они вынуждены соразмерять каждое свое движение, сдерживать каждый шаг, чтобы не растянуться от любого рывка.

Лейф отнес эти сведения к преимуществам Айзира. Но этих преимуществ все-таки набиралось не очень много.

— Сколько гигантов вышло на битву?

На этот вопрос отозвался Хеймдаллр. Он приблизился к воинам, облаченный в самые некрасивые и тусклые латы, какие Лейф когда-либо видел, размахивая огромным мечом, предназначенным, казалось, для двух человек. Но в голосе бога звучала непривычная мощь, совершенно несвойственная его обычно растянутым речам.

— Я промахнулся, брат. Пока я следил за главными дорогами, они пробирались на Вигридр маленькими группами по укромным тро-

пинкам, прячась в пещерах и среди деревьев в ожидании этого дня. Ты был прав, Лейф, битву надо было начинать нам. Ну что ж, желаю счастья в бою!

Лейф проверил три оставшиеся обоймы. Все пустые гильзы были перезаряжены гномами — еще одно свидетельство мастерства маленьких человечков. Правда, порох был похуже земного, но вполне пригодный для точного выстрела. Лейф нащупал гранаты, пристегнутые к поясу, и откинул застежку своего нового меча. Садри отлил и отковал его из прочнейших сплавов, формулы которых были в земных библиотеках. Тонкий и легкий меч повторял очертания меча Фрейи. Его лезвие рубило сталь, словно бумагу. Лейф предложил отковать подобные мечи для всего войска богов. Но они отказались, предпочитая свое собственное оружие. Так же они проявили недоверие к его неуязвимым латам. Он никого не смог убедить, что такие латы лучше отражают силу удара. Многие из богов были вооружены щитами. Небольшие полированные листы металла могли отразить удар копья или стрелы. Заодно их можно было использовать как обзорные зеркала.

Лейф не успел забраться в колесницу Тора. Он остановился, услышав, как закричал Айзир:

— Нэглфор!

Что-то пересекало пространственный барьер из Йотанхейма. Воздух содрогался, принимая очертания огромного сооружения. Вскоре, окруженные радужным сиянием, явственно проступили стены гигантской передвижной крепости. В ее окнах-бойницах виднелись мощные метательные баллисты, на канатах покачивался могучий таран. Крепость катилась на бочкообразных колесах, увлекаемая многоногим чудовищем невероятных размеров. Казалось, это безобразное сооружение могло в одиночку смять половину войска Айзира. Но барьер, очевидно, был не в силах пропустить такую махину в Вигридр. Крепость стала откатываться обратно, вероятно, для того, чтобы отыскать более подходящую брешь в защитном барьере между мирами. Но что будет, когда она все-таки прорвется на поле боя?!..

Вдалеке Фулла о чем-то совещалась с гномами. Лейф издал такой крик, что у него даже горло заболело. К его изумлению, Летящее Копыто сорвался с места и стремительно направился вместе со своей всадницей на зов. Когда она приблизилась к нему, Лейф быстро передал ей несколько распоряжений. Фулла кивнула в знак согласия и поспешила назад к гномам.

Локи поглядывал на Лейфа с любопытством. Бога, определенно, не очень волновало видение чудовищного форта на колесах.

— Твои способности проявляются необычайно быстро, Лейф Одинссон. Не каждый из богов способен на вызов. А смертным вообще не дано призвать коня или открыть двери Бифроста. Я не уверен, что меня радуют твои успехи.

— Я и сам не люблю сюрпризов,— отозвался Лейф.— Интересно, почему ты не предупредил меня вовремя о крепости гигантов? Я смог бы заранее подготовить ей достойную встречу.

На упрек ответил Тор:

— Брат, нам показалось, что опасность миновала, когда умер Храймр. Он был единственный, кто умел управлять ею. Никто из гигантов не мог сравняться с ним в мастерстве и управиться с такой громадиной. Наверное, это и отсрочило Рагнарёк, пока они обучали одного из сыновей Храймра.

Очертания Нэглфора выплыли на радужном фоне Бифроста в другом месте. Волнение цветовых волн обозначило размеры движущегося бастиона. Он мог прорваться сквозь Бифрост каждую минуту.

В это время над головами пронеслась Фулла на Летящем Копыте. Она мчалась из Йотанхейма, подобно душе, освобожденной из Нифлхейма. Линия Бифроста за ее спиной на глазах изогнулась и покрылась сеткой пересекающихся волн. В течение нескольких секунд очертания Нэглфора вспыхнули ослепительным светом в рамке из радуг Бифроста. После этого раздался громовой удар, и земля Вигридра затряслась под ногами. Даже рев Тора после всего происшедшего показался шепотом.

— Июмир! Что стряслось?

— Это был атомный взрыв,— ответил Лейф и помахал Фулле. Он не зря приказал заблаговременно разместить по одному заряду рядом с каждым сборным пунктом Йотанхейма. События показали, насколько он был прав. А ведь всего этого могло и не быть...

Теперь пришел черед Тора. Лейф махнул рукой Локи, который был связным. Его мастерство перевоплощения и создания иллюзий могло сослужить сегодня добрую службу. Локи мог незамеченным пробраться куда угодно.

Тор закричал на козлов, и они заскользили по краю Бифроста размеренным шагом, за которым мог поспеть эйнхеръяр. Локи смотрел вслед героям со смешанным чувством презрения и жалости. Грядущая схватка превосходила возможности эйнхериев. Жизненные силы большинства из них были исчерпаны настолько, что они уже не могли отличить сегодняшний день от любого обычного дня. Часть эйнхеръяра находилась в резерве. Это были те, чья искусственная плоть, сотворенная эльфами, почти не сохранила энергии. Будет печально, если дело дойдет до того, что богам потребуется их помощь.

— У меня не хватает опыта, Тор,— сказал Лейф.— Боюсь, от меня будет мало проку...

— Опыт! — Тор плюнул под ноги.— Здесь требуется иное, Лейф. Я рад, что мы вместе в этом бою. Если Змей убьет меня, я хоть буду знать, что ты ведешь мое войско. Хо! Началось!..

Один повел Айзир в наступление. Бог был в золотом шлеме, в руке сжимал трубу, чем-то напоминающую копье. Лейф порадовался, что незадолго до Рагнарёка сообразил заменить копье Одина легкой базукой и обеспечил запас снарядов. Гномы в последнее время работали изо всех сил — и справились.

От массы гигантов отделился отряд. Его возглавляло чудовище, какое не увидишь и в кошмарном сне.

— Это Волк Фенрир... Волк с Зияющей Пастью,— сказал Тор, но Лейф уже догадался сам.

Это было существо, не очень похожее на волка, достигавшее в высоту не менее сорока футов. Оно оскалило двухметровые зубы, с которых стекала зеленоватая радиоактивная слюна. Лейф внутренне содрогнулся при виде других страшилищ. Он остановил взгляд на огромном создании. Это чудище свернулось, как змея, кольцами вокруг громадной головы, похожей на корабельную шлюпку. Но это была не змея, а скорее гигантская тысяченожка. От ее тела отросли сотни коротких, как култышки, ног. В коротеньких ручках, похожих на щупальца, это создание сжимало оружие. Разглядеть и описать третье существо было труднее, ибо это был некий бесформенный ужас. Его тело пламенело и фосфоресцировало так, что не позволяло разглядеть очертания ужасного виде́ния. Скорее всего, это и был Пес Гарм.

Из глубины памяти Лейфа снова всплыли воспоминания о чудовищных картинах Нифлхейма, подобных только что увиденным наяву, и он снова содрогнулся.

— Огненные гиганты,— пояснил Локи,— существа более страшные, чем обитатели Нифлхейма. Именно они вытянули все эти страхи из преисподней... Они сделали это так давно, что гиганты и впрямь уверовали, будто Волк Фенрир — отец каждого из них. О, это страшные противники...

Они были более чем страшны. Лейф со все увеличивающимся уважением наблюдал, как бог Тайр двинул свое войско против бесформенного чудовища по имени Гарм. Затем заревел Тор и двинул все свои силы против Змеи. Он передал вожжи Лейфу, осмотрел свое снаряжение — молот, перчатки, пояс — и перескочил через борт повозки, готовый к бою. Гиганты, стоящие позади Змеи, бросились вперед.

Лейф еще раз глянул на длинные лезвия, которые торчали из осей повозки. Он надеялся, что истории, рассказывающие об использовании подобных колесниц древними египтянами, не обманули его. Это была еще одна идея, которую он использовал во время последних приготовлений к битве.

Лейф гикнул на козлов и отпустил поводья. Он был уверен, что латы, изготовленные им специально для козлов, как и его собственные доспехи, выдержат натиск гигантов.

В тот миг, когда козлы достигли вражеского строя, Лейф резко развернул свою колесницу, а сам спрятался за бронированным щитком. Вращающиеся ножи на колесах повозки буквально сбрили переднюю шеренгу вражеского войска. Колесница подпрыгивала, переламывая кости и перемалывая плоть, а вой сраженных чудовищ разрывал барабанные перепонки Лейфа. Когда пришло время разворачиваться, Лейф на миг оглянулся. За несколько минут он сделал невозможное — за его спиной на земле билась в судорогах целая гора безногих обрубков. Да, эти египтяне были сообразительные ребята! Конечно, нельзя было сбрасывать со счетов и мощь боевых козлов Тора и крепчайший металл, подобранный для смертоносных ножей гномами.

Но теперь он подставил себя под удар — гиганты рванулись к нему. Лейф едва успел обойти их с тыла, снова срезав крайний

ряд великанов. Они пытались окружить его. Но, пока гиганты разворачивались, он врубился страшными колесами в другой фланг нападающих, повергая врагов наземь. В пылу схватки он выскочил из-за укрытия и на ходу начал метать гранаты в ряды гигантов.

Наверное, со стороны трудно было поверить, что Лейф способен на такое геройство. Он же решил относиться к происходящему так, как если бы на ферме начался будничный убой скотины.

Гиганты не отличались высокой дисциплиной. К сожалению, у эйнхеръяра понятие дисциплины вообще отсутствовало. Некоторые из эйнхериев отошли в сторону и со счастливыми лицами начали поединок друг с другом, в точности так, как на учебном поле Асгарда. Лейф завопил, чтобы привлечь их внимание, и направил колесницу к нестройным рядам «героев». Надо было навести порядок среди этого хаоса. Осторожно, чтобы не зацепить лезвиями своих, Лейф приблизился к ним и дал указание применить гранаты. Эйнхеръяр начал бросать гранаты в гигантов. Многие из этих гранат так и не взорвались, так как для взрыва был необходим сильный мысленный приказ, но те, что сработали, сделали свое дело! Лейф опять развернул козлов.

Здесь его ждала неудача: граната, брошенная кем-то из его собственного эйнхеръяра, врезалась в повозку и вдребезги разнесла заднее колесо!

ГЛАВА 17

Обломки колеса и повозки еще не коснулись земли, когда Лейф уже спрыгнул вниз. Он приземлился благополучно и отделался только парой ушибов, синяками и царапинами. Козлы тоже уцелели, а вот повозка все-таки развалилась. Проклиная слабоумие героев, Лейф распряг козлов и шлепнул каждого, как следует, ладонью. Козлы поняли его правильно: они рысцой побежали в Асгард к своим стойлам.

Сверху донесся крик Фуллы. Лейф помахал в ответ, показывая, что цел и невредим. Она обрушила целый шквал гранат на гигантов, которые окружали Лейфа. Фулла стала грозной небесной воительницей, одним из лучших воинов Айзира. А Лейф порадовался, что там, наверху, она находится в относительной безопасности.

Быстро собрав с поля неразорвавшиеся гранаты, Лейф привесил их к поясу и рванулся вперед отчаянными прыжками. Малая сила тяжести позволяла ему покрывать миль двадцать в час. Он делал большие круги, осторожно обходя встречающиеся отряды гигантов.

Нельзя было спускать глаз с эйнхериев, и потому он хотел находиться рядом с ними и вовремя направлять их действия. Внезапно Лейф обнаружил, что попал в окружение с одним из героев. Гранаты кончились. Гиганты обступили их сплошной стеной. Он подал знак герою, и они начали увертываться между ног гигантов, протискиваясь там, где были недосягаемы для вражеских копий. Он не убивал гигантов — только калечил их мечом. Раненый гигант приносил

больше неприятностей своим сородичам, чем просто мертвое тело. Рядом с ним счастливый от схватки герой увечил тех, до кого не дотянулся меч Лейфа. Этот герой соображал вполне прилично, проявляя необычную для эйнхериев способность к взаимопониманию и взаимовыручке. В пылу битвы Лейф заметил рассыпанные на земле гранаты. Очевидно, их обронила какая-то из валькирий при переносе к войскам. Гиганты уже оценили всю «прелесть» взрывной силы этого оружия и начали немедленно разбегаться. Только один из них, заметив лежащую на земле гранату, с трудом схватил ее своей ручищей и бросил в Лейфа. Но кристалл взрывателя не реагировал на мысленные импульсы гигантов. Лейф перехватил гранату в воздухе и послал ее обратно — последнего из окружавших его врагов разнесло в клочья!

После схватки более двадцати поверженных гигантов насчитал Лейф на поле боя. Он помчался дальше, по пути размышляя о том, насколько верна теория Ли. Может быть, и в самом деле расчетливый и одновременно смелый боец способен остаться в живых. Да, это реальное условие выживания, столь непохожее на его детские романтические представления. Когда-то и Лейф Свенсен мечтал разыскать легендарный Грааль и завидовал каждому, перед кем открывались возможность приключений и перспективы завоеваний новых миров. Какое-то время он больше, чем кому-либо другому, завидовал брату. Сейчас, когда они оказались в переделке, какой не сыщешь ни в одном романе, Лейфа не волновали романтические бредни и он думал только о том, чтобы выжить.

Пользуясь малой силой тяжести, он подпрыгнул метра на четыре, перемахнул через мертвого великана и приблизился к разрозненной группе эйнхериев.

— Салют, Лейф!

Его приветствовал Тор, который в это время увертывался от нападения гигантов. Молот бога равномерно взлетал в воздух и возвращался, оставляя за собой ровный ряд проломленных черепов гигантов. В другой руке Тор сжимал боевой топор. Лейф увидел, как гиганты сомкнулись вокруг Тора. Несмотря на огромные размеры, они были подобны загнанным в угол крысам в отчаянной попытке одержать победу. Лейф вмешался в схватку, он накинулся на гигантов с тыла, рассекая ножные мышцы и выводя их из строя, чтобы расчистить место для кругового полета молота Тора. Когда-то он гонял крыс, которые обосновались в его амбаре. Как ни старался, не сумел пришибить ни одну, зато Рекс легко отлавливал спугнутых крыс и убивал. Теперь роли поменялись, и Лейф вместе с богами выступал в роли этих быстрых и увертливых зверьков. Как крысы для Лейфа, так и он сам оказался слишком мал и подвижен для гигантов.

— Гарм расправился с Тайром,— печально сказал Тор. Одновременно над головой Лейфа просвистела его секира, которой бог изувечил конечность еще одного подступившего врага. Другой рукой он поймал возвращающийся молот и, развернувшись, зацепил гиганта, потерявшего бдительность. Тот споткнулся и растянулся на поле, и Лейф

немедленно позаботился о нем. А Тор продолжал рассказывать печальную повесть: — Но и Гарм умер от ран, нанесенных ему Тайром. А ты оказался лучшим прорицателем, чем Фригг или норны. Вот этой самой рукой я поразил Змею, а Один заполучил в качестве трофея зуб Волка Фенрира. Кто бы мог подумать?! А где Ли и что с ним, я не знаю...

Лейф тоже не знал этого. Он подбежал к Тору, когда сразу три гиганта набросились на них. Ему с трудом удалось отбить щитом острие копья. Сила удара была такова, что руку пронзила острая боль. Становилось все труднее увертываться и спасаться от ударов гигантов, которые уже начали привыкать к условиям Вигридра и к повадкам защитников Асгарда.

Лейф сдерживал себя, чтобы не потерять голову от первых успехов. Рядом с ним бился Тор. Все движения бога были идеально отработаны за тысячи лет воинской практики. Но у Лейфа не было такого опыта, чтобы уверовать в свою неуязвимость.

На краю поля прозвучал пронзительный зов, и несколько валькирий поскакали к ним на помощь, сжимая гранаты и примеряясь к гигантам в поисках удобной цели. На некоторое время они остановили натиск врага. Гиганты понесли большой урон и снова подались назад. Наиболее способные из эйнхеръяра успешно помогали богиням.

Тор улучил минутку для передышки. Он воспользовался ею, чтобы вытрясти из-под своих доспехов лоскутья залитого потом комбинезона. Даже плотная ткань не выдерживала напряжения битвы! Лейф помог ему, чтобы побыстрее вернуться в строй сражающихся. Они заканчивали этот неожиданный туалет, когда перед ними — неизвестно откуда! — материализовался Локи в своем истинном обличье.

Оба воина — Тор и Лейф — забросали его вопросами. Им хотелось оценить ход битвы на всех участках фронта. Локи наблюдал за сражением с небес вместе с Фуллой. Картина боя не удовлетворяла его.

— Ли отобрал пятерых героев — из тех, что способны соображать. Он придал к ним Джефъюн и двух Эсайнийр для доставки оружия. Под его началом эта группа приносит гигантам больше вреда, чем любой другой отряд. Мы тоже творим чудеса. В первую очередь — благодаря гранатам и стрелам. Мы разбили резервы гигантов, но на их стороне все равно остается серьезный перевес. Они удерживают за собой бóльшую часть Вигридра и ждут подкреплений. Мы сильны только на подступах к Асгарду, но великаны давят на нас и здесь. Даже если каждый воин повергнет два десятка гигантов, трудно сказать, чем закончится битва. Мы и так делаем все возможное. Все богини тоже вышли в бой и не уступают нам в мужестве. Гномы работают неутомимо и бесперебойно снабжают нас боеприпасами. А Садри со своей командой тоже вступил в схватку...

Удивленный Тор выразил сомнение:

— На что способен гном? Ты что-то преувеличиваешь, Локи.

Локи показал туда, где усиливался шум битвы.

— А ты взгляни...

Фигурки четырех гномов, почти неразличимые на огромном поле, отбивались изо всех сил. Прижимаясь друг к другу, они метали гранаты. Гиганты не решались подступиться к ним и пятились назад. Вдруг к малюткам протянулась огромная рука и накрыла одного из них. Лейф вскрикнул: он узнал Садри... Но спустя мгновение гном ускользнул из прижавшей его ладони, а гигантская рука, разорванная на части, упала на землю рядом с ним. Гном шмыгнул вперед и вцепился в лодыжку другого чудовища. Скоро битва скрыла его от одобрительных взглядов друзей.

Локи криком предупредил об опасности — Лейф едва успел отскочить в сторону от мощной булавы, которая чудом не раздавила его, только царапнула острыми шипами по латам и ободрала ногу. Он отвлекся, а это слишком рискованно! Пока боги делились новостями, к ним подкрался небольшой отряд гигантов. Было трудно поверить, что эти неуклюжие создания ухитрились вести себя так тихо и незаметно.

Локи и Лейф оказали сопротивление. Молот и топор Тора тоже исполнили траурную песнь о павших гигантах. Но тут стряслось непредвиденное. Бесцельно бродящий поблизости «герой» метнул гранату. Но она отскочила от туловища невредимого чудовища и только тогда взорвалась. Взрыв убил злополучного «героя», а Лейф упал на колени, отброшенный взрывной волной. Ему показалось, что на теле нет ни одного живого места — так силен был удар. Но, очевидно, он был заколдован, потому что сразу же вернулся в гущу схватки... Но вот Локи перерезал горло последнего врага из этого отряда.

Теперь и Лейфу стало ясно, что Асгард проигрывает битву. Гиганты неуклонно надвигались. Сначала они побаивались эйнхеръяра, но вскоре этот страх полностью испарился. Гиганты разглядели своих реальных врагов и стали действовать свободнее. Их преимущество было в числе и размерах.

— Сколько мы сможем продержаться? — спросил Лейф у Локи.

— Я думаю, не больше двух часов.

— А где Один?

Локи махнул рукой, и Лейф пошел по указанной дороге. Он оглядывался в поисках гномов. Ему повезло — он встретился с Садри. Гном торопился в тыл за гранатами. Увидев Лейфа, побежал к нему и выразил восторг — оттого, что встретил живым «мастера Лейфа». Лейфу Свенсену некогда было тратить время на приветствия и восторги.

— Надо вытянуть рельсы из Асгарда сюда, в Вигридр, через Бифрост. Чем выше ты поднимешь рельсы, тем лучше. Мне нужно расположить над полем двадцать бомб, но так, чтобы гиганты не смогли до них дотянуться.

— Конечно, мастер Лейф, мы справимся с этим. Сила тяжести здесь небольшая, а этот участок Бифроста пройти легко. А платформу смонтируем и поставим на рельсы в Асгарде. Когда это надо сделать?

— Немедленно, Садри! — приказал Лейф.— Пусть этим займутся все, кто способен работать.

Они расстались. Гном заторопился к Бифросту, а Лейф пошел туда, где, судя по всему, Один теснил врага. По дороге Лейф осторожно обходил скопления гигантов. Он еще немного изумлялся тому, что пробегал милю за три минуты, но это было очень удобно.

Лейф и в самом деле застал Одина в пылу схватки. Вместе с двумя валькириями, героем и гномом он разил неприятеля. Это было самое странное сочетание бойцов изо всех, что видел Лейф. Но эта группа действовала на редкость слаженно. Гиганты, нападавшие на них, уже начали разбегаться, и Лейф помог разогнать остальных. Эльфадур выглядел великолепно, более оживленный, чем обычно, помолодевший в бою. Но все же он не смог скрыть от Лейфа тревогу, которая светилась в его единственном глазу. Эта тревога подсказала Лейфу, что Локи уже виделся с Одином.

— Ты можешь объявить всеобщее отступление и проследить, чтобы Айзир срочно скрылись в Асгарде?

Один нахмурился, лицо его выразило подозрение, но в конце концов, не скрыв сомнений, он кивнул своей старой головой. Лейф объяснил, что задумал на этот раз. Когда он перешел к самой рискованной части своего предложения, то задержал дыхание. Дело в том, что резервный эйнхеръяр не оправдывал своего предназначения. Эти выхваченные валькириями из лап смерти воины не были живыми людьми. Это были несовершенные копии, плоть которых, воссозданная ухищрениями эльфов, содержала в себе только тени когда-то живых личностей. Души «героев» тоже были воссозданы, как и их тела. Несмотря на это, трудно было хладнокровно принести их в жертву во имя Асгарда. Один все-таки любил своих героев.

Но весь эйнхеръяр, уже разбитый в Вигридре, был потерян без возврата. Эльфадура мучило то, что восстановить их в маленьком мире Вигридра было невозможно, а вторичный перенос этих уже искусственных тел через Бифрост препятствовал их оживлению в Асгарде. Как ни посмотри, эйнхеръяр был обречен. Да, гибель эйнхеръяра была необходима для спасения Асгарда. Но солдаты и созданы для того, чтобы умирать.

Эльфадур все же принял решение и сделал еще одну зарубку на своей совести, измученной за тысячелетия. Но другого выхода не было, а это решение диктовалось законами военной необходимости.

— Как ты уверяешь меня, Лейф, эйнхеръяр, может быть, и не люди в полном смысле слова. Они не ощущают боли, они забыли земные радости,— с трудом поддался Один.— Я даю тебе разрешение пожертвовать ими. Но на душе у меня неспокойно... Но если они спасут Асгард, то покроют себя посмертной славой. Я немедленно даю приказ о подготовке горького для нас отступления. А ты — действуй, как считаешь нужным. Но торопись — времени осталось еще меньше, чем считает Локи.

Избегая стычек с гигантами, Лейф поспешил к воротам Бифроста. На то, чтобы ввязываться в отдельные поединки, времени просто не осталось. Он обошел труп какого-то великана, миновал нескольких раздавленных гигантами эйнхериев, ловко увернулся от меча низкорослого лазутчика. Встав на открытом месте, осмотрелся в надежде

увидеть Фуллу. По полю заметались блики его щита. Фулла заметила эти сигналы и буквально упала на землю на Летящем Копыте. Конь взметнулся в небо, как только Лейф вскочил в седло позади всадницы.

Она крепко сжала его запястье, но не сказала ни слова. Он тоже не мог говорить от усталости. Когда они перенеслись через Бифрост, Лейф съел ломтик яблока. Это помогло ему восстановить силы. Он спрыгнул с коня и побежал к мастерским.

Гномы уже собрали платформу и успели протянуть рельсы от мастерских к вершине стены. Дальше рельсы упирались в границы Бифроста и становились невидимыми. Платформа, направляемая гномами, покатилась по рельсам, пересекла Бифрост и зависла над ратным полем Вигридра на высоте примерно пятидесяти футов. А затем по рельсам покатились тяжело груженные вагонетки со смертоносным грузом. Лейф был доволен своей командой. Он отдал еще несколько необходимых распоряжений и направился к богам.

Время ускоряло свой бег с каждой минутой.

У стены его ждали Локи и Хеймдаллр. Лицо и одежда тщеславного бога были неузнаваемы — в пятнах крови и грязи. Он хорошо сражался! В руке он сжимал Джеллар-Рог, по-прежнему сияющий, как драгоценность.

— Я готов протрубить сигнал отступления по твоему знаку,— сказал он.— Но кто поведет эйнхеръяр на жертву?

Лейф усиленно заработал мозгами. Конечно, кто-то должен возглавить наступление героев. Сами они не отличаются хорошей памятью и через минуту забывают любой приказ. Они способны только следовать и повторять действия богов, руководящих ими. Сейчас перед эйнхеръяром была поставлена задача ввести в заблуждение гигантов, чтобы те хотя бы несколько минут не поняли, что началось полное отступление. Лейф упустил из виду управление эйнхеръяром. Однако, он не колебался ни минуты. Вопрос был ясен.

— Конечно, я. Это была моя идея, и я осуществлю ее.

— Не валяй дурака,— резко возразил Локи.— Это значит, что ты решился на самоубийство.

— Это означает,— возразил Лейф,— что я не могу посылать кого-либо на смерть вместо себя.

Фулла тихо заплакала и прислонилась лбом к Летящему Копыту. В ее глазах мелькнуло отчаяние, но когда Лейф повернулся к ней, она кивнула головой в знак согласия.

Может, подумалось Лейфу, так оно и лучше. Они провели вместе целый месяц, гораздо больше, чем ожидали. Когда же Рагнарёк завершится, их связь принесет ей только дополнительные неприятности.

Гном, который наблюдал за полем битвы, сообщил Лейфу, что Один уже готов. Лейф передал Хеймдаллру приказ трубить отход войск.

Джеллар-Рог, слышимый во всех мирах, затрубил. Над полем поднялся рев, как будто наступил последний миг Вселенной. Но вот

Хеймдаллр опустил Рог и воздел вверх руку. Лейф протянул ладонь в ответном жесте!

Рука Хеймдаллра сжалась в кулак, и бог внезапно толкнул Лейфа в грудь. Лейф попятился, наткнулся на какое-то препятствие — и полетел через нагнувшегося за его коленями Локи. Боги шутили, и он попался на школьную уловку, более древнюю, чем все традиции Асгарда!

ГЛАВА 18

Он вскочил на ноги, но было поздно: Хеймдаллр уже обратился к рядам хладнокровных героев и повел их в последний путь. Во главе с дальнозорким богом эйнхерии шагнули на тропу Бифроста.

— Ты так и не узнал его как следует,— пробормотал Локи с печалью.— Но по-своему он прав. Ты делал свое дело и выкладывался полностью. Он же ошибся и прозевал появление в Вигридре первых гигантов. Теперь он искупит свой промах.

Один умудрился перегруппировать свои силы в длинную цепь перед входом в Вигридр. По одному было легче пересекать Бифрост. Но перед отступлением Один все же потеснил наступающих гигантов. Хеймдаллр уже провел свое послушное войско через Бифрост, и его Рог завыл над Вигридром. Эйнхеръяр расступился, пропуская сквозь свои ряды отходящих богов.

Лейф убедился, что Хеймдаллр был предназначен для своей героической миссии. Он с блеском проводил все маневры, подчиняя себе движения и помыслы каждого из многочисленных героев. Их ряды не утратили стройности, не разбредались и были готовы какое-то время противостоять натиску превосходящих сил. Да, Хеймдаллр был прирожденным лидером и проявил непревзойденное воинское мастерство.

Один поднял копье. Боги, валькирии, гномы и герои, из тех, что обладали некоторым разумом, скрылись в волнах Бифроста. Это вызвало недоумение среди гигантов. Они не поняли странного исчезновения противника. Подобное поведение никак не согласовывалось с традиционными правилами ведения боя. Вообще в этой битве гиганты столкнулись с множеством опасных нововведений. Потому они сначала отступили перед надвигающимся войском Хеймдаллра. Затем снова начали продвигаться вперед, соблюдая всевозможные предосторожности.

Лейфа тревожило, что куда-то запропастился Ли. Второй Свенсен мог оказаться в самой гуще схватки и стать жертвой собственной отваги, подобно идущему на смерть Хеймдаллру.

Что-то мягкое прикоснулось к руке Лейфа. Это Летящее Копыто осторожно прошел вдоль рельсов и деликатно ткнулся мордой в ладонь. То ли конь устал от временного одиночества, то ли тоже интересовался ходом битвы. Лейф еще раз подумал, что судя по всему Летящее Копыто соображал куда больше, чем любая нормальная

лошадь. Лейф отбросил мучительные думы о брате, поймал поводья, и они вместе с конем вышли по рельсовому пути на сработанную гномами платформу. К седлу была приторочена связка гранат. Это хорошо — должно хватить. Лейф вскочил в седло и они немедленно взмыли в небо над Вигридром.

Он не сразу разглядел с высоты Хеймдаллра. Только после падения очередного гиганта Лейф на миг увидел Хеймдаллра в просветах между наседающими великанами. Лейф направил коня вниз и рубанул по мощной, как ствол дерева, шее. Летящее Копыто развернулся в воздухе и подставил под удар еще одного гиганта. Меч Лейфа снова рассек огромные позвонки.

Хеймдаллр был сообразительным богом. Он сразу понял замысел Лейфа и не стал возражать. Бог подпрыгнул, вытягивая вверх руку, Лейф ухватил его за запястье и завопил Летящему Копыту, чтобы тот поворачивал в Асгард. Вес бога при полном вооружении не позволял подтянуть его повыше и поднять в седло. Копыта жеребца угрожали в любую минуту отбросить Хеймдаллра вниз... И все-таки Летящее Копыто не задел бога, и тот сумел ухватиться свободной рукой за стремя. Так, общими усилиями, Хеймдаллру удалось вскарабкаться на круп коня и он уселся за спиной Лейфа. Внизу последние силы Асгарда спешно покидали Вигридр. В конце концов гиганты сообразили, что происходит нечто непредвиденное. Они ринулись в атаку, даже не обращая внимания на безнадежные уколы эйнхеръяра. Но атака опоздала навсегда. Напоследок Хеймдаллр подтянул к себе связку гранат и с удовольствием сбрасывал их с высоты на головы бесчисленного полчища даже не целясь.

Перед тем как Летящее Копыто перемахнул через Бифрост, Лейф успел прокричать гномам, стоящим на платформе, чтобы они начинали. Вскоре сам он вместе с Хеймдаллром слез с Летящего Копыта у входа в мастерские, где его ждали Локи и Фулла. Спасение Хеймдаллра вызвало крик восторга.

В это время сюда подоспели гномы, которые уже сделали свое дело в Вигридре. Локи вытащил из сумки магическое зеркальце. Ему захотелось взглянуть на оставленное в ином измерении поле страшной битвы. К нему подскочил Лейф и выбил зеркальное око из руки любопытного бога. Он сделал это вовремя: из зеркала метнулась ослепительная вспышка атомного взрыва — и мгновенно выжгла траву там, куда лицевой стороной упало зеркало.

Взрывная волна неведомым образом докатилась даже до Асгарда, сотрясая Бифрост на протяжении многих километров. На какое-то время радужное поле Бифроста стало видимым и протянулось в бесконечность наподобие гигантской радуги. Но, несмотря на свою внешнюю призрачность, Бифрост не позволил огню и смертельным радиоактивным вихрям прорваться сквозь тонкие границы миров. Двадцать могучих ядерных зарядов до основания потрясли маленький мир Вигридра. Ярость неистовой стихии стерла с лица этого мира все живое и неживое, что там было, оставив только выжженную, покрытую чудовищными трещинами поверхность планеты.

Когда, по мнению Лейфа, ярость взбешенных атомов улеглась, он осторожно приподнял, а потом заглянул в зеркальце. На Вигридре, действительно, не осталось ничего. Только клубился смертоносный радиоактивный туман. Гиганты больше не могли прорваться через этот мир. Асгард был спасен навеки веков.

Успокоенный, Лейф отыскал Одина и Тора. Оба бога все еще не могли поверить в победу — пророчество о неминуемой гибели лишило их уверенности. Лейф почувствовал себя опустошенным. Раньше он и представить не мог, что его душа наполнится такими страстями. Ему передалось настроение Одина. Что-то затаенное в душе Лейфа откликнулось на чувства старого бога. Тот стоял на возвышении и с холма глядел на Асгард. Он видел его словно в тумане.

— Мы понесли великие потери... Погибло пять богов, двадцать моих валькирий. Погиб эйнхеръяр и еще девять гномов... Надо ввести Садри в Совет богов как равного — за все, что он сделал для Асгарда, и прибавить его потери к нашим. Победа в Рагнарёке — одна на всех, и мы не постояли за ценой... Погибла Джна. Она завещала передать Летящее Копыто под твою опеку, Лейф. А моя жена, мстительная Фригг, покончила с собой: ее прорицания не сбылись. Тайр умер как великий воин. Уллр тоже ушел от нас. Да, дорогой ценой досталась нам победа. Но Асгард спасен, и рядом со мной по-прежнему три могучих сына. Мое сердце переполнено скорбью и радостью.

Так прозвучало в словах Одина горе панихиды и торжество победы. Он замолчал. Молча постоял еще минуту. Потом вздохнул и повернулся к своим соратникам. Его лицо смотрело строго и печально.

— А теперь пришло время свести счеты, начатые в Йюггдразиле.

Он двинулся прочь. Во́роны сели на его плечи. Покачивающейся трусцой побежали за ним два старых серых волка. Лейф, Фулла, Локи, Тор и Хеймдаллр молча смотрели ему вслед, пока он не скрылся из глаз. Даже острослов Локи промолчал и не разродился какой-нибудь очередной шуточкой.

Боги что-то скрывали от Лейфа. Но вот Тор решился нарушить молчание, с необычайной для него деликатностью положив руку на плечо Лейфа.

— Лейф, твоего брата в эту минуту нет с нами, но он в безопасности и присоединится к нам на Совете богов. Он был тяжело ранен, но Джефъюн нашла его на поле битвы и вынесла оттуда в последнюю минуту... Она не отходит от него. Скоро Ли будет в полном порядке! Хеймдаллр, нам пора...

— Иду,— отозвался самодовольный бог. Они с Тором зашагали вперед, о чем-то разговаривая на ходу. До Лейфа донеслись его слова:

— А ты знаешь, Тор, рельсовая дорога через Бифрост заслуживает внимания. Это больше, чем просто военная хитрость. Если мы перекинем такую же в Мидгард, нам будет не трудно завоевать и удержать его!..

Лейф Свенсен, который хотел отправиться за ними, замер. В его воображении возникла картина Земли, разоренной с его помощью. После победы в Рагнарёке он не вспоминал о возможном продолжении, но реальность опять ворвалась в его жизнь. Он спас Асгард! Он предоставил судьбу Земли на милость богов!

— Я обязан вернуться,— решил Лейф.— Фулла, мне будет плохо без тебя, но я не могу изменить моему родному дому.

Она ничего не ответила, только еще крепче сжала его руку.

Локи фыркнул.

— Твое возвращение ничему не поможет. Ты уже поделился с нами своими секретами. Не глупи, оставайся с нами!

Мысли Лейфа смешались воедино, и у него не было времени разбираться в них.

— Один обещал выполнить любое мое желание,— сказал он, пытаясь убедить самого себя в том, что так и будет.— Я потребую от него, чтобы Айзир оставил Землю в покое...

— А если тебе не удастся убедить его? Как ты думаешь, Лейф, откажется ли какой-нибудь священник на Земле от своей миссии обращать других в свою веру? Он впустит тебя в свой алтарь, он поделится с тобой сокровищами храма, но не позволит переманить тех, кого он спасал от неверия. Заблудшие души принадлежат ему! Эльфадур может даровать тебе перемирие на срок твоей жизни или целого поколения, но навряд ли выполнит все, что ты хочешь... Король никогда не отречется от трона, если в его руках реальная власть. Я готов помочь тебе во всем, кроме иллюзий.

Локи не дождался ответа. Тогда он пожал плечами и пошел в сторону Йюггдразила.

Лейф и Фулла не торопились. Они медленно брели по тропинке, с которой были связаны их встречи, держась за руки. Фулла остановилась посреди леса.

— Лейф, возьми меня на Землю.

— Я не имею права,— ответил Лейф.— Легко сказать, но трудно сделать. Из-за меня ты состаришься, потеряешь молодость и красоту. И я буду виноват в этом. Ты же сама сказала мне, что не сможешь привыкнуть к Земле.

Она согласилась, но обиженно отняла свою руку.

— Тогда простимся прямо сейчас, пока я не умерла от горя. Это невыносимо — отрываться друг от друга постепенно, Лейф...

Он обнял богиню, и Фулла припала к нему с прощальным поцелуем. Она в последний раз посмотрела на любимого и даже улыбнулась ему. Затем быстро скрылась в лесу, ни разу не обернувшись.

В одиночестве Лейф прошел к ясеневой роще. Он готовился к неизбежному.

Айзир собрался в полном составе. Ли стоял рядом с Джефъюн. Его грудь и шею пересекал безобразный шрам. Но валькирия владела тайнами врачевания, и Ли уже не ощущал своей раны. Он обрадовался, увидев брата, и поспешил ему навстречу.

Но вид Лейфа его удивил и обеспокоил.

— Что терзает тебя, мой мальчик?

— Я возвращаюсь. Ты вернешься со мной, Ли?

Ли весело захохотал.

— Еще бы! Война кончилась, и в Асгарде можно помереть от скуки... Кроме того, скажу тебе строго по секрету, Джефъюн заявила о своих правах на меня, представь себе!

Он посерьезнел, поняв, что брату не до смеха.

— Вообще-то мне здесь хорошо. Лучше, чем где-нибудь на Земле. Да и Джефъюн я уже чего только не наобещал... Но если я нужен тебе, мой мальчик, распоряжайся.

— Иди к своей богине,— с нежностью сказал Лейф. Он улыбнулся брату и похлопал его по спине. Что же, придется выходить из положения в одиночку. Он сам выбрал свой крест.

На поясе Джефъюн Лейф заметил сундучок с яблоками и понял, что Фуллы нет поблизости. Он направился в центр Йюггдразила, где стоял трон Одина. Айзир заметил его и остановил приветственными возгласами. Один поднялся на троне, указывая Лейфу на скамью, где раньше всегда сидела Фригг.

— Мой сын Лейф, твое место — рядом со мной. Садись!

— Я пришел с просьбой, отец Один. Я хочу задать тебе вопрос и напомнить о твоем обещании.

— Тогда говори. Мы уже обещали тебе исполнить любое твое желание в пределах наших возможностей. Сегодня я обещаю тебе исполнить еще одно желание.

— Позволь начать с вопроса,— сказал Лейф. Он увидел, как сквозь толпу к нему торопится Локи, но он уже не нуждался в советах. Он все решил.— Есть ли у меня право вернуться домой в Мидгард? Или я остаюсь твоим пленником?

На лице Одина отразилось изумление и одновременно горькое разочарование. Но он торжественно вскинул старую голову.

— Ты свободен, мой сын. Сын Одина не может быть пленником ни в одном из миров. Мы полагали, что тебе известно о твоем праве на возвращение с того момента, когда я объявил тебя сыном. Просто мы надеялись, что ты останешься с нами. Тебя никто не держит здесь насильно. Вольному воля!

Лейф отметил, что, оказывается, был свободен и раньше. Сейчас это не имело значения. После первой встречи с гигантами в Йотанхейме он и сам никогда бы не покинул Асгард добровольно. Он сыграл предназначенную ему роль в исходе великой битвы. Но теперь он чувствует себя ответственным перед своим миром, перед своей Землей независимо ни от чего. Поэтому он еще раз вернулся к своей идее спасения Земли.

— Мы готовы выслушать твою просьбу,— прервал Один затянувшееся молчание.

— Хорошо,— решился в конце концов Лейф.— Разреши мне забрать с собой на Землю все священные яблоки!

Это был единственный выход. Локи не зря сказал, что боги никогда не откажутся от попыток завоевать Землю — планету их

предков. И хотя, лишенные урожая яблок, они заснут еще на тысячу лет, это тоже будет только отсрочкой. Но это явится и перемирием, которое никто не нарушит, пока боги не проснутся. А там, через тысячу лет, что ж, пусть они попробуют захватить Землю. К тому времени Земля сможет постоять за себя, если к тому времени Бифрост не закроет пути между Землей и Асгардом.

Своей просьбой Лейф ошеломил собрание богов. На короткое время над Йюггдразилом воцарилась полная тишина. Затем толпа взорвалась и разразилась бешеными воплями и криками.

— Предатель! — самый громкий рев исходил от обычно спокойного Фрейра. Он выхватил свой смертоносный меч и рванулся вперед.

— Смерть предателю!

Боги двинулись к Лейфу, на ходу обнажая оружие. Недавние события — ожидание Рагнарёка, боевая ярость и гибель соратников, несбывшиеся пророчества и неожиданная победа — все это вместе нарушило хрупкое равновесие отношений, которые сейчас балансировали на лезвии меча...

— Нифлхейм! Вот что заслужил щенок, вскормленный Локи!

— Остановитесь! — рев Тора перекрыл голоса возбужденной толпы. Его молот взвился в воздух и со свистом пронесся над поляной.— Я требую справедливости. Здесь место правосудия, а не расправы. Так пусть свершится справедливый суд!

Айзир замер и топтался в нерешительности. Авторитет Тора да и его молот были весомым аргументом в споре. Но даже Тор не мог утихомирить страсти.

Один призвал свое воинство к порядку, стуча копьем по доскам помоста.

В это время затрубил Джеллар-Рог.

Хеймдаллр вскинул Рог к губам в ту минуту, когда с плеча Одина сорвался ворон и полетел в сторону Локи и Лейфа.

Звук Рога был подобен рокоту морского урагана, все сметающего перед собой. Этот рокот перекрыл все другие звуки, и снова воцарилось молчание. В наступившей тишине ворон сел на плечо Лейфа, разгоняя воздух крыльями, и хрипло прокаркал:

— Один приказывает отправляться в мастерские и ждать, когда боги призовут обратно...

Мастерские находились недалеко. Но у Лейфа не было никакого желания смиренно ждать, пока боги решат, послать ли его в Нифлхейм или просто убить на месте. Он напрягся, чтобы призвать Летящее Копыто, но оторопел: на него уставился единственный глаз Одина. Этот взгляд, обращенный к нему, повелевал и подчинял своей воле...

Лейф, как автомат, повернулся и направился к мастерским.

Собственные ноги не слушались Лейфа, он машинально отсчитывал шаги. Лейф потерял волю к сопротивлению. Но когда Йюггдразил остался за спиной, Лейф попробовал освободиться от чужой воли и повернуть назад. Все попытки оказались бесполезными. Ноги сами вели его. Он заметил, что за ним побежал Ли, но не смог обернуться к брату.

Ноги равномерно ступали, увлекая Лейфа к мастерским.

ГЛАВА 19

Над Асгардом реяли сумерки, когда вдали показались две фигуры. Лейф сидел на скамье и спокойно покуривал. Его ноги до сих пор находились во власти внушенной Одином команды. Он дважды хотел встать и вернуться в ясеневую рощу, но тщетно: ноги не слушались его. Рядом с братом нервничал Ли Свенсен. Он не находил себе места.

Фигуры приближались.

Братья узнали Одина и Тора. В эту минуту Лейф почувствовал, что он освободился от внушения. Но даже не приподнялся со своего места. К нему подошел Один и посмотрел на Лейфа сверху вниз. Плечи бога сгорбились от непомерной усталости. Он торжественно поставил на скамью кованый сундучок.

— Здесь все яблоки, мой сын Лейф. Пока мы правим Асгардом, никто — будь то боги или люди — не сможет сказать, что Один не держит своего слова. Вот — Айзир платит свой долг человеку.

Это ошарашило Лейфа еще больше, чем вопли толпы, требующей наказания. Он был готов к любому решению своей судьбы, но такого не ждал.

— Прости меня, отец Один,— сказал он, медленно вставая. Торжественная фигура старого бога внушала искреннее почтение. Лейф был взволнован и признателен Эльфадуру.— Я не хочу быть еще одним из сыновей, которые тебя предали...

— Ты не предатель,— прозвучал грубый и хриплый, как никогда, голос Тора.— Позор лег на Айзир. От Йотанхейма до исчезнувшего Ванахейма была слышна отповедь Хеймдаллра богам. Они поняли свою ошибку и пожалели о ней. Ничто не может лишить чести бога или человека, верного своим корням. Клянусь Июмиром, ты был прав. Желание вернуться домой никого не делает предателем. В твоей просьбе столько смысла, сколько давно не приходилось слышать на Совете богов. Я сам распял бы тебя между Асгардом и Нифлхеймом, запроси ты что-нибудь другое... Айзир сошлись на этом. Никто не был против. Возьми эти яблоки, брат, и возвращайся в Мидгард с чистой совестью. И мы тоже с чистой совестью заснем у себя дома.

Лейф вернулся в пещеры, потрясенный происшедшим. Асгард продолжал удивлять его. Последним сюрпризом явилось для него красноречие обычно молчаливого Тора.

Садри ждал Лейфа с печальной миной на лице. Лейф протянул ему подарок — пистолет, Садри машинально отложил его в сторону. Он выслушал прощальные наставления Лейфа, покачал большой головой, давая понять, что все будет сделано, как велел мастер Лейф. Его глаза чуточку прояснились, когда Лейф протянул на прощание руку, но слезы продолжали капать из глаз гнома и скатывались по его внутренне одухотворенному лицу. Он пребывал в таком горе, что не мог произнести ни слова.

А Лейф захватил сундучок и вышел наружу. У входа его ждал Один. Лейф повернулся к нему.

— Пока вы будете спать, Садри со своим народом будет охранять границы Асгарда. Гномы умеют пользоваться оружием. Им подвластны гранаты и стрелы. Я научил Садри, как ухаживать за Священной Яблоней. Может быть, ему удастся вырастить за это время новый сад.

Что еще мог сказать он на прощанье справедливому богу?! Лейф пристегнул сундучок к поясу. Он странно чувствовал себя без воинских лат, к которым привык. Затем поднял голову и издал зов. Вскорости в ответ послышалось ржание. Летящее Копыто опустился рядом с ним и толкнул его мордой в плечо, как бы приветствуя...

Один возложил руки на плечи названого сына.

— Где бы ты ни был, ты будешь обладать властью вызвать к себе этого коня. Конь будет верно служить тебе на Мидгарде. Он всегда перенесет тебя через Бифрост обратно в Асгард, если ты этого захочешь. Мы будем спать долго, но в наших снах найдется место и для твоих видений. Когда я проснусь, сын мой, я снова буду искать тебя.

Они крепко пожали друг другу руки. Большая ладонь Тора была надежна и горяча. Он попрощался без слов. Ли говорил с трудом. Слова застревали в его сжатом от волнения горле, но тем не менее он продолжал насмешничать.

— Прощай, мой мальчик... Через тысячу лет я вернусь на Землю и надеюсь прочитать о тебе в старых книгах. Я уверен, что найду в них твое имя.

— Только ищи имя Лейфа Одинссона,— поправил он брата и увидел, как одобрительно улыбнулся Эльфадур.

Они отошли туда, где безмолвно горевал Садри. Лейф снова оглядел Асгард, вбирая напоследок все доброе, что было здесь с ним, и надеясь увидеть напоследок Локи, Тора и всех остальных друзей.

И вот он прыгнул в седло. Летящее Копыто стрелой взвился в воздух, и скоро они опять пробивались сквозь радужные волны и изгибы Бифроста.

На этот раз ничто не мешало переходу. Пистолет, часы, латы — все осталось там, в мире богов. По пути у Лейфа даже нашлось время кое-что продумать. Когда-нибудь яблоки кончатся, и надо будет отослать сундучок обратно. Он понадобится Айзиру для следующего урожая. Через тысячу лет.

Лейф огорчился, что забыл захватить теплый, подбитый мехом плащ, чтобы согреться, попав на морозную Землю. Но возвращаться было поздно. Летящее Копыто мчался вперед твердой, уверенной поступью, и Бифрост уже истончился, стал почти неразличимой радужной дымкой. Затем и дымка пропала. Неожиданно лошадь устремилась сначала вперед, а потом все ниже, ниже, ниже... Яркий солнечный свет заливал все вокруг. Они вернулись на Землю.

Лейф спрыгнул с коня перед своим домом на ферме. Он удивленно и радостно разглядывал свое хозяйство. Когда он в последний раз заглядывал в магическое зеркальце, на Земле стоял суровый февраль... Он же явно попал в середину апреля. Снег растаял! Воздух был по-весеннему теплым! Они приземлились на маленькой лужайке на краю леса, как раз перед домом. Деревья покрывались свежей листвой. Некоторые из них расцветали. Пахло клейкими почками.

Ощущение было такое, что время на Земле сделало резкий рывок. Или, что тоже возможно, время на Асгарде каким-то образом застыло под прессом Рагнарёка. Но Лейф и не собирался отныне плутать в непостижимой логике многообразных измерений Вселенной. Главным для него было то, что Фимбул-зима миновала и Земля восстанавливала свои силы.

Летящее Копыто снова заржал, словно вопрошая о чем-то, и прикоснулся мордой к руке своего всадника. Лейф погладил коня и улыбнулся ему, как верному другу.

— Возвращайся в Асгард, Летящее Копыто. Земля — не лучшее место для летающих коней. Люди Земли сделали слишком много зениток. Когда-нибудь я снова вызову тебя, и мы еще поскачем в ночных небесах над мирными пастбищами. Договорились?

Конь качнул головой, выдохнул воздух из ноздрей и выгнул шею. Взмыл в небо и на глазах Лейфа исчез в вихре радужных отсветов. Лейф шел по тропинке среди еще не вспаханной земли. Он остановился и понюхал кусок земли, растертой в ладонях. Она еще была немного сыровата. Скоро она будет распахана и засеяна! А те засохшие деревья в стороне от тропинки пора спилить. Вокруг было много работы, и Лейф нуждался в этой работе.

— Привет, Лейф!

Он оглянулся и увидел Фолкнера. Старый фермер возился с трактором. В его голосе не прозвучало особенного радушия, но и враждебности Лейф не заметил.

— Слышал, что ты возвращаешься домой, Лейф. Я подготовил для тебя все счета. Может, глянем на них вечерком?..

— Я не возражаю,— ответил Лейф. Потом подождал и добавил: — Конечно, если у меня хватит денег в банке рассчитаться с тобой. Иначе придется подождать...

Фолкнер удивился.

— Разве мистер Лайфейсон не говорил с тобой? Ну и дела, будь я проклят! Эй, Лак!

Из сарая вышел Локи. Локи, облаченный в рабочий комбинезон, весь в мазуте! Он обхватил Лейфа за плечи и отвел его подальше от фолкнеровских ушей.

— Я рассчитался с ним за год вперед. Мне подумалось, что помощь тебе не помешает, а ему нужны деньжата для новой фермы. Он решил избавиться от своей развалюхи.

— Но где ты взял деньги?

— Деньги не так трудно раздобыть, если у тебя есть магическое зерцало, которое помогает многое увидеть из Асгарда,— Локи усмех-

нулся, довольный произведенным эффектом.— И брось удивляться тому, что я здесь. Когда я понял, что Эльфадур выполнит свое обещание, я смылся... Тысячелетний сон не в моем вкусе.

Они поднялись на веранду. Ступеньки приятно поскрипывали. Дверь вела в старую комнату Лейфа. После огромных помещений Асгарда и других миров она казалась маленькой и переполненной всякой всячиной. По всему дому разносился вкусный запах праздничного обеда. Лейф хотел заглянуть на кухню, но остановился, с нескрываемым подозрением уставясь на Локи.

— Нет,— сказал он тоном обвинительного заключения,— ты не из тех, кто способен осесть на земле и заняться фермерством.

— То же самое я мог бы сказать и о тебе, мой героический питомец,— ответил Локи. Он улыбнулся, взял со стола салфетку и махнул ею в воздухе.— Ты понимаешь, что здесь все перестраивается и двигается вперед! Лейф, знаешь ли ты, что за время твоего отсутствия здесь изобрели атомное топливо для ракет? Ученые решили, что Фимбул-зима была новым ледниковым периодом, и начали искать возможности всем переселиться на Венеру. Теперь начинаются исследования на всех планетах Солнечной системы. А у меня достаточно денег, чтобы купить места для нас. Венера, Марс, Юпитер, ваша маленькая Луна! Ты понимаешь, что я исследовал все это каких-то пятьдесят тысяч лет назад?!

Из кухни потянуло новыми прекрасными ароматами. Там загремели кастрюли и зазвенели тарелки. Лейф через столовую быстро прошел в кухню, сделал шаг и остолбенел.

Повариха отвернулась от плиты, снимая через голову фартук. Она улыбалась одними губами, но глаза ее смотрели неуверенно. Она осторожно шагнула вперед, словно ожидала, как он отнесется к ее появлению.

— Фулла! — крикнул Лейф.— Глупышка! Как же ты сюда попала?

Она, почти плача, прижалась к нему. Лейф поднял ее на руки.

— Ты сам глупец, о Лейф Одинссон! Ты на самом деле поверил, что я позволю тебе бросить меня? Ты забыл, что Летящее Копыто знает дорогу на твою ферму! Я захватила с собой пару яблок, этого хватит на несколько месяцев, прежде чем я начну изменяться...

Она заплакала, когда он спохватился и отстегнул от пояса сундучок. Он совсем забыл про дар Асгарда. Он поставил сундучок на стол. Фулла откинула крышку и недоверчиво заглянула внутрь.

— Все яблоки здесь... Одно к одному! Достаточно на многие годы... У нас будут сыновья, здесь, прежде чем я вернусь!

— Это еще не все, Фулла! — от дверей донесся голос Локи. Лейф увидел, что рыжебородый бог стоит не один. С привычным чувством превосходства он крепко обнимал Джойл Фолкнер.— Идите сюда, вдвоем. У меня есть кое-что для вас. Вы можете отнестись к этому как к свадебному подарку...

Он взял яблоко из сундучка и впился в него зубами. Фулла даже задохнулась от такого беззаботного расточительства. Но

Локи прошел с ними вдоль дома туда, где поднялось новое здание под стеклянной крышей. Оно встало на солнечной стороне участка.

— Я не зря читал твои книги, Лейф. Из них я многое узнал о прививках и не забыл о своих сновидениях,— сказал Локи.— Я доставил сюда несколько срезанных побегов Священной Яблони и нанял агронома, чтобы тот поработал с ними. Теперь здесь десять яблонь и все они будут приносить плоды Асгарда.

Лейф недоверчиво качал головой.

— Они слишком быстро выросли за один сезон да еще и зацвели... Что-то здесь не так.

— Хмм... Я ожидал твоих сомнений. Побеги насытились энергией при переходе через Бифрост, вот и все. А теперь они растут на Земле, где яблоням положено цвести каждый год в отличие от Асгарда. И они зацвели! Гораздо раньше, чем твой сундук опустеет, Фулла, эти деревья принесут богатый урожай.

События сменялись слишком быстро для Лейфа. Он не успевал свыкнуться с ними. Где-то в уголке сознания затаилась тревога. Он обернулся к Локи с вопросом.

— Не волнуйся,— Локи бросил в траву огрызок яблока и безмятежно посмотрел на Лейфа.— Ты не думай, в Асгарде никто не знает, что мы собираемся делать. Я не настолько привязан к традициям предков, чтобы навязывать их Земле.

Он подхватил Джойл и повел ее в дом, подмигнув Лейфу по дороге. Лейф и Фулла остались одни.

Они взялись за руки и долго любовались юными деревцами. Изящная фигура Фуллы золотилась в лучах солнца. Она нагнулась и пальцами потрогала землю. Лейф Одинссон тоже протянул руку к земле и вырвал стебель сорной травы. Это был враг, вторгшийся на его участок. Отныне Лейфу придется сражаться с сорняками, как раньше с гигантами. Но гиганта можно было убить, и он становился мертвым врагом. Но сорная трава в отличие от гигантов не умирала, она всегда боролась за жизнь. Они не могли заключить перемирия.

— Нам придется пожениться здесь,— сказал он Фулле,— чтобы наши дети не сочли нас павшими богами, не соблюдающими приличий. Ты не возражаешь стать женой простого фермера?

— Ох, Лейф, но ведь Локи сказал, что вы куда-то собираетесь лететь на ракетах...

Он отрицательно покачал головой.

— Локи не так понял меня. Я перестал быть героем, моя дорогая.

Но все же это было хорошо — быть героем, подумалось ему. Каждый мужчина должен получить свой шанс стать героем, убить нескольких гигантов, добыть любимую девушку и побыть богом — пусть недолго, но обязательно. Наверное, все мужчины способны на это. Надо только отрешиться от своих страхов и рискнуть. Это было так прекрасно — отбросить все страхи, не отправляться за горизонт в поисках неведомого Грааля, никогда не завидовать тем,

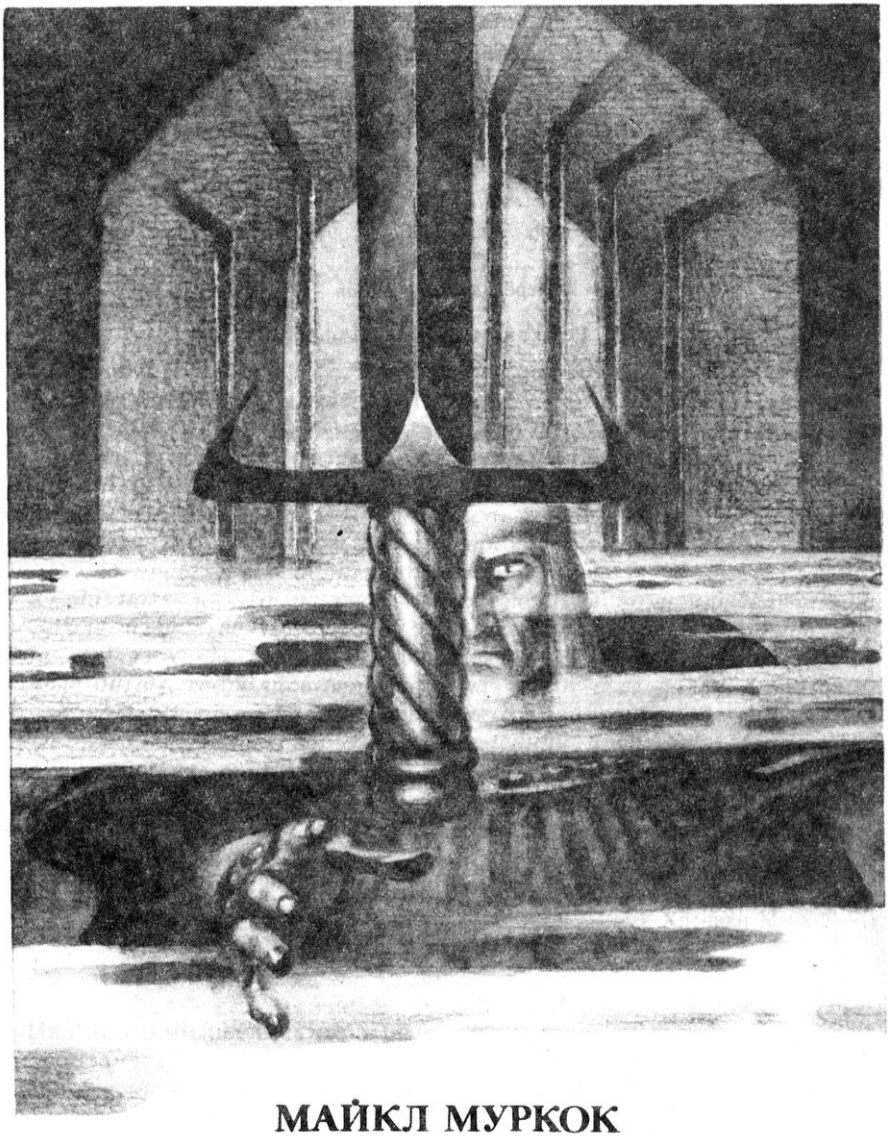
кто стремится к неизвестным мирам. Это было великолепно — поселиться на одном месте, вести простую жизнь и не чувствовать себя богом, ответственным за вселенную.

Когда-нибудь, когда они станут старше, а их дети вырастут, когда новый земной порядок оставит далеко позади в своем стремлении к новизне...

Он отбросил и эту мысль в сторону и сказал Фулле:

— Так вот — я и есть простой старомодный фермер. Какие будут возражения?

Возражений не было, и они уселись на траву под теплыми лучами солнца. Это было так хорошо — вернуться домой. Лейф был доволен.

МАЙКЛ МУРКОК

ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ

Перевод *Дины Коган*

Редактор *Анатолий Яковлев*

© Перевод с англ., 1991.

ЧАСТЬ I

ХАОС ГРЯДЕТ

Пролог

Десять тысяч лет процветала Пресветлая Империя Мелнибоне. Десять тысяч лет с тех пор, как начали записывать историю — или десять тысяч лет до того, как хроники прервались,— на ваш выбор. Во всяком случае империя Мелнибоне правила землей сто веков, а затем под ударами клинков, испещренных наводящими ужас рунами, под натиском сил, превосходящих человеческое разумение, она пришла в упадок и погибла.

Когда настало это роковое время, великое волнение случилось на Земле и над ее пределами, судьбы людей и богов рождались тогда под тяжким молотом Рока в кузне Судьбы, гремели чудовищные битвы, творились великие дела. И вот в те далекие времена, что назвали Веками Юных Королевств, явилось миру множество героев. А вождем их был Элрик, последний правитель Мелнибоне, опоясанный Мечом Тьмы, чью сталь покрывали древние руны.

Элрик, властитель Мелнибоне, гордый принц руин, последний владыка умирающей расы. Колдун и погубитель рода своего, ограбивший родную землю красноглазый альбинос, он и сам не ведал, сколь величественная стезя назначена ему Судьбой.

Хроники Меча Тьмы

1.

Над холмами неслись огромные низкие тучи, ослепительные молнии вонзались в землю, разрывая полночный мрак, под их ударами надвое раскалывались громадные деревья, с треском вспыхивали и обрушивались кровли домов.

Темный лес содрогнулся, и из его чащобы выбрались на поляну шесть скрюченных существ, почти не похожих на людей; молча смотрели они на город, что раскинулся по другую сторону невысокой гряды. Низкие крепостные стены и стройные шпили храмов, изысканные башни и легкие купола — таков был этот город, и предводитель странных созданий знал, как он называется: Карлаак Рыдающих Пустынь было его имя.

Буря, порожденная силами более могущественными, чем природные, наводила ужас. Она ревела и стонала над крышами Карлаака, а неведомые создания проскользнули в открытые ворота и под прикрытием тьмы направились к изящному дворцу, где почивал Элрик. В когтистой руке предводитель сжимал топор из темного железа. Затаившись в тени, неизвестные рассматривали дворец, широко раскинувшийся на холме в окружении томно благоухающих садов. Содрогнулась земля под бичами молний, а по бушующим небесам прокатился раскат грома.

— Хаос помог нам,— проворчал предводитель.— Смотрите, вся стража погрузилась в колдовской сон, теперь нам легче будет проникнуть внутрь. Повелители Хаоса добры к тем, кто им верно служит.

Он говорил правду — сверхъестественные силы властвовали в ту ночь. Воины, охранявшие дворец Элрика, пали на землю, побежденные сном, их могучий храп вторил громам. Слуги Хаоса прокрались мимо распростертых на пороге стражей, миновали большой двор и вошли в неосвещенный дворец. Безошибочно взбираясь по крутым лестницам, они тихо проскользнули темные коридоры и вот наконец достигли того покоя, где забылись тяжелым сном Элрик и его жена.

Но лишь только предводитель коснулся двери, раздался громовой голос:

— Кто здесь? Какой негодяй посмел будить меня?

— Он видит нас! — тихо сказал один из пришедших.

— Нет,— отвечал предводитель,— он спит, но столь могучий колдун не так-то просто покоряется чарам. Нам следует торопиться: если он проснется, исполнить все будет гораздо труднее.

Он повернул ручку, распахнул двери, приподняв топор, застыл в проеме. Молния вновь пронзила ночную тьму, ее призрачный свет озарил груду смятых мехов и тканей на кровати, а под ней белую голову Элрика рядом с темноволосой — его жены.

Едва неизвестные вошли, Элрик, задыхаясь, приподнялся в кровати, его красные глаза уставились на вошедших. Секунду еще были они затуманены дремой, но могучий владыка заставил себя сбросить оковы сна и закричал:

— Убирайтесь прочь, кошмарные создания моих снов!

С губ предводителя сорвалось проклятье, он прыгнул вперед, но убивать альбиноса ему запретили, и он только угрожающе поднял топор:

— Молчи! Твои воины не смогут тебе помочь.

Элрик соскочил с кровати и схватил неизвестное существо за руку, его лицо склонилось над когтистой мордой предводителя. Будучи альбиносом, Элрик не отличался силой, ему приходилось призывать на помощь колдовство. Но он был столь ловок и быстр, что успел вырвать у предводителя топор и его древком ударил противника между глаз. Зарычав, тот опрокинулся навзничь, но тут бросились на подмогу остальные. Их было пятеро, под мохнатыми шкурами перекатывались могучие мускулы.

Элрик едва успел размозжить череп одному, как пятеро других

окружили его. Кровь и мозги убитого запятнали тело владыки, отвратительное зловоние исходило от этих пятен, и у Элрика перехватило дыхание. Но он вырвал свое оружие и с размаху опустил топор, размозжив ключицу одному из нападавших. Тут Элрик почувствовал, как его схватили за ноги, и он упал, оглушенный, пытаясь сражаться. Вдруг его сильно ударили по голове, обожгла острая боль. Он попробовал встать, но не смог и впал в беспамятство.

Раскаты грома и удары молний все еще терзали ночь, когда он очнулся. Элрик пришел в себя и медленно встал, опираясь на спинку кровати. Ошеломленно огляделся.

Зарозиния исчезла. В спальне на полу лежало лишь окоченевшее тело убитого им существа.

Дрожа, он подошел к дверям, распахнул их и позвал стражу, но никто не отозвался.

Его могучий, покрытый рунами меч по имени Несущий Бурю хранился в городской оружейной; чтобы взять его, нужно время. От боли и ярости у Элрика опять перехватило дыхание; охваченный тревогой, он бежал вниз по лестницам и коридорам, пытаясь на ходу сообразить, кто похитил его жену.

Над дворцовыми кровлями все еще раскатывался гром, будоража и без того не тихую ночь. Дворец казался пустым; внезапно Элрику почудилось, что он совершенно одинок и покинут всеми. Но едва он выбежал на главный двор и увидел бесчувственно распростертые тела своих воинов, как сразу понял, что дремота их не может быть естественной. Элрик все яснее осознавал происшедшее по мере того, как спускался садами, через дворцовые ворота вниз в город, но нигде не было видно ни малейшего следа похитителей его жены.

Куда они скрылись?

Он поднял глаза к грохочущим небесам, белое лицо застыло, бессильный гнев душил его. Все происшедшее казалось лишенным смысла. Зачем ее похитили? Он знал, конечно, что у него есть враги, но никто из них не смог бы прибегнуть к помощи сверхъестественных сил. Кто, кроме них, способен сотворить столь могучее колдовство, заставить небеса содрогаться, а город спать непробудным сном?

Дыша как загнанный волк, подбежал Элрик к дому повелителя Воашуна — главного сенатора Карлаака, отца Зарозинии. Он забарабанил в двери кулаками, заорал обомлевшим слугам:

— Эй! Откройте! Это я, Элрик! Быстрей!

Двери распахнулись, и Элрик ворвался в дом. Повелитель Воашун, спотыкаясь, неуверенно спускался по лестнице, лицо обрюзгло со сна.

— Что случилось, Элрик?

— Собирайте воинов! Зарозинию похитили! Это были демоны, и сейчас они, должно быть, уже далеко. Но мы должны искать — может, они все-таки оставили следы.

Лицо повелителя Воашуна оживилось, он выкрикивал короткие приказания слугам, одновременно слушая рассказ Элрика о том, что произошло во дворце.

— А еще мне необходимо попасть в оружейную,— закончил Элрик.— Я должен взять Несущий Бурю!

— Но ты же сам отказался от этого меча, говорил, что боишься его злой власти над тобой,— тихо напомнил ему повелитель Воашун. Элрик ответил нетерпеливо:

— Да, верно, но я отказался от Несущего Бурю из-за жены. А теперь, если я хочу вернуть Зарозинию, мне не обойтись без него. Все очень просто. Скорее давайте ключ!

Молча принес ключ повелитель Воашун и повел Элрика в оружейную, где хранились оружие и доспехи его предков, веками скапливавшиеся здесь. Через пыльные помещения прошел Элрик к нише, где, казалось, находилось нечто живое.

Едва белая рука Элрика с тонкими слабыми пальцами коснулась огромного черного боевого меча, как оружие чуть слышно застонало. Он был очень тяжел, но хорошо уравновешен, этот двуручный меч поразительной величины: широкая крестовина защищала руки воина, мощный отполированный клинок был почти пяти футов длиной. Около рукоятки выгравированы таинственные руны, и даже Элрик не знал, что они означают.

— Опять мне придется пустить тебя в дело, Несущий Бурю,— сказал он, застегивая на поясе пряжку ножен,— и сдается мне, на сей раз мы связаны так прочно, что лишь смерти дано нас разъединить.

Затем он торопливо вышел во двор, где воины, оседлав горячившихся коней, уже ждали приказа.

Элрик встал перед воинами и вытащил из ножен Несущий Бурю так, чтобы его таинственное черное сияние мерцающим ореолом окружило фигуру владельца, чье лицо, белое, как кость, проступало из светящейся мглы.

— Этой ночью вы пойдете по следам демонов. Обыщите всю страну, прочешите лес и долину. Вы должны найти похитителей вашей принцессы! Возможно, чтобы скрыться, они прибегли к сверхъестественным силам. Но ничего нельзя сказать наверняка. Так ищите же — и ищите хорошенько!

И они искали всю ту неистовую ночь напролет, но ни следов странных существ, ни жены Элрика не нашли. А когда пришел рассвет, воины возвратились в Карлаак, где их ждал Элрик. От него исходила колдовская сила, передававшаяся ему от меча.

— Властитель Элрик, продолжать ли нам поиски? Быть может, при дневном свете какой-нибудь след и отыщется? — крикнул один из воинов.

— Да он не слышит тебя,— пробормотал другой, когда Элрик ничего не ответил на вопрос.

Но тут Элрик обратил к ним искаженное мукой лицо и тоскливо сказал:

— Не надо. У меня было время поразмыслить, и теперь я знаю, что должен искать жену с помощью колдовства. Все свободны — вы ничего не найдете.

Он покинул их и ушел в свой дворец. Теперь Элрик твердо знал: есть лишь один способ узнать, где скрывают Зарозинию. Он не любил прибегать к этому способу, но иного выхода не было.

Вернувшись домой, Элрик выгнал всех из своей спальни и, закрыв дверь на засов, принялся разглядывать мертвое существо.

Элрик еще не успел смыть с одежды застывшую кровь мертвеца, но топор, поразивший его, унесли спутники таинственного ночного гостя.

Элрик подготовил тело, распрямил на полу его члены. Потом закрыл ставни так, чтобы ни один дневной луч не мог проникнуть в комнату, разжег в углу жаровню. Она чуть покачивалась на цепях, пропитанные маслом лучинки вспыхнули. Элрик подошел к небольшому сундуку у окна, вынул оттуда матерчатый мешок, из него извлек пучок сухих трав и торопливо бросил их в жаровню. По спальне распространился отвратительный запах, она наполнилась дымом. Затем Элрик неподвижно застыл над трупом и принялся нараспев произносить заклинание на древнем языке предков, колдунов — властителей Мелнибоне. Песнь лишь отдаленно напоминала человеческую речь, звук то поднимался до пронзительного визга, то превращался в низкий глухой стон.

От жаровни на лицо Элрика падали огненные блики, по комнате метались причудливые тени. А на полу зашевелился труп, его размозженная голова поворачивалась из стороны в сторону. Элрик достал испещренный рунами меч и поставил его перед собой, обеими руками опираясь на рукоять.

— Встань, лишенный души! — приказал он.

Медленно, резкими толчками мертвец встал и выпрямился, когтистый палец его указывал на Элрика, но остекленевшие глаза смотрели, казалось, куда-то поверх головы.

— Все это,— шептало существо,— было предусмотрено. Не думай, что тебе удастся избежать своей судьбы, Элрик из Мелнибоне. Ты осквернил мое тело, а я создание Хаоса. Мои повелители отомстят за меня.

— Как?

— Твоя судьба уже решена. Ты скоро все узнаешь.

— Ответь мне, мертвец, зачем ты пришел похитить мою жену? Кто послал тебя? Куда увели мою жену?

— Три вопроса, властитель Элрик. Нужны три ответа. Но тебе ведомо, что оживленный колдовством мертвец не может прямо отвечать на вопросы?

— Да, я знаю это. Отвечай, как можешь.

— Тогда внимай мне, ибо всего лишь раз могу я произнести пророческое слово, и должен буду вслед за тем опять вернуться в Нижние Пределы. И плоть моя там мирно перейдет во прах. Так слушай:

За океаном битва закипела,
И кровь прольется в битве той,
И если родич Элрика с ним вместе,
Неся двойник его тяжелой ноши,
Отправится туда, где, всеми брошен,
Тоскует тот, кто жить не должен,
Тогда великий торг свершится —
Супруга Элрика вернется.

Мертвец умолк, рухнул на пол и более не шевелился.

Элрик подошел к окну и открыл ставни. Хоть и привык он разгадывать таинственные песни-пророчества, но эту разгадать будет нелегко. Дневной свет понемногу разогнал ночные тени, заполнил комнату, лучинки, зашипев, угасли, дым постепенно растаял. «За океаном...» В мире так много океанов.

Он вложил меч в ножны и прилег на разбросанную в беспорядке постель, чтобы поразмыслить над предсказанием. Ему припомнился рассказ, услышанный от путника, прибывшего в Карлаак из Таркеша, родом тот был с Западного континента, что за Бледным морем.

Путник поведал Элрику, какие войны кипели между Дхарийором и другими западными народами. Дхарийор нарушил все договоры с соседними королевствами и заключил новый союз с теократией Пэн-Тэнга. Пэн-Тэнг — так назывался нечестивый остров, пользовавшийся дурной славой, управляли им темнокожие аристократы — воины-колдуны и священнослужители. Столицу острова Хвамга-арл называли Городом Визжащих Статуй, и до недавнего времени обитатели Пэн-Тэнга мало общались с другими народами. Новым правителем острова был Теократ — Джагриин Лерн, человек, отличавшийся гордыней и непомерным честолюбием. Его союз с Дхарийором мог означать лишь одно: он жаждал распространить свою власть на все народы Юных Королевств. Путник утверждал тогда, что решительная битва может завязаться в любой момент, ведь совершенно ясно, что Дхарийор и Пэн-Тэнг заключили военный союз.

Теперь, когда память прояснилась, Элрик сопоставил этот рассказ с вестями, которые он получил недавно: королева Иишана, правившая Джхаркором, королевством, граничившим с Дхарийором, обратилась за помощью к Дивиму Слорму и его имррирским наемникам. А Дивим Слорм был единственным кровным родичем Элрика. Это означало, что Джхаркор готовится к войне с Дхарийором. Все это слишком напоминало пророчество мертвеца. И таким совпадением пренебречь было нельзя.

Продолжая раздумывать над словами мертвеца, Элрик принялся собирать одежду и готовиться в путь. Ему ничего не оставалось, как только немедля отправляться в Джхаркор, где он встретится со своим родичем. А кроме того, судя по всему, именно там вскоре должна разгореться битва.

Элрик почувствовал, как болезненно сжалось сердце при мысли о предстоящем путешествии, которое займет много дней; боль стала острее, когда он подумал, что еще не одну неделю придется прожить без вестей о жене.

— Не время думать об этом,— остановил себя Элрик, зашнуровывая черный стеганый камзол.— Сейчас нужно действовать, и как можно быстрее.

Властитель Мелнибоне взял тяжелый меч в ножнах, взгляд его устремился вдаль.

— Клянусь Ариохом, сотворившие мне это зло, все равно, люди они или бессмертные боги, неизбежно будут наказаны. Слышишь меня, Ариох! Это моя клятва!

Но ответа он не получил и подумал, что Ариох, его демон-покровитель, или вовсе не услышал клятвы, или услышал, но остался безучастен.

Широко шагая, покинул он смердящую смертью спальню и крикнул, чтобы подавали коня.

2.

Там, где Стенающая пустыня уступает место землям Илмиора, между побережьем Восточного континента и владениями Таркеша, Дхарийора и Шазара раскинулось Бледное море.

Это холодное море, угрюмое и стылое, но корабли предпочитают плыть от Илмиора к Дхарийору именно через него, а не рисковать в изобилующих жуткими опасностями Проливах Хаоса, исхлестанных вечными штормами и населенных злобными морскими чудовищами.

Элрик из Мелнибоне, закутавшись в плащ, стоял на палубе илмиорского корабля, дрожа от холода и уныло созерцая затянутое тучами низкое небо.

Капитан, коренастый плотный человек с голубыми веселыми глазами, сгибаясь от резких порывов ветра, подошел к властителю Мелнибоне с кубком горячего вина. Ухватившись за канат, надежно утвердился на палубе и протянул Элрику кубок.

— Спасибо,— сердечно поблагодарил тот и отхлебнул вина.— Когда же мы, наконец, придем в порт Банарва, капитан?

Капитан поднял воротник кожаной куртки, прикрывая заросшие щеки.

— Мы идем довольно медленно, но еще до заката должны увидеть полуостров Таркеш.

Банарва была одним из крупнейших торговых портов Таркеша.

Капитан перегнулся через борт:

— Хотел бы я знать, долго ли еще корабли смогут плавать в этих водах? Ведь скоро разразится война между западными королевствами. И Дхарийор, и Пэн-Тэнг славились в былые времена пиратством. Уверен, что под предлогом военных действий они не преминут приняться за старое.

Элрик рассеянно кивнул, мысли его были далеко от предстоящих пиратских набегов.

Высадившись промозглым вечером в порту Банарва, Элрик вскоре со всей очевидностью убедился, что тень войны уже омрачила земли Юных Королевств. Много было всяческих слухов, пустой болтовни,

но, очевидно, сражения кипели, и люди гибли. Наслушавшись путаных разговоров, он так и не смог ясно представить себе ход войны, поняв лишь, что решающее сражение впереди.

Многочисленные банарванские болтуны рассказали ему, что все мужчины Западного континента теперь в войсках. Он слышал, прилетели даже крылатые люди из Миирна. Из Джхаркора в сторону Дхарийора двинулись Белые Леопарды, личная охрана королевы Иишаны, а навстречу им торопился на север Дивим Слорм со своими наемниками.

Народ Дхарийора был сильнейшим на западе, да и Пэн-Тэнг — грозный союзник не столько благодаря численности воинов, сколько из-за их колдовского умения. После Дхарийора сильнейшим считался Джхаркор с союзниками — Таркешем, Миирном и Шазаром: Он был не слабее тех, чьи войска угрожали Юным Королевствам.

Уже несколько лет Дхарийор только и ждал малейшей возможности начать войну, он жаждал новых земель, и поспешный союз королевств против Дхарийора был создан именно для того, чтобы остановить воинственное государство прежде, чем оно подготовится и двинет войска. Удастся ли эта попытка, Элрик не знал, да и его собеседники не могли сказать ничего определенного.

Улицы Банарвы были забиты солдатами, а также вьючными лошадьми и быками, нагруженными военным снаряжением. В гавани стояло множество военных судов, найти ночлег оказалось весьма нелегко — ведь многие гостиницы, да и частные дома были заняты военными. Впрочем, так было по всему Западному континенту. Повсюду мужчины надевали тяжелые доспехи, седлали сильных коней, точили мечи и под светлыми шелковыми стягами отправлялись убивать и грабить.

Элрик решил, что битва, о которой вещал мертвец, произойдет именно здесь. Он пытался забыть о мучительной боли, сжимавшей сердце при мысли о Зарозинии, от которой по-прежнему не было вестей. Его унылый взгляд устремлялся на запад. Несущий Бурю, как тяжкий груз, висел на поясе — Элрик постоянно дотрагивался до меча и ненавидел его, хоть тот и питал его силу.

Ночь он провел в Банарве, а утром взял хорошего коня и через долину, поросшую редкой травой, отправился в Джхаркор.

Элрик проезжал край, взбаламученный войной, и его красные глаза горели яростью и лютой ненавистью при виде жестоких разрушений. Сам он долгие годы добывал себе средства к жизни мечом — убивал, грабил, громил города, но жестокость войны ненавидел. Нет, он не испытывал жалости к жертвам и не гневался на убийц. Но он был слишком далек от обычных людей, чтобы особо заботиться об их делах. Однако в глубине души, пусть искаженно, мучительно, но все-таки порой он мыслил как идеалист, который, тоскуя по миру и покою, негодует при виде страшной картины войны. Он знал, что его предки, со стороны наблюдая за войнами в Юных Королевствах, радовались, полагая, что сами они стоят над этими битвами, над трясиной непостоянных чувств и переживаний, которые толкают новые народы в гущу кровавой схватки. Десять

тысяч лет правили миром владыки-колдуны Мелнибоне. Это была раса, не знавшая угрызений совести и нравственных запретов, им не требовалось предлогов для нападений на чужие земли, они не искали оправданий своим природным дурным наклонностям. Но Элрик, последний в длинной череде императоров, оказался непохожим на предков. Он творил жестокости, его злобное колдовство не знало жалости, но он мог любить и ненавидеть горячей и неистовей, чем его предки.

Эти сильные страсти заставили его покинуть родной дом и скитаться по всему свету, чтобы померяться силами с пришедшими в мир новыми людьми, ибо в Мелнибоне не было человека, который мог бы разделить его чувства. И именно благодаря удвоенной силе любви и ненависти вернулся он, чтобы отомстить своему двоюродному брату Иирку, который погрузил в колдовской сон Симорил, нареченную Элрика, и незаконно захватил владение Мелнибоне, Остров Драконов, последний оплот павшей Пресветлой Империи. С помощью пиратского флота Элрик в порыве мщения сровнял с землей Имррир, разрушил Дремлющий Град и навечно рассеял народ, основавший его, так что последние оставшиеся в живых сделались наемниками и скитаются теперь по свету в поисках хозяина, который подороже заплатит им за крепость рук и остроту меча. Любовь и ненависть, они вынудили его умертвить Иирку, который заслуживал смерть, и, случайно, Симорил, которая была невиновна.

Любовь и ненависть! Они и сейчас переполняли его душу, как горький дым, опаляли горло. Он обгонял многочисленных горожан, скитавшихся после последнего налета дхарийорских солдат, которые глубоко проникли в глубь страны. Армия короля Хилтрана здесь почти не оказала сопротивления врагам — ведь основные силы Таркеша собирались дальше к северу, где готовились к главному сражению.

Теперь Элрик проезжал вдоль Западных Проходов, около границы Джхаркора. В былые мирные времена здесь обитали крепкие ребята — лесники и пахари. Но война испоганила и сожгла леса, а урожай на полях уничтожила.

Элрик ехал быстро, не теряя времени. Путь его пролегал через голый безлистый лес, где жалкие остатки деревьев стыли дрожащими силуэтами под серым, затянутым рваными тучами небом. Элрик набросил на голову капюшон плаща так, что плотная черная ткань совершенно скрывала его лицо. Внезапно на путника обрушился ливень: холодные струи хлестали по зябким голым деревьям, потоки воды заливали видневшуюся вдали равнину. Весь мир, казалось, оделся в серые и черные цвета, слышался только нескончаемый гнетущий шелест дождя.

И вдруг, когда он проезжал мимо полуразрушенной лачуги — то ли жалкий домишко, то ли просто землянка, его окликнул каркающий голос:

— Властитель Элрик!

Удивленный, что кто-то мог узнать его, Элрик обратил сумрачный взгляд туда, откуда послышался голос, и откинул капюшон. У входа в подземное жилище маячила оборванная фигура. Она поманила

Элрика. Недоумевая, он направил коня к оборванцу. Даже вблизи трудно было сказать, кто это — старик или старуха.

— Ты знаешь мое имя? Откуда?

— Элрик стал легендой во всех Юных Королевствах. Кто не знает, кому принадлежит это белое лицо и белые волосы, и тяжелый меч, что висит у тебя на поясе.

— Может, это и правда, но сдается мне, ты не просто узнала меня. Кто ты и откуда знаешь сладкозвучный язык Мелнибоне? — Элрик намеренно заговорил на грубом Всеобщем наречии.

— Тебе бы следовало знать, что тот, кто ведает черное колдовство, говорит на сладкозвучном языке древних учителей этого искусства. Не соблаговолишь ли остановиться у меня ненадолго?

Элрик посмотрел на жалкое жилище и покачал головой. В лучшие времена он был брезглив. Старуха улыбнулась и склонилась в насмешливом поклоне, потом сказала на Всеобщем наречии:

— Значит, могущественный властитель пренебрегает моим бедным кровом. Но разве ему не любопытно, почему огонь, спаливший недавно этот лес, обошел мое жилище?

— Да,— задумчиво отвечал Элрик,— интересная загадка.

Ведьма шагнула к нему.

— И месяца не будет, как по нашему краю прошли солдаты. Они были из Пэн-Тэнга. Дьявольские всадники с их охотничьими тиграми. Они уничтожили урожай на полях и сожгли леса, чтобы их преследователи не нашли здесь ни дичи, ни ягод. Я всю жизнь прожила в этом лесу, понемногу колдовала и ворожила по нужде. Но когда я увидела, как стена огня подходит к моему дому и скоро сожрет меня, я выкрикнула имя одного демона — он принадлежит Хаосу, и раньше я не осмеливалась вызывать его. Но теперь он явился.

«Спаси меня!» — крикнула я.— «А что ты можешь сделать взамен?» — отвечал мне демон.— «Что будет угодно тебе»,— молвила я.— «Тогда передай это послание от моих владык,— велел демон.— Когда король, известный под именем Элрик из Мелнибоне, поедет этой дорогой, скажи ему: есть у него родич, которого он не смеет убить, он найдет его в Секвалорисе. Если Элрик любит свою жену, он исполнит предназначенное. А если он сделает все, как должно, жена вернется к нему». И я хорошо запомнила послание, а теперь передаю его тебе, как обещала.

— Благодарю,— сказал Элрик.— Но что же ты отдала за право вызвать такого демона?

— Ну конечно же, душу. Но она уже была старая и нестоящая. Разве ад может быть хуже, чем наша жизнь?

— Тогда почему же ты не захотела сгореть и тем самым спасти душу?

— Да уж больно пожить хочется,— отвечала ведьма, улыбаясь.— Жизнь все-таки сладка. Моя-то собственная, может, и убога, но я люблю смотреть, как живут вокруг. Однако позволь мне более не задерживать тебя, повелитель, ведь ты отягощен высокими заботами.

И ведьма снова насмешливо поклонилась, а Элрик поехал дальше, удивленный, но ободренный. Жена его жива и в безопасности. Но что он должен исполнить, чтобы она вернулась?

Он грубо пришпорил коня, пустив его в галоп. Теперь Элрик держал путь в Секвалорис, что в Джхаркоре. За спиной его, приглушенное стуком дождя, послышалось трескучее хихиканье, одновременно насмешливое и жалкое.

Теперь он уже ехал не наугад, а потому очень быстро, но осторожно, избегая бродящих по всей стране завоевателей. Наконец бесплодные долины уступили место плодородным пшеничным полям. Еще один дневной переход — и Элрик въехал в небольшую крепость Секвалорис, которая пока избежала нападения. Здесь он увидел, что все готовятся к войне, и узнал весьма интересные для себя новости.

Имррирские наемники под предводительством Дивима Слорма, двоюродного брата Элрика и сына Дивима Твара, старого друга Элрика, должны прибыть в Секвалорис на следующий день.

Имррирцы особо ненавидели Элрика, ведь именно благодаря ему они вынуждены были покинуть развалины Дремлющего Града и добывать себе пропитание, став наемниками. Но эти времена давно прошли, и с тех пор Элрик и имррирцы уже дважды сражались вместе. Он был их повелителем по праву, а власть старых обычаев очень сильна у древних народов. Элрик молился Ариорху, чтобы Дивим Слорм хоть что-то сообщил о пропавшей Зарозинии.

На следующий день в полдень наемники, красуясь в седлах, въехали в город. Элрик встретил их у городских ворот. Имррирские воины были измучены долгой дорогой и нагружены добычей: до того, как их призвала к себе Иишана, наемники обчистили Шазар, невдалеке от Туманных Проходов. Они очень отличались от других народов, эти имррирцы,— узкие лица, раскосые глаза, высокие скулы. Воины были бледны и стройны, длинные мягкие волосы ниспадали на плечи. Их одежда добыта не грабежами и очень похожа на одеяния мелнибонийцев: яркие золотые, синие и зеленые ткани, доспехи тонкой работы и причудливой формы. Длинные смертоносные копья и тонкие мечи составляли вооружение. Надменно восседали они в седлах, гордые своим превосходством над другими смертными. Подобно Элрику, своей неземной красотой они походили на сверхъестественные создания.

Элрик двинулся навстречу Дивиму Слорму. Его темные одежды сильно отличались от ярких одеяний наемников: на Элрике была черная кожаная куртка с высоким воротником, опоясанная широким гладким ремнем, на котором висели Несущий Бурю и кинжал. Обруч из черной бронзы удерживал надо лбом его молочно-белые волосы, штаны и сапоги тоже были черные. Черное убранство резко подчеркивало белизну кожи, ярко блестели алые глаза.

Сидя в седле, Дивим Слорм поклонился, приветствуя брата. Казалось, он был не слишком удивлен, увидев Элрика.

— Брат Элрик. Значит, предсказание не обмануло.

— Какое предсказание, Дивим Слорм?

— Предсказание сокола — ведь это твой родовой знак, верно?

В Мелнибоне было принято связывать новорожденного с какой-нибудь птицей. Птицей Элрика стал хищный сокол.

— И что он сказал тебе, брат? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Его слова были загадочны. Едва мы вышли из Туманных Проходов, как появился сокол, уселся на мое плечо и заговорил по-человечески. Он велел мне идти в Секвалорис, где я встречу короля. Из Секвалориса мы вместе отправимся к армии Иишаны, а битва, которую мы выиграем или проиграем, определит будущее наших связанных отныне судеб. Ты что-нибудь в этом понимаешь, брат Элрик?

— Кое-что,— нахмурился Элрик.— Однако пойдем скорее. Я нанял тебе комнату на постоялом дворе и расскажу все, что знаю, за стаканом вина — если удастся раздобыть приличное вино в этой забытой богом деревушке. Мне нужна помощь, брат мой, очень нужна. Зарозинию похитили колдовские создания, и сдается мне, что это похищение и войны — всего лишь несколько ходов в чьей-то большой игре.

— Тогда скорее вперед, на постоялый двор. Я сгораю от любопытства. Дельце, похоже, будет интересное. Сначала соколы и предсказания, теперь — похищение и война! Интересно, что еще нас ждет?

Имррирские наемники вслед за братьями отправились на постоялый двор по вымощенным булыжником улочкам города. Их было всего около сотни воинов, но жизнь вне закона закалила и ожесточила их. Наконец Элрик и Дивим Слорм смогли продолжить разговор, и властитель Мелнибоне торопливо рассказал все, что произошло до их встречи.

Прежде чем ответить, Дивим Слорм отхлебнул вина, осторожно поставил стакан на стол, губы его скривились:

— Чует мое сердце, мы — только куклы для сражающихся богов. Ведь мы обыкновенные люди из плоти и крови, и нам не дано увидеть все поле битвы, лишь несколько, на первый взгляд, едва связанных между собой событий доступны нашему разумению.

— Может, и так,— нетерпеливо ответил Элрик,— но мне очень не нравится, что меня вовлекли в эту игру, я только хочу вернуть свою жену. Я понятия не имею, почему мы с тобой должны вступать в некий торг ради ее освобождения, не знаю я, и чем мы обладаем, что именно жаждут получить похитители. Но если все предсказания исходят из одного источника, нам лучше исполнять то, что велят, пока сами не разберемся в событиях. А уж когда поймем, сможем поступать по собственной воле.

— Мудрое решение,— кивнул Дивим Слорм.— Отныне действуем заодно.— Он слегка улыбнулся: — Нравится мне эта заваруха или нет, только она меня увлекла.

— А где основные силы Дхарийора и Пэн-Тэнга? Я слышал, они собирают большое войско,— спросил Элрик.

— Уже собрали и направляются сюда, нам навстречу. Предстоящая битва решит, кто будет править западными землями. Я встал на сторону Иишаны не только потому, что она призвала нас на

помощь. Я чувствую: если развращенные владыки Пэн-Тэнга возьмут верх, их власть над народами запада будет жестокой и безграничной и тогда они станут угрозой всему миру. Печально, когда мелнибонийцам приходится задумываться над такими делами.— Он усмехнулся: — Да и не нравятся мне эти выскочки-чародеи. Ишь разошлись: Пресветлую Империю превзойти мечтают.

— Да,— медленно произнес Элрик.— Их государство зародилось на островах, как и наше. Подобно нашим предкам, они воины и колдуны. Но их колдовство такое извращенное, какое нашим предкам и не снилось. Деды творили ужасные дела, но такова была их природа, их дикие нравы. А эти новые завоеватели от природы мягче нас, но они извратили свою человеческую суть, ведь мы жили в ином мире, где царили звериные законы. Никогда больше не цвести Пресветлой Империи, но их власть не продержится более десяти тысяч лет, как наша. Везде настают новые времена, Дивим Слорм. Времена утонченного колдовства на исходе. Люди ищут и находят другие способы использования природных сил.

— Наше знание очень древнее,— согласился Дивим Слорм,— такое древнее, что, полагаю, мало общего имеет с событиями сегодняшнего дня. Наш рассудок и наша мудрость принадлежат прошлому...

— Я думаю, ты прав,— кивнул Элрик, чьи сложные переживания трудно было отнести к прошлому, настоящему или будущему,— Похоже, нам придется стать бродягами, ведь в новом мире для нас нет места.

В унылом молчании допили они вино, размышляя над мудрыми делами, творившимися на земле. Но вместе с тем мысли Элрика неизменно обращались к Зарозинии. Ему становилось страшно, когда он пытался представить, что могло с ней случиться. Сама невинность девушки, ее хрупкость и юность были для него своего рода спасением. Покровительственная любовь к нежной подруге помогала ему забывать про собственную наполненную убийствами и кровью жизнь, ее присутствие почти избавляло Элрика от жестокой черной тоски, сжимавшей сердце. Странное пророчество мертвеца отчетливо запечатлелось в памяти властителя Мелнибоне. Несомненно, пророчество говорило о предстоящей битве, о ней же вещал и сокол, которого встретил Дивим Слорм. Грядущее сражение решит спор между королевой Иишаной и правителями Дхарийора и Пэн-Тэнга. И если он, Элрик, хочет найти Зарозинию, надо идти вместе с Дивимом Слормом и принять участие в войне. Возможно, его ждет гибель, но лучше последовать советам предзнаменований — иначе он потеряет последнюю возможность когда-нибудь снова увидеть Зарозинию. Он обратился к брату:

— Завтра я поеду с тобой и обнажу свой меч в сражении. Что бы там ни было, сдается мне, Иишана будет рада каждому лишнему воину в сражении с Теократом и его союзниками.

Дивим Слорм согласился:

— Речь идет не только о нашей гибели. Мне кажется, сейчас решается судьба целых народов...

3.

Десятеро, наводя повсюду ужас, ехали в желтых колесницах по склону черной горы, извергавшей голубой и алый огонь, содрогавшейся в разрушительных судорогах.

Подобным же образом всюду на Земле сталкивались и восставали все силы природы. Немногие понимали, что изменялась сама планета. Десятерым ведомы были причины всемирного обновления. Знали они и об Элрике, о его причастности к их мудрости.

Мерцали бледно-пурпурные ночи, а солнце поднималось кровавым шаром над горами. Стояло позднее лето. В долинах горели жилища. Они вспыхивали, едва дымящаяся лава расплескивалась по их соломенным крышам. Сепириц, ехавший в первой колеснице, видел, как бегут от огня крестьяне — растерявшийся сброд, муравьи, покидающие разрушенный муравейник. Почти весело улыбаясь, он обратился к человеку в голубой броне, сидевшему у него за спиной.

— Посмотри на них,— сказал Сепириц,— посмотри, как улепетывают, брат мой. Как приятно наблюдать за разгулом столь могущественных сил!

— Хорошо пробудиться в такое время,— согласился его брат, с трудом перекрикивая грохот вулкана.

Но тут улыбка на лице Сепирица погасла, глаза сузились. Он огрел лошадей бичом из буйволиной кожи, кровь проступила на широких боках вороных, и они еще быстрее припустили по крутому склону.

А в деревне кто-то издали разглядел Десятерых и в ужасе заорал:

— Огонь выгнал их из горы! Прячьтесь! Спасайтесь! Люди из вулкана проснулись, они идут! Десятеро проснулись, как было предсказано! Наступает конец света!

Тут гора выплюнула новый поток раскаленных камней и огненной лавы, человека сбило с ног, и, вопя от боли, он умер в пламени. Смерть его была бесполезна — ведь Десятеро не обратили никакого внимания ни на него, ни на его жалких собратьев.

Сепириц и его братья проехали прямо через деревню, колеса их колесниц грохотали по грубым булыжникам мостовой, копыта коней звонко цокали.

За их спинами снова загрохотала гора.

— В Нихрен! — крикнул Сепириц.— Скорее, братья, нам многое предстоит сделать! Надо взять меч из Лимба, преддверия Ада, и найти двоих, что доставят его в Ханиау!

Радость переполняла его при виде содрогавшейся земли и шипящих потоков огня и камней за спиной. Блики всепожирающего пламени мерцали на его чернокожем теле. Лошади, низко склонив головы, неслись с дикой скоростью, порой их копыта сливались в стремительном беге, и казалось, что они летят. А может, и правда, они летели — ведь кони Нихрена не похожи на обычных животных.

Они пронеслись по ущелью, потом горной тропинкой снова вверх, головокружительный бег устремлен к Бездне Нихрена — древнему обиталищу Десятерых, где они не были вот уже две тысячи лет.

Снова рассмеялся Сепириц. Он и его братья несли страшную ответственность: они не вставали на сторону богов или людей, они были глашатаями Судьбы, и в их бессмертной памяти хранилась чудовищная мудрость, порождающие ужас знания.

Веками спали они в своей обители в глубине горы, поблизости от дремлющего сердца вулкана, их не беспокоили ни дикий холод, ни жара. А ныне извергающая огонь гора пробудила их, и они понимали: пришло их время, время, которого они ожидали долгие века!

Вот почему пел от радости Сепириц. Наконец ему и его братьям дано будет исполнить свое последнее предназначение. А для этого нужны были два мелнибонийца, два последних представителя королевского рода Пресветлой Империи.

Сепириц знал: они живы, они должны быть живы, ибо без них замысел Судьбы неисполним. Но Сепириц знал также, что есть на земле и те, кто, обладая непомерным могуществом, тщится обмануть Судьбу. Повсюду можно встретить их приспешников, особенно среди новой расы людей,— им служат и демоны, и вампиры. Эти могучие враги делали более трудным выполнение великой задачи Десятерых.

Но сейчас — вперед, к Нихрену! В крепкотесаный город! Там сплетутся нити Судьбы в тончайший узор. Время еще было, но оно стремительно уходило, и Неизведанное Время владычествовало над миром...

Палатки королевы Иишаны и ее союзников густо усыпали склоны невысоких, поросших лесом холмов. Под покровом деревьев они были надежно скрыты от врагов, ни один лагерный костер не выдавал их. Приглушены были по возможности и привычные звуки, сопровождающие любое крупное войско. Лазутчики сновали по всему лагерю, докладывая о расположении вражеских отрядов и выискивая шпионов.

Но Элрика и его имррирцев никто не окликнул, когда они появились в расположении лагеря. Все хорошо знали их, а кроме того, известно было, что наводящие ужас на врагов мелнибонийские наемники идут на помощь Иишане.

Элрик обратился к Дивиму Слорму:

— Мне непременно нужно навестить королеву Иишану, мы ведь давние друзья, но я не хочу, чтобы она узнала о похищении моей жены, а то непременно попытается мне помешать. Мы скажем, что я приехал помочь ей, приехал просто как друг.

Дивим Слорм кивнул. Элрик оставил брата устраивать лагерь, а сам отправился в палатку к Иишане, где высокая стройная королева уже с нетерпением ждала его.

Когда он вошел, королева опустила глаза. Лицо у нее было чувственное, с несколько тяжелыми, крупными чертами, уже тронутое увяданием. Длинные черные волосы сияющим ореолом окружали голову. У нее была большая грудь, а бедра оказались гораздо шире,

чем помнилось Элрику. Королева восседала на мягком стуле, стол перед ней устилали военные карты, тут же лежали пергаменты, перья, стояла чернильница.

— Доброе утро, Волк,— сказала она, и легкая улыбка коснулась ее губ, одновременно язвительная и влекущая.— Мои лазутчики доложили, что ты идешь сюда со своими людьми. Это приятно. Значит, ты оставил молодую жену ради более утонченных наслаждений?

— Нет,— ответил Элрик.

Он сбросил тяжелый дорожный плащ и кинул его на скамью.

— Доброе утро, Иишана. А ты не меняешься. Я подозреваю, что твой колдун-любовник из Пэн-Тэнга, этот Тхелеб Къаарна, дал тебе глотнуть воды Вечной Жизни прежде, чем я отправил его к праотцам.

— Может, и так. А как твоя семейная жизнь?

— Хорошо,— ответил он. Королева подошла к нему так близко, что он ощутил тепло ее тела.

— Досадно,— она насмешливо улыбнулась и презрительно повела плечом. Дважды они становились любовниками, хотя на Элрике частично лежала вина за гибель ее брата во время похода в Имррир. Смерть Дармита из Джхаркора сделала ее королевой, а она была честолюбива и не очень горевала, получив печальное известие. Но сейчас Элрику совсем не хотелось возобновлять старые отношения.

Он сразу же заговорил о предстоящей битве.

— Я вижу, ты готовишься к большому сражению,— сказал он.— Какие у тебя силы и есть ли надежда на победу?

— Здесь мои Белые Леопарды,— отвечала она.— Пять сотен отборных воинов, они бегают, как кони, сильны, как горные кошки, и свирепы, как обезумевшие от крови акулы. Их учили только убивать, но уж этому научили отменно. Здесь и другие мои войска: пешие и конные, командуют ими восемьдесят аристократов. Лучшие конники из Шазара, дикие всадники, но бойцы умные и хорошо обученные. Таркеш послал немного людей, я понимаю: королю Хилрану приходится защищаться от яростных атак с юга. Все же у нас наберется около тысячи пеших воинов и две сотни конников из Таркеша. Всего мы можем выставить тысяч шесть опытных воинов. Рабы, крепостные и тому подобный сброд тоже, конечно, будут сражаться, но они годны лишь на то, чтобы встретить первые атаки и подохнуть в самом начале битвы.

Элрик кивнул. Так обычно и воевали в те времена.

— А что есть у врагов?

— Нас больше, но у них — Дьявольские Всадники и охотничьи тигры. А помимо всего в клетках они держат еще каких-то зверей, но мы не знаем, каких.

— Я слышал, сюда летят крылатые люди Миирна. Важные, должно быть, дела выманили их из воздушных пределов.

— Если мы проиграем битву,— серьезно сказала королева,— Хаос воцарится на земле. Все прорицатели, отсюда до самого Шазара, твердят об одном и том же: Джагриин Лерн всего лишь оружие

сверхъестественных повелителей, его хозяева — не из мира людей, ему помогают Владыки Хаоса. Мы боремся не только за наши земли, Элрик, мы будем сражаться за все человечество!

— Тогда, надо надеяться, мы победим,— ответил он.

Элрик вместе с остальными вождями проводил осмотр собравшегося войска. Рядом с властителем Мелнибоне выделялась высокая фигура Дивима Слорма, облаченного в просторную золотую рубашку; он, как всегда, вел себя самоуверенно и грубо. Здесь были солдаты, закаленные в прошлых битвах, пусть не таких больших, как грядущая; среди них — облаченные в тяжелые доспехи невысокие темнолицые люди из Таркеша с напомаженными темными волосами и бородами. Прибыли полуобнаженные крылатые люди из Миирна, у них задумчивые глаза, ястребиные лица, большие крылья сложены за спиной, они молчаливы, спокойны, величественны. А вот шазарийские воины в серых, коричневых, черных куртках и ржавого цвета бронзовых доспехах. Вместе со всеми стоит и командир Белых Леопардов королевы Иишаны, длинноногий крепкий человек, его белокурые волосы завязаны узлом на мощном затылке, серебряные доспехи украшены эмблемой войска — леопардом. Как и Элрик, он альбинос, неистовый и неукротимый.

Час битвы неуклонно приближался...

Серый рассвет застал обе враждующие армии сходящимися с противоположных сторон широкой долины, обрамленной невысокими, поросшими лесом холмами. Армия Пэн-Тэнга и Дхарийора двигалась по полю битвы, как могучий прилив металлического моря. Элрик, еще без доспехов, наблюдал за врагом, его конь нетерпеливо топтал траву. Дивим Слорм указал вперед:

— Гляди, вон главари, Саросто слева, а Джагриин Лерн ведет правое крыло.

Вожди вели свои войска, знамена темного шелка трепетали над их шлемами. Король Дхарийора Саросто и его стройный, орлиноподобный союзник Джагриин Лерн в сияющих алых доспехах, казавшихся раскаленными, а может, оно так и было на самом деле. На его шлеме — геральдический тритон Пэн-Тэнга, ибо он претендует на свое родство с людьми моря. Доспехи Саросто — тусклые, темно-желтого цвета, украшенные Звездой Дхарийора, поверх них — Расколотый Меч. Говорят, его история связана с предком Саросто Атарном, Строителем Городов.

За ними выделяются Дьявольские Всадники Пэн-Тэнга на шестиногих конях-рептилиях, созданных, как говорят, колдовством. Обнаженные по пояс, смуглые, с непроницаемыми лицами, всадники вооружены длинными изогнутыми саблями. Между ними скользят около сотни охотничьих тигров, натасканных как собаки, их клыки и мощные челюсти способны мгновенно перемолоть человеческие кости. А за катящейся навстречу темной массой наступающей армии Элрик разглядел крыши таинственных клеток. Какие жуткие создания скрываются в них?

Но тут Иишана выкрикнула команду.

Стрелы, пущенные лучниками, как грозовая туча пронеслись над головой Элрика. Он вел в наступление вниз по склону холма первые пешие отряды, которым предстояло встретить авангард врага. Он злился, что вынужден рисковать жизнью, но если ему хочется разыскать Зарозинию, надо выполнять предназначенное и молиться о спасении.

Пешие войска сопровождались основными силами кавалерии, которая должна была по возможности окружить врага с флангов. Ярко разодетые имррирцы и шазарцы в бронзовых доспехах прикрывали один фланг. На другом, держа копья наперевес, скакали таркешцы в голубых доспехах со сверкающими алыми, пурпурными и белыми плюмажами и дхаркорцы в золотых доспехах, их обнаженные длинные мечи горели на солнце. А в центре передового отряда Элрика двигались Белые Леопарды Иишаны, и сама королева скакала под своим стягом вслед за передовым отрядом, возглавляя рыцарей.

И ринулись они навстречу врагу, встретившему их тучей стрел, которые со звоном отскакивали от шлемов или мягко входили в живое тело.

Воинственные клики разорвали рассветную тишину, враждующие армии столкнулись.

Элрик увидел перед собой стройного Джагриина Лерна, который, рыча, успешно отразил удар Несущего Бурю пылающим щитом; значит, был готов к встрече с колдовским оружием.

Лицо Джагриина Лерна исказила злобная ус[illegible]ешка, когда он узнал Элрика:

— Мне говорили, что ты будешь здесь, Белолицый. Я знаю тебя, Элрик, и мне ведома твоя судьба и твоя смерть!

— Похоже, слишком многие знают мою судьбу, лучше, чем я сам,— ответил Элрик.— А может, если я убью тебя, мне удастся заставить тебя перед смертью выдать эту тайну?

— О нет! У моих повелителей другие намерения.

— Возможно, но у меня именно такие!

Он бросился на Джагриина Лерна, но меч его, визжа от ярости, снова отскочил. Элрик почувствовал, что рукоять Несущего Бурю шевельнулась в его руке: меч был наполовину живым существом, он дрожал от разочарования — ведь обычно выкованный на адском огне клинок с легкостью проникал сквозь любой металл как сквозь масло. В правой, закованной в латную рукавицу руке Джагриин Лерн сжимал огромный боевой топор, который обрушил на незащищенную голову элрикова коня. Это было ошибкой — он мог бы поразить самого Элрика. А тут Элрик, резко дернув поводья, отвел голову скакуна из-под удара и направил клинок в живот врагу. Колдовская сталь бешено вскрикнула, отчаявшись пробить доспех. Снова просвистел над головой боевой топор. Элрик выставил вместо щита свой меч, и вдруг с изумлением ощутил, что пошатнулся в седле, так силен был удар врага. С трудом удержал коня, но одна нога потеряла стремя.

И снова кинулся вперед Джагриин Лерн, на этот раз ему удалось раскроить череп элрикова коня, тот упал на колени — кровь и мозги запятнали шкуру, помутнели глаза.

Элрик соскочил с мертвого скакуна, с трудом выпрямился и готов был снова встретить врага. Но, как ни странно, король-чародей повернулся к нему спиной и бросился в гущу битвы.

— Жаль, не мне суждено лишить тебя жизни, Белолицый. Тут властны другие силы. Если ты выживешь и мы победим, я, может, и найду тебя.

Ошеломленный Элрик ничего не мог понять, он в отчаянии оглядывался в поисках другого коня и вдруг заметил убегающую лошадь без всадника. Ее голова и грудь были надежно защищены зубчатым черным панцирем. Он быстро подскочил, ухватился за болтающийся повод и остановил животное, вставил ногу в стремя и вскочил в седло. Без доспехов сидеть в нем было неудобно. Поднявшись в стременах, Элрик направил своего нового скакуна в гущу битвы.

Он прокладывал себе путь сквозь ряды вражеских воинов, то срубая Дьявольского Всадника, то раскроив череп охотничьему тигру, который кинулся на него с оскаленными клыками, потом ему попался пышно разодетый дхарийорский командир, а тут заступили дорогу два пехотинца с алебардами. Его скакун брыкался и становился на дыбы, Элрик отчаянно пробивался к знаменам Иишаны и, наконец, увидел одного из герольдов.

Войско Иишаны сражалось доблестно, но беспорядочно. Чтобы добиться успеха, необходимо было перестроиться.

— Вызвать конников! — заорал Элрик.— Вызвать конников!

Юный герольд поднял голову. На него наседали два Дьявольских Всадника. Он чуть отвлекся, и два клинка вонзились в него, мальчик зашелся смертным визгом, когда мечи разрубили его тело.

Ругаясь, подскочил к нему Элрик и поразил в голову одного из нападавших. Тот запрокинулся и рухнул в грязь. Второй всадник повернулся к Элрику и успел лишь заметить настигающий его Несущий Бурю; он завопил и умер, пораженный колдовской сталью.

Мертвый герольд все еще сидел в седле, тело его превратилось в кровавое месиво. Элрик наклонился и сдернул с шеи трупа окровавленный рог. Прижав его к губам, протрубил призыв к кавалерии. Призыв был услышан: Элрик видел, как разворачивались конные отряды. Но тут заметил, что падает знамя — убили знаменосца. Он приподнялся в седле и подхватил древко светлого стяга Джхаркора. Со знаменем в руке, трубя в рог, он попытался снова собрать свое войско.

Остатки разбитой армии медленно окружили Элрика. Он возглавил битву и сделал то, что еще можно было сделать: у них оставалась единственная возможность изменить ход сражения.

Элрик протрубил длинный завывающий сигнал. А в ответ услышал шелест тяжелых крыльев — люди из Миирна поднимались в воздух.

Увидев это, враги открыли таинственные клетки.

Элрик застонал в отчаянии.

С жутким свистом закружились над полем сражения гигантские совы; даже в Миирне, на их родине, они считались вымершими.

Враг приготовился отразить нападение с воздуха и каким-то образом сумел сотворить исконного недруга людей Миирна.

Лишь немного смущенные при виде неожиданно появившегося врага, крылатые люди, вооруженные длинными копьями, бросились на гигантских птиц. На сражающихся внизу обрушился дождь из перьев и крови. Трупы людей и птиц падали на землю, порой они сшибали с ног пехотинцев, выбивали из седел всадников.

Побежденные, Элрик и Белые Леопарды Иишаны пытались пробиться сквозь вражеские ряды и соединиться с Дивимом Слормом и его имррирцами, там же сражались остатки конников из Таркеша и всего около сотни уцелевших шазарианцев. Взглянув вверх, Элрик увидел, что большинство гигантских сов убито, но и в живых осталась лишь горсточка крылатых людей. Победив сов, они кружили напоследок над полем сражения, собираясь выйти из битвы. Конечно, они уже поняли, что положение безнадежно.

Когда войска соединились, Элрик крикнул Дивиму Слорму:

— Мы проиграли битву, теперь здесь правят Саросто и Джагриин Лерн!

Дивим Слорм поднял свой длинный меч и крикнул:

— Если нам охота еще пожить и кое-что сделать, лучше поскорее убраться отсюда!

Им ничего больше не оставалось.

— Жизнь Зарозинии для меня важнее всего,— проревел Элрик.— Поэтому давай-ка выбираться отсюда!

Но враги неудержимо теснили Элрика и его людей. Кровь заливала его лицо, правая рука болела — не раз и не два поднимался смертоносный Несущий Бурю, рубил и колол врагов, но теперь даже он, живой, почти наделенный рассудком, был уже бессилен вдохнуть в Элрика новые силы. И Элрик, как ни странно, радовался этому: он ненавидел колдовской клинок, хоть и зависел от его могущества. Ведь по натуре властитель Мелнибоне был человеком равнодушным и даже слабовольным.

Несущий Бурю выделял колдовской яд, он не просто убивал врагов, а поглощал их души, и часть их жизненной силы переходила к Элрику.

Но тут ряды врагов подались назад и, казалось, расступились. В проходе появились звери. Звери со сверкающими глазами и алыми клыкастыми пастями. Звери, готовые вцепиться в живую плоть.

Охотничьи тигры Пэн-Тэнга.

Заржали лошади, тигры кинулись вперед, их смертоносные клыки рвали тела коней и всадников, вгрызались в горло поверженным. Покончив с одной жертвой, окровавленные хищники уже искали новую. Вопя от ужаса, немногочисленный отряд Элрика отступал. Большинство рыцарей Таркеша не выдержали и покинули сражение вслед за мгновенно исчезнувшими джхаркорианцами, чьи обезумевшие лошади унесли своих седоков от смерти. За ними последовали и немногие уцелевшие шазарианцы. Только Элрик с имррирцами и

около сорока Белых Леопардов сражались против целой армии Дхарийора и Пэн-Тэнга.

Элрик поднял рог и протрубил отступление, потом направил своего черного коня прочь с поля битвы, за ним вверх по склону холма скакали верные имррирские наемники. Но Белые Леопарды сражались до последнего. Иишана говорила, что они умеют только убивать. Но, очевидно, они умели еще и умирать.

Элрик и Дивим Слорм уводили имррирцев вверх по долине, в душе благодаря Белых Леопардов, прикрывавших их отход. С того момента, как он схватился с Джагриином Лерном, Элрик не видел Иишану. И не знал, что с ней сталось.

У выхода из долины Элрик понял, наконец, весь план битвы, составленный Джагриином Лерном и его союзником: свежие силы, пешие и конные, собирались на противоположном конце долины, чтобы отрезать врагам отступление.

Почти не думая, Элрик направил коня вверх по склону, его люди последовали за ним. Склонив головы, всадники нырнули под низкие ветви березовых зарослей, а дхарийорцы уже бросились им наперерез.

Элрик развернул коня — Белые Леопарды все еще сражались под знаменем Джхаркора — и поскакал дальше, держась поближе к склонам. Вдоль холмов неслись они — Элрик, Дивим Слорм и горсточка имррирцев, потом вырвались из долины на открытую местность, но рыцари Дхарийора и Пэн-Тэнга преследовали их по пятам. Элрика, конечно, узнали и хотели заполучить его живым или мертвым.

Элрик видел, что воины Таркеша, Шазара и Джхаркора, отступившие раньше, уходили из кровавой долины тем же путем, но уже не держались вместе, а рассеялись по всем дорогам.

Элрик и Дивим Слорм скакали на запад по незнакомой враждебной стране, а имррирцы, покинув своих вождей, уходили на северо-восток, к Таркешу, мечтая найти там безопасное пристанище хоть на несколько дней. Битва была проиграна. Ставленники зла победили, на западе Юных Королевств наступал век ужаса.

Спустя несколько дней Элрик, Дивим Слорм, два имррирца, таркешский командир Йедн-пад-Джуизев, тяжело раненный в бок, и шазарианский пехотинец Орлон, поймавший лошадь на поле битвы, на время избавились от преследователей и направили измученных коней к невысоким горам, темневшим на фоне красного закатного неба.

Вот уже несколько часов они молчали. Йедн-пад-Джуизев умирал, а сделать для него они ничего не могли. Он сам все понимал и ничего не ждал, просто ехал рядом. Командир был очень высок для жителя Таркеша, алый плюмаж все еще венчал зубчатый шлем голубого металла, нагрудник порыжел от его собственной крови и крови врагов. Черная борода блестела от масла, твердые черты, казалось, окаменели, взгляд застыл от муки. Он умел терпеть боль. Беглецы хотели поскорее укрыться в горах, но они приноравливали

ход своих коней к медленному шагу его лошади, отчасти из уважения к мужеству воина, отчасти восхищенные его волей к жизни.

Наступила ночь, и огромная желтая луна взошла над горами. Небо было совершенно ясным, ярко сияли звезды. А воины мечтали о темной ночи, о низких грозовых тучах — ведь в тени они могли надежнее спрятаться от преследователей. Но стояло полнолуние, и оставалось надеяться только на то, что горы их укроют прежде, чем тигры Пэн-Тэнга возьмут след и окровавленные клыки жутких зверей разорвут им глотки.

Элрик был мрачен и задумчив. Поначалу пришельцы из Дхарийора и Пэн-Тэнга займутся укреплением своей власти в завоеванной империи. Может, будут между ними размолвки, может, и нет. Однако в любом случае очень скоро они снова наберут силы, и немалые, и тогда станут уже угрожать другим народам Южного и Восточного континентов.

Но все это, хоть и омрачало грядущую судьбу всего мира, для Элрика значило весьма мало, ведь он до сих пор не знал, как добраться до Зарозинии... Он вспоминал предсказание мертвеца — часть уже сбылась. Ну и что с того? Он чувствовал, как его увлекают все дальше и дальше на запад, наверное, ему следует двигаться в глубь континента, туда, где за Джхаркором лежат пустынные, малонаселенные земли. Может статься, судьба ждет его именно там? Или похитители Зарозинии скрываются в тех местах?

За океаном битва закипела. И кровь прольется в битве той...

Так что же, пролилась эта кровь или еще нет? Что за *двойник тяжелой ноши*, который должен нести родич его, Дивим Слорм? Кто *тот, кто жить не должен*?

Может, разгадка тайны лежит в горах, куда они скачут?

Так ехали они под луной и наконец вышли к ущелью. Пройдя половину его, беглецы наткнулись на пещеру и устроились в ней на отдых.

Утром Элрика разбудил какой-то звук, идущий снаружи. Он поспешно схватил Несущий Бурю и подкрался к выходу из пещеры. То, что он увидел, заставило его вложить меч в ножны и тихо окликнуть поднимавшегося вверх по ущелью человека — еще одного беглеца из их разбитого войска:

— Сюда, герольд! Мы друзья!

Это был один из герольдов Иишаны. Его дорогой наряд разорван в клочья, доспехи смяты. Меч и шлем он потерял в сражении. Лицо юноши осунулось от усталости и отчаяния. Он вгляделся и вздохнул с облегчением, узнав Элрика.

— Властитель Элрик! А говорили, что вас убили в сражении.

— Я рад, если все этому поверили, может, перестанут преследовать. Заходи же.

Проснулись и остальные беглецы, все, кроме одного. Йеднпад-Джуизев умер ночью во сне. Орлон зевнул и толкнул ногой труп:

— Если мы не отыщем поскорее чего-нибудь пожрать, я, кажется, с удовольствием отведаю нашего мертвого приятеля.

Он глянул на Элрика, ожидая ответа на шутку, но, увидев выражение его лица, смутился и ушел в глубь пещеры, ворча себе что-то под нос.

Элрик прислонился к стене у входа.

— Какие новости у тебя? — спросил он.

— Черные вести, повелитель. От Шазара до Таркеша народы бедствуют, железо и огонь косят людей, как дьявольская коса. Мы окончательно разбиты. Лишь маленькие отряды продолжают безнадежную борьбу. Некоторые из наших даже поговаривают о том, чтобы сделаться разбойниками и грабить своих же, вот какие ужасные, отчаянные времена настали.

Элрик кивнул:

— Так всегда случается, когда союзник терпит поражение на чужой, пусть и дружественной земле. А что королева Иишана?

— Она умерла, повелитель. Закованная в броню, сражалась одна против двух дюжих мужчин, пока не погибла — тело ее разрублено на куски их мечами. А Саросто сберег ее голову, он присоединит ее к другим трофеям: так он хранит руки Карнарла, своего сводного брата, тот противился союзу с Пэн-Тэнгом, и глаза Пеника из Нарджессера, который поднял против него восстание. Теократ — Джагриин Лерн приказал, чтобы остальных пленников замучили до смерти и развесили на цепях по всем землям, как предостережение тем, кто вздумает бунтовать. Нечестивцы они оба, повелитель!

Элрик, стиснув зубы, слушал страшный рассказ. Ему уже стало ясно, что путь его лежит на запад — ведь завоеватели легко выследят приметного альбиноса, если он повернет назад. Элрик глянул на Дивима Слорма. Его имррирская рубашка была разодрана, левая рука покрыта засохшей кровью.

— Похоже, судьба нам идти на запад,— тихо сказал Элрик.

— Тогда поторопимся,— отвечал Дивим Слорм,— мне не терпится поскорее покончить со всем этим и выяснить, наконец, погибнем мы или выживем. Пока мы ничего не выиграли от встречи с врагом, только время потеряли.

— А я все-таки приобрел кое-что,— ответил Элрик, припомнив свою схватку с Джагриином Лерном.— Я узнал, что Джагриин Лерн действительно как-то связан с похищением моей жены. И если это подтвердится, я отомщу ему во что бы то ни стало.

— А теперь,— прервал его Дивим Слорм,— вперед, на запад!

4.

В этот день они углубились в горы, старательно избегая встреч с отрядами, посланными на их поимку завоевателями. Двое имррирцев покинули их, узнав, что вожди не просто уходят от погони, а чего-то ищут. Герольд отправился на юг, чтобы донести и туда печальные новости. Элрик, Дивим Слорм и Орлон остались втроем.

Братья не очень-то были довольны компанией Орлона, но пока мирились с его присутствием.

Однако через день Орлон исчез. Элрик и Дивим Слорм продвигались все дальше по узким горным тропам, минуя черные скалы, головокружительные ущелья.

В горах лежал снег, ослепительно яркий на фоне пронзительной черноты бездонных пропастей, тропинки стали скользкими и опасными. Однажды вечером горы расступились и открылся выход на широкую равнину. С трудом спустились путники к подножию гор, следы их, как шрамы, темнели на заснеженных склонах, от лошадей шел пар, дыхание людей стало белым.

Вдруг они заметили, что через равнину к ним скачет всадник. Одинокого воина не приходилось опасаться — поэтому они спокойно смотрели, как он приближался. К изумлению беглецов, всадником оказался Орлон, но теперь он был одет в новое платье из волчьих и оленьих шкур. Орлон дружески приветствовал братьев:

— Я искал вас. Видно, вы пошли более тяжелой дорогой, чем я.

— Откуда ты взялся? — спросил Элрик. Лицо его осунулось, скулы резко выделялись над запавшими щеками. Более чем когда-либо он походил на волка с пылающими алыми глазами. Беспокойство за судьбу Зарозинии терзало и мучило его душу.

— Здесь неподалеку есть селение. Пойдемте, я провожу вас.

Они последовали за Орлоном. Приближались сумерки, и заходящее солнце уже окрасило горы в алый цвет, когда они достигли противоположного края долины; здесь росло несколько берез, а за ними высились ели.

Орлон повел их прямо в эту рощу.

Они появились из тьмы внезапно, с боевым воплем — дюжина смуглых, одержимых ненавистью людей — ненавистью и еще чем-то. Руки в кольчужных рукавицах сжимали оружие. Судя по доспехам, это были люди Пэн-Тэнга. Должно быть, Орлона схватили и вынудили заманить Элрика и его брата в засаду.

Элрик поднял лошадь на дыбы и развернул ее.

— Орлон! Ты нас предал!

Но Орлон уже несся прочь. Лишь однажды он оглянулся через плечо, и бледное лицо его исказилось от мук предательства и стыда. Потом отвел глаза от Элрика и Дивима Слорма, нахмурился и, спустившись по влажному мшистому склону, исчез в завывающей ночной тьме.

Элрик снял с пояса Несущий Бурю, крепко сжал его рукоять, отбил удар усаженной гвоздями булавы — клинок скользнул вдоль оружия врага и отсек тому пальцы. Вскоре братья уже сражались в окружении. Несущий Бурю пронзительно звенел, выпевая дикую, беззаконную песнь смерти.

Но Элрик и Дивим Слорм были еще слабы: сказались жестокая битва и трудности сурового пути. Даже темного могущества Несущего Бурю не хватало, чтобы вдохнуть в Элрика новые силы. Властителя Мелнибоне охватил страх — нет, он не боялся врагов, ему страшно

было сейчас умереть или оказаться в плену вопреки воле Судьбы. Он чувствовал, что воины ведать не ведают о его провидческом даре, не знают они и о том, что ему, Элрику, не пришло еще время умереть.

И сражаясь, он думал о том, какая страшная ошибка вот-вот свершится...

— Ариох! — в ужасе воззвал он к богу-демону Мелнибоне.— Ариох! На помощь! Кровь и душу тебе отдаем!

Но непокорное существо не пожелало вмешиваться в людские дела.

Клинок Дивима Слорма вонзился в горло врага. Другие воины Пэн-Тэнга тут же кинулись на него, но отступили перед стремительной сталью. Дивим Слорм воскликнул:

— Зачем нам такой капризный бог?

— Может, он решил, что наш час настал! — отвечал Элрик, а меч его унес еще одну человеческую жизнь.

Быстро теряя силы, они продолжали отчаянно сражаться, но тут сквозь звон оружия послышался новый звук — скрип колесниц и низкие стонущие крики.

И красивые чернокожие люди с тонкими губами ворвались в схватку и обрушились на растерявшихся воинов Пэн-Тэнга. Их великолепные тела были полуобнажены, плащи из белого лисьего меха развевались за спинами, а дротики с ужасающей точностью поражали врагов.

Элрик убрал в ножны меч, но готов был тут же снова вступить в сражение или бежать.

— Это он — вон тот, с белым лицом! — крикнул чернокожий возничий, разглядев Элрика. Колесницы остановились, огромные кони били копытами и храпели. Элрик подъехал к предводителю своих спасителей.

— Я благодарен вам,— сказал он, чуть не падая с седла от усталости. Его поникшие от изнеможения плечи склонились в поклоне.— Похоже, вы знаете меня, вы уже третий человек здесь, который знает меня в лицо, но сам мне незнаком.

Предводитель запахнул на обнаженной груди лисий плащ, на его тонких губах появилась улыбка:

— Мое имя Сепириц, и вскоре ты хорошо узнаешь меня. Ну, а о тебе нам ведомо уже много тысяч лет. Ведь ты — Элрик, последний король Мелнибоне, не так ли?

— Верно.

— А ты,— Сепириц обратился к Дивиму Слорму,— двоюродный брат Элрика. Вы двое — последние наследники по прямой линии властителей Мелнибоне.

— Ты прав,— согласился Дивим Слорм, и в глазах его засветилось любопытство.

— Мы ждали, что вы пойдете этой дорогой. Существует пророчество...

— Так это вы похитили Зарозинию? — Элрик потянулся за мечом.

Сепириц покачал головой.

— Нет, но мы можем сказать тебе, где она. Успокойся. Хотя я понимаю, как ты страдаешь, лучше я объясню тебе все позже, когда мы будем в наших владениях.

— Сначала скажите, кто вы,— потребовал Элрик.

Сепириц слегка улыбнулся:

— Я думаю, ты знаешь нас или, по крайней мере, слышал о нас. Наше племя и твои предки дружили на заре Пресветлой Империи.— Он немного помолчал и продолжил: — Слышал ли ты когда-нибудь, возможно, в Имррире, легенду о Десятерых из горы? Десятерых, что спят в огненной горе?

— И не однажды,— у Элрика перехватило дыхание.— Теперь я узнаю вас по описаниям. Но в легенде сказано, что вы веками спите в огненной горе. Почему же теперь вы скитаетесь вдали от своего пристанища?

— Извержение вулкана, в котором мы спали две тысячи лет, пробудило нас. По всей земле природа взбунтовалась. И мы поняли, что снова пришло нам время проснуться. Мы всегда были служителями Судьбы, а наше предназначение тесно связано с твоей судьбой. Мы несем тебе послание от похитителя Зарозинии и еще одно — от иных сил. Пойдешь ли ты сейчас с нами, в Бездну Нихрена, чтобы узнать все, что мы хотим тебе передать?

Секунду Элрик размышлял, потом поднял белое лицо и сказал:

— Я тороплюсь свершить месть, Сепириц. Но если то, что ты скажешь, поможет мне отомстить, я пойду с тобой.

— Тогда едем! — Чернокожий гигант дернул вожжи и развернул свою колесницу.

Целый день и всю ночь ехали они к Бездне Нихрена — огромному разлому в горах. Обычно все избегали этого места: для жителей гор ущелье было связано со сверхъестественными силами.

Властители Нихрена молчали почти всю дорогу, но вот они достигли Бездны и по крутой тропинке направили колесницы в темные глубины провала.

Через полмили дневной свет полностью исчез, но впереди виднелись мерцающие огни, вырывавшие из тьмы то очертания подземной высоченной стены, то обрыв в скальном массиве. Все ниже спускались всадники и колесницы и наконец ясно увидели страшный город Нихрен — вот уже много столетий ничей посторонний взгляд не касался его стен.

Теперь его населяли последние обитатели Нихрена, десять бессмертных, принадлежащих к расе, еще более древней, чем Мелнибоне: ее история насчитывала двадцать тысячелетий.

Огромные колонны вздымались над ними, много веков назад вырубленные из живой скальной породы, гигантские статуи и широкие многоярусные террасы. Окна в сотню футов высотой и просторные лестницы, высеченные на склонах бездны. Десятеро направили желтые колесницы через могучие врата в пещеры Нихрена, стены которых были украшены таинственными символами и еще более странными картинами. Рабы, пробудившиеся от многовекового сна, чтобы служить своим господам, выбежали им навстречу.

Даже они не очень походили на людей, которых Элрик знал на земле.

Сепириц бросил вожжи прислужнику, а Элрик и Дивим Слорм спешились, с благоговением и страхом оглядываясь по сторонам. Сепириц сказал:

— А теперь — в мои покои, там я сообщу вам то, что вы хотите узнать, и то, что вы должны исполнить.

Вслед за Сепирицем братья торопливо прошли через галереи в большой зал, уставленный темными статуями. Несколько пылающих светильников освещали покои. Сепириц опустился в кресло и предложил братьям сесть на два таких же сиденья, вырезанных из огромных стволов черного дерева. Когда все расселись вокруг огня, Сепириц глубоко вздохнул и обвел взглядом зал, будто припоминая его давнюю историю.

Немного раздраженный его рассеянным видом, Элрик нетерпеливо заметил:

— Прости меня, Сепириц, но ты обещал сообщить нам нечто.

— Да, но мне предстоит рассказать вам столь многое, что надо собраться с мыслями.— Он поудобнее устроился в кресле.— Мы знаем, где твоя жена,— начал он наконец.— Знаем и то, что она в безопасности. Ей не причинят вреда, ведь ее должны обменять на нечто, что есть у тебя.

— Тогда расскажи мне все,— холодно потребовал Элрик.

— Мы дружили с твоими предками, Элрик, и мы дружили с теми, кто был до них и кто выковал клинок, который висит у тебя на поясе.

Несмотря на тревогу за жену, Элрик заинтересовался. Долгие годы он пытался отделаться от зловещего оружия, но тщетно. Все его попытки оказались неудачными, и до сих пор он вынужден был носить меч, хотя силу ему теперь давали скорее снадобья, чем колдовской клинок.

— Ты готов избавиться от своего меча, Элрик? — спросил Сепириц.

— Да, это всем известно.

— Тогда послушай легенду. Мы знаем, для кого и для чего был выкован этот клинок и его двойник. Им было предначертано особое назначение, и не обычные люди должны были ими владеть. Только мелнибонийцу, да и то лишь королевского происхождения, дано носить такой меч.

— Но в наших сказаниях и легендах нет и намека на какое-то особое предназначение мечей,— сказал Элрик, склонившись к собеседнику.

— Некоторые знания лучше хранить в глубокой тайне,— спокойно ответил Сепириц.— Эти мечи выкованы на погибель могущественным существам. И среди прочих они должны сразить Мертвых Богов.

— Мертвые Боги?! Но ты же сам понимаешь, одно их имя уже означает, что они сгинули много веков назад.

— Они и «сгинули», как ты сказал. С человеческой точки зрения,

мертвы. Они предпочли избавиться от плотской оболочки, а жизненную суть бросили в мглу бесконечности — в те дни они были объяты страхом.

Элрик не очень-то понимал рассказ Сепирица, но принял на веру его слова и продолжал внимательно слушать.

— Один из них вернулся,— сказал Сепириц.

— Зачем?

— Ему надо любой ценой раздобыть две вещи, которые наводят ужас на него и ему подобных богов. Где бы ни находились Мертвые Боги, они все еще могут пострадать от этих вещей.

— И эти вещи?..

— Их земное воплощение — два испещренных древними рунами меча — Несущий Бурю и Клинок Плача.

— Этот! — Элрик коснулся рукой меча.— Но почему боги боятся его? А второй отправился в Лимб, сумрачное Ничто, вместе с моим двоюродным братом Иркуном, я убил его много лет назад. А меч затерялся.

— Не совсем так. Мы нашли его — это часть нашего служения Судьбе. Меч здесь, в Нихрене. Клинки были выкованы для ваших предков, с их помощью удалось заставить Мертвых Богов отступить. А создали их нечеловеческие кузнецы, которые тоже враждовали с Мертвыми Богами. Эти кузнецы были вынуждены злом бороться против зла, хотя сами они служили Закону, а не Хаосу. У выкованных ими мечей было много предназначений; избавить мир от Мертвых Богов — лишь одно из них.

— А другие предназначения?

— Вы узнаете о них, когда придет время, ведь наша дружба не закончится раньше, чем будет исполнено все, что начертано Судьбой. Мы вынуждены скрывать остальные предназначения мечей до назначенного времени. Тебе предстоит трудная судьба, и я ей не завидую.

— А какое у тебя послание ко мне? — нетерпеливо спросил Элрик.

— Благодаря смуте, затеянной Джагриином Лерном, один из Мертвых Богов, Дарнизхаан, смог вернуться на Землю, я уже говорил это. Он собрал своих приспешников. Они и похитили твою жену.

Элрик почувствовал, как глубокое отчаяние охватило его душу. Разве под силу ему принять вызов таких врагов?!

— Но зачем? — тихо спросил он.

— Дарнизхаан знает, что значит для тебя Зарозиния. И надеется обменять ее на мечи. А мы тут просто посланники и обязаны отдать тот клинок, что храним у себя, тебе или Дивиму Слорму — ведь оба меча по праву принадлежат наследникам королей. Требования Дарнизхаана очень просты. Он убьет Зарозинию, отправит ее в Лимб, если ты не отдашь ему мечи, которые угрожают его существованию. А смерть ее будет не обычной, не такой, как ее понимают на земле: Зарозинию ждет мучительный и безвозвратный конец.

— А если я соглашусь выполнить его требование, что произойдет тогда?

— Тогда вернутся все Мертвые Боги. Их удерживает в небытии лишь сила заговоренных клинков!

— А что будет, когда вернутся Мертвые Боги?

— Даже без них Хаос угрожает всей планете, а с возвращением Мертвых Богов он мгновенно станет непобедимым и неотвратимым. В мире воцарится зло. Хаос превратит Землю в зловонный ад, где будет беспредельна власть ужаса и разрушения. Ты уже ощутил горький вкус происходящих событий, а ведь Дарнизхаан вернулся совсем недавно.

— Ты говоришь о разгроме войск Иишаны и победе Саросто и Джагриина Лерна?

— Конечно. Джагриин Лерн заключил договор с Хаосом, со всеми Повелителями Хаоса, не только с Мертвыми Богами, ведь Хаос боится того, что Судьба уготовила нашей планете в будущем, а потому пытается нарушить предначертания, завоевав власть над планетой. Повелители Хаоса достаточно сильны и без помощи Мертвых Богов. Дарнизхаан должен быть уничтожен.

— У меня нет выбора, Сепириц. Если я отдам Несущий Бурю, я сам, возможно, и выживу на травах и снадобьях. Но если я действительно решу отдать его в обмен на Зарозинию, Хаос наберет полную силу, и на моей совести будет страшное преступление.

— Только тебе дано сделать этот выбор.

Элрик задумался, но так и не нашел ответа.

— Принесите другой меч,— велел он наконец.

Сепириц вскоре вернулся с огромным мечом, мало чем отличавшимся от Несущего Бурю. Клинок был спрятан в ножны.

— Итак, Элрик, теперь пророчество стало ясным? — спросил Сепириц, все еще держа Клинок Плача.

— Да, вот двойник того, что ношу я. Но конец пророчества — куда мы должны идти?

— Сейчас я скажу тебе. Хотя Мертвые Боги и прочие силы Хаоса знают, что второй меч у нас, им неведомо, кому мы служим. Наш повелитель — Судьба, и она соткала такое будущее для Земли, изменить которое трудно. Трудно, но возможно, и нам выпало охранять будущее от зла и обмана. Ты готов подвергнуться испытанию? Как ты пройдешь его, каков будет твой выбор — это и решит, что мы сможем еще сказать тебе, когда ты вернешься в Нихрен.

— Ты думаешь, я вернусь сюда?

— Да.

— Дай мне Клинок Плача,— быстро сказал Элрик.

Сепириц отдал ему меч, теперь в каждой руке Элрик держал по клинку, будто сравнивая их или взвешивая.

Мечи-близнецы словно бы постанывали, узнавая друг друга, их удвоенная сила протекала сквозь тело, и оно казалось сотворенным из твердого, как сталь клинка, пламени.

— Теперь, когда я держу сразу два меча, я понял, что сила их гораздо больше, чем я думал. Когда они вместе, им присуще одно свойство, которое мы можем использовать против Мертвых Богов,— он нахмурился.— Однако об этом поговорим позже.—

Элрик пронзительно глянул на Сепирица: — А теперь скажи мне, где Дарнизхаан?

— В долине Ксаниав, что в Миирне.

Элрик протянул Клинок Плача Дивиму Слорму, и тот радостно принял его.

— И каков же твой выбор? — спросил Сепириц.

— Кто знает? — с каким-то горьким весельем отвечал Элрик.— Может, существует способ победить этих Мертвых Богов... Попомни мои слова, Сепириц, если только смогу, я заставлю этого бога жестоко пожалеть о своем возвращении, ведь он посмел сделать то, что единственно способно по-настоящему разъярить меня. А ярость Элрика из Мелнибоне и его меч Несущий Бурю могут разрушить мир!

Сепириц медленно поднялся, брови его поползли вверх:

— А богов, Элрик, можешь ли ты уничтожить богов?

5.

Элрик ехал на огромном нихренском коне, его исхудавшая прямая фигура немного напоминала самое обыкновенное пугало. Мрачное лицо превратилось в маску, хорошо скрывающую все чувства, а алые, глубоко запавшие глаза горели, как угли. Ветер лохматил волосы, он застыл в седле, взгляд устремлен вперед, рука сжимает рукоять Несущего Бурю.

Случайно Дивим Слорм, с гордостью и опаской носивший Клинок Плача, услышал, как его меч что-то тихо нашептывает своему близнецу, и почувствовал, как колдовское оружие дрожит у него на поясе. Он задумался над тем, что меч может сделать ему, чем одарить и что потребовать взамен. И с тех пор Дивим Слорм старался держать руки как можно дальше от Клинка Плача.

Невдалеке от границ Миирна отряд наемников, бывших джхаркорианских воинов, вставших под знамена завоевателей, напал на братьев. Гнусные болваны, им следовало бы хорошенько подумать, прежде чем становиться на пути у Элрика. Скаля зубы в мерзких усмешках, наемники направили коней к двум путникам. Черные плюмажи покачивались над шлемами, поскрипывали новенькие пояса на доспехах, звенел металл. Их предводитель, косоглазый буян и задира с боевым топором у пояса, остановил коня прямо перед Элриком.

Подчиняясь воле хозяина, замер и конь Элрика. Не меняя выражения лица, точным кошачьим движением Элрик обнажил Несущий Бурю. Дивим Слорм последовал его примеру, не сводя глаз с молча ухмыляющихся врагов. Его только удивило, как легко выскользнул клинок из ножен.

А затем, без единого слова, Элрик ринулся в бой.

Сражался он, как заводная кукла — быстро, умело, равнодушно. Одним ударом разрубил предводителя до пояса, тщательно отмеренное движение — и черный металл доспехов распался, обнажив разорванную плоть. С тихим всхлипом предводитель умер, его сразу

обессилевшее тело упало на спину коня, потом соскользнуло вниз, но одна нога, запутавшись в стремени, высоко задралась.

Несущий Бурю громко замурлыкал от наслаждения. Элрик и его смертоносный клинок равнодушно уничтожали вражеских воинов, будто те были безоружны и закованы в цепи, пощады ждать им не приходилось.

Дивим Слорм, не привычный к полуодушевленному Клинку Плача, попытался сражаться им как обычным оружием, но колдовской меч сам двигал его рукой, нанося более искусные удары, чем его владелец. Ощущение необыкновенной силы, одновременно сладкое и леденящее, переполняло Дивима Слорма, он услышал собственный ликующий крик и вдруг понял, что чувствовали в бою его предки.

Схватка закончилась быстро: оставив на земле бездыханные тела, братья двинулись дальше и вскоре достигли Миирна. Теперь оба меча-близнеца были одинаково обагрены кровью.

Элрик уже мог думать и действовать последовательно, но еще был не в состоянии болтать о пустяках, а Дивим Слорм огорчался, что Элрик сам не попросил его о помощи.

Мысленно Элрик сопоставлял и обдумывал прошлое, настоящее и будущее, пытаясь составить из них нечто целое. Вообще-то он не доверял слишком определенным формам бытия, выверенным построениям. Для него жизнь была хаотична, непредсказуема, и управлял ею случай. Попытаться ее упорядочить означало для него сотворить некий мираж.

Знал он немного, а судить не мог ни о чем.

Он знал, что носит меч, с которым просто не может да и не хочет расстаться. Это, конечно, было слабостью с его стороны, быть может, сказывался недостаток уверенности в себе или в неизменности причин и следствий в мире. А Элрик считал себя разумным и рассудительным.

Они ехали сквозь холодный ночной мрак, и злой ветер хлестал им в спины. А когда приблизились к долине Ксаниав, небо и земля, даже сам воздух наполнились вдруг мощной, рвущейся музыкой. Мелодичные, сладостные и величественные аккорды то взмывали вверх на недостижимую высоту, то обрушивались вниз, и тут появились белолицые.

На каждом — черная мантия с капюшоном и меч, разделяющийся на три загнутых зубца. На лицах застыла ухмылка. Музыка сопровождала их стремительный бег, они неслись к братьям, как безумцы, а те застыли в седлах, крепко сжимая поводья, с трудом подавляя желание развернуть коней и бежать. Элрик навидался в жизни кошмаров; то, что он видел, многих свело бы с ума, но это зрелище потрясло его сильнее всего. Они были обыкновенные на первый взгляд люди, но словно одержимые злым духом.

Элрик и Дивим Слорм обнажили мечи, приготовившись защищаться, и ждали схватки, но ничего не произошло. И музыка, и люди пронеслись мимо и исчезли в той стороне, откуда пришли братья.

И тут вдруг над головой они услышали хлопанье крыльев, пронзительный крик и жуткий вопль. Мимо братьев пробежали две женщины.

Элрик с тревогой узнал в них представительниц крылатого народа Миирна, но крыльев у них не было. Похоже, кто-то их старательно отрубил. Женщины промчались мимо братьев, не обратив на них внимания, и исчезли в ночи, глаза их ничего не видели, на лицах — печаль безумия.

— Что происходит, Элрик? — крикнул Дивим Слорм, убирая меч в ножны и сдерживая коня.

— Не знаю. А что может происходить там, где вернулись к власти Мертвые Боги?

Вокруг стоял крик и растерянный шум, ночь переполняли суета и волнение, ужас и страх.

— Вперед!

Элрик ударил коня мечом, пустил его в галоп, и они помчались навстречу чудовищной ночи. Когда двигались меж холмов в долину Ксаниав, их приветствовал чей-то властный смех. Долина была покрыта мраком, дышала опасностью и угрозой: казалось, даже холмы ожили. Братья поехали медленнее, плохо понимая, куда едут. Элрик вынужден был окликнуть Дивима Слорма — хотел убедиться, что тот рядом. И снова в ответ из тьмы прогремел смех, эхом рассыпаясь по холмам, от него дрожала сама земля. Будто вся планета насмешливо хохотала, издеваясь над попыткой слабых и жалких людишек преодолеть страхи и войти в Долину Ужаса.

Элрик начал сомневаться: быть может, его предали и они в ловушке, подстроенной Мертвыми Богами? Где доказательства, что Зарозиния здесь? Зачем он доверился Сепирицу? Что-то скользнуло по ноге, и Элрик опустил руку на рукоять меча, готовый мгновенно обнажить оружие.

Но тут впереди с земли поднялась огромная фигура, преградив им дорогу. Она уходила высоко в темное небо, руки на бедрах, лицо обезьяны, над которым поработал мастер, стараясь придать чертам дикое величие и благородство; свет и цвет переливались и играли на могучем теле, окутанном золотистой дымкой, мудрая и сладостная улыбка на губах — Дарнизхаан, Мертвый Бог!

— Элрик!

— Дарнизхаан! — яростно крикнул Элрик, запрокидывая голову, чтобы разглядеть лицо бога: теперь он уже не испытывал страха.— Я пришел за женой!

У ног Мертвого Бога появились прислужники с толстыми губами и бледными треугольными лицами, головы их украшали конические шапки, а в глазах светилось безумие. Они хихикали, взвизгивали и тряслись в лучах великолепного и чудовищного тела Дарнизхаана; они бормотали и кривлялись, передразнивая братьев, но не отходили от ног своего повелителя.

Элрик усмехнулся.

— Выродки, жалкие твари,— бросил он.

— Однако не такие жалкие, как ты, Элрик из Мелнибоне,— рассмеялся Мертвый Бог.— Ты пришел сюда, чтобы совершить обмен или отдашь душу жены мне? А уж я постараюсь, чтобы умирала она целую вечность!

Элрик не позволил ненависти выплеснуться и отразиться на лице:

— Я бы уничтожил тебя, мне больше всего хочется этого. Но...

Мертвый Бог улыбнулся почти с жалостью:

— Не меня, а тебя следует уничтожить, Элрик. Ты пережиток прошлого. Твое время ушло.

— Позаботься лучше о себе, Дарнизхаан!

— Я мог бы уничтожить тебя!

— Но ты не сделаешь этого.

Несмотря на бешеную ненависть, Элрик вдруг ощутил еще и странно волнующее чувство близости к Мертвому Богу. Оба они пришли из века ушедшего, ни один из них не стал частью новой земли.

— Тогда я уничтожу ее,— сказал Мертвый Бог.— Это я могу сделать безнаказанно.

— Зарозфния! Где она?

И опять властный хохот Дарнизхаана потряс долину Ксаниав.

— До чего же дошел древний народ! В былые времена ни один мелнибониец, тем более королевского рода, не позволил бы себе заботиться о душе другого смертного, особенно если это существо низшей, новой расы, которую вы называете людьми Века Юных Королевств. Что это? Вы дружите со скотами, король Мелнибоне? Где же ваша хваленая кровь, ваша блистательная и жестокая кровь? Где прославленная злость? Где воплощенное зло, Элрик?

Странные чувства кипели в душе Элрика, когда перед его внутренним взором встали тени его предшественников, магов-императоров Острова Драконов. Он понял, что Мертвый Бог сознательно будит в нем эти ощущения и с трудом заставил себя преодолеть их.

— Все это в прошлом,— крикнул Элрик,— на Земле теперь иные, новые времена. Наше время скоро истечет, а твое уже кончилось!

— Нет, Элрик. Что бы ни случилось, запомни мои слова. Заря уже погасла, скоро время заметет ее следы, как предутренний ветер сметает опавшие листья. История Земли еще не начиналась. Вы сами, ваши предки, все эти новые народы — просто вступление к настоящей истории. Вас всех забудут, если начнется настоящая история. Но мы можем избежать этого, можем выжить, захватить Землю и отвоевать ее у Повелителей Закона, у самой Судьбы, у Космического Равновесия. Мы можем продлить свое существование, но для этого ты должен отдать мне мечи!

— Мне трудно понять тебя,— отвечал Элрик. От напряжения губы его превратились в тонкую линию, зубы скрипнули.— Я здесь для того, чтобы совершить обмен или сражаться за жену.

— Ты не понимаешь! — расхохотался Мертвый Бог.— Все мы, боги и люди, всего лишь тени, куклы, играющие свои роли, а настоящая пьеса будет потом, после нас. Тебе лучше бы сражаться не против меня, а на моей стороне, ведь я знаю правду. У нас общая судьба. Мы, все мы, не существуем. Старое племя погибнет, все — ты, я, мои братья,— если только ты не отдашь мне мечи. Мы не должны бороться друг с другом. Раздели же с нами ужас

наших знаний, знаний, которые превращают нас в безумцев. Нет ничего, Элрик,— ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Мы не существуем, никто из нас не существует!

Элрик покачал головой:

— Я все еще не понимаю тебя. И не стал бы разбираться, даже если б смог это сделать. Я хочу только вернуть жену — и никаких темных загадок, сбивающих с толку головоломок.

Дарнизхаан снова рассмеялся:

— Нет! Ты не получишь свою жену, пока мечи не окажутся в наших руках. Ты не осознаешь их предназначения. Они созданы не для того, чтобы уничтожить или изгнать нас, их цель — уничтожить тот мир, который мы знаем. Если ты не отдашь это оружие, ты будешь виноват в том, что память о нас и о тебе самом исчезнет, само имя твое изгладится в памяти тех, кто придет следом за тобой.

— Я принимаю эту судьбу,— ответил Элрик.

Дивим Слорм молчал, но не мог согласиться с братом. Он склонен был поверить словам Мертвого Бога.

Дарнизхаан встряхнулся всем телом, так что золотистый свет засверкал и на мгновение еще ярче озарил окрестности.

— Не отдашь мечи — все мы уйдем в небытие, как будто нас никогда не было на земле,— нетерпеливо сказал он.

— Пусть будет так,— упрямо повторил Элрик,— неужели вы думаете, я очень хочу сохранить память о нашем времени — память о злобе, гибели и разрушениях? Память о человеке с порченой кровью, о человеке, прозванном Убийцей Друзей, Убийцей Женщин, и о многих ему подобных?

Дарнизхаан в ужасе пытался образумить его.

— Элрик! Тебя обманули! Тебя где-то наделили совестью. А ведь ты должен быть с нами! Мы выживем, только если Повелители Хаоса возьмут власть и установят господство над миром. Если они потерпят поражение, мы будем стерты с лица земли и из памяти поколений!

— Прекрасно!

— Лимб, Элрик, Лимб! Ты понимаешь, что это значит?

— Не имеет значения. Где моя жена?

Элрик заставил себя не думать об истинном положении вещей, не думать о кошмаре, который предрекал Мертвый Бог. Он не мог себе позволить вслушиваться в слова Дарнизхаана или осознавать их. Он должен был спасти Зарозинию.

— Я принес оба меча,— сказал он,— и хочу, чтобы мне вернули жену.

— Очень хорошо,— с облегчением улыбнулся Мертвый Бог.— В конце концов, если у нас будут мечи в их подлинном виде и нам удастся сохранить их вдали от Земли, мы всегда сможем снова овладеть миром. В твоих же руках они могут разрушить не только нас, но и тебя, твой мир, все, что ты представляешь. Звери будут править планетой миллионы лет, прежде чем снова наступит эра разума. И эта эра будет гораздо более длительной и тусклой, чем

твоя. Мы не хотим, чтобы она настала. Но если б ты не отдал мечи, ее наступление стало бы почти неизбежным!

— О, замолчи! — крикнул Элрик.— Для бога ты говоришь слишком много. Возьми мечи и верни мне жену!

По знаку Мертвого Бога несколько его прислужников куда-то убежали. Элрик видел, как их блестящие тела растворились во мраке. Он с тревогой ждал. Наконец они возвратились, неся сопротивляющуюся Зарозинию. Ее опустили на землю, и Элрик увидел на ее лице отпечаток перенесенного кошмара: взгляд у девушки был бессмыслен.

— Зарозиния!

Блуждающий взгляд ее заметался, пока глаза не остановились на Элрике. Тогда она попыталась подползти к нему, но прислужники, хихикая, отпихнули ее. Дарнизхаан протянул к братьям две гигантские пылающие руки:

— Сначала мечи!

Элрик и Дивим Слорм отдали ему клинки. Мертвый Бог выпрямился, сжимая драгоценную добычу и громогласно выражая радость. Зарозинию отпустили. Рыдая и дрожа, она бросилась к мужу, вцепилась в его руку. Элрик, наклонившись, гладил ее по волосам, слишком взволнованный, чтобы говорить.

Потом обернулся к Дивиму Слорму и крикнул:

— Посмотрим, сработает ли наша задумка!

Элрик пристально взглянул на свой меч, корчившийся в руке Дарнизхаана:

— *Несущий Бурю! Керана солием, о'глара...*

Дивим Слорм тоже воззвал к Клинку Плача на древнем наречии Мелнибоне, тайном магическом языке, на котором говорили руны древних колдунов и вызывались демоны все десять тысячелетий, что существовала империя Мелнибоне.

Братья управляли мечами, будто сжимали их в руках: выкрикивая приказы, Элрик и Дивим Слорм начали бой. Это было забытое свойство колдовских клинков, которое проявлялось, лишь когда они бились рядом. Мечи извивались в светящихся руках Дарнизхаана. От отступал, тело его принимало различные очертания, то человека, то животных, а то и вовсе неземные. Он был в ужасе, этот древний бог.

Наконец клинки вырвались из сжимавших их гигантских рук и обратились против Мертвого Бога. Дарнизхаан сражался отчаянно, отбиваясь от ударов пляшущих в воздухе мечей, а они, злобно и торжествующе подвывая, с упрямой бешеной силой снова и снова обрушивались на врага. По приказу Элрика Несущий Бурю наносил чудовищные удары по божественному телу, Клинок Плача следовал ему, повинуясь Дивиму Слорму. Покрытое древними рунами колдовское оружие оставляло страшные раны на теле бога.

— Элрик! — взывал Дарнизхаан.— Элрик, ты сам не понимаешь, что делаешь! Останови их! Останови их! Ты должен был понять меня! Останови их!

Но ненависть и злоба Элрика понуждали мечи раз за разом поражать светящуюся плоть Мертвого Бога, его тело дрожало и менялось, краски поблекли, мерцающая красота потускнела. Прислужники исчезли во мгле долины, убежденные, что хозяин погиб. Да он и сам в этом не сомневался. Бог наклонился к всадникам, его плоть стала рассыпаться под ударами мечей, от нее отлетали куски и исчезали, поглощенные непроглядной ночной мглой.

Свирепо и яростно подгонял Элрик клинки, и Дивим Слорм присоединил свой голос к его торжествующему кличу при виде распадающегося сверкающего существа.

— Дураки! — визжал умирающий.— Уничтожая меня, вы уничтожаете себя!

Но Элрик не слушал его, и наконец от Мертвого Бога ничего не осталось. Удовлетворенные мечи, насытившись, вернулись к хозяевам.

Элрик, внезапно вздрогнув, быстро убрал меч в ножны.

Он спе́шился и помог сесть на коня юной жене, потом и сам вскочил в седло. Очень тихо было в долине Ксаниав.

6.

Через несколько дней трое людей, ссутулившихся в седлах от изнеможения, достигли Бездны Нихрена. Они спустились по изогнутым тропинкам в темные глубины скального города, вырубленного в толще гор, где их встретил Сепириц. Лицо его было строгим, но слова звучали ободряюще.

— Итак, ты победил, Элрик,— сказал он, слегка улыбаясь.

Элрик молча спешился, помог сойти на землю Зарозинии. Потом обернулся к Сепирицу.

— Я совсем не рад тому, что произошло, хотя должен был сделать это, чтобы спасти жену. Мне надо поговорить с тобой, Сепириц.

Черный нихренианин спокойно кивнул.

— Сначала поедим,— сказал он,— а потом потолкуем наедине.

Они устало прошли по галереям, отмечая, что жизнь в городе оживилась, но нигде не было и следа девяти братьев Сепирица. Он объяснил их отсутствие, провожая путников в покои.

— Они ведь слуги Судьбы и теперь призваны в смежное пространство. Оттуда можно разглядеть сразу несколько возможных путей развития нашей Земли, и братья передают мне, что я должен делать здесь.

Они вошли в покои Сепирица и увидели, что стол уже накрыт. После того, как голод был утолен, Дивим Слорм и Зарозиния оставили Элрика вдвоем с нихренианином.

В большом очаге пылал огонь. Молча, сгорбившись в креслах, сидели Элрик и Сепириц в пустых покоях.

Наконец без всяких пояснений Элрик рассказал Сепирицу, что произошло, потом припомнил слова Мертвого Бога, так взволновавшие, даже поразившие его до глубины души очевидной истиной.

Когда он закончил, Сепириц кивнул.

— Так и есть,— сказал он,— Дарнизхаан сказал правду. Или, вернее, почти всю правду, как он ее понимал.

— Ты хочешь сказать, что мы все скоро прекратим свое существование? И дальше все будет, как если бы мы никогда не жили, не думали, не сражались?

— Примерно так.

— Но почему? Ведь это несправедливо!

— А кто тебе сказал, что мир должен быть справедливым?

Элрик улыбнулся, его собственные предположения подтвердились.

— Верно, и я так думал: справедливости нет.

— Но она есть,— возразил Сепириц,— особая справедливость, ее надо извлечь из хаоса бытия. Человек родился в мире, где нет справедливости, но он может создать иной мир!

— Я согласен с этим,— кивнул Элрик,— но чего стоят наши стремления, если сами мы обречены на гибель, и все, сделанное нами, тоже исчезнет без следа?

— Это не совсем так. Кое-что останется. Те, кто придет после нас, кое-что от нас унаследуют.

— Что же это?

— Землю, освобожденную от главных сил Хаоса.

— Ты имеешь в виду, свободную от колдовства?

— Нет, колдовство останется, но Хаос и колдовство уже не будут властвовать над миром грядущего так, как они царят в нашем мире.

— Значит, нам есть ради чего сражаться, Сепириц,— почти с облегчением вздохнул Элрик.— Но какое место в общей картине мира занимают наши мечи?

— У них два предназначения. Первое — избавить мир от беспредельного владычества сил зла...

— Но ведь они сами носители зла!

— Конечно. Лишь более могущественное зло может победить зло. Грядущие дни наступят тогда, когда силы добра превзойдут силы зла. А пока они еще слишком слабы. Я уже сказал тебе, что за это еще предстоит сразиться...

— А другое предназначение мечей?

— Это их конечная цель — и твоя судьба. Теперь я могу тебе сказать все. Теперь я должен сказать — или оставить тебя один на один с неизвестной судьбой.

— Тогда говори,— нетерпеливо бросил Элрик.

— Их последняя цель — уничтожить этот мир!

Элрик вскочил:

— Нет, Сепириц, нет! Я не могу в это поверить. Неужели я должен взять на себя такое преступление?

— Это не преступление, это естественный ход вещей. Время Пресветлой Империи и век Юных Королевств близятся к завершению. Хаос создал эту землю, и целую вечность Хаос правил на ней. Люди появились здесь для того, чтобы положить конец его владычеству.

— Но мои предки поклонялись силам Хаоса. Мой демон-покровитель Ариох, Князь Тьмы,— один из главных владык Хаоса!

— Да, так оно и есть. Но ты и твои предки — еще не настоящие люди, вы — промежуточная раса, созданная с определенной целью. Вы понимаете Хаос так, как истинные люди никогда бы не смогли. Вы можете даже управлять силами Хаоса, что совершенно недоступно для обыкновенного человека. Вы можете ослабить силы Хаоса — ведь вы знаете его свойства. Ослабить силы Хаоса — для этого вы и были созданы. Поклоняясь владыкам Хаоса и Зла, ваша раса тем не менее впервые создала на земле некоторый порядок. Народы Юных Королевств унаследовали от вас эту способность и укрепили начала Закона на планете. Но и сегодня Хаос гораздо сильнее Закона. И колдовские мечи с вырезанными на них рунами, Клинок Плача и Несущий Бурю, и новый, более упорядоченный век, и соединенная мудрость твоего и моего народов — все это, вместе взятое, закладывает основу для будущего, для начала настоящей истории человечества. Она начнется через многие и многие тысячелетия и у истока своего будет очень примитивной, новые люди окажутся поначалу, возможно, более похожи на зверей, но они смогут развиваться, и когда человек, настоящий человек, придет в наш мир, он уже будет очищен от самых могучих сил Хаоса. И у людей появится надежда выиграть сражение. Мы все обречены, но они должны выжить!

— Значит, вот что имел в виду Дарнизхаан, когда говорил, что все мы лишь куклы, играющие жалкие роли, пока не началась настоящая пьеса...

Элрик глубоко вздохнул. Тяжек был груз ответственности, возложенной на его плечи. Он не радовался ей, но принял безропотно.

Сепириц мягко произнес:

— Ведь это твое предназначение, Элрик из Мелнибоне. До сих пор твоя жизнь была сравнительно бессмысленной. И все годы ты пытался найти цель своего существования, не так ли?

— Да,— с легкой улыбкой согласился Элрик.— Я не знал отдыха много лет, почти со дня рождения, ну а после похищения Зарозинии и до сего дня мне тем более было не до отдыха.

— Так и должно быть,— подтвердил Сепириц,— ведь у тебя есть предназначение — предназначение Судьбы. И ты предчувствовал его все эти годы жизни обычного смертного. Ты, последний из королевского рода Мелнибоне, должен исполнить предначертанное тебе, и время для исполнения велений Судьбы грядет, оно уже близко. Мир затягивает мгла, природа восстает и бунтует, оскорбленная Владыками Хаоса. Вскипают океаны и трепещут леса, тысячи проснувшихся гор изрыгают пылающую лаву, ветры воют от мучительной злобы, бурлят небеса. А на лике земном кипят сражения, воины столкнулись в битвах, которым дано решить судьбу мира,— ибо эта борьба есть лишь отражение вражды могущественных богов. Только на этом континенте миллионами гибнут на погребальных кострах женщины и маленькие дети. А скоро война перекинется на

другой континент, потом на следующий. Скоро все народы Земли, каждый человек вынужден будет сделать выбор — на чьей стороне сражаться, и тогда Хаос сможет легко одержать победу. И он одержал бы ее, если бы не одно препятствие — ты и твой меч Несущий Бурю.

— Несущий Бурю... Мне он принес уже достаточно бурь. Может, на этот раз он сможет хоть одну укротить. А что произойдет, если победит Закон?

— Если победит Закон — это тоже будет означать упадок и гибель существующего мира. Мы все будем забыты. Но если победит Хаос — тогда обреченность коснется самого воздуха, агония завоет в порывах ветра, омерзительная нищета воцарится в колеблющемся, неустойчивом мире темного колдовства и злобной ненависти. И только тебе, Элрик, дано остановить грядущий кошмар с помощью твоего меча и с нашей поддержкой. Ты должен совершить предназначенное.

— Да будет так,— спокойно сказал Элрик.— И если уж надо исполнить, постараемся исполнить хорошо.

— Скоро соберутся войска, они двинутся против могучего Пэн-Тэнга. Это и должно стать нашей главной заботой сейчас. А потом мы призовем тебя, чтобы исполнить предначертанное Судьбой.

— Я охотно все сделаю,— ответил Элрик.— Помимо прочего, я хотел бы отплатить Джагриину Лерну за все оскорбления и несчастья, которые он навлек на меня. Хоть и не он задумал похищение Зарозинии, но помогал тем, кто увез ее, а за это смерть его будет медленной и мучительной.

— Тогда скорее за дело, ведь каждое упущенное мгновение позволит ему лучше укрепить и объединить завоеванную империю.

— Прощай,— сказал Элрик. Теперь он, как никогда, торопился покинуть Нихрен и вернуться в родные края.— Я знаю, мы еще встретимся, Сепириц, и надеюсь, это случится в более спокойные времена, чем теперь.

И вот они втроем ехали на восток, к побережью Таркеша, где надеялись нанять корабельщика, который взялся бы тайком доставить их через Бледное море к Илмиоре, оттуда они собирались по Рыдающей пустыне добраться до Карлаака. Так ехали они на своих магических нихренских конях, забыв про опасность, сквозь разоренную и опустошенную войной страну, страдающую под властью Теократа — Джагриина Лерна.

Элрик и Зарозиния часто переглядывались, но говорили мало: их обоих угнетало знание неких тайн, которые они не осмеливались доверить друг другу. Она понимала, что им не суждено долго быть вместе, даже после возвращения в Карлаак, видела, что он страдает, и сама мучилась, не в силах постичь перемену, происшедшую с мужем. Зарозиния твердо знала только одно: черному мечу, висевшему на поясе Элрика, теперь уже никогда не придется отдыхать в оружейной. Она чувствовала, что теряет мужа, но понять причин не могла.

Они поднялись на взгорье и увидели клубы черного густого дыма над равнинами Тораунца, когда-то прекрасными, а теперь

разоренными войной. Дивим Слорм, ехавший вслед за братом и его женой, крикнул:

— Что бы ни случилось, брат, мы должны отомстить Теократу и его союзникам.

Элрик скривил губы.

— Да,— ответил он и взглянул на Зарозинию, не поднимавшую глаз.

Наконец впереди показалось море, катящее белогривые волны к горизонту, где сливалось с неспокойным, низко нависшим небом. И тут справа от себя Элрик услышал крик: к ним приближался всадник. Он опустил руку на рукоять меча и ждал. Дивим Слорм и Зарозиния сдержали своих коней за его спиной. Но Элрик узнал всадника и улыбнулся:

— Мунглам, как ты попал на запад?

Задорный маленький рыжий человечек, покрытый дорожной пылью, широко ухмыляясь, остановил коня:

— Я услышал о твоих бедах и приехал на помощь, но вся страна залита кровью, никто ничего толком о тебе не знает, вот я и кинулся разыскивать твои следы. Может, ты знаешь, что творится на юге?

— Нет. Я знаю лишь, что Джагриин Лерн нападет, как только сможет собрать войско.

— Да, они там тоже так думают, только спорят, как лучше встретить нападение. Грубый, прямой Карган, морской владыка, повелитель Острова Пурпурных Городов, хотел заключить союз с напыщенными Торговыми Принцами материковых народов, но они отвергли предложения и оскорбили его самого. Теперь они разобщены. И нужен ты, чтобы помирить и объединить всех.

— Тогда нам лучше поторопиться домой,— ответил Элрик.— Мы хотели бы переправиться на корабле. Что слышно в захваченных портах?

— Многие уже отплыли на юг, и капитаны боятся брать на борт беглецов, опасаясь гнева Джагриина Лерна, но что-нибудь можно подыскать.

— Тогда попробуем.

Мунглам скакал теперь рядом с другом, весь отряд направлялся в ближайший порт Нио.

Нио — небольшой городишко, и в последнее время торговые суда редко заходили сюда. Жители в основном жили рыболовством, однако несколько торговых кораблей все же стояли в порту. К путникам подошли капитаны, и те предложили плату за проезд, однако лишь один оказался достаточно алчным, чтобы польститься на деньги. Капитан Ланс Бурта был наполовину жителем Таркеша, наполовину Пэн-Тэнга. Глубокая задумчивость была написана на его бледном лице, когда в задымленной и вонючей таверне неподалеку от набережной он разглядывал четырех путников.

— Я мог бы взять девчонку,— сказал Ланс Бурта,— но Джагриин Лерн — могучий колдун, он легко унюхает такого врага, как вы, властитель Элрик. Я не рискну взять вас на борт.

— Она не поедет одна,— решительно сказал Элрик, вставая из-за стола.

— Тогда, может, кто-то из них — этот или тот...— торопливо предложил Ланс Бурта, по очереди тыкая пальцем в Дивима Слорма и Мунглама. Мунглам глянул на Элрика:

— Мне бы лучше быть рядом с тобой, как когда-то, но...

Элрик кивнул.

— Тогда решим так. Дивим Слорм проводит Зарозинию домой. А мы подыщем лодку, может, подойдет одна из рыбачьих, и рискнем сами пройти этот путь.

Ланс Бурта нахмурился:

— В последние дни море как-то загадочно неспокойно, оно чревато бедой, повелитель. Слишком сильно влияние Хаоса.

— Ничего. Этот путь наилучший.

— Хорошо,— сказал Ланс Бурта.— А теперь обговорим подробности — и к делу.

Они все обсудили, распрощались, и Мунглам спустился на набережную, где стояли у причала рыбачьи лодки, чтобы выбрать подходящую.

7.

Из-за горизонта медленно вставал рассвет, вокруг волновалась однообразно-бурная серая водная пустыня, земли не было видно. Ветер стих, потеплело. Ряды пурпурных облаков с шафранными и алыми разводами ползли по небу, словно дым от чудовищного погребального костра. Вскоре они затянули и без того тусклое солнце, ветер совсем стих, лодка теперь плыла еле-еле, а море заволновалось, будто начинался шторм.

Море шевелилось, как чудовищное живое существо, которое грозит и бьется в ночном кошмаре. Мунглам, устроившийся на носу лодки, посмотрел на Элрика. Тот молча глянул в ответ, покачал головой, машинально уцепился за румпель. Управлять лодкой в такую погоду было бессмысленно. Жалкое суденышко кидали дикие волны, хотя ни капли воды не попало внутрь, даже одежда путников не намокла. Все вокруг стало совершенно неправдоподобным, будто сон или бред; на секунду Элрику показалось, что даже если б он хотел заговорить, то не смог бы вымолвить ни слова.

Затем, поначалу издалека, послышалось низкое гудение, оно перешло в пронзительный визгливый вой, лодку вдруг швырнуло по воздуху поверх бушующих волн и кинуло в пропасть между валами. Над ними серебристо-голубой громадой нависла стена воды, еще секунду — и она поглотит жалкое суденышко вместе с людьми.

И тут Элрик не выдержал, вцепившись в румпель, заорал:

— Держись за лодку, Мунглам! Держись, или ты погиб!

Тепловатая масса воды обрушилась и распластала людей, будто их прихлопнуло гигантской ладонью. Лодка погружалась все глубже и глубже, казалось, еще немного, и ее расплющит новым ударом. Потом их снова кинуло вверх и опять вниз. Элрик успел бросить

взгляд на кипящую морскую поверхность и увидел, как из глубин, изрыгая огонь и лаву, вздымаются три горы. Лодка барахталась среди могучих валов, ее захлестывала вода, которую путники яростно вычерпывали, а суденышко крутилось в водовороте, увлекаемое к новорожденным вулканам.

Элрик отбросил жестянку и всем телом налег на румпель, стараясь направить лодку прочь от огнедышащих гор. С трудом, но суденышко понемногу все-таки стало разворачиваться в противоположную сторону.

Элрик увидел, как Мунглам, побледнев, пытается распустить намокший парус. Жар вулканов едва можно было терпеть. Элрик взглянул вверх, пытаясь определить, где они находятся, но тщетно: солнце, казалось, разбухло и лопнуло, небо усеивали миллионы огненных клочков.

— Это творит Хаос, Мунглам! — крикнул Элрик.— И кажется, это лишь бледная тень того, что еще может быть!

— Они, верно, знают, что мы здесь, и хотят нас уничтожить! — тыльной стороной ладони Мунглам смахнул пот со лба.

— Возможно, но не думаю.

Он снова глянул на небо — на этот раз солнце выглядело почти нормально. Элрик определил местонахождение лодки и попытался грести прочь от огненных гор, однако их уже отнесло на много миль в сторону от правильного курса.

Элрик собирался пройти через Проливы Хаоса, но ночью колдовские течения овладели лодкой, и теперь она находилась, очевидно, много севернее Проливов, и ее сносило все дальше на север — к самому Пэн-Тэнгу!

Оставалась еще возможность направить суденышко к Мелнибоне, ближайшей стране, помимо Пэн-Тэнга. Однако Элрик не знал, сохранился ли Остров Драконов после мощных перемещений земных пластов.

Океан немного успокоился, но вода почти кипела, и каждая капля, попадавшая на кожу, оставляла ожог. Гигантские пузыри поднимались на поверхность, они плясали словно в огромном ведьмином котле. Мертвые рыбины и какие-то змееподобные существа толстым слоем покрывали воду, будто заросли водорослей; их оказалось так много, что они грозили преградить путь лодке. Но ветер, и довольно сильный, дул теперь в одном направлении, и Мунглам с облегчением усмехнулся, видя, как расправляется парус.

Медленно двинулись они на северо-запад к острову, принадлежавшему Мелнибоне, с трудом прокладывая путь через насыщенные смертью клубы пара, застилавшие океан.

Прошло несколько часов, горячие воды остались позади, и теперь они плыли под ясным небом по спокойному морю. Они позволили себе немного вздремнуть. До Мелнибоне оставалось меньше дня пути. Настало время подумать над тем, что довелось пережить. Они недоумевали: невозможно было понять, как они пережили этот ужасающий шторм.

Внезапно, будто от толчка, Элрик испуганно открыл глаза. Он был уверен, что спал недолго, но небо вокруг потемнело, моросил холодный дождь. Капли скатывались с кожи, будто вязкое тягучее масло. Несколько капель попало в рот, и Элрик торопливо сплюнул горьковатое вещество.

— Мунглам,— окликнул он друга, невидимого в окутавшей их голубой мгле,— ты не знаешь, который теперь час?

Ему ответил сонный и озадаченный голос:

— Понятия не имею. Хотя могу поклясться, что еще не ночь.

Элрик попытался повернуть румпель. Лодка не слушалась руля. Он огляделся.

Казалось, будто они плывут по небу. Чуть мерцающий дым клубился вокруг суденышка, воды не было видно вообще. Элрик вздрогнул. Может, они уже покинули землю? И плывут по какому-то жуткому потустороннему морю? Он проклинал себя за краткий сон, чувствовал, что беспомощен, более беспомощен, чем когда сражался со штормом. Тяжелый маслянистый дождь больно бил по коже, и Элрик поднял капюшон плаща. Из поясной сумки достал кремень и трут, слабого огонька как раз хватило, чтобы разглядеть полубезумные глаза Мунглама. Лицо маленького жителя восточных стран застыло от ужаса. Элрик еще никогда не видел друга таким испуганным; он понимал, что только дай себе волю, и на его лице появится то же выражение.

— Наше время кончилось,— дрожащим голосом сказал Мунглам.— Я думаю, мы уже мертвы, Элрик!

— Не болтай глупостей, Мунглам. Я ни разу еще не слышал о таком потустороннем мире.

В глубине души Элрик почти готов был согласиться с другом. Лодку быстро влекло в неизвестном направлении; казалось, боги определяют ее путь. Но Элрик готов был поклясться, что владыки Хаоса не знали ни о его лодке, ни о его предназначении.

Суденышко двигалось все быстрее и быстрее, а потом они с облегчением услышали знакомый плеск воды под килем, и вот уже снова покачиваются на соленой воде. Вскоре прекратился и маслянистый дождь — еще одно испытание было позади.

Мунглам перевел дыхание, мгла медленно уступала место свету, вокруг них снова плескался настоящий океан.

— Так что же это было? — наконец произнес он.

— Еще одно проявление разорванной природы,— Элрик старался, чтобы голос его звучал спокойно и ровно.— Может, разрыв границы, отделяющей мир людей от мира Хаоса? И не стоит искушать наше везение, задавая лишние вопросы. Мы опять отклонились от курса,— он указал на горизонт,— а вон там, кажется, заваривается вполне земной шторм. Возможно, некая сверхъестественная сила намеренно изменила наш курс.

— На обычный шторм я согласен, какой бы сильный он ни был,— пробормотал Мунглам и начал торопливо готовить лодку к начинающейся буре. Он свернул парус, а ветер все усиливался, и море уже забурлило.

В каком-то смысле Элрик даже порадовался шторму, когда тот наконец обрушился на них. Ведь шторм подчинялся естественным законам и против него можно было бороться обычными средствами. Дождь освежал лица, ветер лохматил волосы, а они с какой-то неистовой радостью сражались с бурей. Отважная лодчонка смело качалась на огромных валах, но их относило все дальше и дальше на северо-восток, к завоеванному побережью Шазара, в противоположном направлении от цели путешествия.

Могучий шторм ярился до тех пор, пока все мысли о судьбе и потусторонних угрозах не вылетели у них из головы, мускулы ныли от усталости, потоки ледяной воды, которые беспрерывно обрушивались на них, заставляли задыхаться и дрожать от холода.

Лодку кружило и раскачивало, но, казалось, сама Судьба повелела им выжить, а может, Смерть сочла эту работенку слишком грязной, но они плыли по бурлящим водам, преодолевая один вал за другим. Потом вдруг Элрик разглядел впереди вздымающиеся скалы, и Мунглам узнал их:

— Змеиные Зубы!

Змеиные Зубы находились неподалеку от Шазара и были одним из самых страшных мест для западных торговцев, которые обычно плавали вдоль берегов. Элрик и Мунглам видели раньше эти скалы издалека, но сейчас шторм увлекал к ним лодку все ближе и ближе, и хотя они отчаянно сопротивлялись, похоже, им суждено было разбиться насмерть об острые камни.

Волна подхватила лодку, подняла и швырнула вниз. Перед тем как их бросило прямо на Змеиные Зубы, Элрик успел вцепиться в борт, и ему показалось, он услышал сквозь вой шторма дикий вскрик Мунглама:

— Прощай!

Потом был чудовищный звук крошащегося о скалы дерева, и он почувствовал, как острые камни вонзаются в тело. Элрик оказался под водой, пробился вверх, чтобы глотнуть воздуха, и новая волна подхватила его, рука коснулась скалы.

Тяжелый меч, дарующий силы смертоносный клинок, тянул на дно. Отчаянно сопротивляясь, Элрик попробовал плыть в сторону смутно видневшихся утесов Шазара. Он прекрасно понимал: даже если удастся выжить, Судьба возвратила его на вражескую землю, и возможность достичь юга сейчас была более невероятной, чем когда-либо.

8.

Измученный, лежал Элрик на холодной гальке, прислушиваясь к музыкальному шуму прибоя, бившего о камни. Послышался еще один звук, и Элрик понял, что это хрустят камешки под чьими-то башмаками. Кто-то приближался к нему. В Шазаре скорее всего это мог быть только враг. Элрик перекатился на бок и попытался

встать, заставляя изнуренное тело тратить последние силы. Он уже наполовину обнажил Несущий Бурю, когда увидел, что это Мунглам, ссутулившись от усталости, стоит рядом и ухмыляется:

— Слава богам, ты жив!

Мунглам опустился на гальку, лег на спину и, приподнявшись на локтях, смотрел на спокойное теперь море и возвышающиеся вдали Змеиные Зубы:

— Сдается мне, боги имели некоторое отношение и к нашему кораблекрушению, и к спасению.

— Да, мы живы,— Элрик, присев на корточки, хмурился.— Но не знаю, надолго ли — в разоренной стране.

Мунглам покачал головой и рассмеялся:

— Ты по-прежнему мрачен, друг мой. А я так думаю: скажи спасибо, что ты жив.

— Маленькие милости богов совершенно бесполезны в нашей борьбе,— ответил Элрик.— Отдохни-ка сейчас, Мунглам, а я покараулю. Потом поменяемся. Когда мы отправлялись в путь, дорога была каждая минута, а теперь потеряны уже долгие дни.

Мунглам не спорил и тут же заснул, а когда проснулся, почувствовал, что сон освежил его, хотя тело еще болело. Элрик спал, пока на ясном небе не взошла яркая луна.

А потом они медленно тащились сквозь ночную мглу. Редкая трава побережья уступила место влажной почерневшей земле. Казалось, здесь бесновались всеуничтожающий ливень и ураганный вихрь, оставившие после себя лишь топи и прах. Вспоминая травянистые долины, которыми славилась эта часть Шазара, Элрик приходил в ужас, не зная, люди или порождения Хаоса вызвали такое дикое разрушение.

Приближался полдень, в затянутом светлыми облаками небе наметились какие-то странные изменения, и тут они увидели длинную вереницу приближавшихся к ним людей. Элрик и Мунглам укрылись за небольшим холмиком и пристально вглядывались вперед, пока люди не подошли ближе. Вражеских солдат среди них не было, только истощенные женщины и умирающие от голода дети, несколько шатающихся от слабости оборванных мужчин да нетвердо сидящих в седлах всадников — по всему видно, остатки разбитого отряда, сражавшегося в одиночку против Джагриина Лерна.

— Думаю, тут мы найдем товарищей по несчастью,— с облегчением пробормотал Элрик,— а возможно, и какие-нибудь сведения, которые могли бы нам помочь.

Они встали и пошли навстречу беднягам. Всадники тут же окружили мирных людей и взяли оружие наизготовку, но прежде чем прозвучал вызов, кто-то из толпы крикнул:

— Элрик из Мелнибоне! Элрик, ты принес нам весть о спасении?

Элрик не узнал голоса, но он понимал, что его лицо с мертвенно-белой кожей и пылающими алыми глазами стало легендой.

— Я и сам ищу спасения, друг,— с напускной веселостью отвечал Элрик.— Мы потерпели кораблекрушение возле ваших берегов,

когда плыли на юг за помощью, однако, если нам не попадется другое судно, плохи наши дела.

— Куда вы плыли, Элрик? — спросил все тот же невидимый собеседник.

— Я же сказал, на юг.

— Тогда вы избрали неверный путь!

Элрик выпрямился, пристально вглядываясь в толпу:

— Кто ты, осмеливающийся сказать нам такое?

Толпа шевельнулась, и из ее рядов вышел скрюченный человек средних лет. Он стоял, опираясь на посох, на лице, отличавшемся красивой гладкой кожей, выделялись длинные вьющиеся усы. Всадники отвели назад лошадей, чтобы Элрику было лучше видно собеседника.

— Меня называют Охада-провидец, когда-то я был известен в Афлитене как предсказатель. Но Афлитен сровняли с землей, когда уничтожили весь Шазар. Мне посчастливилось убежать вместе с несколькими жителями Афлитена, наш город один из последних пал перед колдовским могуществом Пэн-Тэнга. У меня есть важное сообщение для тебя, Элрик. Оно предназначено только для твоих ушей. А получил я его от существа, которое ты знаешь, оно может помочь тебе и через тебя всем нам.

— Ты разжег мое любопытство и возродил надежды,— Элрик сделал знак рукой, подзывая провидца.— Иди сюда, расскажи свои новости, будем надеяться, они действительно так хороши, как ты говоришь.

Мунглам отступил на шаг, а провидец приблизился к Элрику. И Мунглам, и афлитенцы с любопытством смотрели, как Охада что-то говорил Элрику. Тот даже вынужден был напрячь слух, чтобы разобрать еле слышный шепот.

— Я несу вести от странного человека по имени Сепириц. Он велел сказать, что сам наслал шторм; тебе следует сделать нечто такое, что сам он не может. И велел тебе вернуться в подземный город, там он откроет тебе дальнейшее.

— Сепириц! Но я только недавно расстался с ним! Как же он встретился с тобой?

— Я ясновидящий: он явился мне во сне.

— Твои слова могут оказаться предательскими. Возможно, ты просто хочешь заманить меня в ловушку Джагриина Лерна.

— Сепириц добавил еще: он сказал, что мы встретим тебя именно здесь. Разве Джагриин Лерн мог это знать?

— Вряд ли, но разве кто-нибудь вообще мог это знать? — Он кивнул: — Спасибо, провидец.

Потом крикнул конным воинам:

— Нам нужны две лошади, самые лучшие!

— Лошади нам самим нужны,— проворчал рыцарь в изрубленных доспехах,— ведь они — последнее, что у нас есть.

— Я и мой друг должны действовать очень быстро, если хотим спасти мир от Хаоса. Ну же, рискните парой кляч в обмен на надежду отомстить своим врагам!

— Ладно, идет! — Рыцарь спешился, его примеру последовал воин, стоявший рядом. Они подвели своих коней Элрику и Мунгламу.

Элрик взял поводья и прыгнул в седло. Огромный меч, как всегда, висел у него на поясе.

— Я сделаю все, что могу, — пообещал Элрик.— А каковы ваши намерения?

— Мы будем сражаться, и как можно лучше.

— Не мудрее ли укрыться пока в горах или в Туманных Проходах?

— Если б ты видел всю грязь и ужас, которые несет власть Джагриина Лерна, ты не задавал бы таких вопросов,— мрачно ответил рыцарь.— Конечно, у нас нет надежды на победу в войне против колдуна, чьи слуги могут повелеть земле подняться океанской волной, могут низвергнуть с небес потоки соленой воды, могут наслать зеленые облака, каким-то неизвестным способом губящие детей. Но мы будем мстить, как сумеем. В этой части континента еще относительно спокойно по сравнению с тем, что происходит в других местах. Ужасающие сдвиги земной тверди. Ты не узнаешь ни одного холма или лесочка на десять миль севернее отсюда. Сегодня они тут, а завтра могут исчезнуть или совершенно измениться.

— Мы видели что-то подобное во время морского плавания,— кивнул Элрик.— Я желаю вам долгой жизни и сладкой мести, друг мой. У меня самого кое-какие счеты с Джагриином Лерном и его сообщниками.

— Его сообщниками? Ты имеешь в виду короля Саросто из Дхариора? — тонкая улыбка проступила на изможденном лице рыцаря.— Саросто ты уже не отомстишь, Элрик. Его убили вскоре после того, как наши войска были разгромлены. Конечно, доказать ничего не удалось, но всем известно, что его убрали по приказу Теократа, который правит теперь единовластно,— рыцарь пожал плечами.— Да и кто может долго выстоять против Джагриина Лерна, кроме его командиров?

— А кто они, эти командиры?

— Да ведь он призвал к себе Князей Тьмы! Не знаю, долго ли еще они будут терпеть его власть. А мы так думаем, что следующим умрет сам Джагриин Лерн, и вместо него полноправно воцарится Тьма.

— Надеюсь, этого не случится,— мягко возразил Элрик.— Я не хотел бы остаться неотмщенным.

Рыцарь вздохнул:

— С такими помощниками, как Князья Тьмы, Джагриин Лерн скоро будет править всем миром.

— Будем надеяться, что мне удастся избавиться от Князей Тьмы и сдержать мою клятву, убив Джагриина Лерна,— сказал Элрик и, поблагодарив провидца и двух рыцарей, направил коня к горам Джхаркора. Мунглам последовал за ним.

Они мало отдыхали во время опасного перехода к горному жилищу Сепирица. Как и предупреждал рыцарь, сама земля казалась одушевленной, везде правили Разор и Хаос.

Позже Элрик не многое помнил из этого путешествия, только ощущение горького ужаса и постояннный жуткий вопль в ушах, да еще темные, мрачные цвета: красный, синий, черный и огненно-оранжевый, который и был повсеместно знаком владычества Хаоса на земле.

Но в горах вблизи Нихрена они обнаружили, что власть Хаоса здесь не так безраздельна, как в других местах. Это свидетельствовало о том, что Сепириц и девять его черных братьев несколько сдерживали силы Хаоса, грозившие поглотить их.

Глубокими ущельями, над которыми громоздились черные скалы, коварными горными тропами, крутыми склонами, усеянными каменными глыбами, готовыми вот-вот сорваться лавиной, торопились они все глубже и глубже к сердцу древних гор. Это были самые старые горы на земле, хранившие древнейшую из земных тайн — владения бессмертного Нихрена, который правил долгие века еще до мелнибонийцев. Наконец они добрались до Скального Города Нихрена. Высокие дворцы, замки и крепости его вырублены из черного гранита и надежно укрыты в глубинах бездонной пропасти. С давних времен стоял здесь этот город, отрезанный от всего мира, лишь слабым проблескам солнечного света дано было коснуться его холодных стен.

Путники направили усталых, упрямившихся коней вниз по узкой тропе и наконец достигли огромных ворот, на которых были вырезаны фигуры титанов и неясные очертания полулюдей. Мунглам глянул и умолк, пораженный до глубины души величием гения, сумевшего создать эти шедевры — воплощение могучего искусства и архитектуры гигантов.

Сепириц с приветливой улыбкой на тонкогубом черном лице ожидал их в пещере, на стенах которой были высечены сцены из нихренских легенд.

— Приветствую тебя, Сепириц! — Элрик спешился и позволил слугам увести коня. Мунглам последовал его примеру, однако с некоторой опаской.

— Я сожалею, что пришлось так скоро призвать тебя обратно, но Джагриин Лерн продвигается быстрее, чем мы предполагали,— Сепириц обнял Элрика за плечи.

— Я слышал. Он уже призвал Черных Владык.

— Да, мы сами пытались связаться с Белыми Владыками. До недавнего времени нам помогали в этом колдуны-отшельники с Острова Колдунов, но боевые корабли Джагриина Лерна уничтожили остров, а Хаос не дал нам спасти отшельников. Мои браться все еще надеются отыскать Белых Владык в Высших Пространствах. Но для тебя и твоего меча найдется работа поближе к дому. Пойдем в мои покои, освежись и передохни немного. У нас есть вино, которое вернет тебе силы. А когда утолишь жажду, я расскажу, что велит тебе Судьба на этот раз.

Элрик сидел в кресле, потягивая вино и оглядывая темную комнату Сепирица, которую освещал только огонь, пылавший в очаге. Какое-то неясное чувство смущало властителя Мелнибоне, и он пытался понять, что же его мучает. Была в комнате некая таинственность, и таинственность эту создавали не только большие размеры комнаты, зыбкие тени и полутьма. Элрику пришло в голову, что, хотя покои эти ограждают толстые каменные стены, их невозможно измерить с помощью обычных средств. Казалось, комната продолжалась в иных измерениях, не принадлежавших земному пространству и времени, собственно, эти измерения были лишены и пространства, и времени. Он почувствовал: если попробовать пересечь комнату от одной стены до другой, то противоположной стены не достичь никогда. Элрик попытался выкинуть из головы эти мысли, поставил на стол кубок и глубоко вздохнул. Вино взбодрило и успокоило его. Указывая на кувшин с вином на каменном столе, сказал Сепирицу:

— Человеку легко пристраститься к такому напитку.

— А я так уже пристрастился,— ухмыльнулся Мунглам, наливая себе еще кубок.

Сепириц покачал головой:

— Наше нихренское вино имеет одно странное свойство. Оно приятно на вкус и снимает усталость, а когда силы восстановятся, пьющему оно начинает внушать отвращение и даже вызывает тошноту. Вот почему у нас еще осталось это вино. Но запасы его невелики: виноград, из которого оно сделано, давно исчез с лица земли.

— Волшебный напиток! — сказал Мунглам, ставя свой кубок на стол.

— Называй его так, если нравится. Элрик и я принадлежим к ранним векам, когда-то, что ты называешь колдовством и магией, было просто частью обыденной жизни, и повсеместно царил Хаос, правда, власть его проявлялась не столь бурно, как ныне. Вы, люди Юных Королевств, может, и правы, относясь к колдовству с подозрением. Впрочем, если мы успешно подготовим мир к владычеству Закона, тогда вы, наверное, сами создадите такие напитки еще более изощренным способом, но для вас он будет легким и понятным.

— Сомневаюсь,— рассмеялся Мунглам.— Ты так говоришь, словно обучение сверхъестественной мудрости — самое простое дело. Я слышал, только гений может овладеть ею в совершенстве.

— Так было в наши дни,— улыбнулся Сепириц.

— Если в будущем мы не окажемся удачливее, чем в прошлом, Хаос распространится по всей земле, а Закон исчезнет навсегда,— вздохнув, уныло проговорил Элрик.

— А если Закон восторжествует, нас тоже не ждет ничего хорошего, верно? — Сепириц налил себе вина.

Мунглам проницательно глянул на Элрика — теперь он гораздо лучше понимал, сколь затруднительно и неприятно положение его друга.

— Ты сказал, что для меня и моего меча есть работа,— сказал Элрик.— Какая?

— Ты уже знаешь, что Джагриин Лерн призвал некоторых Князей Тьмы и поставил их во главе своих людей, чтобы вести в бой и охранять завоеванные страны?

— Знаю.

— А ты понимаешь, как это страшно? Джагриину Лерну удалось проделать значительную брешь в созданном Законом Барьере, который когда-то удерживал создания Хаоса от полного овладения планетой. Теперь Джагриин Лерн упорно расширяет эту брешь по мере того, как возрастает его сила. Вот почему ему удалось призвать такой могучий отряд адской знати, а ведь в прошлом даже одному из них трудно было бы проникнуть в наше измерение. Среди них Ариох...

— Ариох?!

Ариох всегда был демоном-покровителем Элрика, главным богом, которому поклонялись его предки. Последнее известие больше, чем все прочее, заставило Элрика почувствовать, что он теперь изгой, которого не защитят ни Хаос, ни Закон.

— Твой единственный колдовской союзник — твой меч,— неумолимо произнес Сепириц.— И, возможно, его братья.

— Братья? Ты сказал, братья? Какие братья? Существует ведь только еще один меч-близнец — Клинок Плача, он у Дивима Слорма...

— Помнишь, я говорил тебе, что мечи-близнецы в действительности только земное воплощение сверхъестественных сущностей? — спокойно сказал Сепириц.

— Да, конечно.

— Так вот, теперь я могу открыть тебе, что подлинная сущность Несущего Бурю связана со сверхъестественными силами в ином измерении. Я знаю, как их призвать, но эти сущности тоже творения Хаоса, а потому управлять ими довольно трудно. Они легко могут выйти из повиновения и даже обратиться против тебя. Я думаю, ты это уже почувствовал: Несущий Бурю связан с тобой теснее, чем со своими сущностными братьями, которые слабее твоего клинка, но их очень много, и может случиться так, что Несущий Бурю не сумеет защитить тебя от них.

— Почему я не знал этого раньше?

— В каком-то смысле ты знал это. Помнишь, ты просил Темные Силы о помощи, и помощь приходила?

— Да. Ты хочешь сказать, что помощь эту оказывали братья Несущего Бурю?

— чаще всего, да. Они уже привыкли помогать тебе. Разума у них нет, но они могут чувствовать, а потому слабее связаны с Хаосом, чем его более рассудочные слуги. В некоторой степени ими можно управлять, если обладаешь определенной силой, как ты, например, владея одним из их братьев. Чтобы позвать их на помощь, тебе придется запомнить одну руну, я скажу ее позже.

— А что мне надо сделать?

— Уничтожить Князей Тьмы!

— Уничтожить?! Сепириц, это невозможно! Они же Владыки Хаоса, одни из самых могущественных во всей Сфере Случайного. Сепириц, я не могу это сделать!

— Все верно. Но в твоей власти магическое оружие, тоже одно из самых могущественных. Конечно, ни один смертный не может совсем уничтожить Князей Тьмы. Все, на что ты можешь надеяться,— это изгнать их в их собственное пространство, разрушив ту субстанцию, которая служит им земным телом. Это и есть твоя задача. Мы подозреваем, что Князья Тьмы — Ариох, Балан и Малук — уже лишили Джагриина Лерна части его силы. Этот дурак полагает, что способен управлять столь могущественными сверхъестественными силами, как Князья. Им удобнее, чтобы он так думал, и можно не сомневаться, что с такими друзьями Джагриину Лерну удастся разгромить страны Юга, имея совсем немного оружия, кораблей и воинов. Без них он тоже завоюет Юг, но для этого потребуется гораздо больше времени и усилий. А если ты одержишь победу, у нас появится небольшое преимущество — мы сможем подготовиться к встрече с ним, пока он будет громить южные земли.

Элрик даже не поинтересовался у Сепирца, как тот узнал о решении южан сражаться с Джагриином Лерном в одиночку. Сепириц обладал большими возможностями, что и доказал, связавшись с Элриком через провидца.

— Я поклялся помочь южанам, несмотря на их отказ поддержать нас в борьбе против Теократа,— спокойно сказал Элрик.

— И ты сдержишь свою клятву, уничтожив Князей, если, конечно, тебе это удастся.

— Уничтожив Ариоха, Балана, Малука...— Элрик шепотом произносил имена, опасаясь, что даже здесь они могут услышать его.

— Ариох всегда был довольно никчемным демоном,— заметил Мунглам.— Вспомни, Элрик, сколько раз он отказывал тебе в помощи.

— Конечно,— ответил Сепириц,— ведь он уже догадывался, что в будущем вам придется сражаться друг с другом.

Хотя вино освежило тело, разум Элрика готов был взорваться от напряжения. Душа его была в смятении. Сражаться против демонов-богов своих предков... Голос древней крови еще слишком громко звучал в душе, верность обычаям предков не умерла.

Сепириц встал и обнял Элрика за плечи, его темные глаза пристально вглядывались в растерянные, но горящие алые глаза:

— Ты взял на себя эту ношу, помнишь?

— Да, взял... но, Сепириц... Князья Тьмы... Ариох... я... ох, лучше б мне умереть...

— Тебе еще многое предстоит сделать, прежде чем тебе позволят умереть, Элрик. Ты должен осознать, насколько ты и твой великий клинок важны для воплощения замыслов Судьбы. Помни свою клятву!

Элрик выпрямился и задумчиво покачал головой:

— Даже если б я все знал заранее, я дал бы это обещание, все равно дал бы. Но...

— Что?

— Не очень-то полагайся на меня, слишком трудная это задача, Сепириц, я могу не справиться.

Черный нихренианин промолчал. На лице Мунглама, обычно оживленном, появилось серьезное и сочувственное выражение, когда он смотрел на Элрика. Тот стоял посреди огромных покоев, вокруг метались отблески огня, руки скрещены на груди, огромный меч висел на поясе, а на белом лице отражались пережитые потрясения и растерянность. Сепириц ушел в темноту, а когда появился, в руках у него была белая табличка с выгравированными древними рунами. Он протянул ее Элрику.

— Запомни эту надпись,— мягко сказал Сепириц,— потом уничтожь табличку. Но не забывай: ее можно использовать только однажды, при самой страшной напасти, ибо, я предупредил тебя, Элрик, братья Несущего Бурю могут отказать тебе в помощи.

Элрик сделал над собой усилие, постарался укротить свои чувства. И долго еще, после того как Мунглам ушел спать, изучал руны под руководством нихренианина, запоминая не только как их произносить, но и странную логику, которой ему следует проникнуться, состояние, в которое ему надо будет привести свой рассудок, чтобы заклинание подействовало.

Наконец оба, он сам и Сепириц, остались довольны результатом, и Элрик позволил проводить себя в спальню. Однако сон не шел к нему, и он провел мучительную, беспокойную ночь, а когда поутру явился слуга, Элрик был уже полностью одет и готов отправиться в Пэн-Тэнг, где собрались Князья Тьмы.

9.

Через разоренные западные земли ехали Элрик и Мунглам верхом на чудесных конях Нихрена, которые, казалось, совершенно не нуждались в отдыхе и не испытывали страха. Кони Нихрена были особо ценным даром — ведь они обладали чудными способностями, помимо необыкновенной силы и выносливости. Сепириц говорил, что на самом деле эти кони не полностью существовали в земном измерении, и их копыта, строго говоря, не касались земли, они ступали по поверхности своего, иного измерения. Это давало им возможность мчаться над водой или по воздуху.

Везде царил ужас. Однажды они оказались свидетелями страшного зрелища: дикая, обозленная толпа уничтожала деревню, построенную вокруг замка. Сам замок был в огне, а на горизонте виднелась гора, изрыгавшая пламя и дым,— еще один вулкан в местности, где о них раньше и не слыхали. Хотя погромщики имели человеческий облик, это были выродки, проливавшие кровь и пившие ее с одинаковой отрешенностью. Когда Элрик и Мунглам приблизились к беснующейся толпе, они увидели нечто, выглядевшее как труп, восседающий на ожившем скелете коня; всадник был облачен в яркий костюм, сжимал в руке пламенеющий меч, на голове его красовался золотой шлем.

Они объехали толпу и быстро поскакали прочь сквозь туман, который походил на кровь и пахнул кровью. Они переправлялись через стремительные реки, отмеченные смертью и гниением, пробирались шелестящими чащами, которые, казалось, пытались их удержать, мчались под небесами, где зачастую реяли ужасающие крылатые создания, несущие на себе еще более жутких всадников.

Порой они встречали отряды воинов в доспехах и мундирах побежденных народов, но это были уже развращенные и продавшиеся Хаосу люди. Элрик и Мунглам сражались с ними или избегали столкновений, смотря по обстоятельствам. А когда наконец они достигли прибрежных скал Джхаркора и увидели море, которое отделяло их от Пэн-Тэнга, то уже знали, что позади лежат земли, где властвовали Хаос и Тьма.

И вот уже они скачут вдоль скал, высоко над серой бушующей водной гладью, под низким и темным, дышащим холодом небом, потом спускаются к берегу, чтобы на секунду замереть у кромки воды.

— Вперед! — крикнул Элрик, понукая коня.— В Пэн-Тэнг!

Почти не останавливаясь, они гнали своих волшебных скакунов через море к излучавшему зло острову Пэн-Тэнг, где готовился к отплытию гигантский флот Джагриина Лерна и его страшных союзников. Они собирались сокрушить морские силы южан, прежде чем обрушиться на их страны.

— Элрик! — прокричал Мунглам сквозь завывающий ветер.— Может, нам стоит быть поосторожнее?

— Поосторожнее? Зачем? Ведь Князья Тьмы, конечно же, знают, что их изменившие слуги прибыли, чтобы сражаться с ними!

Мунглам в расстройстве сморщил свои тонкие губы, а Элрик был в диком, почти безумном состоянии.

Впереди в брызгах прибоя вставали безжизненные утесы Пэн-Тэнга, зловещие и мрачные, море у их подножия стонало, будто в изощренной муке, навлекаемой Хаосом на саму природу.

И еще вокруг острова клубилась странная мгла, изменчивая и подвижная. Они вошли в эту мглу, скакуны Нихрена ступили на крутой каменистый берег Пэн-Тэнга. Здесь всегда правило черное духовенство, зловещая теократия, которая стремилась соперничать с императорами-колдунами Пресветлой Империи Мелнибоне. Но Элрик, последний из этих императоров, лишенный своей империи и почти всех подданных, знал, что для его предков темные искусства были и естественны, и законны, тогда как эти люди, владыки Пэн-Тэнга, извращали собственную природу, поклоняясь нечестивым богам, которых едва понимали.

Сепириц указал им путь, и они помчались по взбаламученной стране к столице — к Хвамгаарлу, Городу Визжащих Статуй!

Пэн-Тэнг — остров из зеленого, сияющего камня обсидиана, игравшего причудливыми отблесками, отчего он казался живым.

Вскоре впереди уже неясно вырисовывались стены Хвамгаарла. Когда всадники приблизились к городу, путь им преградило войско облаченных в черные плащи с капюшонами людей, которые

будто выросли прямо из-под земли с пением наводящей ужас литании.

У Элрика не было времени разбираться, он сразу понял, что это отряд священнослужителей-воинов Джагриина Лерна.

— Вверх, скакуны! — крикнул Элрик, и кони Нихрена в фантастическом прыжке взлетели над растерявшимися священнослужителями.

Мунглам последовал примеру друга, и его издевательский смех звенел над головами незадачливых вояк, когда они с Элриком неслись к Хвамгаарлу. Некоторое время они скакали беспрепятственно — ведь Джагриин Лерн полагал, что высланный отряд надолго задержит упорных врагов. Но когда до Города Визжащих Статуй оставалось немногим более миль, земля с грохотом содрогнулась, и глубокие пропасти пролегли поперек дороги. Нашим героям это не помешало — кони Нихрена не нуждались в земной поверхности.

Небеса волновались и дрожали, сверкающими черными потоками наступала тьма, а из земных разломов вырвались чудовища!

К ним крались грифоны — гигантские львы с головами стервятников, перья на загривках у них тихо шелестели, а в глазах горел голодный огонь.

К ужасу и изумлению Мунглама Элрик расхохотался, и маленький житель восточных стран уже решил было, что его друг обезумел. Но Элрик просто хорошо знал этих зверей-вампиров — ведь именно его предки дюжину веков назад создали их для каких-то своих целей. Очевидно, Джагриин Лерн наткнулся на затаившуюся на границе между Землей и Хаосом стаю и решил использовать ее, понятия не имея о том, кто и как их создал...

Бледные губы Элрика сами складывались в слова древних заклинаний, он ласково обратился к огромным грифонам. Они остановились и неуверенно оглянулись, раздираемые противоречивыми чувствами. Покрытые перьями хвосты нервно хлестали по земле, когти то показывались наружу, то прятались в подушечки лап, оставляя глубокие рваные следы на обсидиановом камне. Воспользовавшись замешательством чудовищ, Элрик и Мунглам проехали мимо них, но тут с неба послышался мрачный и гневный голос, который на Высоком наречии Мелнибоне до сих пор оставался признанным языком всех колдунов, повелел:

— Уничтожьте их!

Один лев-стервятник повернулся к путникам. За ним последовал другой, третий — наконец, вся стая бросилась в погоню.

— Быстрее! — шепнул Элрик своему коню, но скакуны с трудом сохраняли отделявшее их от грифонов расстояние. Оставалось только встретить древних монстров лицом к лицу. Из глубин памяти всплыло заученное еще в детстве заклинание. Все древние заклинания передал ему отец, предупредив, однако, что в новые времена многие из них окажутся бесполезными. Но было там одно заклинание, призывающее грифонов и еще что-то... Наконец он вспомнил! Заклинание, отсылающее их обратно во владения Хаоса! Но подействует ли оно?

Он успокоил свои мысли, тщательно припоминая нужные слова, а звери уже приближались:

Творенья! Вас из безумья создал Матик,
Владыка из Мелнибоне.
И ныне сгинуть вы должны,
Иль вновь бесформье вас поглотит!

Чудища замедлили ход, и Элрик в отчаянии повторил заклинание, боясь, что у него невзначай проскользнула неверная мысль или ошибочное слово. Мунглам, остановивший коня рядом с Элриком, не осмеливался высказать свои опасения, зная, что колдуну нельзя мешать во время произнесения заклинаний. В смятении он услышал каркающий рык вожака стаи.

Но Элрик с облегчением прислушивался к рычанию, оно означало, что чудища поняли его угрозу и готовы подчиниться заклинанию. Медленно, неохотно они сползли в проломы земной коры и исчезли.

Вытирая пот со лба, Элрик торжествующе сказал:

— Пока нам везет! Либо Джагриин Лерн недооценил мою силу, либо он сам больше ничего не способен сделать! Еще одно доказательство того, что Хаос просто использует его, а не наоборот!

— Не испытывай удачу, рассуждая о ней! — предупредил Мунглам.

— Судя по тому, что ты говорил мне, это еще мелочи по сравнению с тем, что нам еще предстоит встретить.

Элрик сердито глянул на друга. Ему не хотелось думать о приближающейся цели путешествия.

Они уже подъезжали к огромным стенам Хвамгаарла. Вдоль этих стен, построенных с наклоном наружу, чтобы затруднить возможный штурм, стояли визжащие статуи — когда-то они были людьми, но Джагриин Лерн и его прадеды обратили их в камень, оставив, однако, сознание и способность говорить. Впрочем, говорили они мало, зато много визжали. И их ужасающие вопли разносились над отвратительным городом, как мучительные стоны про́клятых — они и были про́кляты. Беспрерывно наплывающие волны рыдающих стонов даже привычному к такого рода звукам Элрику казались непереносимо жуткими. Но тут послышался иной звук. Со скрежетом поднялась мощная решетка главных ворот Хвамгаарла, и оттуда появилось множество хорошо вооруженных людей.

— Наверное, колдовская сила Джагриина Лерна на время истощилась, а Князья Тьмы пренебрегли схваткой с двумя обыкновенными смертными и не поддержали его,— сказал Элрик, кладя руку на рукоять черного клинка.

Мунглам не ответил. Он молча обнажил два своих меча, зная, что должен победить собственный страх, прежде чем встретиться лицом к лицу с наступающими.

С диким воем, заглушившим стенания статуй, Несущий Бурю вылетел из ножен и замер в руке Элрика, предвкушая новые души, из которых он выпьет жизнь и передаст Элрику, наполняя его темной, краденой мощью.

Элрик ощутил почти рабское унижение, почувствовав дрожавший от вожделения клинок в своей вялой руке. Но он вызывающе крикнул приближающимся солдатам:

— Эй вы! Шакалы! Смотрите на меч! Созданный Хаосом, он и уничтожит его! Идите же, пусть он выпьет ваши души и прольет вашу кровь! Мы готовы к встрече!

Элрик не стал ждать и, сопровождаемый Мунгламом, направил коня Нихрена прямо на солдат. Он рубил, испытывая при этом нечто вроде наслаждения.

Он был так тесно связан с дьявольским оружием, что ненасытная радость убийства переполняла теперь и его, радость от гибели душ, вливавших в его истощенные жилы пульсирующую жуткую силу.

Хотя дорогу им преграждало более сотни воинов, Элрик прорубил себе кровавый проход в их рядах, а Мунглам, охваченный тем же порывом, что и его друг, так же удачно справлялся с теми, кто преграждал ему путь.

Как ни были солдаты привычны к ужасам войны, все же вскоре они уже не осмеливались приближаться к всаднику с воющим мечом — жуткий клинок сиял необыкновенным сверкающим светом — черным светом, пронзавшим саму тьму.

Опьяненный безумием победы, Элрик испытывал жестокую радость, которую много веков назад ощущали его предки, завоевывая мир и заставляя преклониться перед Пресветлой Империей. На самом деле Хаос сражался с Хаосом, но древний Хаос, более чистый и совершенный, побеждал извращенных потомков, которые возомнили себя такими же могущественными, как Драконы — владыки Мелнибоне!

Через кровавые останки вражеских солдат двое проложили себе путь к воротам, но решетка захлопнулась перед ними, как пасть чудовища. Не останавливаясь, Элрик с хохотом проехал сквозь нее. Жители торопились спрятаться, а он, упоенный победой, входил в Город Визжащих Статуй.

— Куда теперь? — выдохнул Мунглам, которого страх давно покинул.

— В храм-дворец Теократа, конечно. А там уж, без сомнения, нас поджидают Ариох и другие князья!

Так ехали они по пустынным улицам города, гордые и наводящие ужас, будто за спиной их стояла армия. Темные здания возвышались по обеим сторонам дороги, но ни один человек не осмеливался выглянуть из окна. Пэн-Тэнг собирался править миром — и он все еще мог это сделать,— но в этот момент народ Пэн-Тэнга совсем пал духом при виде двух людей, штурмом взявших их огромный город.

Выехав на широкую площадь, Элрик и Мунглам попридержали коней, засмотревшись на огромную бронзовую гробницу, висевшую в центре на цепях. Над площадью возвышался дворец Джагриина Лерна, в изобилии украшенный колоннами и башнями. Сейчас дворец молчал, погруженный в зловещую тишину, даже статуи перестали

вопить. Копыта лошадей ступали бесшумно, всадники приблизились к гробнице. Элрик все еще сжимал двумя руками обагренный кровью меч. Он размахнулся и ударил по цепям, поддерживающим бронзовую усыпальницу. Гробница рухнула, раскололась с грохотом, тысячекратно усиленным тишиной, и кости предков Джагриина Лерна рассыпались. Шум прокатился по всему Хвамгаарлу, и каждый его житель, оставшийся в живых, понял, что означает этот грохот.

— Итак, я вызываю тебя, Джагриин Лерн! — крикнул Элрик, зная, что слова его услышат все.— Я пришел заплатить свой долг, как обещал! Выходи, жалкая кукла!

Он замолк на секунду — даже победа не могла заставить его полностью забыть свои колебания и бестрепетно свершить то, что он должен был совершить.

— Выходи! И захвати с собой Князей Тьмы...

Мунглам с трудом проглотил комок в горле, не сводя вытаращенных глаз с искаженного лица Элрика, но тот твердо продолжил:

— Позови Ариоха! Позови Балана! Позови Малука! Позови с собой гордых князей Хаоса, я пришел, чтобы навсегда отправить их обратно в их измерение!

Тишина была ответом на его гордый вызов. Он слышал, как эхо его слов умирает в самых отдаленных уголках города.

10.

Потом где-то в глубине дворца послышалось движение. Сердце Элрика забилось, грозя выскочить наружу и повиснуть на груди трепетным дрожащим комочком, как доказательство его смертной природы. Он различил звуки, напоминавшие постукивание гигантских когтей и заглушавшие их размеренные человеческие шаги.

Элрик не сводил глаз с огромных золотых ворот дворца, наполовину скрытых тенью от колоннады. В тишине двери начали медленно отворяться, и из них выступила фигура с высоко поднятыми плечами. По сравнению с воротами человек казался карликом; он вышел вперед и остановился, испепеляя Элрика полным дикой ненависти взглядом.

Алые доспехи на нем казались раскаленными. На левом локте висел такой же алый щит, в правой руке он сжимал стальной меч. У него был узкий орлиный профиль, тщательно подстриженные, ухоженные борода и усы. Искусно выделанный шлем венчал геральдический тритон Пэн-Тэнга. Когда Джагриин Лерн заговорил, голос его дрожал от бешенства:

— Итак, Элрик, ты, по крайней мере, частично сдержал свое обещание. Сейчас я очень жалею, что не мог убить тебя в битве, когда мне представилась великолепная возможность, но я был связан словом с Дарнизхааном...

— Выходи, Теократ,— с неожиданным спокойствием произнес Элрик.— Я снова предоставлю тебе такую возможность: мы встретимся в честном поединке один на один.

— Честном? — усмехнулся Джагриин Лерн.— Когда у тебя этот меч? Однажды я уже встретился с ним и не погиб, но сейчас он горит душами моих лучших воинов-священнослужителей. Его сила мне известна. И я не столь глуп, чтобы выйти с ним на единоборство. Нет уж, пусть с тобой бьются те, кого ты вызвал!

Он отступил в сторону. Двери приоткрылись шире, и если Элрик ожидал увидеть гигантов, то был разочарован. Князья приняли человеческий облик и человеческие размеры. Но их окружал ореол мощи. Они излучали силу, которая наполняла пространство вокруг них, когда, пренебрежительно обойдя Джагриина Лерна, они встали на верхней ступени дворцовой лестницы.

Элрик взглянул на их прекрасные улыбающиеся лица и вновь содрогнулся, ибо на них была написана любовь, любовь, смешанная с гордостью и отвагой, так что на мгновение им овладело дикое желание соскочить с коня, броситься к их ногам и молить о прощении за свое предательство. Страстное безысходное томление и тоска одиночества переполнили вдруг его душу, а он ведь знал, что эти чудесные создания возьмут его под свою опеку, защитят, позаботятся о нем...

— Так что же, Элрик,— мягко сказал их предводитель Ариох.— Ты раскаешься и вернешься к нам?

Прекрасный голос звенел серебром, и Элрик чуть было не спе́шился, но тут же закрыл уши ладонями, так что меч повис на ременной петле, и закричал:

— Нет! Нет! Я должен сделать то, что должен! Ваше время, как и мое, кончилось!

— Не надо так говорить, Элрик,— мягко возразил Балан.— Наше владычество только началось. Вскоре вся Земля и все земные создания станут частью сферы Хаоса, и тогда наступит дикая и блистательная эра! — Его слова проникали сквозь ладони Элрика, и шепот демона раздавался прямо в мозгу.— Хаос никогда не был так силен на Земле, даже на заре творения. Мы сделаем тебя великим! Ты станешь Владыкой Хаоса, равным нам! Элрик, мы подарим тебе бессмертие! А если ты будешь глуп и упрям, то добьешься только собственной гибели и никто не вспомнит твоего имени.

— Я знаю это! Но я и не желаю, чтобы меня помнили в мире, где воцарится Закон!

— Этого никогда не случится,— мягко улыбнулся Малук.— Мы преграждаем путь каждому движению, которое совершает Закон, стремясь помочь Земле.

— Именно поэтому вас надо уничтожить! — крикнул Элрик.

— Мы бессмертны, нас невозможно уничтожить! — отвечал Ариох, и в голосе его проскользнуло нетерпение.

— Тогда я отошлю вас обратно в сферу Хаоса, чтобы вы никогда больше не обрели могущества на Земле!

Элрик взмахнул мечом, и тот задрожал, тихонько постанывая, будто сомневался в своей силе так же, как сам Элрик.

— Смотри! — Балан спустился почти до середины лестницы.— Смотри, даже твой верный меч знает, что мы говорим правду!

— Вы говорите лишь часть правды,— дрожащим, неуверенным голосом откликнулся Мунглам, казалось, сам поражаясь своей смелости.— Но я знаю, что существуют и более грандиозная правда — закон, который связывает Хаос с Законом, это Закон Равновесия. На Земле было установлено равновесие и предписано, что Хаос и Закон обязаны сохранять его незыблемым. Иногда весы склоняются то в одну, то в другую сторону, и тогда наступают века изменения Земли. Но сознательное нарушение равновесия — преступно. Быть может, в пылу борьбы вы, творения Хаоса, забыли об этом?

— У нас появилась основательная причина забыть это, смертный. Весы так резко склонились в нашу пользу, что установить прежнее равновесие невозможно. Мы побеждаем!

Элрик использовал передышку, чтобы собраться с мыслями, взять себя в руки. Почувствовав его обновленную силу, Несущий Бурю ответил доверительным мурлыканьем.

Князья Тьмы тоже уловили его настроение и переглянулись.

Прекрасное лицо Ариоха вспыхнуло от гнева, и его земное псевдотело заскользило по ступенькам к Элрику, остальные князья последовали за ним. Конь Элрика отступил на несколько шагов.

Трепещущая огненная молния возникла в руке Ариоха, и он швырнул ее в Элрика. Тот почувствовал холодный ожог в груди и пошатнулся в седле.

— Не важно, что станет с твоим телом, Элрик. Но представь, что мы так же поразим твою душу! — Внешняя невозмутимость и спокойствие покинули Ариоха.

Элрик запрокинул голову и рассмеялся. Ариох выдал себя. Останься он спокоен, обладал бы огромным преимуществом, но теперь он выказал свое смятение, как бы ни доказывал обратное.

— Ариох! Ты помогал мне в прошлом, помогал выжить. Теперь ты пожалеешь об этом!

— Еще есть время исправить мою глупость, дерзкий выскочка!

В Элрика полетела молния, но он загородился Несущим Бурю и с облегчением увидел, что меч отразил удар адского оружия.

Но, конечно же, против такой мощи им не устоять в одиночку, они погибнут, если не смогут призвать на помощь сверхъестественные силы. Но Элрик все не осмеливался воззвать к братьям своего колдовского меча. Еще не время. Пока надо попробовать, может, подействуют иные средства. Элрик отступал под ударами обжигающих молний, Мунглам за его спиной бормотал почти бесполезные заклятия, и тут мелнибониец вспомнил о грифонах, которых отослал в Хаос. Быть может, ему удастся вызвать их — для своих целей.

Он хорошо помнил заклинание: оно лишь немного отличалось от противоположного и требовало несколько иного состояния мыслей. Спокойно, продолжая отражать молнии князей, чьи черты лица претерпели отвратительное изменение — они еще сохранили прежнюю красоту, но злобное выражение искажало их черты,— Элрик произнес заклинание:

Творенья! Вас из безумья создал Матик,
Владыка из Мелнибоне.
И ныне мне помочь должны,
Иль вновь бесформье вас поглотит!

Из клубящихся теней на площадь вынырнули грифоны. Элрик закричал:

— Оружие смертных не может вам повредить! Но эти существа из вашей сферы! Отведайте их свирепость!

На причудливом языке Мелнибоне Элрик приказал грифонам напасть на князей.

Ариох и его собратья в страхе отступили к лестнице, выкрикивая приказы гигантским чудищам, но те наступали все стремительнее.

Ариох завопил, и Элрик увидел, как его тело раскололось пополам и вновь воссоздалось в иной, более причудливой форме, и тут чудища напали на демонов. Все смешалось в бликах кроваво-красного цвета, визге зашедшихся голосов и всхлипах гибнущей плоти. Элрик видел, как за спинами сражающихся демонов поспешно удирал во дворец Джагриин Лерн. Надеясь, что призванные им грифоны удержат князей, Элрик объехал кипящее поле битвы и направил коня вверх по ступеням.

Двое всадников въехали через огромные дворцовые двери, глядя на бегущего впереди них охваченного ужасом Теократа.

— Твои союзники оказались не столь могущественны, как тебе казалось, Джагриин Лерн! — завопил Элрик, нависая над своим врагом.— Ну что, новоявленный глупец, вздумал тягаться мудростью с властителем Мелнибоне?!

Джагриин Лерн, задыхаясь, карабкался по лестнице, с трудом преодолевая многочисленные ступени, боясь оглянуться на настигающего его Элрика. Элрик снова расхохотался и остановил коня, глядя на улепетывающего во весь дух врага.

— Князья! Князья! — рыдал Джагриин Лерн, карабкаясь вверх по лестнице.— Не бросайте меня!

— Неужели эти создания,— шепнул Мунглам,— победят Князей Тьмы?

Элрик покачал головой:

— Я и не думаю, что звери справятся с ними, но если я покончу с Джагриином Лерном, по крайней мере, прекратятся его завоевания и помощь ему со стороны демонов.

Он направил своего коня вверх по лестнице вслед за Теократом, тот услышал приближение врага и бросился в комнату. Элрик услышал, как лязгнул засов и скрипнули замки. Дверь мгновенно разлетелась от удара его меча, за ней оказалась маленькая комната. Но Джагриин Лерн исчез.

Спе́шившись, Элрик подошел к маленькой дверце в дальнем углу комнаты и выломал ее. Узкая лестница вела куда-то вверх, видимо, в башню. Сейчас он сможет, наконец, насытить свою месть, подумал Элрик, достигнув крошечной дверцы на вершине лестницы и

отводя назад руку с мечом, чтобы сокрушить и ее. Меч ударил, но дверь выдержала.

— Проклятие, окаянную дверь защищает колдовство!

Он собирался нанести еще один удар, но тут послышался взволнованный голос Мунглама, который звал друга скорее вернуться.

— Элрик! Элрик, они победили чудовищ! Они возвращаются во дворец!

Ему пришлось пока оставить Джагриина Лерна. Перепрыгивая через ступеньки, Элрик вбежал обратно в комнату, оттуда бросился к лестнице. Но уже в передней увидел струящиеся формы проклятой троицы.

— Несущий Бурю,— обратился Элрик,— пришло время призвать твоих братьев.

Меч шевельнулся в его руке, будто давая согласие. Элрик начал произносить сложные рунические строфы, которым научил его Сепириц. Несущий Бурю тихо подвывал, сопровождая его песнопения, и тут измотанные битвой боги, приняв жуткие и причудливые формы, начали подниматься к Элрику.

А затем в воздухе вокруг них стали проявляться туманные тени, лишь наполовину находившиеся в земном измерении, а наполовину — в сфере Хаоса. Элрик видел, как призраки задвигались, и тут будто миллионы мечей, подобных Несущему Бурю, засверкали в воздухе!

Действуя чисто инстинктивно, Элрик выпустил свой меч и кинул его собратьям. Несущий Бурю повис в воздухе перед ними, и они, казалось, признали его.

— Веди их, Несущий Бурю! Веди их против Князей — или твой хозяин погибнет и тебе не испить больше ни одной человеческой души!

Поток мечей зазвенел, и раздался наводящий ужас стон. Князья бросились вверх к Элрику, и тот отпрянул — так сильно было излучение ненависти от извивающихся фигур.

Глянув вниз, Элрик увидел, как поник в седле Мунглам — может, погиб, а может, просто в обмороке.

Тут мечи ринулись на приближающихся Князей, и у Элрика голова пошла кругом при виде миллиона клинков, рубящих плоть их земных обличий.

Завывающий и визжащий шум битвы заполнил слух, от жуткого зрелища тяжкого побоища темнело в глазах, мутилось зрение. Без поддержки злой силы Несущего Бурю Элрик стал слаб и беспомощен. Он чувствовал, как дрожат и подгибаются ноги, но сейчас он ничем не мог помочь братьям черного клинка в их битве с Князьями Тьмы.

Элрик изнемогал, он понимал, что если и дальше будет смотреть на этот ужас, то обезумеет. К счастью, он почувствовал, как мутится в голове, и сознание покинуло его. Осталось неясно, кто победил в чудовищном побоище.

Тело чесалось. Руки и спина болели, дрожали кисти рук. Элрик открыл глаза.

Прямо перед ним, распластанный по стене, висел на цепях Мунглам. Тусклое пламя мерцало посреди помещения. Он почувствовал боль в обнаженном колене, посмотрел вниз и увидел Джагриина Лерна.

Теократ плюнул в него.

— Итак,— прохрипел Элрик,— я потерпел поражение. А ты все-таки победил.

Однако Джагриин Лерн мало походил на победителя. В глазах его все еще горело бешенство.

— О, как же мне отомстить тебе? — прошипел он.

— Отомстить мне? Тогда, значит?...— у Элрика бешено забилось сердце.

— Твое последнее заклятие подействовало,— нехотя признал Теократ, отворачиваясь и глядя на пламя.— И твои, и мои союзники исчезли вместе, все попытки снова связаться с Князьями оказались тщетными. Ты осуществил свою угрозу — твои прислужники посодействовали — и отослал Князей обратно в Ад навсегда!

— А мой меч? Что с ним?

— Это единственное, что радует меня,— горько улыбнулся Теократ.— Твой меч исчез вместе с остальными. Ты слаб и беспомощен теперь, Элрик. И я смогу до конца жизни издеваться над тобой и мучить.

Элрик был ошарашен. Душу раздирали противоречивые чувства: он радовался поражению Князей и горевал о потере меча. Джагриин Лерн не зря твердил, что без колдовского клинка он, Элрик, был всего лишь половиной человека, альбинизм ослаблял его. Он уже чувствовал, как тускнеет зрение, немеют руки и ноги.

Джагриин Лерн, подняв голову, смотрел на Элрика:

— Порадуйся последним, относительно менее мучительным денькам, выпавшим тебе на долю. Вынужден покинуть тебя, но я буду предвкушать приуготовленные тебе муки. Я должен отдать последние распоряжения и проводить моих людей; боевые корабли скоро отправляются сражаться против Южных стран. Я не стану сейчас терять время на грубые пытки, лучше потерплю, пока придумаю самые изысканные и изощренные, припомню все мыслимые и немыслимые мучения. Клянусь, умирать тебе придется много лет.

Он вышел из темницы, хлопнула дверь, и Элрик услышал, как Джагриин Лерн наставляет стражу:

— Раздуйте огонь посильнее. Пусть они попотеют, как проклятые души в аду. Кормите раз в три дня, только чтобы не померли. Они скоро почувствуют жажду. Дайте ровно столько воды, чтобы не сдохли, пусть жизнь в них едва-едва теплится. Они заслуживают гораздо худших мучений, и они их получат, когда у меня будет время хорошо поразмыслить над этим.

Уже через день началась настоящая агония. Их тела отдали последние капли влаги, пересохшие языки разбухли. И, постанывая от муки, они понимали, что ожидают их неизмеримо более тяжкие страдания. Ослабевшее тело Элрика уже не могло поддержать его все еще безнадежно борющийся дух, мысли и чувства притупились,

состояние агонии превратилось в постоянное и даже привычное ощущение, время перестало существовать.

Однажды сквозь марево боли он с удивлением услышал голос, захлебывающийся от ненависти. Он принадлежал Джагриину Лерну. В комнате был еще кто-то. Элрик почувствовал, как чьи-то руки подхватили его, телу сразу стало легче, а потом его, стонущего, вынесли из темницы.

Хотя он и слышал бессвязные обрывки фраз, отдельные слова, ему не удавалось уловить смысл того, что говорил Джагриин Лерн. Теперь он находился в каком-то темном месте, которое ходило ходуном, что вызывало нестерпимую боль в пересохшей, опаленной жаждой груди.

Потом Элрик услышал голос Мунглама и напрягся, чтобы понять смысл сказанного.

— Элрик! Что происходит? Мы на борту корабля в открытом море, я готов поклясться!

Но Элрик лишь равнодушно буркнул что-то в ответ. Его несовершенное тело слабело быстрее, чем тело обыкновенного человека. Он думал о Зарозинии, которую больше никогда не увидит. Теперь он знал, что не выживет и не узнает, кто наконец победит — Хаос или Закон, не узнает даже, выстоят ли Южные страны против Теократа. Потом разум его снова погас.

Однако теперь ему давали достаточно еды и питья, и Элрик постепенно оживал. Однажды он открыл глаза и увидел склоненное над собой лицо Джагриина Лерна, его тонкогубую усмешку.

— Слава богам,— сказал Теократ.— А я уж боялся, что мы потеряли тебя. Ты, оказывается, довольно хлипкий, друг мой. А прожить ты должен еще долго. Я ведь хочу развлечься, и для начала приготовил вам прогулку на моем корабле. Сейчас мы пересекаем Драконово море, колдовские чары надежно защищают корабли от чудовищ, которые кишмя кишат в здешних водах.

На секунду к Элрику вернулся было прежний задор, он пристально посмотрел на своего врага, пытаясь взглядом высказать свое к нему отвращение, но на слова сил еще не хватало.

Джагриин Лерн тихонько рассмеялся и тронул исхудавшее лицо Элрика носком своего башмака.

— Думаю, я смогу приготовить снадобье, которое несколько оживит тебя.

Когда в следующий раз принесли еду, она оказалась такой скверной на вкус, что Элрик отказался есть, и ему насильно впихнули пищу в рот, однако вскоре он уже смог сам сесть и разглядеть бессильно лежащего рядом Мунглама. Маленький воин был, очевидно, совершенно сломлен пережитыми страданиями. Элрик с удивлением обнаружил, что он сам не прикован, хоть и с невероятным трудом, но все-таки прополз отделявшее его от друга небольшое расстояние, потряс его за плечо. Тот застонал, но больше ничего от него не удалось добиться.

Внезапно яркий свет разорвал темноту трюма, Элрик замигал, ослепленный, потом разглядел откинутую крышку люка и бородатое

лицо Джагриина Лерна. Тот пристально рассматривал своего пленника.

— Прекрасно, прекрасно. Я вижу, снадобье подействовало. Ну-ка, поднимайся, Элрик, вдохни бодрящий морской воздух, погрейся на солнышке. Мы в нескольких милях от побережья Арджимилиара, наши суда-разведчики донесли, что сюда идет довольно большой флот.

Элрик выругался.

— Надеюсь, с помощью Ариоха они отправят вас всех на дно!

Джагриин Лерн насмешливо скривил губы.

— Кого это ты призываешь на помощь? Ариоха? Или забыл уже, что произошло в моем дворце? Ариоха звать бесполезно. И тебе, и мне. А все твои вонючие заклятия!

Джагриин Лерн обернулся к невидимому снизу офицеру:

— Свяжите его и поднимите на палубу. Вы знаете, что с ним делать.

Два воина спрыгнули в люк, схватили еще слабого Элрика, связали по рукам и ногам, вытащили на палубу. Элрик задохнулся от боли, когда солнечный свет резанул по глазам.

— Поднимите его так, чтобы он мог все хорошенько разглядеть,— приказал Джагриин Лерн.

Воины повиновались, Элрика поставили, и теперь он видел весь огромный черный флагманский корабль Джагриина Лерна: шелковый палубный навес колыхался под ровным западным ветром, три ряда гребцов равномерно сгибались и разгибались, на высокой черной мачте хлопал багровый парус.

Поверх бортов Элрик видел огромный флот, следовавший за флагманом. Помимо судов Пэн-Тэнга и Дхарийора, здесь были и корабли из Джхаркора, Шазара и Таркеша, но каждый нес на алом парусе геральдического тритона Пэн-Тэнга.

Отчаяние наполнило душу Элрика, он знал: Южные страны, как бы сильны они ни были, против такого флота не устоят.

— Мы вышли в море всего три дня назад,— сказал Джагриин Лерн,— но благодаря призванному колдовством попутному ветру мы уже почти у цели. А наши корабли-разведчики сообщают, что лормирианцы, прослышав о нашей сверхмощной армаде, решили присоединиться к нам и уже идут сюда. Мудро поступил король Монтан, по крайней мере, сейчас это ему на пользу. Я пока воспользуюсь его услугами, а когда нужда в нем пройдет, убью за коварное предательство.

— Зачем ты рассказываешь об этом мне? — прошептал Элрик, скрипя зубами от боли, которую ему причиняло малейшее движение.

— Я хочу, чтобы ты своими глазами полюбовался на разгром Юга. Торговые Принцы выступили против нас — но их мы легко разобьем. Ты должен понять: то, что ты мечтал предотвратить, все равно осуществится. Сначала мы покорим Южные страны и высосем из них все богатства, потом разграбим Остров Пурпурных Городов и двинемся дальше к Вилмиру и Илмиоре. Но ведь с ними

разделаться труда большого не составит, верно? У нас еще есть помощники, кроме тех, кого ты изгнал.

Элрик не ответил, и Джагриин Лерн нетерпеливо мигнул своим людям:

— Привяжите его к мачте, и повыше, пусть своими глазами увидит сражение. Я окружу его тело охранным заклятием; не хочется, чтобы он погиб от случайной стрелы и лишил меня сладостного наслаждения отомстить ему.

Элрика отволокли к мачте и привязали к ней высоко над палубой, но он едва осознавал, что происходит. Голова склонилась на плечо, он был в полуобморочном состоянии.

Огромный флот несся вперед в предвкушении несомненной победы.

Около шести часов Элрика вывел из оцепенения крик рулевого:

— Курс на юго-восток. Лормирианский флот приближается!

С бессильной яростью наблюдал Элрик, как пятьдесят двухмачтовых кораблей, чьи ярко-белые паруса резко контрастировали с багровым цветом флота Джагриина Лерна, выстраивались, готовясь встретить врага.

Лормир, хоть и был слабее Арджимилиара, имел гораздо более сильный флот. Элрик полагал, что предательство короля Монтана лишило Южные страны доброй четверти их военной мощи.

Теперь он и сам понимал: у Южных стран не осталось никакой надежды, уверенность Джагриина Лерна в победе была небезосновательна.

Настала ночь, и огромный флот неподвижно замер на водной глади. Стражник принес Элрику жидкую кашу, в которую опять добавили лечебное снадобье. Постепенно силы возвращались к пленнику, и вместе с ними росла его ярость: Джагриин Лерн дважды останавливался около мачты и жестоко насмехался над беспомощным Элриком.

— Едва рассветет, мы встретимся с южанами,— улыбнулся Джагриин Лерн,— а к полудню то, что останется от их флота, будет дрейфовать у нас за кормой в виде окровавленных обломков, а мы поспешим вперед, чтобы установить свою власть над народами, столь неразумно положившимися на могущество своих морских сил.

Элрик вспомнил, как он предупреждал королей Южных стран о таком именно печальном исходе, если они выступят против Теократа в одиночку. Но ему бы очень хотелось ошибиться. За падением Юга сразу же последует покорение Востока, а когда Джагриин Лерн установит свою власть над всем миром, восторжествует Хаос, и Земля снова превратится в то же бесформенное вещество, из которого ее сотворили миллионы лет назад.

Тяжкие думы мучили пленника всю эту безлунную ночь. Он пытался заставить себя собраться с мыслями; напрягая все силы, обдумывал замысел, который пока был лишь смутной тенью, почти неосознанным порывом.

12.

Грохот якорей заставил его очнуться.

Ослепленный поначалу отражавшимися от воды яркими солнечными лучами, он разглядел потом на горизонте южный флот. Изящно и величественно скользили пышно изукрашенные горделивые корабли навстречу Джагриину Лерну. Или южные короли, подумал Элрик, очень смелые воины, или они совершенно не представляют себе, насколько силен их враг.

Прямо под Элриком на носу корабля стояла огромная катапульта, рабы уже заряжали ее огромными шарами легковоспламеняющейся смолы. Элрик знал, что обыкновенно такие орудия оказывались обузой в бою, поскольку из-за непомерной величины управлять ими было тяжело, и преимущество получало более легкое оружие. Но механики Джагриина Лерна были явно не дураки. Элрик разглядел дополнительные поворотные механизмы, благодаря которым огромная катапульта становилась маневренной.

Ветер совсем стих, и теперь корабль Джагриина Лерна толкали вперед пятьсот пар человеческих рук. В строгом порядке воины заняли свои места рядом с обшитой досками переносной площадкой — ее перекидывали на вражеское судно и получалось нечто вроде мостика для наступающих солдат.

Элрик вынужден был признать, что Джагриин Лерн оказался крайне предусмотрительным. Он не стал полностью полагаться на помощь сверхъестественных сил. Его боевые корабли были снаряжены лучше каких-либо других, виденных Элриком ранее. Он понял, что южный флот погиб безвозвратно. Сражаться против Джагриина Лерна было безумием.

Но Теократ все-таки допустил одну ошибку. Бешеное, неутолимое желание отомстить заставило его на несколько часов вернуть Элрику силы, и у властителя Мелнибоне окрепло не только тело, но и разум.

Несущий Бурю исчез. Меч делал Элрика непобедимым, а без колдовского клинка он оказался беспомощен. Такова истина. Значит, необходимо во что бы то ни стало вернуть меч. Но как? Клинок вернулся в сферу Хаоса вместе с собратьями, вероятно, его увлекла туда необоримая сила множества ему подобных. Итак, он должен связаться с Несущим Бурю.

Элрик не осмелился бы снова призвать всех мечей-собратьев, произнеся заклинание,— это означало бы искушать провидение.

Тут он услышал грохот — это гигантская катапульта выплюнула свой первый заряд. Объятый пламенем шар взлетел над морем и упал невдалеке, вода вокруг него вскипела, снаряд зашипел и пошел ко дну. Орудие срочно перезарядили, и Элрик подивился, с какой скоростью новый горящий шар занял место предыдущего в катапульте. Джагриин Лерн взглянул на мелнибонийца и расхохотался:

— К сожалению, удовольствие будет коротким. Снарядов слишком мало для долгой схватки. Смотри, как они умрут, Элрик!

Элрик ничего не ответил, прикинувшись растерянным и испуганным.

Следующий горящий шар угодил точно в корабль южан. Элрик видел, как засуетились маленькие фигурки людей, тщетно пытаясь затушить пламя, но скоро уже пылало все судно, превратившись в огромный огненный шар, и люди попрыгали за борт, отчаявшись спасти корабль.

Воздух наполнился шелестом пролетающих огненных снарядов, а южане в ответ пустили в ход свои более легкие орудия. Казалось, тысячи комет вдруг прочертили небо, а жара стояла почти такая же, как в темнице, где мучили Элрика. Поднялись вверх столбы черного дыма, медные тараны дырявили деревянные борта вражеских кораблей, насаживая их точно рыбины на вертел. Раздались хриплые вскрики сражающихся и клацанье железа — первые воины скрестили мечи. Но теперь Элрик уже почти не слышал звуков боя. Погрузившись в глубокую задумчивость, он призвал на помощь весь свой разум.

Наконец мелнибониец почувствовал, что подготовился достаточно, и отчаянным умирающим голосом, который человеческое ухо вряд ли смогло бы расслышать среди грохота боя, воззвал:

— Несущий Бурю!

В его напрягшемся мозгу эхом отдался этот зов; казалось, сквозь кипящий бой, сквозь океанскую толщу, сквозь саму землю он заглянул в иное измерение, в область теней и ужаса. Что-то двигалось там: множество неуловимых очертаний.

— Несущий Бурю!

Он услышал произнесенное рядом проклятье и увидел Джагриина Лерна, который указывал своему офицеру на Элрика.

— Заткни глотку этому белолицему колдуну,— Джагриин Лерн встретился взглядом с Элриком, чуть помедлил, закусив губу, и добавил: — А если это не положит конец его бормотанью — убей!

Офицер стал карабкаться по мачте к Элрику.

— Несущий Бурю! Твой хозяин гибнет!

Он пытался освободиться от пут, но веревки больно впивались в тело, Элрик едва мог шевельнуться.

— Несущий Бурю!

Всю свою жизнь он ненавидел этот меч, хотя часто прибегал к его помощи, все более и более доверяясь ему, а сейчас Элрик взывал к мечу, как пылкий влюбленный к своей возлюбленной.

Солдат уже схватил его за ногу и дернул:

— Эй, заткнись-ка! Слышал, что велел мой господин!

Безумными глазами глянул Элрик вниз, на офицера, тот, содрогнувшись, ухватился рукой за мачту, готовясь другой вонзить меч в Элрика.

— Несущий Бурю! — прорыдал Элрик. Он должен жить. Если он погибнет, миром овладеет Хаос.

Офицер ударил, но клинок не вонзился в Элрика! И тут Элрик вдруг вспомнил, что сам же Джагриин Лерн наложил на него охра-

нительное заклятье и усмехнулся. Колдовство Теократа спасло его врага!

— Несущий Бурю!

Тут офицер вдруг задохнулся, и меч выпал из его руки. Казалось, он борется с кем-то невидимым, впившимся ему в глотку. Элрик видел, как, отрубленные, упали пальцы солдата; струей хлынула кровь. Потом медленно проступили неясные сначала очертания, и Элрик с невероятным облегчением увидел свой покрытый рунами меч! Несущий Бурю заколол врага и пил его душу!

Мертвый упал, а Несущий Бурю остался висеть в воздухе, развернулся и перерубил веревки, стягивавшие Элрика, а потом решительно, с какой-то жуткой нежностью уместился в правой руке хозяина.

И тут же жизненная сила убитого воина влилась в Элрика, боль прошла. Он мгновенно уцепился одной рукой за канат и разрубил оставшиеся веревки, привязывавшие его к мачте.

— Вот теперь, Джагриин Лерн, мы и посмотрим, кто и кому отомстит! — злорадно сказал он, скользя вниз, и легко спрыгнул на палубу. Колдовская, окаянная сила перетекла в него из меча; им овладело исступление, и Элрик казался себе почти богом. Никогда раньше он не был так силен.

Но тут он увидел, что абордажные площадки опущены, и лишь малая часть команды осталась на флагмане. Джагриин Лерн увел своих людей на вражеский корабль, который надежно удерживали абордажные крючья.

Элрик увидел большую бочку смолы, из которой делали воспламеняющиеся снаряды. Рядом лежал тлеющий факел, которым их поджигали. Элрик схватил факел и швырнул в бочку.

— Может, Джагриин Лерн и выиграет эту битву, но его корабль пойдет ко дну вместе со всем южным флотом,— мрачно сказал он и ринулся в трюм, где его держали: он знал, что беспомощный Мунглам все еще там.

Элрик сорвал крышку люка и глянул вниз на жалкую фигуру своего друга. Того, очевидно, оставили здесь умирать от голода. Крысы бросились врассыпную, напуганные ярким светом, хлынувшим в люк.

Элрик спрыгнул вниз и с ужасом увидел, что правая рука Мунглама уже обгрызана. Он взвалил бесчувственное тело на плечи, почувствовав, что сердце еще бьется, хотя и слабо, и вскарабкался обратно на палубу. Как же обеспечить безопасность другу и все-таки отомстить Джагриину Лерну? Элрик направился к абордажной площадке, по которой, он знал, прошел Теократ. Но тут к нему бросились трое воинов. Один из них кричал: «Альбинос! Грабитель удирает!»

Элрик сбил его с ног одним ударом, для этого ему потребовалось лишь легкое движение кистью — черный клинок докончил дело. Остальные отступили, памятуя, как Элрик входил в Хвамгаарл.

Обновленное тело наливалось силой. С каждым трупом росло его могущество. Краденое могущество, но без него Элрик не смог бы выжить и отвоевать победу для Закона.

Вместе со своей ношей он беспрепятственно перебежал на борт

южного корабля. Впереди Элрик видел стяг Арджимилиара, а вокруг него несколько воинов во главе с самим королем Хозелем, лицо его осунулось: король смотрел в глаза собственной смерти. Смерть была ему достойной карой за гордыню, безжалостно подумал Элрик, ведь он отказался от помощи морского владыки Каргана, повелителя Острова Пурпурных Городов, но смерть Хозеля станет очередной победой Хаоса.

Тут он услышал пронзительный крик и на мгновение решил, что его заметили и узнали, но один из воинов Хозеля указывал на север и что-то говорил.

Элрик посмотрел в том направлении и увидел отважные паруса Пурпурных Городов. Шли боевые корабли, лучше подготовленные к сражению, чем флот Торговых Принцев. Яркие паруса сияли на солнце. Это было единственное богатое украшение, которое позволяли себе суровые морские владыки. Должно быть, ведет их старый друг Элрика, Карган. И тогда, вероятно, есть еще возможность изменить ход битвы, обратить военную удачу против Джагриина Лерна, разметать его флот.

Элрик понимал, что с ним во главе южане еще могут победить. С этой мыслью он перебросил бесчувственное тело Мунглама через борт и сам прыгнул вслед за ним в спокойную воду.

Меч придал ему сверхчеловеческие силы, Элрик легко плыл к головному кораблю, на котором находился Карган, и тащил за собой тело друга. Надеясь на прославленное морское искусство повелителя Острова Пурпурных Городов, Элрик плыл наперерез головному галеону, выкрикивая имя Каргана.

Судно слегка отклонилось от курса, и он увидел бородатые лица, склонившиеся над бортом. Ему швырнули канаты, и Элрик уцепился за один, дав втащить себя вместе со своей ношей на корабль.

Когда матросы втягивали его на борт, Элрик увидел ошеломленный взгляд Каргана. На морском владыке были прочные доспехи из коричневой кожи, на крупной голове — металлический шлем, жесткая черная борода всклокочена.

— Элрик! Мы думали, ты давно погиб, ты же пропал по дороге на Юг! Дивим Слорм здесь, на нижней палубе, это ведь он убедил меня прийти на помощь немощным сухопутным принцам, правда, боюсь, мы пришли слишком поздно.

Элрик выплюнул соленую воду.

— Возможно, но если мы не ударим немедленно, у Джагриина Лерна будет время изготовиться к схватке. Мы должны сделать, что можем.

Карган сурово кивнул и сделал знак своим людям.

— Отнесите к лекарю этого коротышку и скажите властителю Дивиму Слорму, что мы выловили из моря его родича.

Пока выполнялись приказы Каргана, Элрик оглянулся и увидел, что на плаву осталось едва ли не одно южное судно. На протяжении более мили вода была горячей, а треск пылающих, тонущих кораблей мешался с воплями раненых и утопающих.

— Если сейчас не обуздать Джагриина Лерна,— сказал Карган,— очень скоро весь мир покорится его ордам.

На палубу вышел Дивим Слорм и с облегчением улыбнулся при виде Элрика.

— Я вижу, ты жив, братец, хотя и еле дышишь. Готов ли ты продолжить борьбу?

Элрик кивнул:

— Несущий Бурю даст мне силы.

Сейчас, когда он уже мог размышлять и прошлое стало яснее, на ум пришли слова Джагриина Лерна о «других союзниках». Что за союзники? Может, это была всего лишь пустая похвальба, а может, и нет. Во всяком случае, если они ударят прямо сейчас, у них хватит времени разбить врага прежде, чем тот сможет призвать на помощь союзников.

За головным кораблем Каргана он увидел весь флот, дальние суда казались крошечными игрушками. Корабли шли в боевом порядке, образуя пять эскадр, каждая под командованием опытного капитана из Пурпурных Городов.

— Что с Зарозинией? — спросил Элрик.

— Она наконец в безопасности,— улыбнулся Дивим Слорм.— Я отправил ее в Карлаак с сильным эскортом. Сейчас она должна быть уже при дворе своего отца.

— Хорошо,— Элрик вздохнул: так мало времени довелось ему провести с женой. Еще хотя бы немного... Вот удалось бы разбить Теократа, тогда, может, и будет еще время.

А между тем Дивим Слорм рассказывал:

— Мы очень плохо спали последние ночи. Это измотало и истерзало всех. Видения, какие-то бездны, чудовища, демоны, бесформенные жуткие существа, неземные создания, несметные их толпы просто заполнили наши сны.

Элрик кивнул, мало, впрочем, обращая внимания на слова друга. Крупицы Хаоса, составлявшие неотъемлемую часть их душ, очевидно пробуждались, чувствуя приближение Стаи Хаоса. Он надеялся, у этих людей хватит сил выстоять в реальной битве, как у них достало мужества перенести кошмарные сны.

— Впереди препятствие!

Кричал впередсмотрящий, он явно был растерян и сбит с толку. Элрик рупором сложил ладони и закинул голову:

— Какое препятствие?

— Оно ни на что не похоже, повелитель, я не могу его описать!

Элрик обернулся к Каргану:

— Передай всему флоту приказ — замедлить ход. Командирам эскадр приготовиться к решающей битве.

Он шагнул к мачте и стал карабкаться к бочке впередсмотрящего. Элрик лез упорно, пока не оказался высоко над палубой. Впередсмотрящий выбрался из своего гнезда, уступая место Элрику: уместиться там мог лишь один человек.

— Это и есть враг, повелитель? — спросил матрос, пока Элрик устраивался в бочке. Мелнибониец пристально вглядывался вдаль.

Горизонт застилала слепящая тьма, иногда от нее отрывались разбухшие клочья, повисали на некоторое время в воздухе, а затем снова сливались с основной массой. Мглистое, трудно определимое *нечто* постепенно подбиралось к флоту Джагриина Лерна.

— Это и есть враг,— спокойно ответил Элрик. Он опознал в огромной черной массе еще одно проявление Хаоса. Да, Джагриин Лерн не просто хвастался — его союзники спешили на помощь.

Некоторое время Элрик наблюдал за выплеском Хаоса: сплошная черная масса передвигалась в отдалении, будто бесформенное чудовище металось в смертельной агонии. Но это была далеко не агония, Хаос вовсе не собирался умирать. Остатки флота Джагриина Лерна развернулись и потихоньку двигались теперь к жуткой черной завесе, которую невозможно даже описать, хотя какие-то смутные образования в общей массе разглядеть все-таки было можно. Что это такое? Элрик почувствовал, как им овладевает чувство безнадежности. Они еще могли сражаться, но — они уже погибли.

С высоты Элрик прекрасно видел весь флот, который, выстроившись в эскадры, двигался к черному клину, собираясь пересечь его на милю ниже самой дальней его точки и мили на две вглубь. Корабль Каргана шел немного впереди всех, но командиры эскадр легко могли следить за ним. Элрик наклонился к Каргану, проходившему мимо мачты, и крикнул:

— Приготовься двигаться вперед, Карган!

Тот кивнул на ходу. Головная эскадра состояла из самых сильных боевых кораблей, она ударит в центр вражеского флота, стремясь нарушить его порядок. Хорошо было бы определить, на каком корабле находится Джагриин Лерн. Если бы удалось захватить или убить Джагриина Лерна, их победа стала бы тогда гораздо более реальной.

Черная завеса приблизилась и встретилась с флотом Джагриина Лерна. Элрик различал лишь паруса первых кораблей, шедших один за другим. Но вот они подошли ближе к таинственной преграде, и Элрик наконец понял, что за призрачные силуэты возникали из общей массы. Огромные сверкающие сооружения, рядом с которыми боевые корабли Джагриина Лерна казались карликами.

Корабли Хаоса.

Элрик узнал их, ведая сокровенные тайны древней мудрости. Эти корабли, как говорили, бороздили океанские глубины, набирая в команду утонувших моряков, а командовали ими создания, ничего общего с человеком не имеющие. Этот флот поднимался из самых глубоких и мрачных океанских бездн, которые с самого начала времен были спорной территорией: из-за них Водные Стихии и их король Страаша спорили с повелителями Хаоса, которые отстаивали свое право на морские глубины, считая их своими законными владениями. Легенды гласили, что некогда Хаос правил на море, а Закон на земле. Может, именно этим и объясняется страх, который одни люди испытывают перед морем, и страстная тяга к морю других.

Стихии отвоевали прибрежные морские пространства, а повелители Хаоса овладели глубинами, использовав свой флот мертвецов. Ко-

рабли, составлявшие его, строились не на земле, не на земле родились и их капитаны, но команды их когда-то составляли часть человечества. Разрушить этот флот какими-либо обыкновенными средствами было невозможно.

Они приближались, и Элрик уже не сомневался, что это и есть жуткие корабли смерти. Знак Хаоса сиял на их парусах — восемь янтарных стрел, исходящих из одного центра. Они символизировали притязания Хаоса на то, что именно он обладает знанием всех вероятностей, а Закон, как предполагалось, уничтожал всякую вероятность и способствовал всеобщему загниванию. Знаком Закона была единственная стрела, устремленная вверх, она символизировала непрерывный рост.

Элрик понимал, что в действительности именно Хаос порождал гниение, ведь изменялся он постоянно, но не развивался. Однако в глубине души Элрик тосковал по прежнему мироощущению: его давняя верность повелителям Хаоса приучила его скорее к дикому разрушению, чем к спокойному, устойчивому развитию и совершенствованию.

Но сейчас Хаос должен восстать против Хаоса, Элрику выпало на долю обратиться против тех, кому в былые времена он хранил верность. Ему придется использовать оружие, созданное силами Хаоса, чтобы в суровой битве победить ему же подобные силы.

Он выбрался из бочки и стал спускаться по мачте, спрыгнул на палубу. К нему подошел Дивим Слорм, и Элрик коротко рассказал брату об увиденном.

Дивим Слорм был поражен:

— Но флот мертвых никогда не поднимается на поверхность, разве только...

От ужаса глаза его почти вылезли из орбит. Элрик пожал плечами:

— Легенда такова: флот мертвых поднимется из глубин, когда настанет время последней битвы, когда Хаос сам восстанет против себя самого, а Закон окажется слаб; человечеству придется выбирать, на чьей стороне вступить в бой, а потом возникнет новая земля, на которой воцарится полновластный Хаос или почти полновластный Закон.

— Значит, пришло время последней битвы?

— Может быть, и так,— отвечал Элрик.— Во всяком случае, одной из последних, сейчас решается, кто будет править во веки веков — Закон или Хаос.

— Если нас разобьют, то воцарится Хаос.

— Возможно, однако запомни, победа в этой борьбе завоевывается не только в сражениях.

— Так сказал Сепириц, но если сегодня нас разобьют, мы вряд ли сможем убедиться в справедливости его слов.— Дивим Слорм положил руку на рукоять Клинка Плача.— Кто-то должен сражаться этими мечами — клинками Судьбы, когда придет время решающей битвы. Наши союзники слабеют, Элрик.

— Да.

13.

Приближался флот Джагриина Лерна, а за ним клубились призрачные корабли Хаоса.

Элрик отдал команду, и гребцы налегли на весла. Флагман понесся навстречу врагу.

Корабль летел над пенистыми волнами, а Элрик обнажил меч и издал древний боевой клич Мелнибоне — завывающий вопль, полный торжествующего зла. Ему подпевал жуткий голос Несущего Бурю — в песне черного клинка звучало жадное нетерпение, он предвкушал многие и многие души, которые ему вскоре предстоит испить, алую кровь, которую он прольет.

Новый корабль Джагриина Лерна шел позади трех рядов боевых кораблей, а за ним надвигались громады кораблей Хаоса.

Железный таран на корабле Элрика коснулся первого вражеского борта, гребцы напряглись, сжимая весла, резко откинулись назад, толкая судно так, чтобы поразить врага ниже ватерлинии. Между тем тучей полетели вражеские стрелы, они впивались в палубу, доспехи. Несколько гребцов упали.

Элрик и его друзья увели людей с верхней палубы, а сами встали так, чтобы хорошо видеть все происходящее. Внезапно, будто повинуясь внутреннему голосу, Элрик глянул вверх — с неба летели зеленые огненные шары.

— Приготовиться тушить огонь! — крикнул Карган и заранее подготовленные люди бросились к бочкам с особой жидкостью, составленной морскими владыками. Ее разлили на палубах, побрызгали на паруса. Огненные шары, коснувшись этой влаги, быстро гасли.

— Не вступайте в бой, пока вас не принудят,— крикнул Элрик морякам.— Мы должны пробиться к флагману. Если захватим его, это будет большой удачей.

— Боюсь, мы погибли,— тихо сказал Карган, содрогнувшись: он увидел, как в толще наступающего Хаоса что-то сдвинулось, и в небо взметнулись черные хвосты.

Элрик молчал.

Они уже находились в гуще вражеского флота, за ними шли корабли их эскадры, большие весла вспенивали волны. Орудия прикрывали их, беспрерывно извергая огонь и камни. Но лишь немногие корабли Элрика прорвались через ряды неприятеля и вышли на открытое пространство, отделявшее их от корабля Джагриина Лерна. Их заметили, и несколько вражеских судов пошли на защиту своего флагмана; понеслись к нему и мерцающие корабли смерти, передвигавшиеся с фантастической для их величины скоростью.

Карган, громко выкрикивая приказы, перестроил по-новому свою поредевшую эскадру. Дивим Слорм потрясенно мотал головой.

— Как могут такие громадины держаться на воде? — спрашивал он Элрика.— Невероятно, но они ведь плывут!

Пока их судно занимало новую позицию к бою, Элрик разглядывал гигантские корабли. Их было двадцать, и рядом с ними любые творения человеческих рук казались мелкими и ничтожными.

Нечто вроде сияющей влаги окутывало эти корабли, и их чернота переливалась всеми цветами радуги, скрадывая очертания и призрачные фигурки потусторонней команды, суетившейся на огромных палубах. Сгустки черного вещества стали перемещаться над водой в сторону кораблей Элрика, и Карган, стоявший на нижней палубе, указывая на них, спросил:

— Смотри! Хаос наступает! Как с ним сражаться?

Элрик в смятении покачал головой:

— Попробуем! Мы должны наступать!

Карган отдал приказы, и голос его звучал резче и пронзительнее обыкновенного. Отчаянное и шальное безрассудство овладело Элриком, а Дивим Слорм угрюмо бормотал:

— Мы идем на смерть, Элрик. Ни один человек по своей воле не посмеет приблизиться к этим кораблям. Только мертвых берут на них, да и те идут без радости!

Но Элрик не обращал на брата внимания.

Странная тишина царила над морем, и ритмичный плеск весел резко отдавался в ушах. Флот смерти бесстрастно ожидал их, ему не надо было готовиться к битве. Элрик сжал рукоять Несущего Бурю. Клинок отвечал на пожатие трепетной дрожью, пульсировал в такт биению сердца своего хозяина, как будто был связан с ним общими венами и артериями.

Они уже так близко подошли к кораблям Хаоса, что могли разглядеть фигурки, толпившиеся на огромных палубах. Элрик с ужасом понял, что, кажется, некоторые из худых мертвых лиц знакомы ему.

Воды вдруг дрогнули, вспенились, поднялись было, но тут же стихли опять.

В диком отчаянии Элрик закричал Каргану:

— Нам ничего не остается! Давай попробуем обойти флот Хаоса и зайти в тыл кораблю Джагриина Лерна!

Под командованием опытного капитана корабль Каргана широким полукругом пошел в обход флота Хаоса. Морская пена летела Элрику в лицо, белела на палубе. Сквозь нее едва виднелись корабли Хаоса, которые напали на остальной флот Каргана, безжалостно круша суда; они изменяли природу дерева, из которого сделаны корабли, и те распадались на части, а несчастные моряки тонули или меняли облик, превращаясь в нечеловеческие существа.

До Элрика донеслись жалкие вопли погибающих и торжествующий грохот музыки Хаоса, когда его корабли двинулись на флот Пурпурных Городов. Корабль Каргана сильно качало, поэтому вести его было трудно, но им все же удалось подобраться с тыла к флагману Джагриина Лерна.

Они чуть было не протаранили его борт, но тут их отбросило волной и пришлось снова маневрировать. С вражеского судна туча стрел с глухим стуком обрушилась на них. Корабль Каргана, поднявшись на высокой волне, скользнул вдоль вражеского борта, выбросил абордажные крючья. Некоторые попали в цель, и с их помощью судно Теократа стали подтягивать к борту, а люди Пэн-Тэнга попы-

тались перерезать канаты и освободиться. Но тут посыпались новые крючья с канатами, потом между кораблями упала одна абордажная площадка-мостик, за ней другая. Элрик и Карган во главе своих воинов перескочил на корабль Джагриина Лерна в поисках Теократа. Пока Элрик добирался до верхней палубы, Несущий Бурю выпил с дюжину жизней, поглотил дюжину душ. Наверху стоял сам капитан в окружении офицеров. Но это был не Джагриин Лерн. Элрик взлетел по трапу, разрубив пополам воина, попытавшегося преградить путь, и заорал офицерам:

— Где ваш проклятый вождь? Где Джагриин Лерн?

Капитан побледнел, он и раньше видел, что может сделать Элрик, когда в руках у него колдовской клинок.

— Его здесь нет, Элрик, клянусь!

— Что? Неужели кто-то смеет еще мне мешать? Я знаю, что ты лжешь! — Элрик двинулся на офицеров, те отступили, держа мечи на изготовку.

— Наш Теократ не нуждается во лжи для своей защиты, стервятник! — усмехнулся молодой офицер, более смелый, чем его соратники.

— Может, и нет,— голос Элрика прозвучал хрипло и угрожающе, когда он пошел на дерзкого юношу, размахивая Несущим Бурю, который с визгом изгибался.— Но, по крайней мере, прежде, чем я проверю истинность твоих слов, я заберу твою жизнь.

Офицер выхватил свой меч и попытался отбить удар Элрика. Несущий Бурю с торжествующим криком пронзил металл, отскочил и вонзился врагу в бок. Тот поперхнулся, но остался стоять и рук не разжал.

— И я, и мой меч нуждаемся в подкормке,— рассмеялся Элрик,— а твоя душа пойдет на закуску, пока я не добрался до Джагриина Лерна.

— Нет! — простонал несчастный юноша.— Нет, только не это!

Зрачки его расширились, хлынули слезы, а в глазах застыло безумие. Через мгновение Несущий Бурю насытился, и Элрик, тоже окрепнув, выдернул клинок. В нем не было жалости к убитому.

— Душа твоя все равно отправилась бы в адские бездны,— небрежно бросил он.— А так хоть кто-то использовал ее.

Два других офицера попытались перелезть через поручни, пытаясь избежать участи своего соратника.

Элрик рубанул одного по руке. Тот с воплем рухнул на палубу, а рука его так и осталась висеть, вцепившись в поручень. Второму мелнибониец проткнул живот, и, пока Несущий Бурю пил его душу, несчастный молил пощадить его, тщетно пытаясь избежать неизбежное.

Элрик почувствовал такой прилив сил, что, когда бросился на остальных офицеров, казалось, он летит над палубой, срубая руки и ноги, будто цветочные стебельки. Наконец встал перед капитаном, и тот тихо взмолился:

— Я сдаюсь. Не бери мою душу.

— Где Джагриин Лерн?

Капитан указал на флот Хаоса, громивший корабли Восточных стран.

— Он там. Плывет вместе с Пиарайей Хаоса, который командует этим флотом. И тебе не достать его там, любой незащищенный человек, если он только не мертв, не может приблизиться к этим кораблям. Живая плоть там обращается в жидкость.

— Это проклятое отродье опять ухитрился надуть меня! — лицо Элрика перекосилось от ярости.— Так вот тебе плата за недобрые вести...

Элрик не жалел тех, кто опустошил и поработил два континента. Он пронзил разукрашенные доспехи и с изощренной жестокостью своих древних предков-колдунов пощекотал острием клинка сердце своего врага, прежде чем покончить с ним.

Элрик огляделся в поисках Каргана, но не увидел его. Возможно, король был уже мертв. И тут он заметил, что флот Хаоса поворачивает назад. Сначала подумал было, что Страаша все-таки привел помощь, но потом разглядел, как несколько оставшихся кораблей Каргана спасаются бегством. Джагриин Лерн победил. Их хитрости, их воины, их мужество — ничто не могло противостоять жуткому воинству Хаоса. А теперь ужасающий флот надвигался на два флагманских судна, сцепленных абордажными крючьями. И до подхода гигантских кораблей освободиться друг от друга они не успеют. Элрик увидел Дивима Слорма, который в тревоге бежал к нему, неся на плече тело Мунглама. Элрик крикнул:

— Прыгай за борт! За борт, если хочешь выжить, и плыви как можно быстрее прочь отсюда!

Оставшиеся в живых воины обеих сторон уже прыгали в окровавленную воду. Элрик убрал меч в ножны и нырнул. Море было холодным, теплая человеческая кровь не согрела его, и у Элрика перехватило дыхание. Он поплыл туда, где виднелась медно-рыжая голова Мунглама, а рядом с ней золотистые волосы Дивима Слорма. Раз он оглянулся и увидел, как по мере приближения адских кораблей стало размягчаться, жутко коробиться и корчиться дерево кораблей. Он с облегчением подумал, что ушел вовремя. Наконец Элрик догнал своих друзей.

— Быстро же нам пришлось улепетывать,— сказал Дивим Слорм, сплевывая воду.— А что теперь, Элрик?

Элрик подплыл поближе и помогал теперь брату поддерживать над водой бесчувственного Мунглама. Коротышка только-только начал приходить в себя, бессмысленно таращась вокруг.

Корабли Хаоса повсюду разрывали природное равновесие. Скоро их дьявольская сила поглотит и Элрика с соратниками.

Дивим Слорм уставился куда-то вверх.

Солнце садилось, и тяжелые темные тучи неслись по темно-синему с металлическим блеском небу. Но не они привлекли внимание Дивима Слорма. Из туч появился золотой шар и быстро летел в их сторону. Он пронесся над их головами и стал падать. Элрик закричал и попытался прикрыться руками от пылающего сгустка. Он почувствовал сначала сильный холод, затем жар. А потом он и его друзья

очутились в круглой комнате; над ними с озабоченным лицом склонился провидец Сепириц. На его чернокожем орлином лице застыло озабоченное выражение.

— Вы трое не должны были погибнуть, как вы того опасались,— спокойно сказал он.

Они чувствовали какое-то колебание, вероятно, шар двигался.

— У меня очень мало таких экипажей и пользоваться ими я могу лишь в крайнем случае,— пояснил Сепириц пораженным людям.— Мы летим к Острову Пурпурных Городов, в Вечернюю Крепость, там я расскажу вам новости.

— Флот разбит,— безнадежно сказал Элрик.— Восточные страны слабы. Джагриин Лерн победил. А наша борьба проиграна.

Сепириц пожал плечами.

— Надеюсь, ты не прав, Элрик. Силы Джагриина Лерна, действительно, возросли даже более, чем я ожидал, но попытки моих братьев связаться с Белыми Владыками, кажется, увенчались успехом.

— Белые Владыки согласны нам помочь?

— Они всегда хотели этого, но им не удалось пока пробить достаточно большую брешь в преграде, которой Хаос окружил нашу планету. А у нас так мало оружия, способного противостоять Хаосу, что будет нелегко ослабить здесь его силу.

— У меня есть, по крайней мере, одно оружие против Хаоса — мой меч, ты же сам говорил...

— Этого клинка недостаточно, у тебя нет никакой защиты против Темных Владык. Именно об этом я и должен был рассказать тебе — как добыть оружие, которое поможет в твоей борьбе, хотя его придется отвоевывать у теперешнего владельца.

— Кто же он?

— Гигант, прозябающий в вечной нищете в огромном замке на краю света, за Рыдающей пустыней. Имя ему Моргада, когда-то он был богом, но сейчас его сделали смертным в наказание за грехи, которые он совершил много веков назад против других, равных ему богов.

— Смертный? Но почему тогда он живет так долго?

— Верно. Моргада смертный, хотя отпущенный ему срок гораздо длиннее, чем у обыкновенного человека. Его угнетает сама мысль о том, что когда-нибудь он умрет. И это омрачает его существование.

— А оружие?

— Не оружие — щит. Особый щит. Моргада изготовил его для себя, когда поднял восстание против равных ему богов, вознамерившись стать выше их всех и даже вырвать Весы Вечности у того, кто их держит. За это преступление его изгнали на Землю и известили, что однажды он умрет — умрет от руки смертного. Ты уже понял, верно, что щит его может противостоять порождениям Хаоса.

— Почему так?

— Силы Хаоса, если они обладают достаточным могуществом, сокрушают любую преграду, сотворенную из гармонично организованной материи. Как мы уже знаем, ничто, воздвигнутое на основе порядка, не может долго устоять против разрушительных сил абсо-

лютного Хаоса,— Сепириц слегка наклонился вперед.— Несущий Бурю уже доказал тебе, что единственное оружие, поражающее Хаос, должно быть порождено самим Хаосом. Таков Щит Хаоса. Он хаотичен по природе своей, и потому в нем нет ничего упорядоченного, силам Тьмы просто нечего разрушать и рвать в нем. Хаосу противостоит Хаос, и враждебные нам силы терпят поражение.

— Если б у меня раньше был этот щит, все могло бы обернуться для нас совсем по-другому.

— Я не смел ранее сказать тебе о нем. Ведь я всего лишь слуга Судьбы и не могу поступать вопреки тому, чему служу. Быть может, требуется, чтобы Хаос сначала очистил мир, а потом потерпел поражение — если он действительно потерпит поражение. Наверное, он должен полностью изменить нашу планету, прежде чем начнется новый цикл. Измениться-то она изменится, но кто будет править в будущем — Закон или Хаос, зависит от тебя. Судьба планеты в твоих руках, Элрик.

— Как я узнаю этот щит?

— В центре его — восьмилучевой знак Хаоса. Это тяжелый круглый щит, сделаннный для гиганта. Но не бойся, мощь, которую дает тебе твой меч, поможет тебе нести щит. Но сначала ты должен набраться мужества и отвоевать его у теперешнего хозяина. Моргада не забыл, какой конец предрекли ему боги, прежде чем изгнать.

— А тебе известно это пророчество?

Шар, казалось, останавливался. Элрик посмотрел на Дивима Слорма, тот сидел, уткнувшись подбородком в колени, с видом унылым и потерянным. Мунглам метался и стонал.

— Да, знаю. На нашем наречии оно звучит так:

Гордость Моргады, гибель Моргады,
Судьбою Моргады станет.
Гибель от смертной руки,
Четверо смерть принесут.

— Четверо? Кто же остальные трое?

— Двое из них здесь, рядом с тобой. А третьего ты встретишь в Вечерней Крепости. Еще один старый друг.

Послышался легкий удар, и стены шара исчезли. Они лежали во внутреннем дворе большой крепости, их окружали стены из красных гранитных глыб. Сепириц исчез, но к ним уже подбегали слуги. Элрик услышал неизвестно откуда доносящийся голос ясновидца:

— Отдыхайте пока. Я еще приду и расскажу о твоей дальнейшей судьбе.

ЧАСТЬ II

ЩИТ ПЕЧАЛЬНОГО ГИГАНТА

Теперь уже на весь мир пала тень великой смуты. Ни бог, ни человек, ни те, кто управлял ими, не могли бы точно прочитать письмена грядущего и провидеть судьбу Земли, а тем временем могу-

щество Хаоса и людей, ему служивших, росло. Земной лик избороздили чудовищные трещины, и звучал над планетой лишь вопль боли и тоски, только почти безлюдный Восточный континент да Остров Пурпурных Городов пока избегли общей участи, но и над ними уже нависла угроза завоевания. И скоро могучая волна Хаоса поглотит весь мир, если не удастся призвать некую еще более великую силу, которая могла бы приостановить неуклонное и жуткое наступление.

Из надмирных пространств, из пограничных сфер наблюдали за борьбой на Земле Повелители Вышних Миров, но даже им не в полной мере была открыта судьба Элрика.

Великие перемещения творятся на Земле и над ней, обретают очертания великие судьбы, замышляются великие деяния, так неужели возможно, чтобы, несмотря на волю Повелителей Вышних Миров, несмотря на Длань Космоса, простертую над планетой, несмотря на мириады сверхъестественных созданий, наводнивших Вселенную, судьба Земли зависела от одного человека?

Один-единственный человек?

Один человек, один клинок, одна судьба?

Хроники Меча Тьмы

Тринадцать раз тринадцать ступеней —
К обители печали путь стремится —
Щит Хаоса издревле тут хранится.
И семь раз семь деревьев бузины,
И воинов двенадцать раз двенадцать,
Что сторожить его должны —
Щит Хаоса издревле тут хранится.
Но явится герой, чтобы за него сразиться,
И Черный Меч вновь кровью обагрится —
Взойдет победы безотрадный день.

1.

Два дня спустя они смотрели, как входят в гавань остатки разбитого флота. Мунглам, совершенно оправившись благодаря лечебным снадобьям и травам Элрика, с унынием в голосе считал уцелевших.

— Слишком мало,— сказал он.— Черный сегодня день.

У них за спиной прозвучал сигнал трубы.

— Кто-то прибыл с материка,— сказал Дивим Слорм.

Они поспешили обратно в Вечернюю Крепость и появились как раз тогда, когда облаченный в алые одежды стрелок спешивался во дворе. Его исхудавшее до крайности лицо было словно выточено из кости. От слабости он не мог даже поднять головы.

Элрик изумленно воскликнул:

— Ракхир! Ты же командуешь войсками на побережье Илмиоры. Почему ты здесь?

— Нас вынудили отступить. Теократ напал сразу двумя флотами. Второй появился со стороны Бледного моря и застал нас врасплох. Наша оборона была сломлена, Хаос прорвался, и нам пришлось

спасаться бегством. Враг высадился менее чем в сотне миль от Бакшаана и теперь идет, а точнее сказать, *мчится* по стране. Вероятно, они хотят встретиться с армией, которую Теократ намерен высадить здесь.

— А-а-а, мы окончательно разбиты...— скорее простонал, чем произнес Мунглам.

— Надо добыть этот щит, Элрик,— сказал Дивим Слорм.— Где Сепириц?

— Явится он или нет, но сегодня ночью я должен отправиться в Карлаак. Моя Зарозиния в опасности,— Элрик ощущал только глухое отчаяние. Он повел Ракхира через двор в Крепость.— Идем, Ракхир, ты отдохнешь, а потом расскажешь нам все, что сможешь.

Уложив Ракхира спать, он направился в главную залу, где его уже ждал Сепириц.

— Тебе, верно, очень плохо сейчас, Элрик. Ты уже слышал новости?

Элрик кивнул:

— Если этот щит — наша последняя надежда, я должен его раздобыть. Расскажи, как это сделать.

— Хорошо. Нам наконец удалось связаться с Белыми Владыками, но они, к сожалению, могут пока немногое. Необходимо каким-то образом проложить путь в их измерение сквозь созданные Хаосом преграды. Завоевания Джагриина Лерна на Земле почти закончены. Когда все покоренные страны будут объединены, он станет так силен, что сможет призвать новых союзников из сферы Хаоса, самые могущественные потусторонние силы присоединятся к нему. Поддержка Пиарайи и флота Хаоса уже сейчас делают Джагриина Лерна почти непобедимым, если только Пиарайа не погибнет...

— Как можно убить Пиарайю?

— Для этого необходимо разбить кристалл, который он носит на голове, в нем хранятся его жизнь и душа. Но пока ты не можешь этого сделать, Элрик, несмотря на возросшую мощь твоего меча. Сначала надо раздобыть щит Моргады. Ты заметил, как быстро теперь Несущий Бурю вливает в тебя силы?

— Верно. И я, кажется, стал больше полагаться на эту силу,— вяло заметил Элрик.— Сил у меня больше, а сам я, похоже, становлюсь все слабее.

— Эта сила добыта с помощью зла, и сама она — зло,— строго сказал Сепириц.— Меч твой становится все могущественнее, но по мере того как порожденная Хаосом сила будет наполнять тебя, тебе придется все упорнее и упорнее бороться с ней за власть над собственной душой, за обладание человеческой сутью. На эту борьбу потребуются новые силы. Так что придется использовать часть проклятого могущества, чтобы бороться с ним же самим.

— Теперь я буду жить, даже если воздух превратится в кипящий газ,— Элрик положил руку на рукоять своего меча.— Клянусь Космическими Весами и Космическим Рановесием, Закон восторжествует, и на Землю придет Новый век!

— Будем надеяться, Элрик. А теперь к делу. Замок Моргады почти неприступен. Он стоит на скалистой вершине огромной и одинокой горы, куда ведет лестница в сто шестьдесят девять ступеней, вдоль нее растет сорок девять древних деревьев бузины — их особо следует опасаться. Кроме того, у Моргады есть стража из ста сорока четырех воинов. Я так точно называю все цифры, потому что они имеют мистическое значение.

— О воинах, я, конечно, позабочусь, но при чем тут бузина?

— В каждом дереве заключена душа одного из тех, кто поддержал Моргаду,— так их покарали. И теперь деревья жаждут мести.

— А четвертый человек, о котором говорится в пророчестве?

Сепириц погрустнел.

— Он уже прибыл — поэтому я и здесь. Четвертый — несчастный Ракхир.

— Несчастный Ракхир? Почему несчастный?

Сепириц покачал головой.

— Не имеет значения, все исполнится, как до́лжно,— Сепириц скрестил руки на груди.

— Четверка коней Нихрена ждет вас на конюшне. Они скачут быстрее обыкновенных и доставят вас к замку Моргады вовремя. Неситесь во весь дух — Хаос наступает стремительно,— Сепириц пожал руку Элрику, и тот с изумлением заметил, что провидец смотрит на него с жалостью и сочувствием.— Ах, Элрик, боюсь, тебе придется пережить еще немало горьких, тяжелых минут, тебя ждут еще многие и многие печали. Ну, а теперь поспи, пока Ракхир отдыхает, и скажи своим друзьям, чтобы они тоже отдохнули,— скоро вам отправляться в путь.

2.

С двух сторон Хаос наступал на восток, и четверо наших героев покинули Вечернюю Крепость, зная, что она вряд ли выстоит в предстоящей битве. На волшебных скакунах переправились они на материк, где обнаружили, что сторожевые гарнизоны пусты, люди покинули их перед лицом надвигающейся смертельной угрозы. Только днем позже повстречались первые уцелевшие в схватке с Хаосом. Тела несчастных были изуродованы чудовищным влиянием настигающей Тьмы. Люди из последних сил брели по белой дороге, которая вела в Джадмар — город, еще свободный от врага. От них Элрик и его спутники узнали, что половина Илмиоры, часть Вилмира и крошечное независимое королевство Орг уже заняты войсками Джагриина Лерна.

Хаос неуклонно приближался, и материя его жуткого Космоса проникала в земную сферу, так что почва вздымалась волнами, море текло лавовыми потоками, горы меняли очертания, а на деревьях распускались жуткие, никогда ранее не виданные цветы. Все в природе стало теперь неустойчивым и противоестественным, такое состояние не могло длиться долго. Победа Хаоса была неизбежна, если планета останется с ним один на один. Элрик с облегчением

убедился, что Карлаак еще свободен. Но лазутчики доносили, что армии Хаоса менее чем в двух сотнях миль от него и быстро приближаются.

Зарозиния встретила его с радостью и волнением.

— Ходили слухи, что ты умер — убит во время сражения на море.

— Я не могу остаться надолго. Мне нужно идти за Рыдающую пустыню. А ты должна будешь остаться здесь.

— Жителям уже велено покинуть город. Мы отправляемся в Стенающую пустошь. Даже Джагриина Лерна вряд ли что привлечет в этих заброшенных землях.

— Может статься. Во всяком случае там тебе будет безопаснее. Если мне повезет, возможно, удастся вовремя остановить Джагриина Лерна.

Элрик рассказал жене о предстоящем деле.

— Тебе и правда нужна какая-нибудь защита,— кивнула она.— Хаос страшно уродует обыкновенных людей, если только они не сторонники Джагриина Лерна.

— Все стало зыбким, неустойчивым — воздух и огонь, вода и земля — ведь они тесно связаны не только с жизнью и душами людей, но и с самим составом планеты. Итак, я добуду щит, и он укроет нас обоих.

— Надеюсь, мой повелитель.

— Твой голос звучит очень грустно. О боги! Да от тебя так и веет тоской и печалью. Но я надеюсь на лучшее и не теряю бодрости, Зарозиния,— он взял ее за руку, улыбаясь отчаянно и весело.— Ну же, приободрись, бери пример с меня.

Она попыталась рассмеяться, но в глазах девушки блестели слезы. Муж посмотрел на нее с внезапным состраданием. Ведь она была совсем девочкой, несмотря на чувственные губы и все ее любовное умение.

— Любовь моя, я столь многим обязан тебе,— мягко произнес он.— У меня в жизни было мало счастливых часов, но все они связаны с тобой. Не бойся, может, и будет еще радость в нашей судьбе.

Она приникла к нему всем телом.

— О нет, мой повелитель, нет, единственная наша судьба — это смерть!

Он пытался поцелуями остановить поток ее слез, она отвечала его ласковым губам, и тела их сплелись в любовном объятии. Потом заснули, утомленные, и сны их наполнялись мрачными предзнаменованиями; они все крепче прижимались друг к другу, не в силах избавиться от предчувствия грядущих мук и страданий.

Утром он встал и облачился в мелнибонийский боевой наряд: нагрудник сверкающего темного металла, куртка стеганого черного бархата с высоким воротником, черные кожаные штаны и высокие, тоже черные сапоги до колен. На плечи Элрик набросил темно-красный плащ, а на его тонкой белой руке с длинными пальцами мерцал Королевский Перстень — оправленный в серебро редкий ка-

мень Акториос. Длинные белые волосы, схваченные надо лбом бронзовым обручем, свободно падали на плечи. У пояса висел Несущий Бурю, а на столе дожидался хозяина сужающийся кверху высокий черный шлем с вырезанными на нем древними рунами. Прямо над прорезями для глаз на шлеме была укреплена фигурка распростершего крылья дракона с зияющей пастью — напоминание о том, что императоры Пресветлой Империи, предки Элрика, были еще и Повелителями Драконов, а сами драконы Мелнибоне еще, возможно, спят в своих подземных пещерах. Но вот Элрик надел шлем, и его алые глаза вспыхнули в узких прорезях.

Зарозиния надела платье из золотой парчи и серебристый, отделанный черным плащ, ниспадавший до пола.

Она поднесла мужу блюдо фруктов, приправленных пряными травами, и он принялся за еду.

— Ты оделся, как для великой битвы, мой повелитель.

— Да,— он попытался улыбнуться.— Если то, что ты говорила прошлой ночью, правда, нам лучше бы облачиться в погребальный красный цвет, верно? — Он отодвинул блюдо и обнял ее, крепко и отчаянно, как припадает человек к последнему напоминанию о невозвратно утерянном счастье.— Иди же. Я должен спешить.

Три его товарища уже ждали во дворе, сидя в седлах. Он легко бросил тело в высокое седло нихренского скакуна и послал жене воздушный поцелуй:

— Я отыщу тебя в Стенающей пустоши и докажу, что мои надежды были оправданы! Прощай!

Они покинули гостеприимные стены Карлаака и вскоре приблизились к Стенающей пустоши, через которую лежал самый короткий путь к Рыдающей пустыне. Только Ракхир хорошо знал эти места, он и вел своих сотоварищей. За спиной Ракхир нес лук и колчан со Стрелами Закона, несколько лет назад их вручил ему колдун Ламзар во время осады Танелорна. Нихренские кони, ступая по поверхности собственного измерения, передвигались с невероятной скоростью. В этой местности, где извечно шел дождь, трудно было разглядеть что-либо, однако через два дня впереди смутными тенями проступили скалы, и путники поняли, что приближаются к пустыне.

Вскоре они уже скакали глубоким ущельем, дождь прекратился, а на третий день ветер потеплел, потом стал более резким и обжигающим, и они вышли в пустыню. Солнце палило, над бесплодными скалами и песками беспрерывно завывал ветер. Они отдыхали всего по нескольку часов, Ракхир вел все дальше и дальше в глубь огромной пустыни. Путники почти не разговаривали, так как трудно было перекричать шум ветра, который почти заглушал человеческий голос.

Элрик никак не мог определить, как он сам должен относиться к тому затруднительному положению, в котором очутился. Он был немного не в себе; обрушившиеся на него знания и бремя ответственности опустошили его. Он давно оставил попытки постигнуть собственную двойственную натуру. Элрик и раньше был подвержен приступам уныния, покорно смиряясь со своей физической сла-

бостью, с порченой кровью в жилах. В отличие от других он представлял себе жизнь не как застывший, раз и навсегда данный порядок, а как смесь случайных событий. И теперь ему трудно было проникнуться сочувствием к силам Закона. Поэтому приходилось постоянно делать над собой усилие, и неизвестно, стоило ли дело таких жертв. Лучше жить, как живется, не рассуждать и не ошибаться, лучше быть игрушкой и позволять богам развлекаться, как им вздумается, чем пытаться самому распоряжаться своей судьбой, вступить в борьбу с волей Вышних Миров и погибнуть в муках.

Элрик был последним из тех, кто без всяких усилий, благодаря врожденным способностям, использовал колдовство, данное миру Хаосом, исключительно для собственных нужд и более ни для чего. Им ни к чему были ни самообладание, ни сдержанность, ни самоограничение, присущие новым народам и расам. Но теперь он вынужден был прибегать к самоограничению — ведь его колдовская сила слабела. Но зачем напрягаться, пытаться мыслить яснее, последовательнее, быть проницательнее? Ведь он — всего лишь жертва на алтаре Судьбы. Элрик глубже вдохнул горячий сухой воздух и выдохнул его из обожженной груди, сплевывая раздражающие песчинки, попавшие в рот и нос.

Вглядываясь вдаль сквозь насыщенный песком воздух, Элрик увидел впереди какие-то неясные очертания — одинокая гора посреди пустынных пространств. Казалось, сверхъестественные силы перенесли ее сюда. Элрик выпрямился в седле.

— Мы почти приехали,— крикнул он, указывая на гору.— Давайте немного отдохнем перед последним переходом!

3.

Ступени круто поднимались в гору. Высоко вверху смутно поблескивала каменная кладка, а там, где лестница первый раз изгибалась и пропадала за склоном горы, росла бузина. Выглядела она совершенно обыкновенно, но путникам казалась своеобразным воплощением будущих битв — ведь здесь это был их первый враг. Как он будет сражаться? Элрик поставил обутую в сапог ногу на первую ступень. Она оказалась очень высокой, построенной для гигантов. Элрик начал подниматься, трое его друзей последовали за ним. На десятой ступени он обнажил Несущий Бурю и почувствовал, как дрожит клинок, как передает хозяину свою мощь. Подниматься сразу же стало легче. Подойдя к бузине, Элрик услышал шелест ее листьев и увидел, как ветви пришли в движение. Да, дерево, без сомнения, чувствовало его приближение. Элрик был уже всего в нескольких шагах от бузины, когда услышал возглас Дивима Слорма:

— О боги! Листья! Посмотри на листья!

Прожилки на листьях вздулись, затрепетали, а сами они вдруг стали отрываться от веток и полетели прямо на пришельцев. Один опустился на обнаженную руку Элрика. Тот попытался сбросить лист, но он прилип. Листья постепенно облепляли тело Элрика

и вот уже хлынули зеленой волной. Элрик почувствовал жгучую боль в руке, с проклятьем отодрал лист и с ужасом увидел на коже капли крови. Судорогой тошноты перехватило горло, он сорвал с лица прилипшие листья и выхватил меч. Едва листья соприкасались с клинком, они съеживались и погибали, но их место мгновенно занимали все новые и новые. Элрик неосознанно почувствовал, что листья высасывают не только кровь, но и жизненную силу, душу.

Раздался крик ужаса, видно, и его товарищи поняли это. Листья кто-то направлял, и Элрик знал, кто именно — само дерево. Отбиваясь от листьев, роившихся вокруг него, как голодная саранча, он преодолел оставшиеся до дерева ступени.

Тут Элрик принялся яростно рубить бузину, она стонала и гневно вскрикивала, а ветви пытались ударить в ответ. Наконец все ветки были обрублены, и Несущий Бурю глубоко вонзился в ствол. Комья земли полетели в разные стороны, когда из почвы выдрались корни. Дерево завопило и стало клониться в сторону Элрика, будто, погибая, стремилось уничтожить и своего погубителя. Элрик попытался вытащить Несущий Бурю, который жадно пил жизненную силу одушевленного дерева, но не смог это сделать и вынужден был отскочить, когда бузина рухнула на ступени, едва не задев его. Одна ветка все-таки хлестнула его по лицу, высасывая кровь. У Элрика перехватило дыхание, он еле устоял на ногах, чувствуя, как жизнь медленно покидает его.

Элрика шатало, он оступился, качнулся к упавшему дереву и только тут заметил, что бузина мертва: листья ее стали коричневыми, съежились.

— Скорее! — задыхаясь, велел он друзьям, когда они приблизились.— Сдвиньте дерево! Мой меч под ним, а без Несущего Бурю я погиб!

Они немедленно взялись за дело, с трудом откатили дерево, и Элрик слабой рукой взялся за рукоять меча, все еще торчавшего из ствола. И тут же чуть не закричал, почувствовав, как переливается в него исступленная, ликующая сила — его наполняла живительная мощь погибшего дерева, она пульсировала в жилах, и он ощущал себя почти богом. Элрик рассмеялся, будто одержимый демонами, спутники смотрели на него с изумлением.

— Вперед, друзья, за мной! Теперь я готов сразиться с миллионом таких деревьев!

Он летел вверх по ступеням, когда на них обрушилась новая стая листьев. Не обращая внимания на их укусы, Элрик бросился ко второй бузине и уверенно вонзил в нее меч. И снова вскрикнуло дерево.

— Дивим Слорм! — позвал Элрик, опьянев от переполнявшей его жизненной силы.— Делай, как я,— дай своему мечу испить несколько душ, и мы станем непобедимы!

— Такой силе не очень-то порадуешься,— бормотал Ракхир, стряхивая с себя сухие листья, а Элрик вытащил меч из мертвого дерева и бросился к следующему. Бузина теперь росла гуще, ветви

тянулись к Элрику, нависая над ним, будто пальцы: жаждали впиться и разорвать живую плоть.

Дивим Слорм с неохотой, но все-таки последовал примеру Элрика и начал убивать деревья. Вскоре и его уже переполняла жизненная сила, украденная у заключенных в деревья демонов, и дикий хохот Дивима Слорма вторил теперь смеху Элрика. Будто дьявольские дровосеки, снова и снова набрасывались они на одушевленные деревья бузины, и каждая новая победа лишь прибавляла им силы, а Мунглам и Ракхир переглядывались со страхом и изумлением, видя ужасающие перемены, происшедшие с друзьями.

Однако спорить не приходилось, братьям удалось победить демонов в образе деревьев. Оглядываясь назад, они видели распростертые почерневшие стволы, усеявшие горную тропу.

Древний пыл умерших повелителей Мелнибоне бросал отблеск на лица двух родичей, когда они дружно запели старинный боевой гимн. Буйная и злобная песнь возносилась к небесам, а клинки-близнецы подпевали им. Губы Элрика приоткрылись, блестели белоснежные зубы, красные глаза горели жутким огнем, молочно-белые волосы развевал жгучий ветер. Он вскинул руку с мечом и обернулся к товарищам:

— Смотрите же, друзья, как древние мелнибонийцы подчиняли себе человека и демона и правили миром десять тысяч лет!

Мунглам подумал, что именно теперь Элрику подошло бы прозвище Волк, данное ему много лет назад на Западе. Все силы Хаоса, которые он вобрал в себя, составляли теперь неотъемлемую часть его существа, распоряжались каждой частичкой плоти. Мунглам вдруг понял, что отныне в душе Элрика нет более раздвоенности, нет раздора между древней верой и велением Судьбы. В нем заговорила кровь предков, он вел себя так, как некогда вели себя они, и все народы Земли в страхе бежали прочь от их злобного великолепия, кровожадности и неумолимой жестокости. Дивим Слорм тоже казался одержимым. И Мунглам в душе взмолился любым добрым богам, если такие еще были в мире, чтобы Элрик всегда оставался его другом, а не врагом.

Они уже были недалеко от вершины, Элрик и его брат неслись вперед огромными нечеловеческими прыжками. Ступени оканчивались у входа в мрачный подземный коридор, и родичи ринулись во мглу, смеясь и перекликаясь. Мунглам и Ракхир, хотя и несколько медленнее, последовали за ними. Ракхир, Алый Стрелок, положил стрелу на тетиву лука.

Элрик вглядывался в темноту, у него слегка кружилась голова и чуть покачивало от мощи, струившейся, казалось, изо всех пор его тела. Он услышал шаги — приближались существа, закованные в броню; когда они подошли, оказалось, это обыкновенные люди. Их было около полутора сотен, но Элрика это не испугало. Когда первые воины бросились на него, он с легкостью отбил их удары и заколол врагов; их души составили лишь ничтожную частичку уже переполнявшей его жизненной силы. Плечом к плечу сражались родичи, поражая воинов, будто безоружных детей. Ужасная картина

открылась Мунгламу и Ракхиру на месте схватки — кровь лилась ручьем, и земля от нее стала скользкой. Смрад смерти был непереносим, а Элрик и Дивим Слорм, уничтожив первые ряды, бросились на остальных.

— Пусть они враги и слуги тех, против кого мы боремся,— простонал Ракхир,— но зачем такая жестокая резня? Ведь это же ни к чему, верно, друг Мунглам; они не люди, они стали демонами войны!

— Да,— согласился с тревогой Мунглам. Они снова вышли на солнечный свет и увидели впереди зáмок. Оставшиеся в живых воины сбились перед ним в кучу, а Элрик и Дивим Слорм приближались, с угрозой подняв мечи; на лицах братьев горела злобная радость. Воздух звенел от криков и ударов клинков. Ракхир прицелился и поразил одного из защитников замка в левый глаз.

— Я позабочусь, чтобы хоть некоторые из них приняли более милосердную смерть,— пробормотал он, накладывая на тетиву новую стрелу.

Когда Элрик и Дивим Слорм исчезли в толпе врагов, некоторые из защитников, почувствовав, что Мунглам и Ракхир менее опасны, бросились к ним. Мунглам оказался в окружении трех воинов и обнаружил, что меч его стал вдруг необычайно легок и, соприкасаясь с доспехами врага, издает чистый и приятный мелодичный звук. Теперь он запросто побеждал противника: меч не передавал своему хозяину силу убитых, но и не тупился, и даже более тяжелые клинки не могли отразить его удары. Мунглам понял, что это помощь Сепирица. Ракхир использовал все стрелы, свершая то, что, как он полагал, было делом милосердия. Обнажив свой меч, он убил двоих, потом отвлек на себя третьего противника Мунглама и поразил его в бок снизу вверх так, что клинок пронзил сердце.

Расправившись со своими противниками, они нехотя направились туда, где кипела основная схватка и увидели, что земля там уже усеяна множеством трупов. Ракхир крикнул:

— Элрик! Остановись! Дай нам покончить с ними. Тебе ведь уже не нужны их души! Мы подарим им обыкновенную милосердную смерть!

Но Элрик только расхохотался и продолжил свое кровавое дело. Он только-только покончил с одним воином и рядом не оказалось следующего. Тут-то Ракхир и схватил его за руку:

— Элрик!..

Несущий Бурю повернулся в руке Элрика и, радостно завывая, нацелился в Ракхира. Глядя в глаза неуклонно надвигающейся смерти, Алый Стрелок, захлебнувшись, всхлипнул и попытался избежать удара. Но клинок опустился на его плечо и разрубил до пояса.

— Элрик! Только не мою душу!

Так умер герой Ракхир, Алый Стрелок, известный в восточных странах как Спаситель Танелорна. Его пронзил предательский клинок друга. А Элрик смеялся, пока не осознал, что произошло. Он выдернул меч из тела Ракхира, но было поздно. Краденая сила все еще билась в нем, но теперь горе не давало этой энергии

полностью овладеть его душой. Слезы полились по искаженному от муки лицу Элрика, и тяжкий стон вырвался из его груди:

— О Ракхир, неужели это никогда не кончится?

На противоположной стороне усеянного смертью поля стояли два его товарища и молча смотрели на Элрика. Дивим Слорм перестал убивать только потому, что не осталось живых врагов. Задыхаясь, он в растерянности озирался кругом. А Мунглам смотрел на Элрика с ужасом, но во взгляде его появилось и сочувствие другу: Мунглам хорошо знал роковую судьбу мелнибонийца и ведал, что Несущий Бурю жаждет заполучить душу одного из самых близких Элрику людей.

— Не было на земле более мягкосердечного и благородного героя, чем Ракхир,— сказал Мунглам и содрогнулся: — Никто так, как он, не стремился к миру и законности.

Элрик поднялся на ноги и обернулся, чтобы рассмотреть высившийся перед ними замок из гранита и меди. Казалось, это величественное сооружение молча ожидает дальнейших шагов пришельцев. За зубчатой стеной на самой высокой башне виднелся смутный силуэт — это мог быть лишь сам гигант.

Молча повел Элрик двух своих спутников через распахнутые двери замка Моргады. Они вошли в огромный зал, обставленный и украшенный с дикой пышностью и великолепием.

— Моргада! — крикнул Элрик.— Мы пришли исполнить пророчество!

Они ждали с нетерпением, пока наконец в проеме огромной арки в дальнем конце просторного зала показалась грузная фигура. Моргада был ростом с двух человек, но спина его согнулась. На голове курчавились черные густые волосы, стан облегал темно-синий халат, перехваченный поясом, на огромных ступнях надеты простые кожаные сандалии. А в темных глазах застыла такая глубокая печаль, какую раньше Мунглам читал лишь во взгляде Элрика.

В руке печальный гигант нес круглый шар с изображением восьми янтарных стрел Хаоса. Щит был серебристо-зеленого цвета, очень красивый. Другого оружия у Моргады не было.

— Я помню пророчество,— сказал он, и голос его походил на тоскливое завывание ветра.— Но все же я хочу попытаться изменить предреченное. Быть может, ты возьмешь щит и отпустишь меня с миром, человек? Я не хочу умирать.

Элрик испытывал нечто вроде сочувствия к печальному Моргаде, он догадывался, что должен чувствовать падший бог в такой момент.

— В пророчестве сказано: смерть,— мягко возразил Элрик.

— Возьми щит,— Моргада снял его с могучей руки и протянул Элрику.— Возьми щит и на этот раз измени предсказанную судьбу.

— Хорошо,— кивнул Элрик.

С глубоким вздохом опустил гигант на пол Щит Хаоса.

— Тысячи лет я жил, страдая под тяжестью пророчества,— произнес он, выпрямляясь.— А теперь я хотя бы умру в преклонном возрасте, и умру спокойно. Когда-то я не мог себе этого пред-

ставить, но после бесконечно долгих лет одинокой жизни, я, наверное, приму смерть с радостью.

— Похоже, весь мир жаждет смерти,— ответил Элрик,— но и ты вряд ли умрешь своей смертью. Хаос наступает, и он поглотит тебя так же, как и все вокруг, если только мне не удастся его остановить. Но в конце концов тогда у тебя, похоже, будет более подходящее настроение и ты спокойнее примешь неизбежную гибель.

— Прощай, я благодарен тебе,— сказал гигант, повернулся и побрел туда, откуда недавно появился.

Как только Моргада исчез, Мунглам кинулся за ним и, прежде чем Элрик или Дивим Слорм смогли что-то сказать или остановить его, скрылся в проходе.

Они услышали один-единственный вскрик, который, казалось, эхом отозвался в вечности, потом удар, от которого содрогнулись стены, а затем приближающиеся шаги.

В дверях показался Мунглам с окровавленным мечом в руках.

— Это было убийство,— просто сказал он.— Я признаю. Я ударил его в спину, прежде чем он что-либо понял. Хорошая быстрая смерть, он умер счастливым. Скажу больше, смерть его была лучше, чем та, которую его слуги готовили нам. Конечно, это убийство, но, на мой взгляд, оно было неизбежно.

— Почему? — удивленно спросил Элрик.

— Он должен был погибнуть, так распорядилась Судьба,— мрачно ответил Мунглам.— Сейчас мы слуги Судьбы, Элрик, и ослушаться ее велений даже в малом означает изменить ее целям. Но и это еще не все — так я начал дело отмщения. Если б Моргада не окружил себя множеством защитников, Ракхир не погиб бы.

— Вина за его смерть на мне,— покачал головой Элрик.— Моргада не должен был умирать в отместку за преступление моего меча.

— Кто-то должен был умереть,— упрямо возразил Мунглам,— а в пророчестве говорится о смерти Моргады, значит, так и суждено было быть. Кого бы еще я мог здесь убить, Элрик?

— Как бы я хотел оказаться на его месте,— вздохнул Элрик, отворачиваясь. Он посмотрел на огромный круглый щит с янтарными стрелами, переливающийся таинственным серебристо-зеленым светом. Потом сравнительно легко поднял его и укрепил на руке. Щит прикрывал тело от подбородка до лодыжек.

— Давайте скорее уйдем отсюда, здесь место лишь смерти да горю. Илмиора и Вилмир ждут нашей помощи — если только не пали уже под ударами Хаоса.

4.

Они находились в горах, отделяющих Стенающую пустошь от Рыдающей пустыни, когда узнали о судьбе последнего из Юных Королевств. Им повстречался отряд из шести измученных воинов, которых вел повелитель Воашун, отец Зарозинии.

— Что случилось? — встревоженно спросил Элрик.— Где Зарозиния?

— Не знаю, Элрик, может, заблудилась где-то, умерла или попала в плен. Хаос поглотил наш континент.

— А вы искали ее? — наступал Элрик.

— Сынок,— пожал плечами старик,— в последние дни я навидался таких кошмаров, что теперь даже не могу ничего чувствовать. Единственное, чего бы мне хотелось, это поскорее избавиться от всего этого ужаса. Человечеству пришел конец, его время истекает. Не стоит тебе идти дальше, даже Стенающая пустошь уже меняется. Хаос наступает быстро. Все безнадежно.

— Безнадежно?! Нет! Мы-то еще живы, значит, и Зарозиния, может быть, жива. Неужели вы ничего не слышали о ней?

— Прошел слух, будто Джагриин Лерн взял ее на борт флагманского корабля Хаоса.

— Значит, она в море?

— Нет, проклятые корабли передвигаются по суше так же легко, как и по воде, правда, в последние дни трудно отличить землю от моря. Эти корабли напали на Карлаак, а за ними шло множество конных и пеших воинов. Хаос везде побеждает, сынок, и там, впереди, тебя ждет лишь погибель.

— Посмотрим. По крайней мере, у меня есть защита против Хаоса, да еще мой меч и нихренский конь,— он повернулся в седле, обращаясь к своим спутникам: — Итак, вы останетесь здесь с повелителем Воашуном или пойдете со мной в сердце Хаоса?

— Мы пойдем с тобой,— тихо сказал Мунглам за двоих.— До сих пор мы шли за тобой, и судьбы наши связаны неразрывно. У нас нет выбора.

— Прощайте, повелитель Воашун,— обратился Элрик к своему тестю.— Прошу вас, если сможете, поезжайте через Стенающую пустошь в Эшмир и Неизвестные Королевства, туда, на родину Мунглама. Расскажите там, что им предстоит. Предупредите их, хотя вряд ли они смогут теперь спастись.

— Попробую,— устало ответил Воашун,— может, и удастся добраться туда раньше, чем настигнет Хаос.

Элрик и его товарищи поехали дальше, навстречу кишащим ордам Хаоса — три человека, восставшие против необузданных и ярых сил Тьмы. Три безрассудно отважных человека, так самозабвенно и неуклонно следовавших предназначенным путем, что о бегстве, отступлении не могло быть и речи. Последние деяния должны быть сделаны, что бы за ними ни последовало — завывающая бурей ночь или тихий день.

Первые признаки Хаоса встретились им там, где когда-то простирались плодородные луга. Теперь здесь желтела трясина, затянутая коркой расплавленной земли, она уже остыла, но все еще курилась. Нихренские кони, не касавшиеся земной поверхности, сравнительно легко преодолели эту преграду, и тут Щит Хаоса показал свою силу. Пока они скакали над трясиной, жидкая желтая земля ненадолго вновь становилась прежним зеленеющим лугом.

Однажды им повстречалось жуткое изуродованное создание, у которого еще оставалось некое подобие рук, ног и рот; оно еще было способно говорить. От этого несчастного они узнали, что Карлаака больше не существует. Его превратили в кипящее огненное месиво, а на месте города воинство Хаоса — люди и сверхъестественные создания — разбили лагерь, когда дело разрушения было окончено. Калека сказал также кое-что, особенно интересное для Элрика. Ходили слухи, что Остров Драконов, принадлежавший империи Мелнибоне,— единственное на Земле место, где влияние Хаоса бессильно.

— Если нам удастся сделать свое дело и потом добраться до Мелнибоне,— сказал друзьям Элрик, когда они снова тронулись в путь,— то там мы сможем дождаться помощи Белых Владык. А кроме того, попытаемся разбудить спящих в пещерах драконов, они очень помогли бы нам в борьбе с Джагриином Лерном.

— Что проку теперь сражаться с ним? — обреченно сказал Дивим Слорм.— Джагриин Лерн победил, Элрик. Мы не исполнили предназначенного нам Судьбой. Наша роль окончена, на Земле правит Хаос.

— Разве? Как бы то ни было, мы должны сражаться и испытать его силы. Там увидим, каков будет исход.

Дивима Слорма явно не убедили слова Элрика, но он промолчал. А потом, наконец, они прибыли в лагерь Хаоса.

Обычный ночной кошмар бледнеет рядом с этим чудовищным зрелищем. В ужасе смотрели Элрик и его друзья на возвышавшиеся над равниной жуткие Корабли Ада, которые были видны издалека. Яркие вспышки разноцветного пламени разгорались и гасли по всему лагерю, демоны смешались здесь с людьми, прекрасноликие Князья Тьмы, излучавшие зло, и осунувшиеся короли, поддержавшие Джагриина Лерна, а теперь, верно, сожалевшие об этом, вместе держали совет. Каждую секунду вздымалась и лопалась земля, а люди, имевшие несчастье оказаться вблизи разлома, или поглощались бездной, или полностью теряли человеческий облик, становясь жалкими и чудовищно уродливыми калеками. Над лагерем стоял слитный жуткий шум от человеческих голосов и ревущих звуков Хаоса, завывающего демонического смеха, а зачастую и мучительных стонов несчастных душ, вдруг осознавших чудовищность сделанного выбора и гибнущих в безумии. Душное зловоние крови, гниения и зла исходило от скопления адских сил. Корабли Ада медленно плыли сквозь гнусное скопище воинственных орд, растянувшееся на многие мили. То и дело встречались огромные палатки королей, над которыми развевались шелковые стяги — жалкая и пустая гордыня рядом с мощью Хаоса. Многих людей трудно было отличить от созданий Хаоса — так изменились их тела под его влиянием.

— Очевидно, уродующее воздействие Хаоса на людей становится все сильнее,— пробормотал Элрик, обращаясь к друзьям, когда они наблюдали открывшееся им отталкивающее зрелище.— Так будет продолжаться до тех пор, пока Джагриин Лерн и короли-предатели полностью не потеряют человеческий облик и не превратятся в

частицу забродившей массы Хаоса. Это означает конец человеческой расы — люди навеки исчезнут в утробе Хаоса. Друзья, вы видите перед собой последние остатки человечества, если не считать нас с вами. Скоро уже нельзя будет отличить человека от иных тварей. Вся эта зыбкая планета уже перешла во власть Повелителей Хаоса, и они постепенно втягивают ее в иную сферу, в свое измерение. Они присвоют Землю и преобразуют на собственный лад. Для них планета станет всего лишь комком глины, из которого можно вылепить любые причудливые и нелепые формы.

— А мы еще хотим этому помешать? — безнадежно и уныло проговорил Мунглам.— Элрик, мы же бессильны!

— Надо продолжать борьбу, пока можем. Я помню, что Сепириц сказал, будто, если убить Пиарайю, командующего флотом Хаоса, сами корабли перестанут существовать. Хотелось бы проверить, так ли это. И я не забыл, что на одном из этих кораблей может находиться моя жена, да и Джагриин Лерн, верно, неподалеку. Вот уже три причины, чтобы рискнуть.

— Нет, Элрик! Это даже не самоубийство, хуже самоубийства!

— Я же не прошу вас идти со мной.

— Если пойдешь ты, за тобой пойдем и мы, но мне это совсем не нравится.

— Если один человек не достигнет цели, то и троим тут делать нечего. Я пойду один, а вы ждите, если не вернусь, попытайтесь добраться до Мелнибоне.

— Элрик!..— вскрикнул Мунглам, а потом молча смотрел, как тот, подгоняя нихренского коня, спускается к лагерю Хаоса. Щит Хаоса трепетал в его руке, прикрывая от воздействия Хаоса. Когда Элрик приблизился к кораблям, его заметили в одном из воинских отрядов, узнали и с криком кинулись навстречу.

Он рассмеялся им в лицо.

— А вот и закуска для моего меча, прежде чем мы попируем на том корабле! — крикнул он и снес голову первому, будто лютик сорвал.

Надежно укрывшись за круглым большим щитом, Элрик рубился с наслаждением. С тех пор, как Несущий Бурю уничтожил демонов, заточенных в бузину, буйная сила переполняла Элрика, и каждая душа, похищаемая им сейчас у воинов Джагриина Лерна, была частицей его мести ненавистному врагу. Люди не могли победить Элрика. Одного тяжеловооруженного, закованного в броню воина он разрубил от плеча до крестца и рассек пополам спину его коня.

Но вдруг все оставшиеся в живых воины отступили, и Элрик ощутил особый зуд в теле, некое покалывание — он понял, что попал под воздействие кораблей Хаоса. При этом убедился, что щит укрывает его от страшного излучения. Сейчас Элрик находился вне земного измерения, где-то на грани между собственным миром и сферой Хаоса. Элрик спешился и приказал коню Нихрена ждать его.

С высоких бортов флагманского корабля свисали толстые канаты, и Элрик с ужасом увидел, что по ним карабкаются какие-то су-

щества. Он признал вдруг многих из тех, с кем был знаком в Карлааке. Не успел Элрик достичь корабля, как его окружило множество разнообразных и жутких созданий: каркая, нападали на него уроды с человеческими головами и птичьими клювами, другие, извиваясь, вылезали из жидкой земли и тоже целились ударить, шарили по нему, теребили, мяукали, визжали, пытаясь во что бы то ни стало сбить с ног, увлечь за собой в грязь. Бешено размахивая мечом, Элрик прорубал себе дорогу сквозь ряды адских творений; вздрагивающий щит на левой руке защищал мелнибонийца, не давая превратить его в такого же урода, как кишевшие вокруг твари. Наконец вместе с жуткими созданиями он вскарабкался на борт огромного мерцающего корабля, в душе благодаря их за невольную помощь и надежное прикрытие: в их толпе Элрик проник в логово врага незамеченным.

Он добрался до поручней и перебросил через них тело, сплюнул, стараясь избавиться от привкуса желчи во рту. Сначала ему пришлось преодолеть полосу странной мглы, затем Элрик поднялся на первую из многочисленных палуб, которые, будто гигантские ступени, вздымались вверх и вели к главной палубе, где стояли сами предводители завоевателей — человекоподобная фигура и нечто вроде огромного кроваво-красного осьминога. Первый был, по всей видимости, Джагриин Лерн, а второй, очевидно, Пиарайа. Элрик знал, что тот обычно принимал именно такой облик, когда появлялся на поверхности.

Мерцание адских кораблей вблизи резко отличалось от того, каким оно виделось издалека. Элрик почувствовал мрачную, темную природу этого света: он струился переливающимися нитями, будто сеть из темно-красных, синих, желтых, зеленых и пурпурных колеблющихся волокон. Элрик шел сквозь эту неощутимую преграду, которая раздвигалась и снова смыкалась за его спиной, и все время натыкался на движущиеся трупы. Он упорно старался не смотреть на их лица, потому что ему уже встретились несколько морских разбойников, которых он бросил на произвол судьбы много лет назад, отступая от Имррира.

Элрик медленно поднимался к верхней палубе. Джагриин Лерн и повелитель Пиарайа, по-видимому, до сих пор не замечали его присутствия. Вероятно, теперь, покорив весь населенный мир, они чувствовали себя в безопасности и ниоткуда не ждали внезапного нападения. Продолжая взбираться, Элрик злобно усмехнулся про себя, однако крепко держал щит, хорошо понимая, что если хоть на мгновение выпустит его, тут же превратится в нечто уродливо-бесформенное и чуждое человеческому пониманию или растечется жидкостью и будет поглощен Хаосом. Элрик сейчас забыл обо всем на свете, помня лишь о главной цели: уничтожить земное воплощение повелителя Пиарайи. Ему надо подняться на самую верхнюю палубу и сначала покончить с Князем Тьмы. Потом он расправится с Джагриином Лерном и освободит Зарозинию, если она действительно здесь.

Элрик поднимался к темной палубе через странные многоцветные сети, он шел, и его молочно-белые волосы резко выделялись в окру-

жающей беспросветной мгле. Элрику оставалось пройти всего лишь одну палубу, когда он вдруг ощутил мягкий толчок в плечо и, обернувшись, похолодел от ужаса: на него наткнулось одно из кроваво-красных щупалец Пиарайи. Элрик отпрянул, прикрываясь щитом. Щупальце кончиком коснулось щита и тут же, съежившись, отскочило. Сверху, где находился сам Князь Тьмы, донесся жуткий пронзительный визг, перешедший в рев.

— Что это? Что это? Что это?

А Элрик, увидев действие своего щита, закричал, не в силах сдержать рвущейся дерзкой радости:

— Это Элрик из Мелнибоне, повелитель! Я пришел уничтожить тебя!

Еще одно щупальце обрушилось сверху, пытаясь обвиться вокруг щита и вырвать его. Потом появилось еще одно и еще. Элрик ударил по одному щупальцу, отрубив его чувствительный кончик, и заметил, как другое отпрянуло и съежилось, коснувшись щита. Элрик кинулся к лестнице, что вела на верхнюю палубу. Едва поднявшись, наткнулся на Джагриина Лерна — тот смотрел на Элрика широко открытыми от изумления глазами. Теократ был в своих обычных алых доспехах. В одной руке небольшой щит и боевой топор, а в другой — широкий меч. Он глянул на оружие, понимая, что оно бессильно перед Несущим Бурю.

— С тобой после разберемся, Теократ,— бросил ему Элрик.

— Ты глуп, Элрик! Теперь, что бы ты ни делал, ты погиб!

Возможно, это и было правдой, но Элрик уже не думал об исходе.

— Прочь с дороги, выродок! — только и произнес он и, подняв щит, осторожно направился к Князю Тьмы, одному из повелителей Хаоса.

— Ты убийца моих братьев, Элрик,— низким свистящим шепотом проговорило странное создание.— И ты изгнал нескольких Князей Тьмы обратно в их сферу, так что теперь им нельзя появиться на Земле. Ты должен заплатить за это. Они явно недооценили тебя, чего нельзя сказать про меня.

Щупальце поднялось над головой Элрика, попыталось проскользнуть за край щита и схватить за горло, но Элрик отступил и вновь прикрылся щитом. Тогда множество щупалец надвинулись на мелнибонийца со всех сторон, они стремились пробраться за щит, и каждое их прикосновение означало смерть. Элрик отпрыгнул в сторону, с трудом вырываясь из окружения и размахивая Несущим Бурю. Сражаясь, он вспомнил слова Сепирица: «Бей в кристалл на его голове. В нем его жизнь и душа». Элрик видел этот голубой сверкающий кристалл, который поначалу принял за один из многочисленных глаз повелителя Пиарайи. Он двинулся прямо в гущу щупалец, и его спина теперь оказалась открытой для удара, но выбора не было. И тут же на голове жуткого создания распахнулась огромная пасть, и щупальца стали подталкивать к ней врага. Элрик выставил вперед щит и шел, пока не коснулся им губ чудовища. Желтое желеподобное вещество струей выплеснулось из пасти Пиарайи, тот

завопил от боли. Элрик наступил на обрубок щупальца и стал карабкаться по скользкому боку дрожавшего и извивавшегося повелителя Хаоса. Каждый раз, когда щит касался Пиарайи, он разъедал его плоть, оставляя страшные раны, и повелитель Хаоса содрогался всем телом. Наконец, пошатываясь, Элрик выпрямился над горящим кристаллом души. Помедлил мгновение и вонзил свой меч прямо в его пылающую глубину!

Сначала он почувствовал жуткий трепет, исходивший из глубин гигантского чудища. Потом раздался пронзительный визг, и тут же вскрикнул сам Элрик, ощутив, как Несущий Бурю переливает в него жизненную силу Князя Тьмы, высасывая его душу. Но напор оказался слишком сильным. Элрика отбросило назад. Он пошатнулся на скользкой спине, оступился и упал на нижнюю палубу. Он мог бы переломать себе все кости, но благодаря только что полученной силе остался совершенно невредим. Вскочил, готовый снова лезть вверх, навстречу Джагриину Лерну. Искаженное волнением лицо Теократа показалось на верхней палубе, он кричал:

— Элрик, вон в той каюте тебя ожидает приятный подарок!

Элрик разрывался между желанием обследовать каюту и жаждой мести, хотя и понимал в глубине души, что час Теократа еще не пробил. Наконец он повернулся и распахнул указанную дверь. Из глубины неслись душераздирающие рыдания.

— Зарозиния! — он кинулся в темноту и тут увидел ее.

Хаос изуродовал ее облик. Только голова, прелестная юная головка, осталась прежней. Но тело ее изменилось чудовищно — теперь оно походило на огромного белого червя.

— Это сделал Джагриин Лерн?

— Он и его союзник.

— Как же ты не потеряла рассудок?

— Я ждала тебя. И этим спаслась от безумия,— червеобразное тело заскользило к нему.

— Нет! Не приближайся! — крикнул Элрик, помимо воли испытывая отвращение и с трудом заставляя себя смотреть на нее. Но она не послушалась. Червеподобное тело стремительно двинулось вперед и грудью упало на его меч.

— Вот! — вскрикнула Зарозиния.— Прими в себя мою душу, Элрик, ведь такая я не нужна ни тебе, ни себе! Пусть душа моя сольется с твоей, и мы будем вместе навеки!

— Нет! Ты не права! — Он попытался выдернуть алчный клинок, но это было невозможно. И в отличие от прочих убийств сейчас он, убивая, чувствовал почти нежность. Теплая и ласковая, полная аромата юности и чистоты, душа его жены вошла в него, и Элрик рыдал, оплакивая ее смерть.

— О Зарозиния! О любовь моя!

Так умерла она, слив свою душу с его, а много лет назад также погибла его первая любовь, Симорил. Элрик не смотрел на жуткое червеобразное тело, не взглянул даже на ее лицо, просто медленно вышел из каюты.

Его захлестнуло страшное, безмерное горе, а Несущий Бурю, казалось, посмеивался, когда он прятал клинок в ножны. Элрик вышел из каюты, и тут оказалось, что палуба распадается, тает. Сепириц был прав: уничтожение Пиарайи означало одновременно уничтожение его жутких кораблей. Джагриин Лерн, конечно же, воспользовался удобным случаем и улизнул. А несчастному Элрику после гибели жены было не до преследования давнего врага. Он только сожалел, что флот Хаоса достиг своей цели прежде, чем он, Элрик, смог его уничтожить. Щит и меч оба помогали ему, каждый по-своему. Элрик спрыгнул с расползающегося корабля на трясущуюся землю и побежал к нихренскому скакуну. Тот взвивался на дыбы и бил копытами, защищаясь от толпы галдящих порождений Хаоса. Элрик снова обнажил меч, бросился на уродов, кинувшихся врассыпную, и вскочил в седло. Слезы все еще текли по его белому лицу, когда он бешеным аллюром погнал коня прочь от лагеря Хаоса, а чудовищные корабли разрушались за его спиной. По крайней мере теперь они больше не угрожали миру. Хаосу был нанесен чувствительный удар. Но оставалось еще многочисленное воинство Тьмы, и борьба с ним будет нелегкой.

Отбиваясь от уродливых созданий, то и дело пытавшихся вцепиться в него, Элрик наконец присоединился к друзьям. Он не стал им ничего рассказывать, просто направил коня по ходившей ходуном равнине в сторону Мелнибоне — там можно подготовиться к последнему сражению с Хаосом. Вместе с последней битвой исполнится предназначение, придет конец и страданиям, и судьбе последнего императора Мелнибоне. А пока Элрик, рыдая, скакал по обезумевшей земле прочь от лагеря Хаоса, в истерзанной душе его, казалось, звучал юный голос Зарозинии, нашептывавший слова утешения и ободрения.

ЧАСТЬ III

УХОД ОБРЕЧЕННОГО

Лишь Разум Человека достаточно свободен, дабы постигнуть возвышенную глубину и протяженность космической бесконечности, преодолеть границы обыденного сознания или пробраться тайными, подспудными путями человеческой мысли, охватывающей беспредельные пространства. Универсум и индивидуум связаны, один отражается в другом, как в зеркале, и один содержится в другом.

Хроники Меча Тьмы

1.

Дремлющий Град больше не дремал в роскоши и великолепии своего убранства. От стройных башен Имррира остались лишь почерневшие остовы, полуразрушенные каменные развалины рваными

силуэтами темнели на фоне угрюмого серого неба. Некогда месть Элрика привела в город огонь, а огонь принес разрушение.

Ряды облаков, похожие на почерневший от сажи дым, прокрадывались мимо трепещущего, пульсирующего солнца, и от этого неустанно шумящие, окрашенные алым светом морские волны покрывала густая тень; они, казалось, присмирели, укрощенные черными шрамами, избороздившими зловещие, бурные пространства.

На запустелых развалинах стоял человек и смотрел на море. Высокий, широкоплечий, узкий в бедрах, брови круто поднимались к вискам, чуть заостренные уши лишены мочек, на мертвенно-белом, худощавом лице выделялись высокие скулы и алые, тоскливые глаза. На человеке были стеганый камзол и тяжелый плащ с высоким воротником, подчеркивающим бледность кожи альбиноса. Порывистый теплый ветер играл плащом, теребил его и равнодушно завывал в полуразрушенных башнях.

Элрик прислушивался к шуму ветра, и в памяти оживали сладостные, яростные и печальные мелодии песен древней Мелнибоне. Он помнил и иную музыку, которую складывали его предки, изощренно пытая рабов: они отбирали их по тональности воплей и составляли из несчастных оркестры, исполняющие окаянную музыку. Задумавшись о прошлом, он вспомнил почти забытое и понял, что лучше бы ему было никогда не подвергать сомнению нравственные устои Мелнибоне: если б он принял их без малейших колебаний и оговорок, разум его не оказался бы в смятении, а в мыслях не поселилась бы проклятая двойственность. Горько улыбнулся Элрик. Внизу под башней показался еще один человек и стал карабкаться по осыпающимся камням к Элрику. Он был маленького роста, рыжий, с широким большим ртом, глаза его когда-то умели сиять и радоваться.

— Ты смотришь на восток, Элрик,— пробормотал Мунглам.— Ты смотришь в прошлое, где ничего уже не изменить.

Элрик опустил бледную руку с длинными тонкими пальцами на плечо друга.

— Куда же еще остается смотреть, Мунглам, если весь мир раздавлен Хаосом? Что я должен делать, по-твоему? Предвкушать дни надежды и радости, спокойную старость в окружении детей, играющих у моих ног? — Он тихо рассмеялся. Но это был не тот смех, который любил у него Мунглам.

— Сепириц говорил о помощи Белых Владык. Она может скоро прийти, нам надо только терпеливо ждать.— Отвернувшись, Мунглам покосился на тусклое, неподвижно застывшее солнце, а потом с непроницаемым лицом перевел взгляд вниз, на щебень под ногами.

Элрик помолчал, не сводя глаз с моря, пожал плечами:

— К чему жалобы? Толку от них ведь нет. Я не могу действовать по своей воле. Какая бы судьба ни ждала меня, изменить ее нельзя. Я надеюсь, что люди, которые придут нам на смену, смогут влиять на собственные судьбы. У меня такой возможности нет.

Он дотронулся пальцем до подбородка, потом внимательно посмотрел на руку, разглядывая ногти, суставы, мускулы и вены,

проступавшие сквозь белую кожу. Пригладил шелковистые пряди белых волос, глубоко вздохнул, почти простонал:

— Логика! Последовательность! Весь мир кричит о последовательности. У меня нет и тени ее, но вот он я, человек с разумом, сердцем и прочими органами, возник в результате сочетания некоторых случайностей, событий, элементов. Миру требуется последовательность. Но вся последовательность на свете равноценна одной счастливой догадке. Человек прилагает мучительные усилия, дабы соткать паутину из тщательно выверенных мыслей, а другой беспечно творит некое случайное построение и легко достигает той же цели. Впрочем, хватит размышлений о мудрости.

— А! — подмигнул Мунглам, стараясь выглядеть легкомысленным.— Это в тебе говорит неистовый сумасброд, разочаровавшийся в жизни. Но мы ведь не все сумасбродны и разочарованны, Элрик. Иные люди выбирают иные пути — и приходят к другим выводам.

— Я избрал тот путь, что был мне предопределен. Ладно, пойдем заглянем в Драконовы Пещеры, посмотрим, может, Дивим Слорм уже придумал, как разбудить наших змееподобных приятелей.

Они спустились с развалин башни и вдоль полуразрушенных ущелий, которые некогда были прекрасными улицами Имррира, вышли из города, ступили на полузаросшую травой дорогу, извивавшуюся среди зарослей дрока, вспугнули стаю огромных ворон, которые, каркая, поднялись в воздух, все, кроме одного ворона, вожака. Тот раскачивался на ветке кустарника, с достоинством распустив по ветру свое драное одеяние из взъерошенных перьев, а черные глаза его уставились на людей с презрением и опаской.

Они спускались мимо острых скал к зияющему входу в Драконовы Пещеры, вниз по крутым ступеням в освещенную факелами тьму, наполненную сырым теплом и запахом чешуйчатых змееподобных тел. И вот они уже в первой пещере, где раскинулись в непробудном сне громадные драконы; в сложенных кожистых крыльях играют тени, зеленая и черная чешуя мерцает во мгле, когтистые лапы подогнуты и даже во сне у них сверкают длинные белые зубы, похожие на сталактиты. Красные ноздри раздуваются, испуская длинные храпы, в оцепенении многовекового сна. Запах их шкур и дыхания ни с чем нельзя спутать, и в памяти Мунглама возникают смутные образы, унаследованные от предков, туманные впечатления, сохранившиеся от тех времен, когда эти драконы и их повелители проносились над подвластной им страной, и обжигающий яд капал с драконьих клыков, беспечно сея огонь на земле. Привычный к запаху, Элрик едва замечал его, он прошел первую и вторую пещеры, пока наконец отыскал Дивима Слорма. Тот расхаживал широкими шагами, держа в одной руке факел, а в другой манускрипт, и тихо ругался себе под нос.

Услышав звук приближающихся шагов, он глянул на пришедших, протянул руку и крикнул так, что эхо зарокотало в подземелье:

— Ничего! Хоть бы одно движение или веко дрогнуло! Их невозможно поднять! Они не проснутся, пока не проспят отведенное

им число лет. Ох, лучше бы мы не использовали их последние два раза, ведь теперь они нам так нужны!

— Ни ты, ни я не знали то, что известно нам сегодня. Зачем жалеть о содеянном, если это ничего не дает!

Элрик вгляделся в громадные смутные фигуры. Чуть в стороне от прочих лежал дракон-вожак. Элрик знал и даже любил его: Пламенный Клык, самый старший, ему было пять тысяч лет, но для дракона это немного. Однако и Пламенный Клык тоже спал. Элрик подошел к нему и погладил металлоподобную чешую, провел рукой по гладкой, отполированной поверхности передних зубов, ощутил теплое дыхание дракона и улыбнулся. Совсем рядом у бедра он услышал мурлыканье Несущего Бурю. И похлопал клинок ладонью:

— Вот душа, которой тебе не добыть. Драконов нельзя уничтожить. Они выживут, даже если весь мир обратится в ничто.

Дивим Слорм с другого конца пещеры отозвался:

— Не знаю, что нам теперь делать, Элрик. Давай вернемся в башню, немного подкрепимся и передохнем.

Элрик кивнул, и, миновав пещеры, они поднялись по ступеням к дневному свету.

— Итак,— заметил Дивим Слорм,— ночи по-прежнему нет. Солнце стоит в одном и том же месте вот уже тринадцать дней, с тех пор как мы уехали из лагеря Хаоса и проделали весь опасный путь до Мелнибоне. Какой же властью обладает Хаос, если может остановить движение Солнца?

— Это мог сделать и не Хаос, мы ведь точно не знаем,— высказался Мунглам.— Хотя, конечно, видимо, так и есть, как ты сказал. Время остановилось. Время ждет. Но чего? Новых разрушений, новых страданий? Или оно ждет, когда окажет влияние Великое Равновесие, которое восстановит порядок и отомстит тем силам, что действовали против его воли? Или Время ждет нас — трех несчастных смертных, которых несет неведомо куда: мы, похоже, оказались в стороне от того, что происходит со всем человечеством, и ждем чего-то, полагаясь на Время, а оно, может, само нас ждет?

— Вполне вероятно, что Солнце ждет именно нас,— согласился Элрик.— Разве не нам предназначено подготовить мир к новому восхождению? Я чувствую себя всего лишь пешкой в чьей-то игре. А что будет, если мы ничего не предпримем? Может, тогда Солнце навеки останется там, где оно сейчас?

Они остановились на мгновение и посмотрели на пульсирующий красный диск, заливавший улицы алым светом, и черные облака, перечертившие небо неподалеку от светила. Куда они плыли? И откуда? Казалось, у них есть какая-то цель. Возможно, это были даже вовсе не облака, а духи Хаоса, выполнявшие какие-то тайные и мрачные поручения.

Элрик хмыкнул про себя, отлично понимая бесплодность подобных размышлений. Он направился к башне, где много лет назад он искал свою любовь, свою двоюродную сестру Симорил, а потом потерял ее, павшую жертвой неутолимой жажды его меча, висев-

шего сейчас на поясе. Башня пережила пожары, и яркие краски, некогда расцвечивавшие ее, потемнели от огня.

Здесь он оставил друзей, ушел к себе в комнату, не раздеваясь, бросился на мягкое ложе и почти сразу же заснул.

2.

Элрик спал и видел сны; хотя он хорошо осознавал иллюзорность видений, все его старания очнуться были тщетны. Вскоре он оставил свои попытки и позволил сну овладеть сознанием и увлечь его в свою светлую страну.

Он видел Имррир таким, каким город был много столетий назад. Тот Имррир, который он знавал до своего печально известного похода, разрушившего Дремлющий Град. И все же в видении он представал несколько иным, более светлым и ярким, будто только что был отстроен заново. И цвета вокруг казались богаче, глубже: темно-оранжевое солнце, горячее, душное, синее небо. Так Элрик узнал, что даже краски природы поблекли на стареющей земле...

Люди и животные шли по сияющим улицам: высокие таинственные мелнибонийцы, мужчины и женщины, двигались с удивительным изяществом, как гордые тигры; рабы с грубыми лицами и безысходным терпением в глазах; длинноногие, вымершие теперь кони, маленькие мастодонты, тянувшие размалеванные повозки. Легкий ветерок доносил хорошо различимые диковинные ароматы, приглушенные звуки, едва слышные — ведь мелнибонийцы ненавидели шум так же сильно, как любили благозвучность. Тяжелые шелковые знамена развевались на сверкающих башнях из меди, яшмы, слоновой кости, хрусталя и полированного красного гранита. И Эрлик, передвигаясь во сне по чудесному, удивительному городу, чувствовал, как больно сжимается сердце,— ведь он находился среди своих предков, золотого народа, правившего миром в древности.

Огромные галеры проходили запутанными водными лабиринтами во внутреннюю гавань Имррира, неся на борту все лучшее, что существовало в тогдашнем мире,— дань, собранную со всех концов обширной Пресветлой Империи. А по лазурному небу, лениво взмахивая крыльями, проплывали драконы, в пещерах тогда обитало много тысяч этих животных, не то что теперь, когда их осталось всего около сотни. В самой высокой башне — Башне Королей — его предки постигали колдовскую мудрость, проводили злодейские опыты, наслаждались, потворствуя своим похотливым вожделениям,— и это ничуть не походило на разврат и загнивание, царившие среди людей Юных Королевств, просто удовлетворение здоровых, самой природой дарованных влечений.

Элрик понимал, что смотрит на призрак ныне уже мертвого города. Он проник за мерцающие стены Башни и увидел своих предков-императоров: одни беседовали под приятным воздействием различных пьянящих снадобий, другие, лениво-жестокие, развлекались с женщинами-демонами, пытали, исследуя особенности питания и мышления порабощенных народов; погружались в тайны мисти-

ческого знания, проникаясь мудростью, которую лишь немногие из людей более позднего времени могли постигнуть, не потеряв рассудка.

Однако Элрику стало ясно, что видение или сон перенесли его в иной, нижний мир, который населяют мертвые всех веков,— ведь он видел перед собой императоров разных поколений. Он знал их по портретам: Чернокудрявый Рондар IV, двенадцатый император; высокомерный, с пронзительным взглядом Элрик I, восьмидесятый император; внушающий ужас Кахан VII, триста двадцать девятый властитель Мелнибоне. Всего около дюжины, а может, и более того, самых могущественных и мудрых из четырехсот двадцати семи его коронованных предшественников и предков, и среди них Терхали, Зеленая Императрица, правившая Пресветлой Империей с 8406 года после ее основания до 9011-го. Она выделялась среди всех продолжительностью жизни и зеленоватым оттенком кожи и волос, а также тем, что была могущественнейшей колдуньей даже по меркам Мелнибоне. Ходили слухи, что родилась она от связи императора Юнтрика X с демоном.

Элрик, наблюдавший эту картину как бы из затененного угла большого зала, увидел, как приоткрылась мерцающая дверь из черного хрусталя и вошел еще один человек. Элрик вздрогнул и снова безуспешно попытался проснуться. Вошедший был Седрик 86-й, его отец, высокий, с тяжелыми веками человек, на лице которого отразилось перенесенное страдание. Он прошел сквозь толпу, будто ее вовсе не существовало, как сквозь пустое пространство, и прямо направился к Элрику, остановившись в двух шагах от него. Пронзительный взгляд из-под тяжелых век и густых бровей не отрывался от сына. Этот человек с худым лицом в свое время испытал жестокое разочарование, когда родился его первенец-альбинос. У отца был острый, длинный нос, выдающиеся скулы и легкая сутулость, вызванная необычным ростом. Изящными, в кольцах руками он придерживал тонкий алый бархат одежд. А потом послышался его ясный и четкий шепот, которым, как помнилось Элрику, он говорил всегда.

— Сын мой, ты тоже мертв? Я думал, что нахожусь здесь всего лишь скоропреходящее мгновение, и вот я вижу тебя, повзрослевшего, с отметинами времени и судьбы. Как ты погиб? В безрассудной схватке простился с жизнью или сразил тебя предательский клинок какого-нибудь чужеземного выскочки? А может, ты умер в этой самой башне, на собственном ложе слоновой кости? И что сталось теперь с Имрриром? Цветет ли наш город или в упадке грезит о былом величии? Наш род продолжается, как тому и следует быть,— и я даже не спрашиваю тебя, исполнил ли ты свой главный долг. Конечно, у тебя есть сын от Симорил, ты любил ее, к вящей ненависти своего двоюродного братца Иирkуна.

— Отец...

Старец поднял руку, почти прозрачную от времени.

— Есть другой вопрос, который я должен задать тебе. Он волнует всех, коротающих бессмертие в этом городе теней. Некоторые из нас заметили, что город со временем блекнет, краски его тускнеют

и трепещут, будто вот-вот исчезнут совсем. Многие наши спутники и сотоварищи ушли в области, лежащие по ту сторону смерти и, возможно даже, хотя я содрогаюсь, думая об этом, они удалились в небытие. Но даже здесь, в лишенной времени стране смерти, проявляются беспримерные изменения, и те из нас, кто нашел в себе мужество задать этот вопрос и ответить на него, опасаются, что какие-то грандиозные события происходят в мире живых. И перемены там столь велики, что даже здесь мы ощущаем их, и душам нашим грозит небытие, гибель. Предание гласит, что пока Дремлющий Град не умрет, мы, призраки, будем жить в его славном прошлом. Может, именно ты и принес нам эти вести? Что ты скажешь нам? Теперь, разглядев тебя повнимательнее, я понял, что твое тело еще живет, а здесь находится лишь твое астральное тело, освобожденное ненадолго, чтобы посетить обитель мертвых.

— Отец...— но видение уже поблекло, Элрика несло обратно завывающими космическими путями, через такие сферы бытия, которые неизвестны живущим, несло его прочь, прочь...

— Отец! — крикнул Элрик, и голос его повторило эхо, но не было уже никого, кто мог бы ему ответить. И в каком-то смысле он даже обрадовался, ибо что он мог поведать несчастному призраку, как открыть ему правду, подтвердить истинность его роковых догадок, признаться в преступлении, которое он, Элрик, совершил против города своих предков, против самой крови рода своего? Вокруг него был лишь туман да стон печальный, а эхо слов его в ушах гудело, казалось, само оно преобразует зов человека в жуткий вопль бездны: «О-о-о-т-е-э-э-ц!... О-о-о-о-д-э-э-э-э... О-о-о-о-х-о-о-о-о... Ро-о-о-о... Д-о-ро-о-о-д-о-о-р-э-э-э!...»

Элрик боролся изо всех сил, но не мог очнуться от дремоты, он чувствовал, как дух его проносится сквозь запредельные сферы мглистой неопределенности, через цвета, недоступные его земному зрению, превосходящие мыслимые и воображаемые границы разума.

Сквозь мглу стал проступать огромный лик.

— Сепириц! — узнал Элрик своего наставника. Но черный нихренианин, лишенный тела, не показал виду, что слышит его.

— Сепириц, ты умер?

Лик поблек, но тотчас же возникла вся высокая фигура Сепирица.

— Наконец я нашел тебя, Элрик. Я вижу, ты сейчас в обличье своего астрального тела. Благодарю Судьбу, я думал, мне уже не удастся вызвать тебя. А теперь мы должны спешить. В защитных сооружениях Хаоса проделана Брешь, и мы отравляемся на совет с повелителями Закона!

— Где мы находимся?

— Сейчас нигде. Мы направляемся в Вышние Миры. Скорее, поторопись, я поведу тебя.

Все ниже и ниже, сквозь углубления, наполненные мягчайшей шерстью, она окутывала и убаюкивала тело и разум; через ущелья, прорезавшие гигантские пылающие горы света, рядом с которыми они казались себе карликами; через пещеры беспросветной тьмы,

где их тела мерцали, и Элрик осознавал, что черное ничто простирается во все стороны до бесконечности.

А потом они будто бы опустились на что-то вроде безграничного плоскогорья, совершенно плоского, лишь кое-где возвышались зеленые и голубые геометрические конструкции. Радужно переливающийся воздух казался живым от мерцающих сгустков энергии и каких-то сложных и утонченных образований, очень стройных и упорядоченных. Присутствовали здесь и создания в образе человека — они приняли этот вид ради людей, с которыми встречались.

Белые Владыки Вышних Миров, исконные враги Хаоса, были удивительно прекрасны, дивная гармония их тел не могла возникнуть на земле. Только Закон мог создать такое совершенство, и подумалось Элрику, что совершенство само по себе уничтожало развитие. Сейчас было яснее, чем когда-либо, что Хаос и Закон, две равновеликие силы, дополняют друг друга, и если бы одна из них обрела безграничное превосходство над другой, это означало бы энтропию и загнивание всего Космоса. Когда Закон правит на земле, ему необходимо присутствие Хаоса, и наоборот.

Повелители Закона готовились к войне. Они ясно показывали свое намерение, избрав человекоподобный земной облик, земные одеяния. Тонкие металлы и шелк,— вернее, их подобия, существовавшие в ином измерении — переливались на совершенных телах. Изящное оружие висело на поясе, а невероятно прекрасные лица горели, воодушевленные единым устремлением. Самый высокий из них выступил вперед.

— Итак, Сепириц, ты привел сюда того, кому Судьбой назначено помогать нам. Мы приветствуем тебя, Элрик из Мелнибоне. Хотя ты и порождение Хаоса, мы рады тебе. Я тот, кого ваши земные предания называют Донблас, Созидатель Справедливости.

Неподвижный, отвечал ему Элрик:

— Привет тебе, владыка Донблас. Боюсь, тебя назвали неправильно, ибо справедливость нигде в мире не существует.

— Ты так говоришь о своем мире, будто он включает в себя все миры вселенной,— без гнева улыбнулся Донблас, хотя видно было: он не привык выслушивать подобные дерзости от жалких смертных. Но Элрик остался безразличен, он слишком много имел дела с Темными Владыками Вышних Миров, чтобы кому-нибудь из этих высших созданий оказывать излишнее почтение. К тому же предки Элрика испокон веков враждовали с Донбласом и его братьями, и ему все еще трудно было воспринимать Белых Владык как союзников.

— Теперь я понимаю, как тебе удавалось раздразнить своих противников,— с одобрением в голосе продолжал Донблас.— И согласен с тобой, что сейчас на Земле невозможно отыскать справедливость. Но меня называют Созидателем Справедливости, и я готов сотворить ее на Земле, когда в твоей сфере изменятся условия.

Элрик старался не смотреть на Донбласа прямо, его красота вызывала беспокойство, тревожила.

— Тогда возьмемся за работу, мой повелитель, и изменим все так быстро, как только сможем. Давай принесем в наш страдающий мир столь редкостное новшество, как справедливость.

— Смертный, здесь спешка неуместна и невозможна,— заговорил другой Белый Владыка, его бледно-желтое платье переливалось на фоне чистой и ясной стали доспехов с выгравированной на них единственной Стрелой Закона.

— Я полагал, что проход на Землю уже сделан,— нахмурился Элрик.— И думал, ваш воинственный вид означает, что вы готовы к войне против Хаоса!

— Мы готовы к войне, но не можем вступить в бой, пока нас не призовут с Земли.

— С Земли! Но разве Земля уже не вопиет о помощи! Разве мы не творили ворожбу, и заклинания, и молитвы, чтобы призвать вас? Какого еще вызова вы ждете?

— Предопределенного Судьбой,— твердо произнес владыка Донблас.

— Предопределенного?! О боги! Вы простите меня, мои повелители! Значит, от меня снова что-то требуется. Что же я должен сделать?

— Осталось одно последнее деяние, Элрик,— мягко заговорил Сепириц.— Я уже сказал тебе, что Хаос препятствует всем попыткам Белых Владык достигнуть нашего мира. Необходимо трижды протрубить в Рог Судьбы, и только тогда окончится старое время, окончится война. Первый зов Рога разбудит имррирских драконов, второй откроет Белым Владыкам доступ в земное измерение, третий...— он помедлил.

— Да, а третий? — Элрик был нетерпелив.

— Третий возвестит о гибели нашего мира!

— И где находится этот могущественный рог?

— В одной из разновидностей грядущего,— ответил Сепириц, Такой рог не мог быть создан в нашем времени, его сотворили там, где законы логики властвуют над магией и колдовством. Ты должен отправиться в будущее и отыскать там Рог Судьбы.

— А как я смогу совершить такое путешествие, как туда попасть?

Опять послышался ровный, звонкий голос владыки Донбласа:

— Мы поможем тебе. Возьми свой меч и Щит Хаоса, они могут тебе понадобиться, хотя их сила в тех измерениях не так велика, как в твоем мире. Потом поднимись на самый верх разрушенной Башни Королей в Имррире и шагни в пустоту. Ты не упадешь — разве только мы лишимся даже той небольшой власти, которой еще обладаем на Земле.

— Твои слова звучат весьма утешительно, повелитель мой Донблас. Хорошо, я сделаю, как ты велишь, по крайней мере, удовлетворю собственное любопытство, если уж ничего другого не выйдет.

Донблас пожал плечами:

— Это лишь один из многих вероятных миров будущего, он почти так же призрачен, как и твой собственный, но тебе он может

не понравиться. Ты обратишь внимание на резкость и чистоту очертаний в нем — это говорит о том, что Время еще не оказало на него сколько-нибудь заметного воздействия, его внутреннее устройство еще не созрело под влиянием бесчисленного множества событий. Однако я желаю тебе благополучного возвращения, смертный, ведь ты нравишься мне, а кроме того, у меня есть основательная причина быть тебе благодарным. Хоть ты и принадлежишь к творениям Хаоса, но в тебе есть качества, которые приводят в восхищение нас, принадлежащих Закону. Иди же, возвращайся в свое смертное тело и готовься к предстоящему тебе деянию.

Элрик снова поклонился и взглянул на Сепирица. Черный нихренианин отступил на три шага и исчез в сияющем воздухе. Элрик последовал за ним.

И опять их астральные тела неслись сквозь мириады измерений и сфер сверхъестественного универсума, испытывая чувства, недоступные смертному; наконец совершенно неожиданно Элрик ощутил тяжесть своего тела и, открыв глаза, обнаружил себя в собственной постели. Хотя лишь слабый свет просачивался в щель между тяжелыми занавесами, прикрывавшими оконный проем, он хорошо видел круглый Щит Хаоса, восемь его янтарных стрел, медленно пульсирующих как бы в согласии с солнцем, а рядом, прислоненный к стене, стоял его меч. Несущий Бурю, казалось, уже изготовился к путешествию в вероятностный мир одного из возможных грядущих.

Потом Элрик опять заснул уже вполне естественным, обычным сном, и мучили его на сей раз вполне земные кошмары, так что он вскрикнул, наконец, и пробудился. Рядом с кроватью стоял Мунглам. На его узком лице было печальное и заботливое выражение.

— Что с тобой, Элрик? Что тебя мучит во сне?

Элрик вздрогнул.

— Нет, ничего. Оставь меня, Мунглам, я зайду к тебе, когда встану.

— Но для таких криков должна быть причина. Наверное, какое-нибудь пророческое сновидение?

— Да, весьма пророческое. Думаю, я видел, как тонкая нить моего рода оборвалась, и сделано это было моей собственной рукой. Что значит этот сон, о каком времени рассказывает? Ответь мне, друг мой, а если не можешь, оставь меня на моем отвратительном, ужас наводящем ложе, пока эти страшные мысли не покинут меня.

—Давай, Элрик, поднимайся. Найди забвение в действии. Светильник четырнадцатого дня почти догорел, и Дивим Слорм ждет твоих добрых советов.

Элрик резко сел в постели и вытянул дрожащие ноги. Он чувствовал себя немощным и расслабленным. Мунглам помог ему встать.

— Ну-ка, брось свою хандру и помоги нам.— Наигранное легкомыслие Мунглама яснее ясного говорило о гложущем его страхе.

— Ладно,— выпрямляясь, сказал Элрик.— Подай меч. Мне нужна его краденая сила.

Мунглам неохотно подошел к стене, где стояло злобное оружие, взял меч за ножны и с трудом поднял его, ведь Несущий Бурю был

очень тяжел. Мунглам содрогнулся, когда клинок едва слышно хихикнул, и рукоятью вперед протянул его другу. Элрик с благодарностью вцепился в Несущего Бурю и хотел было вытащить клинок из ножен, но остановился.

— Лучше выйди, прежде чем я освобожу клинок.

Мунглам сразу понял его и вышел, не желая ставить свою жизнь в зависимость от причуд дьявольского клинка — или своего друга.

Едва он покинул комнату, Элрик обнажил великий клинок и сразу же ощутил легкий трепет: сверхъестественная мощь заструилась в его жилы. Но ее едва хватало, и Элрик знал, если меч вскоре не насытится чьей-нибудь жизнью, он станет охотиться за душами двух его оставшихся в живых друзей. Элрик задумчиво вложил меч в ножны, укрепил их на поясе и побрел к Мунгламу в галерею с высокими сводами.

Молча спустились они по извилистой мраморной лестнице в самый большой зал. Здесь сидел Дивим Слорм, перед ним на столе стояла бутылка старого мелнибонийского вина, в руке — большой серебряный кубок. Его Клинок Плача лежал на столе рядом с бутылкой. Они отыскали запасы вина в потаенных подвалах, ускользнувших от внимания морских разбойников, которых Элрик привел на Имррир, когда он и его двоюродный брат сражались друг с другом. Кубок наполняла ледяная смесь трав, меда и ячменного настоя, она подкрепляла силы их предков в тяжелые минуты. Дивим Слорм задумался над чашей с напитком, а когда они подошли поближе и уселись на стулья против него, поднял голову, улыбнулся в отчаянии:

— Элрик, боюсь, я сделал все, что мог, чтобы пробудить наших приятелей, но они все равно спят.

Элрик припомнил подробности своего видения. Он уже почти опасался, что оно всего лишь плод его собственного воображения, пытавшегося во сне обрести надежду, которой в реальности не было и в помине, однако все же сказал:

— Забудь, наконец, про драконов, хотя бы ненадолго. Прошлой ночью я покинул мое земное тело, так, по крайней мере, мне казалось, и отправился в иные миры. Кажется, я побывал в сфере, где обитают Белые Владыки, и они рассказали мне, что я должен разбудить драконов, протрубив в рог. Я собираюсь последовать их указаниям и отправиться на поиски этого рога.

Дивим Слорм поставил свой кубок.

— Мы, конечно же, пойдем с тобой.

— Не нужно и даже невозможно. Я должен пойти один. Ждите моего возвращения, а если я не вернусь — что ж, поступайте, как сами решите: можете провести оставшиеся годы в добровольном заключении на этом острове или выйти на безнадежную битву с Хаосом.

— Сдается мне, время в городе действительно остановилось, и если мы тут останемся, то будем жить вечно и волей-неволей столкнемся с неизбежной скукой,— вмешался Мунглам.— Поэтому, если ты не вернешься, я даже один поеду в покоренные области, чтобы увести с собой в Лимб хотя бы несколько наших врагов.

— Как хочешь,— ответил Элрик.— Но дожидайтесь меня, пока не иссякнет все ваше терпение, ведь я не знаю, как долго продлится мой поход.

Он встал, а они, казалось, были слегка удивлены, как будто до сих пор не вполне осознали значение его слов.

— Что ж, тогда доброго тебе пути, друг мой,— пожелал Мунглам.

— Каков будет мой путь, зависит от того, что я встречу там, куда отправляюсь,— улыбнулся Элрик.— Но спасибо, Мунглам. Да пребудет с вами добро, а ты, брат мой, не тревожься. Может, мы все-таки еще разбудим драконов!

— Да,— откликнулся Дивим Слорм с внезапным оживлением в голосе.— Разбудим, обязательно разбудим! И их огненный яд разольется по грязи, которую несет Хаос, и выжжет ее дочиста! Этот день должен наступить, или я совсем лишен дара пророчества!

Заразившись его неожиданным воодушевлением, Элрик почувствовал, как растет его собственная уверенность в благополучном исходе; он попрощался с друзьями, улыбнулся и пошел по мраморным ступеням наверх, в свою спальню, чтобы взять Щит Хаоса. Потом прошел через ворота и по неровным, полуразрушенным улицам направился к колдовским руинам, где когда-то разыгралась кровавая драма его страшной мести и неразумного убийства,— к Башне Королей.

3.

И вот Элрик уже перед разрушенным входом в башню, в мозгу его роилось множество мыслей, они бились в темнице черепа и яростно теснили и без того хрупкую убежденность в успехе, угрожая лишить даже маленькой уверенности в победе и заставить в отчаянии вернуться к друзьям. Но он заставил себя забыть свои сомнения. Последний император, Элрик почерпнул силы в воспоминаниях о спокойствии Белых Владык и вошел под темные своды, еще хранившие в почерневшей глубине запах обгоревшего дерева и тканей.

Башня эта, ставшая погребальным костром для тел его первой любви Симорил и его развращенного двоюродного братца Иркуна, теперь была полностью опустошена. Остались лишь развалины лестницы, да и те, как он заметил, вглядываясь во мглу, сквозь которую с трудом пробивались солнечные лучи, не доходили до крыши.

Он не осмеливался думать, ведь мысли могли лишить его решимости и воли к действию. Вместо размышлений он поставил ногу на первую ступеньку и стал взбираться. В это время какой-то слабый звук коснулся его слуха, а может, он звучал прямо в голове. Как бы то ни было, но звук этот достиг сознания, он походил на звуки настраивающего инструменты оркестра. По мере того как Элрик поднимался, звук рос, мелодия была все еще нестройной, а когда он, наконец, ступил на последнюю целую ступень, оркестр гремел в голове, мощная волна звуков билась в теле, вызывая тупую боль.

Элрик помедлил, глянул на пол башни далеко внизу. И снова страх овладел его душой. Хотелось бы ему знать, владыка Донб-

лас велел ему подняться на самый верх башни, куда он сможет добраться без особого труда, или на крышу башни, а она находилась в двадцати футах над головой Элрика. Наконец Элрик решил, что лучше всего будет истолковать слова Белого Владыки буквально и, закинув огромный Щит Хаоса за спину, вытянулся на цыпочках, коснувшись пальцами трещины в стене, которая слегка наклонилась вовнутрь. Элрик подтянулся на руках, ногами ища опоры. Он всегда боялся высоты, и теперь его охватило неприятное чувство, когда он глянул вниз на усыпанный щебнем пол в восьмидесяти футах под ним, но упорно продолжал карабкаться вверх. Подъем облегчался многочисленными трещинами в стене башни. Хотя он все время боялся упасть, этого все же не произошло, и он добрался до проломленного потолка и через дыру выбрался на наклонную крышу. Шаг за шагом Элрик продвигался вперед, пока не достиг вершины башни. И тут, все еще боясь своих сомнений, не задумываясь, ступил в пустоту — туда, где далеко внизу догнивали разрушенные улочки Имррира.

Нестройная музыка смолкла. На смену ей пришел ревущий звук. Крутящиеся красные и черные волны закружили Элрика, он прорвался сквозь них и очутился на твердой земле. Под маленьким бледным солнцем пахло травой. Элрик отметил про себя, что древний мир в его видениях казался более ярким и цветистым, чем его собственный, а этот, новый, мир, в свою очередь, выглядел гораздо более тусклым, обделенным сочными красками, хотя очертания предметов здесь были четче, резче. И ветер, освежавший лицо, оказался довольно прохладным. Элрик медленно пошел по траве к густому лесу, что виднелся в отдалении. Он приблизился к зарослям, но не вошел в лес, а стал обходить его и наткнулся на реку, вытекавшую из чащи.

С удивлением Элрик заметил, что светлая, прозрачная вода не движется. Ее заморозили, но он не знал, как это могло произойти естественным путем. По всем приметам — летняя река, но не течет. Это странное состояние воды резко отличалось от мирного пейзажа. Элрик перекинул с руки на руку круглый Щит Хаоса, обнажил пульсирующий клинок и двинулся по берегу странной реки.

Трава уступила место дроку и каменистым россыпям, изредка перемежавшимся зарослями папоротников неизвестного вида. Элрику показалось, что где-то впереди послышалось журчание воды, но здесь, рядом, поток все еще был неподвижен. А когда проходил под скалой, возвышавшейся над соседними, то услышал над собой голос:

— Элрик!

Он поднял голову.

На вершине скалы стоял молодой карлик с длинной коричневой бородой, ниспадавшей до пояса. В руке он сжимал копье — единственное свое оружие, одет был в красновато-коричневые штаны и камзол, на голове зеленая шапочка, большие косолапые ноги босы. Глаза карлика с их тяжелым и одновременно насмешливым взглядом напоминали кварц.

— Меня действительно так зовут,— с усмешкой сказал Элрик.—

Но если, как предполагается, это мир будущего, откуда же ты знаешь мое имя?

— Я сам не из этого мира, по крайней мере, не совсем из этого. Я существую не во времени, как ты его понимаешь, а передвигаюсь в тени миров, творимых богами. Для того я и создан. В награду за то, что боги позволяют мне существовать, они иногда используют меня как посланника. Зовут меня Джермайс Кривой, ведь я такой же незаконченный, как и все эти миры.— Карлик, продолжая говорить, спустился со скалы и стоял теперь рядом с Элриком, пристально глядя на него снизу вверх.

— Зачем ты здесь? — спросил Элрик.

— Кажется, ты ищешь Рог Судьбы?

— Верно. Ты знаешь, где он?

— Да,— насмешливо улыбнулся карлик.— Он захоронен вместе с еще живым трупом одного героя этого века — воина, которого тут называют Роланд.

— Диковинное имя.

— Не более странное, чем твое для их ушей. Роланд, если не считать, что он не был так жестоко обречен на гибель, как ты,— твой двойник в этом мире. Он встретил свою смерть в долине неподалеку отсюда, его предал и заманил в ловушку его же друг. Рог был с ним тогда, и перед смертью Роланд успел дунуть в него один раз. Говорят, эхо того звука до сих пор звучит в долине и будет звучать вечно, хотя сам воин погиб много лет назад. Истинное предназначенье Рога здесь неведомо, даже сам Роланд не знал его. Звался Рог Олифантом и вместе с волшебным мечом Дюрандалем похоронен в могиле воина вон под тем огромным могильным холмом, что виднеется вдали.

Карлик показал на холм, который раньше Элрик принял за обыкновенную гору.

— А что я должен сделать, чтобы получить Рог? — спросил он.

Карлик злобно ухмыльнулся.

— Ты должен сразиться с этим роландовым Дюрандалем. Он был некогда освящен Силами Света, тогда как твой изготовлен Силами Тьмы. Любопытная будет драка.

— Ты сказал, он мертв, тогда как же он может со мной сразиться?

— Рог висит у него на шее на цепи. Когда ты попытаешься взять его, Роланд бросится защищать свое сокровище, пробудившись от вечного сна, подобного смерти, который, похоже, выпадает на долю большинству героев этого мира.

Элрик улыбнулся:

— Видно, у них не хватает героев, раз они сохраняют их подобным способом.

— Возможно,— отвечал карлик небрежно,— только в этой стороне лежит их около дюжины или даже больше. Они должны восстать, если только возникнет крайняя нужда, но, насколько я знаю, уже не раз случались весьма неприятные события, но они все еще спят.

Возможно, дожидаются гибели этого мира, который боги могут разрушить, если он покажется им неподходящим, и тогда герои оживут, чтобы предотвратить такой мрачный конец. Впрочем, это всего лишь мои собственные, плохо обдуманные предположения и не стоит им придавать значение.

Карлик подпрыгнул в насмешливом поклоне и потряс копьем, приветствуя Элрика.

— До встречи, Элрик из Мелнибоне. Когда ты решишь возвратиться, я буду ждать тебя здесь, чтобы проводить. А вернуться ты обязан — живым или мертвым. Ты, может, и не знаешь об этом, но само твое присутствие, появление здесь твоего земного тела противоречит всему. Только одна вещь у тебя подходит к этому миру...

— Что же это?

— Твой меч.

— Мой меч?! Как странно, о нем я подумал бы в последнюю очередь,— однако он отогнал начавшую было зарождаться мысль. Времени для размышлений не оставалось.— Мне не очень-то хочется здесь оставаться,— произнес он, а карлик тем временем снова вскарабкивался на скалу. Элрик посмотрел в сторону огромного могильного холма и направился к нему. Теперь он заметил, что река течет уже совершенно естественно, и подумал, что, хотя в этом мире властвует Закон, все же некоторое разрушающее влияние Хаоса здесь ощущается.

Могильная насыпь, теперь он хорошо видел ее, была ограждена огромными неотесанными глыбами камня. За ними росли оливковые деревья, с ветвей которых свисали потускневшие драгоценные украшения, а за ними сквозь просветы в листве Элрик разглядел высокий дугообразный вход, закрытый медными вратами с золотыми накладками.

— Хоть ты и силен, Несущий Бурю,— обратился Элрик и своему мечу,— но хотел бы я знать, хватит ли у тебя могущества для сражений в этом мире и сможешь ли ты передать мне частицу своей силы. Давай-ка проверим тебя.

Он приблизился к воротам и обрушил на преграду могучий удар. Медь отозвалась гулким звоном, на ней появилась зарубка. И опять он ударил, на этот раз держа меч двумя руками, но тут справа раздался крик:

— Что за демон тревожит сон мертвого Роланда?

— Кто говорит здесь на языке Мелнибоне? — дерзко отвечал Элрик.

— Я говорю на языке демонов, потому что постигла твою природу. Я не знаю никакого Мулнебунея, но зато мне ведомы древние тайны.

— Весьма хвастливое заявление для женщины,— сказал Элрик, который до сих пор не видел, с кем говорит. И тут она появилась из-за ограды и уставилась на него сияющими зелеными глазами. У нее было прекрасное удлиненное лицо, почти такое же бледное, как у него, хотя волосы черные, как смоль.

— Как тебя зовут? — спросил Элрик.— Ты из этого мира?

— Имя мое Вивиан, я колдунья, хотя и вполне земная женщина. Твой хозяин знает имя Вивиан, которая некогда любила Роланда, хотя он оказался слишком горд, чтобы ответить на ее чувство, ведь она была ведьмой, да и бессмертной к тому же,— женщина весело рассмеялась.— Между тем, я знакома с подобными тебе демонами и не боюсь тебя. Сгинь! Изыди, дьявол, или я призову епископа Турпина, чтобы он изгнал тебя!

— Некоторые из твоих слов,— вежливо отвечал Элрик,— мне незнакомы, и язык моего народа очень искажен. Ты, верно, сторожишь эту гробницу?

— Да, только я сама себя поставила сторожить ее. А теперь уходи! — Она махнула рукой в сторону каменной ограды.

— Но это невозможно. На трупе есть нечто весьма ценное для меня. Мы называем его Рог Судьбы, но у вас он известен под другим именем.

— Олифант! Но ведь это освященный инструмент! Ни один демон не осмелится коснуться его. Даже я...

— Я не демон. Клянусь, я просто человек. А теперь отойди в сторону. Эта проклятая дверь с успехом сопротивляется всем моим усилиям.

— Да,— задумчиво произнесла она.— Может, ты и человек, хотя с виду этого и не скажешь. Твое белое лицо и волосы, красные глаза, язык, на котором ты говоришь...

— Я колдун, но не демон. Пожалуйста, отойди в сторону.

Она внимательно посмотрела ему в лицо, и взгляд ее взволновал Элрика. Он дотронулся до ее плеча. Она была вполне осязаема, но в то же время присутствие ее было чем-то маловероятным. Как если бы она в это самое время находилась где-то очень далеко, а не рядом с ним. Они пристально смотрели друг на друга, оба изумленные и взволнованные. Он шепнул:

— Как ты можешь знать мой язык? Быть может, этот мир — лишь мое видение или сон богов? Все выглядит не совсем реальным, едва осязаемым. Почему?

Она слышала его слова.

— Это ты так говоришь о нас? А что тогда сказать о твоей призрачности? Ты сам кажешься явлением из мертвого прошлого!

— Из прошлого?! Все ясно — ты живешь в будущем, еще не существовавшем в мое время. Разве не в этом разгадка наших сомнений?

Она не пожелала больше обсуждать этот вопрос, но внезапно сказала:

— Незнакомец, тебе никогда не сломать этой двери. Если ты смеешь коснуться Олифанта, значит, ты смертной природы, несмотря на странную внешность. Наверное, рог нужен тебе для важных дел.

Элрик улыбнулся:

— О да! Ведь если я не возьму его с собой туда, где его создали, вы не будете существовать!

Она нахмурилась.

— Все намеки, намеки! Чувствую, что разгадка где-то рядом, а никак в толк не возьму. Для Вивиан это необычно. Вот...— она достала из складок платья ключ и протянула Элрику.— Этот ключ от гробницы Роланда. Он всего один. Мне пришлось убить, чтобы раздобыть его, но с тех пор я часто спускалась во мрак склепа, смотрела на бледное лицо и воображала, что смогу его оживить и навсегда укрыть от глаз людских на своем родном острове. Возьми рог! Пробуди его — а когда он убьет тебя, то придет ко мне, к моему теплу, к надежде на вечную жизнь, которую я ему подарю, он предпочтет ее этой холодной гробнице. Иди же — и пусть Роланд убьет тебя!

Он взял ключ.

— Благодарю, госпожа Вивиан. Если б можно было убедить того, кто по сути еще даже не существует, я бы сказал, что вам же будет хуже, если Роланд убьет меня. Пусть уж лучше удача окажется на моей стороне.

Он вложил в замочную скважину огромный ключ и легко повернул его. Двери распахнулись, и Элрик увидел длинный извивающийся коридор с низким потолком. Без колебаний он двинулся вперед, туда, где сквозь холодную туманную мглу мерцал огонь. Элрик шел, а казалось, что он скользит, как во сне, и все представлялось ему даже менее реальным, чем видения прошлой ночи. Наконец он вошел в склеп, который освещали высокие свечи, окружавшие возвышение, на котором лежал Роланд. Воин был облачен в грубые, чуждых очертаний доспехи, огромный меч, почти столь же большой, как Несущий Бурю, покоился на его груди, а выше рукояти, привязанный к шее мертвеца серебряной цепью, лежал Рог Судьбы, Олифант!

Странно выглядело лицо погибшего воина при свете свечей: старое и одновременно молодое, брови ровные, густые, морщин нет.

Элрик переложил Несущий Бурю в левую руку и потянулся за рогом. Он не старался соблюдать осторожность, просто сорвал Олифант с шеи Роланда. Из горла героя вырвался дикий рев. Он мгновенно поднялся и сел, руки его сжимали меч, ноги свисали с похоронного ложа. Глаза Роланда расширились, когда он увидел свой рог в руках Элрика, он прыгнул на него, и Дюрандаль просвистел над головой мелнибонийца. Элрик прикрылся щитом, сунул рог в складки своей куртки и, отступив, перехватил Несущий Бурю правой рукой. Роланд теперь выкрикивал что-то на незнакомом языке. Но Эрлик и не пытался понять его: гнев, звучавший в голосе рыцаря, ясно говорил о том, что речь идет не о мирных предложениях. Элрик продолжал защищаться, не делая даже попыток напасть на Роланда, шаг за шагом отступал по длинному подземному коридору, приближаясь к выходу. Каждый раз, как Дюрандаль ударял по Щиту Хаоса, оба издавали мощный, дикий визг. Герой неумолимо и непреклонно надвигался на Элрика, сверкал его меч, с невероятной силой то обрушиваясь на Щит Хаоса, то скрещиваясь с Несущим Бурю. А потом они вырвались на дневной свет, и Роланд будто ослеп на

мгновение. Элрик заметил, как жадно следит за ними Вивиан — ей казалось, что Роланд побеждает.

Однако при дневном свете, да еще не имея ни малейшей возможности уклониться от атак разъяренного рыцаря, Элрик сам ринулся в бой со всей до сих пор сберегаемой силой. Высоко подняв щит и яростно размахивая мечом, он наступал, изумляя Роланда, который, по-видимому, не предполагал в своем противнике такого боевого пыла. Несущий Бурю зарычал, вонзаясь в плохо закаленную сталь роландовых доспехов, скрепленных огромными уродливыми заклепками; спереди на груди рыцаря красовался простой алый крест — вряд ли пристойный для такого прославленного героя знак различия. Но Дюрандаль, изготовленный, очевидно, так же грубо, как и доспехи, тем не менее был грозным оружием: он не терял остроты и грозил вот-вот пробить насквозь Щит Хаоса. Левая рука Элрика онемела от мощных ударов, сыпавшихся беспрерывно, правая болела. Владыка Донблас не солгал, когда говорил, что сила волшебного оружия в мире будущего ослабеет.

Роланд остановился на мгновение, выкрикивая какие-то слова, но Элрик не обратил на них внимания. Воспользовавшись удобным случаем, кинулся вперед и толкнул рыцаря щитом. Тот покачнулся и зашатался, его меч издал пронзительный вопль. Элрик ударил в щель между шлемом Роланда и его латным воротником. Голова рыцаря отскочила и покатилась по земле, но из обрубка шеи не показалось ни капли крови. Глаза мертвеца оставались открытыми и неотрывно смотрели на Элрика.

Вивиан завизжала и что-то выкрикнула на языке Роланда. Элрик отступил на шаг, на лице его застыло мрачное и жестокое выражение.

— О, его предание, его легенда! — восклицала она.— У людей сохранялась последняя надежда, что когда-нибудь Роланд снова придет им на помощь. А теперь ты убил его! Дьявол!

— Быть может, я одержимый,— тихо отвечал Элрик, а Вивиан, склонившись над обезглавленным трупом, оплакивала возлюбленного.— Но боги повелели мне сделать это. А сейчас я покину ваш скучный и тусклый мир.

— Неужели ты даже не сожалеешь о совершенном преступлении?

— Нет, госпожа, ведь это лишь одно из многих подобных деяний, которые, как я уже сказал тебе, совершаются во имя высших целей. Сомневаюсь, правда, что истинность моих слов может тебя утешить. Прощай.

И он пошел прочь, пересек оливковую рощу, миновал ограду из высоких каменных глыб, а Рог Судьбы висел на шее и холодил ему грудь.

Вдоль русла реки он вышел к высокой скале, на вершине которой виднелась маленькая фигурка карлика. Элрик приблизился к Джермайсу Кривому, вынул из куртки рог и показал его.

Джермайс хихикнул.

— Итак, Роланд теперь мертв окончательно, а ты, Элрик, стал легендой в этом мире, если только предание это выживет и сохранится в веках. Ну, теперь я должен проводить тебя обратно в твое измерение, не так ли?

— Да, и побыстрее.

Карлик соскочил со скалы и встал рядом с высоким альбиносом.

— Н-нда-а,— размышлял он вслух,— этот рог может навлечь на нас беду. Лучше спрячь-ка его обратно в куртку да получше прикрой сверху щитом.

Элрик послушался карлика и пошел вслед за ним к берегу странно застывшей реки. Она выглядела так, будто продолжала течь, но на самом деле вода замерла. Джермайс прыгнул в реку и, к изумлению Элрика, стал погружаться.

— Быстрее! За мной!

Элрик ступил в поток вслед за ним, на мгновение замер на поверхности застывшей воды, а потом тоже стал погружаться.

Хотя река с виду казалась неглубокой, они погружались довольно долго, пока среда вокруг них не потеряла всякое сходство с водой. Они пересекли глубокую тьму, теплую и пахучую. Джермайс дернул за рукав.

— Делай так!

И они стали сворачивать только направо, стремительно несясь куда-то в сторону, вверх, вниз — пробивались по лабиринту, который, очевидно, мог видеть только Джермайс. Рог на груди стал вроде бы приподниматься, и Элрик прижал его щитом. Но тут, вновь выйдя на яркий свет, Элрик заморгал и увидел огромное красное солнце, дрожавшее в синем небе. Ноги касались чего-то твердого. Он оглянулся и увидел, что стоит на Башне Королей. Еще некоторое время рог, как живой, бился на груди, будто пойманная птица, но через некоторое время утихомирился.

Элрик лег на крышу и пополз к пролому, через который ему уже пришлось пробираться.

И тут вдруг он услышал в небе шум и поднял голову. Прямо в воздухе парил, усмехаясь, Джермайс Кривой.

— Я отправляюсь дальше, твой мир мне совсем не по вкусу,— он захихикал.— Приятно было поучаствовать в этой заварухе. До свидания, Элрик. И напомни обо мне, неоконченном творении, повелителям Вышних Миров, а быть может, тебе удастся даже намекнуть им, что чем скорее они подправят свою память или, возможно, созидательную силу, тем скорее я стану счастливым.

Элрик ответил:

— А может, тебе лучше будет удовольствоваться собственной участью, Джермайс? В устойчивом и вполне определенном состоянии тоже есть свои недостатки.

Джермайс пожал плечами и исчез.

Измученный, беспредельно уставший, очень медленно Элрик спускался по разрушенной стене. Наконец с огромным облегче-

нием ступил на первую ступеньку, спотыкаясь и поминутно оступаясь, миновал лестницу и поспешил к башне с вестью о своей победе.

4.

Трое погруженных в задумчивость мужчин вышли из города и направились к Драконовым пещерам. Рог Судьбы висел на шее Элрика на новой серебряной цепи. Сам Элрик был затянут в черную кожу, с непокрытой головой, лишь золотой обруч удерживал волосы над лбом. Несущий Бурю в ножнах, как всегда, хлопал по боку, Щит Хаоса закинут за спину, властитель Мелнибоне вел своих товарищей по подземным гротам, направляясь к дремлющей громадине Пламенного Клыка, вожака драконов. Элрику казалось, что в легких у него не хватит воздуха, когда он глубоко вдохнул и взялся за Рог Судьбы. Властитель Мелнибоне посмотрел на друзей, не сводивших с него глаз, слегка расставил ноги, чтобы покрепче стоять на земле, и изо всех сил дунул.

Глубоким и звучным оказался голос Рога, эхо его заполонило пещеры, а Элрик вдруг почувствовал, как жизнь уходит из него. Он становился все слабее и слабее и, все еще прижимая к губам Рог, чей звук замирал в отдалении, опустился на колени, потому что стоять он был уже не в силах. Зрение меркло, руки дрожали, наконец он рухнул вниз лицом, а Рог Судьбы упал рядом.

Мунглам кинулся было к Элрику и задохнулся от изумления, увидев, как дрогнуло тело гигантского дракона-вожака и огромный, немигающий глаз, холодный, как северные пустыни, уставился на него.

Дивим Слорм ликующе закричал:

— Пламенный Клык! Брат Пламенный Клык, ты проснулся!

Он видел, как задвигались и остальные драконы, расправляли крылья, выгибали длинные шеи, поднимали роговые гребни. Низкорослый Мунглам почувствовал себя настоящим карликом рядом с гигантскими созданиями. Он начал уже опасаться их, беспокоясь о том, как они воспримут присутствие человека, который не принадлежал к племени Повелителей Драконов. Но тут он вспомнил про обессиленного Элрика, встал на колени рядом с ним и тронул его за плечо.

— Элрик! Ты жив?

Элрик застонал и попытался перевернуться на спину. Мунглам помог ему сесть.

— Я ослабел, Мунглам, так ослабел, что не могу встать. Рог забрал все мои силы!

— Тогда вынь из ножен меч — он даст тебе то, что тебе нужно.

Элрик покачал головой.

— Я последую твоему совету, хотя сомневаюсь, прав ли ты на этот раз. Герой, которого я убил в последний раз, наверное, был лишен души, или она у него слишком хорошо защищена, но во всяком случае, после его смерти сил у меня не прибавилось.

Его рука скользнула на бедро и нащупала рукоять Несущего Бурю. Ценой невероятных усилий Элрику удалось вытащить меч из ножен, и он ощутил слабое дуновение — бледную тень прежнего напора жизненных сил,— перетекавшее в его жилы из меча. Этой энергии не хватило бы даже на мало-мальски значительное усилие. Элрик встал и доковылял до Пламенного Клыка. Чудовище узнало его и зашелестело крыльями, приветствуя хозяина; его тяжелый, властный, царственный взгляд, казалось, даже слегка потеплел. Элрик хотел было подойти и потрепать вожака по шее, но споткнулся и упал на колени, встать ему удалось с трудом.

В былые времена драконов седлали рабы, но теперь пришлось проделать это самим. Они отправились в хранилище и отыскали нужные седла и упряжь, ведь у каждого животного были свои, особые седло и сбруя. Элрик едва мог удержать тяжелое снаряжение Пламенного Клыка, искусно сделанное из дерева, железа, драгоценных камней и металлов. Пришлось волочить седло по полу. Не желая смущать своего предводителя сочувственными взглядами, двое друзей делали вид, что не замечают его бесплодных усилий, и усердно занимались своими драконами. Видимо, драконы поняли, что Мунглам — не враг, а друг, и не выказывали недовольства, когда он приблизился к своему дракону, чтобы надеть высокое деревянное седло с серебряными стременами и накладками и копьевидным стрекалом, с которого свисал стяг благородного мелнибонийского рода, ныне полностью вымершего.

Оседлав своих животных, они пошли помочь Элрику, почти падавшему от изнеможения: он едва стоял, прислонившись к чешуйчатому боку Пламенного Клыка. Когда затягивали подпруги, Дивим Слорм спросил:

— Хватит ли у тебя сил повести нас в бой?

Элрик вздохнул:

— Да, думаю, на это меня хватит. Но на саму битву уже нет. Хотя там, верно, найдется чем подкрепить мои силы.

— А травы, которыми ты когда-то пользовался?

— Те, что были, давно утеряли лечебные свойства, а свежих теперь не соберешь, чудовищная печать Хаоса лежит и на растениях, и на скалах, и на море — все сейчас стало иным.

Оставив Мунглама седлать элрикова дракона, Дивим Слорм ушел, но вскоре вернулся с кубком, надеясь, что его питье поможет Элрику собраться с силами. Элрик выпил и отдал кубок брату, а потом, ухватившись за луку седла, подтянулся и сел. Затем приказал:

— Принеси ремни.

— Ремни? — нахмурился Дивим Слорм.

— Да. Если меня не привязать к седлу, я могу грохнуться на землю раньше, чем мы пролетим хотя бы милю.

Так он и сидел в высоком седле, сжимая закованной в латную рукавицу рукой стрекало со своим личным стягом — голубой, зеле-

ный, серебряный цвета — сидел и ждал, когда принесут ремни, наконец они пришли и крепко-накрепко привязали его. Элрик слабо улыбнулся и тронул недоуздок:

— Вперед, Пламенный Клык, указывай путь своим братьям и сестрам.

Сложив крылья и низко опустив голову, дракон направился к выходу, скользя на каменном полу. За ним верхом на двух почти столь же огромных животных двинулись Дивим Слорм и Мунглам, лица их были мрачны и озабоченны, они не сводили глаз с Элрика, беспокоясь о его безопасности. Пламенный Клык скользящей походкой миновал ряд пещер, его собратья следовали за ним; наконец они достигли огромного выхода из подземных гротов и вышли прямо к бушующему морю. Солнце по-прежнему неподвижно стояло в небе; алое и разбухшее, казалось, оно пульсирует в такт непрестанному движению волн. Издав клич, который прозвучал наполовину как визг, наполовину как шипенье, Элрик тронул стрекалом шею дракона.

— Вверх, Пламенный Клык! Вверх во имя Мелнибоне и отмщенья!

Пламенный Клык помедлил несколько на краю обрыва, тряся головой и тихонько пофыркивая. Потом поднялся в воздух, огромные диковинные крылья двигались с медлительным изяществом, однако несли дракона с невероятной быстротой.

Вверх, вверх, поближе к разбухшему солнцу, вверх, в горячий, вихрем кружащийся воздух, вверх и вперед на восток, где, раскинувшись громадным лагерем, ждет уже воинство ада. А за Пламенным Клыком неотступно следовали два его собрата-дракона, неся на спинах Мунглама и Дивима Слорма, у которого тоже был рог, с помощью которого управляли драконами. Тень легла на темно-синее небо, когда взмыли вверх остальные девяносто пять драконов, самцы и самки — зеленым, алым и золотым отливала их шуршащая и сверкающая чешуя, а крылья плавно вздымались и опускались, и шум от них напоминал грохот миллиона барабанов. Так пролетали они над мутными водами океана — пасти широко раскрыты, а неподвижный взгляд пронизывающе холоден.

Элрик ослабевшими глазами видел внизу лишь расплывающиеся цветные пятна; бесконечно разнообразные, они непрестанно меняли форму и переливались всеми оттенками темных тонов. Внизу плескалась, собственно, уже не вода — это была жидкость одновременно естественного и сверхъестественного происхождения, состоявшая из обыкновенных веществ и отвлеченных субстанций. Боль, страсть, страдания и смех сгустками бились в мятущемся приливе, отчаяние и томление тоже входили в эту смесь, а также вещество живой плоти, которое порой всплывало на поверхность.

При виде этой жуткой жидкости Элрику, ослабевшему, а потому более чувствительному к окружающему миру, стало плохо, подступила тошнота, и он поднял свои алые глаза вверх и смотрел теперь только вперед, на восток, куда стремительно неслись драконы.

Вскоре они уже пересекали то, что некогда было Восточным континентом, внизу лежал большой Вильмирианский полуостров, но теперь он лишился своего прежнего облика. Огромные столбы черного тумана поднимались высоко в небо, и всадникам пришлось вести своих крылатых змееподобных скакунов между ними. Землю заливала пузырящаяся лава, отвратительные создания копошились на земле и в воздухе, чудовищные животные и немногочисленные странного и зловещего вида всадники верхом на скелетоподобных конях, услышав шум драконьих крыл, в изумлении задирали головы и потом в диком ужасе неслись к своим лагерям.

Мир казался полуразложившимся трупом, который шевелится от множества жиреющих на нем паразитов.

От человечества не осталось никого, кроме трех всадников на драконах.

Элрик знал, что Джагриин Лерн и его союзники, бывшие некогда людьми, давно отреклись от своей человеческой сути и уже не смели претендовать на родство с теми народами, которых орды Тьмы смели с лица Земли. Только вожди могли еще принимать человеческий облик. Темные Владыки порой надевали чуждую им человеческую личину, но души их были изуродованы так же, как тела их сотоварищей, которые превратились в творения ада под развращающим влиянием Хаоса. Темные силы Хаоса дружно навалились на Землю.

Все глубже и глубже во вражеские владения летели драконы, и клонился в высоком седле Элрик, удерживаясь от падения лишь благодаря прочным ремням. Казалось, тоскливый вопль исходил от лежащих внизу пространств, где измученная, выкрученная пытками природа почти исчезла, а остатки ее претворялись в чуждые Земле формы.

Вперед и вперед летели они, туда, где когда-то находился Карлаак Рыдающей пустыни, а теперь раскинулся лагерь Хаоса. Вдруг они услышали каркающий вопль и увидели, как что-то черное опускается на них сверху. У Элрика не хватило сил даже крикнуть, он лишь слабо тронул стрекалом шею Пламенного Клыка, заставив его свернуть в сторону и избежать опасности. Мунглам и Дивим Слорм последовали его примеру, а Дивим Слорм еще и протрубил в свой рог, повелевая драконам не ввязываться в драку, но некоторые из них, летевшие в хвосте стаи, не успели отклониться и вынуждены были вступить в бой с черными призраками.

Элрик оглянулся и успел разглядеть ясно вырисовывавшиеся на фоне неба чудовищные адские пасти, изрыгавшие пылающий яд и рвущие призраков зубами и когтями; резко хлопали крылья, но тут поле битвы заволокло темно-зеленым туманом и Элрику уже не удалось узнать, что сталось с отставшей дюжиной драконов.

Он дал знак Пламенному Клыку спуститься пониже к маленькому отряду всадников, несшихся по измученной земле; восьмилучевое знамя Хаоса развевалось на инкрустированном копье их пред-

водителя. Они спустились, драконы извергли свой яд, и они радовались, видя, как визжат обожженные и умирающие кони и всадники, а зыбкая почва поглощает их боль.

Порой внизу были видны огромные зáмки, совсем недавно воздвигнутые колдуном, вероятно, в качестве дара какому-нибудь королю — предателю человеческого рода, усердно помогавшему Джагриину Лерну, а может статься, это были владения предводителей воинства Хаоса, которые теперь, когда Хаос, казалось, основательно и прочно воцарился на земле, обустраивались здесь. Тогда Элрик и его друзья спускались пониже, драконы извергали яд, и строения полыхали сверхъестественным огнем, и вспухавшие на глазах клубы дыма мешались с обрывками тумана. Но вот наконец Элрик увидел лагерь Хаоса — город, лишь недавно возведенный в той же манере, что и зáмки; над ним реял яркий янтарный знак Хаоса. Но Элрик ощутил не радость, а глухое отчаяние: ведь он слишком слаб, у него не было сил вступить в бой с Джагриином Лерном. Что он мог сделать? Как обрести силу? Ведь даже если он не примет участия в битве, ему нужна жизненная энергия, чтобы второй раз протрубить в Рог и призвать на землю Белых Владык.

Город выглядел особенно молчаливым, будто ждал или готовился к чему-то. Казалось, сам воздух был пропитан зловещими предчувствиями, и Элрик, прежде чем пересечь границу города, заставил своего дракона немного покружить над ним. Дивим Слорм и Мунглам, а за ними все драконы последовали за Пламенным Клыком. Дивим Слорм крикнул:

— Что же теперь, Элрик? Я не ожидал, что здесь так быстро вырастет город!

— Я тоже. Но смотри...— дрожащей рукой, которую едва мог приподнять, Элрик указал вперед,— это знамя Джагриина Лерна, его Тритон. А там...— повел он рукой вправо и влево,— знамена всех Князей Тьмы! И ни одного знамени человеческих властителей!

Мунглам крикнул:

— Помнишь замки, которые мы разрушили? Я подозреваю, что Джагриин Лерн уже разделил многострадальные эти земли, раздал их своим наймитам. Как мы можем определить, сколько времени прошло на самом деле? Быть может, его было вполне достаточно для таких изменений?

— Верно,— глядя на замершее в небе солнце, кивнул Элрик. Он вдруг качнулся вперед, едва не теряя сознание, но сделал над собой усилие и выпрямился, тяжело дыша. Щит Хаоса висел на руке тяжелой ношей, но он крепко прижимал его к себе.

И тут, подчиняясь какому-то внутреннему, глубинному чувству, он стремительно бросил Пламенного Клыка вниз, туда, где среди враждебного города высился замок Джагриина Лерна.

Ничто не преградило ему путь, и вскоре дракон опустился среди замковых башен. Тишина давила на уши. Элрик с удивлением огляделся по сторонам, но не увидел ничего интересного, кроме мрачных сооружений из темного камня, который, казалось, источал влагу под тяжестью драконьих лап.

Элрик достаточно разглядел, чтобы понять — город пуст. Где же адские орды? Где Джагриин Лерн? Дивим Слорм и Мунглам присоединились к Элрику, драконы кружили в воздухе над ними. Когти их царапали камень, громко хлопали крылья: проснувшись, драконы явно предпочитали воздух земле.

Дивим Слорм задержался лишь для того, чтобы пробормотать:

— Плевал я на этот город! — И полетел прочь на небольшой высоте между замковыми башнями, двое друзей смотрели ему вслед: вдруг Дивим Слорм вскрикнул и пропал из виду. До них донесся еще один пронзительный вопль, но кто кричит, было не видать, однако вскоре дракон Дивима Слорма снова взмыл в воздух, и поперек седла у него болтался извивающийся пленник. Дивим Слорм приземлился. Существо, которое он приволок, походило на человека, но резко выпяченная нижняя губа, низкий лоб и полное отсутствие подбородка страшно его уродовали; огромные, квадратные, неровные зубы поблескивали в его безобразном рту, а голые руки покрывала длинная волнистая шерсть.

— Где твои хозяева? — спросил Дивим Слорм. Существо, казалось, не испытывая страха, прокудахтало:

— Они предсказывали, что вы появитесь. Город мешает свободно передвигаться, поэтому они собрали свое воинство на плоскогорье, в пяти милях отсюда к северо-востоку,— он обратил свои выпученные буркалы на Элрика.— Джагриин Лерн посылает тебе привет и велит передать, что предчувствует твой скорый и нелепый конец.

Элрик пожал плечами, Дивим Слорм вынул меч и зарубил существо. И оно хихикало, умирая, ибо рассудок его был потерян вместе со страхом. Дивима Слорма пробрала дрожь, когда душа уродца смешалась с его собственной душой и прибавила сил. Он выругался, виновато и страдальчески взглянув на Элрика:

Я поторопился, я должен был отдать его тебе.

Элрик ничего не ответил, только шепнул едва слышно от слабости:

— Вперед, на поле боя! Скорее!

И вот они снова взмыли в воздух, где кружили стремительные драконы, и понеслись на северо-восток.

С изумлением увидели они воинство Джагриина Лерна и не могли понять, как он сумел так быстро собрать его. Казалось, каждый демон и каждый воин на востоке встал под знамена Теократа, готовясь воевать за него. Как гнусный лишай расползалось это воинство по холмистой равнине. А вокруг него темнели облака, и молнии явно сверхъестественного происхождения с грохотом сверкали, перекрещиваясь над долиной.

В эту кипящую гущу нырнула вся драконья стая. Отряд самого Джагриина Лерна легко было отличить — над ним развевалось личное знамя Теократа. Другими отрядами командовали Князья Тьмы — Малохин, Эхорта, Ксиомбарг и другие. Элрик заметил трех самых могущественных Повелителей Хаоса, рядом с которыми остальные

казались карликами. Шардрос — Жнец с огромной головой и жуткой кривой косой; Мабелод, Лишенный Лица — его лицо постоянно скрывалось в тени, с какой бы стороны на него ни смотрели, и Слортар Старый, стройный и прекрасный: говорили, что он самый древний из богов. Против такой мощи вряд ли смогли бы выстоять и тысячи сильнейших колдунов, а сама мысль о нападении на воинство Хаоса казалась чистейшим безумием.

Но Элрик не слишком тревожился о таких вещах, полностью погрузившись в обдумывание своего тайного замысла. Он собирался исполнить его во что бы то ни стало, хотя из-за своего нынешнего состояния мог бы скорее погубить себя, чем добиться успеха.

У них было преимущество внезапного нападения с воздуха, но это имело значение лишь до тех пор, пока у драконов оставался яд. Когда же он иссякнет, придется непосредственно столкнуться с воинами Тьмы. А для такого боя Элрику понадобится много сил, а их-то у него и не было. И вот драконья стая пошла вниз, изрыгая огненный яд на врагов. Обычно ни одна армия не могла противостоять такому натиску, но Хаос с помощью колдовства умел отводить огненные струи в сторону: яд как бы наталкивался на невидимый щит и рассеивался. Однако некоторым драконам все же удалось поразить врага, и сотни воинов умирали в пламени, корчась в огне.

Снова и снова драконы взмывали вверх и падали на врага. Элрик шатался в седле, сознание его меркло, с каждой новой атакой он все меньше осознавал, что происходит на поле боя. Его и без того тусклое зрение альбиноса затуманилось еще больше из-за зловонного дыма от горящих тел. Из гущи адских орд вверх с кажущейся медлительностью поднимались гигантские пики Хаоса, напоминавшие янтарные молнии; они поражали драконов, и те, ревя от боли, падали на землю замертво. А Пламенный Клык нес Элрика все ближе и ближе к цели, и вот они уже кружат над отрядом самого Джагриина Лерна. Как в тумане разглядел Элрик сидевшего на отвратительной, безволосой лошади Теократа: тот размахивал мечом и кривлялся в злорадном смехе. Элрик едва расслышал обращенные к нему слова:

— Прощай же, Элрик! Это наша последняя встреча, сегодня ты отправишься в Лимб!

Элрик развернул Пламенного Клыка и зашептал ему на ухо:

— Этого, брат мой, только этого!

И с ревом Пламенный Клык выпустил свой яд в Теократа. Элрик думал, что Джагриин Лерн сгорит дотла, но едва яд коснулся Теократа, как всю пылающую массу будто отшвырнуло назад и лишь несколько капель попало на охрану Джагриина Лерна, прожгло их одежду и плоть до костей. А Теократ все еще смеялся, в его руках появилось янтарное копье. Оно полетело прямо в Элрика, и лишь с огромным трудом тот успел отразить его Щитом Хаоса.

Сила удара была так велика, что Элрика отбросило в седле, один из ремней лопнул, и от гибели спас лишь второй ремень. Мелни-

бониец скорчился, прячась за щитом от непрерывных ударов сверхъестественного оружия. Великая сила Щита Хаоса окружала защитным облаком и Пламенного Клыка, но как долго даже колдовской щит сможет противостоять такой яростной атаке? Элрику казалось, что он бесконечно долго прятался за щитом, пока наконец мощные крылья его дракона, рассекавшие воздух, как большие корабли океанскую волну, вознесли его высоко над адским воинством.

Элрик умирал. Капля за каплей покидали его жизненные силы, как будто он был глубоким стариком, уже приготовившимся к смерти.

— Я не могу умереть,— пробормотал Элрик,— я не должен умереть. Неужели нет никакого выхода?

И Пламенный Клык будто услышал его. Он начал спускаться на землю. Его чешуйчатое брюхо стало задевать за копья врагов, потом дракон-вожак встал на зыбкую землю и, сложив крылья, ждал, глядя, как отряд воинов понукает своих скакунов, направляя их к Элрику.

— Что ты сделал, Пламенный Клык? — Элрик задыхался.— Неужели уже никому нельзя верить? Ведь ты же принес меня прямо в руки врагов!

С огромным трудом он вынул свой меч, а первое копье уже ударилось в Щит Хаоса. И сам воин проехал мимо, усмехаясь: он почувствовал элрикову слабость. Остальные враги подходили с обеих сторон. Элрик слабо замахнулся на одного из них, но тут вдруг Несущий Бурю сам овладел его рукой и нанес удар твердо и точно. Рука воина отскочила, отрубленная, а сам он оказался наколотым на меч, который с жадностью стал втягивать в себя душу погибающего. Элрик сразу же почувствовал, что сил у него несколько прибавилось, и сообразил: дракон и меч, объединившись, стараются помочь ему получить необходимую энергию. Впрочем, меч действовал большей частью самостоятельно. И тому была причина, Элрик сразу понял это, ведь клинок продолжал направлять его руку. Еще несколько всадников погибли, и Элрик, усмехаясь, ощутил, как к нему возвращается жизнь, тело обретает прежнюю силу. Зрение прояснилось, теперь он нормально воспринимал окружающее, и Элрик приободрился. Он ринулся на оставшихся в живых воинов. Пламенный Клык передвигался по земле со скоростью, невероятной для его огромного тела. Враги бросились врассыпную, стремясь как можно скорее соединиться с остальным войском, но Элрик уже не волновался: он заполучил души дюжины таких вояк и этого оказалось вполне достаточно.

— А теперь вверх, Пламенный Клык! Поднимайся и поищем врагов посильнее!

Драконий вожак послушно распростер могучие крылья. Они задвигались, подняли его над землей, и он заскользил над гнусным воинством.

Элрик снова опустился на землю посреди отряда владыки Ксиомбарга, выскочил из седла и, увлекаемый своей сверхъестественной силой, кинулся в ряды врагов. Мелнибониец рубился неистово и был

неуязвим для любого оружия, теперь он не выдержал бы разве только самого яростного натиска Хаоса. Все дальше и дальше во вражеские ряды прокладывал свой кровавый путь Элрик, пока не увидел Ксиомбарга в его земном обличье изящной темноволосой женщины. Элрик знал, что хрупкая внешность никак не соответствовала огромной мощи Ксиомбарга, но без страха прыгнул он к Князю Тьмы и встал перед ним, восседавшим на львиноголовом быке.

Девичий голос Ксиомбарга прозвучал сладостно для слуха Элрика:

— Смертный, ты сражался со многими Князьями Тьмы и изгнал многих из них в Вышние Миры. Теперь они, я слышал, называют тебя Погубителем Богов. А можешь ли ты погубить и меня?

— Ты же знаешь, Ксиомбарг, ни один смертный не может убить владык из Вышних Миров, все равно будь они повелители Закона или повелители Хаоса. Но если этот смертный обладает достаточной силой, он способен разрушить земной облик повелителя и отослать его обратно в иное измерение, так, чтобы он никогда больше не смел вернуться на Землю!

— Так можешь ли ты сделать это со мной?

— Посмотрим! — Элрик кинулся на Темного Владыку.

Ксиомбарг был вооружен боевым топором на длинном топорище, от которого исходило сумрачное синее сияние. И когда скакун его встал на дыбы, Ксиомбарг ударил топором по незащищенной голове Элрика. Мелнибониец закрылся щитом, и топор вонзился в него. Оба оружия вскрикнули металлическим голосом, вспыхнул и погас яркий огонь. Элрику удалось подобраться поближе, и он рубанул по одной из изящных женских ножек Ксиомбарга. Вспыхнувшее сияние защитило Князя Тьмы, и Несущий Бурю вынужден был отступить, задрожав от ярости в руке Элрика. И снова топор ударил о щит с тем же успехом, и снова Элрик попытался пробиться сквозь колдовскую защиту Ксиомбарга. Все время он слышал смех Темного Владыки, сладостный, но одновременно такой же гнусный, как хихиканье злобной ведьмы.

— Ты слишком долго измывался над человеческим обликом и человеческой красотой, а теперь тебя ждет поражение, повелитель! — крикнул Элрик, чуть отступая, чтобы передохнуть мгновение и собраться с силами.

А девичье лицо уже корчилось и менялось. Смущенный и растерянный при виде элриковой необоримой силы, Князь Тьмы пришпорил скакуна, направляя его прямо на мелнибонийца.

Элрик увернулся и ударил снова. На этот раз Несущий Бурю задрожал от радости, пробив защиту Ксиомбарга. Темный Владыка застонал и ответил ударом топора, который Элрик едва успел отразить. Владыка развернул своего скакуна, яростно раскрутил над головой топор, с визгом рассекавший воздух, а потом с размаху швырнул его в Элрика, целя в голову.

Элрик пригнулся и выставил щит, топор отскочил от него и вонзился в зыбкую землю. Элрик помчался за Ксиомбаргом, который

снова разворачивал львиноголового быка. Из ничего Князь Тьмы извлек новое оружие — огромный двуручный меч, клинок которого был раза в три шире, чем Несущий Бурю. Меч выглядел совершенно неуместно в маленьких девичьих ручках. А размеры меча, как догадывался Элрик, соответствовали его мощи. Мелнибониец осторожно отступил, краем глаза заметив, что Темный Владыка утерял одну из своих прелестных девичьих ножек, ее заменила членистая конечность, похожая на те, что бывают у насекомых. Если бы удалось уничтожить земное обличье Ксиомбарга, он оказался бы навсегда изгнанным с Земли.

Теперь уже смех Ксиомбарга был не таким нежным и сладостным, а звучал как бы надтреснуто. А львиноголовое чудовище взревело, присоединяя свой голос к хозяйскому, и бросилось на Элрика. Гигантский меч обрушился на Щит Хаоса. Элрик опрокинулся на спину, ощущая, как земля шевелится и прогибается под его тяжестью, но щит был все еще цел. Краем глаза Элрик успел заметить, что на него опускаются копыта львиноголового быка, и закрылся щитом, неприкрытой осталась только рука с мечом. И когда чудовище нависло над ним, стараясь растоптать своими мощными копытами, Элрик снизу вверх ударил его в брюхо. Клинок поначалу будто наткнулся на какую-то преграду, потом с усилием преодолел ее и начал высасывать жизненную силу. Мощь колдовского чудовища потекла через меч в человека, и Элрик был ошеломлен ее странными свойствами, порожденными отсутствием разума у львиноголового создания, ведь вещество души животного сильно отличается от вещества души разумного существа. Элрик выкарабкался из-под тяжелой туши и вскочил на ноги, а Ксиомбарг, вернее его земное обличье, вылетел из седла.

Темный Владыка мгновенно снова оказался на ногах, хотя стоял несколько неуверенно и странно, ведь у него лишь одна нога оставалась человеческой, а другая видоизменилась. Он быстро заковылял к Элрику, вертя над головой огромным мечом и стремясь разрубить неуемного врага пополам. Но Эрлик, полный сил, полученных от скакуна Ксиомбарга, отпрыгнул и встретил могучий удар Несущим Бурю. Мечи столкнулись, и ни один не уступил. Несущий Бурю завизжал от ярости — он не привык к такому сопротивлению. На мгновение Ксиомбарг раскрылся, и Элрик, воспользовавшись этим, изо всех сил вонзил Несущий Бурю прямо в грудь Темного Владыки.

Ксиомбарг всхлипнул, и его земная оболочка стала расползаться, а силу владыки принялся высасывать элриков меч. Элрик знал, что сила эта составляла лишь часть жизненной энергии Ксиомбарга, ту часть, что давала ему жизнь в земном измерении. Большая половина душевного вещества Князя Тьмы находилась в Вышних Мирах, ведь даже самые могущественные из этих богов не могли целиком перенестись по своей воле на землю. Если бы Элрик умудрился поглотить всю душу Ксиомбарга до последней капли, его смертное тело не выдержало бы напора и лопнуло. Однако и так душа, гораздо более могучая, чем человеческая, перетекла в него через меч из

нанесенной владыке раны, и теперь Элрик был переполнен мощью и энергией.

Ксиомбарг преобразился. Он стал теперь всего лишь мерцающим сполохом разноцветного пламени, который таял, таял и наконец исчез, когда разъяренного Ксиомбарга втянуло в его собственное измерение.

Элрик глянул вверх. В ужасе он увидел, что в битве выжило лишь несколько драконов. И тут еще один начал падать, а на спине его сидел всадник. С такого большого расстояния Элрик не мог разглядеть, кто именно это был из двух его друзей.

Он бросился туда, куда падал дракон, и услышал грохот, когда огромное животное грянуло о землю, жуткий вой, булькающий вскрик и больше ни звука.

Элрик прокладывал путь сквозь ряды воинов Хаоса, никто не мог противостоять ему, и вскоре добрался до упавшего дракона. Рядом с тушей лежало исковерканное человеческое тело, но покрытого рунами меча рядом не оказалось. Он исчез.

Это было тело Дивима Слорма, последнего его родича. Но времени на оплакивание погибшего не оставалось. Элрик, Мунглам и немногие уцелевшие драконы не могли победить несметную силу Джагриина Лерна, воинство которого почти не пострадало от первых атак. Встав над телом брата, Элрик прижал к губам Рог Судьбы, набрал в грудь побольше воздуха и затрубил. Чистый и печальный звук Рога пронесся над полем битвы сразу во все стороны, сквозь бесконечные пространства Космоса, сквозь мириады измерений, сфер и существований, сквозь саму Вечность к крайним пределам Вселенной и самого Времени.

Этот звук долго не умолкал, а когда все же умер вдали, над миром воцарилась абсолютная тишина, миллионные толпы замерли, воздух наполнился ожиданием.

А потом пришли Белые Владыки.

5.

Будто огромное солнце, в тысячи раз большее, чем земное, направило сквозь Космос пульсирующий луч света; пренебрегая непрочными преградами Времени и Пространства, ударил этот луч прямо в гигантское сумрачное поле битвы. А вдоль луча, по пути, проложенному для них сверхъестественной силой Рога Судьбы, шагали величественные Повелители Закона. Земное их обличье было столь прекрасно и ослепительно, что у Элрика едва не помутился разум — человеческий рассудок с трудом мог выдержать такое зрелище. В отличие от Повелителей Хаоса они презрели причудливых животных и двигались пешком — великолепное воинство в ясно-зеркальных доспехах и развевающихся плащах с изображением единственной Стрелы Закона на них.

А вел их Донблас, Созидатель Справедливости, и на совершенных губах его играла улыбка. В правой руке Донблас держал изящный меч, острый и прямой, будто луч света.

И тут Элрик кинулся туда, где ждал верный Пламенный Клык, и поднял его в стонущий воздух.

Пламенный Клык летел теперь менее легко и охотно, чем раньше, но Элрик не знал, в чем причина этого: просто устал вожак или, может статься, присутствие Закона угнетало дракона, который в конце концов сам был творением Хаоса.

Наконец Элрик поравнялся с Мунгламом и, оглядевшись, увидел, что уцелевшие драконы развернулись и летят обратно, на запад. Наверное, они почувствовали: их долг исполнен, и торопились в Драконовы пещеры, чтобы вновь погрузиться в сон. Остались лишь два оседланных дракона.

Элрик и Мунглам лишь обменялись взглядами, но не произнесли ни слова. Происходившее внизу, под ними, внушало слишком всеобъемлющие и непостижимые чувства, чтобы говорить о них.

Ослепительный белый свет исходил от воинства Повелителей Закона, луч, на котором они прибыли, угас, и они двинулись туда, где собрались, изготовившись к битве, Шардрос — Жнец, Мабелод Лишенный Лица, Слортар Старый и прочие, рангом ниже, Повелители Хаоса.

Когда Белые Владыки проходили сквозь толпы адских творений и дружественных им, осквернивших свою природу людей, те с воплями отступали перед Повелителями Закона или, коснувшись ослепительного сияния, замертво валились на землю. Так легко, без всяких усилий поле битвы было очищено от отбросов — мелких приспешников Хаоса, но предстояло еще сломить главные силы врага — Князей Тьмы и Джагриина Лерна.

Хотя в своем земном обличье Повелители Закона почти не превосходили ростом человека, рядом с ними все казались карликами, и даже Элрик, смотревший на битву с высоты, чувствовал себя ничтожной пылинкой, мухой, летящей над полем. Дело тут было не в размерах и росте, а в ощущении необозримых пространств, неотделимом от них. Крылья Пламенного Клыка едва шевелились, когда он кружил над полем. Сгустки темноты вокруг него теперь перемежались облаками светлых и мягких оттенков.

Повелители Закона приблизились к своим древним врагам, ожидавшим их, и Элрик услышал доносившийся снизу голос Донбласа:

— Вы, творения Хаоса, презрели установление Космического Равновесия и домогались всеобъемлющей власти над этой планетой. Судьба отказывает вам в достижении преступной цели, ибо существование этого мира окончено, он возродится в новом обличье, но там ваше влияние будет слабым.

Из рядов Хаоса ему отвечал сладенький, насмешливый голосок. Он принадлежал Слортару Старому.

— Ты слишком многое позволяешь себе предсказывать, брат мой. Судьба Земли еще не решена окончательно. Исход нашей битвы определит, какой она будет, вот и все. Если победим мы — воцарится Хаос. Если вам удастся изгнать нас, презренный Закон, лишенный вероятностей, обретет необозримое могущество. Но победим мы — хотя бы и против велений самой Судьбы.

— Так давайте ж решим наш спор,— отвечал владыка Донблас, и Элрик увидел, как сверкающие Повелители Закона двинулись на своих сумрачных врагов.

Само небо содрогнулось, когда столкнулись оба воинства. Дико завопил воздух, а земля будто кренилась и запрокидывалась. Оставшиеся в живых низшие существа кинулись врассыпную от места схватки гигантов, а от самих сражающихся богов исходила музыка, напоминавшая трепетание струн миллионов арф, каждая из которых едва уловимо отличалась от остальных высотой звучания.

Элрик видел, как Джагриин Лерн оставил ряды Князей Тьмы и, издали заметный в своих пламенеющих алых доспехах, бежал прочь с поля боя. Возможно, он понял, что его дерзостное нахальство будет быстро вознаграждено смертью.

Элрик обнажил Несущий Бурю и, выкрикивая имя Теократа, вызывая его на бой, резко направил Пламенного Клыка вниз.

Джагриин Лерн глянул вверх; на этот раз он уже не смеялся. Лишь пришпорил скакуна и помчался еще быстрее, и наконец-то Элрик увидел, куда торопится Теократ. Впереди земля превратилась в черно-пурпурный газ, который яростно бурлил, будто стараясь оторваться от всего остального воздуха. Джагриин Лерн остановил свою безволосую лошадь и отстегнул с пояса боевой топор. Поднял пламенно-алый круглый щит, который, подобно элрикову, мог противостоять колдовскому оружию.

Дракон несся к земле с такой скоростью, что у Элрика перехватило дыхание. Он приземлился в нескольких ярдах от Джагриина Лерна, а тот, сидя на своем кошмарном скакуне, терпеливо ожидал нападения Элрика. Видимо, он почувствовал, что их схватка станет отражением войны гигантов, кипевшей рядом, и исход одного сражения окажет влияние на другое. Как бы то ни было, Джагриин Лерн не упражнялся в своем обычном бахвальстве и издевках, а просто молча ждал.

Не заботясь о том, будет ли у Джагриина Лерна преимущество в предстоящей схватке или нет, Элрик спрыгнул с седла и ласково прошептал дракону:

— А теперь назад, Пламенный Клык, возвращайся вместе с братьями. Что бы ни произошло, буду я побежденным или победителем, все равно ты свое дело сделал.

Пламенный Клык зашевелился, повернул свою могучую голову, чтобы посмотреть Элрику в глаза, и в это время неподалеку опустился на землю еще один дракон. Мунглам, тоже спешившись, стал пробираться сквозь черно-пурпурный туман к Элрику. Но Элрик крикнул ему:

— Помощь не нужна, Мунглам!

— А я и не собираюсь вмешиваться. Просто мне доставит удовольствие посмотреть, как ты возьмешь его жизнь и душу!

Элрик глянул на Джагриина Лерна, чье лицо по-прежнему сохраняло бесстрастное выражение.

Пламенный Клык взмахнул крыльями, поднялся в небо и вскоре исчез, за ним последовал и дракон Мунглама. Они уже не вернутся.

Элрик, высоко подняв щит и взяв меч наизготовку, пошел к Теократу. И тут с изумлением увидел, что Джагриин Лерн тоже слез со своего чудовища-скакуна и, отгоняя, шлепнул его по безволосому крупу. Джагриин Лерн встретил врага, слегка согнувшись, что подчеркивало его всегда приподнятые плечи. Длинное смуглое лицо напряглось в ожидании, взгляд не отрывался от Элрика, который тем временем уже подошел близко. Беглая улыбка дрожала на губах Теократа, глаза горели, он предвкушал грядущую битву.

Элрик остановился, еще шаг — и он окажется в пределах досягаемости вражеского меча.

— Джагриин Лерн, готов ли ты расплатиться за все преступления, совершенные против меня и всего мира?

— Расплатиться? Преступления? Ты поражаешь меня, Элрик, я вижу, ты полностью разделяешь нелестное мнение твоих новых союзников о нас. Ведя свои войны, я счел необходимым уничтожить несколько твоих друзей, которые мне мешали. Но этого следовало ожидать. Я делал то, что должен был и хотел делать, и даже если сейчас я потерплю поражение, то ни о чем не пожалею. Сожалеть о прошлом — занятие для глупцов, да и бесполезное оно совершенно. В том, что случилось с твоей женой, не было моей прямой вины. А разве ты, убив меня, будешь торжествовать?

Элрик покачал головой.

— Джагриин Лерн, мои цели действительно изменились. Но все же мы, рожденные в Мелнибоне, были очень мстительным народом. И сейчас я жажду мести!

— А-а, теперь я понимаю тебя,— Джагриин Лерн изменил позу, подняв топор так, чтобы он прикрывал его.— Я готов.

Элрик прыгнул вперед. Несущий Бурю с визгом рассек воздух и обрушился на алый щит, потом еще и еще раз. Элрик успел ударить трижды, прежде чем Джагриину Лерну удалось найти щель в его защите. Щит Хаоса отразил удар боевого топора, но у Элрика оказалась слегка задетой рука. Оба щита столкнулись с металлическим лязгом, и Элрик попытался, налегая всем телом, опрокинуть Теократа на спину, одновременно стараясь достать врага мечом из-за притиснутых друг к другу щитов. На несколько мгновений они замерли в этом положении, а вокруг звучала музыка боя, земля, казалось, проваливалась под ногами, и со всех сторон, как колдовские цветы, вздымались столбы разноцветного пламени. Джагриин Лерн вдруг отпрыгнул назад, одновременно пытаясь зарубить Элрика. А тот кинулся вперед; уклоняясь от удара, поднырнул под воздетую руку врага и сам ударил Теократа в ногу около колена — ударил и промахнулся. Сверху на него обрушился топор, и Элрик вынужден был кинуться в другую сторону, чтобы избежать верной смерти. Но замах Джагриина Лерна был так силен, что сам он потерял равновесие и пошатнулся, а Элрик подпрыгнул и толкнул Теократа ногой в спину. Тот рухнул во весь рост, выпустил из рук топор и щит, попытался дотянуться до них, но не смог. Элрик поставил ногу на шею поверженного врага и придавил, меж тем как Несущий Бурю алчно парил над распростертым телом врага.

Джагриину Лерну удалось перевернуться на спину, и он посмотрел на Элрика. Теократ внезапно побледнел, глаза его не отрываясь глядели на черный адский меч, когда он хриплым голосом обратился к победителю:

— Прикончи же меня, Элрик! Для моей души уже нет места в вечности, теперь уже нет. Я должен отправиться в Лимб, так прикончи же меня!

Элрик уже готов был позволить Несущему Бурю погрузиться в тело побежденного Теократа, но вдруг остановил меч, с трудом отведя клинок от намеченной жертвы. Несущий Бурю разочарованно заворчал и дернулся в руке.

— Нет,— медленно произнес Элрик.— Я не желаю ничего твоего, Джагриин Лерн. Я не хочу осквернять себя, поглощая твою душу! Мунглам, дай-ка свой меч!

Молча повиновался маленький житель восточных стран. Элрик убрал в ножны свой сопротивляющийся клинок, приговаривая:

— Это ведь в первый раз я не дал тебе насытиться. Интересно, что ты будешь теперь делать?

Потом взял меч Мунглама и рубанул Джагриина Лерна по щеке. Рана стала медленно наполняться кровью. Теократ завизжал:

— Нет, Эрлик, убей меня!

С застывшей улыбкой Элрик ударил по другой щеке. Окровавленное лицо Теократа исказилось от муки, он кричал, моля о смерти, но Эрлик, продолжая как-то неопределенно-многозначительно улыбаться, мягко произнес:

— Ты стремился подражать императорам Мелнибоне, разве нет? Ты издевался над Элриком, последним из императоров, ты мучил его и похитил его жену. Ты превратил ее нежное тело в адское творение, точно так же ты испоганил весь мир. Ты убил друзей Элрика и в своем безграничном нахальстве и дерзости осмелился вызвать его самого на поединок. Но ведь ты — ничтожество, ты жалкая марионетка, а Элрик никогда не был игрушкой в чужих руках. А теперь, мелкий человечишка, ты узнаешь, как народ Мелнибоне развлекался с выскочками в те дни, когда правил миром!

Джагриин Лерн умер только через час, да и то лишь потому, что Мунглам умолял Элрика побыстрее покончить с ним.

Элрик отдал Мунгламу окровавленный меч, предварительно обтерев его лоскутом ткани, который когда-то был частью одежды Теократа. Мелнибониец глянул на искромсанное тело и пнул его сапогом, а потом посмотрел туда, где сражались владыки из Вышних Миров.

Он очень ослабел после схватки, а также от усилий, которых стоило ему вложить в ножны яростно сопротивляющийся клинок, но он забыл обо всем, с любопытством наблюдая за битвой гигантов.

И Повелители Закона, и Повелители Хаоса превратились в огромные, туманные человекоподобные сгустки, ведь масса их земного тела уменьшилась в ходе боя. Они походили на полупризрачных великанов и сражались теперь повсюду — на земле и в воздухе.

Далеко у самого горизонта Элрик разглядел Донбласа, Созидателя Справедливости, схватившегося с Шардросом — Жнецом. Их очертанья мерцали и расплывались, метался изящный меч, махала огромная коса.

Элрик и Мунглам не могли вступить в эту битву богов, они даже не совсем понимали, чья сторона берет верх, и просто наблюдали, а бой между тем становился все яростнее, и земные воплощения богов таяли. Кажется, битва теперь кипела уже не только на Земле, но во всех измерениях и сферах Космоса и как бы в согласии с превращениями богов преображалась и сама планета, пока Элрик и Мунглам не оказались втянутыми в водоворот воздуха, огня, земли и воды.

Земля растворялась — но Повелители Вышних Миров все еще сражались на ней.

Оставалось только само вещество планеты, но оно полностью потеряло всякую форму. Все ее составные части еще существовали, но каков будет новый облик планеты, определено еще не было. Битва продолжалась. Победители в награду получат исключительное право творить новую Землю.

6.

Наконец — Элрик не уловил точно, когда это произошло,— бурные водовороты мрака стали уступать место свету, и возник звук — космический вопль отчаяния, разочарования и ненависти. Элрик понял, что Повелители Хаоса потерпели поражение и изгнаны. Повелители Закона стали победителями, предначертания Судьбы исполнились, хотя необходим был еще последний трубный глас Рога Судьбы, дабы ознаменовать наступление нового времени.

И тут Элрик осознал, что у него нет сил для этого, он не сможет протрубить в третий раз.

Мир вокруг двух друзей уже снова обретал ясные, определенные очертания. Они стояли теперь на каменистой равнине, вдали виднелись изящные вершины новообразованных гор, пурпурные на фоне густой синевы неба.

Потом Земля стала двигаться. Все быстрее и быстрее вращалась она, день с невероятной скоростью уступал место ночи, потом кружение замедлилось, и Солнце почти остановилось на небосклоне, чуть заметно скользя по нему к закату.

Превращение свершилось. Теперь правил Закон, хотя Повелители Закона исчезли, не поблагодарив и не попрощавшись.

Но хотя Закон воцарился на Земле, он не мог положить начало развитию, пока Рог Судьбы не прозвучал в последний раз.

— Итак, все кончено,— пробормотал Мунглам.— Все исчезло — Элвер, где я родился, Карлаак Рыдающих пустынь, Бакшаан, Танелорн, даже Дремлющий Град и Остров Мелнибоне. Их больше нет, их не вернуть вовеки. И вот он, новый мир, созданный Законом. С виду не слишком-то отличается от старого.

Элрика тоже охватило чувство потери, он знал, что ушли в прошлое все с детства знакомые места, даже сами континенты сменились новыми, совершенно иными. Это напоминало утерю детства, да, возможно, так оно и было на самом деле — закончилось детство планеты.

Он отогнал прочь горькие мысли и улыбнулся.

— Предполагается, что я должен последний раз протрубить в Рог, дабы началась новая жизнь. Но сил у меня нет. Может, в итоге замысел Судьбы все-таки будет нарушен?

Мунглам как-то странно посмотрел на него.

— Надеюсь, что нет, друг мой.

Элрик вздохнул.

— Нас осталось только двое, Мунглам, двое последних, ты и я. И так здорово, что даже великие события, происходившие вокруг, не испортили нашей дружбы, не разлучили нас. Ты единственный друг, который никогда мне не надоедал, единственный, кому я доверял бесконечно.

Мунглам усмехнулся, но на лице его появилась лишь тень прежней озорной улыбки.

— А когда мы вместе попадали в переделки, я всегда умел получить выгоду, даже если тебе не везло. Наша дружба была нужна нам обоим. Теперь я уже никогда не пойму, почему решил разделить твою судьбу. Может, это зависело вовсе не от меня, а было предначертано Судьбой, ведь теперь остался лишь один последний поступок, которым я мог бы закрепить нашу дружбу...

Элрик уже готов был задать Мунгламу вопрос, когда позади него раздался тихий голос:

— У меня два послания к тебе. Во-первых, Повелители Закона просят передать тебе свою благодарность, второе послание исходит от существа гораздо более могущественного.

— Сепириц! — Элрик обернулся к своему наставнику.— Так что же, ты доволен мной?

— О да! И весьма,— лицо Сепирица было грустно, он смотрел на Элрика с нескрываемым, глубоким расположением и сочувствием.

— Ты прекрасно исполнил все, кроме последнего деяния. Необходимо в третий раз протрубить в Рог Судьбы. Благодаря тебе этот мир познает развитие, а новые люди получат возможность со временем подняться на следующую, более высокую ступень развития.

— Но каков смысл всего, что было и будет? — спросил Элрик.— Я так и не смог постичь его.

— А кто может? Кто может знать, почему существуют Весы Космического Равновесия, почему существуют Судьба и Повелители Вышних Миров? Наверное, во Вселенной бесконечное множество пространств, времен и вероятностей. Возможно, есть бесконечное число существований и существ, одно выше другого, и каждое видит свою конечную цель, хотя в бесконечности конечной цели нет. И может статься, все во Вселенной циклично, и каждое событие будет происходить снова и снова, пока сама Вселенная не истощится и не исчезнет,

как исчез мир, который мы знали. Тебя волнует смысл, Элрик? Не ищи его, на этом пути сторожит безумие.

— Нет смысла, нет идеала... Так за что же я выстрадал все это?

— Быть может, сами боги ищут смысл и идеал, а это была всего лишь еще одна попытка найти их. Смотри...— он повел вокруг рукой, указывая на только что родившийся мир.— Все это еще свежо и создано по законам логики. Очевидно, логика и будет управлять жизнью тех, кто придет нам на смену, но ведь не исключено, что появится нечто, разрушающее логику. Боги пробуют, Космическое Равновесие управляет судьбой Земли, люди сражаются и верят, будто богам известно, ради чего они бьются,— а разве богам это действительно известно?

— Ты приводишь меня в отчаяние, лишаешь последней опоры именно тогда, когда я надеялся, что обрету наконец покой,— тоскливо вздохнул Элрик.— Я потерял жену и родной мир и ведать не ведаю, во имя чего.

— Прости меня. Я пришел лишь сказать тебе «прощай», друг мой. Исполни то, что должен.

— Да. Мы еще увидимся?

— Нет, ведь мы оба уже окончательно мертвы. Наше время истекло.

Сепириц, казалось, изогнулся в воздухе и исчез.

Осталось лишь ледяное молчание.

Наконец Мунглам прервал долгую задумчивость Элрика.

— Ты должен протрубить в Рог, Элрик. Значит это что-нибудь или нет, но ты должен протрубить в него и навсегда покончить с этим делом.

— Но как? У меня едва хватает сил, чтобы стоять на ногах.

— Я уже решил, что ты должен сделать. Убей меня Несущим Бурю. Прими в себя мою душу и силы — тогда ты сможешь протрубить в рог последний раз.

— Убить тебя, Мунглам? Единственного оставшегося в живых, единственного моего верного друга? Ты болтаешь чепуху!

— Я знаю, что говорю. Ничего не поделаешь, ты должен так поступить. Да и потом, для нас нет места в новом мире, и мы все равно скоро умрем. Ты рассказывал мне, как Зарозиния отдала тебе свою душу, так возьми же теперь и мою!

— Я не могу.

Мунглам подошел к другу и, взявшись за рукоять Несущего Бурю, наполовину вытащил его из ножен.

— Нет, Мунглам!

Но теперь уже клинок выскочил из ножен по своей воле. Элрик оттолкнул руку Мунглама и сам схватился за рукоять. Но остановить меч уже не смог. Клинок поднялся, таща за собой руку хозяина, и замер, готовясь нанести удар. Мунглам стоял, опустив руки, на лице его застыло отсутствующее выражение, хотя Элрику показалась тень страха в глазах обреченного друга. Он пытался сопротивляться воле меча, но знал, что это невозможно.

— Позволь ему сделать свое дело, Элрик.

Меч нырнул вперед и разрубил сердце Мунглама. Кровь маленького озорного храбреца струей брызнула на клинок. Глаза Мунглама затуманились и наполнились ужасом.

— О!.. нет... я не ожидал... такого...

Оцепеневший от горя Элрик не смог извлечь клинок из сердца своего друга. Силы Мунглама перетекали в него, но даже когда все до капли душевное вещество веселого коротышки было поглощено, Элрик еще смотрел на маленький труп, пока слезы не хлынули из его алых глаз и рыдания не стали душить его. Тогда лишь меч вышел из раны. Элрик отбросил меч, но он не загремел о камни, а упал, как упало бы живое тело. Потом клинок приблизился к хозяину и встал. Элрик подозревал, что Несущий Бурю наблюдает за ним.

Он взял Рог и прижал к губам. И протрубил в ночи, знаменуя наступление нового времени и нового мира. За ночью последует рассвет. И хотя голос Рога звучал торжествующе, в душе Элрика не было места радости. Бесконечно одинокий и бесконечно отчаявшийся, стоял он, запрокинув голову, а голос Рога все звучал. И когда замерли последние звуки, в которых торжествующие ноты сменились страдальческими, несшими в себе нечто от элриковой тоски, в небесах высоко над землей появилось гигантское видение, будто призванное Рогом.

Это была огромная рука, держащая весы; на глазах Элрика они стали колебаться и замерли, лишь когда установилось равновесие. И каким-то образом чудное видение облегчило Элрику душу, смыло с нее печаль, и он выпустил из рук Рог Судьбы.

— В конце концов все-таки существует нечто,— произнес он,— и даже если это всего лишь призрак, но он утешает душу и внушает надежду.

Элрик повернул голову и увидел, как меч его поднялся в воздух и ринулся на бывшего хозяина.

— Несущий Бурю! — крикнул Элрик, но колдовской клинок пронзил его грудь, и он почувствовал в сердце леденящее прикосновение острия. Пальцы Элрика вцепились в меч, он ощутил, как сжалось тело, а из сокровенных глубин его существа дьявольское оружие высасывало душу — сущность последнего императора Мелнибоне поглощалась Несущим Бурю. Жизнь угасала, сливаясь с бытием меча, и Элрик осознал, что ему изначально был уготовлен такой конец. Этим клинком поражал он друзей и возлюбленных, крадя их души, чтобы поддержать свои слабеющие силы. И теперь казалось, что это скорее меч использовал его, а не наоборот, будто он, Элрик, всего лишь одно из воплощений Несущего Бурю и ныне возвращается в лоно меча, который никогда не был обыкновенным оружием. И, умирая, Элрик снова рыдал: ему открылось, что частичка души Несущего Бурю, которая некогда была душой Элрика, не будет знать покоя вовеки, она обречена на бессмертие.

Элрик из Мелнибоне, последний император Пресветлой Империи, вскрикнул, тело его, как опустевшая оболочка, рухнуло рядом с телом

Мунглама, последнего его друга, и так он возлежал под могущественными Весами, все еще стоявшими в небе.

Затем облик Несущего Бурю стал изменяться, извиваясь и корчась над телом Элрика. Существо, некогда называвшееся Несущий Бурю, последнее проявление Хаоса, которому суждено было остаться в новом мире и сопровождать его становление и развитие, теперь смотрело на труп Элрика из Мелнибоне и улыбалось.

— Прощай, друг мой. Я нес в себе в тысячу раз больше зла, чем ты.

И оно покинуло Землю и устремилось ввысь, и безумный смех его издевался над Весами Космического Равновесия, наполняя Вселенную радостью торжествующего Зла.

ГОВАРД ФАСТ
РАССКАЗЫ

Перевод *Татьяны Камяновой*

Редактор *Алла Можаева*

© Перевод с англ., 1991

ХОЛОДНЫЙ, ХОЛОДНЫЙ БОКС

Как обычно, ежегодно собрание Совета директоров состоялось в девять часов утра 10 декабря. Девять часов были выбраны как оптимальное время для начала утренних заседаний. Что касается числа, то оно создавало некоторую гарантию против соблазна впасть в словоблудие. Каждый из директоров, несомненно, хотел оказаться дома на Рождество (или его эквивалент в зависимости от страны, которую он представлял). Поэтому повестка дня была рассчитана ровно на две недели и ни часом дольше.

Сначала такой порядок привел к многочасовым заседаниям — иногда директора совещались сутками без перерывов. Но со временем, когда все устоялось, ежедневное обсуждение стало обычно заканчиваться в четыре часа дня, и бывали годы, когда Совет заканчивал всю работу на день или два раньше срока.

Нынешнее собрание Совета директоров было очень конкретным. Большие часы на стене прекрасного просторного зала низким, музыкальным голосом пробили девять раз, и последний из директоров занял свое место. Собравшиеся приветливо кивали друг другу, как бывает при встрече добрых друзей. Они были полностью раскованы — никакого напряжения или тяжелых мыслей в преддверии долгих обсуждений. Директоров было ровно триста. Они удобно устроились в комфортабельных креслах, поставленных в несколько рядов и образующих круг, похожий на амфитеатр. Два прохода вели к сцене, также круглой, размером около двадцати футов в диаметре. На сцене находилась небольшая трибуна, позволяющая выступающему поворачиваться в любом направлении.

Несмотря на то, что количество совещающихся в числе трехсот было установлено после неоднократных проб и ошибок как оптимальное, в зале всегда оставались пустые места. Время от времени велись разговоры о перепланировке зала заседаний, но никто никогда не брался за это дело всерьез, и до сих пор пустующие места были обычным явлением, к которому все привыкли.

В Совете было равное число мужчин и женщин в возрасте не младше тридцати лет. Уход на пенсию зависел от собственного желания каждого, и многим было за семьдесят. Две трети от общего числа составляли члены Совета от пятидесяти до шестидесяти лет. С тех пор как Совет стал заниматься и международными делами, в его состав были делегированы представители всех расовых и национальных

групп. Среди директоров были черные и белые, желтые и коричневые всех возможных оттенков кожи. Как и в Организации Объединенных Наций (впрочем, члены Совета были слишком скромны, чтобы проводить подобные аналогии), в зале была установлена система синхронного перевода. Однако наиболее употребимым языком был английский.

Председатель Совета, родом из Индокитая, открыл заседание. Он обратился к собравшимся со словами приветствия и назвал общее число присутствующих. Затем сообщил следующее:

— В начале нашего ежегодного заседания — и это установленная процедура — мы должны рассмотреть одну моральную и нравственную проблему. Она касается господина Стива Коувэка. Мы обсудим этот вопрос вне повестки дня, потому что он — совершенно особый. Это дело нашей совести. Я говорю об этом не без волнения, потому что обсуждение проблемы, связанной с господином Коувэком,— единственное, что Совет вынужден хранить в тайне. Все остальное, включая итоги голосования по каждому вопросу, будет опубликовано. Но о господине Стиве Коувэке мир не знает ничего. Таково было решение, ежегодно принимаемое нашим Советом. На каждом заседании сессии господин Коувэк становился, если так можно выразиться, объектом репрессий со стороны членов Совета. И в результате принималось одно и то же решение — продолжать скрывать господина Коувэка от мира.

Речь председателя у большинства членов Совета не вызвала никаких эмоций. Но лица тех, кто впервые присутствовал на заседании, выражали недоумение и протест. В зале раздавались возгласы недоверия. Нельзя сказать, что члены Совета были безнравственными людьми.

— В этом году, так же как и прежде, мы ставим вопрос о господине Коувэке первым. Мы не можем обсуждать повестку дня до его решения. Как и раньше, нам предстоит определить, посылать дело на криминальное расследование или воздержаться.

Молодая женщина — вновь избранный член Совета — с лицом, пылающим от негодования, поднялась со своего места, чтобы спросить председателя, будет ли его собственное отношение к этому вопросу лояльным. Председатель утвердительно склонил голову. Женщина не была довольна его ответом:

— Я не понимаю, господин председатель, то, что вы говорите,— серьезно или это шутка, студенческая выходка?

— К вашему сведению, миссис Раму, наш Совет не пользуется такими словами, как «студенческая выходка»,— мягко ответил председатель.— Я вполне серьезен.

Молодая женщина, опустив глаза и закусив нижнюю губу, села на свое место. Вслед за ней слово попросил молодой человек.

— Да, господин Стефансон,— обратился к нему председатель.

Но молодой человек сел на свое место, не произнеся ни слова. Старшие члены Совета были серьезны и внимательны, но и в их лицах сквозило нетерпение.

— Я не собираюсь отказываться от дискуссии,— продолжал председатель,— и с огромным удовольствием перейду к следующим вопросам. Но сначала еще немного об этом многострадальном деле. Есть серьезные причины, заставляющие нас каждый год рассматривать проблему господина Коувэка. Во-первых, потому, что преступление, совершенное нами в прошлом, не может оставлять нас равнодушными. Мы должны помнить о нем. Преступление, обдуманное заранее,— огромная угроза для общечеловеческой морали, и если бог поможет нам, мы никогда не станем благодушными по отношению к себе! Во-вторых, каждый год в нашем Совете появляются новые члены, и необходимо, чтобы и они ознакомились со всеми фактами по делу господина Коувэка. В этом году у нас семь новых членов. Я адресую это выступление им и одновременно обращаюсь ко всем своим старым коллегам по Совету.

Стив Коувэк,— начал свой рассказ председатель,— родился в Питсбурге в 1913 году. Он был одним из семерых детей, только четверо из которых дожили до совершеннолетия. Это не было такой уж редкостью в те дни бедности, невежества и допотопной медицины.

Джон Коувэк, отец Коувэка, работал сталелитейщиком. Когда Стиву было шесть лет, на заводе вспыхнула забастовка из-за заработной платы. Я уверен, что все вы знакомы с забастовочными методами, и поэтому не буду останавливаться на этом подробно.

Во время забастовки умерла мать Стива, а годом позже Джон Коувэк упал в чан с расплавленной сталью. Мать скончалась от туберкулеза, неизлечимой в то время болезни. Тело отца сгорело в расплавленной стали. Я упоминаю эти факты потому, что они оказали глубокое влияние на формирование умственных способностей и характера Стива Коувэка. Оказавшись в семь лет сиротой, он вырос как зверь в джунглях. Стива Коувэка отправили в окружной сиротский приют, где его считали трудновоспитуемым. Его ежедневно били и лишали пищи, наказывали всеми возможными способами, которые допускали невежество и бесчувственность администрации приюта. После двух лет такой кошмарной жизни он сбежал.

Это очень короткая предыстория детства замечательнейшего из людей, человека блистательного, с мужественным характером, изобретательным умом и страшной судьбой. К сожалению, психика Стива Коувэка была травмирована. Отчет психиатров о его состоянии заранее подготовлен, и каждый из вас имеет его в своем портфеле. В отчете перечислены также все жизненные испытания, пережитые Стивом Коувэком в возрасте от девяти до двадцати лет. Все эти годы он боролся за свою жизнь.

Вы найдете в отчете множество деталей, рассказывающих о его жизни в то время, на которых я не могу подробно останавливаться. Вопрос, стоящий перед нами сегодня, непосредственно связан с этой историей, и при обсуждении нам необходимо будет учитывать все детали, которые имеют к ней отношение.

Председатель Совета сделал паузу, отпил воду из стакана и заглянул в свои записи. Новые члены Совета тем временем посмотрели в экземпляры отчета психиатров. Те же, кто не первый раз присут-

ствовал на обсуждении этого вопроса, были поглощены собственными мыслями. Впрочем, нельзя сказать, чтобы им было скучно. Сколько бы раз ни затрагивалась судьба Стива Коувэка, они не могли оставаться равнодушными.

— В возрасте двадцати лет,— продолжал председатель,— Стив Коувэк работал на сталелитейном заводе в окрестностях Питсбурга. В то время его другом стал некто по имени Эмери. Этот Эмери был одинок, без семьи и средств к существованию. Бывший шахтер, он страдал болезнью легких, обычной для людей его профессии. Единственное, что у него было,— страховой полис на пять тысяч долларов. Стив Коувэк согласился поддерживать Эмери, и в ответ Эмери сделал его владельцем своего страхового полиса. В то время страховые полисы часто были единственным средством, при помощи которого семья могла существовать после смерти кормильца. Четырьмя месяцами позже Эмери не стало. Спустя годы прошел слух, что Коувэк ускорил его смерть. Но нет никаких доказательств, подтверждающих этот слух. Пять тысяч долларов стали основой для накопления капитала. Двадцать пять лет спустя чистый капитал Стива Коувэка составлял уже около трех биллионов долларов. Возможно, он был самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Он стал промышленным магнатом в сталелитейной и алюминиевой индустрии, под его управлением находились химические заводы, медные копи, железные дороги, нефтеперегонные заводы и десятки предприятий смежных отраслей. Стиву Коувэку было сорок шесть лет. Шел 1959 год.

История восхождения Стива Коувэка к власти и богатству уникальна для поколения, к которому он принадлежал. Он был сильным человеком, красивым и властным, но был измучен долгой борьбой, страстным желанием отомстить за себя и своих родителей, за бедность и страдания своего детства. Его стремление к власти и те факторы, которые формировали его характер, обернулись в результате психическими расстройствами и паранойей. Стив Коувэк создал особую структуру власти. Он владел газетами, авиалиниями, телестанциями, издательствами и контролировал еще множество объектов. В то же время он имел возможность оставаться в тени. За все пятидесятые годы вы не найдете почти ни одного упоминания о нем в прессе.

Это было время акционерных обществ. Само слово «акционер» было тогда символом силы и честолюбия. Именно оно подходило Стиву Коувэку. Он был жестоким, честолюбивым и совершенно лишен чувства сострадания. Он безжалостно разрушал все на своем пути и так или иначе получал желаемое. Он подстраивал ложные обвинения и обманывал конкурентов, использовал насилие там, где невозможен был подкуп. Теми или иными средствами он всегда получал все, что хотел. Он подкупал частных лиц и парламенты, подкупал целые правительства. Он создал систему контроля, которая простерлась во все уголки планеты.

И вот в свои сорок шесть лет, в зените богатства и власти, он обнаружил, что у него рак.

Председатель собрания сделал паузу, как бы давая возможность словам осесть. Он снова отпил глоток воды. Затем заглянул в лежащие перед ним бумаги.

— Я предлагаю вашему вниманию короткий отрывок из дневника доктора Фредерика,— продолжал председатель.— Я думаю, большинство из вас знакомы с работой доктора. В любом случае вы знаете, что он был выбран членом нашего Совета. Это было очень давно. Мне хотелось бы только упомянуть, что доктор Якоб Фредерик был одним из мудрейших и терпеливейших исследователей раковых заболеваний.

Не только большим врачом, но и большим ученым. Отрывок, который я вам прочту, датирован 12 января 1959 года.

Сегодня у меня был необычный пациент, Стив Коувэк, промышленный магнат. Я слышал легенды о богатстве, влиянии и власти этого человека. Он оказался поразительной личностью — высокий, мускулистый, красивый, с широким мужественным лицом и огромной шевелюрой волос, покрытых ранней сединой. У него голубые глаза, прекрасный цвет лица, и кажется, что он в расцвете сил и здоровья. Но на самом деле это не так. Я внимательно осмотрел его. У него нет никакой надежды.

— Доктор,— сказал он мне.— Я хочу знать правду. Мне уже известно, что со мной. Вы не первый врач, к которому я обращаюсь. Но я хочу услышать, что думаете вы — прямо и без обиняков.

Я должен был сказать ему правду. Он не из тех, от кого ее легко скрыть.

— Хорошо,— сказал ему я.— У вас рак. Ваш случай не поддается лечению. Вас ждет смерть.

— Сколько мне осталось?

— Я не могу сказать точно. Возможно, год.

— А если сделать операцию?

— Операция может на год-два продлить вашу жизнь. Но это в том случае, если пройдет удачно. В любом случае последствия ее — боль и немощь.

— И нет никаких способов исцеления?

Внешне он оставался спокоен. Прекрасно управлял голосом — должно быть, понадобились годы, чтобы достигнуть такого хладнокровного контроля над собой. Но под этой маской я мог разглядеть испуганного, доведенного до отчаяния человека.

— Пока нет.

— Я знаю, что знахари и специалисты по лечению диетой обещают исцеление.

— Обещать легко,— ответил я.— Но подобных средств просто нет.

— Доктор,— сказал он мне.— Я не хочу умирать. И не собираюсь. Я двадцать пять лет работал, чтобы достичь того, чем обладаю теперь. Я молод и силен, и лучшие годы моей жизни — впереди.

Когда Коувэк говорил, его слова казались очень убедительными даже для меня. Это было в его характере — не ждать милостей от

жизни, а брать все самому. Он привык отрицать неизбежное. Но факт оставался фактом.

— Ничем не могу помочь вам, господин Коувэк,— сказал я ему.

— Это мне придется вам помочь,— спокойно заметил он.— Я пришел к вам потому, что вы знаете о раке больше, чем кто-либо другой в мире. Во всяком случае, так мне говорили.

— Вас неправильно информировали,— коротко ответил я.— Ни один человек не знает о раке более других. Все, что известно и было исследовано на эту тему,— результат совместного труда.

— Я верю в личность, а не в толпу. И конкретно в вас. Поэтому я готов заплатить вам миллион долларов, если вы найдете способ вылечить меня и вернуть мне полноценную жизнь.

Он достал из бумажника подписанный чек на миллион долларов.

— Это ваше,— сказал он.— Если я выживу.

Я попросил Стива Коувэка прийти на следующий день и допоздна просидел в лаборатории, размышляя, что может значить миллион долларов для моей работы, моих планов и в итоге для всего человечества. Только одна идея пришла мне в голову. Идея была фантастической. Но не фантастической ли личностью был Стив Коувэк?

Председатель собрания снова сделал паузу и внимательно посмотрел на молодых людей, впервые присутствующих на заседании. Они слушали его чрезвычайно сосредоточенно, словно загипнотизированные. Но чувствовалось, что они хотели бы задать вопрос или выразить свое недоумение.

— Я продолжаю чтение дневника доктора Фредерика,— сказал председатель.

13 января, как мы и договорились, Стив Коувэк пришел ко мне в два часа дня. На его губах блуждала доверительная улыбка.

— Доктор, если вы готовы продать мне ваш секрет, я покупаю его!

— Вы на самом деле думаете, что можете купить жизнь?

— Я могу купить все что угодно. Вопрос только в цене.

— Вы сможете купить будущее? — спросил я его.— Именно в будущем открытие методов лечения рака. Вы хотите купить его?

— Я покупаю его. Потому что вы мне его продаете,— ответил Стив Коувэк решительно.— Я знаю, с кем имею дело. Жду вашего предложения, доктор Фредерик.

То, что я предложил ему, было на первый взгляд совершенно нереальным. Но сначала я рассказал Коувэку о своих экспериментах по воздействию интенсивного холода на раковые клетки. Я подробно описал характер работы. К тому времени мои исследования не позволяли еще определить методику лечения, но я сделал огромный шаг вперед, применяя интенсивное воздействие чрезвычайно низких температур или, выражаясь более доступно, удаляя тепло из живых организмов. Я начал с экспериментов на лягушках и змеях, замораживая их и удаляя внутреннее тепло. Тем самым я переносил

жизненные процессы на более отдаленное время. Те же эксперименты позднее я проводил с мышами, собаками, кошками, а в самое последнее время — с обезьянами.

Коувэк слушал меня с огромным вниманием.

— Как вы возвращаете их к жизни? — спросил он.

— Я не возвращаю их к жизни. Жизнь в них не останавливается. В отсутствие тепла, которое и обусловливает созревание или старение, жизненные процессы временно прекращаются, но сама жизнь продолжается. Время и движение очень тесно взаимосвязаны. Под действием интенсивного холода движение замедляется, но теоретически внутри ядра атома движение прекратиться не может. С прекращением движения останавливается и время.

— Это болезненно?

— Насколько я понимаю, нет. Переход совершается слишком быстро.

— Я хотел бы увидеть эксперимент.

Я сказал ему, что в моей лаборатории есть обезьяна, находящаяся под воздействием холода семь недель. Мои ассистенты могли бы подтвердить это. Коувэк пошел со мной в лабораторию, и в его присутствии мы вернули обезьяну к жизни. Казалось, это было не самое худшее.

— А что при этом происходит с разумом?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Я никогда не пробовал этого на человеке.

— Но вы думаете, что все удастся?

— Почти уверен, что результат будет положительным. Мне для этого нужно только более высококачественное оборудование, рассчитанное на человека. Имея на это деньги, я смогу значительно усовершенствовать процесс.

Коувэк кивнул головой и достал из бумажника чек:

— Это — в соответствии с нашим договором, помимо того, что вам понадобится затратить на оборудование и подготовку. Вы свободны тратить столько, сколько хотите. Никакого потолка. А после того как я проснусь, когда будет найдено лечение, я добавлю к этой сумме второй миллион. Я не такой уж щедрый человек, но никогда не скуплюсь, когда покупаю, что хочу. Когда вы будете готовы?

— Это зависит от хода вашей болезни,— ответил я.— Мы не можем откладывать более чем на пять недель. К этому времени я буду готов. А вы?

— Я буду готов,— ответил Стив Коувэк.— Мне нужно решить достаточно много технических и юридических вопросов. Как вы, наверно, знаете, у меня много крупных интересов. А это — путешествие в неизвестность. Я также позабочусь о вашей юридической ответственности.

Потом он ушел, и все было решено. Возможно, состоялся самый диковинный договор, когда-либо заключенный между доктором и пациентом. Я стараюсь думать только об одном — теперь у меня есть миллион долларов, и я могу вложить его в мои исследования и мою работу.

Председатель Совета носил пенсне, и теперь он прервался, чтобы протереть его. Он откашлялся, перелистал бумаги и начал свое объяснение:

— Видите ли, план господина Коувэка был простым и вполне разумным. Так как его болезнь была неизлечимой, он хотел использовать единственную возможность — задержать ее ход до момента открытия методов лечения рака. Робость никогда не была чертой господина Коувэка. Он проанализировал ситуацию, взвесил все «за» и «против» и понял, что спасти его может только это. Он принялся за устройство своих дел так, чтобы гарантировать работу и преуспевание всех его предприятий, пока он будет отсутствовать, и возврат под его власть, когда он вернется к жизни.

Другими словами, он сформировал единую компанию, владеющую контрольными пакетами акций всех его предприятий. Он создал Совет директоров и поручил ему управлять в его отсутствие этой компанией, сделав себя заочным президентом и назначив заместителя, который бы осуществлял руководство, пока его не будет. Он принял ряд постановлений, ограничивающих действия администрации,— руководство офисами должно было каждые два года переизбираться, новые члены должны были каждый год пополнять Совет директоров и др. Все его распоряжения преследовали единственную цель — полный возврат власти к нему после его возвращения. Стив Коувэк создал уникальную структуру власти, беспрецедентную в истории экономики.

Компания-учредитель была освобождена от традиционных налогов, накладываемых в случае смерти владельца. Пока господин Коувэк не вернется, компания будет существовать. Естественно, во главе Совета директоров был поставлен доктор Фредерик.

Именно так возник наш Совет директоров.

Председатель позволил себе первый раз улыбнуться:

— Есть ли у вас вопросы по этой части,— мягко спросил он.

Новый член Совета из Японии поднялся со своего места и задал вопрос, почему, если дело только в этом, нельзя сообщить миру правду?

— Мы считали, что лучше этого не делать,— ответил президент.— Наш Совет имеет огромный вес и влияние в мире, но не имеет никакого права что-либо изменить в своей структуре. В Соединенных Штатах и Великобритании люди могли бы нормально воспринять эту информацию, но для Советского Союза и Китая она могла бы стать деструктивной. Вспомните, как однажды мы установили в Советском Союзе зону свободной торговли и ввели трех членов правительства в Совет директоров. С этого момента ситуация резко изменилась к худшему. Несмотря на контроль за всеми топливными запасами на земле, мы оказались неспособными избежать вспышки третьей мировой войны.

Именно поэтому ни размеры наших владений, ни количество наших доходов не могут не быть засекречены. Я говорю «мы»,— скромно заметил председатель,— имея в виду наших предшествен-

ников. Баланс нашей наличности был выше, чем вся казна Соединенных Штатов, наш промышленный потенциал — мощнее, чем у любой крупной державы. Поверьте мне, не имея специального намерения или цели, Совет директоров неожиданно обнаружил, что является доминирующей силой на земле. Поэтому так важно сейчас уяснить нашу позицию.

Новый член Совета из Австралии спросил:

— Сколько к тому времени прошло лет после визита господина Коувэка к доктору Фредерику?

— Это было в тот год, когда доктор Фредерик умер,— ответил председатель.— То есть через двадцать два года после начала эксперимента. Уже пять видов рака открыли свои секреты науке. Но для случая господина Коувэка методы лечения по-прежнему найдены не были.

— И все это время эксперимент оставался в тайне?

— Все это время,— подтвердил председатель.

— Видите ли,— продолжал он,— в то время Совет почувствовал, что весь мир охвачен кризисом и наступил момент для принятия решения. Я говорю «момент», потому что власть в руках Совета была преходящей. У нас не было ни армии, ни флота, ни авиации. Все, что у нас было,— основная часть средств производства. Мы знали, что не можем предотвратить войну, мы можем только отсрочить ее. Но Совет директоров был советом управления, а не советом силы, и в любой день предприятия, принадлежащие нам, могли быть вырваны из-под нашей власти. Именно тогда наши мудрые предшественники решили начать широкую пропагандистскую кампанию, целью которой было убедить мир, что мы представляем тайный парламент лучших и мудрейших сил человечества, и что мы, в сущности, работаем в интересах всего человечества.

И мы добились в этом успеха. Потому что телестанции, газеты, радио, кино и театр — все это принадлежало нам. В этот краткий удачный для нас момент мы начали атаку. Мы использовали методы Стива Коувэка — давайте будем достаточно честны, чтобы признать это. Мы действовали так, как действовал бы он, но совсем по иным причинам.

Мы подкупали, давали взятки, обвиняли невинных. Наши люди проникли в парламенты всех стран. Мы подкупили военачальников. Мы разоружили армию и флот под предлогом предоставления им нового оружия, супероружия. А затем уничтожили это супероружие под предлогом радения за судьбы человечества. Если кого-то из необходимых нам людей нельзя было подкупить, мы привлекали его к работе в Совете директоров. Кроме этого мы сумели взять под контроль каждую существующую на земле производственную единицу любого назначения — военного, промышленного, сельскохозяйственного.

Совету директоров потребовалось двадцать девять лет, чтобы добиться этого; и в конце этого срока вся планета стала единым комплексом, работающим на пользу человечества. Некое подобие национальных структур сохранилось, но они были скорее традицион-

ны и напоминали старую структуру штатов США. Войны, армии, флоты, ядерное оружие — все это существовало теперь только в воспоминаниях. Началась новая эра — эра разума и здравого смысла, эра плодотворной деятельности на благо человечества и ради человечества, объединенного единой моралью. Таким образом, мы стали людьми закона, равными перед законом и верными закону. Наш Совет директоров никогда не был правительством и не является им сейчас. Как и предполагалось изначально, он осуществляет общее руководство компанией-учредителем.

Сегодня компания-учредитель и совокупность принадлежащих человечеству богатств неразделимы. Поэтому наша ответственность так велика.

Председатель Совета протер платком лицо и выпил еще несколько глотков воды. С места поднялась молодая представительница США:

— Но, господин председатель, лечение всех видов рака было открыто шестьдесят два года назад.

— Именно так,— согласился председатель.

— Тогда Стив Коувэк,— представительница США сделала паузу. Она была красивой чувственной женщиной лет тридцати пяти, блестящим физиком и замечательным музыкантом.

— Видите ли, дорогая,— сказал председатель мягко и даже с некоторой фамильярностью (впрочем, его извиняли возраст и положение).— Мы должны были ответить за это. Мы создали законы для всего человеческого общества и подчинили им людей. Значит, и сами должны уважать эти законы. Шестьдесят два года назад Стив Коувэк завоевал мир со всеми его богатствами и стал диктатором над диктаторами, тираном над тиранами, королем и императором над всеми королями и императорами.

Тем временем несколько старейших членов Совета покинули зал заседаний. Через некоторое время они вернулись, вкатывая в зал прямоугольный ящик, пяти футов высотой, семи — длиной и трех футов шириной. Ящик был накрыт белым полотном. Они вкатили его на сцену и вернулись на свои места.

— Да, он завоевал мир. Подумайте об этом. Первый раз в истории человечества миром управляли представители всех национальностей. Заново были отстроены города, пустыни были превращены в сады, нищета и преступность отошли в прошлое. Человек поднял голову, распрямился. Он достиг других планет и звезд — и все благодаря одному жестокому, безжалостному, деспотичному параноику Стиву Коувэку. Тогда, как и сейчас, мои дорогие коллеги, Совет директоров столкнулся с проблемой, касающейся человека, которому мы обязаны существованием Совета, который, хотя и невольно, но объединил все человечество и ввел его в новую эпоху, человека, который наделил нас правом на власть и управление, человека, чьей собственностью мы управляем. Тогда, как и сейчас, мы имеем дело со Стивом Коувэком!

Председатель Совета почти театрально сделал шаг в сторону и одним движением снял покрывало с прямоугольного ящика. Взгляды всех членов Совета устремились на бокс. Они увидели, как под

стеклянным колпаком спит человек, сон которого — не жизнь и не смерть, а временной интервал. Это был Стив Коувэк, красивый, широкий в плечах, с прекрасным цветом лица и копной седых волос. Казалось, сон его легок, доверчив и полон ожидания — словно ему грезилось, как он проснется.

— Это Стив Коувэк,— сказал председатель.— Так он и спит год за годом. Без всяких изменений. Таким его видели ваши предшественники шестьдесят два года тому назад, когда впервые появились средства излечения его болезни и возникла необходимость вернуть его к жизни. Но члены Совета уже шестьдесят два раза совершили преступление — не сделали этого перед лицом закона, долга и священного обязательства. Можем ли мы понять их? Можем ли мы простить их? Можем ли мы понять и простить Совет, который год за годом принимал одно и то же решение. И сможем ли мы простить себя, если запятнаем нашу честь, нарушим закон и проигнорируем нашу преемственность долгу?

— Я не предлагаю обсуждать этот вопрос. Он никогда не обсуждается. Вам представлены факты, и остается только проголосовать. Поэтому всех, кто за возвращение господина Стива Коувэка к жизни, прошу поднять правую руку.

Председатель ждал. Долгие мгновения складывались в минуты, но ни одна рука не поднималась. Двое старейших членов Совета накрыли холодный, холодный бокс покрывалом и выкатили его из зала. Председатель собрания в очередной раз отпил из стакана и объявил:

— А теперь перейдем к обсуждению повестки дня.

МАГАЗИН МАРСИАН

Когда сержанту уголовного розыска Тому Бристолу было поручено взломать дверь и проникнуть в помещение, он получил возможность ознакомиться с фактическими материалами по делу. Собственно говоря, с этим мог отлично справиться любой слесарь с Централ Стрит — эти ребята вскрывали все что угодно; их репутация была заслуженной. Но здесь случай особый. Том Бристол отправился на задание с двумя молодчиками в форме, прихватив с собой ломы и прочие инструменты для работы.

Было установлено, что три новых магазина открылись одновременно — в один и тот же день и час. Помещения для них были арендованы также одновременно, и договора подписывались в одно и то же время. Все это говорило о том, что во главе дела стоял один человек — умный и методичный.

В Токио магазин располагался в лучшей части Гинзы. Помещение принадлежало одной из старейших фирм по производству ювелирных изделий и высокоточному оборудованию для изготовления часов, занимавшей по качеству продукции второе-третье место в Японии. Фирма аннулировала вступительную часть договора, отказавшись от каких бы то ни было объяснений по этому поводу в прессе. Позднее,

однако, выяснилось, что за аренду помещения фирме уплатили пятьдесят бриллиантов в три карата каждый. Они были безупречны по огранке и прекрасно сочетались. Специалисты высказывали мнение, что они из неизвестной до настоящего времени коллекции.

В Париже магазин открылся, конечно же, на улице Фобурж Сент Оноре. Понятно, что со свободными помещениями и там было непросто, и аренда обошлась в сорок миллионов франков. Некий портной (его имя не указано по просьбе правительства Франции) назвал эту сумму в шутку. Он не имел ни малейшего намерения сдавать свое помещение. Но когда агент, не моргнув глазом, подписал чек, таким образом поймав его на слове, ему ничего не оставалось, как согласиться на сделку.

Третий магазин был на Пятой авеню в Нью-Йорке. Незадолго до этого старая, перегруженная заботами фирма Делбоус прекратила борьбу с современными методами торговли, потратив на нее тридцать лет, из которых десять последних были исключительно неприбыльными. Магазин, который занимала фирма, находился в квартале между Пятьдесят второй и Пятьдесят третьей авеню на восточной стороне. Клайд и Абрахамс — фирма, управляющая недвижимостью, с удовольствием расторгла двадцатипятилетний договор об аренде, подписанный с Делбоус в 1937 году и автоматически удваивающий ее срок. Компания Слоукум — посредник заинтересованной стороны, руководители которой никогда не входили в детали договорных условий ни с Клайдом и Абрахамсом, ни позже с Тревором, фирмой по дизайну, не заявила протеста по поводу повышения суммы арендной платы, подписала договор и сразу же авансом заплатила всю сумму. Переговоры вел Артур Левис, один из младших компаньонов Слоукума. Волли Клайд и Абрахамс заметил, что компания Слоукум теряет свою силу. Левис пожал плечами и ответил, что действует в соответствии с инструкциями и что, если бы воля была его, он бы скорее удавился, чем согласился на такие грабительские условия.

Переговоры с фирмой Тревор также вел Левис. Ему было поручено представить фирме подробные планы оформления нового магазина и соглашаться с любой предложенной ими ценой. Он сделал это с большой легкостью — специальные инструкции, полученные им от руководства, говорили, что он должен иметь дело только с рекомендованными ему фирмами и идти на условия, которые ему предложат. Левис подчеркнул представителям Тревора, что подобная практика несовместима с принципами компании Слоукум и ни в коем случае не может быть использована в будущем.

Когда началось расследование по делу, представитель компании Тревор Самуэль Каррадайн передал оригинальные планы заказчика по дизайну и внутреннему оформлению магазина. Это были планы, полученные им от Левиса, вычерченные от руки на плотной бумаге светло-желтого цвета. Два специалиста по бумаге, один из которых — главный химик фирмы Харлин Миллз, произвели экспертизу, но оказались не в состоянии установить ее состав. Подобной бумаги они никогда раньше не видели. Они утверждают, что основа ее —

ни древесная, ни тряпичная. В настоящее время образец находится на химическом исследовании в лаборатории Крествуд.

Что касается магазинов, открывшихся в Токио и Париже, информация о них весьма похожа на информацию о магазине на Пятой авеню. Во всех трех случаях аренда и финансовые операции были произведены на тех же условиях и при тех же обстоятельствах. Последовательность событий была та же, принимая во внимание, конечно, особенности страны. Во всех магазинах внутренняя отделка была выполнена с исключительной фантазией. Кроме того, дизайн прекрасно сочетался с общим стилем улицы, на которой находился магазин.

Фирма Тревор запросила сто тысяч долларов за оформление. Фасад был отделан нержавеющими стальными панелями, оконные проемы расширены, старый дубовый портал заменен превосходной дверью, покрытой бронзой. Внутри все было в малиново-черных тонах с коврами и драпировками горчично-желтого цвета. Витрины и подставки — из стекла и бронзы. Работа дизайнеров снискала всеобщее одобрение. Вне сомнения, все три магазина были отделаны с великолепным, если не сказать потрясающим вкусом. Это был смелый и уникальный замысел — ничего шокирующего или вульгарного. Однако нужно заметить, что м-р Эрнест Серле, возглавляющий отдел дизайнеров Пятой авеню, обратил внимание на наличие в проекте своеобразных углов, необычных по градусам,— такую концепцию никогда не применяли американские специалисты.

На Пятой авеню, так же как в Париже и Токио, центральное место в декоре занимала хрустальная модель Марса, подвешенная к потолку и вращающаяся со скоростью планеты. До сих пор не выяснено, какой механизм приводил шар в движение. На нем была изображена уникальная карта поверхности Марса. В каждом из магазинов шар устанавливал глава фирмы после того, как внутренняя отделка помещений была полностью закончена. Большинство магазинов на Пятой авеню потрясают отделкой фасада, однако для нового магазина была характерна роскошная скромность, которая сделала бы честь даже Тиффани. И последний штрих — буквы, составляющие название магазина: «ПРОДУКЦИЯ МАРСА». Они были золотыми, полдюйма толщиной и пять дюймов высотой. Впоследствии было установлено, что их высекали из золотых слитков.

Все три магазина открыли двери десятого марта в девять часов утра по местному времени. В Нью-Йорке вывеска «ПРОДУКЦИЯ МАРСА» появилась за восемь дней до открытия магазина и вызвала волну любопытства со стороны населения и в прессе. Однако до десятого марта никакой информации представлено не было.

В течение восьми дней до открытия магазина в его витринах демонстрировались четыре предмета, каждый из которых стоял на небольшой хрустальной подставке, обрамленной черным бархатом. Они производили впечатление драгоценных камней, которыми в некотором смысле и являлись. Этими предметами были: часы, счетная машинка, подвесной мотор и музыкальная шкатулка. С первого взгляда узнаваемы были только часы — сверхточные, работающие

за счет изменения атмосферного давления. Материал, из которого они были выполнены, и необыкновенный дизайн во много раз превосходили все, что можно было купить в других магазинах.

Счетная машинка представляла собой черный куб размером немногим более шести дюймов. Корпус машинки изготовлен из неустановленного пока материала, похожего на пластик. Он был инкрустирован иероглифами, которые, как показала экспертиза, оказались образцами марсианской письменности. Иероглифы были белыми и золотыми. Машинка реагировала на человеческий голос и совершала математические операции по голосовому сигналу. Результаты в напечатанном виде появлялись из тонкого отверстия, расположенного в верхней части корпуса. Это происходило тотчас после приема звукового сигнала. Теоретически такой калькулятор мог быть сконструирован и изготовлен только двумя фирмами — одной в Германии, а другой — в Японии, но цена в этом случае была бы фантастической. Несомненно, должны пройти многие годы, прежде чем калькулятор будет усовершенствован до такой степени, что сможет справляться с тринадцатизначными числами, складывая, вычитая, умножая и деля только по голосовой команде.

Подвесной мотор размером с небольшую электрическую швейную машинку был изготовлен из необычного металла голубого цвета. Он весил четырнадцать фунтов и около шести унций. Два небольших электроконтактора могли присоединить его к лодке или тележке. При движении вперед включается небольшой атомный генератор, рассчитанный на тысячу часов непрерывной работы. Устройство снабжено глушителем, не поддающимся никакому объяснению. Мотор производит несравненно меньше шума, чем любой из известных до сих пор. Специалисты объясняют это тем, что высота звука данного мотора выходит за пределы возможностей человеческого слуха. Но кое-кто из компетентных инженеров отвергает эту гипотезу.

Несмотря на невероятное конструкторское решение атомного мотора, наибольшее внимание публики привлекла музыкальная шкатулка. Приблизительно таких же размеров, что и счетная машинка, она была выполнена из светло-желтого синтетического материала с серыми иероглифами. Два небольших углубления на верхней панели шкатулки служили для включения и выключения, а также для выбора категории исполняемой музыки. Таких категорий было двадцать две — симфоническая музыка (три хронологических раздела), камерная (три раздела), сольная фортепианная, сольная скрипичная музыка с аккомпанементом и без него, народная музыка, оперная (три раздела), оркестровая, избранные отрывки из симфонических произведений и опер, религиозная музыка (пять разделов), инструментальная, исполняемая на восьмидесяти двух музыкальных инструментах, и, наконец, пять разделов джазовой музыки и три раздела детской музыки.

Продавцы всех трех магазинов утверждали, что музыкальная шкатулка включает репертуар, состоящий из одиннадцати тысяч записей. Так как проверить это было невозможно, высказывались самые разнообразные мнения по этому поводу. То же касалось

приспособления по регуляции звука и тона с голоса. Бесспорно, качество звучания музыкальной шкатулки отличалось по уровню от любого из лучших массовых образцов, но специалисты воспринимали это не более как мошенничество. Мистер Хэрри Флэнери, консультант американской Радиокорпорации, однако, отметил, что данная музыкальная шкатулка могла быть сконструирована только при условии использования самых современных технических достижений — особенно в транзисторной радиоэлектронике. Так же, как и в случае со счетной машинкой, поражало не столько техническое решение, сколько невероятная степень мастерства. Мистер Флэннери добавил, что воспроизведение шкатулкой репертуара, состоящего из одиннадцати тысяч музыкальных произведений, свидетельствует об исключительной квалификации конструкторов и ставит их работу выше уровня современных представлений. В настоящее время, опросив свидетелей, мы составили список более чем из трехсот музыкальных произведений, достоверно воспроизведенных музыкальной шкатулкой.

Таковы были четыре экспоната, демонстрируемые в витринах всех трех магазинов. Те же предметы были выставлены для более подробного изучения в торговых залах. Часы были оценены в 500 долларов, счетная машинка — в 475, подвесной мотор — в 1620 долларов, музыкальная шкатулка — в 700. Эти цены в Париже и Токио полностью соответствовали нью-йоркским.

За день до открытия магазинов в газетах, например в «Нью-Йорк Таймс», появились объявления в четверть страницы, прямо и просто утверждающие, что люди с планеты Марс сообщают об открытии магазина на Пятой авеню, который продемонстрирует и примет заказы на четыре предмета продукции марсианской промышленности. Недостаточно широкий ассортимент товаров объяснялся тем, что это только первый шаг, пробный выход к земному покупателю. В объявлении чувствовалось стремление марсиан к дружественным коммерческим отношениям с землянами, а также отсутствие каких бы то ни было намерений подорвать экономический баланс, существующий на Земле. .

Вместе с тем объявление доводило до сведения читателей, что магазины будут принимать заказы на все образцы и доставка будет гарантирована в течение двенадцати дней.

Объявления были чуть ли не первыми откликами в прессе на открытие магазинов марсиан. Но едва ли не у каждого репортера было наготове одно-два сообщения об этом, без сомнения, исключительно впечатляющем и захватывающем событии двенадцатого века. Некоторые из газетчиков авторитетно утверждали — а слухи ходили по всему городу,— что за спиной марсиан стоит Дженерал Дайнемикс. Другие приписывали такой трюк Дженерал Электрик, Радио Корпорейшин и по меньшей мере еще десятку крупных промышленных предприятий. Третьи называли имена частных лиц — молодого талантливого коммерсанта, парижского художника-модельера или греческого пароходного магната. В то же время поговаривали о планах немецких промышленников захватить американ-

ский рынок сбыта, и само собой звучали намеки на то, что таким образом Советский Союз намеревается нанести удар по капитализму. Именно России приписывали американские инженеры такое высокое мастерство, но специалисты по дизайну отказывались признавать, что русские способны выполнить столь оригинальную и безупречную работу. Однако до тех пор, пока магазины не были открыты и не появилась возможность более подробно ознакомиться с демонстрируемыми экспонатами, никто не воспринимал эту историю слишком серьезно.

И вот десятого марта магазины открылись. В Нью-Йорке оно пришлось на понедельник. Магазин проработал до пятницы, а потом был закрыт. Насколько мы знаем, окончательно.

Но во все дни работы в нем были тысячи людей. Приборы демонстрировались снова и снова. Были оформлены многие сотни заказов, но аванс не принимался. В магазине на Пятой авеню работали пять высоких очаровательных женщин и один мужчина. Их обслуживание посетителей заслуживало самой высокой оценки. Но внешность их стала поводом для дискуссий. Дело в том, что лица скрывались за тонкими, обтягивающими кожу масками из материала типа латекс, которые, однако, не производили отталкивающего впечатления, а, наоборот, выглядели весьма приятно. На руках у них были перчатки из того же материала, таким образом, ни одного кусочка кожи открыто не было.

Джон Маттсон, корреспондент «Ньюс», на следующий день после открытия магазина писал: «Никогда еще обитатели двух планет не встречались при более многообещающих обстоятельствах. Имея возможность видеть марсиан и оценив их очарование, хотелось бы увидеть и марсианские лица. Откройте лица, дорогие, откройте лица! Земля, затаив дыхание, ждет этого!»

Профессор Хьюго Эллисон, известный американский астроном, посетил магазин по заданию журнала «Лайф». Вот отрывок из его статьи: «Если люди в масках в этом магазине — марсиане, тогда я могу сказать, что космос должен быть покорен. Я понимаю, что для астронома было бы странно останавливаться на описании красоты женских ножек или приятном журчащем акценте — моя жена с удивлением смотрела бы на меня, когда бы я ни наблюдал за красной планетой. Что касается отношения этой рекламной кампании к планете Марс, обычная интеллигентность заставляет меня воздержаться от комментариев...»

Вполне возможно, в Советском Союзе обо всем этом думали иначе. Известно, что на второй день работы магазина его посетили два джентльмена из русского посольства. Они предложили кругленькую сумму в миллион американских долларов за образец атомного подвесного мотора. Марсиане были вежливы, но тверды.

Через два дня публикации в нью-йоркской прессе о магазине марсиан заняли больше места, чем новости международной жизни. Они вытеснили информацию о кризисе на Ближнем Востоке; проблемы Тайваня переехали в «Тайме», к примеру, на семнадцатую страницу — десятки специалистов высказывали авторитетное мнение по

«марсианской» теме. Движение транспорта на Пятой авеню стало затруднено, для поддержания порядка и обеспечения нормальной работы других магазинов была послана дополнительно сотня полицейских на участки вблизи магазина марсиан. Ассоциация Пятой авеню приняла решение обратиться в суд с иском о закрытии магазина, объясняя это тем, что марсиане нарушили нормальный ход торговли в городе.

Почти то же самое происходило в это время на Фобурж Сент Оноре и Гинзе.

Одновременно с прессой спохватилась американская промышленность. Началась паника. По всей стране заседали советы директоров. В Вашингтон слетелись видные промышленные магнаты. Акции компаний по электронике, машиностроению и автомобилестроению продавались ниже уровня Доу — Джонса на двадцать шесть пунктов. Крупнейшая фирма по производству вычислительных машин и калькуляторов продала свои акции за десять минут до того, как данные появились в биржевых новостях,— они за день упали на сто восемьдесят пунктов. То же произошло в Лондоне, Париже и Токио.

Что касается разведывательной службы, она не была обеспокоена еще ровно один день. Но уже на четвертый день работы магазина, то есть в четверг, был послан официальный запрос в ФБР и полицейское управление Нью-Йорка, с тем чтобы определить, кто скрывался за вывеской «ПРОДУКЦИЯ МАРСА», и установить, где были изготовлены демонстрируемые экспонаты. Были ли они импортированы и уплачена ли при этом пошлина. Токийская и парижская полиция в то же время предпринимала те же шаги.

Не входя в подробности расследования, можно заключить, что власти оказались в тупике. Выяснилось, что банковские счета были открыты обычными людьми среднего достатка. Действующим агентам по почте были даны все полномочия и необходимые инструкции. Однако до вечера следующего дня расследование не было завершено.

К пятнице магазины марсиан оказались под наблюдением всевозможных служб — правительственных и полицейских. В Нью-Йорке установили круглосуточное наблюдение за объектом до получения дополнительных указаний из Вашингтона. Было отмечено, что в четверг вечером ни один из сотрудников не вышел из магазина. Витрины были плотно занавешены и открыты только утром, когда магазин начал работу.

В тот же день в Нью-Йорке и Вашингтоне прошли совещания, на которых обсуждалась целесообразность наложения запрета на дальнейшую работу магазина и поиска полномочий на это. В ходе дискуссии возникло вполне понятное сомнение — если выяснится, что это рекламный трюк какой-нибудь группы промышленников, вся Америка осмеет подобные действия. С другой стороны, опасно брать на себя ответственность — потерпевшая сторона может оказаться невиновной. Люди в гражданской одежде сотни раз входили и выходили из магазина в поисках зацепки. Но ничего не нашли.

В пятницу вечером магазин на Пятой авеню закончил работу как обычно. Витрины вновь были занавешены. В одиннадцать часов погасили свет. В три часа ночи дверь магазина открылась.

Пятая авеню была пуста. Исключение составляли четверо городских сыщиков, два агента федеральной разведки, два сотрудника ФБР и три частных детектива, нанятых Национальной промышленной ассоциацией. Одиннадцать стражей закона не сделали ни малейшей попытки завуалировать свои действия и остаться незамеченными. У магазина был только один выход. Прямо напротив него и стояли четыре машины.

Дверь магазина «ПРОДУКЦИЯ МАРСА» открылась, и из нее вышли пять человек. У каждого из них в руках было по свертку. Почти одновременно к выходу подъехал большой черный автомобиль, водитель открыл заднюю дверцу, и они сели в него. Дверца захлопнулась, и автомобиль отъехал, за ним незамедлительно последовали все четыре машины. Агентам были даны указания не прерывать естественного хода событий, не задерживать преследуемых, а следовать за ними, информируя по радио руководство в течение всего пути.

У нас есть точное описание автомобиля. По форме он напоминает «Континенталь», однако несколько превосходит его по длине. Заслуживает внимания необычная форма капота, более округлая, чем у обычных машин. В целом можно сказать, что по размерам автомобиль крупнее любой из известных моделей спортивных машин.

Автомобиль направлялся к жилым кварталам города. Не увеличивая скорости, он повернул к центральному парку, проследовал по Седьмой авеню и 11-й улице, затем отклонился на север и под 155-й улицей направился к скоростной дороге Харлем. Когда автомобиль подъехал к спидвею, к эскорту, следующему за ним, присоединились две полицейские машины. Подъезжая к мосту Джорджа Вашингтона, беглецы начали набирать скорость, и на мосту она была уже восемьдесят миль в час. Полицейские машины включили сирены и связались по радио с Управлением. Было дано указание еще нескольким полицейским машинам контролировать дорогу на Дикмэн Стрит.

Однако не прошло и нескольких секунд, как преследуемый автомобиль оторвался от земли, включив реактивный двигатель и выкинув крылья размером приблизительно семь футов. Казалось, остальные машины стоят на месте. Трудно сказать, какова была скорость автомобиля в момент взлета, но, по приблизительной оценке, она составляла не менее ста тридцати миль в час. Вскоре автомобиль скрылся из виду. Судя по звуку, он устремился в восточном направлении. Дважды радары зафиксировали его на высоте двадцать тысяч футов. Скорость была очень высока даже для реактивного двигателя. Военно-воздушные силы США незамедлительно получили информацию о происходящем, и через минуту на поиск вылетели самолеты, но искомый объект обнаружен не был. Он как будто растворился в воздухе. Во всяком случае радары его больше ни разу не зафиксировали.

Необходимо отметить, что ход событий в Токио и Париже был в большей или меньшей степени идентичным. И нигде работники магазина задержаны не были.

Такова история этого дела. С ней-то и ознакомился сержант уголовного розыска Том Бристол, прежде чем отправиться взламывать дверь магазина «ПРОДУКЦИЯ МАРСА». Материалы по делу не открыли ему ничего нового. Более того, он знал о нем гораздо больше. Его принципом было доскональное расследование, и, почти как любой житель Нью-Йорка, он в последние дни много размышлял над загадкой магазина марсиан. Характерной чертой Бристола было отвергать любые заключения, не подтвержденные фактами, которые можно было проверить практически. Но в данном случае воображение сержанта рисовало иллюзорные картины неизведанного, скрытого за дверью магазина «ПРОДУКЦИЯ МАРСА». Бристол был еще достаточно молод, чтобы относиться к своей работе с вдохновением. Он с нетерпением ждал часа, когда приступит к выполнению задания.

Городская полиция и ФБР решили подождать и не вскрывать дверь в субботу. Решение было передано в Токио и Париж. В результате в Нью-Йорке магазин был вскрыт несколькими часами позже, чем в Париже и Токио.

Когда Бристол приехал на Пятую авеню, его дожидались по меньшей мере дюжина человек. Среди них были комиссар полиции генерал-майор Арлен Мэк, начальник Управления, полковник разведки и люди из ФБР. Кроме того, около магазина собралась добрая сотня зевак, с трудом удерживаемая полицией. Комиссар был раздражен и заявил Бристолу, что он из тех, кто опаздывает даже на собственные похороны.

— Мне было приказано явиться в семь часов, сэр,— ответил Бристол.— А сейчас еще нет семи.

— Хорошо, не будем спорить. Приступайте к работе!

Говорить было легко... Когда они сорвали с двери бронзовую панель, под ней оказалась твердая стальная прокладка. В конце концов Бристол со своими помощниками выломали ее, а затем сбили дверные петли. Эта операция заняла целый час. Вход был свободен, но так же, как в Париже и Токио, магазин оказался совершенно пуст. Прекрасная хрустальная модель Марса была разбита. Осколки оказались в корзине для мусора. Бристол отправил их на Централ Стрит для экспертизы. Что касается остальных предметов, находящихся в магазине, ни один из них поврежден не был. Все стояло на своих местах. Не пропала даже ни одна из золотых букв с вывески магазина. Но восемь образцов — четыре из которых были выставлены в витрине магазина, и четыре экспонировались в зале — бесследно исчезли.

Представители высокого руководства провели в магазине около часа, рассматривая все и перешептываясь по углам. Кто-то вспомнил, что надо снять отпечатки пальцев, на что комиссар проворчал: «Люди в перчатках не оставляют отпечатков пальцев». К девяти

часам начальство покинуло магазин, и Бристол принялся за работу. С ним остались два сотрудника ФБР. Они с молчаливым восхищением наблюдали за работой ребят с Централ Стрит.

Как мы уже отмечали, методом Тома Бристола было доскональное расследование. Отец четверых детей, муж обожаемой им женщины, он был исключительно рассудителен и честолюбив. Он долго размышлял, прежде чем пришел к научным методам расследования, а потом развил свой метод до невиданных высот. В данном случае первое, что он сделал,— установил осветительное оборудование мощностью три тысячи ватт. Помещение магазина состояло из основного зала, небольшого офиса и туалетной комнаты, расположенной в глубине, и каждый уголок был максимально освещен. Затем Бристол и его помощники ввинтили портативные лампочки в пояса. Бристол сказал людям из ФБР:

— На первом этапе расследования необходимо что-нибудь найти.

— А вы знаете, что искать?

— Нет,— ответил Бристол.— Этого не знает никто. Но в некотором смысле это и упрощает задачу.

Сначала они сняли все драпировки и, разложив на полу белые листы бумаги, аккуратно с обеих сторон вытряхнули их, затем свернули и отложили в сторону. Пыль была собрана, завернута и пакеты промаркированы. Затем они подмели полы и второй раз прошли по ним пылесосом. Собранную пыль они снова запаковали и снабдили соответствующими ярлыками. После этого, каждый раз меняя пакет, они обработали дюйм за дюймом все пространство магазина — стены, потолок, затем карнизы и мебель. Пакеты аккуратно сложили и промаркировали. Потом Бристол вместе со своими помощниками отодвинул мебель и принялся кусок за куском вспарывать материю и прокладку. Из подушек был извлечен поролон. И снова все промаркировано.

— Эта часть работы в большей степени механическая,—пояснил Бристол людям из ФБР.— Рутина. Химический и микроскопический анализ мы делаем в управлении.

— Что вы имеете в виду под рутиной?

— Я имею в виду такую доскональную работу, как эта. Нам приходится выполнять ее не чаще, чем два-три раза в год.

В два часа ночи сотрудники ФБР вышли на улицу, чтобы купить кофе и бутерброды. Они принесли еду остальным. К четырем часам утра ковры были отправлены на Централ Стрит, а со стен туалета полностью удален кафель. Кроме того, Бристол и его ребята сняли водопроводную систему и демонтировали раковину и унитаз. Воскресное утро сержант Бристол встретил, внимательно изучая каждый дюйм поверхности металлических и деревянных предметов, обнаруженных в магазине.

Однако важная находка оказалась в письменном столе — современном письменном столе шведского производства из полированной березы. С лицевой стороны стол был украшен планкой из тикового дерева. Оторвав планку от стола, Бристол обнаружил кусок

пленки, размером менее дюйма в длину и около трех миллиметров в ширину. Когда он поднес ее к свету, держа пинцетом, и нацелил на нее увеличительное стекло, выяснилось, что это фрагмент кинопленки. В нем было шестнадцать полных кадров и часть семнадцатого.

Через несколько минут Бристол был уже в машине вместе с людьми из ФБР, направляясь на Централ Стрит. Только теперь он позволил себе высказать свое мнение вслух.

— Должно быть, они редактировали этот фильм. Я читал, что они очень точны и любят порядок. Но даже такие аккуратисты могут что-нибудь потерять. Даже марсиане,— с некоторым сомнением в голосе произнес Бристол.

Довольно странно, что сотрудники ФБР никак не прокомментировали его слова.

Работа Бристола была отмечена. Многие высказывали мнение, что он далеко пойдет. Его повысили в звании. Но не это главное. Несомненно, его будут вспоминать историки грядущих поколений как человека честного, умного и методичного.

Профессора Джулиуса Гольдмана также будут долго помнить. Руководитель отдела семитических языков в Колумбийском университете, он одновременно является ведущим филологом на Западе, если не во всем мире. Именно ему мы в наибольшей степени обязаны тем, что были расшифрованы ранние критские рукописи. Он стоял во главе еще одной блестящей работы — исследования этрусской письменности. Вместе с профессором Джакобсом из Оклахомы он является ведущим специалистом по языкам американских индейцев, в особенности по диалекту плайнс. На земле не существовало ни одного языка или диалекта, современного или мертвого, которым профессор Гольдман не мог бы быстро овладеть.

Возможно, это преувеличение. Но с момента, когда по просьбе Белого дома профессор прилетел в Вашингтон, чтобы возглавить комиссию, состоящую из пяти лучших филологов страны, не прошло и тридцати двух часов, как он справился с тем, что от него требовалось. Это дает нам право утверждать, что репутация профессора вполне заслуженна.

Благодаря богу или какой-то иной силе, определяющей нашу судьбу, Гольдман получил из рук властей, фигурально выражаясь, розеттский камень. Без него, как было отмечено в ходе обсуждения, марсианская письменность не могла быть расшифрована ни сейчас, ни, возможно, когда-либо позже. Розеттский камень, как вы помните, в свое время позволил раскрыть тайну египетских иероглифов благодаря наличию параллельного текста на других языках. В данном случае розеттским камнем послужил один из кадров имеющейся кинопленки, содержащий параллельный текст на английском и марсианском языках. Таким образом, подход к работе был найден. Этот случай можно назвать одним из наиболее исключительных во всей истории филологии.

Во вторник следующей недели президент Соединенных Штатов провел расширенное совещание в Белом доме. Кроме членов каби-

нета, на совещании присутствовали еще сорок человек, и среди них профессор Гольдман. Но не только Гольдман появился на совещании осунувшимся после длительного недосыпания. У каждого из присутствующих был подготовлен доклад. Впрочем, все доклады не слишком отличались один от другого.

Открывая совещание, президент повторил имеющиеся факты, остановился на различных точках зрения, высказанных специалистами, а затем заявил:

— Что, уважаемые господа, мы можем об этом думать? Некоторые из завершенных нами исследований в открытом космосе вывели звездную сферу из области интересов исключительно писателей-фантастов или доверчивых глупцов. Что касается данного случая, у нас по-прежнему нет твердого заключения, но, я надеюсь, к концу совещания мы сможем его сформулировать и одновременно наметить план действий. Нет необходимости повторять, что лучшие умы Америки по-прежнему считают магазины марсиан поразительной мистификацией нашего века. Если это действительно так, во имя чего была разыграна эта странная шутка, стоившая ее организатору и воплотителю сотни миллионов долларов?

Справедливости ради я отвергаю такое заключение, так же как не могу поддержать мнения, что мы явились свидетелями грандиозной рекламной кампании. У меня есть по этому поводу своя точка зрения, но я воздержусь высказывать ее до того, как обсуждение будет закончено.

Как многим из вас известно, благодаря энергии и изобретательности Управления полиции Нью-Йорка, в магазине на Пятой авеню был найден небольшой фрагмент кинопленки. Ничего равноценного этому не было обнаружено ни в парижском, ни в токийском магазине. Тем не менее я пригласил на это совещание послов Франции и Японии, так как выбор пал на эти страны точно так же, как на Америку. Не могу сказать, что их интерес к этому вопросу больше, чем интерес других стран, потому что, возможно...

Президент сделал паузу и пожал плечами. В его голосе чувствовалась усталость.

— На этом я останавливаюсь и передаю слово профессору Гольдману из Колумбийского университета, нашему крупнейшему филологу, чей вклад в проделанную работу трудно переоценить.

В начале своего выступления профессор Гольдман отметил, что данная работа была проведена совместно с коллегами, которые не присутствуют на совещании. Вшестером они подготовили общий доклад, с которым он и ознакомит собравшихся. Но прежде он предлагает посмотреть фрагмент кинопленки.

В зале погасили свет, и на экране появился первый кадр. На нем можно было видеть вертикальные столбцы, получившие теперь название марсианских иероглифов. То же повторялось во втором кадре. Затем появился кадр, который и являлся своеобразным розеттским камнем. Наверху заглавными буквами на английском языке было написано: СОСТАВЛЕНО ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ ОТ 16 ДО 19 ЛЕТ. Под этими словами также по-английски можно было про-

читать: Общее предупреждение. Любое намерение побега или сопротивления будет наказываться длительным воздействием на третичный нерв.

И ниже: Столовая — желтокожие девочки от 7 до 10 лет.

Последняя строчка на английском языке гласила: Бродя среди наречий и племен в сиянье золотом прекрасных сфер... *.

Под предложениями, написанными по-английски по горизонтали, шли вертикальные столбцы марсианских иероглифов.

Профессор Гольдман делал необходимые пояснения:

— Этот кадр дал нам ключ к расшифровке, но мы не претендуем на точное толкование того, что означают эти надписи.

Мы консультировались с компетентными специалистами в области медицины, и они высказали предположение, что определенный вид воздействия на третичный нерв может вызывать самые страшные боли, которые когда-либо приходилось испытывать человеку. Строка из Китса, как нам кажется, ничего не проясняет. Ее объяснение остается для разгадки в будущем, если вообще это когда-нибудь будет объяснено. Все остальные кадры, как вы видите, содержат только иероглифы.

В зале снова загорелся свет. Профессор Гольдман устало вздохнул, протер очки и сказал:

— Прежде чем я представлю вам наш отчет, хотелось бы остановиться на некоторых специфических особенностях языка. Когда филологи берутся за разгадку тайн древнего языка, дело не сводится к прямой расшифровке. Расшифровка — это вопрос криптографии. Задача криптографа выполнена, когда найден код. Послание может быть прочитано. Иной подход у филолога. Разгадка языковых морфем — первый шаг на долгом и трудном пути. Ни один человек и ни одна группа людей никогда еще не были в состоянии полностью восстановить древний язык. Это может быть достигнуто только совместными усилиями ученых разных стран и требует работы нескольких поколений...

Я говорю вам об этом, потому что, возможно, ваши надежды слишком оптимистичны. У нас было слишком мало материала для работы — всего несколько слов и цифр; мы имеем дело с неопосредованным языком, абсолютно для нас чуждым, и в нашем распоряжении было лишь несколько часов. Поэтому, хотя мы и имели возможность извлечь что-то из двух представленных кадров, все же осталось множество пропусков и загадок. Но есть три обстоятельства, которые говорят в нашу пользу: во-первых, все языки на Земле и, возможно, во всей Вселенной обладают развитой логической взаимосвязью, во-вторых, содержание данных кинокадров связано с жизнью на Земле, и последний аргумент — к счастью, перед нами алфавитная форма письменности, состоящая, насколько мы можем определить, из сорока одного буквенного знака, по меньшей мере тридцать из которых — согласные. Консонантные формы предполагают такую голосовую организацию, которая немногим отли-

---

* Перевод И. Ивановского.

чается от земной. В конечном счете способ звукоизвлечения детерминирован физическими характеристиками воспроизводящего их субъекта. Однако я считаю — и мои коллеги согласны со мной,— что нет никаких оснований утверждать, что существует связь между данным языком и каким-либо из известных языков на Земле. Поэтому я воздерживаюсь от комментариев относительно происхождения языка. Это не моя область, и это не являлось целью моей работы.

Президент кивнул головой:

— Мы понимаем, профессор.

Гольдман продолжал:

— Нам кажется, что наиболее эффективным будет показ результатов нашей работы на экране. Перевод неполон — его легче принимать зрительно, чем на слух.

Свет в зале погас, и на экране появился следующий заголовок: Экспериментальный частичный перевод текста из первых двух кадров фрагмента кинопленки, представленной для работы нижеподписавшимся.

Затем следовало:

——жадный, похотливый — [предназначенный?], [занимающиеся] массовый [убийство?] [смерть?] — [время] поколения [кого?] убийство —— [послушный?] [готовый?] И когда выражение вели ———— [именуемый?] [мнимый?] [хвастливый или мнимый?] человек [или человечество?] ——— [сравнивать с?] [приравнять к?] болезнь [или чума, или ржавчина] на лице [справедливой] [богатой?] планеты [или земного шара] ————

Профессор Гольдман комментировал представленный текст:

— Это первый кадр. Как вы видите, наш перевод — пробный и неполный. Слова, которые даны в скобках,— предположительны. Более точный результат мог быть получен только на основании значительно большего по объему фактического материала. Теперь я предлагаю вашему вниманию второй кадр.

На экране возник новый отрывок перевода:

Сила [или насилие] понял [или реагировал на] —— человек [или человечество] —— —— примитивный [или номер один] развитие атомной [сила или мощность или двигатель] —— —— —— [космическая станция или малая планета] —— [возможно не имеющий отношения к космической станции] —— —— [открытый космос?] [вакуум?] негативный [длинноствольное оружие] [орудие?] —— ——— ———— [суеверие?] [невежество?] [безумный] —— ——

Собравшиеся, не отрываясь, напряженно вглядывались в текст, стараясь связать слова воедино и одновременно слушая пояснения Гольдмана:

— Когда мы заключаем в скобки несколько слов подряд, это значит, что мы не уверены, которому из них отдать предпочтение. В сущности, переведены только отдельные слова...

Усталый, монотонный голос профессора оборвался. На экране появились имена шести филологов. Затем в зале загорелся свет, и наступила глубокая, продолжительная тишина. В конце концов госсекретарь, посмотрев на президента и получив от него знак одобрения, поднялся с места и обратился к профессору Гольдману:

— Мне бы очень хотелось услышать ваше мнение, профессор... Этот текст — фальшивка? Он земного происхождения? Или мы действительно имеем дело с марсианами? Я не боюсь произнести это слово вслух. Каждый из нас думает так, но все молчат. Каково ваше мнение, профессор?

— Я ученый и филолог, сэр. Я формирую общее мнение, только когда располагаю точными фактами, доказывающими их правоту. В данном случае я таковых не имею.

— Но у вас больше фактов, профессор, чем у кого бы то ни было на Земле! Вы смогли прочесть эту диковинную невнятицу!

— Я знаю не более, чем вы, сэр,— мягко ответил Гольдман.— Все, что прочитал я, прочли и вы.

— Но вы подходите к этому как филолог,— настаивал госсекретарь.

— Да.

— Тогда скажите, как филолог, каково ваше мнение о возможности земного происхождения этого языка?

— Как я могу ответить на такой вопрос, сэр? Чего стоит мое мнение, основанное на столь мизерном материале?

— А не видите ли вы связи с каким-либо из известных земных языков?

— Нет, нет. Я не знаю,— ответил Гольдман, печально улыбаясь.

И снова наступила тишина. В зале появился один из секретарей президента и раздал копию отчета каждому из присутствующих. Наступила еще более длительная пауза. Все погрузились в изучение отчета. Потом слово попросил посол Франции.

— Господин президент,— заявил он,— члены кабинета и многие из собравшихся в этом зале знают, что правительство моей страны вчера также собиралось для обсуждения этого вопроса. Мне было дано указание при определенном стечении обстоятельств обратиться к вам с просьбой особого характера. Я думаю, что теперь ситуация именно такова. Я прошу срочно вызвать посла Советского Союза.

Это, казалось, никого не удивило. Позвонили в советское посольство. Судя по всему, посол ждал этого, потому что через несколько минут появился в зале. Первым делом он заявил, что намерен также представлять КНДР, а в случае несогласия покинет Белый дом. Президент США подавил улыбку и утвердительно кивнул головой. Советскому послу вручили копии отчетов, и, после того как он ознакомился с ними, совещание возобновилось. Оно продолжалось до трех часов ночи с пятницы на субботу. Выступили тридцать два технических специалиста. Затем был объявлен пятичасовой перерыв, и дальнейшая работа проходила совместно с представителями Индии, Китая, Великобритании, Италии и Германии. Через четыре дня

заседание закрыли и сразу же была созвана чрезвычайная сессия Ассамблеи ООН. К этому времени профессор Гольдман со своими коллегами — филологами из Японии, Китая и России закончили перевод фрагмента кинопленки. Перед тем как полный перевод был опубликован в международной прессе, его предложили для рассмотрения делегатам Ассамблеи ООН.

Спустя неделю после того, как сержант уголовного розыска Том Бристол взламывал дверь магазина на Пятой авеню, на Ассамблее ООН с обращением выступил премьер-министр Индии.

— Весьма прискорбно,— сказал он с некоторой печалью в голосе,— что мы, будучи так глубоко презираемы другой планетой, культурой и людьми, можем найти не слишком много аргументов в свое оправдание. Как близко мы подошли к гибельной черте, отмеченной этими людьми из открытого космоса! Как страшно осознавать, что мы должны навсегда проститься с прекрасными мечтами о мирном и счастливом будущем! Будет ли для нас утешением необходимость объединить усилия против нового врага вместо того, чтобы бороться друг против друга?

Я верю в это и молюсь об этом, потому что моя страна беззащитна и находится в стороне от великих мировых процессов. Господа, Индия — ваша. В ней миллионы людей, готовых работать на благо всей планеты. Великое множество заводов и шахт — в распоряжении всего мира, и я всем сердцем надеюсь, что у нас хватит времени построить новые промышленные объекты.

Затем выступили представители Советского Союза и Соединенных Штатов. Посланцы Китая и еще восьми стран были допущены на Ассамблею ООН без права вето. Было решено провести серию международных акций, которые через месяц привели к созданию мировой космической программы, предусматривающей совместное строительство четырех крупных орбитальных станций, формирование подразделения атомных космических кораблей, конструирование военной базы оборонного значения на Луне под контролем ООН. Был принят также план по защите Земли, рассчитанный на три года, и, наконец, сформировано мировое правительство, включающее руководителей суверенных государств.

Через три месяца после выдающейся находки сержанта Бристола первый мировой свод законов был представлен на утверждение Генеральной Ассамблеи ООН. Началась ликвидация устаревших видов вооружений — артиллерии, военно-морских кораблей старого типа, управляемых снарядов, малокалиберного оружия. Все это говорило о начале работы мирового правительства.

Менее чем через год одна из крупнейших в мире промышленных компаний Калпепер Моторс объявила о создании аналогичного марсианскому атомного подвесного мотора. Никто не воспринял эту информацию всерьез. Однако, когда люди вглядывались в небо, едва различая красноватые отблески Марса, в их сердцах страх сменялся доверительностью.

Человечество вдруг по-новому осознало себя. Люди поняли, что составляют одну нацию — нацию человечества. Это было начало

нового мышления, непростое и непривычное, но начало. И его отмечали во всем мире.

Одним из таких мест был особняк господина Франклина Харвуда Пламмера, расположенный в округе Путнэм в Нью-Йорке. Дом состоял из восьмидесяти трех комнат и находился на территории в одиннадцать сотен акров. Празднование было пышным — соответственно месту и обстоятельствам. Господин Пламмер имел обыкновение устраивать грандиозные приемы, которые в то же время оставались как бы незамеченными прессой. Нельзя сказать, что этот факт не имел отношения к тому, что Пламмер контролировал львиную долю издательств. Тем не менее, нынешний прием был исключительным — число приглашенных составляло триста двадцать семь человек, не считая самого хозяина и его восемнадцати коллег из Совета директоров Калпепер Моторс.

Господин Пламмер являлся президентом компании Калпепер Моторс. Ему было пятьдесят восемь лет. Чистый капитал компании составлял пятнадцать миллиардов долларов. Собственность компании уступала только американской фирме Тел и Тел, но если кому-нибудь пришлось бы рассмотреть связи и влиятельность девятнадцати членов Совета директоров Калпепер Моторс, вопрос о приоритете становился бесполезным. Фактическим хозяином всей собственности являлся господин Пламмер, которого лучше всего может характеризовать история его жизни. Тридцать пять лет назад Пламмер начинал токарем в старых мастерских Люетт. Он сам проложил себе нелегкий путь наверх. В современной истории Америки можно насчитать несколько подобных случаев, но не более чем пальцев на одной руке.

Господина Пламмера не любили даже в кругу близких друзей. Конечно, его уважали и боялись, но для всех, кроме членов его семьи и университетских товарищей, он оставался странным и непредсказуемым человеком. Пламмер был высок и широк в плечах, с багровым лицом и седыми волосами. Сейчас он стоял во главе стола в огромной гостиной гигантского, тесно уставленного мебелью дома и жаловался, что не умеет играть в гольф. Триста двадцать семь гостей и восемнадцать коллег позволили себе слегка улыбнуться.

— Нет,— продолжал господин Пламмер,— никакого гольфа, никакого тенниса и никаких яхт. Я всегда был чрезвычайно деловым человеком. Моим основным занятием было делать деньги. Если иногда моя совесть нуждалась в допинге, я вспоминал единственное остроумное высказывание поразительно неостроумного человека, Кальвина Кулиджа: «Бизнес Соединенных Штатов — есть бизнес». Этот афоризм всегда придавал мне силу.

Господин Пламмер улыбнулся. У него была неожиданная и заразительная улыбка. Улыбка человека, через много лет возвращающегося в родной городишко в шикарном кадиллаке.

— Я люблю делать деньги,— скромно сказал он.— Меня часто обвиняют в стремлении к власти. Ерунда! Меня прельщает только одна вещь, выражаемая отвратительным и откровенным словом —

барыш. Я имею его и буду иметь всегда. Вместе со мной этим заняты восемнадцать моих коллег, сидящих сейчас за столом по обе стороны от меня. Ради этого им, как и мне, приходится быть прямыми и грубыми. Но если есть Бог, я благодарю его за то, что меня никогда не учили хорошим манерам. Я всегда преследовал только две цели. Первая — прибыль во всем. В этом я добился успеха. Я сумел укрепить компанию Калпепер Моторс настолько, что каждые пять лет ее капитал возрастает вдвое. И вторая — я собрал вокруг себя лучших представителей человеческого рода. Не буду объяснять, что значило для меня работать с каждым из трехсот двадцати семи человек, присутствующих здесь. Думаю, вы сами можете догадаться.

Я рассказал об этом, чтобы успокоить тех, кто, сотрудничая с нами, получал деньги в отличие от других, которые не получили ничего. Те, кому заплатили, возможно, почувствуют некоторую вину. На это я могу сказать — нонсенс! Никто не делает ничего исключительно ради денег — всегда присутствуют другие причины. Но о себе я знаю, что пошел на это дело только ради долларов и центов — просто и ясно, и то же сделали вначале мои более чем святые коллеги из Совета директоров. Но в процессе работы мы изменились. Мои коллеги теперь могут перестать желать мне смерти. Я действительно люблю их такими, какие они есть. Два года назад, когда мы начинали это дело, я ничего подобного к ним не испытывал.

Среди нас находится Джоунс Вейн из Форт Файет, Кентукки. Этот человек — старый кузнец, и, возможно, лучший в Америке мастер по металлу. Без него мы бы не справились. Тем не менее он не взял с меня ни доллара, даже на покрытие собственных расходов. Он глубоко верит в Бога и относится к нашей работе так, как будто делал ее для Бога, а не для меня. Возможно, так оно и есть. Не знаю. За одним столом с ним сидит господин Орендель, посол Франции. Он далеко не миллионер, и его расходы были нами оплачены. Между нами нет секретов. Но мы все связаны на всю жизнь нашей тайной и умрем с ней. Профессор Джулиус Гольдман был, как вы знаете, центральной фигурой в нашем плане. Для него оказалось совсем несложным расшифровать марсианскую письменность, но далеко не так просто было изобрести ее — эта задача заняла у него больше времени, чем разработка атомного мотора у конструкторов. Он не возьмет денег — не потому, что он религиозен, а потому, как он сам это объясняет, что он — ученый. Комо Агучи, физик — он сидит рядом с профессором Гольдманом — получил от меня сто тысяч долларов, которые собирается потратить на лечение умирающей от рака жены. Можем ли мы осуждать его? Или нам следует объявить войну раку?

Что можно сказать о сержанте уголовного розыска Томе Бристоле? Честный ли он полицейский? Он получил четыреста акций Калпепер Моторс — по сотне на каждого из своих детей. Он хочет, чтобы они учились в колледже, и они будут учиться. Мисс Клементине Арден, возможно, лучшему дизайнеру на Земле и на Марсе, мы заплатили сорок тысяч долларов за первоклассную оформительскую работу. Цена, назначенная ею, была вполне оправданной. Мисс

Арден — трезвая деловая женщина, и если она сама не позаботится о себе, кто это за нее сделает? В то же время она отказалась от других заказов. Но не отказалась от нашего.

Да, мои дорогие друзья, дамы и господа, похоже, мы с вами больше никогда не встретимся. Мой отец всю жизнь был рабочим. Он всегда говорил мне, что, если бы мне когда-нибудь удалось открыть магазин, пусть даже самый маленький, моя жизнь перестала бы быть предметом прихотей и капризов хозяев. Возможно, он был прав. С вашей любезной помощью я открыл три магазина. Если вас интересует, я могу сообщить вам, что их общая стоимость составила приблизительно двадцать один миллион долларов. Это было исключительно выгодное капиталовложение. За следующие три месяца компания Калпепер Моторс пополнила свой капитал суммой, в пять раз превышающей затраченную изначально. Магазины марсиан сделали свое дело.

Это все, что я хотел вам сказать. Многие из вас, наверняка, сожалеют, что не будет воздвигнуто памятников, которые бы увековечили нашу работу. Мне хотелось бы, чтобы это стало возможным. Но, увы, будем смотреть правде в глаза — это нереально. Что касается лично меня, я думаю, что, когда внутреннее состояние человека доходит до определенной точки, после которой он начинает испытывать дискомфорт, ему лучше держаться подальше от паблисити... Храните нашу тайну. Храните ее не потому, что вам не поверят. А потому, что вас засмеют...

По прошествии некоторого времени встал вопрос об экспонировании единственной ценности, оставленной «космическими коммерсантами», как их теперь стали называть. Это были золотые буквы с вывесок магазинов. В конце концов было принято решение выставить их в стеклянном экспозиционном ящике в Организации Объединенных Наций. Посетители национальных музеев Франции и Японии также всегда могут лицезреть это высеченное из золота напоминание:

Продукция Марса.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт Хайнлайн. **Хозяева марионеток** 5
Лестер Дель Рей. **День гигантов** 171
Майкл Муркок. **Приносящий Бурю** 281
Говард Фаст. **Рассказы** 417
Холодный, холодный бокс 419
Магазин марсиан 429

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА

Том II

Перевод с английского

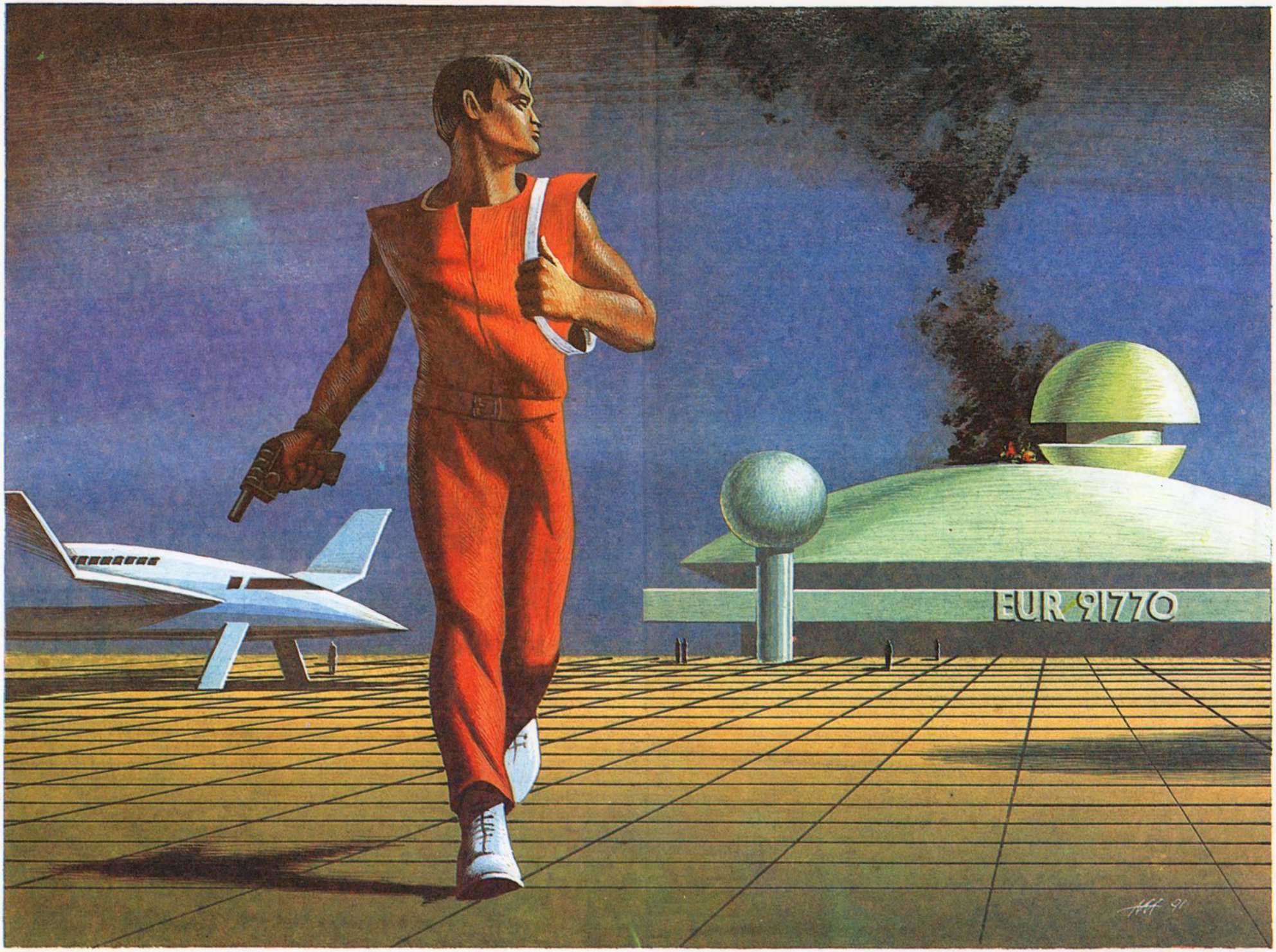
Составители *Юрий Никитин, Александр Томберг*
Общая редакция *Любови Антиповой*

Художественный редактор *Владимир Белоусов*
Технический редактор *Наталья Богданова*
Корректор *Татьяна Карасева*

Сдано в набор 29.06.91. Подписано в печать 05.09.91. Формат 60×90/16. Печ. л. 28. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отт. 28. Уч.-изд. л. 32,12. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1-149.

Издательство «Змей Горыныч»,
109028, Москва, Солянка, 9.

Харьковская книжная фабрика «Глобус»,
310012, Харьков, Энгельса, 11.

EUR 91770